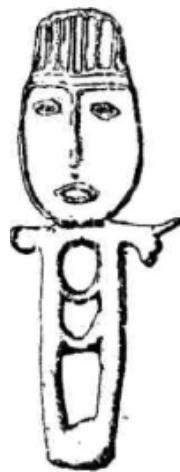

Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**ВЕСТНИК
АНТРОПОЛОГИИ
HERALD OF ANTHROPOLOGY**

2023 № 4

**Журнал «Вестник Антропологии» учрежден решением Ученого совета
Института этнологии и антропологии РАН 20 марта 2014 г.**
Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации
Регистрационный номер ПИ № ФС77-61734

*Журнал входит в систему
Russian Science Citation Index (RSCI)*

*12 февраля 2019 г. приказом Минобрнауки России
№ 21-р «Вестник Антропологии» включен в Перечень
рецензируемых научных изданий, в которых должны
быть опубликованы научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук*

ГЛАВНЫЕ РЕДАКТОРЫ

Мартынова М. Ю. (социокультурная антропология),
Васильев С. В. (физическая антропология)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Анчабадзе Ю. Д., Бондаренко Д. М., Боруцкая С. Б., Буганов А. В., Бутовская М. Л.,
Герасимова М. М., Дубова Н. А., Казьмина О. Е., Каландаров Т. С., Канукова З. В., Крадин Н. Н.,
Мажиа А. (Итальянская Республика), Пушкирова Н. Л., Радойичич Д. (Республика Сербия),
Харламова Н. В., Халид А. (США)

ОТВЕТСТВЕННЫЕ СЕКРЕТАРИ

Григорьева О. М. (физическая антропология), Зыкина О. А.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Тишков В. А. (председатель, РФ), Балзер М. (США), Бутитта И. Э. (Итальянская Республика),
Васильев С. В. (РФ), Веселовская Е. В. (РФ), Головнев А. В. (РФ), Гонсалес Алкантуд Х. А.
(Испания), Дроздова Е. (Чешская Республика), Кобылянский Е. (Израиль), Мартынова М. Ю.
(РФ), Паскуалино К. (Франция), Пашалы П. М. (Республика Молдова), Печенкина К. (США),
Радойичич Д. (Республика Сербия), Слезкин Ю. (США), Функ Д. А. (РФ), Хан В. С. (Республика
Узбекистан), Чae-ван Лим (Республика Корея), Чистов Ю. К. (РФ), Юхас К. (Венгрия).

Адрес редакции:

119991 Москва, Ленинский проспект, 32-А
Институт этнологии и антропологии РАН

Контакты:

По вопросам физической антропологии

Васильев Сергей Владимирович
vasbor1@yandex.ru

По вопросам этнологии, социокультурной антропологии

Мартынова Марина Юрьевна
martynova@iea.ras.ru
journal_of_anthropology@mail.ru

Интернет-сайт: <https://journals.iea.ras.ru>

ISSN (print) 2311-0546

ISSN (online) 2782-1552

© Институт этнологии и антропологии РАН, 2023

© Журнал «Вестник антропологии», 2023

The journal “Herald of Anthropology” was established by the RAS Institute of Ethnology and Anthropology Academic Council decision of 20/03/2014

The journal is registered with the Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media of the Russian Federation. Registration number PI No. FS77-61734

*The Journal is indexed in the
Russian Science Citation Index (RSCI)*

By the order No.21-p of The Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation of 12/02/2019 “Herald of Anthropology” is included in the list of peer-reviewed scientific journals recommended for publishing scientific results of theses for Candidate and Doctoral scientific degrees

EDITORS-IN-CHIEF

M. Yu. Martynova (Social/Cultural Anthropology),
S. V. Vasilyev (Physical Anthropology)

EDITORIAL BOARD

Yu. D. Anchabadze, D. M. Bondarenko, S. B. Borutskaya, A. V. Buganov, M. L. Butovskaya, N. A. Dubova, M. M. Gerasimova, O. E. Kazmina, T. S. Kalandarov, Z. V. Kanukova, N. N. Kradin, N. V. Kharlamova, A. Khalid (USA), A. Maxia (Italy), N. L. Pushkareva, D. Radojičić (Serbia)

EXECUTIVE EDITORS

O. M. Grigorieva (Physical Anthropology), O. A. Zykina

ADVISORY BOARD

V. A. Tishkov (Chairman, Russia), M. Balzer (USA), I. E. Butitta (Italy), Yu. K. Chistov (Russia), E. Drozdova (Czech Republic), D. A. Funk (Russia), A. V. Golovnev (Russia), J. A. González Alcantud (Spain), K. Juhász (Hungary), V. S. Khan (Uzbekistan), E. Kobylansky (Israel), Chae-wan Lim (Korea), M. Yu. Martynova (Russia), P. M. Pashaly (Moldova), C. Pasqualino (France), K. Pechenkina (USA), D. Radojičić (Serbia), Yu. Slezkine (USA), S. V. Vasilyev (Russia), E. V. Veselovskaya (Russia)

Address:

119991 Moscow, Leninskiy prospect, 32A
RAS Institute of Ethnology and Anthropology

Contacts:

Ethnology, Social/Cultural Anthropology

Marina Yurievna Martynova

martynova@iea.ras.ru

journal_of_anthropology@mail.ru

Physical Anthropology

Sergei Vladimirovich Vasilyev

vasbor1@yandex.ru

Web: <https://journals.iea.ras.ru>

ISSN (print) 2311–0546

ISSN (online) 2782–1552

© RAS Institute of Ethnology and Anthropology, 2023

© Journal “Herald of Anthropology”, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Антропология будущего

Андреев А. Л. К характеристике современной российской ментальности: связь прошлого, настоящего и будущего

Кульбачевская О. В. Патриотизм молодежи как стратегический ресурс развития России: потенциал, вызовы, риски

Томаска А. Г. Особенности идентичностей населения Республики Саха (Якутия)

Щербина Е. А. Патриотизм в региональном измерении (на примере Карачаево-Черкесской Республики)

Воронцов С. В., Загребин А. Е. Молодежные проблемы в социологическом измерении (на материалах республик Башкортостан, Марий Эл, Удмуртия, Мордовия, Чувашия)

Зыкина О. А. Общероссийская идентичность и гражданская активность студенческой молодежи на примере Москвы, Кировской области и Северной Осетии

Идентичность и историческая память

Буганов А. В. Историческое сознание русских крестьян XIX – начала XX вв.

Антропология гендерна

Bogdanović B. The Gender Perspective of the Women’s Press in Socialist Yugoslavia: The Representation of Masculinity in the Women’s Magazine „Bazar“

Абдулкаримов С. А. Спортивный феминизм: вызовы эмансипации

Anthropology of the Future

Andreev, A. L. On the Modern Russian Mentality: The Connection Between the Present and the Future

7
Andreev, A. L. On the Modern Russian Mentality: The Connection Between the Present and the Future

Kulbachevskaya, O. V. Youth Patriotism as a Strategic Resource for Russia’s Development: Potential, Challenges, Risks

20
Kulbachevskaya, O. V. Youth Patriotism as a Strategic Resource for Russia’s Development: Potential, Challenges, Risks

Tomaska, A. G. The Republic of Sakha (Yakutia) Population Identities

37
Tomaska, A. G. The Republic of Sakha (Yakutia) Population Identities

Щербина Е. А. The Regional Dimension of Patriotism (The Case of the Karachay-Cherkess Republic)

51
Shcherbina, E. A. The Regional Dimension of Patriotism (The Case of the Karachay-Cherkess Republic)

Vorontsov, V. S. and A. E. Zagrebin. Youth Problems in the Sociological Dimension (The Case of the Republics of Bashkortostan, Mari El, Udmurtia, Mordovia, and Chuvashia)

59
Vorontsov, V. S. and A. E. Zagrebin. Youth Problems in the Sociological Dimension (The Case of the Republics of Bashkortostan, Mari El, Udmurtia, Mordovia, and Chuvashia)

Zykina, O. A. Russian Identity and Civic Engagement of Students. The Case of Moscow, Kirov region and North Ossetia

74
Zytkina, O. A. Russian Identity and Civic Engagement of Students. The Case of Moscow, Kirov region and North Ossetia

Identity and Historic Memory

Buganov, A. V. The Historical Consciousness of Russian Peasants in the 19th – early 20th Centuries

89
Buganov, A. V. The Historical Consciousness of Russian Peasants in the 19th – early 20th Centuries

Anthropology of Gender

Bogdanović B. The Gender Perspective of the Women’s Press in Socialist Yugoslavia: The Representation of Masculinity in the Women’s Magazine „Bazar“

106
Bogdanović, B. B. The Gender Perspective of the Women’s Press in Socialist Yugoslavia – the Representation of Masculinity in the Women’s Magazine „Bazar“

Абдулкаримов С. А. Sport Feminism: Challenges to Emancipation

118
Abdulkarimov, S. A. Sport Feminism: Challenges to Emancipation

	<i>Шалыгина Н. В. Этнокультурные аспекты феминистского движения в странах Глобального Юга</i>	136	<i>Shaligina, N. V. Ethnocultural Aspects of the Feminist Movement in the Global South</i>
157	<i>Генералова С. В., Пушкирева Н. Л. Музейная коллекция как источник по антропологии повседневности представительниц большевистской элиты 1920–1930-х гг.</i>		<i>Generalova, S. V. and N. L. Pushkareva. Museum Collection as a Source of Knowledge on the Anthropology of Everyday Life of the Female Bolshevik Elite in the 1920–1930s.</i>
	Кросс-культурные исследования феноменов здоровьесбережения в период пандемии COVID-19 и в постпандемийной реальности		Cross-cultural Studies of Healthcare Phenomena during the COVID-19 Pandemic and in Post-Pandemic Reality
170	<i>Харитонова В. И. Реакция российского здоровьесбережения на развитие пандемии COVID-19 и выход из нее (кросс-культурный аспект)</i>		<i>Kharitonova V. I. Reaction of Russian Health Care to the Development of the COVID-19 Pandemic and the Way out of it (Cross-Cultural Aspect)</i>
189	<i>Ольховская Ю. А. Пожилые люди в период пандемии: кросс-культурное исследование материалов Московского региона и Татарстана</i>		<i>Olkhovskaya, Y. A. Elderly People During the Pandemic: A Cross-Cultural Study in the Moscow Region and Tatarstan</i>
207	<i>Бочков Д. А. Сновидец без сновидения: модели смещенной локализации субъектности у соматических пациентов (по материалам пандемии COVID-19)</i>		<i>Bochkov, D. A. The Dreamer Without a Dream: The Patterns of Displaced Localization of Subjectivity in Somatic Patients (Based on the COVID-19 Pandemic)</i>
217	<i>Жернов Ю. В., Белова Е. В., Митрохин О. В. Некоторые психосоциальные феномены, возникшие в период пандемии COVID-19</i>		<i>Zhernov, Y. V., E. V. Belova and O. V. Mitrokhin. Some Psychosocial Phenomena that Arose During the COVID-19 Pandemic</i>
236	<i>Гарус О. П. А. Лечение и реабилитация после COVID-19 с помощью традиционной китайской медицины в КНР и РФ (взгляд медицинского антрополога)</i>		<i>Garus, O. P. Treatment and Rehabilitation after COVID-19 with Traditional Chinese Medicine in China and Russia (Medical Anthropologist's Perspective)</i>
	Антропология образования и воспитания		Anthropology of Education
252	<i>Сомов В. А., Беседина Е. А. «От экспериментальной слюны к учению о личности». Почему педология не стала «царицей наук» в СССР в 1920–1930-х гг.</i>		<i>Somov, V. A. and E. A. Besedina. «From Experimental Saliva to the Doctrine of Personality». What Prevented Pedology from Becoming the «Queen of Sciences» in the USSR in the 1920s–1930s.</i>

<p><i>Мартыненко А. А. Работа с жалобами в органах опеки и попечительства: между экономией усилий и «настоящей» целью работы</i></p> <p><i>Рязанова Э. Ф. Непрерывное образование с этнокультурной компонентой: нарративы о сохранении народных традиций сельскими жителями Башкортостана</i></p> <p><i>Сорокина Е. А. Школьное образование как ресурс развития: опыт Швеции</i></p>	<p>265 <i>Martynenko, A. A. Handling Complaints in Russian Child Protection Service: Between Saving Effort and the «Real» Work</i></p> <p>285 <i>Riazanova, E. F. Lifelong Education with Ethno-Cultural Component: Narratives on the Preservation of Folk Traditions by Villagers of Bashkortostan</i></p> <p>298 <i>Sorokina, E. A. School Education as a Part of the Development Strategy. The Experience of Sweden</i></p>
<p>Физическая антропология</p>	
<p><i>Пестряков А. П., Григорьева О. М., Рашиковская (Пеленицына) Ю. В. Краиносерии современных малоголовых популяций экваториального пояса Старого Света</i></p> <p><i>Рашиковская (Пеленицына) Ю. В., Харламова Н. В. Позднесредневековое население Загородского посада города Твери по данным краниологии и одонтологии</i></p> <p><i>Боруцкая С. Б. Остеометрическое исследование крымскотатарского некрополя XIX–XX вв. Бахчи-Эли</i></p>	<p>316 <i>Pestriakov, A. P., O. M. Grigorieva, and Yu. V. Rashkovskaya (Pelenitsyna). Cranial Samples of Modern Small-Headed Populations of the Equatorial Old World</i></p> <p>331 <i>Rashkovskaya (Pelenitsyna), Yu. V. and N. V. Kharlamova. Late Medieval Population of Zagorodsky posad (Tver city, Russia) based on Craniometric and Dental Non-Metric Traits</i></p> <p>349 <i>Borutskaya, S. B. Osteometric Study of Bakhchi-Eli – the Crimean Tatar Necropolis of the 19th–20th Centuries</i></p>
<p>Рецензии и обзоры</p>	
<p><i>Снежкова И. А. О коллективной монографии «Содержательные основы российской идентичности: региональный и этнокультурный контексты» / Отв. ред. Е. М. Арутюнова, С. В. Рыжова. М.: ФНИСЦ РАН, 2021. 288 с.</i></p> <p><i>Львова Э. С. Африканистика на XIV и XV конгрессах антропологов и этнологов России</i></p>	<p>358 <i>Snezhkova, I. A. Review: The Collective Monograph “The Essential Basis of Russian Identity. Regional and Ethno-Cultural Contexts”, eds. Arutyunova, E. M. and S. V. Ryzhova. Moscow: Federal Scientific Research Center of the Russian Academy of Sciences, 2021. 288 p.</i></p> <p>367 <i>Lvova, E. S. African Studies at the 14th and 15th Congresses of Anthropologists and Ethnologists of Russia</i></p>
<p>Physical Anthropology</p>	
<p>Reviews</p>	

АНТРОПОЛОГИЯ БУДУЩЕГО

УДК 314+36+39

DOI: 10.33876/2311-0546/2023-4/7-19

Научная статья

© А. Л. Андреев

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ: СВЯЗЬ ПРОШЛОГО, НАСТОЯЩЕГО И БУДУЩЕГО*

Статья посвящена таким особенностям российской ментальности, как восприятие стрелы времени и представления о том, какой страна должна стать в будущем. Эмпирической базой исследования послужили результаты социологических опросов, проводившихся начиная с 2000 г. различными исследовательскими центрами и научными коллективами. Как отмечает автор, среди тех качеств, которыми в идеале должна обладать Россия будущего, большинство россиян называют социальную справедливость, преодоление коррупции, смягчение социальных неравенств, переход к инновационной экономике, укрепление международных позиций страны. Большое внимание в статье уделяется вопросу о том, как образы будущей России связаны с парадигмой цивилизационного развития и содержательными характеристиками российского глобального проекта. В этом контексте автор характеризует российский путь как традиционалистскую модернизацию, показывая при этом, что социально-историческое целеполагание в российской ментальности не противопоставляет традиции идею прогресса, а использует их как основу для дальнейшего развития (реактуализация традиций).

Ключевые слова: стрела времени, образы будущего, российская цивилизация, российская ментальность, парадигма развития

Ссылка при цитировании: Андреев А. Л. К характеристике современной российской ментальности: связь прошлого, настоящего и будущего // Вестник антропологии. 2023. № 4. С. 7–19.

Андреев Андрей Леонидович — д. философ. н., главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (109544, Москва, ул. Кржижановского, 24/35, стр. 5), профессор НИУ МЭИ. Эл. почта: sympathy_06@mail.ru

* Статья выполнена в рамках Программы научных исследований, связанных с изучением этно-культурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности 2023–2025 гг. (руководитель академик РАН В. А. Тишков). Проект «Образы России: проектирование будущего» (FMNU-2023-0002).

UDC 314+36+39

DOI: 10.33876/2311-0546/2023-4/7-19

Original article

© Andrey Andreev

ON THE MODERN RUSSIAN MENTALITY: THE CONNECTION BETWEEN THE PRESENT AND THE FUTURE

The article is devoted to such aspects of Russian mentality as the perception of the arrow of time and the idea of what the country should become in the future. The empirical basis of the study was the results of sociological surveys conducted since 2000 by various research centers and research teams. As noted in the article, among the qualities that Russia of the future should ideally possess, most Russians mention social justice, overcoming corruption, mitigating social inequalities, transition to innovative economy, strengthening the country's international positions. The article makes an emphasis on the way the images of the future Russia are connected with the paradigm of civilizational development and the content of the Russian global project. In this context, the author characterizes the Russian way to future as a traditionalist modernization, while showing that modern Russian traditionalism does not oppose the idea of progress, but uses traditions as a basis for further development.

Keywords: *arrow of time, images of the future, Russian civilization, Russian mentality, Russian model of development*

Author Info: Andreev, Andrey L. — Dr. Sc. (Philosophy), Chief Researcher, Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation); Professor, National Research University “Moscow Power Engineering Institute”. E-mail: sympathy_06@mail.ru

For citation: Andreev, A. L. 2023. On the Modern Russian Mentality: The Connection Between the Present and the Future. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 4: 7–19.

Funding: The research was carried out within the Program of fundamental and applied scientific research “Ethnocultural Diversity of Russian Society and Strengthening of the All-Russian Identity”.

Особенности восприятия стрелы времени

Если образы будущего выступают в качестве мотивирующих социальное поведение целевых причин (не случайно возникло сравнение таких образов с роком, определяющим нашу судьбу) (Urry 2016), то субъективное переживание течения времени может рассматриваться как одна из характеристик цивилизационной идентичности. Например, сформировавшееся в Европе на заре Нового времени линейно-векторное понимание времени как направленной последовательности «точек»-мгновений (стрела времени), принципиально отличается от хронотопов китайской ментальности, для которой связь прошлого, настоящего и будущего осуществляется, главным образом, посредством самоповторения неких архетипических образцов (Просеков 2020). Однако и в рамках европейской культурной традиции восприятие модальностей времени (прошлое, настоящее, будущее) может варьироваться, отражая как

меняющиеся исторические обстоятельства, так и ментальные константы, характеризующие различные этнические общности и социальные группы. Например, интересные, побуждающие к дальнейшим размышлениям различия были в своё время выявлены в результате сопоставления эмоциональных ассоциаций с понятиями «прошлое», «настоящее», «будущее» у российских и немецких респондентов (Российский независимый институт социальных и национальных проблем, Институт демоскопии в Алленсбахе, 1999–2000 гг.). Примерно 90% российских участников опроса отметили, что слово «будущее» вызывает у них преимущественно положительные эмоции, тогда как в динамично развивающейся и намного более благополучной в те годы Германии соответствующий показатель составил только 82%. Отметим, что «прошлое» и «настоящее» россияне тоже оценили достаточно высоко, но всё-таки ниже, чем «будущее» (84 и 74% позитивных ответов соответственно) (Аналитический доклад 2000). Позднее, когда ситуация в России стабилизировалась, а уровень благосостояния населения значительно вырос, наличное положение дел в стране стало восприниматься с возрастающим оптимизмом, и, соответственно, разрыв между показателями, характеризующими психологические реакции на понятия «настоящее» и «будущее», сократился. Но, тем не менее, он не исчез, поэтому, когда мы говорим, что Россия — это страна, устремленная в будущее, не следует видеть в этом лишь красивую, но претенциозную и к тому же избитую метафору.

Цивилизационные ориентиры и образы желаемого будущего

Как известно, в течение по крайней мере трёх столетий будущее России проектировалось в основном по западным образцам. И хотя еще в первой половине XIX в. целый ряд русских мыслителей обосновывал иные проекты будущего, которые были ориентированы на осмысление, поддержание и развитие аутентичных собственно российских традиций, ориентация на эти образцы оставалась доминирующей. Такая тенденция с определёнными оговорками сохранялась и в советское время. Стремление во что бы то ни стало «присоединиться к цивилизованному миру» достигло сильнейшего эмоционального накала, побуждая государственных деятелей конца 1980-х — начала 1990-х гг. разменивать национальные интересы страны на ни к чему не обязывающие декларации и символические жесты одобрения со стороны представителей американской и западноевропейской финансово-политической элиты. Однако к концу 1990-х гг., по мере того как мифологизированные образы Запада в сознании россиян стали вытесняться жизненными уроками, основанными на реальных впечатлениях, волна прозападных настроений стала быстро спадать, а в общественном сознании всё больше утверждалась мысль, что стратегия заимствований является неэффективной, и вообще — «надо жить своим умом». В настоящее время, согласно исследованиям ФНИСЦ РАН, более 82% россиян считают, что политика России должна быть направлена в первую очередь на развитие собственного государства и налаживание сотрудничества с ближайшими соседями, не заботясь о том, как мы при этом выглядим в глазах Запада (ФНИСЦ РАН, март 2023). «Западничество» как специфический комплекс умонастроений, конечно же, не исчезло, но сфера его влияния значительно сузилась, что отразилось и на представлениях о «хорошем обществе». Наиболее распространены прозападные умонастроения в самой младшей по возрасту когорте респондентов, по сути дела не имеющей достаточного

жизненного опыта: среди них мнения по поводу того, должна ли Россия жить по западным правилам, или же западный образ жизни у нас никогда не привьётся, распределяются почти поровну. Однако после 25–26 лет соотношение этих полярных мнений меняется на противоположное. В целом же количество граждан, убежденных в том, что у России свой собственный — самобытный — путь развития, по результатам всех проводившихся после 2000 г. опросов неизменно кратно превышало число их оппонентов-западников.

Соответственно усиливающемуся запросу на укрепление национального суверенитета переформатировались и представления населения о желаемом будущем. В своей трактовке «хорошего общества», в своих запросах и понятиях о должном россияне проявляют значительную меру своеобразия, что обусловлено как давними историческими традициями, так и коллективным опытом последних десятилетий. Возьмём, к примеру, проблему политического устройства. Как показывают данные социологических исследований, российские граждане в полной мере разделяют доминирующую в современном мире приверженность демократии и демократическим ценностям. Соответственно, и для своей страны они не видят никаких других альтернатив, кроме развития демократических начал. При этом, однако, в российском обществе сложилось собственное понимание демократии, значительно отличающееся от принятого на Западе. Так, россияне полностью согласны с тем, что в стране должна существовать политическая оппозиция. Но в чём заключается та роль, которую они отводят ей в политической жизни? С точки зрения значительного большинства наших сограждан, задача оппозиции состоит не в том, чтобы критиковать правительство, а в том, чтобы... оказывать ему помощь. В ходе опроса, проведённого учёными ФНИСЦ РАН в марте 2022 г., такую точку зрения поддержало 70% респондентов, в мае 2023 г. — 63%, но примерно тот же порядок цифр фигурировал и в данных предыдущих исследований, начиная с середины 1990-х гг. Отсюда, очевидно, следует, что выработанная на Западе «маятниковая» модель демократии, когда у власти постоянно сменяют друг друга представители различных политических партий, не очень подходит россиянам. Для большинства из них многопартийность и чередование лиц у власти являются в лучшем случае лишь второстепенными признаками демократии, поскольку государство в российской ментальности выступает не столько как надстроечный механизм, регулирующий баланс групповых интересов и контролирующий соблюдение «правил игры», сколько как смыслополагающая инстанция, образующая, если можно так выразиться, экзистенциальный центр национального бытия, политические стратегии которого должны быть рассчитаны не на периодичность электоральных циклов, а на «длинные времена» (*longues durées*). Кроме того, российское понимание демократии предполагает, что государство должно отстаивать интересы всего народа, отдавая им безусловный приоритет перед частными и групповыми интересами (ФНИСЦ РАН, май 2023).

Отвечая на вопрос о том, какой они хотели бы видеть Россию будущего, наши сограждане чаще всего называет обеспечение социальной справедливости (45–50% ответов). Именно реальная социальная справедливость, а не какие-либо формальные политические процедуры, является главным критерием демократии по-российски. Но что означает «справедливость» в понимании россиян? Сразу же скажем, что, вопреки довольно распространённому стереотипу, она имеет очень мало общего с уравнительностью, а тем более со стремлением «всё отнять и поделить», которое пу-

блицисты «святых девяностых» приписывали русскому народу. Отвечая на вопрос, какие принципы должны соблюдаться в России будущего для того, чтобы её можно было назвать справедливым обществом, россияне называют, главным образом, базовые условия достойной жизни: равный доступ к медицинскому обслуживанию (61%), возможность получить желаемое образование (49%), хорошие рабочие места (47,2%), отсутствие массовой бедности (46,4%), возможность решить жилищные проблемы (45,6%). Около трети опрошенных хотели бы, чтобы различия в уровне жизни между людьми в России будущего были невелики, но, заметим: при этом лишь один из восьми высказывал пожелание, чтобы в обществе было мало богатых и один из семи — чтобы в этом обществе вообще не было неравенства и социального расслоения (ФНИСЦ РАН, май 2023). Таким образом, различия в социальном статусе и уровне благосостояния признаются неизбежными и необходимыми, но они подлежат регулированию и являются объектом социального контроля.

В известном смысле такие представления близки к той модели социального государства, которая осуществлялась после Второй мировой войны в Скандинавских странах — не случайно же эта модель была очень популярна у нас на излёте «перестройки», когда она активно рекламировалась в публичном информационном поле в качестве альтернативы советской системе. Тем не менее близость эта относительна в силу различий в понимании социальных функций государства. Так, несмотря на разочарования по поводу эффективности планового хозяйства советского образца, россияне остаются сторонниками ведущей роли государства в экономической жизни, причём в качестве не только регулятора, но и прямого собственника средств производства. Различные вопросы, позволяющие судить о том, какую модель экономики наши сограждане считают наиболее удачной, неоднократно включался в программу социологических исследований. Распределение мнений по этим вопросам позволяет сделать вывод о том, что россияне не возражают против существования частной собственности как таковой, но при этом их предпочтения склоняются не к западному капитализму, пусть даже и в скандинавской его ипостаси, а к отечественной модели НЭПа, когда основные природные ресурсы, энергетика, крупные предприятия машиностроения, ведущие вузы и научные учреждения («командные высоты», по Ленину) должны принадлежать государству (вариант: всему народу), тогда как финансовым сектором (за исключением пенсионных фондов), строительством, сельскохозяйственным производством могут управлять и государство, и частный капитал (*Горшков, Крумм, Петухов 2011: 161–180*). При этом частный капитал, как и во времена НЭПа, должен находиться «под присмотром» органов государственного контроля, а права частного собственника не должны превращаться в абсолют: так, если деятельность каких-либо предприятий наносит ущерб государству, то, по мнению подавляющего большинства наших респондентов (72,4%), эти предприятия следует национализировать (ФНИСЦ РАН, май 2023). Идеологию свободного рынка в нашей стране в наибольшей степени поддерживает молодёжь (до 25 лет), но и в этой возрастной когорте её сторонники находятся в меньшинстве, потому надо полагать, что естественный процесс смены поколений не сможет изменить сложившиеся к настоящему времени взгляды российского общества на экономику, по крайней мере, — в обозримом будущем.

Следом за справедливостью в числе характеристик, которые наши сограждане называют в ответ на вопрос, какой они хотели бы видеть Россию будущего, упоминаются соблюдение прав человека, демократия, свобода самовыражения, сильная

власть, способная обеспечить порядок и успешное развитие страны, сохранение национальных традиций. В этом же ряду упоминается и «великая мировая держава». Каждая из названных характеристик оказалась приоритетной примерно у трети опрошенных. На первый взгляд может показаться, что данный результат свидетельствует о противоречивости общественного сознания, почти что в равной мере приверженного прямо противоположным друг другу ценностям — скажем, стремлению к сильному государству и одновременно к свободе индивидуального самовыражения. В самом деле, такое впечатление может сложиться, если мыслить только жёсткими антиномическими дизъюнкциями по принципу «или — или»: Запад — Восток, консерватизм — либерализм, традиционное — инновационное, ум — сердце, индивидуальное — коллективное, общество — личность и т. д. … Однако такой способ мышления не является ни универсальным, ни единственно возможным: на практике такого рода противоположности нередко совмещаются, уравновешиваются, переходят друг в друга. Коль скоро речь идёт об отношениях между личностью и государством, личностью и обществом, обществом и государством, надо напомнить в этой связи о том специфическом социальном феномене, который А. С. Хомяков и некоторые его последователи называли *соборностью*, понимая под этим словом особую форму единства, при котором общее (коллективное) не подавляет свободную индивидуальность, а возникает как своего рода *хор* таких индивидуальностей, каждая из которых сохраняет собственный голос и ведёт свою собственную партию в согласии с другими голосами.

Хотя такую постановку вопроса можно подкрепить некоторыми примерами из истории России (самый яркий из них — Земский собор, избравший на царство Михаила Романова), в целом «соборность» на первых порах получила преимущественно умозрительное обоснование, что, разумеется, не могло не дать поводов для сомнений в его соответствии критериям научной основательности. Тем не менее, как это нередко бывает с умозрительными интуициями, в нём был заложен реальный смысл, который мог быть выявлен эмпирически и в каком-то смысле даже операционализирован. В частности, данные социологических исследований показывают, что абстрактная односторонность формально противоположных друг другу принципов и начал в социальной практике может нивелироваться благодаря периодическому смещению ценностных приоритетов, отражающему как смену политической обстановки, так и ритмическую динамику вкусов и настроений общества. Скажем, проведение специальной военной операции на Украине поначалу вызвало резкое увеличение доли респондентов, высказывающихся за обеспечивающую порядок и реализующую успешную стратегию развития страны сильную власть (с 31% в марте 2021 г. и до 40% в марте 2022 г.); но затем, по мере того как спецоперация становилась будничным делом, эта доля сократилась практически до прежнего значения — 32,7%. Соответственно, если в первые недели после начала СВО «сильная власть» оказалась вторым номером в рейтинге ценностей (после справедливости), то уже через год респонденты посчитали более важными права человека и демократию, а также сохранение национальных традиций, в результате чего запрос на сильную власть вновь сдвинулся вниз — на четвёртое место (данные ФНИСЦ РАН).

К настоящему времени из системы ценностей российского общества практически совсем выпало сравнительно недавно ещё очень важное для него партнёрство с Западом, дающее своего рода право на ощущение принадлежности к «цивилизованному

миру». Не то, чтобы такое партнёрство совершенно исключалось, но, по мнению значительного большинства граждан России, для её будущего это уже не имеет особого значения. Чего, однако, россияне точно хотели бы избежать в будущем, так это разрушения или коренной трансформации первичных социальных связей на уровне семьи и межличностных отношений. Конечно, в российских социокультурных средах преобладает намного более либеральный взгляд на такие отношения, чем в некоторых странах Востока, где индивид связан достаточно жёсткими семейными и клановыми обязательствами. В то же время российское общественное мнение существенно отличается от ситуации в странах Запада, где наблюдается устойчивая тенденция к полной автономизации индивидов. Должен ли человек, к примеру, заботиться о больных родителях? В Нидерландах абсолютно твёрдый утвердительный ответ на этот вопрос даёт чуть больше 2% респондентов, в Великобритании — 6,5%, а в России — 48,5%. Не считают же себя обязанными заботиться о родителях соответственно 54,3%, 45,6% и менее 6%. Видят в рождении детей свой долг перед обществом: в России 42,3% опрошенных, тогда как в Нидерландах 3,1%, а в Великобритании — чуть менее 11% (для сравнения приведём цифры по странам Востока: Турция — 50,0%, Пакистан — 79,2%). Несколько строже, чем в странах Запада, в России относятся к разводам и намного жёстче — к проституции и однополым связям. В России только 12,4% респондентов согласны или скорее согласны с утверждением, что однополая пара может быть хорошими родителями, тогда как в Великобритании и Германии — свыше 2/3 опрошенных, а в Канаде 72,3%. Очевидно, что в данном вопросе Россия стоит ближе к странам Востока: так, в Турции лояльно относятся к воспитывающим детей однополым парам 16,6% опрошенных, в КНР — 11,5%; правда, на Тайване, который уже несколько десятилетий находится в сфере влияния Запада, — 52,2% (7-я волна международных опросов World Value Survey, 2017–2022).

Следует отметить, что российское общество не просто «живёт как живётся», но ставит перед собой определённые цели на перспективу; иными словами, оно обладает целеполагающей субъектностью. И в принципе большинство россиян согласны с тем, что эти цели должны носить глобальный характер: судя по данным социологических опросов, против такой постановки вопроса высказывается лишь один из примерно 11–12 российских граждан (ФНИСЦ РАН 2023). Но в большинстве своём россияне отнюдь не стремятся занимать в мире какое-то исключительное положение и тем более диктовать миру свои правила. Вернуть статус сверхдержавы, который был у СССР, хотели бы где-то чуть более четверти граждан страны — главным образом, люди старшего возраста, тогда как более чем половину (52,6%) вполне удовлетворило бы положение одной из наиболее развитых мировых держав. Таким образом, когда российское руководство обосновывает и продвигает концепцию многополярного мира, оно, по сути дела, действует в унисон с настроениями основной массы населения страны.

Коренные перемены или стабильность?

Как мыслят себе наши сограждане «технологию» дальнейшего развития страны? Какие стратегии, с их точки зрения, лучше всего подходят для достижения желаемого будущего? Что кажется им более привлекательным — коренные перемены или стабильность и постепенность, новый разрыв со сложившимся положением вещей

или преемственность, продолжение того пути, по которому до сих пор шла страна? Накануне специальной военной операции на Украине противоположные мнения по этим вопросам имели в обществе почти паритетную поддержку: примерно половина россиян высказывалась за стабильность, а 47–48% за коренные перемены (*Андреев, Андреев 2021*). Эта последняя точка зрения была особенно распространена в самой младшей возрастной когорте (до 25 лет) и среди граждан с доходами выше средних. Однако быстрая консолидация общества, последовавшая за началом СВО, побудила приблизительно каждого четвёртого из числа граждан, высказывавшихся за радикальные перемены, изменить свою позицию на противоположную. К весне 2023 г. доля таких решительно настроенных граждан сократилась до 38%, тогда как доля их оппонентов, поддерживающих запрос на стабильность, исключающую резкие разрывы постепенности, увеличилась почти до 62%. Накануне начала СВО 55% россиян придерживались мнения, что путь, по которому идёт Россия даст в перспективе положительные результаты, тогда как 45% считали, что он ведёт в тупик. Однако уже в марте 2022 г. доля граждан, оптимистично оценивших нынешний путь развития страны, была зафиксирована на уровне 71%, а в мае 2023, через 15 месяцев после начала СВО, несмотря на все те трудности и внешнее давление, с которым столкнулась Россия, она поднялась ещё на 2,5 процентных пункта (данные ФНИСЦ РАН).

Прогресс и традиции

Образ будущего в сознании российского общества тесно связан с идеей прогресса. Как показывают данные социологических исследований, в российском менталитете прогресс является значимой ценностью. В рейтинге ценностно нагруженных понятий прогресс несколько уступает справедливости, свободе, правам человека, патриотизму, но находится выше солидарности, равенства и демократии. Однако следует отметить, что практически такой же значимостью для россиян обладает и традиция. Неоднократно проводившееся психосемантическое зондирование восприятия понятий ценностного ряда даёт следующий довольно примечательный результат: и слово «прогресс», и слово «традиция» вызывают положительные реакции у приблизительно 2/3 опрашиваемых, нейтрально воспринимаются почти что третью, а негативно — не более, чем одним или двумя респондентами из ста (*Горшков, Петухов 2016: 142; Горшков, Петухов 2017: 135*). Несложные арифметические выкладки показывают, что не менее трети респондентов в равной мере засвидетельствовали свои симпатии и к прогрессу, и к традициям, а это означает, что в их сознании названные понятия не противопоставляются друг другу.

Конечно, в различных социально-демографических группах реакции на названные понятия не одинаковы. У респондентов пенсионного возраста слово «прогресс» реже вызывает определённо выраженные симпатии и, наоборот, реакция на слово «традиция» чаще окрашена положительными эмоциями, чем у молодёжи. И всё же различие состоит совсем не в том, что одни в большинстве своём не приемлют прогресса, а другие, напротив, отвергают традиции. На самом деле и в той, и в другой возрастной группе уровень негативных реакций на слова «прогресс» и «традиция» составил всего 2–3%; подавляющее же большинство респондентов, у которых эти понятия не вызвали отчётливо положительного отклика, не испытывают к ним и антипатии, а воспринимают их просто нейтрально.

Примечательно, что россияне очень не любят понятие «консерватизм», под которым в обиходе обычно понимают упорное противодействие всему новому как таковому. Психосемантическое зондирование показывает частоту положительных реакций на данное понятие на уровне всего 11% при 19% отрицательных (баланс: -8%, 60% реакций — нейтральные). И тем не менее, отвечая на вопрос, что важнее — инициатива, предпримчивость, поиск нового и готовность к риску или уважение к сложившимся традициям и обычаям, следование привычному для большинства, россияне очень часто предпочитают второй вариант ответа. Причём в последнее время наметилась тенденция к росту данного показателя. Если на протяжении 2000-х и 2010-х гг. его значение не превышало 55–57%, а иногда опускалось и ниже 50%, то к весне 2023 г. оно пересекло отметку 63% (ФНИСЦ РАН, май 2023). Мы понимаем, что эти данные (как, впрочем, и некоторые другие) дают, на первый взгляд, отличный повод для того, чтобы разделить россиян на активных и пассивных, на «людей модерна» и безнадёжных традиционалистов, а заодно и порассуждать о неискоренимом российском патернализме, нежелании распорядиться собственной судьбой и противоречивости общественного сознания. Однако, если рассматривать альтернативу «уважение к традициям — предпримчивость, поиск нового» не саму по себе, а в контексте мнений по широкому кругу социальных вопросов (мы имеем в виду в том числе и обсуждавшийся выше запрос на перемены), становится понятно, что речь здесь должна идти совсем о другом.

С одной стороны, простой здравый смысл подсказывает россиянам, что нет смысла менять привычное на новое только потому, что оно... *новое* и «опирается на передовой зарубежный опыт». На самом деле российское общество вовсе не против инноваций, а возражает лишь против их возведения в некий новоявленный культ, а также против того конвульсивного стиля реформаторской деятельности, который страна испытала на себе в 1990-е годы (а в отдельных случаях и позже — достаточно сослаться хотя бы на печальный пример внедрения в российском образовании так называемой Болонской системы или на попытку монетизации льгот). Коллективный опыт последних десятилетий выработал в обществе недоверчивое отношение к практикам хаотичной имитационной модернизации, и это находит своё отражение в эмоциональных реакциях на постоянно используемые для их обоснования понятия и идеологемы. Своего рода эмоциональное выражение разумной настороженности при восприятии определённых сигналов...

Однако у вопроса о том, почему инициативность и предпримчивость не выступает в социальном мышлении россиян как ценностная антитеза традиционализма, есть и ещё одна сторона. Это наличие в российской политической культуре особого механизма реактуализации традиций. Скажем, в современной России возрождён целый ряд ритуалов и символов как Российской империи, так и советского времени, которые без особых проблем сочетаются и друг с другом, и с новыми традициями, возникшими или легитимированными уже после 1991 г. Хотя в зарубежной, да и в российской, печати данное сочетание нередко оценивалось как парадоксальное и эклектическое, мы полагаем, что суть дела здесь не в смешении стилей (что обычно считается признаком эклектики), а в реаранжировке и включении традиций в новые смысловые контексты, благодаря чему, отсылая нас к реминисценциям исторической памяти, они в то же время становятся генераторами новых смыслов и специфическими источниками инноваций.

Происходившее в России на рубеже XX и XXI вв. преодоление глобалистских увлечений и возвращение к аутентичным ценностям, которое сказалось не только на настроениях большинства населения, но и на поведении политических элит, привело к формированию особой модели развития. Поскольку в ней значительную роль как раз и играет механизм реактуализации традиций, мы в своё время предложили назвать эту модель *традиционистской модернизацией* (Горшков, Петухов 2016: 153; Горшков, Петухов 2017: 138). Хотя традиционалистская модернизация имеет в России свои особенности, её, тем не менее, нельзя назвать уникальной; некоторые аналогии и параллели этому можно, в частности, найти в китайских социальных и политических практиках — например, когда на формулировки очередных задач развития страны накладывается смысловая матрица конфуцианских социальных идеалов (Лукьянов, Переломов 2003). Понятно, что социальной базой традиционалистской модернизации является в первую очередь старшее и среднее поколения как носители определённого жизненного опыта, обеспечивающего непосредственную «связь времен». Но не забудем, что социализация сегодняшних «традиционистов» проходила в атмосфере увлечённости перспективами начавшейся в 1950-е гг. научно-технической революции, а это наложило очень характерный отпечаток на их менталитет, выработав у них отчётливо «прогрессистские» ценностные установки. Способность занимать и удерживать позиции одного из наиболее передовых по уровню и динамике развития государств современного мира для этого поколения была и остаётся главным критерием оценки политического курса правительства страны, несоответствие которому становится источником глубокого недовольства.

Вообще, если отвлечься от политических переворотов и эпизодов смены общественного строя, то главным фактором, создающим отличия будущего от настоящего, в глазах россиян выступает расширение научных знаний и развитие технологий. В этом плане у разных поколений россиян нет значительных расхождений. При этом они заметно реже, чем население Евросоюза, ощущают дискомфорт от стремительности изменений: на это жалуется менее половины российских респондентов, тогда как, например, во Франции 57%, в Швеции 61%, в Польше 76%, в Испании 78% (Special Eurobarometer 2013: 91; Публичный отчёт 2016: 16). Но важно, что россияне старшего и среднего возраста соотносят научно-технический прогресс преимущественно с преобразованием нашего предметного окружения, ставя субъектность человека-демиурга как бы над этим процессом и придавая ей естественный (вариант: божественный) характер — в том смысле, что человеческая природа как таковая сама по себе не является артефактом. Эту позицию разделяет и значительная часть российской молодёжи; однако в младших возрастных когортах отчётливо наметилась и другая позиция, допускающая использование научных знаний и технических средств для произвольной модификации естественных характеристик человека, связанных с его личной идентичностью. Вот, к примеру, как эти различия проявляются в распределении мнений по поводу недавно принятого закона о запрете на смену пола: его принятие поддерживает 75% россиян, а в возрастной группе 60+ даже 85%, но среди молодежи 18–24 лет значение этого показателя падает до 51%, причём более половины из них активно высказываются против закона, считая, что гендерная принадлежность определяется не природой, а личным желанием и самоощущением индивида (Аналитический обзор 2023). Этому факту пока трудно дать чёткую оценку: неясно, сказывается ли

здесь юношеский максимализм (с возрастом пройдет), тяга к чему-то необычному, некритически доверчивое восприятие циркулирующей в СМИ информации или что-то еще. Но во всяком случае здесь есть проблема, и при определенных условиях она может вылиться в культурно-психологический разрыв между поколениями, создавая на будущее угрозу преемственному развитию российской цивилизации.

Российская модель развития: историческая перспектива

Оценивая перспективы развития страны, россияне в большинстве своём высказываются с твёрдой надеждой на лучшее. И хотя им вовсе не чуждо чувство страха перед неопределенностью будущего (никогда не испытывала этого чувства только пятая часть опрошенных), всё же 70% наших сограждан выражает уверенность в том, что нынешние дети будут жить лучше старших поколений (ФНИСЦ РАН, май–июнь 2023). Надо сказать, что и зарубежные СМИ в последнее время всё чаще вынуждены признавать неожиданные для них российские достижения в промышленности и промышленном импортозамещении, науке и образовании, внедрении цифровых технологий, развитии аграрного сектора, освоении Арктики, конструировании эффективных образцов вооружения и оснащении ими армии и флота. Обычно делается это крайне нехотя, а успехи России пытаются объяснить неким случайным стечением обстоятельств. Конечно, такая трактовка объясняется прежде всего установками так называемой «культуры отмены». Но, вместе с тем, приходится признать, и недостаточную проработанность концептуальных основ противопоставляемой Западу российской модели развития, расплывчатость сопрягаемых с ней образов будущего. Не могут, в частности, не вызвать возражений некоторые типологические модели цивилизационных различий. Возьмем, к примеру, трактовку западного типа цивилизационного развития как секулярно-гуманистического, а противостоящего ему типа как религиозно-традиционистского (*Карпович, Смагина 2023: 54–55*): очевидно, что в её основу положены разные логические основания, да к тому же вся гуманистическая струя русской культуры здесь уже по определению выходит за рамки анализа российской модели развития. Нельзя согласиться и с нередко проскальзывающим в российских публикациях имплицитным отождествлением традиционализма с консерватизмом. Такое отождествление, по существу своему логически некорректное, независимо от субъективных намерений допускающих его авторов, создаёт ассоциации, способствующие интерпретации российских социальных представлений и практик как выпадающих из трендов современности и даже архаических, хотя, как мы показывали выше, в российской культуре и массовом сознании уважение к традициям и традиционным ценностям сочетается с сильными модернизационными устремлениями, опирающимися на приверженность научно-техническому прогрессу. Российский цивилизационный проект, безусловно, содержит в себе тот момент «хранительной мудрости», о котором говорил когда-то Н. М. Карамзин (*Карамзин 1991: 63*), но «хранительная мудрость» имеет здесь не столько абсолютное (как для консерватизма в собственном смысле слова), сколько функциональное значение — как фундамент идентичности и одновременно как один из инструментов конструирования будущего (посредством реактуализации традиций).

В сегодняшнем мире складывается совершенно новая, но логичная для эпохи постмодерна, ситуация самоопределения цивилизаций, предполагающая их функ-

циональную специализацию и выбор из нескольких возможных «парадигм современности» — если угодно, из нескольких различных способов «быть современным» (Андреев 2015). Осуществляя такой выбор, Россия концептуально артикулировала повестку традиционалистской модернизации, тем самым заявив о себе как о центре консолидации политических сил, не принимающих продвигаемую Западом повестку дня неолиберального глобализма. Поэтому на перспективы развития нашей страны надо смотреть не только глазами самих россиян, но и глазами всего международного сообщества. Ведь выбор, осуществляемый в условиях конкуренции глобальных цивилизационных проектов, в значительной мере мотивируется той исторической перспективой, которую он в конечном счёте сулит, а значит успех России означает и успех предлагаемой ею модели развития. Проектирование и созидание будущего России ныне становится уже не только её собственным внутренним делом, но и фактором глобального порядка. По существу, наша страна вновь выступает в той же роли «дизайнера будущего» и генератора новых исторических смыслов, в которой она явилась за столетие до этого — в октябре 1917 г. Смысловым стержнем российского проекта будущего является, с одной стороны, сохранение и воспроизведение культурного многообразия человечества, а с другой стороны — удержание развития цивилизации в рамках гуманистической парадигмы, исключающей несовместимые с естественной природой человека «постчеловеческие» и, возможно, античеловеческие перспективы, которые порождают всё шире укореняющиеся на Западе манипулятивные практики произвольного конструирования идентичностей.

Источники и материалы

Аналитический доклад 2000 — Аналитический доклад по результатам социологического исследования «Россияне о судьбах России в XX веке и своих надеждах на XXI век». М.: Российский независимый институт социальных и национальных проблем, 2000 (не опубликовано).

Аналитический обзор 2023 — Аналитический обзор ВЦИОМ. 2023, 17 июля. // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ): [сайт]. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/smena-pola-za-i-protiv?ysclid=lmk85zsdlg713878604> (дата обращения: 20.10.2023)

Публичный отчёт 2016 — Публичный отчет по результатам социологического исследования поведенческих и институциональных предпосылок технологического развития регионов РФ. М.: РВК, Московская высшая школа социальных и экономических наук, 2016. 102 с.

ФНИСЦ РАН — Материалы опросов и исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра (ФНИСЦ) РАН.

Special Eurobarometer 2013 — Special Eurobarometer 401. 2013. Responsible Research and Innovation (RRI), Science and Technology. Report. Brussels: Directorate-General for Communication. <https://www.genderportal.eu/resources/special-eurobarometer-401-responsible-research-and-innovation-rri-science-and-technology>

Научная литература

Андреев А. Л. Специализация цивилизаций и атTRACTоры мирового развития // Общественные науки и современность. 2015. № 1. С. 139–147.

Андреев А. Л., Андреев И. А. Россия-2021: переживание настоящего и взгляд в будущее // Социологические исследования. 2021. № 8. С. 82–92. <https://doi.org/10.31857/S013216250015258-6>

- Горшков М. К., Крумм Р., Петухов В. В. (ред.). Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров) / М. К. Горшков [и др.]. М.: Весь мир, 2011. 304 с.
- Горшков М. К., Петухов В. В. (ред.) Российское общество и вызовы времени. Книга 4 / М. К. Горшков [и др.]. М.: Весь мир, 2016. 400 с.
- Горшков М. К., Петухов В. В. (ред.) Российское общество и вызовы времени. Книга 5 / М. К. Горшков [и др.]. М.: Весь мир, 2017. 427 с.
- Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в её политическом и гражданском отношении. М.: Наука, 1991. 127 с.
- Карпович О., Смагина Л. Концепция традиционных духовно-нравственных ценностей в международных отношениях: российский подход // Международная жизнь. 2023. № 1. С. 54–65.
- Лук'яннов А. Е., Переломов Л. С. Из истории идеологемы *сюо кан* // Проблемы Дальнего Востока. 2003. № 3. С. 26–38.
- Пресеков С. А. Восприятие времени в европейской и китайской культурах // Философские науки. 2020. № 12. С. 47–67.
- Urry J. *What is the Future?* Cambridge: Polity Press, 2016. 226 p.

References

- Andreev, A. L. 2015. Spetsializatsii tsivilizatsii i attraktory mirovogo razvitiia [Specialization of Civilizations and Attractors of World Development]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* 1: 139–147.
- Andreev, A. L. and I. A. Andreev. 2021. Rossiiia-2021: perezhivanie nastoiashchego i vzglyad v budushchchee [Russia-2021: Experiencing the Present and Looking into the Future]. *Sociologicheskie issledovaniya* 8: 82–92. <https://doi.org/10.31857/S013216250015258-6>
- Gorshkov, M. K. and V. V. Petukhov (eds.). 2016. *Rossiiskoe obshchestvo i vyzovy vremeni* [Russian Society and Challenges of the Time]. Book 4. Moscow: Ves' mir. 400 p.
- Gorshkov, M. K. and V. V. Petukhov. (eds.). 2017. *Rossiiskoe obshchestvo i vyzovy vremeni* [Russian Society and Challenges of the Time]. Book 5. Moscow: Ves' mir. 427 p.
- Gorshkov, M. K., R. Krumm and V. V. Petukhov (eds.). 2011. *Dvadtsat' let reform glazami rossiian (opyt mnogoletnikh sotsiologicheskikh zamerov)* [Twenty Years of Reforms Through the Eyes of Russians (The Experience of Many Years of Sociological Measurements)]. Moscow: Ves' mir. 304 p.
- Karamzin, N. M. 1991. *Zapiska o drevnei i novoi Rossii v eyo politicheskem i grazhdanskem ot-nosheniakh* [A note on Ancient and New Russia in Its Political and Civil Relations]. Moscow: Nauka. 127 p.
- Karpovich, O. and L. Smagina. 2023. Konceptsii traditsionnykh dukhovno-nravstvennykh tsen-nosteii v mezhdunarodnykh otnosheniakh: rossiiskii podkhod [The Concept of Traditional Spiritual and Moral Values in International Relations: The Russian Approach]. *Mezhdunarod-naia zhizn'* 1: 54–65.
- Luk'yanov, A. E. and L. S. Perelomov. 2003. Iz istorii ideologemii syao kan [From the History of the Ideology of Xiao Kang]. *Problemy Dal'nego Vostoka* 3: 26–38.
- Prisekov, S. A. 2020. Vospriiatiie vremeni v evropeiskoj i kitaiskoi kul'turakh [Perception of Time in European and Chinese Cultures]. *Filosofskie nauki* 12: 47–67.
- Urry, J. 2016. *What is the Future?* Cambridge: Polity Press. 226 p.

УДК 314+36+39

DOI: 10.33876/2311-0546/2023-4/20-36

Научная статья

© O. V. Кульбачевская

ПАТРИОТИЗМ МОЛОДЕЖИ КАК СТРАТЕГИЧЕСКИЙ РЕСУРС РАЗВИТИЯ РОССИИ: ПОТЕНЦИАЛ, ВЫЗОВЫ, РИСКИ

В статье представлены результаты исследования 2022 г., в рамках которого были изучены уровень и характер патриотизма российской молодежи, степень ее вовлеченности в общественно-политическую жизнь страны (что может дать информацию о деятельности патриотизме). Выявлен ряд вызовов и задач в вопросе патриотического воспитания. Освещены изменения в общественно-политическом пространстве страны, способствующие успешному формированию патриотических чувств у молодежи. Сделан вывод, что на современном этапе можно говорить о недостаточно высоком уровне патриотизма в мас-совом сознании молодежи. Несмотря на то, что большая часть молодых людей активно выражает свою поддержку и любовь к России, рассматривает патриотизм как важное национальное качество, существенна доля и тех молодых людей, кто не обладает безусловной любовью к своей родине. Непатриотично настроенная часть молодежи, как правило, ориентирована на западные либеральные ценности, не поддерживает внутри- и внешнеполитический курс России и имеет негативный образ своей страны. В ценностном наполнении чувства патриотизма наблюдается недостаточность духовно-нравственной компоненты, которая отвечает за готовность служить родине, защищать ее, претерпевать трудности во благо своей страны. Также в молодежной среде присутствует дефицит гордости за новейшую историю России, поддержки руководства государства и готовности к патриотической деятельности.

Первоочередной задачей молодежной политики должно стать усиление духовно-нравственной компоненты и воспитание молодого поколения не только на образцах великих свершений прошлого, но и на образцах новейших достижений страны в различных областях, на новых идеалах и героях нашего времени. Важно создать условия для роста активности молодежи в общественно-политической жизни страны, должны быть предложены консолидирующие социальные и политические проекты. На высшем уровне руководства страны есть понимание необходимости менять подходы и содержательное наполнение работы с российской молодежью, в стране наблюдаются позитивные перемены, которые способствуют формированию патриотических установок в молодежной среде.

Кульбачевская Ольга Вячеславовна — научный сотрудник Центра этнополитических исследований, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (Российская Федерация, 119334 Москва, Ленинский пр., 32А). Эл. почта: ola_kul@mail.ru

* Статья выполнена в рамках Программы научных исследований, связанных с изучением этно-культурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности 2023–2025 гг. (руководитель академик РАН В. А. Тишков). Проект «Образы России: проектирование будущего» (FMNU-2023-0002).

Ключевые слова: российская молодежь, патриотизм, ценностные установки, непатриотические настроения, вызовы и задачи патриотического воспитания, традиционные ценности, вовлеченность в общественно-политическую жизнь, новые подходы, Россия будущего

Ссылка при цитировании: Кульбачевская О. В. Патриотизм молодежи как стратегический ресурс развития России: потенциал, вызовы, риски // Вестник антропологии. 2023. № 4. С. 20–36.

UDC 314+36+39

DOI: 10.33876/2311-0546/2023-4/20-36

Original article

© Olga Kulbachevskaya

YOUTH PATRIOTISM AS A STRATEGIC RESOURCE FOR RUSSIA'S DEVELOPMENT: POTENTIAL, CHALLENGES, RISKS

This article examines the values and priorities of Russian young citizens. It is based on the results of the 2022 study of the level and nature of patriotism of Russian youth and their involvement in the social and political life of the country (which indicates active patriotism). A number of challenges in the patriotic education have been identified. The paper highlights changes in the social and political space of the country, contributing to the successful formation of patriotic feelings among young people. Despite the fact that majority of the young people actively express their support and love for Russia, considering patriotism as an important national quality, there is a significant proportion of those young people who do not have unconditional love for their homeland. The unpatriotic part of the youth, as a rule, is oriented towards Western liberal values, does not support the domestic and foreign policy of Russia and has a negative image of their country. Their patriotic feelings lack the spiritual and moral component, which is responsible for the willingness to serve the motherland, protect it, and endure difficulties for the good of the country. There is also a shortage of pride in the modern history of Russia, support for the leadership of the state, and active patriotism among young people.

The primary task of youth policy should be to strengthen the spiritual and moral component and educate the younger generation not only on the examples of the great achievements of the past, but also on the examples of the latest achievements of the country in various fields, on new ideals and heroes of our time. It is important to create conditions for the growth of youth activity in the socio-political life of the country, to propose social and political projects that consolidate the majority. At the country's top leadership, there is an understanding of the need to change the approaches and content of work with Russian youth, and there have been positive changes in the country that can contribute the formation of patriotic attitudes among young people.

Keywords: Russian youth, patriotism, youth values, unpatriotic feelings, challenges and tasks of patriotic education, traditional values, involvement in socio-political life, new approaches, Russia of the future

Author Info: Kulbachevskaya, Olga V. — Researcher, the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology

(Moscow, Russian Federation). E-mail: ola_kul@mail.ru

For citation: Kulbachevskaya, O. V. 2023. Youth Patriotism as a Strategic Resource for Russia's Development: Potential, Challenges, Risks. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 4: 20–36.

Funding: The research was carried out within the Program of fundamental and applied scientific research “Ethnocultural Diversity of Russian Society and Strengthening of the All-Russian Identity”.

Введение

Патриотизм всегда являлся важной составляющей развития России и ее национальной идеологии. Однако после начала специальной военной операции на Украине (далее — СВО) и последующих событий на внешнеполитической арене, несущих экзистенциальную угрозу нашей стране, патриотизм как никогда становится движущей силой и ресурсом для защиты, укрепления, устойчивости и успешного развития российского государства. Очевидно, что патриотические настроения молодого поколения имеют огромное значение для построения будущего любой страны. Когда молодые люди любят и ценят свою родину, они стремятся внести свой вклад в ее развитие и процветание. Патриотически настроенная молодежь активно участвует в общественно-политической жизни страны, не безразлична к ее судьбе и готова работать ради ее будущего. Деятельностные патриоты становятся опорой государства в различных сферах, их труд, талант, энергия помогают двигать страну вперед. От патриотизма молодых зависит завтрашний день России.

На новейшем сложном этапе истории наблюдается консолидация российского общества вокруг национальной идеи и национальных интересов. По данным Всероссийского центра исследований общественного мнения (ВЦИОМ), число граждан, считающих себя патриотами, в 2022 г. достигло максимальной отметки (92%) за период с 2000 г. (Абрамов 2022: 4). За последние двадцать с лишним лет существенно выросла доля россиян, полагающих, что быть патриотом — это работать и действовать во благо страны (35% в 2000 г. и 50% в 2022 г.) и тех, кто одним из проявлений патриотизма считает защиту своей страны от любых нападок и обвинений (32% в 2020 г. и 44% в 2022 г.). Но в случае с российской молодежью дело обстоит несколько иначе.

Исследователи отмечают бесценивание за последние десятилетия понятия патриотизма у российской молодежи, что связано с радикальными изменениями в социально-экономической и политической жизни российского общества, находящегося на этапе строительства новой российской государственности после распада СССР. В течение постсоветского периода на фоне глобализационных процессов и международного обмена информацией вектор ценностно-нормативных установок молодежи был переориентирован на индивидуализм и приоритет достижения личных целей. Все меньшее значение для молодых стали иметь такие ценности, как самопожертвование и преданность Отечеству. Для большинства российских молодых граждан стал характерен «моральный релятивизм» и равнодушие к идеалам (Гориков, Шереги 2020: 175), исторический и правовой нигилизм. Часть молодых людей стала выбирать другие системы нравственных ценностей и социально-политические ориентации, отрицая ценности предшествующих поколений (Горюнов, Гребенников 2016: 92). Интернет и средства массовой информации, имеющие боль-

шое влияние на сознание и поведение молодежи, сыграли свою отрицательную роль в формировании и укреплении чувства патриотизма, вследствие наполненности негативным контентом в отношении России (Милявская 2021: 33).

Патриотические настроения и ценностные установки в молодежной среде

Прежде, чем мы подробнее рассмотрим специфику патриотических настроений российской молодежи на современном этапе, обратимся к результатам исследований последних лет, дающим представление о ценностях и приоритетах молодых граждан. Очевидно, что усвоение социокультурных и духовно-нравственных ценностей общества зависит от процесса социализации молодого поколения. Успешная социализация является залогом «здравого» патриотизма и связанной с ним активной гражданской позиции. Каких ценностей и жизненных ориентиров придерживается современная молодежь?

Согласно результатам опроса, проведенного ВЦИОМ в декабре 2022 г. (Ценности молодежи 2022), первоочередное значение для молодых граждан России имеют семейные ценности. На втором месте стоят возможность для достижения поставленных целей и качественная среда проживания. Наименьший вес в системе ценностей молодых занимает участие в общественно-политической жизни страны. Основными жизненными ориентирами являются высокий уровень благополучия, спокойная жизнь и забота о своей семье. Плохо осведомлен об истории своей страны каждый пятый, а об истории своей семьи каждый четвертый молодой гражданин России.

Картину дополняют и уточняют данные масштабного исследования ценностных ориентиров молодежи в России, проведенного в 2022 г. Институтом воспитания РАО (После уроков 2022). В исследовании приняли участие более 200 тыс. человек: школьники, родители, педагоги и представители молодежи из 85 регионов РФ. Среди результатов исследования, на которые следует обратить особое внимание, можно назвать следующие:

- для современной молодежи (также и для детей) нет примеров для подражания, идеалов, героев;
- отсутствует ценность труда и высшего образования, выбор профессии в большей степени зависит от уровня заработной платы и личных интересов;
- слаба гражданская позиция, нет осознания гражданской ответственности и интереса к участию в делах страны;
- несмотря на то, что молодежь проявляет интерес к истории и традициям семьи, эти ценности она не проецирует на себя.

В 2020–2021 гг. сотрудники этнологии и антропологии РАН провели исследование общегражданских и социокультурных ценностей в восприятии студенческой молодежи в четырех федеральных округах России (Мартинова, Белова, Зыкина, Кляус 2023). Согласно результатам исследования, студенческая молодежь в достижении своих жизненных целей предпочтает полагаться на себя. На органы государственной власти рассчитывает очень незначительная часть студенчества, а чувство гордости за свою страну в наименьшей степени затрагивает политическую сферу (многих не удовлетворяют механизмы реализации политических прав и свобод граждан). Для возникновения патриотических чувств первостепенную значимость в студенческой среде имеют научные открытия, культурные и спортивные события.

Очевидно, что в новый сложный этап истории нашей страны мы вошли, имея тревожные тенденции в молодежной среде. В этой связи нельзя переоценить важность изучения уровня патриотизма молодежи, актуальности вопросов патриотизма в системе ценностных ориентаций молодых граждан и выявления характера их общественно-политической активности (которая может дать представление о деятельности патриотизме). Это и было одной из задач этносоциологического исследования, проведенного автором статьи в августе-сентябре 2022 г. в рамках Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности (рук. академик РАН В. А. Тишков). Исследование проводилось в форме анонимного онлайн-опроса в Центральном, Приволжском, Северо-Кавказском федеральных округах и городе федерального значения Москва. Совокупная выборка составила 800 человек (по 200 человек в каждом регионе), из них 49% мужчин и 51% женщин в возрасте от 18 до 35 лет.

Результаты опроса показали, что безусловное чувство патриотизма свойственно около двум третям молодых граждан. Чуть более четверти (28%) также являются патриотами России, но не в полной мере, то есть испытывают чувство патриотизма частично. Тех, кто не испытывает никаких патриотических чувств,казалось бы, немного (6%), однако если учесть еще 4% респондентов, затруднившихся с ответом на вопрос «Считаете ли Вы себя патриотом России», можно говорить о том, что десятая часть опрошенной молодежи не может заявить о любви к своей Родине.

Одним из главных факторов возникновения патриотических чувств является гордость за свою страну. В ходе исследования выяснялось, чем именно гордится российская молодежь. Гордость за страну у молодых людей вызывают, в первую очередь, победа в Великой отечественной войне (69%), культурное наследие страны (65%), а также ее история (62%). Предметом для гордости более половины опрошенных считают природные богатства России. В меньшей степени респонденты испытывают гордость в связи с принадлежностью к своей национальности (39%) и современными достижениями российской науки (35%). На последнем месте стоят современная культура России (26%) и ее современное политическое влияние в мире (23%). Тех, кто не находит оснований для гордости за свою страну, немного (6%). В целом можно сказать, что базовым, объединяющим фактором формирования патриотизма в молодежной среде является гордость за историческое, культурное и военное прошлое страны, что позволяет молодым ощущать себя гражданами единой страны с великим наследием, в то время как достижения России в различных сферах на этапе новейшей истории вызывают у респондентов меньше положительных чувств: «Хотелось бы гордиться настоящим, а не прошлым» (ж, 18–24 лет, гражданка мира, Москва). Тем не менее, можно наблюдать некоторые сдвиги в массовом сознании молодежи в отношении современного развития страны. Небольшая часть респондентов в качестве основания для гордости указала российский спорт, интеллектуальный потенциал российского народа (современные изобретения, качество ИТ продуктов, сайтов, приложений). Молодежь начинает гордиться своим народом, который имеет свойство при необходимости (включая текущую ситуацию) сплачиваться и становиться «одним фронтом», «друг за друга». У некоторых есть осознание величия своей родины: «Я горжусь, что мы живем в такой великой стране и под предводительством такого великого президента (м, 18–24 лет, первая национальность русский, вторая —

чеченец, Кабардино-Балкарская Республика). Отмечаются и социальные достижения: уровень урбанизации крупных городов, эффективная работа государственных сервисов (МФЦ, Госуслуги) и др.

Общемировая значимость глобальных, перемен, инициированных Россией, еще не подверглась глубокому осмыслению со стороны молодого поколения, также как и значительные трансформационные сдвиги внутри страны. Для большинства молодых важно наше великое и богатое прошлое, однако, они пока что в недостаточной степени осознают современные достижения России (социальные, культурные, технологические и др.). Особенно это касается самых молодых (18–24 лет) и жителей крупных городов. Взрослая молодежь (30–35 лет) чаще расценивает современное влияние России в мире как предмет для гордости за свою страну. Жители небольших городов и сельской местности, для которых в большей степени характерна форма общегражданского, а не этнического патриотизма, больше ценят современную культуру России и внешнеполитическое влияние страны.

Схожие результаты показало упомянутое ранее исследование студенческой молодежи, проведенное сотрудниками ИЭА РАН в 2020–2021 гг. Ученые пришли к выводу, что, в первую очередь молодежь гордится победой в Великой Отечественной войне и великими достижениями советской космонавтики, в то время как положительная оценка «достижений и направлений деятельности нашего государства постсоветского периода отличается меньшей устойчивостью, поскольку в обществе отношение к современным событиям только формируется» (Мартынова, Белова, Зыкина, Кляус 2023: 112).

Какое содержание вкладывают молодые граждане нашей страны в понятие «патриотизм»? По результатам опроса, для почти двух третей молодых респондентов патриотизм означает в первую очередь национальное самосознание, гордость за принадлежность к своей нации (что можно назвать как любовь к большой Родине), а также любовь к родному дому, городу, верность национальной культуре и традициям (любовь к малой Родине). Вторыми по значимости качествами патриота для молодежи являются готовность к самопожертвованию, готовность терпеть трудности, стремление трудиться ради блага и процветания своей страны, сохранение исторической памяти, а также активная гражданская позиция (более трети респондентов). На третьем месте стоят интернационализм и готовность к сотрудничеству с представителями других национальностей в интересах своей Родины (четверть опрошенных).

То, что патриот должен проявлять интерес к событиям в своей стране и поддерживать отечественного производителя, считает не так много молодых людей (пятая часть респондентов). Еще меньшее значение для молодежи имеют такие признаки патриотизма, как нежелание уезжать из России, служба в армии и готовность защищать Родину, поддержка руководства страны. На наш взгляд, это свидетельствует о не очень благоприятной ситуации в молодежной среде, и именно этим аспектам патриотического воспитания необходимо уделять первоочередное внимание.

Необходимо также воспитывать в молодых гражданах стремление участвовать в общественно-политической жизни, при этом, что очень важно, обеспечивая ей возможность широкого участия в строительстве настоящего и будущего страны. Тогда патриотизм молодежи будет деятельностьным и позволит любовь к Родине выразить в делах. На сегодня это далеко не так. Результаты нашего исследования показали, что российская молодежь характеризуется большой степенью аполитичности и не-

доверия к политическим партиям и движениям, слабо вовлечена в политические процессы и общественную жизнь страны. Основным способом для части молодежи заявить о своих проблемах и инициативах является подписание петиций и обращений. В форме протестных и агитационных действий отстаивает свои интересы небольшая часть молодых людей (менее десятой части).

Отдельным вопросом стоит участие молодежи в выборах (лишь 16% считают, что патриот должен участвовать в выборах). В качестве избирателей на выборах участвует чуть больше половины опрошенных молодых граждан. Заявляет себя кандидатами на выборах, а также привлекается к участию в проведении избирательных кампаний очень незначительная часть молодежи (3% и 5%). Политическую активность в качестве членов политических партий и движений проявляет также малая часть опрошенной нами молодежи (5%). Самые активные избиратели — это граждане 25–29 и 30–35 лет. Самые молодые существенно реже участвуют в выборах.

С общественно-полезной деятельностью молодежи дело обстоит также не лучшим образом. Лишь 15% молодежи задействовано в работе общественных организаций. Около пятой части занимаются благотворительностью, собирают средства нуждающимся и участвуют в коллективном обустройстве мест жительства (подъездов, дворов, районов).

Казалось бы, результаты исследования относительно общественно-политической активности молодежи идут в разрез с тем, что по мнению значительной части молодых респондентов, определяющими качествами патриота являются стремление трудиться на благо родины и активная гражданская позиция, то есть слова о патриотизме у молодых расходятся с делом. По всей видимости, такая ситуация сложилась не только в силу того, что в течение последних десятилетий молодежь становилась все больше ориентированной на личные интересы и подвергалась западной пропаганде, но также и государство не рассматривало в должной мере эту социально-демографическую группу населения как активного участника общественно-политических процессов, то есть не предоставляла молодежи широких возможностей.

Очевидно, что патриотические настроения могут различаться в зависимости от конкретных обстоятельств, социокультурного контекста, индивидуальных взглядов, а также варьироваться в зависимости от возрастной группы, образования, региональной принадлежности и других факторов. Рассмотрим результаты исследования по данным параметрам.

На первом месте по количеству частичных патриотов и непатриотов стоит возрастная группа от 18 до 24 лет, с очень небольшой разницей за ними следуют молодые люди в возрасте от 25 до 29 лет, среди респондентов более старшего возраста, от 30 до 35 лет, доля не разделяющих патриотические чувства частично или совсем — меньше (почти на 10% меньше частичных патриотов и в два раза меньше непатриотов). Среди самых молодых (18–24 лет) существенно больше тех, кто полагает, что родину можно любить и вне ее пределов и не обязательно поддерживать руководство страны. С другой стороны, представители именно этой возрастной группы полны энтузиазма и сил для преодоления сложных жизненных задач, в то время как по мере взросления ослабевает готовность жертвовать и терпеть трудности во благо родины. Как видим, самые молодые граждане, в силу свойственным ранней молодости эмоциональному восприятию жизни, категоричности, идеализма и обостренному чувству справедливости, в большей степени подвержены риску формирования непатриотических настроений, но в то же

время эта возрастная группа является мощным ресурсом для проявления деятельного патриотизма, который является залогом построения благополучного будущего.

В несколько меньшей степени, по сравнению с молодыми людьми, получающими или имеющими высшее образование, выражены патриотические настроения у молодежи со средним и средним специальным уровнем образования. Люди без образования или с неполным, как правило, занимают полярные позиции: либо безусловный патриот, либо непатриот.

Молодые жители сельской местности и небольших городов чуть более патриотичны, по сравнению с молодежью больших городов, и имеют большую готовность к преодолению трудностей ради страны, больше ценят современную культуру России и внешнеполитическое влияние страны, реже испытывают стыд за Россию, но при этом они менее политически активны (полагающих, что настоящий патриот должен участвовать в выборах и митингах, в этой категории в два раза меньше, чем в категории жителей больших городов). Н. А. Белова отмечает, что «В провинциальных городах молодежь более скромная и менее решительная в своих целях, а желание противостоять обществу ... незначительно, вероятно это следствие более консервативного и строгого воспитания в семьях» (Белова 2021: 33). Соглашаясь с мнением исследовательницы, от себя добавим, что возможно, именно консервативное и строгое воспитание в провинциальных семьях играет положительную роль в формировании таких качеств патриота, как готовность претерпевать трудности, ценить традиционные ценности и уважать свою страну. Кроме того, у такой молодежи есть опыт противостояния неблагоприятным социально-экономическим факторам. В то время как в крупных городах, где наблюдаются большая социальная мобильность, разнообразие и многовекторность социальных связей, стилей жизни, с одной стороны, для молодежи предоставляются большие возможности для социализации, с другой стороны, разнообразие культурных стереотипов, ценностных ориентаций, анонимность могут повлечь за собой снижение нравственно-духовной ответственности и ослабить патриотические чувства.

С позиции этнической принадлежности не обладающих безусловным чувством патриотизма (патриот частично) больше всего среди молодых людей со смешанной этнической идентичностью и нерусских национальностей, среди них также наибольшее количество непатриотов. Русские респонденты по частоте ответов лидируют по таким признакам патриотизма, как нежелание уезжать из России и поддержка руководства страны. В меньшей степени на это ориентированы молодые люди нерусских национальностей, но при этом они больше других выступают за интернационализм и ожидают, что патриот будет готов к сотрудничеству с представителями других национальностей.

Лидером среди четырех регионов по количеству патриотичных молодых жителей оказался Северо-Кавказский федеральный округ (68%), молодежь этого региона характеризует большая готовность к самопожертвованию и готовность терпеть трудности ради любви к большой родине. В СКФО наименьшее число тех респондентов, у которых нет оснований гордиться Россией, и меньше всего тех, кто испытывает стыд за страну.

У молодых жителей Приволжского федерального округа, по сравнению с другими регионами, в чуть большей степени выражена любовь к малой родине и верность национальной культуре и традициям.

Москва занимает последнее место по количеству молодых патриотов (60%), здесь наиболее часто встречаются молодые граждане, испытывающие стыд за Россию.

Кроме того, молодые москвичи в меньшей степени наделяют понятие «патриотизм» такими характеристиками как поддержка руководства страны, служба в армии, поддержка отечественного производителя.

В Центральном федеральном округе наблюдается наименьшая доля тех, кто считает, что патриотизм должен выражаться в интересе к событиям в стране.

Подытоживая, можно говорить о недостаточно высоком уровне патриотизма у российской молодежи. Наличие существенной доли тех молодых людей, кто не может заявить о безусловной любви к родине, свидетельствует о том, что ряд факторов социальной и общественно-политической ситуации в стране не позволяет части молодых граждан полностью принять нормы и ценности российского общества, а также успешно реализовать свои жизненные планы. Такая молодежь, наряду с непатриотами, находится в зоне риска формирования радикальных настроений. Тем не менее, большая часть молодых людей активно выражают свою поддержку и любовь к России, рассматривая патриотизм как важное национальное качество. Встречаются, пусть и в незначительном количестве, молодые граждане, полагающие, что настоящий патриот ответственен за память, которую он оставит после себя: «Желание сделать все, чтобы будущие поколения гордились предками» (ж, 18–24 лет, Московская область), и те, для кого важен духовный аспект патриотизма: «Молитва за Родину, правителей, за мир в родной земле» (ж, 30–35 лет, Московская область).

Патриотизм у молодых граждан России базируется в первую очередь на общенациональной и этнической идентичности. В ценностном наполнении чувства патриотизма наблюдается недостаточность духовно-нравственной компоненты, которая отвечает за готовность служить родине, защищать ее, претерпевать трудности во благо своей страны. Налицо также дефицит интернационализма, гордости за новейшую историю своей страны и поддержки руководства государства.

Факторы, негативно влияющие на формирование патриотических установок

Анализ отрицательных ответов респондентов на вопрос о том, являются ли они патриотами России, показывает, что основные причины возникновения непатриотических настроений в молодежной среде лежат в политической и социально-экономической сферах. Как уже было отмечено, наибольшее количество непатриотов встречается в возрастных группах 18–24 и 25–29 лет. Кроме того, в наибольшей степени непатриотическим настроениям подвержены респонденты с затруднительным и тяжелым материальным положением, а также с низким уровнем образования. Такую ситуацию можно объяснить тем, что самые молодые люди, еще не имеющие устоявшейся системы ценностей, при этом остро реагирующие на несправедливость, невозможность осуществить свои мечты и жизненные устремления, в том числе из-за неблагополучного материального положения, в большей степени могут иметь претензии к власти и быть подвержены влиянию оппозиционных сил. Также не надо забывать, что в последние десятилетия патриотическое воспитание в нашей стране имело уклон в военную плоскость (военно-патриотический аспект воспитания развивает необходимые качества и навыки для выполнения воинского долга, но, как оказалось, не стимулирует желание это делать), при этом идеологическая и духовно-нравственная сторона процесса не была выражена в достаточной степени, а молодежь имела доступ к образцам западной культуры и была объектом пропаганды западных ценностей.

Результаты исследования показали, что основную часть непатриотов составляют те молодые люди, которые не поддерживают специальную военную операцию на Украине: «Россия развязала войну. Какой тут патриотизм?» (ж, 30–35 лет, русская, Москва), «Спецоперация, она убила последние капли патриотизма» (м, 18–24 лет, множественная этническая идентичность без уточнения, Северная Осетия), «Патриотизм — это когда твою страну разваливают изнутри, ты не молчишь и не миришься с этим как баран. Мы напали на другую страну и не признаем этого» (м, 18–24 лет, без указания национальности, Северная Осетия).

В целом можно выделить группу молодежи, у которой *отсутствуют патриотические чувства в силу их политических взглядов*. Это молодые люди, *ориентированные на западные либеральные ценности, не поддерживающие внутри- и внешнеполитический курс России и считающие свою страну авторитарным государством* (для которого характерны культ личности, коррупция, воровство, власть олигархов, несоблюдение международного права, государственный нацизм по отношению к другим странам, политические убийства и заключения в тюрьмы, «поддержка сепаратистов и террористов по всему миру», нарушение прав человека, отсутствие свободы слова, фейковые новости в СМИ). Молодежь из этой группы испытывает стыд за свою страну, а порой и неуважение к государственным символам: «<стыдно> за высказывания высших должностных лиц в сторону Запада, за уровень жизни населения по сравнению с обеспеченными странами, где нет даже таких природных ресурсов, как у России» (ж, 18–24 лет, чувашка, Москва), «испытал стыд, когда школьников заставили петь гимн» (м, 18–24 лет, национальность не указана, КБР).

Как уже было сказано выше, российская столица лидирует по числу непатриотически настроенных молодых людей. В этой связи хочется дополнить картину следующими данными. В июле-августе 2021 г. в рамках проекта РФФИ № 21-011-31820 ОПН «Миграционные процессы и их влияние на социально-экономическое развитие Центральной России: сравнительный анализ провинциального и мегаполиса (на примере Костромской области и г. Москвы)» (рук. А. М. Белов) автор статьи провела опрос населения в Москве. В ходе опроса задавались вопросы о миграционных намерениях жителей столицы, причинах желания покинуть страну, претензиях к властным структурам. Анализ ответов респондентов от 18 до 35 лет показал, что почти четверть молодых респондентов планирует уехать из России на длительный срок или на постоянное жительство. Около пятой части молодых москвичей имеют негативный образ России и настроены против власти. Основные причины недовольства властью — коррупция, воровство, ненадлежащее исполнение законов, ущемление гражданских прав, полицейский произвол.

Много претензий со стороны московской молодежи к власти носило социально-экономический характер. Молодые люди, намеревающиеся уехать из России, причиной отъезда указали низкий уровень жизни (недостаточный доход, уровень цен на продукты питания, невозможность откладывать и копить деньги), второй немаловажной причиной оказалась невозможность карьерного роста. Небольшая часть респондентов из этой группы обратила внимание на неудовлетворительный уровень образования, отсутствие возможностей для развития молодежи и ее встраивание в российское общество, снижение культурного и духовного уровня общества, особенно молодежи. Многие указывали на бедность населения, низкие пенсии, недоступность качественного медицинского обслуживания, неразвитость рынка труда, расслоение общества на

бедных и богатых и др. Очевидно, что неудовлетворенность молодежи социально-экономической ситуацией вызывает ослабление патриотических чувств.

Таким образом, ряд негативных социально-экономических факторов, таких, по мнению молодежи из четырех российских регионов, как коррупция, социальное неравенство, где большинство находится в бедственной ситуации на фоне высоких зарплат депутатов, футболистов и др., бедственное положение ветеранов Великой отечественной войны, повышение пенсионного возраста, отсутствие перспектив, — обусловливают ослабление либо отсутствие патриотизма у части молодых граждан страны. То есть вторым фактором, негативно влияющим на формирование патриотических установок, являются *социально-экономические проблемы и невозможность для молодежи реализовать свои жизненные планы и устремления*.

Есть еще один фактор, который имеет значение для совсем небольшой части российской молодежи, — это *ощущение себя униженным по нациальному и этническому признаку*. Непатриотические настроения и отторжение от своей страны и народа у таких молодых людей вызваны образом «униженной России» и «угнетенного русского народа»: «Русский народ стал опущенным, нас гнобили веками, загнобили до того, что у народа опустились руки и ему стало на все плевать, будь что будет, у нас нет воли, нет свободы, мы ничего не можем, русские в основном стали ленивыми трусами, а те, кто показывают, что это не так, платят за это оставшейся мизерной свободой, жизнями» (м, 25–29 лет, русский, Москва); «Да мы постоянно по уши в параше, и весь мир над нами насмехается и ноги вытирает, а мы только мычим и окулярами хлопаем» (м, 25–29 лет, русский, Владимирская область).

Можно выделить также очень немногочисленную, группу молодежи, представители которой не заинтересованы в патриотических идеалах и полагают, что патриотизм — это *понятие, идеологически конструируемое и используемое для манипуляции населением*: «Это очковтирательство и промывание мозгов» (м, 18–24 лет, цыган, Самарская область).

Ключевые вызовы и задачи в вопросе патриотического воспитания молодежи

Наше исследование 2022 г. показало, что наибольшее влияние на формирование патриотических чувств у молодежи оказывают родители. На втором месте по степени воздействия стоят окружающие люди и друзья, на третьем — школа. Средства массовой информации, по мнению молодежи, оказывают не столь значительное воздействие на формирование у них патриотизма (пятая часть всех опрошенных). На последнем месте по степени влияния стоят органы власти. Отметим, что госструктуры, занимающиеся патриотическим воспитанием молодежи, имеют значение в первую очередь для молодых мужчин, что, по всей видимости, связано с тем, что в большинстве своем именно мужчины занимаются в клубах и центрах военно-патриотического воспитания и иных государственных организациях подобного рода. Для молодых женщин большее значение имеют родители.

Региональные отличия практически отсутствуют, за исключением того, что для молодых москвичей, по сравнению с другими регионами, характерно чуть меньшее влияние школы в этом вопросе (такая же ситуация и в других больших городах). В Северо-Кавказском федеральном округе, в отличие от других регионов, наблюдается большее влияние на молодежь органов власти.

Для русских респондентов характерна большая роль родителей в воспитании люб-

ви к родине, в то время как у представителей нерусских национальностей на это влияют не только родители, но и заметно влияние патриотического воспитания в школе.

Совсем небольшая часть опрошенных отмечает, что на формирование у них патриотизма оказала влияние также культура: литература (проза и поэзия, изобразительное искусство, музыка, кино (в том числе советские фильмы, а также мультфильмы), песни, деятели культуры. Некоторые выделяют духовную, метафизическую природу своих патриотических чувств: «Моя вера, воцерковление, духовная жизнь в православной Церкви (в широком понимании этого явления)» (ж, 30–35 лет, первая национальность русская, вторая — приднестровка, Московская область); «Душой люблю свою родину» (м, 18–24, русский, Самарская область). Природа также оказывает влияние на небольшую часть опрошенных. Для части молодежи на формирование патриотических чувств также оказывает влияние сильный лидер — президент страны.

Около одного процента молодых респондентов отрицают чье бы то ни было влияние и дают ответ «Я сам» (при этом не являясь патриотами). Встречаются среди молодых зрелые личности, чьи патриотические чувства устойчивы, продиктованы собственной природой и осмыслением и не зависят от внешнего влияния: «Я сама, так как Родину надо любить, что бы там ни было» (ж, 18–24 лет, кабардинка, Кабардино-Балкарская Республика).

Некоторыми был указан еще один инструмент влияния — это интернет: социальные сети (ВКонтакте, Телеграм) и видеохостинг YouTube.

Для взрослой молодежи (30–35 лет) наряду с родителями существенную роль в формировании чувства патриотизма играли не только школа, но и окружающие люди и друзья, а в случае самых молодых (18–24 лет) мы наблюдаем ослабевание роли ближайшего окружения и усиление роли СМИ. Представители группы 25–29 лет занимают промежуточное положение.

В целом, в отношении влияния различных институтов на формирование у молодежи патриотизма следует отметить незначительную роль СМИ (за исключением ситуации с самыми молодыми — 18–24 лет) и органов власти. А также для такого мощного инструмента влияния, каким призвана быть школа, наблюдается недостаточное ее воздействие.

Очевидно, образовательные учреждения, начиная от школ и заканчивая вузами, являются очень важным фактором в патриотическом воспитании. Именно они должны играть ключевую роль в процессе формирования у молодежи правильных патриотических убеждений, гражданской позиции и уважения к своей стране и ее истории. Усиление роли образовательных учреждений в патриотическом воспитании должно стать одной из первоочередных задач государства, также должны быть учтены ошибки недавнего прошлого.

Интересен тот факт, что представители взрослых поколений понимают, что в воспитании современной молодежи были серьезные упущения. Об этом свидетельствуют многочисленные комментарии простых граждан в электронных СМИ к новостям о протестных акциях после начала СВО, основными участниками которых была молодежь. Люди отмечают, что использование молодежного ресурса для дестабилизации ситуации в стране стало возможным вследствие ошибок в работе с молодежью со стороны государства. Очень красноречивые комментарии отражают суть проблемы: «Вот она, молодежь, воспитанная на западных ценностях. А нас воспитывали в патриотическом ключе. И как бы нам тяжело не жилось, мы любим свою Родину и защищать ее будем», «Они ни историй не знают, ни в ситуации не разбираются».

Соглашусь с теми, кто говорит, что их надо волонтерами на Донбасс», «Пиндосы им на уши присели, денег дали, вот они и вышли. С молодежью надо беседы патриотические проводить. Кто может представить, чтобы советские пионеры вышли так с плакатами. Если им даже кучу денег бы давали, они не пошли. Воспитание у нас гнилое стало», «Это результат воспитания и образования. Надо этих министров приглашать участвовать в процессе задержания. Это их рук дело. Целое поколение в унитаз спустили», «Боже, какое поколение дебилов мы воспитали. Которые не умеют анализировать, думать, а умеют только потреблять».

Одним из вызовов для патриотического воспитания молодежи являются глобализация и международный обмен информацией, что привело и может приводить в дальнейшем к появлению конфликтов между традиционными ценностями российской культуры и образцами западной культуры. По результатам нашего исследования, интернет является для молодых основным источником информации. Однако половина респондентов указала на то, что телевидение (в первую очередь главные федеральные каналы) также имеют важное информационное значение. И если с 24 февраля 2022 г. общественно-политический дискурс страны претерпел существенные изменения и риторика российских СМИ стала носить консолидирующий, патриотический характер, а контент телевизионных каналов направлен на отстаивание традиционных ценностей российского общества, на освещение новейших социальных, культурных, научных, экономических, технологических достижений страны, на чествование новых героев государства Российского, то интернет-сфера изобилует самой разной информацией. Именно поэтому необходимо усилить патриотическую работу в социальных сетях и интернет-блогах, используя молодежных кумиров и лидеров молодежных общественных движений. Современная молодежь обладает новыми технологиями и возможностями для распространения идей, и это позволит патриотически настроенной молодежи влиять на общественные процессы и настроения в молодежной среде.

Нужно усилить исторический компонент в патриотическом воспитании. Молодежи необходимо знать новейшую историю страны, включая достижения в научной, культурной, экономической, социальной и других областях.

Важно разработать меры по вовлечению молодежи в общественно-политическую жизнь страны, мотивировать ее на такие формы политического участия граждан, как участие в выборах, входжение в политические партии и движения. Государству нужно налаживать диалог с молодежью, формировать и усиливать влияние молодежных гражданских, общественно значимых организаций, предлагать молодым интересные социальные практики и проекты. Важно активнее вовлекать молодежь в волонтерскую деятельность, поскольку с ее стороны есть на это запрос (*Мартынова, Белова, Зыкина, Кляус 2023:116*). Консолидирующими фактором может стать создание общенационального молодежного движения.

Наше исследование показало, что, в числе прочих, значимым основанием для гордости за свою страну у российской молодежи являются природные богатства. Представляется, что развитие внутреннего молодежного туризма, а также обеспечение доступности с материальной точки зрения поездок в удаленные красивейшие места страны внесут свой вклад в укрепление патриотических чувств молодых граждан.

Еще один немаловажный аспект: на современном этапе важно не просто внушать молодежи патриотические идеи, а постараться изложить их в современных терминах и формах, чтобы они соответствовали современному миропониманию молодых.

С особым вниманием следует пресекать распространение в молодежной среде такого явления, как ультрапатриотизм (турбопатриотизм). Эта нетерпимая и агрессивная идеология, исповедующая крайние меры, присуща части россиян. Не нужно забывать, что любовь к своей родине, своему народу, доведенная до крайности, превращается в нацизм. Радикальная активность ультрапатриотов, среди которых есть молодежь, в социальных сетях и телеграм-каналах выражается не только в крайне негативных оценках, но и в призывах к жестким мерам и насильственным расправам над инакомыслящими. Часть ультрапатриотов крайне негативно высказывается в адрес представителей украинского народа, а также представителей других национальностей (например, казахов и грузин после сообщений о случаях проявления русофобии в Казахстане и Грузии и др.). Производство и тиражирование негативных этнических стереотипов, безусловно, должно расцениваться как разжигание ненависти по этническому признаку. Необходимо больше внимания уделять воспитанию молодежи в духе интернационализма, уважения и готовности к сотрудничеству с представителями других национальностей в интересах своей Родины.

Заключение

Ряд факторов, действующих на протяжении постсоветского периода развития России, таких как отсутствие четкой идеологии в процессе патриотического воспитания молодежи, упущения в формировании традиционных и духовно-нравственных ценностей и идеалов; социальные и общественно-политические процессы в стране, имеющие негативный характер и не позволяющие молодежи успешно реализовывать свои жизненные планы и устремления; глобализационные процессы, международный обмен информацией и влияние образцов западной культуры, обусловил недостаточный уровень патриотизма в молодежной среде на современном этапе.

Для большинства молодых граждан характерно слабое вовлечение в общественно-политическую жизнь страны, то есть наблюдается дефицит деятельностного патриотизма. Часть молодежи ориентирована на западные либеральные ценности, не поддерживает внутри- и внешнеполитический курс России и имеет негативный образ своей страны. Основной причиной частичного патриотизма либо отсутствия патриотических чувств являются настроения радикальной направленности в политической сфере.

Первоочередной задачей молодежной политики должно стать усиление духовно-нравственной компоненты и воспитание молодого поколения не только на образцах великих свершений прошлого, но и на образцах новейших достижений страны (социальных, культурных, технологических, научных, спортивных и др.), а также на новых идеалах и героях нашего времени. Важно создать условия для роста активности молодежи в общественно-политической жизни страны, для влияния молодежных гражданских ассоциаций, выражающих интересы молодежи как самостоятельной социально-возрастной и социокультурной группы, должны быть предложены консолидирующие социальные и политические проекты.

Следует сказать, что последние два года в стране наблюдаются большие позитивные перемены. На самом высоком уровне есть понимание необходимости менять подходы и содержательное наполнение работы с российской молодежью, и для этого делаются конкретные шаги.

Президент страны В. В. Путин 9 ноября 2022 г. подписал Указ № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». На встрече В. В. Путина с историками и представителями традиционных российских религий по случаю 10-летия воссоздания Российского исторического общества и Российского военно-исторического общества 4 ноября 2022 г. обсуждались вопросы преподавания российской истории молодому поколению, необходимости популяризации академического знания, перехода изучения истории на молодежный формат (использование квестов, игр, видеороликов, новых электронных платформ, произведений искусства, в частности, музыки, песен, фильмов).

В стране разработана новая концепция преподавания истории, составлен учебник, объединяющий всеобщую историю и историю России в единый курс. Новый учебник будет современным и интерактивным (со ссылками на музеи, ведомства и др.). В него добавлены материалы по истории Востока, Азии, Африки и Латинской Америки, отражена роль России в мировой истории. Завершает учебник часть о современной ситуации в мире, в том числе вокруг Украины, рассматривается политика НАТО (*Новоселова 2023*).

Федеральное агентство по делам молодежи совместно с ФГБУ «Российский центр гражданского и патриотического воспитания детей и молодежи» в 2022 г. разработали методические рекомендации «Основы патриотического воспитания граждан Российской Федерации», в которых предложены актуальные меры по улучшению ситуации: разработка сбалансированной идеологической платформы патриотической работы, осовременивание патриотического воспитания, внедрение новых форм и методов работы с молодежью, создание Российского движения детей и молодежи, формирование среды взаимодействия лидеров молодежных патриотических проектов, и др. (*Основы 2022*).

В рамках Федерального проекта «Патриотическое воспитание граждан РФ» Институт воспитания РАО проводит мониторинг ценностных ориентаций современной молодежи и предлагает методическую помощь родителям и педагогам. Результаты мониторинга 2022 г. учтены при актуализации Примерной рабочей программы воспитания для общеобразовательных организаций (*После уроков 2022*).

Большое значение имеют социальные и патриотические движения молодежи, которые активно организуются в современной России, такие, как «Юнармия», «ДоброВолец России», «Российский союз молодежи», «Молодая Гвардия», и многие другие. Они формируют ценности патриотизма, готовность к служению Родине, военно-патриотическую направленность молодежи.

Популярными площадками в интернете для обмена мнениями и информацией о патриотических, молодежных мероприятиях являются форумы, блоги и социальные сети (например, «Патриотический форум» (<https://patriotforum.ru/>)). Молодежные сообщества в социальных сетях принимают активное участие в патриотических кампаниях и инициативах (например, проект «Патриотический июль», приуроченный ко Дню народного единства). Молодежные сообщества активно обсуждают на своих страницах в соцсетях мероприятия и идеи, направленные на поддержку и продвижение идеалов патриотизма.

Такие стремительные перемены, на наш взгляд, являются залогом успешного формирования патриотизма в молодежной среде. Учет инейтрализация вышеупо-

мянущих вызовов и рисков в сфере патриотизма при выстраивании государственной молодежной политики позволяют в полной мере реализовать патриотический потенциал молодежи для построения сильной и процветающей России будущего.

Источники и материалы

Абрамов 2022 — Абрамов К. В. Отношение граждан к патриотизму // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ): [сайт]. 17 апреля 2022. https://wciom.ru/file-admin/user_upload/presentations/2022/2022-04-28_Patriotizm_Abramov_K.V.pdf (дата обращения 01.06.2023).

Новоселова 2023 — Новоселова Е. Академик Александр Чубарьян: С первого сентября в школах России историю будут изучать по-новому. 2023. <https://rg.ru/2023/05/15/uchebniki-i-ucheniki-istorii.html> (дата обращения 01.06.2023).

После уроков 2022 — Новые ценности молодежи: исследование // После уроков. 2022. <https://после-уроков.рф/novye-cennosti-molodezhi-issledovanie-v-rossii/> (дата обращения 25.05.2023).

Основы 2022 — Основы патриотического воспитания граждан Российской Федерации. Методические рекомендации. М., 2022. 73 с. https://patriot.nso.ru/sites/patriot.nso.ru/wodby_files/files/document/2022/12/documents/metodicheskie_rekomendacii_osnovy_patr_vospitaniya.pdf (дата обращения 25.05.2023).

Ценности молодежи 2022 — Ценности молодежи // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ): [сайт]. 14 декабря 2022. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cennosti-molodezhi> (дата обращения 28.05.2023).

Научная литература

Белова Н. А. Символы и ценности современной российской молодежи: антропологический анализ на примере Костромской и Владимирской областей // Вестник антропологии. 2021. № 4. С. 22–36. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2021-4/22-36>

Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований. М.: ФНИСЦ РАН, 2020. 688 с.

Горюнов П. Ю., Гребенников И. В. Экстремизм и радикализм — от понятий к пониманию: методическое пособие / Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение «Городской центр социальных программ и профилактики асоциальных явлений среди молодежи «КОНТАКТ». СПб.: Амирит, 2016. 138 с.

Мартынова М. Ю., Белова Н. А., Зыкина О. А., Кляус М. П. Общегражданские и социокультурные ценности в восприятии российской молодежи // Вестник антропологии. 2023. № 1. С. 102–124. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2023-1/102-124>

Милявская Е. И. Профилактика экстремизма в контексте гражданско-патриотического воспитания подрастающего поколения // Профилактика радикализации молодежи в России: возможности цифровых образовательных сред: материалы II Всероссийской научно-практической конференции (12 марта 2021 г., г. Томск) / науч. ред. К. А. Смышляев. Томск: Издательство Томского государственного педагогического университета, 2021. С. 33–36.

References

Belova, N. A. 2021. Simvoly i tsennosti sovremennoi rossiiskoi molodezhi: antropologicheskii analiz na primere Kostromskoi i Vladimirskoi oblastei [Symbols and Values of Modern Russian Youth: Anthropological Study in the Kostroma and Vladimir Regions]. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 4: 22–36. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2021-4/22-36>

- Gorshkov, M. K. and F. E. Sheregi. 2020. *Molodezh' Rossii v zerkale sotsiologii. K itogam mnogoletnikh issledovaniy* [Russian Youth in the Mirror of Sociology. To the Results of Many Years of Research]. Moscow: FNISC RAN. 688 p.
- Gorjunov, P. Yu. and I. V. Grebenshchikov. 2016. *Ekstremizm i radikalizm — ot ponyatii k пониманию: metodicheskoe posobie* [Extremism and Radicalism — From Concepts to Understanding: a Methodological Guide]. St. Petersburg: Amirit. 138 p.
- Martynova, M. Yu., N. A. Belova, O. A. Zykina and M. P. Klyaus. 2023. Obshchegrazhdanskie i sotsiokul'turnye tsennosti v vospriiatii rossiiskoi molodezhi [National and Socio-Cultural Values in the Perception of Russian Youth]. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 1: 102–124. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2023-1/102-124>
- Miliavskaya, E. I. 2021. Profilaktika ekstremizma v kontekste grazhdansko-patrioticheskogo vospitaniia podrastayushchego pokoleniya [Prevention of Extremism in the Context of Civil and Patriotic Education of the Younger Generation]. In *Profilaktika radikalizacii molodezhi v Rossii: vozmozhnosti cifrovyyh obrazovatel'nyh sred: materialy II Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii (12 marta 2021 g., g. Tomsk)* [Prevention of Radicalization of Youth in Russia: Opportunities of Digital Educational Environments: Materials of the II All-Russian Scientific and Practical Conference (March 12, 2021, Tomsk)], ed. by K. A. Smyshliaev. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 33–36.

УДК 314+36+39

DOI: 10.33876/2311-0546/2023-4/37-50

Научная статья

© А. Г. Томаска

ОСОБЕННОСТИ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ)*

В контексте обзорного анализа динамики численности населения, миграционных процессов, этнического состава и исторических последствий социально-экономического развития Республики Саха (Якутия) представлены результаты анкетирования по двум проектам: «Этно-демографические процессы в Азиатской России: текущая ситуация, прогнозы и риски» и «Республика Саха (Якутия) и большие вызовы: социальное самочувствие, мобильность, стратегии адаптации». На их основе проанализированы интеграционные факторы и особенности формирования гражданской, региональной и этнической идентичностей. Основными интеграционными факторами при формировании гражданской идентичности в Якутии отмечены такие стандартизованные атрибуты, как «государство», «русский язык», «культура, обычаи» и т. д. Идентифицирующие признаки и принципы российской гражданской общности имеют смысл и значимость для жителей региона и свидетельствуют о полной включенности в систему ценностей российского общества. Что касается региональной идентичности, то почти каждый второй респондент отметил «близость» к «своему региону (области, республике)». В сравнении с результатами по 12 опрошенным регионам Азиатской России, высокий уровень региональной идентичности является особенностью республики, который можно оценить как положительный фактор. 56,8% респондентов считает необходимым ощущать себя частью своей этнической группы. Если в 2002 г. «около 80% якутов... и примерно половина русских» в Якутии выбирали ответ «Современному человеку необходимо ощущать себя частью своего народа», то можно предположить о трансформации этнической идентичности, снижении ее роли в социальном пространстве, ее усложнении и переходе к многокомпонентным идентичностям.

Ключевые слова: гражданская идентичность, региональная идентичность, этническая идентичность, Республика Саха (Якутия), численность населения, миграция

Томаска Алена Георгиевна — научный сотрудник отдела этносоциологии, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Российская Федерация, Республика Саха (Якутия), 677027 Якутск, ул. Петровского, д. 1). Эл. почта: algepo@mail.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8445-1225> WOS ID: I-3778-2017.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке проекта «Азиатская Россия: демография, этнический состав населения и межнациональные отношения в новых условиях поворота на Восток» (рук. д. и. н. Т. Б. Смирнова) в рамках Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности 2023–2025 гг. (рук. академик РАН В. А. Тишков) и госзадания ФИЦ «ЯНЦ СО РАН» по теме «Республика Саха (Якутия) и большие вызовы: социальное самочувствие, мобильность и стратегии адаптации» 0297-2021-0029, регистрационный номер: 121031300008-7 (рук. д. социол. н. Е. Г. Маклашова).

Ссылка при цитировании: Томаска А. Г. Особенности идентичностей населения Республики Саха (Якутия) // Вестник антропологии. 2023. № 4. С. 37–50.

UDC 314+36+39

DOI: 10.33876/2311-0546/2023-4/37-50

Original article

© Alyona Tomaska

THE REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA) POPULATION IDENTITIES

In the context of an overview analysis of population dynamics, migration processes, ethnic composition and historical consequences of the social and economic development of the Republic of Sakha (Yakutia), the paper presents the results of a survey on two projects: «Ethno-demographic processes in Asian Russia: current situation, forecasts and risks» and «The Republic of Sakha (Yakutia) and big challenges: social well-being, mobility, adaptation strategies». Based on these results, integration factors and the formation of civil, regional and ethnic identities are analyzed. The main integration factors in the formation of national identity in Yakutia mentioned were such standardized attributes as «state», «Russian language», «culture, customs», etc. The identifying signs and principles of the Russian national community are important for the population of the region and testify to the full inclusion in the system of values of Russian society. As for regional identity, almost every second respondent mentioned «proximity» to «their region (republic)». Compared with the results for 12 surveyed regions of Asian Russia, the republic is characterized by a high level of regional identity, which we assess as a positive factor. 56.8% of respondents consider it necessary to feel part of their ethnic group. If in 2002 “about 80% of the Yakuts... and about half of the Russians” in Yakutia chose the answer “One needs to feel themselves a part of their people”, then we can assume that ethnic identity is undergoing transformation, its role in the social space is reducing, it is becoming more complicate and transiting to multicomponent identities.

Keywords: national identity, territorial identity, ethnic identity, Republic of Sakha (Yakutia), population, migration

Author Info: Tomaska, Alyona Georgievna — Researcher, Department of Ethnoscience, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Yakutsk, Russian Federation). E-mail: algepo@mail.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8445-1225> Web of Science ID: I-3778-2017.

For citation: Tomaska, A. G. 2023. The Republic of Sakha (Yakutia) Population Identities. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 4: 37–50.

Funding: The study was financially supported by the project «Asian Russia: demography, ethnic composition of the population and interethnic relations in the new conditions of turning to the East» (supervisor T. B. Smirnova) within the framework of the Program of Scientific Research Related to the Study of Ethnocultural Diversity Russian society and aimed at strengthening the all-Russian identity in 2023–2025 (headed by V. A. Tishkov) and the state task of the Federal Research Center «YSC SB RAS» project «The Republic of Sakha (Yakutia) and big challenges: social well-being, mobility and adaptation strategies» 0297-2021-0029, registration number: 121031300008-7 (supervisor E. G. Maklashova).

На заседании Совета по межнациональным отношениям 19 мая 2023 г. В. В. Путин, обращая внимание на то, что в ходе корректировки положений Стратегии государственной национальной политики в условиях новых вызовов необходимо увязать мероприятия Стратегии с задачей укрепления общероссийской гражданской идентичности, отметил, что важнейшей задачей национальной политики нашего государства остается защита традиционных духовно-нравственных ценностей, ценностей Русского мира, сохранения культурного и языкового многообразия народов нашей страны. Он подчеркнул, что чувство сопричастности к нашей стране, подлинная любовь к Родине как нельзя лучше формируются на основе истории родного края, своего народа, на примерах, которые наиболее близки и понятны студентам (Заседание Совета по межнациональным отношениям). В данном контексте особое значение имеют исследования вопросов формирования идентичностей в регионах России.

Актуальность изучения восточных регионов страны несомненна. Об этом свидетельствуют постоянные попытки нашего государства развивать эти территории, то с помощью дальневосточного гектара, то с помощью создания специальных управленических структур (сегодня — Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики) (Смирнова 2021: 7). В этой связи автору было интересно проанализировать особенности формирования гражданской, региональной и этнической идентичностей населения Республики Саха (Якутия).

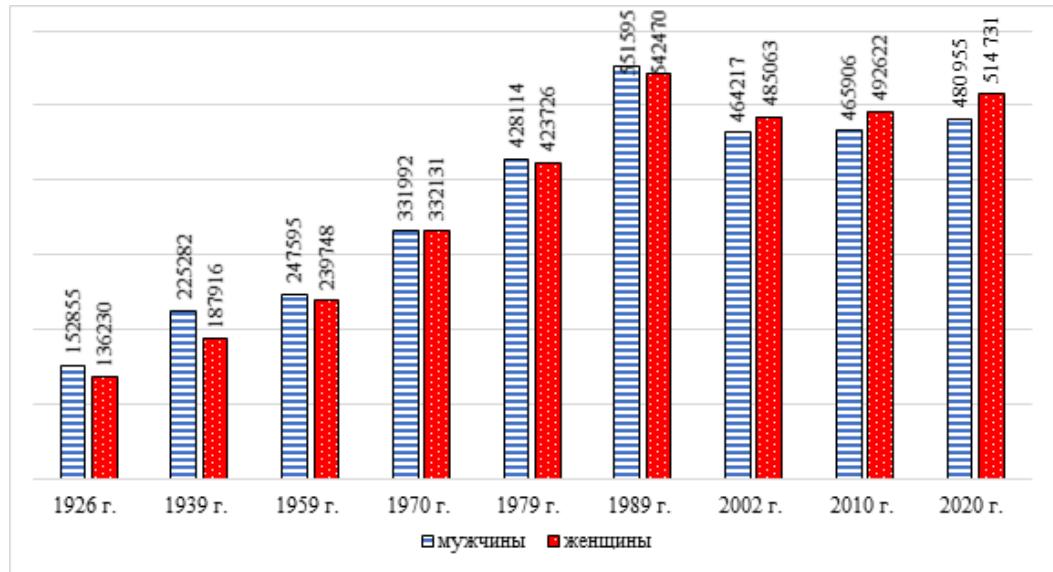

Рис. 1. Численность мужчин и женщин Якутии, по данным переписей населения, чел.

Обратимся к динамике демографической структуры населения Якутии. Как показывают результаты переписей населения, одной из особенностей демографической структуры ее населения до начала социально-экономических реформ в стране в 1990-е гг. является преимущественно меньшая общая численность женщин чем численность мужчин, несмотря на значительное сокращение числа мужчин в годы Великой Отечественной войны (см. *Рис. 1*). Количественная динамика женского населения Якутии всегда была сопряжена с волнообразным характером демографиче-

ских процессов, характерных для всей России (Винокурова 2004: 76). Численность сельского женского населения превышала численность сельских мужчин (по данным переписей 1959–1979 гг.), при этом численные потери мужского населения на селе в годы войны «восстановились» до предвоенных показателей только к переписи 1979 г., а численность сельских женщин — к переписи 1970 г.

В XX столетии наличие уникальных природных ресурсов, особенно промышленного сырья, обусловило зарождение добывающей промышленности как основного направления развития производительных сил и преобразования экономико-географического положения Якутской Республики (Винокурова и др. 2023: 16). В связи с этим численность городского населения республики интенсивно росла за счет миграционного притока до 1990-х гг. с перевесом мужчин в сравнении с женщинами в связи развитием добывающей промышленности в регионе и строительством новых поселков городского типа и целых городов (см. Рис. 2). Так, например, центр алмазодобычи г. Мирный своим основанием обязан открытию в 1955 г. кимберлитовой трубы «Мир», а г. Нерюнгри в 1975 г. основан в связи с формированием Южно-Якутского территориально-производственного, угольно-промышленного комплекса и началом строительства северной ветки БАМ (Ермолаев 2018: 27).

Несмотря на перевес численности мужчин в городских поселениях, численность женщин так же интенсивно росла. Относительно переписи 1959 г. к переписи 1970 г. численность мужчин выросла на 51,4%, женщин — на 62,0%. К переписи 1979 г. относительно предыдущей переписи численность мужчин выросла на 40,0%, женщин — на 38,7%, к 1989 г. численность мужчин относительно предыдущей переписи выросла на 40,5%, женщин — на 39,9%. В сельских поселениях численность как мужчин, так и женщин в целом росла более или менее в пределах естественного прироста, т. о. в пределах переписей 1959, 1970, 1979 гг. число мужчин выросло на 16,5%, 14,4%, 10,9%, женщин — на 17,1%, 13,5%, 8,7% соответственно.

Рис. 2. Половая структура населения Якутии, по данным ВПН, в %

Спад производства, закрытие предприятий, прогрессирующая безработица, снижение уровня жизни большинства населения, неудовлетворительное состояние социальной инфраструктуры сделали работу и жизнь на Севере экономически непривлекательной (Сукнева 2008: 63) и способствовали значительному оттоку населения. С 1990 по 2019 гг. в республике наблюдается отрицательный миграционный прирост (см. Рис. 3). К переписи 2002 г. численность населения республики сократилась на 13,2% относительно переписи 1989 г. Численность мужчин в городских поселениях сократилась на 20,0%, женщин — на 13,3%, в сельских — на 7,4%, женщин — 5,2%.

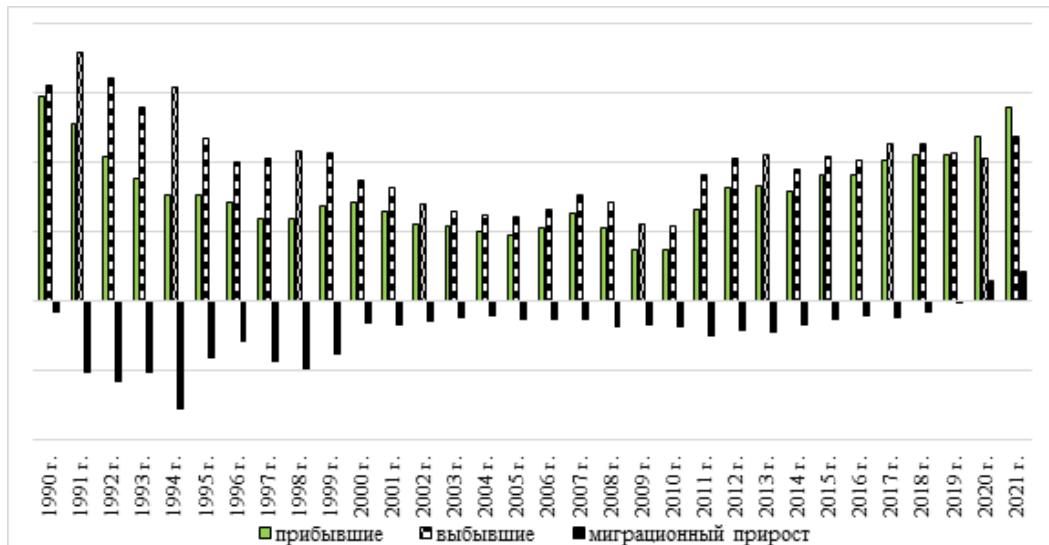

Рис. 3. Общие итоги миграции населения Якутии, чел.
(данные региональной статистики)

С 1990-х годов в связи устойчивым миграционным оттоком доля женщин в структуре населения начала расти. К 1993 г. зафиксировано почти одинаковое соотношение численности мужского и женского населения — на 1000 мужчин (540330 чел.) приходилось 998 женщин (539 348 чел.). С 2000 г. в республике сохраняется миграционная убыль, что является одним из главных факторов изменения численности населения (Томаска 2022: 204). Всероссийская перепись населения 2002 г. зафиксировала впервые за всю историю послевоенных переписей преобладание численности женщин и в сельской, и в городской местности. С этого момента Якутия сохраняет статус «женского региона», на что влияет, конечно и традиционно большая продолжительность жизни женщин (см. Рис. 2). В 2021 г. ожидаемая продолжительность жизни женского населения в республике составила 74,5 лет (у мужчин — 65,6 лет), в то время как в 2010 г. — 73,1 года (у мужчин — 61 год) и в 2002 г. — 70,3 года и 57,5 лет. При этом, несмотря на рост ожидаемой продолжительности жизни женщин, по мнению специалистов, показатель ожидаемой продолжительности жизни женщин не претерпел существенных изменений, тогда как у мужчин наблюдается его рост..., что заметно сокращает разрыв в продолжительности жизни женского и мужского населения республики (Игнатьева 2010: 23). По данным последних трех переписей населения в Республике Саха (Якутия) проживает больше женщин (в 2020 г. — 514 731, в 2010 г. — 492 622, в 2002 г. — 485 063), чем мужчин (2020 г. —

480 955, в 2010 г. — 465 906, в 2002 г. — 464 217). Растет и соотношение числа женщин на 1000 мужчин: в 2020 г. приходится 1 070 женщин, в 2010 г. — 1 057, в 2002 г. — 1 045.

Как видно на Рис. 4, основу этнической структуры населения Республики Саха (Якутия) составляют якуты и русские. В 1926 г. в общей численности населения доля якутов составляла 81,6% (235 926 чел.), русских — 10,4% (30 156 чел.), коренных малочисленных народов Севера — 5,4% (15 560 чел.), татар — 0,6% (1 671 чел.). К 1939 г. видим, что этническая структура региона в связи с развитием индустриализации Якутии (золотодобыча), освоением северного-морского пути начала интенсивно меняться: доля и численность якутов и коренных малочисленных народов Севера сократилась до 56,5% (233 273 чел.) и 3,4% (13 965 чел.), соответственно. Доля и численность русских значительно возросла и составила 35,5% (146 741 чел.), татар — 1,1% (4 420 чел.). Этнический состав стал разнообразнее: появились довольно значительные группы украинцев (4 229 чел.), белорусов (1 572 чел.), мордвы (1 010 чел.), бурят (699 чел.) и даже китайцев (1 377 чел.) и корейцев (1 671 чел.). Основные направления изменений структуры и численности населения, этнического состава, наблюдавшиеся к переписи 1939 г. сохранились до переписи 1989 г. По данным переписи 1989 г. русское население республики составляло 50,3% (550 263 чел.), якуты — 33,4% (365 236), украинцы — 7,0% (77 114), коренные малочисленные народы Севера — 2,3% (24 674 чел.), татары — 1,6% (17 478 чел.).

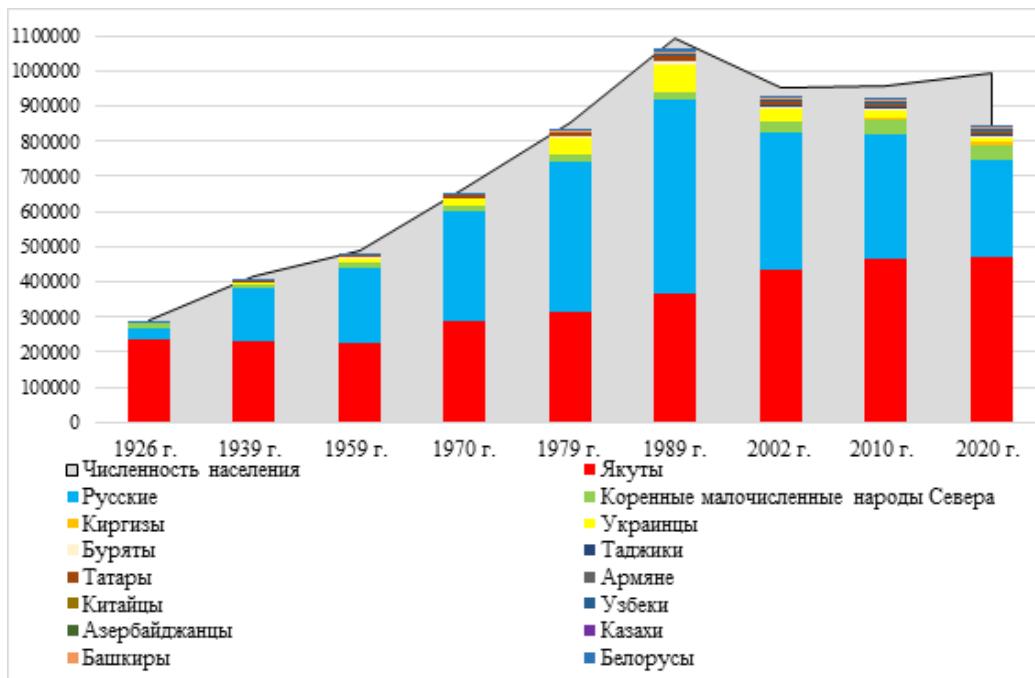

Рис. 4. Общая численность и этнический состав населения Якутии, чел.

Постстроформенные годы, спровоцировавшие интенсивный миграционный отток населения, внесли значительные изменения и в этнический состав жителей республики. По данным ВПН-2020 доля якутов выросла и составляет 47,1% (469 348 чел.). Доля русских сократилась до 27,8% (276 986 чел.). В период деиндустриализации России

и сокращения рабочих мест в сфере промышленности русское население Якутии (главным образом трудовые мигранты) часто выбирало стратегию миграции (Васильева 2022: 200). К ВПН-2020 выросла доля коренных малочисленных народов Севера и составляет 4,2% (41 933 чел.). Сократились доли украинцев (7 169 чел.) и бурят (6 572 чел.) — по 0,7%, татар (4 262 чел.) — 0,5%. Увеличилась доля представителей стран СНГ: киргизов (1,1% — 11 203 чел.), таджиков (0,6% — 5 620 чел.), армян (0,4% — 3 904 чел.), узбеков (0,4% — 3 491 чел.). Среди жителей стран дальнего зарубежья выросла численность китайцев и составила 3 544 чел. (0,4%). Этнический состав стал более разнообразным (135 национальностей), чем в 2010 г. (129 национальностей), при этом в 2002 г. в республике проживали представители 141 национальности.

Для анализа особенностей формирования гражданской, региональной и этнической идентичностей населения Республики Саха (Якутия) использованы результаты анкетного опроса по двум проектам: «Этнодемографические процессы в Азиатской России: современная ситуация, прогнозы и риски» (рук. д. и. н. Т. Б. Смирнова) Программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020–2022 гг. (Поручение Президента Российской Федерации от 16 января 2020 г. (Пр.71, п. 6), рук. академик РАН В. А. Тишков) и проекта (НИР) по приоритетному направлению Программы фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период (2021–2030 гг.) «5.2.1. Социология» («5.2.1.1. Состояние и динамика развития современного российского общества: социальная структура, социальные институты и общественное сознание, уровень и качество жизни») по теме: «Республика Саха (Якутия) и большие вызовы: социальное самочувствие, мобильность, стратегии адаптации» (рук. д. социол. н. Е. Г. Маклашова).

Анкетный опрос по проекту «Этнодемографические процессы в Азиатской России: современная ситуация, прогнозы и риски» проводился в августе–сентябре 2022 г. по единой программе с использованием специально разработанного инструментария для 12 регионов ($n=2400$) (Свердловская, Тюменская, Челябинская области Уральского ФО, Красноярский край, Республика Алтай, Омская и Новосибирская области Сибирского ФО и Приморский край, Республика Бурятия, Республика Саха (Якутия), Хабаровский край, Чукотский автономный округ Дальневосточного ФО). В Республике Саха (Якутия) опрос проводился в гг. Якутске и Алдан ($n=200$). Возрастные группы респондентов: мужчины 16–60 лет — 38,0%, женщины 15–55 лет — 38,0%, мужчины 61 год и более — 16,0%, женщины 56 лет и более — 32,0%. Из них: работающих женщин 29,5%, мужчин — 31,0%; обучающихся женщин 3,5%, мужчин — 2,5%; совмещающих работу и учебу женщин 3,0%, мужчин — 1,5%; безработных женщин 1,0%, мужчин — 2,5%; занятых в домашнем хозяйстве женщин 2,5%, мужчин — 0%; женщин на пенсии 14,5%, мужчин — 8,5%. Этнический состав: якуты (саха) — 63,0% (женщин — 35,5%, мужчин — 27,5%), русские — 33,0% (женщин — 17,0%, мужчин — 16,0%), представителей коренных малочисленных народов Севера — 2,5% (женщин — 1,0%, мужчин — 1,5%), татары, киргизы, казахи — по 0,5%. Кроме этого, 7,5% респондентов, указавших конкретную национальность, также отметили вторую национальность, среди них указаны белорус, бурят, долган, казачка, русский, саха, эвенк.

Сбор первичной социологической информации по проекту «Республика Саха (Якутия) и большие вызовы: социальное самочувствие, мобильность, стратегии адап-

тации» проводился среди населения трудоспособного и старше трудоспособного возраста Республики Саха (Якутия) по всем социально-экономическим зонам региона. Основу выборки составили население городских и сельских поселений пяти социально-экономических зон Якутии: Центральная, Восточная, Южная, Западная Якутия и Арктическая зона, $n=1365$, при доверительной вероятности 95%, погрешность $\pm 4\%$. Формирование численной, этнической, половозрастной структуры респондентов выборочной совокупности пропорционально генеральной совокупности.

Если обратиться к вопросам формирования общегражданской российской идентичности по результатам опроса, то на вопрос «Что Вас объединяет с гражданами России» было предложено выбрать не более трех вариантов ответа. Жители Якутии прежде всего выбрали «общее государство» — 67,5% (в целом по результатам опроса в 12 регионах Азиатской России этот вариант ответа получил 60,3%). Следующим объединяющим фактором респонденты указывали «русский язык» — 54,5%, который в сумме ответов во всех регионах получил третью позицию — 39,7%. На третьей позиции оказалась «родная земля, территория, природа» — 43,0% (в 12 регионах — вторая позиция и 48,9%). Выбранные более трети респондентами «общие символы (флаг, герб)» набрали 34,5% и находятся на четвертой позиции, которая в сумме ответов регионов занимает седьмую позицию (11,3%). При этом, большинством респондентов из Якутии, и в сумме по 12 регионам Азиатской России среди ответов на вопрос «Какие общие ценности являются базовыми для российского общества?» выбраны такие ответы: «патриотизм, любовь к Родине» (54,5% и 54,0%, соответственно); «традиционность» (34,5% и 32,5%); «социальная ответственность, забота об окружающих» (30,0% и 28,8%).

Наиболее значимым чувством для респондентов региона как части российского народа является ощущение защищенности — 39,0%, а в сумме по 12 регионам Азиатской России — 14,6%. Чувство защищенности или безопасности психологи определяют как системный конструкт, включающий разные составляющие — позитивное окружение (потребность в безопасности), опытность и информированность (стремление к безопасности) и внутренний комфорт (чувство безопасности), раскрывая которые можно понять истинную природу человека как самосозидающего и самоконструирующего субъекта (Харламенкова 2019: 323). Эмпирическим гарантом в данном случае является принадлежность к российскому народу. И если принадлежность к российскому народу принимать как окружающий мир, то для указанных респондентов региона характеристика эффектов окружающего мира является безопасной, ибо по Н. Луману, риск связан с принятием решения по поводу будущего и возможными ущербами и «тогда мы говорим о риске, именно о риске решения. Либо же считается, что причины такового ущерба находятся вовне, т. е. вменяются окружающему миру. Тогда мы говорим об опасности» (Луман 1994: 150). В то же время принадлежность к российскому народу вызывает ощущение неуверенности у 18,5% в Якутии, тогда как в сумме 12 регионов — у 9,5% респондентов.

Принадлежность к российскому народу вызывает чувство гордости у 15,0% респондентов Якутии и у 46,8% респондентов в целом по 12 указанным регионам. В данном случае ответы респондентов в большой степени зависят от интервьюера и контекста опроса. Чувство гордости — сложное чувство, оно интерпретируется по-разному. Так, например, гордость своей страной специалисты определяют, как переживание человеком радости и удовлетворения от того, что воспринимается им как достиже-

ние и успех страны, с которой он себя идентифицирует (*Магун, Магун 2009: 32*). Оценки гордости авторами группируются в две категории: гордость творческими достижениями, связанными прежде всего с деятельностью выдающихся людей страны, ее элиты... и гордость массовыми, рутинными процессами организации повседневной жизни — процессами, непосредственно затрагивающими потребности живущих сегодня масс людей (*Магун, Магун 2009: 36*). При этом, принадлежность к российскому народу вызывает у 8,0% респондентов Якутии чувство обиды и досады, а в 12 регионах Азиатской России — у 4,9%. Указывают, что «никаких особых чувств не вызывает» с незначительным различием: в республике — 19,5%, в регионах — 21,0% респондентов.

Но в то же время, распределение ответов на вопрос «Насколько для Вас важна Ваша принадлежность к российскому народу?» в баллах (по 5-балльной шкале, где 1 — самая низкая оценка, 5 — самая высокая) в Якутии и 12 регионах в сумме имеет незначительные расхождения: 1 балл — 4,0% и 5,3%, соответственно; 2 балла — 8,0% и 6,5%; 3 балла — 26,0% и 25,5%; 4 балла — 28,0% и 26,5%; 5 баллов — 34,0% и 34,2%, соответственно. То же касается и вопроса об ощущении общности и близости с гражданами России: в Якутии более половины ответивших «иногда» (54,0%) испытывают эти чувства; «часто» — 29,5%; «всегда» — 11,0%, никогда — 5,5%. В 12 регионах Азиатской России указали ответ «иногда» — 40,4% опрошенных, часто — 39,3%, всегда — 14,6%, никогда — 5,6%.

Данные другого опроса, проведенного в городских и сельских поселениях Республики Саха (Якутия) в рамках проекта по теме: «Республика Саха (Якутия) и большие вызовы: социальное самочувствие, мобильность, стратегии адаптации», показывают достаточно высокий уровень доверия к органам государственной власти РФ (66,2%) и региона (69,1%). И в этой связи, видимо, можно сказать, что согласие большинства респондентов Якутии обозначить всех представителей народов, живущих в РФ, термином «россияне» (68,5%) или «российский народ» (20,5%) свидетельствует о согласии принять его большинством опрошенных. В регионах Азиатской России следующее распределение ответов: «россияне» — 55,7%, «российский народ» — 21,2%.

Из данных Табл. 1 видно, что высокий уровень региональной идентичности является особенностью республики. Здесь огромную роль играет специфика Якутии — географическая удаленность от центральных регионов страны, транспортная труднодоступность, этнокультурная и природная самобытность, экстремальные климатические условия. Как считают специалисты, региональная идентичность — это, прежде всего, переживаемые и осознаваемые людьми ценности определенной системы локальной общности, которые, в свою очередь, формируют чувство территориальной принадлежности индивида и группы. Вопрос региональной идентичности в этом случае является жизненным вопросом (*Еремина 2012: 280*) и для районов Севера и Арктики он действительно актуален.

Данные опроса, проведенного в городских и сельских поселениях Республики Саха (Якутия), коррелируют с указанным фактором: каждый второй (51,5% опрошенных) не собирается менять место жительства и планирует связать свою жизнь со «своим регионом». 30,6% всех респондентов выбирают постоянным местом жительства «свой регион» и свой населенный пункт, а 12,6% даже не задумывались о переезде. 8,3% респондента планируют временные выезды: «уеду на время, но вер-

нусь сюда жить». Миграционные желания имеют 48,5% всех опрошенных. Однако реальные намерения о смене постоянного места жительства есть у 23,8% респондентов. Каждый четвертый — 24,7% респондентов указали на отсутствие ресурсов для перемены места жительства — «хочу уехать, но нет возможности». Основными стимулами для перемены места жительства указаны будущее детей и семьи, ожидали указаны суровые природно-климатические условия жизни, желание посмотреть мир, поиск новых возможностей и лучшей жизни (см. Рис. 5).

Таблица 1
Распределение ответов на вопрос «Что вы считаете своей Родиной?», в %

	12 регионов Азиатской России	Якутия
Россию	46,7	13,0
географический регион (Урал, Сибирь, Дальний Восток)	14,3	2,5
свой регион (область, республику)	19,0	58,5
свой город/свое село	18,3	26,0

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос: «По каким причинам в первую очередь Вы хотели бы уехать на постоянное место жительства в другой населенный пункт, регион, страну?», в %

Ответы на вопрос «Что, по-Вашему, объединяет жителей больших регионов России — уральцев, сибиряков, дальневосточников» для респондентов Якутии и в сумме респондентов 12 регионов мало отличаются (место проживания, территория — 65,0% и 62,6%, соответственно; специфическая культура — 46,5% и 41,5%; историческая судьба, прошлое — 41,0% и 43,7%). Отличия имеются в ответах: «особое отношение к жизни», «состояние души» — 4,0% и 33,7%, соответственно; «черты характера» — 2,0% и 12,0%; «ничего не объединяет» — 29,5% и 3,4%. Отличия так же определены высоким уровнем региональной идентичности и территориально-географической спецификой Якутии: отдаленность и в некоторых случаях труднодоступность районов, дороговизна авиатарифов, ограничивающая простран-

ственную мобильность населения, отличия в демографическом, этническом составе городских и сельских поселений и др.

Как показывают данные опроса, проведенного в городских и сельских поселениях Республики Саха (Якутия), 43,2% респондентов считают, что современному человеку не обязательно чувствовать себя частью какой-то национальности (этнического сообщества), а 56,8% опрошенных считают, что современному человеку необходимо ощущать себя частью своей национальной группы (этнического сообщества). Если сравнивать в целом по Якутии и 12 регионам Азиатской России, то среди главных факторов при определении этнической принадлежности по позициям «национальность отца» (50,5% и 43,5%, соответственно), «национальность матери» (37,0% и 39,0%), «родной язык» (46,0% и 42,6%) отличия незначительны. А таким факторам как «культура» (19,5% в Якутии и 39,7% в Азиатской России в целом), «религия» (3,0% и 17,9%, соответственно) придается меньшее значение. Это объясняется полиглазностью региона и интенсивными миграционными процессами, играющими немаловажную роль в формировании структуры и качества населения. И этими же причинами можно объяснить более высокие показатели в таких позициях как «обстоятельства (жизнь может сложиться по-разному)» (34,0% и 8,2%), «желание человека» (25,5% и 14,5%), «воспитание» (25,5% и 16,7%). И к ним добавляются природно-климатические и географические условия в выборе позиции «место проживания (например, республика, национальный округ, национальный район)», где в республике 39,0%, в то время как в 12 регионах в сумме указано 22,6%.

Этническая принадлежность для жителей Якутии не играет особую роль в разных сферах жизни, кроме семейной — 31,5% (38,4% в сумме 12 регионов). По мнению более трети респондентов, «никак не влияет» (37,5%) и достаточно высока доля «затруднившихся» (23,0%). В то время как в сумме 12 регионов Азиатской России почти половина (45,9%) респондентов считают, что этническая принадлежность влияет на культурную сферу жизни (в Якутии — 15,0%). И в отличие от Якутии в регионах довольно значительное влияние отмечено в религиозной — 21,3% (в Якутии — 3,5%), профессиональной — 17,0% (7,5%) сферах жизни. Влияние в политической сфере — 13,4% (в Якутии — 11,5%). И треть респондентов регионов (33,4%) считают, что никак не влияет, а доля затруднившихся намного ниже — 7,8%.

Итак, для трех рассмотренных аспектов идентичностей полиглазического региона можно отметить следующее:

- В целом основными интеграционными факторами при формировании гражданской идентичности в Якутии отмечены такие стандартизованные атрибуты, как «государство», «русский язык», «культура, обычаи» и т. д. Идентифицирующие признаки и принципы российской гражданской общности имеют смысл и значимость для жителей региона и свидетельствуют о полной включенности в систему ценностей российского общества;
- Что касается региональной идентичности, то почти каждый второй респондент отметил «близость» к «своему региону (области, республике)». В сравнении с результатами по 12 опрошенным регионам Азиатской России, высокий уровень региональной идентичности является особенностью республики, что можно оценивать как положительный фактор. Ведь «формирование региональной идентичности является фактором, благоприятствующим построению эффективной системы региональных и межрегиональных взаи-

модействий, консолидации регионального сообщества, устойчивого поступательного развития региона и государства» (Тумакова 2010: 71);

- Считают необходимым ощущать себя частью своей этнической группы 56,8% респондентов. Если в 2002 г. «около 80% якутов... и примерно половина русских» в Республике Саха (Якутия) выбирали ответ «Современному человеку необходимо ощущать себя частью своего народа» (Дробижева 2002: 222), то можно предположить о трансформации этнической идентичности, снижении ее роли в социальном пространстве и переходе к многокомпонентным идентичностям.

Источники и материалы

Заседание Совета по межнациональным отношениям — Заседание Совета по межнациональным отношениям. 19 мая 2023 г. // Президент России: [сайт]. <http://www.kremlin.ru/catalog/keywords/26/events/71165> (дата обращения 29.06.2023).

Данные региональной статистики — Данные региональной статистики Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Саха (Якутия). Общие итоги миграции населения Якутии // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Саха (Якутия): [сайт]. <https://14.rosstat.gov.ru/search?q> (дата обращения 29.06.2023).

Научная литература

Васильева О. В. Этнический контекст социального неравенства: современный социологический нарратив // Этносоциальные процессы в Якутии: современный ракурс и перспективы развития / В. Б. Игнатьева, Е. Г. Маклашова, А. Г. Томаска и др. 2-е изд. доп. Новосибирск: Наука, 2022. С. 183–201.

Винокурова Л. И. Якутянки в новых условиях: штрихи к портрету // Винокурова Л. И., Попова А. Г., Боякова С. И., Мярикянова Э. Т. Женщина Севера: Поиск новой социальной идентичности. Новосибирск: Наука, 2004. С. 71–122.

Винокурова Л. И., Санникова Я. М., Филиппова В. В. Антропология традиционного образа жизни: к стратегиям исследований коренного населения сельской Якутии // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2023. № 2(43). С. 10–23. <https://doi.org/10.25693/SVGV.2023.43.2.001>

Дробижева Л. М. Российская и этническая идентичность: противостояние или совместимость // Россия реформирующаяся. Ежегодник — 2002 / Под ред. Л. М. Дробижевой. М.: Academia, 2002. С. 213–244.

Еремина Е. В. Понятие региональной идентичности и специфика ее формирования в современной России // Социально-гуманитарные знания. 2012. № 5. С. 276–287.

Ермолаев Т. С. Южная Якутия: промышленное освоение и динамика современных этносоциальных процессов. / Отв. ред. В. Б. Игнатьева. Якутск: Изд-во ИГИиПМНС СО РАН, 2018. 167 с.

Игнатьева В. Б. Гендерная конструкция современных демографических проблем // Женский мир в научном дискурсе: исследовательские стратегии: материалы региональной научно-практической конференции (Якутск, 22 октября 2009 г.). Новосибирск: Наука, 2010. С. 18–27.

Луман Н. Понятие риска // Thesis. 1994. Вып. 5. С. 135–160.

Магун В. С., Магун А. В. Связь со страной и гордость за ее достижения. (Российские данные в контексте международных сравнений) // Общественные науки и современность. 2009. № 3. С. 32–44.

Смирнова Т. Б. Об актуальности этнодемографических исследований в регионах Азиатской России // Этнодемографические процессы и миграции в регионах Азиатской России: со-

- временная ситуация, прогнозы и риски / Отв. ред. Т. Б. Смирнова. Омск: Издательский центр КАН, 2021. С. 6–16.

Сукнева С. А. Миграционные процессы в Республике Саха (Якутия) // Пространственная Экономика. 2008. № 1. С. 62–77.

Томаска А. Г. Трудовая миграция и интеграционный потенциал принимающего сообщества // Этносоциальные процессы в Якутии: современный ракурс и перспективы развития / В. Б. Игнатьева, Е. Г. Маклашова, А. Г. Томаска и др. 2-е изд. доп. Новосибирск: Наука, 2022. С. 202–220.

Тумакова К. Е. Региональная идентичность и брендинг как социально-управленческий ресурс // Власть. 2010. № 3. С. 70–72.

Харламенкова Н. Е. Понятие психологической безопасности и его научные дефиниции // Разработка понятий в современной психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко, Г. А. Виленская. Т. 2. М.: Изд-во ИП РАН. 2019. С. 309–330.

References

- Drobizheva, L. M. 2002. Rossiiskaya i etnicheskaya identichnost': protivostoianie ili sovmestimost' [Russian and Ethnic Identity: Confrontation or Compatibility]. In *Rossiya reformiruiushchaya*. Ezhегодник — 2002 [Russia in Reform. Yearbook-2022], ed. by L. M. Drobizheva. Moscow: Academia. 213–244.

Eremina, E. V. 2012. Poniatie regional'noj identichnosti i spetsifika ee formirovaniia v sovremennoi Rossii [The Concept of Regional Identity and the Specifics of its Formation in Modern Russia]. *Sotsial'no-gumanitarnie znaniiia* [Social and Humanitarian Knowledge] 5: 276–287.

Ermolaev, T. S. 2018. *Yuzhnaya Yakutia: promyshlennoe osvoenie i dinamika sovremennykh etnosotsial'nykh protsessov* [South Yakutia: Industrial Development and Dynamics of Modern Ethno-Social Processes]. Yakutsk: Izdatel'stvo Instituta gumanitarnykh issledovanii i problem malochislennykh narodov Severa Sibirs'kogo otdeleniiia Rossiiskoi akademii nauk. 167 p.

Ignatyeva, V. B. 2010. Gendernaia konstruktsiia sovremennykh demograficheskikh problem [Gender Construction of Modern Demographic Problems]. In *Zhenskii mir v nauchnom diskurse: issledovatel'skie strategii: materialy regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Women's World in Scientific Discourse: Research Strategies: Proceedings of the Regional Scientific and Practical Conference], ed. by S. I. Boiakova. Novosibirsk: Nauka. 18–27.

Kharlamenkova, N. E. 2019. Poniatie psikhologicheskoi bezopasnosti i ego nauchnye definitsii [The Concept of Psychological Security and its Scientific Definitions]. In *Razrabotka poniatii v sovremennoi psikhologii* [Development of Concepts in Modern Psychology]. Vol. 2, ed. by A. L. Zhuravlev, E. A. Sergienko and G. A. Vilenskaya. Moscow: Izdatel'stvo Instituta psikhologii Rossiiskoi akademii nauk. 309–330.

Luman, N. 1994. Poniatie riska [The Concept of Risk]. *Thesis* 5: 135–160.

Magun, V. S. and A. V. Magun. 2009. Sviaz' so stranoi i gordost' za ee dostizheniiia: Rossiiskie dannye v kontekste mezhdunarodnykh sravnennii [Connections with the Motherland and the Pride for its Achievements: Russian Data in the Context of International Comparisons]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost* 3: 32–44.

Smirnova, T. B. 2021. Ob aktual'nosti etnodemograficheskikh issledovanii v regionakh Aziatskoi Rossii [On the Relevance of Ethnodemographic Research in the Regions of Asian Russia]. In *Etnodemograficheskie protsessy i migratsii v regionakh Aziatskoi Rossii: sovremennaia situatsiya, prognozy i riski* [Ethnodemographic Processes and Migration in the Regions of Asian Russia: Current Situation, Forecasts and Risks], ed. by T. B. Smirnova. Omsk: Izdatel'skii centr KAN. 6–16.

Sukneva, S. A. 2008. Migratsionnye protsessy v Respublike Sakha (Yakutiya) [Migration Processes in the Republic of Sakha (Yakutia)]. *Prostranstvennaya Ekonomika* 1: 62–77.

Tomaska, A. G. 2022. Trudovaia migratsiia i integratsionnyi potentsial primayushchego soobshchestva [Labour Migration and Integration Potential of the Host Community]. In

- Etnosotsial'nye protsessy v Yakutii: sovremennoi rakurs i perspektivy razvitiia* [Ethnosocial Processes in Yakutia: Modern Perspective and Development Prospects], ed. by V. B. Ignat'eva. Novosibirsk: Nauka. 202–220.
- Tumakova, K. E. 2010. Regional'naia identichnost' i brending kak sotsial'no-upravlencheskii resurs [Regional Identity and Branding as a Socio-Governmental Resource]. *Vlast'* 3: 70–72.
- Vasilyeva, O. V. 2022. Etnicheskii kontekst sotsial'nogo neravenstva: sovremennoi sotsiologicheskii narrativ [Ethnic Context of Social Inequality: a Modern Sociological Narrative]. In *Etnosotsial'nye protsessy v Yakutii: sovremennoi rakurs i perspektivy razvitiia* [Ethnosocial Processes in Yakutia: Modern Perspective and Development Prospects], ed. by V. B. Ignat'eva. Novosibirsk: Nauka. 183–201.
- Vinokurova, L. I. 2004. Yakutyanki v novykh usloviyakh: shtrikhi k portretu [Yakut Women in New Conditions: Touches to the Portrait]. In *Poisk novoi sotsial'noi identichnosti* [Northern Woman in the Search of a New Social Identity], ed. by I. I. Podoinitsyna. Novosibirsk: Nauka. 71–122.
- Vinokurova, L. I., Ya. M. Sannikova and V. V. Filippova. 2023. Antropologiya traditsionnogo obraza zhizni: k strategiam issledovanii korennogo naselenii sel'skoi Yakutii [Anthropology of the Traditional Lifestyle: Strategies for Researching the Indigenous Population of Rural Yakutia]. *Severo-Vostochnyi gumanitarnyj vestnik* 2(43): 10–23. <https://doi.org/10.25693/SVGV.2023.43.2.001>

УДК 314+36+39

DOI: 10.33876/2311-0546/2023-4/51-58

Научная статья

© Е. А. Щербина

ПАТРИОТИЗМ В РЕГИОНАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ (НА ПРИМЕРЕ КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКОЙ РЕСПУБЛИКИ)*

В статье представлено авторское видение патриотизма, жизненного принципа и социального явления, которое в современных условиях России, прежде всего, геополитических, перешло из плоскости теоретизирования в практическо-политическую сферу. В настоящее время от рассмотрения патриотизма как основы национальной идеи, как маркера общероссийской идентичности, как приоритетной политической ценности, что было свойственно политической элите и ученым-гуманитариям в первое десятилетие двухтысячных, произошел переход к обсуждению патриотизма в контексте деятельностного подхода, связанного с защитой Отечества и его традиционных ценностей личностью и обществом в целом. Этот тренд сегодня является основным как в политической риторике, так и научно-публицистическом дискурсе. На основе региональной ситуации, на примере Карачаево-Черкесской Республики, автором дан краткий анализ республиканского закона о патриотическом воспитании, выделены региональные, этнонациональные особенности в вопросах патриотического воспитания в полигэтничной республике. На конкретных примерах показаны практики информационной подачи и обсуждения проблемы патриотизма. На базе результатов экспертных и массовых социологических опросов сделаны выводы об эффективности и проблемных точках патриотического воспитания в Карачаево-Черкесской Республике, показана роль образовательной и культурной стратегии в формировании ценностной сути общероссийской гражданской идентичности, одним из компонентов которой является патриотизм.

Ключевые слова: патриотизм, патриотическое воспитание, антропологический подход, информационный дискурс, ценностная система молодежи

Ссылка при цитировании: Е. А. Щербина. Патриотизм в региональном измерении (на примере Карачаево-Черкесской Республики) // Вестник антропологии. 2023. № 4. С. 51–58.

Щербина Елена Анатольевна — к. полит. н., доцент по специальности, заместитель директора, Карабаево-Черкесский институт гуманитарных исследований при Правительстве КЧР (Российская Федерация, 369000 Черкесск, ул. Горького, д. 1а). Эл. почта: adenas@list.ru

*Статья выполнена в рамках Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности 2023–2025 гг. (руководитель академик РАН В. А. Тишков). Проект «Патриотизм как интегрирующая ценность полигэтничного российского общества» (FSRN-2023-0025).

© Elena Shcherbina

THE REGIONAL DIMENSION OF PATRIOTISM (THE CASE OF THE KARACHAY-CHERKESS REPUBLIC)

The article presents the author's vision of patriotism, which in the modern geopolitical situation of Russia has moved from the theoretical plane to the practical and political ones. At present, the political rhetoric and scientific and journalistic discourse of discussing patriotism has shifted from considering it as the basis of the national idea, a marker of the all-Russian identity or a priority political value, which was characteristic of the political elite and scholars in the first decade of the 2000s, to the activity approach related to the protection of the Fatherland and its traditional values. Based on the regional approach, the paper gives a brief analysis of the republican law on patriotic education, highlights regional and ethno-national specificity of patriotic education in a multi-ethnic republic. Examples show how the information is presented and how the problem of patriotism is discussed. Based on the results of expert and mass sociological surveys, conclusions are drawn about the effectiveness and problematic points of patriotic education in the Karachay-Cherkess Republic, and the role of educational and cultural strategies in shaping the value basis of the all-Russian national identity, which includes patriotism, is shown.

Keywords: patriotism, patriotic education, anthropological approach, youth value system

Author Info: Shcherbina, Elena A. — Ph.D. in political sciences, associate professor, Deputy Director of the Karachay-Cherkess Institute for Humanitarian Studies under the Government of the Karachay-Cherkess Republic (Cherkessk, Russian Federation). E-mail: adenas@list.ru

For citation: Shcherbina, E. A. 2023. The Regional Dimension of Patriotism (the Case of the Karachay-Cherkess Republic). *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 4: 51–58.

Funding: The article was made within the framework of the Program of scientific research related to the study of the ethno-cultural diversity of Russian society and aimed at strengthening the all-Russian identity in 2023–2025 (headed by V. A. Tishkov). Project “Patriotism as an Integrating Value of a Multi-Ethnic Russian Society” (FSRN-2023-0025).

Патриотизм, как сущностное, имманентно присущее человеку качество, является предметом исследования многих дисциплин. Философский, аксиологический, культурологический, социологический подходы позволяют рассматривать его с разных позиций: как мировоззренческую категорию, как ценностную составляющую личности, как культурное явление, как социальную деятельность. Общим является содержание патриотизма, в основе которого любовь к Отечеству, чувство сопричастности человека с Родиной.

К проблеме патриотизма обращались русские философы XIX–XX веков Н. Г. Чернышевский, И. А. Ильин и др., считающие патриотизм основой человеческого достоинства, источником величия и славы народа. И. А. Ильин писал, что истинный патриот любит дух своего народа и гордится им, видит в нем источник величия и славы именно потому, что выше Духа и прекраснее Духа на земле нет ничего, и еще потому, что его личный дух следует путями его народа (*Ильин 2007*).

В рамках антропологического подхода патриотизм понимается как отношение к Отечеству, являющееся ценностным отражением в сознании и практических действиях людей связи человека с определенным пространственно-временным, социокультурным, и национально-государственным континуумом (*Иванова 2004: 11*).

Актуализация проблемы патриотизма и патриотического воспитания граждан России с начала первого десятилетия двухтысячных годов связана с поиском национальной идеи, с обоснованием концепции России как цивилизации, с поиском смыслов и идеологем, лежащих в основе единства российской нации. В настоящее время, на наш взгляд, рассмотрение феномена патриотизма переместилось из теоретической плоскости в практическо-прикладную. Говоря о теоретических размышлениях, подразумевающих рассмотрение патриотизма с точки зрения национальной идеи, лежащей в основе общероссийской гражданской идентичности, можно отметить, что об этом неоднократно говорил и говорит Президент страны В. В. Путин: «Патриотизм, уважение к истории и культуре страны являются общенациональной задачей» (Президент подчеркнул 2022).

Начиная с 2012 г., вопросам патриотизма уделяется огромное внимание не только со стороны политico-управленческой элиты, но и со стороны ученых-гуманитариев. Патриотизм рассматривается и как основа национальной идеи, и как маркер общероссийской идентичности, и как приоритетная политическая ценность. С 2022 г. меняется вектор обсуждения данного вопроса, он переносится в практико-политическую плоскость. И связано это с началом и проведением специальной военной операции. Патриотизм и его носитель, патриот, становятся не абстрактными понятиями и субъектами, а конкретными людьми с установками на борьбу с неофашизмом, на сохранение своих, российских, нравственных и политico-гражданских ценностей. Меняется риторика первых лиц, Президент страны говорит уже конкретно: «Любовь к Родине является одной из ключевых основ российской государственности», «Традиции патриотизма и беззаветного служения Родине передаются из поколения в поколение», «Патриотизм, ответственность за судьбу Отчизны завещаны нам предками» (*Путин 2023*). В СМИ и других каналах коммуникации тема патриотизма рассматривается в контексте военных действий и побед военнослужащих.

Мониторинг региональной прессы (Карачаево-Черкесская Республика) и интернет-каналов за 2023 г. позволяет выделить два основных аспекта информационной подачи и обсуждения проблемы патриотизма. Первый из них связан с деятельностью орг-

ганов власти по поддержке участников СВО и их семей, с работой недавно созданного фонда «Защитники Отечества», с поездками руководителей муниципальных районов в зону боевых действий, по месту службы военнослужащих — жителей КЧР. Заголовки публикаций позволяют увидеть, на какие сюжеты обращалось внимание общественности. Приведем несколько наиболее типичных из них: «На встрече с начальником Пограничного управления ФСБ России Глава КЧР обсуждал форматы поддержки родственников военнослужащих, сотрудничество по военно-патриотическому воспитанию молодёжи» (Глава Республики провел рабочую встречу 2023); «По поручению Рашида Темрезова главы Карабаевского и Прикубанского районов и мэр КГО встретились с военнослужащими из Карабаево-Черкесии в зоне проведения СВО» (По поручению Главы Карабаево-Черкесии Рашида Темрезова 2023); «Члены Правительства КЧР встретились с жителями Карабаево-Черкесии, поступающими на военную службу по контракту в именную роту республики» (Члены Правительства встретились с жителями 2023) и др.

Второй, ярко выраженный тренд, касается информационной активности по проблеме патриотического воспитания молодёжи республики. Позиционирование этого вопроса в публичном информационном пространстве также напрямую связано с происходящими в стране общественно-политическими событиями. Сюжетов по этому направлению достаточно много и все они показывают высокий уровень сложившейся в республике системы патриотического воспитания: «С 23 января 2023 года в общеобразовательных организациях и организациях среднего профессионального образования Карабаево-Черкесской Республики начался месяц патриотической, спортивной и оборонно-массовой работы под девизом “Есть такая профессия Родину защищать!”, посвященный 78- годовщине победы Советского Союза в ВОВ и подвигам участникам СВО» (В Карабаево-Черкесии стартовал 2023); «С 3 по 9 июля на учебно-оздоровительной базе КЧГУ им. У. Д. Алиева в Теберде проходит военно-патриотический форум “Авангард”, направленный на патриотическое воспитание молодёжи. Участниками мероприятия стали представители военно-патриотических объединений и общеобразовательных школ городов и районов Карабаево-Черкесии» (КЧГУ 2023); «Военный комиссариат Карабаево-Черкесской Республики совместно с органами исполнительной власти республики уделяет большое внимание для обеспечения стабильности и устойчивости развития системы патриотического воспитания граждан Российской Федерации, проживающих на территории Карабаево-Черкесской Республики» (Патриотическое воспитание 2021) и др. Представленные актуализированные вопросы патриотизма и патриотического воспитания подтверждают прогностический вывод, сделанный в 2004 г.: обращение к патриотизму как к важнейшему мобилизационному средству по выходу из кризиса (Иванова 2004: 12).

Значимым компонентом политico-управленческой деятельности на всех уровнях власти является разработка, принятие и реализация политических доктрина и нормативно-законодательных актов в определенной сфере. Основным документом в области патриотического воспитания и формирования патриотизма как основного нравственного качества человека является Закон Карабаево-Черкесской Республики «О патриотическом воспитании граждан в Карабаево-Черкесской Республике», принятый в 2016 г. с изменениями от 14 октября 2021 года (№71-РЗ). Республиканский закон соответствует федеральному закону о патриотическом воспитании, но в нем зафиксирован один из принципов: учет региональных усло-

вий в пропаганде патриотических идей и ценностей, означающих пропаганду не только общероссийского патриотизма, но и регионального или местного.

Среди целей патриотического воспитания названо повышение уровня значимости патриотических, духовных и общечеловеческих ценностей среди жителей Карачаево-Черкесской Республики. Среди задач: формирование гражданской идентичности и укрепление духовной общности народов России, проживающих на территории Карачаево-Черкесской Республики; воспитаниеуважительного отношения к представителям старшего поколения, обеспечение духовной связи между поколениями.

В Законе зафиксированы этнонациональные, региональные аспекты патриотического воспитания, связанные с полизначностью и поликонфессиональностью Карачаево-Черкесской Республики. Представляется, что при оценке эффективности программ по патриотическому воспитанию жителей КЧР, необходимо исходить из учета тонкой грани между патриотизмом, как любовью к своему Отечеству, и любовью к своей малой Родине, которая в гипертрофированной форме может превратиться в этнонационализм и этноцентризм.

В качестве субъектов, ответственных за патриотическое воспитание, в Законе определены органы государственной власти, государственные органы Карачаево-Черкесской Республики, органы местного самоуправления муниципальных образований Карачаево-Черкесской Республики, некоммерческие, общественные и религиозные организации (объединения), средства массовой информации, учреждения, территориальные органы федеральных органов исполнительной власти, иные заинтересованные органы, организации и граждане, участвующие в осуществлении патриотического воспитания.

Оценивая свою деятельность, представители общественных организаций республики в ходе экспертных опросов, проводимых на её территории в 2016–2021 гг., отметили, что принимают участие в содействии мероприятиям, направленным на патриотическое воспитание молодежи, в том числе больше половины из них оценили свое участие на оценку «отлично», пятая часть экспертов оценила содействие этим мероприятиям на «хорошо» и совсем незначительная часть на «удовлетворительно».

Итоги опросов свидетельствуют о том, что государственные и общественные учреждения Карачаево-Черкесии в целом активно реализуют программы в сфере государственной национальной политики, прежде всего, в сфере поддержки идентичности и культуры населения. Многочисленны проекты в сфере молодежной политики, включая вопросы патриотического воспитания. Некоторая часть мероприятий проводится в сфере языковой политики. При этом наиболее распространенными формами участия являются массовые мероприятия — круглые столы, встречи, конференции, праздники, фестивали.

Особо востребованным тематическим направлением реализации государственной национальной политики в Карачаево-Черкесии является работа в детских дошкольных учреждениях по сохранению исторической памяти и воспитанию патриотизма у детей. Среди мероприятий: посещение детьми-дошкольниками памятников воинам-землякам, погибшим во время Великой Отечественной войны, памятников жертвам депортации; в дошкольных и средних общеобразовательных учреждениях отмечаются праздники народов КЧР; в целях раннего усвоения родных языков демонстрируются мультфильмы, читаются детские книги. Для усвоения родного языка взрослыми имеются лингафонные курсы, переводятся художественные фильмы.

Эксперты отметили необходимость активизации работы по патриотическому воспитанию и формированию общероссийской идентичности на местном уровне, так как в ходе опроса было выявлено мнение о том, что реализация государственной национальной политики является прерогативой республиканских органов власти. Однако именно уровень сельских поселений представляется оптимальным для непосредственной реализации соответствующих мероприятий и взаимодействия управленцев с представителями разных национальностей.

В целом результаты исследования в Карачаево-Черкесии выявили высокий уровень взаимодействии органов власти и структур гражданского общества при реализации государственной политики по патриотическому воспитанию.

Экспертам задавался вопрос о том, способствуют ли образовательные учреждения республики формированию у учащихся чувства гордости за Россию. Большая часть из них считает, что формированию гордости за Россию способствуют такие предметы, как история, география, краеведение, обществознание, а также языки и литература (4,7 балла из пяти). Выяснялось также мнение экспертов относительно формирования представлений о российской гражданской идентичности. Согласно полученным данным, наибольшее влияние оказывают история, география, краеведение, обществознание, языки и литература.

Опросы показали, что работа по сохранению исторической памяти, по формированию патриотизма, воспитанию уважения к культуре и традициям предков активно ведется в образовательных учреждениях республики, начиная с детских дошкольных учреждений, заканчивая вузами. Значима работа патриотических клубов, кружков.

Данные экспертных опросов показывают, что патриотическое воспитание подрастающего поколения, формирование и укрепление общероссийской гражданской идентичности на протяжении ряда лет были среди приоритетных в деятельности органов власти республики и общественных организаций. При этом анализ сайтов муниципальных образований Карачаево-Черкесской Республики показывает, что только у одного муниципального образования — г. Черкесска разработана и действует муниципальная программа «Патриотическое воспитание граждан города Черкесска на 2016–2024 годы». По остальным муниципальным районам либо информация не размещена на сайтах, либо она устарела.

В контексте геополитических реалий современной России, ориентацией развития страны на укрепление державности и традиционных ценностей, которые определяют место страны в новом формирующемся миропорядке, представляется важной работа с подрастающим поколением по формированию патриотизма именно на первичном местном и муниципальном уровнях с определенной установкой «от малой Родины к большой Отчизне».

Образование в РФ традиционно играло и играет большую роль в воспитании патриотов. В настоящее время воспитательный, а не только образовательный процесс, входит в систему школьного образования. По замечанию Президента РФ В. В. Путина «Глубокое знание своей истории, уважительное, бережное отношение к великому патриотическому, духовному, культурному наследию Отечества позволяет делать верные выводы из прошлого» (Путин 2022).

Образовательная и культурная стратегии лежат в основе формирования ценностной системы общероссийской гражданской идентичности, одним из компонентов которой является патриотизм. Ориентацией для разработки региональной

образовательной стратегии по патриотическому воспитанию стал федеральный проект «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» национального проекта «Образование» на период с 2021–2024 гг., а также «Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 г.», утвержденная Распоряжением Правительства РФ от 29.05.2015 № 996-р. В качестве примеров реализации данного федерального проекта на первичном уровне — в образовательном учреждении, выступают Программы общеобразовательных учреждений КЧР по патриотическому воспитанию. Например, Программа гражданско-патриотического воспитания обучающихся в 1–11 классов МКОУ «Гимназия № 9» г. Черкесска «Патриоты Отечества».

Являясь одной из базовых ценностей человека, патриотизм выступает мотивационной основой поведения, определяющей контур деятельностиного отношения гражданина к своей стране по её защите. В течение нескольких лет автором данной работы и её коллегами изучались ценностные ориентации молодежи КЧР. Результаты опроса показывают, что ценности молодых людей — жителей республики, органически включены в структуру ценностной системы российской молодежи. Особенностью ценностных ориентаций всей северокавказской молодежи является сочетание ценностей традиционного общества и ценностей эпохи модернизации, что является закономерным в условиях глобализации. Выделенная нами особенность заключается в ориентации молодых людей на этнокультурные традиции в семье и на ценности модернизации в общественной жизни.

Среди ценностей традиционного общества первостепенное значение имеют семья, уважение к старшим, почитание родителей, честь и достоинство, соблюдение этнических традиций и обрядов. Среди ценностей модернизации: образование, ориентация на материальное благополучие, индивидуализм, возможность смены работы.

При ответе на вопрос о том, чем гордится молодежь региона, приоритетными стали ответы, типичные для всей российской молодежи: победой предков в Великой Отечественной войне; свершениями российского народа в прошлом; культурным наследием России; природным богатством страны.

По результатам опросов было зафиксировано, что молодежь в своем большинстве, говоря о патриотизме, подразумевает, в первую очередь, любовь к своей малой Родине. При этом приоритетной является общероссийская гражданская идентичность «Я — россиянин».

Без первородного, экзистенциального чувства любви к своей малой Родине не может существовать человек, осознающий свои корни. Русский философ И. А. Ильин писал, что «истинный патриот любит в своем народе то, что должны любить и будут любить, когда узнают, и все другие народы...» (Ильин 2007). Но эта любовь должна органично дополняться любовью к своему Отечеству, к той стране, в которой родился и живешь, чьими свершениями гордишься и чьи проблемы разделяешь. Поэтому вопросы патриотического воспитания становятся приоритетными в условиях geopolитической изоляции России, необходимости сохранения российской культурной доминанты, основанной на традиционных ценностях, которая подвергается серьезному внешнему влиянию (культура отмены).

Источники и материалы

В Карабаево-Черкесии стартовал 2023 — В Карабаево-Черкесии стартовал месяц патриотической, спортивной и оборонно-массовой работы под девизом «Есть такая профессия Родину защищать!» // Министерство образования и науки Карабаево-Черкесской Республики: [сайт]. 24.01.2023. <https://minobrkchr.ru/news/detail.php?ID=9200>

Глава Республики провел рабочую встречу 2023 — Глава Республики провел рабочую встречу с начальником Пограничного управления ФСБ России по КЧР // Официальный сайт администрации Малокарачаевского муниципального района: [сайт]. 29.03.2023. <https://mkarachay.ru/arkhiv/novosti/item/4275-novosti-ot-29-03-2023>

КЧГУ 2023 — С 3 по 9 июля на учебно-оздоровительной базе КЧГУ... // КЧГУ. ВКОНТАКТЕ: [Электронный ресурс]. 04.07.2023. https://vk.com/wall-47647998_85842

Патриотическое воспитание 2021 — Патриотическое воспитание // Официальный сайт Главы и Правительства Карабаево-Черкесской республики: [сайт]. <https://www.kchr.ru/voenkom/patriot/>

По поручению Главы Карабаево-Черкесии Рашида Темрезова 2023 — По поручению Рашида Темрезова главы Карабаевского и Прикубанского районов и мэр КГО встретились с военнослужащими из Карабаево-Черкесии в зоне проведения СВО // Официальный сайт Главы и Правительства Карабаево-Черкесской республики: [сайт]. 17.04.2023. <https://www.kchr.ru/news/detailed/83042>

Президент подчеркнул 2022 — Президент подчеркнул значение патриотизма // Победа. РФ: [сайт]. 17.05.2022. <https://pobedarf.ru/2022/05/17/prezident-podcherknul-znachenie-patriotizma/>

Путин 2022 — Путин В. В. «Глубокое знание своей истории, уважительное, бережное отношение к великому патриотическому, духовному, культурному наследию Отечества позволяет делать верные выводы из прошлого» // Минпросвещения России: [сайт]. 19.02.2022. <https://edu.gov.ru/press/5021/vladimir-putin-glubokoe-znanie-svoey-istorii-uvazhitelnoe-berezhnoe-otnoshenie-k-velikomu-patrioticheskemu-duhovnomu-kulturnomu-naslediyu-otechestva-pozvolyaet-delat-vernye-vyvody-iz-proshloga/>

Путин 2023 — Путин В. В. В России традиции беззаветного служения Родине передаются из поколения в поколение // RG.RU: [сайт]. 15.02.2023. <https://rg.ru/2023/02/15/putin-v-rossii-tradicii-bezzavetnogo-sluzhenija-rodine-peredaiutsja-iz-pokolenija-v-pokolenie.html>

Члены Правительства встретились с жителями 2023 — Члены Правительства встретились с жителями Карабаево-Черкесии, поступающими на военную службу по контракту в именную роту республики // Официальный сайт Главы и Правительства Карабаево-Черкесской республики: [сайт]. 18.04.2023. <https://www.kchr.ru/news/detailed/83046/>

Научная литература

Иванова С. Ю. Патриотизм в культуре современной России. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук. Ставрополь, 2004.

Ильин И. А. О русском национализме (сборник статей). М.: Российский Фонд Культуры, 2007. 150 с.

References

- Ilyin, I. A. 2007. *O russkom natsionalizme (sbornik statei)* [On Russian Nationalism (a Collection of Articles)]. Moscow: Rossiiskii Fond Kul'tury. 150 p.
- Ivanova, S. Yu. 2004. *Patriotizm v kul'ture sovremennoi Rossii* [Patriotism in Modern Russian Culture]. Ph.D. diss. abstract, Stavropol State University.

УДК 314+36+39

DOI: 10.33876/2311-0546/2023-4/59-73

Научная статья

© В. С. Воронцов, А. Е. Загребин

МОЛОДЕЖНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ (НА МАТЕРИАЛАХ РЕСПУБЛИК БАШКОРТОСТАН, МАРИЙ ЭЛ, УДМУРТИЯ, МОРДОВИЯ, ЧУВАШИЯ) *

В статье представлены результаты исследования, направленного на изучение социального самочувствия и выявление наиболее актуальных молодежных проблем. Эмпирическую базу исследования составили материалы социологического и экспериментного опросов, проведенных осенью 2021 г. в пяти республиках Приволжского федерального округа (Башкортостан, Марий Эл, Мордовия, Удмуртия, Чувашия). В выборочную совокупность вошли студенты среднего профессионального и высшего образования (1500 чел.) и специалисты (эксперты) в сфере молодежной политики (150 чел.). Проведенное исследование показало, что для значительной части опрошенных молодых людей наиболее волнующие проблемы прямо или косвенно связаны с их материальным положением: низким уровнем доходов, трудностями с трудоустройством, отсутствием собственного жилья и др. Однако наряду со «старыми» проблемами актуализируются и новые вызовы, связанные с распространением опасных болезней, террористическими угрозами, вооруженными нападениями на образовательные организации. В условиях неудовлетворенности своим положением сохраняется высокая степень мотивации молодежи на отток из республик в другие регионы или за пределы России. Таким образом, молодежные проблемы сохраняют свою актуальность, требуют от органов власти и общественности постоянного внимания, значительных материальных ресурсов, моральной поддержки, проведения научных исследований по молодежной проблематике, мониторингов молодежной среды и др.

Ключевые слова: студенческая молодежь, социологический опрос, молодежные проблемы, социальное самочувствие, молодежная политика

Ссылка при цитировании: Воронцов В. С., Загребин А. Е. Молодежные проблемы в социологическом измерении (на материалах республик Башкортостан, Марий Эл, Удмуртия, Мордовия, Чувашия) // Вестник антропологии. 2023. № 4. С. 59–73.

Воронцов Владимир Степанович — к. и. н., с. н. с., Институт философии и права Уральского отделения РАН (Российская Федерация, 620108 Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16). Эл. почта: vvorontsov@rambler.ru

Загребин Алексей Егорович — д. и. н., г. н. с., НОЦ «Современные этнополитические исследования», Удмуртский государственный университет (Российская Федерация, 426004 Ижевск, ул. Университетская, 1/2). Эл. почта: zagreb72@izh.com

* Статья выполнена в рамках Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности 2023–2025 гг. (руководитель академик РАН В. А. Тишков).

© Vladimir Vorontsov and Alexey Zagrebin

YOUTH PROBLEMS IN THE SOCIOLOGICAL DIMENSION (THE CASE OF THE REPUBLICS OF BASHKORTOSTAN, MARI EL, UDMURTIA, MORDOVIA, AND CHUVASHIA)

The article presents the results of the research aimed at studying social well-being and identifying the most pressing youth problems. The empirical basis of the study was formed by the data of sociological and expert surveys conducted in the fall of 2021 in five republics of the Volga Federal District (Bashkortostan, Mari El, Mordovia, Udmurtia, Chuvashia). The sample included students of secondary vocational and higher education (1,500 people) and specialists (experts) in the field of youth policy (150 people). The survey has indicated that for a significant part of the interviewed young people, the most worrying problems are directly or indirectly related to their material situation: low income, difficulties with employment, lack of their own housing, etc. However, along with the "old" problems, new challenges related to the spread of dangerous diseases, terrorist threats, and armed attacks on educational organizations are also becoming relevant. In the face of dissatisfaction with their situation, there is still a high degree of motivation for young people to leave the republics for other regions or outside Russia. Thus, youth problems remain topical and require constant attention from the authorities and the public, significant material resources, moral support, scientific research on youth issues, monitoring of the youth environment, etc.

Keywords: student youth, sociological survey, youth problems, social well-being, youth policy

Author Info: Vorontsov, Vladimir S. — Ph.D. in History, Senior Researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russian Federation). E-mail: vorontsov@rambler.ru

Zagrebin, Alexey E. — Doctor of History, Chief Researcher, Udmurt State University (Izhevsk, Russian Federation). E-mail: zagreb72@izh.com

For citation: Vorontsov, V. S. and A. E. Zagrebin. 2023. Youth Problems in the Sociological Dimension (The Case of the Republics of Bashkortostan, Mari El, Udmurtia, Mordovia, and Chuvashia). *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 4: 59–73.

Funding: The research was carried out within the Program of fundamental and applied scientific research "Ethnocultural Diversity of Russian Society and Strengthening of the All-Russian Identity".

Российская молодежь традиционно находится в фокусе внимания ученых, становясь объектом специальных исследований как на федеральном, так и региональном уровнях. Изучению «социологического и социально-демографического портретов» современной молодежи в условиях трансформации многоэтничного российского общества посвящены масштабные исследования ведущих отечественных социологов,

историков, политологов, демографов, этнологов. Особое внимание уделяется историческому, политико-правовому, ценностно-нравственному сознанию молодежи, формированию ее государственно-гражданской идентичности, этнических и религиозных установок и досуговых практик (Горшков, Шереги 2020; Российская 2017; Российское 2014; Мартынова и др. 2023).

Сущность и специфика политических настроений, профилактика молодежной экстремальности и экстремизма рассматриваются в трудах В. И. Чупрова, Ю. А. Зубок, А. А. Козлова, В. С. Воронцова, В. Д. Громова, В. В. Брюно, и др. (Чупров, Зубок 2009; Козлов 2008; Воронцов 2008; Громов 2022; Экстремальность 2017). По мнению ученых, особенности молодежного экстремизма вытекают из сущности молодежи как социальной группы и определяются переходным характером становления ее субъектности. Причины возникновения молодежного экстремизма они видят в неполноте социального статуса молодежи, маргинальности ее социальных позиций и неопределенности социальных идентификаций.

В последние годы в научной литературе много внимания уделяется проблемам молодежной миграции из отдаленных регионов и малых городов. Отток молодежи происходит как в столичные города и крупные мегаполисы страны, так и за пределы России. Это приводит к сокращению человеческого и социального потенциала ряда российских регионов, сужает перспективы развития отдельных территорий. Исследователи полагают, что миграционный отток молодежи во многом обусловлен значительной дифференциацией регионов России по уровню жизни и доходам, по возможностям получения качественного образования, по востребованным специальностям и последующим трудоустройством, по наличию современной досуговой инфраструктуры и другим важным показателям (Клячко, Семёнова, Токарева 2022; Мкртчян 2017; Роговая, Левченко 2020).

«Легко ли быть молодым?» — эта фраза из одноименного документального фильма латвийского режиссера Юриса Подниекса стала в конце 1980-х гг. в СССР почти крылатой. Фильм вышел в прокат в период перестройки и вызвал заметный общественный резонанс. Среди студенческой молодежи практиковались коллективные просмотры «проблемного» фильма с последующими бурными обсуждениями на комсомольских собраниях. По большому счету, вопросы, поднятые в фильме, характерны для любого общества и в той или иной мере актуальны для каждого молодого поколения. Поиск себя и смысла жизни, выбор будущей профессии, конфликты с родителями, трудоустройство, финансовые и жилищные проблемы волнуют и современных молодых людей. Важно, насколько эффективно разрешаются эти проблемы, помогает ли государство и общество своим молодым поколениям?

Прожитые годы и жизненный опыт позволяют ответить на поставленный в фильме вопрос — быть молодым легко и приятно! Правда, осознание этого очевидного факта приходит только с возрастом, когда де-факто, молодость остается в прошлом. И тут возникает еще один, на наш взгляд, более важный вопрос — насколько легко или сложно жить молодым людям в разные исторические периоды? Советская молодежь 1960–1980-х гг. находилась в куда более благоприятных, можно сказать, тепличных условиях, нежели постсоветские молодые поколения. Отказ от идеологической догмы открыл новые возможности, в т. ч. для личностного роста, свободного выезда для учебы и работы за пределы страны. Однако трансформация государства и общества проходили в сложных социально-экономических и политических

условиях. Период первоначального накопления капитала и формирования «класса собственников» сопровождался развалом экономики, захватом и переделом государственной собственности, отказом от прежних морально-нравственных ценностей, ростом преступности, безработицей, ухудшением материального положения миллионов людей. В сложившихся обстоятельствах словосочетание «молодежная политика» воспринималось скорее, как фигура речи, а в реальности молодые люди были предоставлены самим себе.

Можно согласиться с авторами фундаментального труда о молодежи, что «процесс социализации сегодняшнего поколения пришелся на годы, когда система молодежной политики практически отсутствовала, а советская инфраструктура молодежной сферы уже была приватизирована и использована в качестве первоначального капитала в ходе рыночных преобразований. Это привело к серьезным издержкам в воспитании, практическому исключению целого поколения молодежи из процессов выработки решений, связанных с жизнью страны и, как следствие, к существенным проблемам в духовно-нравственной сфере...» (Горшков, Шереги 2020: 664).

Следует отметить, что в последние годы ситуация в сфере государственной молодежной политики стала меняться в лучшую сторону. Руководством страны отмечается необходимость реализации системных мер, имеющих прочную нормативно-правовую основу и достаточное финансовое обеспечение. 22 декабря 2022 г. на заседании Государственного Совета, посвящённом вопросам реализации молодёжной политики, Президент России В. В. Путин отметил, что «в целом всемерная система поддержки молодёжи должна действовать по всей стране, чтобы ею могли свободно пользоваться абсолютно все молодые люди, чтобы они имели возможность получать качественное разностороннее образование, устроиться на интересную работу, чувствовали заботу государства при рождении детей и в приобретении жилья» (Путин 2022).

В свою очередь, одной из важнейших целей молодежной политики является работа по формированию у молодых людей «системы нравственных и смысловых ориентиров, позволяющих противостоять идеологии экстремизма, национализма, проявлениям ксенофобии, коррупции, дискриминации по признакам социальной, религиозной, расовой, национальной принадлежности и другим негативным социальным явлениям» (ФЗ 2020). В условиях новых угроз и вызовов российскому государству и обществу, особенно актуальной и важной является деятельность по сбору и анализу информации о положении различных групп молодежи в регионах Российской Федерации, оперативному выявлению деструктивных явлений в молодежной среде и предотвращению конфликтных ситуаций на межнациональной и межконфессиональной почве.

В статье проанализированы проблемы, которые в наибольшей степени волнуют современную российскую молодежь. Эмпирическую базу исследования составили материалы социологического и экспертного опросов, проведенных осенью 2021 г. в пяти республиках Приволжского федерального округа (Башкортостан, Марий Эл, Мордовия, Удмуртия, Чувашия)*. В выборочную совокупность вошли студенты среднего профессионального и высшего образования (по 300 чел. в каждом регионе, всего 1500 чел.). Отбор респондентов осуществлялся с помощью квотной стратифи-

* Координаторы исследования в Республике Башкортостан — к. и. н., с. н. с. Габдрахиков И. М., в Республике Марий Эл — к. и. н., в. н. с. Орлова О. В., в Республике Мордовия — д. и. н., проф. Мартыненко А. В., в Удмуртской Республике — к. и. н., с. н. с. Воронцов В. С., в Чувашской Республике — д. и. н., проф. Бойко И. И.

цированной выборки, в которой учитывались пол, курс обучения, тип образовательной организации, специальность обучающихся (гуманитарные, инженерно-технические и естественно-научные).

Второй опрос охватывал экспертов в сфере молодежной политики (по 30 чел. в каждом регионе, всего 150 чел.). В число экспертов включены три категории специалистов: 1) руководители и сотрудники структур, ответственных за подготовку и реализацию молодежной политики в регионе, сотрудники городских и районных отделов по делам молодежи; 2) научные работники и преподаватели вузов, кураторы студенческой молодежи в образовательных учреждениях; 3) лидеры и активисты молодежных общественных организаций, в т. ч. национально-культурных, представители студсоветов, молодежного парламента, поисковых и волонтерских организаций.

В анкеты были включены тематические блоки о роли этнического фактора в общественно-политической жизни и оценке межнациональной ситуации в регионе; идентификационные предпочтения молодежи и меры по укреплению общероссийской идентичности; социальная активность молодежи и вовлеченность в общественную жизнь и др. В данной статье используются материалы блока вопросов, посвященных молодежным проблемам. Для нас важно было также выяснить, как изменяются оценки молодых людей в зависимости от различных переменных, в т. ч. региона проживания, национальности, пола, возраста, уровня материального благосостояния и др.

В целом по массиву опрошенных, в наибольшей степени молодых людей волнуют следующие проблемы (в порядке убывания): финансовые трудности (48,9%), угроза распространения эпидемий и опасных болезней (39,1%), вооруженные нападения на учебные заведения (36,5%), получение (завершение) образования (34,6%), трудности с будущим или нынешним трудоустройством (30,5%), отсутствие собственного жилья (23,3%), угроза терроризма (23,3%), проблемы с собственным здоровьем (19,4%). Относительно небольшая часть опрошенных отметила в качестве волнующих их проблем состояние межнациональных отношений (8,2%), сложности в отношениях с друзьями, приятелями (6,5%) и взаимоотношения с членами семьи (6,1%). Всего 7,8% респондентов заявили, что их не волнуют никакие проблемы.

По некоторым проблемам ответы респондентов из разных республик заметно различаются (табл. 1). Например, на наличие финансовых трудностей несколько чаще остальных указывают студенты Башкортостана (50,3%) и Удмуртии (54%). Респонденты из этих же республик значительно чаще обеспокоены угрозой вооруженных нападений на учебные заведения, по сравнению со студентами из Чувашии, разница составила почти 20 процентных пунктов. Возможно, более обостренное отношение к скулшутингу объясняется наличием у Башкортостана и Удмуртии общих границ с Пермским краем и более активной трансляцией непроверенной информации, в т. ч. слухов, после «пермского расстрела». Вместе с тем, не следует забывать о том, что через год трагедия с вооруженным нападением и убийством школьников и учителей произошла в Ижевске.

Об угрозе распространения опасных болезней чаще упоминают респонденты из Марий Эл и Удмуртии (по 44%), несколько реже опрошенные в Башкортостане (37,3%), Чувашии (36,7%) и Мордовии (33,7%). В свою очередь, студентов из Мордовии больше, чем остальных, беспокоят проблемы получения образования (39,3%) и трудности с трудоустройством (40,7%); молодежь из Башкортостана волнуют жилищные проблемы (29,3%) и террористические угрозы (31,3%), а молодых людей из Удмуртии проблемы с собственным здоровьем (24,3%).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Какие проблемы волнуют Вас сегодня в большей мере?» (в % от числа опрошенных*)

	ВСЕГО	Башкортостан	Марий Эл	Мордовия	Удмуртия	Чувашия
Финансовые трудности	48,9	50,3	46,0	44,7	54,0	49,3
Угроза распространения эпидемий и опасных болезней	39,1	37,3	44,0	33,7	44,0	36,7
Вооруженные нападения на учебные заведения	36,5	45,0	34,0	33,7	44,3	25,3
Получение/завершение образования	34,6	33,3	34,7	39,3	36,7	29,0
Трудности с нынешним ил и будущим трудоустройством	30,5	29,3	27,0	40,7	32,7	22,7
Отсутствие собственного жилья	23,3	29,3	18,7	22,0	28,3	18,3
Угроза терроризма	23,3	31,3	15,7	21,0	27,0	21,7
Проблемы с собственным здоровьем	19,4	20,0	14,7	18,3	24,3	19,7
Состояние межнациональных отношений	8,2	9,7	7,3	7,7	10,0	6,3
Взаимоотношения с членами семьи	6,5	6,3	3,3	7,0	7,0	6,7
Проблемы в отношениях с друзьями, друзьями	6,1	7,3	4,3	7,3	6,7	6,7
Никакие	7,8	6,7	8,3	10,7	5,0	8,3

* Вопрос многоответный, сумма в столбцах превышает 100%.

Довольно значимые различия наблюдаются в ответах юношей и девушек, а также между самой младшей (15–17 лет) и самой старшей возрастной группой (старше 20 лет). Ожидаемо, девушки более чем юноши обеспокоены скользингом (45,4% против 27%), возможными эпидемиями (44,9% против 33,1%), террористическими угрозами (28% против 18,4%). Некоторые разрывы зафиксированы также в оценках проблем с нынешним или будущим трудоустройством (34,8% против 26%) и проблем с собственным здоровьем (24% против 14,6%). В свою очередь, самых младших респондентов (15–17 лет) значительно чаще волнуют вооруженные нападения на учебные заведения (43,8% против 28%) и угроза терроризма (30,5% против 12,6%), тогда как старших респондентов больше беспокоят «земные проблемы», в т. ч. финансовые трудности (39,8% против 52,7%), поиск работы (24,3% против 33%), отсутствие собственного жилья (16% против 26,9%), проблемы со здоровьем (15,8% против 25,3%). В национальных группах заметных различий в ответах не наблюдается.

Однако, хотелось бы акцентировать внимание на ответы респондентов с разным уровнем материального положения. По собственной оценке, 20,7% опрошенных назвали свое материальное положение хорошим, 55,2% — в целом нормальным, 24,1% — затруднительным и тяжелым. В разрезе республик доля респондентов со сложным материальным положением несколько выше в Башкортостане (24,7%), Удмуртии (25,8%) и Чувашии (27,4%) и ниже в Марий Эл (21,3%) и Мордовии (21%), хотя по среднедушевым доходом населения и размерам зарплат Марий Эл и Мордовия все последние годы находятся в числе отстающих в Приволжском федеральном округе.

В табл. 2 представлены наиболее показательные ответы, в которых фиксируется корреляционная зависимость — чем хуже материальное положение респондентов, тем чаще они указывают на наличие разного рода проблем. Причем речь идет не только о финансовых трудностях и отсутствии собственного жилья, но и более широкого круга проблем, включая трудоустройство, здоровье, межнациональные и межличностные отношения.

Таблица 2

**Распределение ответов на вопрос «Какие проблемы волнуют Вас сегодня в большей мере?», в зависимости от материального положения респондентов
(в % от числа опрошенных*)**

	Материальное положение		
	Хорошее	В целом нормальное	Затруднительное и тяжелое
Финансовые трудности	20,4	47,0	77,4
Трудности с нынешним или будущим трудоустройством	16,5	33,4	35,8
Отсутствие собственного жилья	13,6	21,7	35,2
Проблемы с собственным здоровьем	13,3	20,0	23,2
Состояние межнациональных отношений	6,8	8,6	11,2
Проблемы в отношениях с друзьями, приятелями	2,9	5,7	11,2
Взаимоотношения с членами семьи	4,2	6,3	7,3
Никакие	18,8	5,7	3,1

* Вопрос многоответный, сумма в столбцах превышает 100%.

Несмотря на наличие сложных проблем, большая часть опрошенных молодых людей сохраняет оптимизм и надежды на лучшее будущее (табл. 3). По данным опроса, более двух третей респондентов испытывают положительные эмоции (68,1%), когда задумываются о своем ближайшем будущем, каждый десятый живет сегодняшним днем (10,9%), примерно каждый седьмой опрошенный испытывает тревогу и неуверенность (13,5%), и относительно небольшая часть студентов затруднилась ответить (7,5%).

Таблица 3
Распределение ответов на вопрос «Какие чувства Вы испытываете, когда задумываетесь о ближайшем будущем?» (в % от числа опрошенных)

	ВСЕГО	Башкортостан	Марий Эл	Мордовия	Удмуртия	Чувашия
Тревогу, неуверенность:	13,5	11,7	10,7	17,0	17,0	11,0
Надежду на лучшее	47,3	44,7	49,3	44,0	48,3	50,3
Уверенность в завтрашнем дне	20,8	26,3	18,7	20,3	16,3	22,3
Не думаю о будущем, живу сегодняшним днем	10,9	10,3	11,3	12,3	10,0	10,3
Затрудняюсь ответить	7,5	7,0	10,0	6,4	8,4	6,0

Таблица 4
Распределение ответов на вопрос «Какие чувства Вы испытываете, когда задумываетесь о ближайшем будущем?», в зависимости от материального положения респондентов (в % от числа опрошенных)

	Материальное положение		
	Хорошее	В целом нормальное	Затруднительное и тяжелое
Тревогу, неуверенность:	6,5	12,0	23,2
Надежду на лучшее	35,6	52,2	46,6
Уверенность в завтрашнем дне	38,8	18,7	9,5
Не думаю о будущем, живу сегодняшним днем	12,3	10,3	10,6
Затрудняюсь ответить	6,8	6,7	10,1

Мнения респондентов о ближайшем будущем различаются в зависимости от их места проживания, половозрастных и иных характеристик. Если сравнивать две крайние позиции «уверенность в завтрашнем дне» и «тревога и неуверенность», то позитивный взгляд на будущее более присущ респондентам из Башкортостана (26,3%), чем Удмуртии (16,3%); юношам (27,2%), нежели девушкам (14,7%); младшей возрастной группе (24%), чем более старшим студентам (15,9%). И напротив, тревогу и неуверенность чаще ощущают опрошенные из Мордовии и Удмуртии (по 17%), чем представители из других республик (каждый десятый); 17,2% девушек и заметно меньше юношей (9,6%); каждый пятый респондент старше 20 лет (19,8%) и лишь каждый десятый среди 15–17-летних (10%).

Однако самые большие различия в ответах опрошенных вновь связаны с их материальным положением: чем ниже уровень материального благосостояния, тем с большей тревогой и неуверенностью молодые люди смотрят в будущее (табл. 4).

Экспертное сообщество также подтверждает наличие у современной молодежи многочисленных проблем, которые молодые люди далеко не всегда могут самостоятельно решать. По степени значимости эксперты считают наиболее важными для молодежи следующие проблемы: неудовлетворительное материальное положение, низкий уровень доходов (140 из 150 экспертов); трудности на рынке труда, безработица (103 эксперта); низкий уровень социальной мобильности, отсутствие перспектив развития, карьерного роста (90 экспертов); необеспеченность жильем (80 экспертов). Менее важными для молодых людей, по мнению экспертов, являются проблемы в сферах здравоохранения и образования. На низкое качество медицинского обслуживания и образования указало равное число опрошенных (по 22 чел.). Очень важно, что только 3 эксперта посчитали необходимым включить межнациональные отношения в число актуальных молодежных проблем.

Один из экспертов, характеризуя молодежные проблемы, написал эмоциональный комментарий: «*Можно сколько угодно говорить о молодежной политике и «заботе о подрастающих поколениях», строчить отчеты о «мероприятиях и свершениях», все это не более чем, симулякр. И молодежь это ощущает, поэтому и «делает ноги» подальше от республики, а при случае, и от страны*».

Действительно, исследователи отмечают желание части молодежи уехать из страны, что особенно характерно для студентов инженерных и ИТ-специальностей. По данным представительного опроса образовательной платформы GeekBrains^{1*}, более половины студентов (53%), которые изучают информационные технологии, хотели бы уехать из России. Из них 25% хотели бы эмигрировать в США, 7% — в Великобританию, 6% — в Германию, 5% — в Канаду, 34% затруднились назвать страну. Между тем, по оценке Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ, дефицит квалифицированных кадров в отечественной ИТ-индустрии составляет от 500 тыс. до 1 млн. человек в год (Дульнева 2021).

Материалы многолетних исследования Распределенного научного центра межнациональных и религиозных проблем в ПФО также подтверждают желание многих молодых людей выехать за пределы своей малой родины (Молодежь ПФО 2013, Этнокультурное 2017), и эта тенденция сохраняется. Согласно данным опроса 2021 г., из своей республики хотели бы уехать 51,9% респондентов, в т. ч. 26,8% в другую страну

* Опрос проводился в ноябре 2021 г., в нем приняли участие более 5000 студентов, обучающихся по ИТ-специальностям.

и 25,1% в другой регион России (табл. 5). Разумеется, далеко не все, кто заявил о желании уехать, покинут свой регион, однако важен сам факт, настрой на переезд.

Таблица 5

**Распределение ответов на вопрос «Хотелось бы Вам уехать из республики на длительный срок или на постоянное проживание?»
(в % от числа опрошенных)**

	ВСЕГО	Башкортостан	Марий Эл	Мордовия	Удмуртия	Чувашия
Да, в другую страну	26,8	37,3	16,7	25,3	28,3	26,3
Да, в другой регион России	25,1	18,3	30,0	27,3	22,7	27,3
Нет	24,5	22,7	23,7	23,3	25,3	27,7
Затрудняюсь ответить	23,5	21,7	29,7	24,0	23,7	18,7

Желание респондентов выехать за пределы своей республики коррелирует в зависимости от региона проживания, половозрастных характеристик, материального положения респондентов. Чаще уехать из республики хотели студенты из Башкортостана (55,6%), при этом большая часть из них нацелена на выезд в другую страну (37,3%); значительно реже были готовы покинуть Россию молодые люди из Марий Эл (16,7%), для них более предпочтительны другие регионы страны (30%). Более активными в своем желании уехать оказались девушки (55,3%) и респонденты в возрасте старше 20 лет (53,3%), менее активными оказались юноши (48,3%) и представители младшей возрастной группы (38%).

Установка на выезд из своей республики оказалась в большей мере характерна для респондентов с затруднительным и тяжелым материальным положением, таких оказалось более двух третей (64,1%). Заметно меньше желающих покинуть свой регион оказалось среди студентов с хорошим (46,6%) и нормальным (48,8%) финансовым положением. При этом, твердое желание остаться в своей республике высказалось в два раза больше респондентов с хорошим материальным положением, по сравнению с опрошенными, оказавшимися в сложной жизненной ситуации (табл. 6).

В качестве причин, побуждающих к гипотетическому переезду, а в перспективе и реальному, респонденты называют: возможность сменить обстановку, образ жизни, приобрести новый жизненный опыт (45,5%); получать более высокие зарплаты (41,9%); возможность профессионального роста и карьеры (37,7%); отсутствие перспектив, депрессивное состояние региона (28,8%) и др.

В свою очередь, эксперты среди основных причин миграционного оттока молодых людей называют неудовлетворительное материальное положение, низкий уровень доходов, отсутствие высокотехнологичных и высокооплачиваемых рабочих вакансий, низкий уровень социальной мобильности, отсутствие перспектив развития и карьерного роста в республике(-ах), нежелание работодателей вкладывать сред-

ства в молодежь, отсутствие современной досуговой инфраструктуры, желание молодежи получать образование в престижных вузах и др.

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос «Хотелось бы Вам уехать из республики на длительный срок или на постоянное проживание?», в зависимости от материального положения респондентов (в % от числа опрошенных)

	Материальное положение		
	Хорошее	В целом нормальное	Затруднительное и тяжелое
Да, в другую страну	21,7	23,9	37,8
Да, в другой регион России	24,9	24,9	26,3
Нет	30,4	26,8	14,3
Затрудняюсь ответить	23,0	24,4	21,6

Помимо вышеназванных причин, эксперты указывают и на возрастные особенности молодежи, иллюзорное сознание, желание уехать от родителей, пожить самостоятельно, повидать мир. *«Молодые они же молодые. Никто в молодые годы не думает про деньги и кредиты, про жен, детей и стариков. В молодые годы нужно мечтать, творить, креативно подходить к решению возникающих задач. Если есть возможность ехать, значит нужно ехать; если есть возможность заявить о себе, значит стоит попробовать. А остальное всё приложится или отвалится как ненужное».*

Большинство экспертов оказались солидарны в выборе мер, которые, по их мнению, могли бы остановить или хотя бы ограничить отток молодежи (и, в целом, трудоспособного населения) из республик. Это создание в регионах инновационных производств, для которых необходимы высококвалифицированные и перспективные молодые кадры (111 из 150 экспертов); создание в регионах большого количества высокооплачиваемых рабочих мест (102 эксперта); расширение возможностей и создание социальных лифтов для карьерного роста молодежи, более активное вовлечение её в общественно-политическую жизнь регионов (93 эксперта); активное вовлечение молодежи в бизнес и предоставление молодым предпринимателям льготных ссуд и кредитов для организации собственного дела (87 экспертов); создание более широкой и более интересной инфраструктуры для молодежного досуга (78 экспертов). Каждый десятый эксперт занял пессимистическую позицию, посчитав, что вряд ли что-то можно изменить в миграционных установках молодежи, отток молодых людей из республик стал системным явлением.

В целом, перечень актуальных молодежных проблем, указанных экспертами и студентами, почти совпадает, однако первые, в отличие от вторых, не указали в ка-

честве приоритетных угрозы, связанные с эпидемиями, терроризмом и нападениями на учебные заведения. Видимо, эксперты посчитали их экстраординарными, выходящими за рамки привычной жизни, которые хотя и оказывают огромное (шоковое) воздействие на окружающих, но не продолжительны по времени. Однако, как показал опрос, молодежь воспринимает эти угрозы как повседневную реальность, что подтверждают и данные правоохранительных структур.

По информации заместитель секретаря Совета безопасности России А. Н. Гребенкина, в условиях СВО западные спецслужбы все чаще вовлекают подростков и молодых людей в диверсионно-террористические акции. С февраля 2022 г. в России было предотвращено более 100 преступлений террористической направленности, исполнителями которых были молодые люди. В 2022 г. в образовательных организациях правоохранительными органами на стадии подготовки пресечено 7 таких преступлений, а также не допущены 22 попытки нападений на учащихся и учителей (Егоров 2023).

К сожалению, не все террористические акты удается предотвратить. 26 сентября 2022 г. Россию потрясло трагическое известие о вооруженном нападении на среднюю школу № 88 г. Ижевска. От рук убийцы погибли 18 человек, в т. ч. 11 учеников в возрасте от 7 до 15 лет, 23 человека получили ранения различной степени тяжести., в т. ч. 21 ребенок, 11 из них остались инвалидами (Зиятдинова, Солнцева 2023). Трагическое событие в ижевской школе стало продолжением череды похожих нападений, случившихся в других регионах страны (Керчь, Казань, Пермь и др.).

Подводя итог, отметим, что для значительной части опрошенной студенческой молодежи наиболее волнующие проблемы прямо или косвенно связаны с их материальным положением, что в условиях непростой социально-экономической ситуации является вполне закономерным явлением. В числе проблем, которые их беспокоят, превалирующими были названы финансовые трудности, при этом более пятой части опрошенных отметили свое затруднительное и тяжелое материальное положение, поэтому студентам нередко приходится совмещать учебу с работой.

Как следствие, в условиях неудовлетворенности своим положением сохраняется высокая степень мотивации на отток молодежи из республик в другие регионы России или за рубеж, подобные намерения высказывают более половины респондентов. Причины такой стратегии поведения разные — от желания получить новый жизненный опыт до ожидания материального благополучия, карьерного роста, который они не могут получить в своем регионе. Ситуация усугубляется тем, что во всех изучаемых республиках наблюдается миграционный отток населения. Для противодействия негативной социально-демографической тенденции необходимо разработать комплексные программы по сохранению и развитию человеческого потенциала, создавать в республиках передовые инновационные производства и высокооплачиваемые рабочие места, расширять возможности (социальные лифты) для карьерного роста молодежи, активнее вовлекать её в общественно-политическую жизнь. Необходимо также продвигать и повышать имидж регионов (республик), начиная со школьной скамьи формировать у детей чувства сопричастности, патриотизма и гордости за свою малую родину.

Помимо финансовых трудностей, проблем с получением образования и отсутствием собственного жилья, которые были характерны и для советской молодежи, у современных молодых людей вышли на первый план новые весьма серьезные

вызовы. Речь идет об угрозе распространения опасных болезней, вооруженных нападениях на учебные заведения, террористических актах. Напомним, опрос проводился в разгар пандемии COVID-19, в это же время в СМИ активно обсуждалась информация о вооруженном нападении в Пермском государственном университете. Надо признать, что к настоящему времени все еще не выработан четкий алгоритм действий в экстремальных ситуациях, в отсутствие которого образовательные организации будут продолжать оставаться зонами повышенной опасности.

Таким образом, молодежные проблемы сохраняют свою актуальность, требуют от органов власти и общественности постоянного внимания, значительных материальных средств и моральной поддержки, проведения научных исследований по молодежной тематике, мониторингов молодежной среды и пр. Вместе с тем, современная молодежная политика должна быть ориентирована на максимальное включение молодежи в социальные практики, на создание условий для самостоятельного решения молодежными сообществами собственных проблем, полноценного участия молодых людей в общественно-политической и культурной жизни страны.

Источники и материалы

Дульнева 2021 — Дульнева М. Аналитики оценили число желающих уехать из России студентов IT-специальностей // Forbes [электронный ресурс]. 19 ноября 2021. <https://www.forbes.ru/society/446637-analitiki-ocenili-cislo-zelausih-uehat-iz-rossii-studentov-it-special-nostej>

Егоров 2023 — Егоров И. Легко ли быть молодым // Российская газета — Федеральный выпуск: №101(9046). 2023. 11 мая. <https://rg.ru/gazeta/rg/2023/05/11.html?ysclid=lozwzpwona441339858>

Зиятдинова, Солнцева 2023 — Зиятдинова Н., Солнцева Д. Год со дня трагедии в школе № 88 Ижевска: возложение цветов и память о страшном дне // Комсомольская правда [электронный ресурс]. 26 сентября 2023. <https://www.izh.kp.ru/daily/27560/4828616/>

Путин 2022 — Путин В. В. В Георгиевском зале Большого Кремлёвского дворца Президент провёл заседание Государственного Совета, посвящённое вопросам реализации молодёжной политики в современных условиях // Президент России [электронный ресурс]. 22.12.2022. <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/70169>

ФЗ 2020 — Федеральный закон от 30.12.2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» // Президент России [электронный ресурс]. 30.12.2020. <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46328>

Научная литература

Воронцов В. С. Истоки молодежного экстремизма в современной России // Общественно-политическая мысль в России: традиции и новации / ред. Н. Н. Бармина и др. Ижевск: Удмуртский ун-т, 2008. С. 333–342.

Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований. М.: ФНИСЦ РАН, 2020. 688 с.

Громов Д. В. АУЕ: криминализация молодежи и моральная паника. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 424 с.

Клячко Т. Л., Семионова Е. А., Токарева Г. С. Образовательная миграция российской молодежи для получения профессионального образования. М.: Дело (РАНХиГС), 2022. 84 с.

Козлов А. А. Молодежный экстремизм. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008. 498 с.

Мартынова М. Ю., Белова Н. А., Зыкина О. А., Кляус М. П. Общегражданские и социокультурные ценности в восприятии российской молодежи // Вестник антропологии. 2023. № 1. С. 102–124. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2023-1/102-124>

- Мкртчян Н. В. Миграция молодежи из малых городов России // Мониторинг общественного мнения: общественные и социальные перемены. 2017. № 1. С. 225–242.
- Молодежь в полигэтнических регионах Приволжского федерального округа. Экспертный доклад / под ред. В. А. Тишкова, В. В. Степанова. Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2013. 115 с.
- Роговая А. В., Левченко Н. В. Образование, занятость и досуг как факторы миграции молодёжи из малых городов // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 4. С. 23–33.
- Российская молодежь: социально-демографический портрет и система ценностей в контексте многонациональной основы российского государства / Коллективная монография / Под ред. С. В. Рязанцева и Т. К. Ростовской. М.: ИТД «Перспектива», 2017. 600 с.
- Российское студенчество: идентичность, жизненные стратегии и гражданский потенциал / Тишков В. А., Бараш Р. Э., Степанов В. В. (ред.). М.: ИЭА РАН, 2014. 342 с.
- Чупров В. И., Зубок Ю. А. Молодежный экстремизм: сущность, формы проявления, тенденции. М.: Academia, 2009. 320 с.
- Экстремальность и экстремизм в социальных практиках российской молодёжи / [В. В. Брюно и др.]. М.: ФНИСЦ РАН-Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2017. 340 с.
- Этнокультурное содержание образования, российская идентичность и гражданское согласие в Приволжском федеральном округе. Экспертный доклад / ред. В. А. Тишков, В. С. Воронцов, В. В. Степанов. М.-Оренбург-Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2017. 158 с.

References

- Bryuno, V. V. et al. 2017. *Ekstremal'nost' i ekstremizm v sotsial'nykh praktikakh rossiiskoi molodezhi* [Extremality and Extremism in Social Practices of Russian Youth]. Moscow: FNISC-Krasnodar: Kuban State University. 340 p.
- Chuprov, V. I. and Y. A. Zubok. 2009. *Molodezhnyi ekstremizm: sushchnost', formy projavleniya, tendentsii* [Youth Extremism: Essence, Forms of Manifestation, Trends]. Moscow: Academia. 320 p.
- Gorshkov, M. K. and F. E. Sheregi. 2020. *Molodezh' Rossii v zerkale sotsiologii. K itogam mnogoletnikh issledovanii* [Youth of Russia in the Mirror of Sociology. Towards the Results of Many Years of Research]. Moscow: FNISC. 688 p.
- Gromov, D. B. 2022. *A.U.E.: kriminalizatsiya molodezhi i moral'naia panika* [A.U.E. (Prisoner's Criminal Unity): The Criminalization of Youth and Moral Panic]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 424 p.
- Klyachko, T. L., E. A. Semionova, and G. S. Tokareva. 2022. *Obrazovatel'naia migrantsia rossiiskoi molodezhi dlja poluchenija professional'nogo obrazovaniia* [Educational Migration of Russian Youth for Professional Education]. Moscow: Delo. 84 p.
- Kozlov, A. A. 2008. *Molodezhnyi ekstremizm* [Youth Extremism]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. 498 p.
- Martynova, M. Yu., N. A. Belova, O. A. Zykina and M. P. Klyaus. 2023. *Obshchegrazhdanskie i sotsiokul'turnye tsennosti v vospriятиi rossiiskoi molodezhi* [National and Socio-Cultural Values in the Perception of Russian Youth]. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 1: 102–124. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2023-1/102-124>
- Mkrtychyan, N. B. 2017. *Migrantsia molodezhi iz malykh gorodov Rossii* [Migration of Young People from Small Towns in Russia]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: obshchestvennye i sotsial'nye peremeny* 1: 225–242.
- Rogovaya, A. V. and N. V. Levchenko. 2020. *Obrazovanie, zaniatost' i dosug kak faktory migrantsii molodezhi iz malykh gorodov* [Education, Employment and Leisure as Factors of Youth Migration from Small Towns]. *Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniia* 4: 23–33.
- Ryazantsev, S. V. and T. K. Rostovskaya (eds). 2017. *Rossiiskaia molodezh': sotsial'no-demogra-*

- ficheskii portret i sistema tsennostei v kontekste mnogonatsional'noi osnovy rossiiskogo gosudarstva* [Russian Youth: Socio-Demographic Portrait and System of Values in the Context of the Multinational Basis of the Russian state]. Moscow: ITD "Perspektiva". 600 p.
- Tishkov, V. A., R. E. Barash, and V. V. Stepanov (eds.). 2014. *Rossiiskoe studenchesstvo: identichnost', zhiznennye strategii i grazhdanskii potentsial* [Russian Students: Identity, Life Strategies and Civic Potential]. Moscow: IEA RAS. 342 c.
- Tishkov, V. A., V. S. Vorontsov, and V. V. Stepanov (eds.). 2017. *Etnokul'turnoe soderzhanie obrazovaniia, rossiiskaia identichnost' i grazhdanskoe soglasie v Privolzhskom federal'nom okruse. Ekspertnyi doklad* [Ethno-Cultural Content of Education, Russian Identity and Civic Consent in the Volga Federal District. The Expert Report]. Moscow-Orenburg-Izhevsk: Institut kompyuternih issledovanii. 158 p.
- Tishkov, V. A. and V. V. Stepanov (eds.). 2013. *Molodezh' v polietnicnykh regionakh Privolzhskogo federal'nogo okruga. Ekspertnyi doklad* [Youth in Polyethnic Regions of the Volga Federal District. The Expert Report]. Orenburg: IPK "Universitet". 115 p.
- Vorontsov, V. S. 2008. Istoki molodezhnogo ekstremizma v sovremennoi Rossii [The Origins of Youth Extremism in Modern Russia] In *Obshchestvenno-politicheskaiya mysl' v Rossii: traditsii i novatsii* [Social and Political Thought in Russia: Traditions and Innovations], ed. by N. N. Barmina, et al. Izhevsk: Udmurtskii Universitet. 333–342.

УДК 39+314

DOI: 10.33876/2311-0546/2023-4/74-88

Научная статья

© O. A. Зыкина

ОБЩЕРОССИЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ГРАЖДАНСКАЯ АКТИВНОСТЬ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ НА ПРИМЕРЕ МОСКВЫ, КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ И СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ*

В статье автором рассматриваются особенности формирования гражданского общества в нашей стране через анализ становления в студенческой среде двух его основополагающих элементов — гражданской идентичности и гражданской активности. В качестве эмпирической базы были использованы материалы массовых опросов, проведенных в декабре 2020 г. в Москве, Кировской области и Республике Северная Осетия — Алания. Согласно полученным данным государственная самоидентификация является ведущей среди территориальных и объединяет от двух третей до 80% опрошенных студентов, соответственно можно говорить о наличии сформированного российского самосознания у молодого поколения. В качестве иллюстрации гражданской активности были выбраны для изучения волонтерская работа в ходе значимых государственных мероприятий и участие в голосовании о поправках в Конституцию России 2020 г. На этом этапе наблюдается заметная региональная специфика, которая выражена, в том числе, в некоторой политической индифферентности учащихся осетинских вузов в сравнении с более высокой активностью их сверстников из Москвы и Кирова, проявленной в ходе голосования и оценки содержательной части поправок в Конституцию. Тем не менее, по основным позициям студентами озвучены сходные мнения вне зависимости от региона обучения.

Ключевые слова: российская идентичность, гражданская активность, волонтерская деятельность, участие в выборах, молодежь, студенты

Ссылка при цитировании: Зыкина О. А. Общероссийская идентичность и гражданская активность студенческой молодежи на примере Москвы, Кировской области и Северной Осетии // Вестник антропологии. 2023. № 4. С. 74–88.

Зыкина Ольга Александровна — младший научный сотрудник отдела русского народа, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (Российская Федерация, 119334 Москва, Ленинский пр., 32А). Эл. почта: zykina@iea.ras.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6752-6651>

* Статья выполнена в рамках Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности 2023–2025 гг. (рук. академик РАН В. А. Тишков). Проект «Общегражданские и этнокультурные ценности в образовании российской молодежи: поиск баланса» (рук. д. и. н. М. Ю. Мартынова).

UDC 39+314

DOI: 10.33876/2311-0546/2023-4/74-88

Original article

© Olga Zykina

RUSSIAN IDENTITY AND CIVIC ENGAGEMENT OF STUDENTS. THE CASE OF MOSCOW, KIROV REGION AND NORTH OSSETIA

In the article the author considers the formation of civil society in Russia by analyzing the its two fundamental elements — national identity and civic activity in the student environment. The empirical base of the study consisted of the data of mass surveys conducted in December 2020 in Moscow, the Kirov region and the Republic of North Ossetia-Alania. According to the obtained data, national identity is the leading among territorial self-identification components and unites from two thirds to 80% of the surveyed students, therefore suggesting formed Russian self-consciousness among the young generation. Volunteering at significant state events and participation in voting on the 2020 amendments to the Russian Constitution were selected for study as examples of civic engagement. At this stage there is a remarkable regional specificity, which is expressed, among other things, in a certain political indifference of Ossetian higher education students as compared to the higher activity of their peers from Moscow and Kirov displayed during the voting and assessment of amendments to the Constitution. Nevertheless, students have expressed similar opinions on the main positions regardless of the region of study.

Keywords: *Russian identity, civic activity, volunteerism, participation in elections, youth, students*

Authors Info: Zykina, Olga A. — Junior Researcher, the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (Moscow, Russian Federation). E-mail: zykina@iea.ras.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6752-6651>

For citation: Zykina, O. A. 2023. Russian Identity and Civic Engagement of Students. The Case of Moscow, Kirov region and North Ossetia. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 4: 74–88.

Funding: The research was carried out within the Program of fundamental and applied scientific research “Ethnocultural Diversity of Russian Society and Strengthening of the All-Russian Identity”.

Введение

Становление и развитие национальных государств современного типа чаще всего осмысляется через ценности и образцы западноевропейской политической культуры, которая возводит в абсолют либерально-демократическое общественное устройство и выстраивается на принципах правового государства, разделения властей, приоритета прав и свобод человека и гражданина, обязательного участия граждан в принятии управленческих решений, а также защиты частной собственности и защиты прав меньшинств. В рамках именно этой парадигмы формировалась идея гражданского общества как одного из ведущих элементов демократического режима.

Вместе с тем, более детальное изучение существующих общественно-политических традиций в разных странах демонстрирует многообразие форм политической жизни. В результате уже к середине XX в. при изучении не только «классических» национализмов, таких как британский, французский, североамериканский, но и «более поздних» конца XIX — начала XX вв., в литературе утвердилось предложенное Г. Конон (Kohn 1946; Kohn 1955) противопоставление «гражданского» и «этнического» национализмов (Панов 2017: 415). Эта концепция получила свое развитие как у сторонников примордиальной теории, которые рассматривают нацию как один из этапов развития этнических сообществ и при анализе текущих явлений и процессов склонны обращаться, в том числе, к отдаленным периодам истории доминирующего «этнического ядра» (Smith 1986; Смит 2004), так и у апологетов конструктивистского подхода, которые, не отрицая значимости этнической идентичности для нациестроительства, в большей мере сосредотачиваются на методах управления национальным самосознанием через политические ресурсы (Андерсон 2001; Геллер 1991; Хобсбаум 1998).

Более глубокое исследование национального вопроса на уровне отдельных групп и индивидуальных представлений расширяет спектр научных проблем и подходов и выводит его за рамки государственных границ (Брубейкер 2012; Хабермас 2003). Дополнительно осложняет и размывает определение нации усиление в последние годы других видов самоидентификации (этнического, религиозного, профессионального, регионального и др.). Многочисленные работы современных ученых показывают, что содержательное наполнение категории «нация» весьма различно. С одной стороны, за счет обусловленной демократией политической борьбы. С другой стороны, как показывает практика, не все попытки сконструировать государство-нацию могут быть успешными, и независимые незападные страны в ряде случаев отказываются от зарубежных моделей управления в пользу культурно более близких форм легитимации власти (Тицков, Филиппова 2016: 34). В то же время само по себе существование национального государства чаще всего предполагает наличие отдельных демократических институтов и гражданского компонента (Панов 2017: 416). Таким образом, при описании политических наций можно говорить о множестве вариантов демократий и соответствующих им гражданских обществ.

Формирование современной российской нации после распада СССР и образования Российской Федерации шло при активном взаимодействии научных и политических элит (Дробижева 2013: 42; Тицков 2013: 3; Тицков 2021; Тицков, Филиппова 2016: 3–18; Тицков 2011; Тицков 2013). Одним из результатов такого сотрудничества стало утверждение Стратегии государственной национальной политики. В ней закреплено определение российской нации как многонационального народа Российской Федерации, основанием для нее служат гражданское единство и гражданское самосознание (Указ 2012). Вместе с тем, в связи с явным отличием нашей политической деятельности от западноевропейских образцов ряд ученых подчеркивают факт незавершенности в России перехода к зрелым формам демократии и ставят под вопрос в целом существование полноценного гражданского общества (Пайн 2004). На текущий момент формирование гражданского общества в нашей стране рассматривается как непрерывный и противоречивый процесс, подверженный влиянию многих факторов, а потому непредсказуемый (Перегудов 2017: 165). При этом развитие гражданского общества отнюдь не обеспечивает расширения демократической среды. Отмечается, что «в отношении демократии гражданское общество в лучшем случае политически

и идеологически нейтрально, в его недрах могут возникать и укрепляться вполне демократические структуры и институты, но одновременно не вполне и совсем не демократические. Поэтому первостепенной проблемой нынешнего этапа развития гражданского общества в России является нахождение механизмов перевода частных, групповых интересов на язык общезначимых проблем» (Петухов 2012: 25).

В идеальном своем воплощении феномен гражданского общества может быть представлен как «тип социальной интеграции на основе солидарности независимых личностей, связанных коллективными обязательствами с другими индивидами, как особое пространство бытования гражданских добродетелей — доверия, уважения к другому индивиду, равенства, справедливости, лежащих в основе норм социальных взаимодействий» (Патрушев 2009: 24). Исходя из этого определения видно, что главной задачей гражданского общества в настоящее время признается обеспечение оптимального, гармонического сочетания частных и общественных интересов, оно одновременно противопоставляется как тенденции к неограниченному индивидуализму (что считается характерной чертой западного общества), так и политизации всех общественных сфер (как, например, в бывших социалистических государствах) (Кляйн и др. 2013: 134).

В целом, ясно, что действительная практика социальной жизни несколько отличается от заявленного идеала. В ходе текущей работы рассмотрим особенности формирования гражданского общества в нашей стране через анализ становления двух его основополагающих элементов — гражданской идентичности и гражданской активности — в студенческой среде. В качестве эмпирических данных были использованы материалы массовых опросов, проведенных в декабре 2020 г. в рамках изучения восприятия общегражданских ценностей и российской идентичности учащейся молодежью. Анкетированием были охвачены 4 Федеральных округа России: Центральный, Приволжский, Северо-Кавказский и Дальневосточный¹. Стандартная итоговая выборочная совокупность в каждом из рассматриваемых регионов, за исключением двух, была сформирована из 200 анкет, в Кировской области выборка включает 218 анкет, в Северной Осетии — 150. Квотирование проводилось по полу и направлению обучения. В статье приводятся сравнительные данные по 3 регионам из 8 — Москве, Кировской области и Республике Северная Осетия — Алания.

Гражданская идентичность студенческой молодежи

Согласно утвержденному в Стратегии национальной политики понятию общероссийская гражданская идентичность (гражданское самосознание) понимается как осознание гражданами Российской Федерации их принадлежности к своему государству, народу, обществу, ответственности за судьбу страны, необходимости соблюдения гражданских прав и обязанностей, а также приверженность базовым ценностям российского общества (Указ 2012).

Динамика национального самосознания у россиян, его содержательное наполнение, иерархия идентичностей, смыслы и ценности, на которые опирается российская гражданская идентичность, последовательно изучались в ходе социологических

¹ Опросы проводились в рамках Программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» по проекту «Российские ценности и символы: национальное единство и этнокультурное многообразие» (рук. М. Ю. Мартынова). Часть результатов опубликованы ранее в других работах, подробнее см.: (Мартынова и др. 2023).

опросов и специальных научных изысканий с момента образования Российской Федерации (Горшков, Тихонова 2005; Горшков 2016: 299–314; Горшков, Петухов 2018: 194–216; Дробижева 2013; Тишков 2011; Тишков 2013; Тишков, Бараши, Степанов 2014; Тишков 2021; Мартынова и др. 2023).

Государственно-гражданская идентичность является основанием современной политической нации, осмыслиается индивидом в связи с принадлежностью к макрополитическому сообществу в пределах конкретной страны, а потому тесно связана с другими видами группового самосоотнесения, имеющими формообразующий территориальный компонент. В первую очередь это этническая и региональная идентичности.

В текущей работе с целью изучения особенностей сочетания территориальных идентичностей у молодежи рассмотрим три региона, заметно отличающихся друг от друга по географическому положению, этническому составу, процессам формирования современного населения. Москва — столица: расположена в центре Европейской России; является одной из крупнейших городских агломераций мира с высокой концентрацией населения; как экономический, культурный, образовательный и административный центр страны обладает неизменно высокой миграционной привлекательностью и чаще всего характеризуется миграционным приростом; по данным последней переписи наряду с преобладающим большинством русского народа (около 70%) в ней проживают представители еще 175 других этнических групп (ВПН 2020). Кировская область: находится на востоке Европейской части России и относится к Приволжскому федеральному округу; является привлекательной для переезда выходцев из соседних и более северных регионов страны, но при этом стабильно теряет население в результате миграции; почти 93% проживающих на ее территории — русские, следовательно, область может считаться примером практически моноэтничного русского региона (ВПН 2020). Северная Осетия — Алания: расположена на юге Европейской России в предгорьях и на северном склоне Главного Кавказского хребта и входит в состав Северо-Кавказского федерального округа; граничит с Грузией и Южной Осетией; одна из национальных республик Российской Федерации, чуть меньше 70% проживающих на ее территории — осетины (ВПН 2020); в последние годы в регионе наблюдается отрицательное сальдо миграции.

Обратимся непосредственно к материалам массового опроса. Процессы осознания государственной, этнической и региональной идентичностей студентами могут быть представлены на основе анализа данных по ответам на вопрос «Как Вас должны воспринимать окружающие в повседневной жизни — как гражданина России, или как представителя отдельной национальности, или как жителя определенного региона?». При этом имелась возможность выбрать несколько вариантов ответа и отразить различные сочетания идентичностей (табл. 1). Подавляющее большинство участников опроса выразили желание, чтобы их воспринимали как граждан страны (68% в Москве, 81% в Кирове, 62% в Северной Осетии). О множественной территориальной идентичности сообщают не более 17% опрошенных, практически все они в качестве одной из характеристик называли гражданскую идентичность и сочетали ее либо с этнической, либо с региональной, а в ряде случаев — с обеими одновременно.

Как можно видеть, в практически моноэтничной и русской Кировской области гражданская самоидентификация становится ведущей среди территориальных, другие две категории — этническая и региональная — проявлены слабо, кроме того, в подавляющем большинстве случаев гражданская идентичность выбрана как един-

ственная, в то время как этническая и региональная чаще всего дополняются другими. В национальном и столичном регионах с более многообразным этническим составом принадлежность к последним двум группам востребована сильнее: 14–17% опрошенных считают значимым определение себя как жителя региона, причем в равной мере такой ответ мог быть как единственным, так и множественным; еще примерно пятая часть опрошенных посчитали необходимым соотнесение себя с какой-либо национальностью и это также нередко был единственный ответ.

Таблица 1
**Территориальная идентичность студенческой молодежи:
гражданская, этническая, региональная**

	Москва				Кировская область				Северная Осетия			
	ответ.	в %	ед. ответ, % в этой группе	множ. ответ, % в этой группе	ответ.	в %	ед. ответ, % в этой группе	множ. ответ, % в этой группе	ответ.	в %	ед. ответ, % в этой группе	множ. ответ, % в этой группе
1. гражданином страны	135	67,5	79	21	177	81,2	86	14	93	62,0	74	26
2. представителем отдельной национальности	34	17,0	35	65	13	6,0	23	77	32	21,3	47	53
3. жителем определенного региона	28	14,0	46	54	25	11,5	16	84	26	17,3	46	54
4. другой ответ	23	11,5			16	7,3			12	8,0		
5. затрудняюсь ответить	16	8,0			21	9,6			17	11,3		
	236	118			252	116			180	120		

Гражданская активность

Гражданская активность — одно из основных проявлений гражданского общества как социального института, в котором помимо формального статуса гражданина индивидам свойственна настроенность на решение проблем, представляющих общественный интерес. При этом фактическая деятельность становится результатом противостояния между законодательно установленными правами и свободами человека и дефицитом возможностей их реализации. Отсутствие гарантий по осуществлению гражданских прав, санкции со стороны властей потенциально снижают гражданскую активность населения.

Согласно социологическим измерениям в России рост самодеятельных инициатив отмечен с середины 1980-х гг., к концу десятилетия в них было вовлечено 7–8% городских жителей старше 14 лет. Примерно такой же оставалась доля активных граждан в конце 2000-х гг. (Кляйн и др. 2013: 132). В начале 2010-х гг. на фоне предвыборной кампании наблюдался всплеск самоорганизации отдельных групп и слоев (молодежь, мелкий и средний бизнес, часть бюджетников, остатки творческой и технической интеллигенции и др.), выступавших не только с политическими, но и общественными задачами. Но как отмечается, такое повышение уровня гражданской активности могло быть вынужденным и обусловлено главным образом деградацией некоторых государственных и общественных институтов, прежде всего политических партий (Петухов 2012: 23).

Следует сказать, что в отличие от западноевропейских стран, в России, как и в других авторитарных режимах, гражданские инициативы нередко сталкиваются с интересами властных структур. Поэтому любая самостоятельная гражданская активность, ориентированная на общее благо, дефакто является политической, поскольку вступает в противоречие с действующими политическими институтами и институциональной средой (Патрушев и др. 2021: 154–155).

В настоящее время получили распространение практики, обеспечивающие влияние на принятие решений через электронные ресурсы (например, «Активный гражданин» и иные сервисы для жалоб или голосования по вопросам городской жизни). С одной стороны, это реакция российского руководства на запросы граждан и попытка сгладить конфликт между обществом и властью через предоставление возможности выразить свою точку зрения хотя бы по вопросам, не связанным с политическим управлением. С другой стороны, эта же тенденция отмечена в стремлении ввести электронное (дистанционное) голосование на выборах, чтобы обеспечить более массовое участие граждан и способствует подтверждению легитимности российских властей. Важно, что предложенные инструменты позволяют участвовать в демократических процедурах малозатратным для гражданина образом (Патрушев и др. 2021: 155).

В процессе теоретического осмыслиения понятия гражданской активности С. В. Патрушев разделяет любые социальные взаимодействия на те, которые воспроизводят сложившиеся нормы, и те, которые отклоняются от них. Соответственно, различаются типы активности:

1) гражданское участие — адаптивная публичная активность, связанная с реализацией универсальных прав и свобод и соответствующих компетенций — знаний, умений, поведенческих навыков и способностей. При этом достижение целей происходит в рамках существующих институтов и имеющихся условий для их реализации, а само гражданское участие обеспечивает воспроизведение конституирующих ценностей и норм гражданского общества, сложившихся институциональных практик, а также гражданской идентичности.

2) гражданское действие — неадаптивная публичная активность, связанная с проблемами реализации универсальных прав и свобод: обеспечение равноправия гражданских статусов, преодоление разрыва между формальными и реальными правами в повседневной жизни, устранение барьеров на пути гражданского участия, снятие ограничений на осуществление прав в тех или иных сферах. Т. е., если гражданское участие направлено на сохранение и преемственность, то гражданское действие направлено на трансформацию сложившихся институциональных практик и их нормативно-ценостных оснований (Патрушев 2009: 25–26).

В ходе изучения конкретных форм проявления гражданской активности наиболее часто используются следующие варианты: участие в выборах в органы власти различного уровня; подписание открытых писем и петиций; обращения в органы исполнительной власти; волонтерская деятельность; работа в выборных муниципальных советах; участие в работе общественных и политических организаций; участие в уличных акциях и митингах; финансовая поддержка общественных или политических организаций/активистов; участие в коллективном благоустройстве подъездов, домов, детских площадок, окружающих территорий (*Патрушев и др. 2021: 156; Парма 2022: 39*). В текущей работе на базе опросов студенческой молодежи в Москве, Кировской области и Северной Осетии рассмотрим более подробно две из названных форм гражданской активности: волонтерскую деятельность и участие в выборах.

Волонтерская деятельность студенческой молодежи

Активная гражданская позиция студенческой молодежи предполагает наличие интереса к общественной работе, готовность принимать посильное участие в различных событиях государственного уровня. Распределение ответов на вопрос о желании респондентов выступить на том или ином мероприятии в роли волонтера позволяет судить о потенциально наиболее востребованных направлениях в сфере социальной и культурной политики, а также дает новые сведения об иерархии ценностей молодых людей (табл. 2).

Несомненной ценностью может считаться помочь лицам пожилого возраста или с ограниченными физическими возможностями, на нее настроены 40% респондентов в Кирове и почти половина в Москве и Северной Осетии. Характерно, что отношение молодежи к ключевому для нашей страны событию XX века — Дню Победы — скорее неоднозначное по разным регионам, если студенты Владикавказа считают его наиболее значимым из всех предложенных и ровно половина опрошенных выбрали этот ответ, то среди учащихся кировских вузов таких было 44%, а среди столичных студентов только четверть. Среди других предпочтительных к участию и значимых мероприятий следует назвать: крупные спортивные соревнования, выбрали этот вариант ответа 29% учащихся в Москве, 36% в Северной Осетии и 43% — в Кирове, а также — День города, День России, мероприятия по сохранению и развитию языков и культур народов России, мероприятия по продвижению русского языка и российской культуры — их называют в среднем от 15% до 30% опрошенных.

Сопоставление данных по регионам дает более подробную и многоплановую картину сложившейся системы ценностей у молодежи. Московские студенты склонны придавать большее значение мероприятиям этнокультурной направленности, чем их сверстники из Кирова и Владикавказа: в два, а то и в три раза чаще они готовы стать волонтерами в День коренных народов мира, День славянской письменности и культуры и на мероприятиях, направленных на сохранение и развитие языков и культур народов России. Одновременно классические массовые мероприятия общероссийского масштаба, такие как День Победы, День города и День России, популярностью у столичных студентов не пользуются: эти события, напротив, отмечались как возможные для участия в два раза реже. Обращает на себя внимание значимость спортивных мероприятий и Дня России для кировчан и Дня Победы и Дня города для студентов Северной Осетии.

Таблица 2

Какие из перечисленных государственных мероприятий были бы Вам интересны для участия в качестве волонтера? Можно несколько ответов

	Москва		Киров. обл.		Сев. Осетия	
	ответ.	в % от опрош.	ответ.	в % от опрош.	ответ.	в % от опрош.
1. День Победы (9 мая)	51	26	95	44	75	50
2. Помощь лицам пожилого возраста или с ограниченными физическими возможностями	90	45	90	41	72	48
3. Крупные спортивные мероприятия	58	29	93	43	54	36
4. День города/села, в котором проживаете, либо учитесь или работаете	29	15	60	28	48	32
5. День России (12 июня)	15	8	62	28	24	16
6. Мероприятия по сохранению и развитию языков и культур народов России	54	27	32	15	21	14
7. Мероприятия по продвижению русского языка, российской культуры, в том числе через интернет	39	20	31	14	22	15
8. День народного единства (4 ноября)	23	12	32	15	26	17
9. Международный день родного языка (21 февраля)	21	11	26	12	19	13
10. День русского языка (6 июня)	24	12	28	13	13	9
11. Международный день коренных народов мира (9 августа)	42	21	16	7	11	7
12. День славянской письменности и культуры (24 мая)	29	15	19	9	9	6
13. Единый день голосования (сентябрь)	15	8	15	7	5	3
14. Если нет таких мероприятий, отметьте только данный пункт	33	17	42	19	15	10
15. Другое (<i>напишите</i>)	14	7	2	1	2	1
16. Затрудняюсь ответить	5	3	9	4	7	5
	542	271	652	299	423	282

Участие в голосовании о поправках в Конституцию России 2020 г.

Проявление гражданской позиции студенческой молодежи может быть изучено на примере участия молодых людей в общероссийском голосовании по поправкам к Конституции России 2020 г., а также их личных оценок наиболее значимых нововведений. Согласно полученным материалам студенческая группа выражает меньший интерес к процедуре голосования, чем в среднем избиратели в каждом из регионов по данным ЦИК. Однако если в Москве и Кировской области разница между студентами и всеми выборщиками по числу явившихся составляет 7–10%, то в Северной Осетии, где явка населения высокая по стране (82,8%), а избирательная активность студентов почти в 2 раза ниже, чем в двух других регионах (27% против 45–49%), — разница существенна (табл. 3).

Таблица 3
Принимали ли Вы лично участие в голосовании о поправках в Конституцию России летом 2020 года? Один ответ

	Москва			Кировская обл.			Северная Осетия		
	ответ.	в %	ЦИК, в % по Региону	ответ.	в %	ЦИК, в % по Региону	ответ.	в %	ЦИК, в % по Региону
1. да	97	49	55,9	98	45	55,6	40	27	82,8
2. нет	95	48	44,1	116	53	44,4	102	68	17,2
3. другой ответ	6	3		3	1		5	3	
4. затрудняюсь ответить	2	1		1	0		3	2	
	200	100	100	218	100	100	150	100	100

Политическая активность московских и кировских студентов заметна также в случае негативного отношения к внесению поправок в Конституцию России: больше четверти опрошенных в Москве и Кирове считают, что важных, по их мнению, поправок внесено не было; больше половины выбравших этот ответ приняли участие в голосовании и, вероятно, отразили отрицательную позицию в бюллетене. Студенты Северной Осетии высказывали негативное мнение о поправках гораздо реже, из них официально — не более трети, одновременно пятая часть опрошенных отказалась от оценочных суждений по поводу поправок в Конституцию.

В ходе опроса респондентам предлагалось выбрать наиболее важные для них принятые поправки в Конституцию страны. В результате особенно значимыми были названы следующие: обеспечение доступной и качественной медицинской помощи; введение минимального размера оплаты труда не меньше прожиточного минимума. Кроме того, учащиеся кировских и осетинских вузов отметили, что дети являются важнейшим приоритетом государственной политики, студенты Северной Осетии выступили в поддержку традиционных семейных ценностей в рамках Конституции (табл. 4).

Таблица 4
Оценка принятых в 2020 г. поправок в Конституцию РФ

Летом 2020 года в России были приняты поправки в Конституцию страны. Ниже перечислены некоторые. Какие Вы оцениваете, как важные лично для себя? Можно несколько ответов	Москва		Киров. обл.		Сев. Осетия	
	ответ.	в % от опрош.	ответ.	в % от опрош.	ответ.	в % от опрош.
1. Обеспечение доступной и качественной медицинской помощи	74	37	80	37	48	32
2. Минимальный размер оплаты труда не меньше прожиточного минимума	69	35	62	28	39	26
3. Культура в РФ является уникальным наследием ее многонационального народа	54	27	43	20	30	20
4. Дети являются важнейшим приоритетом государственной политики	41	21	59	27	37	25
5. Государство защищает культурную самобытность всех народов и этнических общностей РФ	44	22	36	17	17	11
6. Русский язык — язык государствообразующего народа	41	21	36	17	15	10
7. Поддержка традиционных семейных ценностей	39	20	46	21	45	30
8. Защита института брака как союза мужчины и женщины	40	20	44	20	35	23
9. Государство гарантирует сохранение языкового многообразия	40	20	30	14	28	19
10. Обязательная индексация пенсий	29	15	34	16	18	12
11. Не допускаются действия и призывы по отчуждению части территории РФ	27	14	19	9	14	9
12. РФ оказывает поддержку зарубежным соотечественникам	20	10	16	7	3	2
13. Если нет поправок, важных для вас, отметьте только данный пункт	52	26	58	27	24	16
14. Другое	17	9	3	1	5	3
15. Затрудняюсь ответить	12	6	30	14	31	21
	599	300	596	273	389	259

Заключение

Обобщая все вышеизложенное, можно сказать, что хорошо видна региональная специфика как в процессе формирования гражданской идентичности у молодежи, так и в последующем участии молодых людей в общественно-политической жизни государства, в том числе, в ходе общероссийского голосования. Гражданская идентичность является центральной среди территориальных и объединяет от двух третей до 80% опрошенных студентов, что свидетельствует об устойчивости и востребованности этой групповой самоидентификации. Вместе с тем, в Москве и Северной Осетии мы наблюдаем также оформленность регионального и этнического самоопределения молодежи за счет более сложного этнокультурного состава населения и особенностей в развитии и положении регионов.

Для гармоничного становления и усиления нации наличие общероссийского самосознания должно подкрепляться активной гражданской позицией, и, в первую очередь, у молодого поколения. В качестве иллюстрации этого утверждения были выбраны для изучения волонтерская работа в ходе значимых государственных мероприятий и участие в голосовании о поправках в Конституцию России 2020 г. Исследование показало, что в целом волонтерская деятельность студентам интересна, однако, если в провинции отдается предпочтение участию в массовых мероприятиях общероссийского масштаба, то в столице молодые люди больше ориентированы на менее крупные и более узкоспециализированные события и даты из этнокультурной сферы. Как видится, в какой-то степени на выбор московских студентов накладывает отпечаток встречающаяся излишняя политизация и формализация таких государственных праздников как День Победы, День города и День России, в то время как мероприятия, направленные на сохранение и развитие языков и культур народов нашей страны, могут отличаться большей оригинальностью по своему исполнению. В то же время, в Кировской области и Северной Осетии недостаточность средств потенциально может приводить, напротив, к формализации отмечаний по случаю менее крупных событий в пользу широких и ярких гуляний в дни главных государственных праздников.

Анализ политического гражданского участия студенческой молодежи на примере голосования по поводу внесения поправок в Конституцию демонстрирует более низкую явку студентов по сравнению с данными по всему населению в каждом из регионов. И если для учащихся московских и кировских вузов характерна все же относительно высокая политическая активность, то осетинским студентам свойственна скорее политическая индифферентность, которая выражается, в том числе, в отказе от оценочных суждений по существу поправок 2020 г. При этом по содержанию нововведений в Конституцию России столичная молодежь придает большое значение социальному-экономическим вопросам и проблемам медицинского обслуживания, в Кирове и Северной Осетии кроме этого прозвучала настроенность на семейные и традиционные ценности.

Источники и материалы

ВПН 2020 — Национальный состав и владение языками // Итоги ВПН-2020. Тома официальной публикации итогов Всероссийской переписи населения 2020 года. Т. 5. Таблица 1. [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики (Росстат): [сайт]. https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (дата обращения: 11.11.2023).

Левада-центр 2019 — Гражданская активность / Пресс-выпуски 13.02.2019 [Электронный ресурс] // Автономная некоммерческая организация Аналитический Центр Юрия Левады (АНО Левада-Центр): <https://www.levada.ru/2019/02/13/grazhdanskayaaktivnost/> (дата обращения: 11.11.2023).

Указ 2012 — Указ Президента Российской Федерации от 19.12.2012 г. № 1666 О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года // Президент России: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36512> (дата обращения: 11.11.2023).

Научная литература

Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева; Вступ. ст. С. Баньковской. М.: «Кучково поле», 2016. 416 с.

Брубейкер Р. Этничность без групп / Пер. с англ. И. Борисовой. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 408 с.

Геллер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991. 320 с.

Горшков М. К. Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики). В 2 т. Т. 1. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Новый хронограф, 2016. 416 с.

Горшков М. К., Петухов В. В. (отв. ред.) Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян: опыт социологического анализа. М.: Весь Мир, 2018. 384 с.

Горшков М. К., Тихонова Н. Е. (отв. ред.) Российская идентичность в условиях трансформации: опыт социологического анализа. М.: Наука, 2005. 396 с.

Дробижева Л. М. (рук. проекта и отв. ред.) Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра. М.: Российская политическая энциклопедия, 2013. 485 с.

Кляйн М., Шуберт К., Любин В. П., Патрушев С. В., Филиппова Л. Е. Политлексикон: понятия, факты, взаимосвязи: на основе нем. справ. Shubert/Klein. Das Politiklexicon / пер. с нем. В. П. Любина, М. А. Елизаревой; под общ. ред. В. П. Любина и Р. Крумма; науч. ред. С. В. Патрушев, Л. Е. Филиппова. М.: Российская политическая энциклопедия, 2013. 783 с.

Мартынова М. Ю., Белова Н. А., Зыкина О. А., Кляус М. П. Общегражданские и социокультурные ценности в восприятии российской молодежи // Вестник антропологии. 2023. № 1. С. 102–124. <https://doi.org/10.33876/23110546/20231/102124>

Пайн Э. А. Между империей и нацией. Модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. М.: Новое издательство, 2004. 248 с.

Панов П. В. Национализм // Идентичность: личность, общество, политика: энциклопедическое издание / отв. ред. И. С. Семененко. М.: Весь Мир, 2017. С. 413–417.

Парма Р. В. Гражданская активность поколений в современном российском обществе // Вестник Института социологии. 2022. Том 13. № 2. С. 31–47. <https://doi.org/10.19181/viz.2022.13.2.788> EDN: VMDWKO

Патрушев С. В. Гражданская активность: институциональный подход. Перспективы исследования // Полис. Политические исследования. 2009. № 6. С. 24–32.

Патрушев С. В., Жаворонков А. В., Милясова О. А., Недяк И. Л., Павлова Т. В., Филиппова Л. Е. Трансформация политического, социального и гражданского в условиях господства: российский случай // Россия реформирующаяся: ежегодник. Вып. 19 / Отв. ред. М. К. Горшков; ФНИСЦ РАН. М.: Новый Хронограф, 2021. С. 133–174.

Перегудов С. П. Российская гражданская идентичность и политическая нация: проблемы формирования и консолидации // Идентичность: личность, общество, политика: энциклопедическое издание / отв. ред. И. С. Семененко. М.: Весь Мир, 2017. С. 163–170.

Петухов В. В. Гражданское общество и гражданское участие // Мониторинг общественного мнения. 2012. № 1 (107). С. 23–26.

Смит Э. Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий наций и национализма / Пер. с англ. А. В. Смирнова, Ю. В. Филиппова, Э. С. Загашвили, И. Окуневой.

- М.: Практис (Серия «Новая наука политики»), 2004. 464 с.
- Тишкин В. А.* (под ред.) *Российская нация: Становление и этнокультурное многообразие*. М.: Наука, 2011. 462 с.
- Тишкин В. А.* *Национальная идея России*. М.: Издательство АСТ, 2021. 416 с.
- Тишкин В. А.* *Российский народ: история и смысл национального самосознания*. М.: Наука, 2013. 649 с.
- Тишкин В. А., Филиппова Е. И.* (отв. ред.) *Культурная сложность современных наций*. М.: Политическая энциклопедия, 2016. 384 с.
- Тишкин В. А., Бараш Р. Э., Степанов В. В.* (под ред.) *Российское студенчество: идентичность, жизненные стратегии и гражданский потенциал*. М: ИЭА РАН, 2014. 342 с.
- Хабермас Ю.* *Постнациональная констелляция и будущее демократии // Логос*. 2003. № 4–5 (39). С. 105–152.
- Хоббсбаум Э.* *Нации и национализм после 1780 года / Пер. с англ. А. А. Васильева*. СПб.: Алетейя, 1998. 305 с.
- Kohn H.* *Nationalism: Its Meaning and History*. Princeton, N. J., New York, Toronto, and London: D. Van Nostrand Company, Inc., 1955. 192 p.
- Kohn H.* *The Idea of Nationalism*. New York: The Macmillan Company, 1946. 749 p.
- Smith A. D.* *The Ethnic Origins of Nations*. Oxford, UK: B. Blackwell, 1986. 312 p.

References

- Anderson, B. 2016. *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostranenii natsionalizma* [Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism]. Moscow: “Kuchkovo pole”. 416 p.
- Brubaker, R. 2012. *Etnichnost' bez grupp* [Ethnicity Without Groups]. Moscow: Izd. dom Vyssheshkoly ekonomiki. 408 p.
- Drobizheva, L. M., ed. 2013. *Grazhdanskaya, etnicheskaya i regional'naya identichnost': vchera, segodnya, zavtra* [Civil, Ethnic and Regional Identities: Yesterday, Today, Tomorrow]. Moscow: ROSSPEN. 485 p.
- Gellner, E. 1991. *Natsii i natsionalizm* [Nations and Nationalism]. Moscow: Progress. 320 p.
- Gorshkov, M. K. 2016. *Rossiiskoe obshchestvo kak ono est' (opyt sotsiologicheskoi diagnostiki)* [Russian Society as It Is (Experience of Sociological Diagnosis)]. Vol. 1. Moscow: Novyi khronograf. 416 p.
- Gorshkov, M. K. and N. E. Tikhonova, eds. 2005. *Rossiiskaya identichnost' v usloviyakh transformatsii: optyt sotsiologicheskogo analiza* [Russian Identity Against the Background of Transformations: Practices in Sociological Analysing]. Moscow: Nauka. 396 p.
- Gorshkov, M. K. and V. V. Petukhov, eds. 2018. *Dvadtsat' pyat' let sotsial'nykh transformatsii v otsenkah i suzheniyakh rossyan: optyt sotsiologicheskogo analiza* [Twentyfive Years of Social Transformations in the Assessments and Judgments of Russians: Practices in Sociological Analysing]. Moscow: Ves' mir. 384 p.
- Habermas, J. 2003. The Postnational Constellation and The Future of Democracy. *Logos* 4–5 (39): 105–152.
- Hobsbawm, E. J. 1998. *Natsii i natsionalizm posle 1780 goda* [Nations and Nationalism Since 1780]. St. Petersburg: Aleteiya. 305 p.
- Klein, M., K. Schubert, V. P. Lyubin, S. V. Patrushev, and L. E. Filippova. 2013. *Politileksikon: ponyatiya, fakty, vzaimosvyazi: na osnove nem. sprav. Shubert/Klein. Das Politiklexicon* [The Political Lexicon: Terms, Facts, Connections]. Moscow: Rossiiskaya Politicheskaya Entsiklopediya 783 p.
- Kohn, H. 1946. *The Idea of Nationalism*. New York: The Macmillan Company. 749 p.
- Kohn, H. 1955. *Nationalism: Its Meaning and History*. Princeton, N. J., New York, Toronto, and London: D. Van Nostrand Company, Inc. 192 p.

- Martynova, M. Yu., N. A. Belova, O. A. Zykina and M. P. Klyaus. 2023. Obshchegrazhdanskie i sotsiokul'turnye tsennosti v vospriyatiii rossiiskoi molodezhi [National and SocioCultural Values in the Perception of Russian Youth]. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 1: 102–124. <https://doi.org/10.33876/23110546/20231/102124>
- Pain, E. A. 2004. *Mezhdu imperiei i natsiei. Modernistskii proekt i ego traditsionalistskaya alternativa v natsional'noi politike Rossii* [Between the Empire and the Nation. The Modernist Project and its Traditionalist Alternative in the National Policy of Russia]. Moscow: Novoe izdatel'stvo. 248 p.
- Panov, P. V. 2017. Natsionalizm [Nationalism]. In *Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika. Entsiklopedicheskoe izdanie* [Identity: The Individual, Society, and Politics. An Encyclopedia], ed. by I. S. Semenenko. Moscow: Ves' Mir. Pp. 413–417.
- Parma, R. V. 2022. Civil activity of generations in modern Russian society. *Vestnik instituta sotziologii*. Vol. 13. 2: 31–47. <https://doi.org/10.19181/vis.2022.13.2.788> EDN: VMDWKO
- Patrushev, S. V. 2009. Civil activity: institutional approach. Prospects for research. *Polis. Political Studies* 6: 24–32.
- Patrushev, S. V., A. V. Zhavoronkov, O. A. Miryasova, I. L. Nedyak, Y. E. Ostrovskaya, T. V. Pavlova and L. E. Filippova. 2021. Transformatsiya politicheskogo, sotsial'nogo i grazhdanskogo v usloviyakh gospodstva: rossiiskii sluchai [Transformation of The Political, Social and Civil Under Domination: Russian Case] In *Rossiya reformiruyushchayasya: ezhegodnik* [Reforming Russia: Yearbook]. Vol. 19 ed. by M. K. Gorshkov. Moscow: Novyi Khronograf. Pp. 133–174.
- Peregudov, S. P. 2017. Rossiiskaya grazhdanskaya identichnost' i politicheskaya natsiya: problemy formirovaniya i konsolidatsii [Russian Civil Identity and Political Nation: Problems of Formation and Consolidation]. In *Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika. Entsiklopedicheskoe izdanie* [Identity: The Individual, Society, and Politics. An Encyclopedia] ed. by I. S. Semenenko. Moscow: Ves' Mir. Pp. 163–170.
- Petukhov, V. V. 2012. Civil Society and Civic Participation. *The Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal* 1 (107): 23–26.
- Smith, A. D. 1986. The Ethnic Origins of Nations. Oxford, UK: B. Blackwell. 312 p.
- Smith, A. D. 2004. *Natsionalizm i modernizm. Kriticheskii obzor sovremennykh teorii natsii i natsionalizma* [Nationalism and Modernism. A Critical Survey of Recent Theories of Nations and Nationalism]. Moscow: Praksis. 464 p.
- Tishkov, V. A. 2013. *Rossiiskii narod: istoriya i smysl natsional'nogo samosoznaniya* [The Russian People: History and Meaning of National Identity]. Moscow: Nauka. 649 p.
- Tishkov, V. A. 2021. *Natsional'naya ideya Rossii* [National Idea of Russia]. Moscow: AST. 416 p.
- Tishkov, V. A. and E. I. Filippova, eds. 2016. *Kul'turnaya slozhnost' sovremennykh natsii* [Cultural Complexity of Modern Nations]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya. 384 p.
- Tishkov, V. A., ed. 2011. *Rossiiskaya natsiya: Stanovlenie i etnokul'turnoe mnogoobrazie* [Russian Nation: Formation and Ethnocultural Diversity]. Moscow: Nauka. 462 p.
- Tishkov, V. A., R. E. Barash and V. V. Stepanov, eds. 2014. *Rossiiskoe studenchestvo: identichnost', zhiznennye strategii i grazhdanskii potentsial* [Russian Students: Identity, Life Strategies and Civic Potential]. Moscow: IEA RAS. 342 p.

ИДЕНТИЧНОСТЬ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

УДК 39+93

DOI: 10.33876/2311-0546/2023-4/89-105

Научная статья

© A. B. Буганов

ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ РУССКИХ КРЕСТЬЯН XIX — НАЧАЛА XX ВВ.

В статье речь идет об особенностях национального самосознания русских, роли исторической памяти в его формировании. На основе широкого комплекса историко-этнографических источников рассматриваются исторические представления русского крестьянства XIX — начала XX вв. как основного носителя этнических традиций. Охарактеризован механизм формирования коллективной памяти. Установлено, что вождения крестьян на историю страны и мира проявлялись как в характеристике отдельных деятелей, так и в выделении различных эпох и событий прошлого. Автор показывает, по каким причинам в народной памяти выделялись те или иные персонажи и факты, каким образом выдающиеся личности влияли на самосознание народа. Проведенный анализ коллективных исторических вождений фиксирует не только особенности народной версии отечественного прошлого, но и выявляет основные формы групповых идентичностей русских. В качестве таковых отмечены религиозная, государственная, этническая и социальная. Именно характер их взаимодействия определил становление и специфику национального самосознания. Национальная идентичность была тесно связана с исторической памятью: фактически в каждом регионе местная история переплеталась в сознании людей с общегосударственной, личная и групповая память вписывались в контекст истории страны, так называемой «Большой истории». Несмотря на определенную локальную и конфессиональную специфику, в народной памяти по всей территории расселения русских сохранился единый в основе своей круг исторических событий и фактов. Общность исторических представлений в течение многих столетий способствовала этнокультурной консолидации русского народа.

Ключевые слова: русские крестьяне XIX — начала XX вв., историческая память, национальная идентичность, выдающиеся личности и яркие события

Ссылка при цитировании: Буганов А. В. Историческое сознание русских крестьян XIX — начала XX вв. // Вестник антропологии. 2023. № 4. С. 89–105.

Буганов Александр Викторович — д. и. н., главный научный сотрудник, заведующий отделом русского народа, Институт этнологии и антропологии РАН (Российская Федерация, 119334 Москва, Ленинский проспект, 32А). Эл. почта: buganov@rambler.ru

* Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН.

© Alexander Buganov

THE HISTORICAL CONSCIOUSNESS OF RUSSIAN PEASANTS IN THE 19TH — EARLY 20TH CENTURIES

The article considers Russian national identity and the role of historical memory in its formation. The historical ideas of the Russian peasantry of the 19th — early 20th centuries are described based on a wide range of historical and ethnographic sources. Peasantry is considered as the main carrier of ethnic traditions. The mechanism of collective memory formation is characterized. It is concluded that the views of the peasants on the history of the country and the world were manifested both in the characteristics of individual figures and in the identification of various eras and events of the past. The author shows the reasons why certain characters and facts stood out in the people's memory, how outstanding personalities influenced the self-consciousness of the people. The analysis of collective historical views not only captures the features of the folk version of the Russian past, but also reveals the main forms of Russian group identities — religious, state, ethnic and social ones. It was the nature of their interaction that determined the formation and specifics of national self-consciousness. National identity was closely connected with historical memory: in fact, in every region, local history was intertwined in the minds of people with national, personal and group memory fit into the context of the country's history, the so-called Big History. Despite certain local and confessional specifics, a basically single circle of historical events and facts has been preserved in the people's memory throughout the territory of the settlement of Russians. The commonality of historical ideas for many centuries contributed to the ethno-cultural consolidation of the Russian people.

Keywords: Russian peasants of the 19th — early 20th centuries, historical memory, national identity, outstanding personalities and bright events

Author Info: Buganov, Alexander V. — Doctor of History, Leading Researcher, Head of the Department of the Russian people, the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (Moscow, Russian Federation). E-mail: buganov@rambler.ru

For citation: Buganov, A. V. 2023. The Historical Consciousness of Russian Peasants in the 19th — early 20th Centuries. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 4: 74–90.

Funding: The study was carried out as a part of the research plan of the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology.

Основой культурной традиции любого народа является историческая память. В статье речь пойдет о характерных чертах коллективной памяти русских крестьян, которые в течение многих веков были не только большинством населения России (согласно Первой Всероссийской всеобщей переписи 1897 г. они составляли 80% населения страны), но и основным хранителем этнических традиций.

Наше время скоротечно и переменчиво. Ревизии подвергаются основополагающие взгляды, установки. Неизбежно происходят изменения в ментальности, самосознании. Если в этом калейдоскопе событий мы хотим узнать о тех взглядах, национальных особенностях, которые присущи русским как народу, то следует обратиться к исторически сформировавшимся и закрепившимся в народной памяти формам идентичности. Наша национальная идея — это наша история. Россия многие столетия была крестьянской страной, и в желании *вспомнить «Кто мы?»* нельзя обойтись без учета народной коллективной памяти.

Несмотря на существенные перемены в социальной структуре российского дореволюционного, далее советского и постсоветского общества, наиболее устойчивые, архетипические взгляды в сфере исторического сознания можно обнаружить именно в простонародной среде. По той простой причине, что во взглядах образованных сословий неизбежны напластования других культур, культурные заимствования, порой чужеродные, в то время как в жизни крестьян преемственность *русскости* проявлялась естественным образом, всем ходом жизни и отразилась в самых разнообразных историко-этнографических источниках.

Вряд ли уместно утверждать, что устройство общества и характер мировоззрения людей XIX — начала XX вв. — некая этнографическая норма. Но от того периода сохранилось множество разнообразных документов, историко-этнографических данных, поэтому о нем мы знаем больше всего. К тому же, уже совсем скоро, после 1917 г., началось целенаправленное разрушение народных традиций и устоев.

Комплексное изучение историко-этнографических источников XIX — начала XX вв. — исторического фольклора, ответов на программы научных обществ, делопроизводственной документации, мемуарной литературы и др. — дает возможность понять, по каким причинам народное сознание выделяло те или иные факты прошлого, определить круг событий и лиц, сохранившихся в памяти русских. При этом бытование схожих исторических представлений в различных регионах России свидетельствует о масштабности их признания, положительного или отрицательного, в народе.

В историческом сознании¹ отражена не только специфика народной версии отечественного прошлого, но и проявляются основные формы групповых идентичностей русских. Для истории русского самосознания в дореволюционное время было свойственно теснейшее взаимодействие основных компонентов: национального, религиозного, патриотического, социального. Православие, этническая идентичность, чувство патриотизма были неразделимы, что объяснялось длительным проживанием огромной моноэтничной и в основном единой в конфессиональном отношении массы русских на территории единого государства. Более того, своеобразие русских как народа или то, что принято называть национальным характером, определялось именно устойчивым во времени сочетанием перечисленных компонентов. В этом смысле вполне можно говорить об исторической обусловленности русского национального самосознания и русского, в широком смысле слова, национализма. Характер взаимодействия перечисленных компонентов народного сознания отражался и в русском языке, находил свое выражение в соответствующих этнонаимах, конфессиональных и прочих терминах, при помощи которых наши соотечественники себя идентифицировали.

¹ Начало изучению исторического сознания и народной памяти русского народа положили М. М. Громыко и А. А. Преображенский, продолжили Н. А. Миненко, А. В. Буганов, А. В. Камкин, Г. Н. Чагин и др.

Механизм формирования исторических представлений в XIX столетии значительно усложнился по сравнению с более ранними эпохами. Устная традиция перестает быть фактически единственным источником исторической информации. В деревню проникают книги, печатная литература. Поступление книжной информации небольшим процентом грамотных не исчерпывалось, в крестьянской среде широко бытовало чтение вслух. Обучение чтению, растущая грамотность изменяли образ мыслей крестьянина. Границы между автарической деревней и образованным обществом размывались. Подъем национального чувства в результате победы в Отечественной войне 1812 г., расширение социального кругозора крестьянства формировали понимание прав и свобод, выходившее за рамки привычных представлений. Прямыми следствием перечисленных факторов стал более критический подход к событиям и лицам отечественной истории. Современные крестьянам цари, полководцы, другие выдающиеся личности стали восприниматься более реалистично, проигрывая в сравнении с героями «славного прошлого». Безусловно, сказывалась здесь и характерная в целом для народного сознания склонность «при сопоставлении поколений отдавать предпочтение предшественникам» (Громыко 1986: 10).

На формирование коллективных представлений о прошлом несомненное влияние оказывают вновь приобретенные знания; разумеется, и сами представления, в свою очередь, испытывают воздействие господствующей идеологии, политической конъюнктуры, массовых стереотипов и т. д. В результате практически любой исторический факт искажает реальность, являясь ее субъективной интерпретацией. Наивно верить, что в древности все объективно и беспристрастно фиксировалось. Память об историческом прошлом представляет собой по сути символическую презентацию прошлого.

В историческое сознание народа входят память об общности исторического прошлого, о значимых событиях и эпохах, национальном пантеоне героев, достижениях в сфере материальной и духовной культуры. Бывает, конечно, что краеугольным камнем идентичности становятся коллективные травмы, воспоминания об исторических неудачах, репрессиях, что порождает отчужденное отношение к прошлому. Процесс изживания негативных воспоминаний может длиться долго, но, как правило, люди склонны быстрее вытеснить их из своей памяти и опираться на позитивные опорные точки истории.

Народный взгляд на историю страны формировался в значительной мере через оценку выдающихся исторических личностей. Коллективная память крестьян разборчиво отбирала и сохраняла имена государственных и общественных деятелей, полководцев, устроителей церкви и подвижников благочестия, героев из народа и т. д.

Со времен Киевской Руси идеализированный тип народного героя воплотился в череде былинных богатырей. В их подвигах повествовалось о делах всего народа. Илья Муромец, Добрыня Никитич, Алеша Попович, Микула Селянинович стали «идеальной учительной конструкцией национального типа в его героическом варианте» (Балашов 1983: 104).

Общерусская эпическая традиция постепенно складывалась на базе локальных традиций тех мест, откуда люди переселялись на новые земли. Исследователи и путешественники, побывавшие в русской деревне, отмечали, что облики богатырей как людей, обладавших неимоверно огромной силой, были настолько ясны в сознании местного населения, что доходили до осязательности: в народе давали им под-

робные характеристики, связывали с ними свои родовые предания, указывали места их селищ, следы их деятельности, даже самые кости богатырские.

В бранных подвигах богатырей этническое начало тесно сливалось с конфессиональным. Богатырство было проникнуто идеей православного служения, являлось формой церковного послушания. Победы над внутренними врагами — «Соловьем-разбойником» и «Змеем Горынычем» — были нужны, чтобы Руси вскоре стать великой страной. Не случайно богатыри — славные «оберегатели» и «стоятели» Земли русской.

В русском средневековье защищать родную землю, «володеть и княжити» были призваны князья-дружиинники. В их подвигах ценились личная праведность и служение народу. Богоугодность князя заключалась в самоотверженной, подчас жертвенной любви к соотечественникам. В житиях святых — воителей за русскую землю — такая готовность положить свой живот «за други своя» была постоянной и едва ли не главной темой.

Удачливые в битвах и в мирном обустройстве жизни русские князья быстро становились почитаемыми в народе; церковная канонизация следовала, как правило, позднее. Именно народ признал святых в князьях Борисе и Глебе даже прежде, чем был найден другой святой — в их отце равноапостольном Владимире. В России, если князь не потерпел неудачи в выполнении своей миссии, весьма вероятно было его прославление в лице святых — хотя бы потому, что положение князя призывало его к великим деяниям, а часто и к великому самопожертвованию. Не случайно из 180 первых русских святых 60 были князьями.

Как отмечал Г. Федотов, каждое столетие русской истории окрашивалось в определенные агиографические цвета. В XVIII–XIX вв. и в официальном, и в народном почитании первое место отводилось св. князьям Владимиру, Дмитрию Донскому и Александру Невскому, который в народном сознании стал символом Божьей помощи в борьбе с иноземными врагами (См.: *Федотов 1990: 49, 51*).

Деятельность московских князей и царей, направленная на защиту церкви и родной земли, формировала в глазах русских образ народного и государственного лидера, окружая его ореолом святости. Представления о сакральном характере власти возникли задолго до венчания на царство Ивана IV в 1547 г. Постепенно они поднялись до признания великого князя «Божьим слугой», «стражем Земли Русской от врагов иноzemенных и внутренних». Историк И. Е. Забелин справедливо отметил, что «новый тип политической власти вырос на старом корене» (цит. по: *Коринфский 1994: 81*). Народная Русь исстари стояла на служении верой и правдой «Батюшке-государю».

В течение многих веков русские цари являлись для своих подданных символом государственности, воплощением вероисповедной и этнической идентичности. Наиболее значительный след в памяти оставили Иван Грозный, Петр Великий, Александр I и Александр II. Практически все русские монархи представляли в устной традиции как Божии Помазанники, православные властелины огромной страны. Апологетика и идеализация государей, являясь общеразделяемой мировоззренческой установкой большинства подданных империи, прочно вошли в устную традицию. Отрицательные оценки их образов довольно редки, но к ним тем более интересно обратиться при выявлении сущностных характеристик исторической памяти.

Отрицательной трактовкой образа Ивана Грозного отличались новгородские и псковские песни и сказания. В них преобладали сюжеты, связанные с погромом Нов-

города Великого в 1570 г. В царе подчеркивались прежде всего недостатки — жестокость и подозрительность. Если в случае с Иваном Грозным отрицательные оценки были связаны в основном с особенностями исторического развития отдельных регионов, то неприятие частью населения Петра Первого объяснялось нарушением конфессиональной однородности русского общества. В раскольничьих толках, особенно на Севере, объявили Петра не *природным*, а подмененным царем, противопоставили ему *истинного царевича Алексея* и даже считали первого российского императора антихристом. И все же, несмотря на наличие радикальных оппозиционных настроений в некоторых старообрядческих согласиях, даже самые яростные обличители не вступали в конфликт с царской властью как таковой, не подвергали сомнению ее легитимность. Напротив, всячески подчеркивали свою лояльность «истинному» монарху.

Восприятие царя как Помазанника Божия лежало в основе монархизма. Получалось, что народ передавал свою волю во власть Всевышней, которая наделяла властью Монарха. Но при этом и сам царь осуществлял государственное служение как послушание, отрекаясь от личной воли. В менталитете русских государей понятие власти основывалось на ее божественном происхождении и на законности престолонаследования «от отцов и дедов». Линия наследования престола считалась непрерывной и в народной памяти; когда в фольклоре провозглашали следующего царя, под ним, само собой, подразумевался сын.

Особенностью воззрений русских было глубоко укоренившееся чисто семейное, родственное отношение к царю. К титулу государя часто прибавлялся эпитет *батюшка* или *надежда*, повинование которому понималось как религиозный долг. В представлениях простых людей монарх даже порой *окрестьянивался*, наделялся живыми человеческими чертами.

Разумеется, народная трактовка истории определялась не только религиозным характером мышления, но и приводилась в соответствии с социальными ожиданиями и запросами. С точки зрения постоянно волновавшего народ вопроса о воле воспринимали в деревнях многие события общественной и политической жизни, давалась оценка историческим деятелям.

В конце XIX — начале XX столетия народные взгляды на русских самодержцев достаточно быстро трансформировались, все более отдаваясь от безоговорочного почитания. Если образ царя в фольклорных текстах еще сохранял абстрактный мифологизированный характер (в фольклоре XIX в. мифологичность была скорее стилистической жанровой особенностью, позволяющей придерживаться обобщенного фольклорного прототипа), то в реальной жизни верховный носитель власти оценивался взвешенно, а порой и излишне критически. В незначительной степени это расхождение между фольклорной традицией и фигурой реального монарха было свойственно восприятию Александра III. Гораздо заметнее размытие монархического идеала сказалось в отношении к последнему царю династии Романовых Николаю II.

Анализ паремиологических материалов, судебно-следственной документации показывает, что большинство россиян на рубеже веков воспринимало носителя верховной власти позитивно, а государственное устройство мыслилось однозначно в форме монархии, причем монархии абсолютной — «Нельзя земле без царя стоять» (Черняев 1998: 131–151; Лобачева 1994: 9, 11–12; Иенсен 1999: 17, 52).

К началу правления Николая II монархические взгляды в народе были достаточно прочны. Когда во время коронации 1896 г. случилась ходынская давка, царя в

народе не винили, а жалели его и задавленных. В песне о Ходынке Николай II среди виновников катастрофы не фигурировал. Начало разрушению монархического идеала в народном сознании было положено 9 января 1905 г., когда тысячи рабочих с крестами и хоругвями двинулись из-за Невской заставы к царскому дворцу с просьбой, как тогда говорили. Но вместо переговоров был расстрел, и тем самым была подстрекнута (но еще не расстреляна) вера в царя.

Чуждые сознанию народа лозунги и перспективы русско-японской войны и, конечно же, ее неудачный исход, поражения на фронтах Первой мировой неизбежно вели к критике государственной политики, падению авторитета Николая II. Усилиями революционеров-пропагандистов в войсках «царь-батюшка» сменился уничижительным *Николашка*. Иссякал исторический ресурс монархизма как мировоззрения. Крах российской государственности в значительной мере стал следствием девальвации в общественном сознании образа Помазанника Божия.

В исторической памяти русского народа всегда высоко ценились полководцы и военные герои, добывавшие славу России и проявлявшие боевые и героические качества русских людей¹. Подвиги русского воинства освящались как господствующей Церковью, так и народным сознанием.

Личностные качества воинов особенно ярко проявлялись на государственной службе. Историческая память Нового и Новейшего времени опиралась на героическую традицию Средневековья, сущностной чертой которого являлось представление о служении. В историческом фольклоре XVII–XVIII столетий все чаще на первый план выходят отличившиеся в походах и сражениях военачальники. Современникам Смуты и их потомкам остались памятны яркие исторические деятели той поры: К. Минин, Д. М. Пожарский, П. Ляпунов, М. В. Скопин-Шуйский.

К. Минин, обратившийся к нижегородскому посаду с призывом освободить Московское государство от польских и литовских интервентов, не был полководцем, да и сколько-нибудь военным человеком, но в сознании соотечественников и потомков он навсегда остался патриотом, мирским подвижником, организатором нижегородского ополчения. Князь Пожарский представлял в народной памяти не только как спаситель Отечества (трактовка традиционная и для популярной официозной литературы XIX в., и для крестьянского фольклора), но и как избранник простого люда: «удалого молодца воеводушку» Пожарского «выбрали себе солдатушки, молодые ратнички».

Решающую роль в героизации образа М. Скопина-Шуйского сыграли его победы над поляками и войсками Лжедмитрия II. В песнях он «oberегатель мира крещенного и всей нашей земли святоруссия». Немаловажным для признания Скопина защитником и патриотом Русской земли стало получение им благословения от преп. Иринарха Ростовского.

Часто встречалось противопоставление «бояр-изменников» Скопину-Шуйскому и Прокопию Ляпунову (например, князей Мстиславского и Воротынского). В песне «Ляпунов и Гужмунд» подчеркивалось: в то время, как «многие русские бояре нечестивцу отдались, от Христовой веры отреклись», думный воевода Прокопий Ляпунов «крепко веру защищал ... изменников отгонял» (Исторические песни XVII в. 1966: 94. № 75).

¹ «Историю героев», войны, важные события в жизни государства аккумулировала в себе, главным образом, мужская коллективная память (разумеется, это не означает, что женщины не могли выступать хранителями «мужской» версии истории, особенно в Новое время). О гендерных характеристиках коллективной исторической памяти (см.: Пушкарева Н. Л. 2001: 274–304).

После создания регулярной армии в начале XVIII столетия дело защиты Отечества постепенно переходит от царя к выдающимся полководцам. С именем фельдмаршала Б. П. Шереметева, «царева большого боярина, генерала и кавалера», народное сознание связывало победы над шведами: освобождение Орешка, битву при Красной мызе и другие успехи в Северной войне.

В последующие десятилетия победная традиция в песнях опиралась на образы атамана И. М. Краснощекова, военных деятелей П. А. Румянцева, З. Г. Чернышева, Ф. Ушакова (с его прославлением в 2000 г. в лице святых российский флот обрел своего небесного покровителя) и других полководцев. Характерно, что для возведения того или иного лица в ранг народного героя вовсе не обязательным являлось «простое» происхождение.

Крупнейшие воители прошлого считались у русских выразителями воли Божьей. Самый выдающийся русский полководец А. В. Суворов, по мнению народа, был богатырь, знал «Планиду небесную» и потому всегда побеждал врагов (АРЭМ: Д. 1576. Л. 17). Именно сочетание в «избраннике Божием» Суворове непревзойденного воинского умения с органически присущей ему демократичностью создало в народном представлении ярчайший образ национального героя-полководца.

Русские люди как, вероятно, и любой другой народ, всегда заботились о создании позитивного самообраза, позитивной идентичности. Вряд ли какая-либо нация может жить без собственных героических мифов, ведь ими поддерживается ее жизнестойкость и конкурентоспособность. Примечательно, что в желании иметь позитивный самообраз власть, элита и обычные граждане едины, что, безусловно, способствует устойчивости памяти о героях, пусть даже и не во всем исторически достоверной. С этой точки зрения показательна, например, трактовка воинских подвигов А. В. Суворова, практически все свои кампании проведшего за пределами России (с Турцией — 1787–1791 гг., с Наполеоном — 1799 г.). Войны с турками, хотя и диктовались всецело государственными интересами России выйти к берегу южного моря, в глазах крестьян были борьбой с мусульманами за Православную Россию, т. е. носили явный народно-религиозный отпечаток. Не случайно в песнях суворовского цикла военные события изображались очень сжато, в центре внимания оказалась личность православного героя-полководца, а его деятельность в соответствии с логикой народного мышления расширялась до общенациональных масштабов.

По окончании Отечественной войны 1812 г. в исторических знаниях крестьян центральное место отводилось ее героям — М. И. Кутузову и М. И. Платову. После Суворова Кутузов был, пожалуй, самым популярным среди солдат русской армии полководцем. Он стал первым военачальником, широко использовавшим народное ополчение (причем, ополчение 1812 г. в значительной своей части было построено на общественных началах, в отличие, скажем от ополчения 1855 г., которое было государственной организацией).

Песни об атамане М. И. Платове создавались преимущественно в казачьей среде, но бытовали по всей России. Растропность Платова противопоставлялась в песнях неспособности царских чиновников повлиять на ход войны.

В песнях о Крымской войне часто упоминались М. С. Воронцов и П. С. Нахимов. Довольно четко очерчен круг исторических деятелей, завоевавших признание в народе за время русско-турецкой войны 1877–1878 годов: М. Г. Черняев, М. Д. Скобелев, И. В. Гурко, Ф. Ф. Радецкий.

М. Д. Скобелева почитали особо. В последние пять лет своей жизни (полководец умер в 1882 г. — *A. B.*) и некоторое время впоследствии, Скобелев был самым известным и популярным человеком нации: «Русские и иностранцы ... называли его идолом русских людей ... красным панславистом и народным героем, славянским Гарибальди...» (*Rogger 1976: 46*).

В войнах начала XX в., судя по многим воспоминаниям (На рубеже двух эпох 1994; Воспоминания товарища Обер-Прокурора 1993; Христолюбивое воинство 1977; С царем и без царя 1995), солдаты в большинстве своем верили начальству: оно, мол, знает, что делать. На русско-японской войне солдаты боготворили главнокомандующего А. Н. Куропаткина. Тем же, чем был для Севастополя Нахимов, для Порт-Артура стал генерал-лейтенант Р. И. Кондратенко. Он остался в памяти душой обороны крепости, командиром, широко использовавшим инициативу подчиненных.

Легендами были окружены военачальники Гражданской войны. Распространялись слухи о побегах генерала Л. Г. Корнилова из немецкого плена, а потом и советского. Способностью внушать доверие и преданную любовь войскам обладал генерал Я. А. Слащев. Большой авторитет имел П. Н. Врангель. О нем рассказывали, как о человеке железной воли и даровитом, «его любили, ему верили, его боялись» (На рубеже двух эпох 1994: 202, 247). Образы русских воителей никогда не забывались в народе. В их личностях получал свое воплощение православный идеал воина.

Огромное место в сознании русского человека отводилось религиозным деятелям и отечественным подвижникам благочестия. Героев веры Церковь венчала титулом святости, в народе праведникам поклонялись и говорили о них: «умолился и стал святым».

Более пяти столетий не меркло в памяти народной имя Сергея Радонежского, «Игумена земли Русской». Он вошел в русское сознание и как миротворец — увершевал князей, грозил карой Божией за раздоры и междуусобицы, и как усердный христианин-молитвенник, и как великий делатель. Он оставил после себя Троице-Сергиеву лавру, одну из четырех лавр в стране, заложил и построил еще несколько монастырей. Преподобный воспитал множество учеников, разошедшихся по всей Руси и основавших новые пустыни и обители — Богоявленский Голутвин монастырь под Коломной, Рождественский Сторожевский в Звенигороде, Высоцкий под Серпуховом и многие другие — на тех же началах подвижничества, в которых сами они были воспитаны. Не будет преувеличением сказать, что не только монашеству, но в сущности всему русскому народу, Сергий оставил суть житейского идеала: *общежестие, труд, нестяжание*.

От грозного царствования Ивана IV остался в памяти потомков духовный подвиг митрополита Филиппа (Колычева). Русская церковь не смогла предотвратить произвол Грозного, и все же стойкость митрополита, который обличал царя в пороках, поплатился за то жизнью, но до конца исполнил долг честного гражданина и верноподданного, в историческом плане обнажило бессилие власти перед общественными и нравственными традициями. Память о Филиппе привнесла в русское сознание понимание гражданского долга как готовности самоотверженно отстаивать правду и государственную пользу, невзирая на последствия.

С именем патриарха Гермогена русские люди, не только современники Смутного времени начала XVII столетия, но и в последующие века, связывали организацию

сопротивления поляко-литовцам. Во главе освободительного движения встала Церковь, единственное в тот момент связующее звено в развалившемся государстве. Религиозным деятелем государственного уровня остался в народных воспоминаниях и Митрофаний Воронежский, который в начале правления Петра Великого оказался в гуще бурных событий и инициатив. С именем св. Митрофания в народе не только связывали воспоминания о Петре Великом, но и чтили святителя как защитника простого народа от притеснений, исцелителя и молитвенника. Иной тип любимого в народе отечественного подвижника представлял собой Святитель Воронежский и Задонский Тихон, главным делом жизни которого были проповедничество и благотворительность.

Идеал православного подвижника формировался в течение многих веков. В монастырях допетровской Руси создавался и окружался ореолом благочестивой легенды образ инока, посвятившего себя служению Богу. Вместе с тем, монашескому служению на Руси под воздействием общенных мировоззренческих стереотипов была не свойственна концепция индивидуального спасения. Уход от мира, в конечном счете, являлся средством совершенствования ради служения миру примером, уединение от мира предполагало возврат к нему через любовь.

Окормление мирян занимало значительное место в духовной практике крупнейших русских святых XIX столетия — Серафима Саровского и старцев Оптиной пустыни. Молва о святой жизни и прозорливости отдельных подвижников укрепляла православное мироощущение в обществе, стимулировала паломничества в монастыри, к известным старцам.

Обращение к земной и «посмертной» жизни «явленных и неявленных», канонизированных и не канонизированных подвижников благочестия дает множество примеров тому, насколько глубоко и органично вошли они в историческое сознание русских людей. Почитание православных подвижников являлось неотъемлемой составляющей народной религиозности. Образ их подвижничества и святости был особенно дорог благочестивому идеалу народа. Святые были понятны и близки крестьянину, ведь, как говорили в народе, были времена, когда «святые по земле ходили».

Память о праведниках поддерживалась устной традицией, широким бытованием агиографической литературы, контактами с подвижниками в текущей жизни, почитанием памяти о них после смерти. В них чтили личную святость, неутомимое служение людям. Их предсказания и пророчества передавали из уст в уста. Иметь живой образ святости было действительно духовной потребностью, отрадой для народа. Подвиг святого подвижника веры имел колossalное и первостепенное значение для воспитания народного самосознания.

Добавлю, что укреплению памяти о святых и подвижниках способствовала и «персонификация» календарных дней года. По смерти великих подвижников прошлого происходило открытие их мощей, явление чудотворных икон. В честь этих новоявленных угодников Божиих устанавливались новые праздники в Русской церкви — сначала, как правило местные (святые на Руси, как и иконы, большей частью чтились местно), а затем, если границы почитания расширялись, то и общерусские. Уже к XIX в. русский народный календарь упоминал имена более 400 святых, мучеников, лиц духовных и лиц княжеского происхождения. «Персонификация» календарных дней позволяла малограмотным крестьянам лучше ориентироваться во времени (Руднев 1997: 34).

Не только монархи, религиозные подвижники и военные герои сохранились в народной памяти. Помнили и о бунтарях, предводителях крестьянских восстаний. В фольклоре образы Ермака, Разина, Пугачева часто жили рядом друг с другом. Преемственность этих образов можно объяснить не только инерционностью фольклорной традиции, но и длительной нерешенностью тех задач, которые ставились восставшими.

В советской официозной версии истории вожди крестьянских восстаний представляли едва ли не основными героями. Они провозглашались последовательными выразителями классовых ценностей. В перестроенное время случился прямо противоположный крен: те же самые персонажи стали выставляться исключительно разбойниками и бандитами. Если уйти от политической и идеологической заданности, становится довольно очевидным, что в народном отношении к бунтарям переплетались мотивы социального протesta и христианского смирения.

В целом же, революционные и всякого рода радикальные идеи считались по всей Руси общественным злом, безбожники и революционеры дворяне не пользовались любовью у крестьянства. Большинство попыток расшатывания привычных для народа мировоззренческих устоев были неудачны. Не приняли в народе восстание декабристов 1825 г., полным провалом закончилось «хождение в народ» 1874 г. И все же проникавшие в деревню либеральные и революционно-демократические идеи исподволь размывали традиционные устои. Менялось отношение части крестьянства к монархии и привычному миропорядку.

Русское сословное деление (народное сознание отмечало выдающихся личностей из самых разных слоев общества) имело в своем основании мысль об особенном служении каждого сословия. Сословные обязанности в значительной мере мыслились как религиозные, а сами сословия — как разные формы общего для всех христианского дела — спасения души. Соответственно, народная оценка деятельности тех или иных лиц основывалась, еще раз подчеркну, на традиционных христианских воззрениях. Определяющим в оценке исторической личности был православный и патриотический подход. Несмотря на разницу в статусе, специфику конфессиональных, сословных и иных характеристик, выделялись общие, наиболее привлекательные типологические черты в крупных фигурах прошлого: масштабность содеянного, демократизм поведения, и главное, соответствие устойчивым православным взглядам об общественном служении. Совокупность этих факторов делало их историческими личностями.

Несколько слов о восприятии русскими исторических лиц других народов. Особенно интересовались, как и в отечественной истории, царями, военными и государственными лидерами этих народов. Например, в фольклоре о Северной войне русским противостояла *шведская сила*, православному царю Петру I — король шведский. Рассказывали, что Карл был широкий, росту среднего, плечистый; настоящий был воин, да на воина попал, Петр ему не уступал.

Очень интересовала народ личность Наполеона. Великому полководцу отдавали должное. В Саранском уезде Пензенской губернии в 1899 г. при чтении описания Отечественной войны крестьяне «радовались, когда слушали отрывки о падении Наполеоновской армии, но достоинства Наполеона восхваляли, тогда как при чтении о русско-турецкой войне султана ругали» (АРЭМ: Д. 1390. Л. 13; см. также Д. 1569. Л. 1). Правда, даже императора французов «бес попутал»: «Ка б Наполеен ни делал

в церквах конюшни для лошадей, дык яго бы взяло, а то ... ишь, нехристъ, что выдумал, конюшни в церквах делать» (АРЭМ: Д. 980. Л. 9–10).

Воззрения русских на историю страны и мира проявлялись не только в характеристике отдельных деятелей, но и в выделении различных эпох и событий прошлого. Оно происходило на двух уровнях. Во-первых, в крестьянских представлениях отложились наиболее крупные исторические эпохи в их общей временной последовательности (прошлое не мыслилось просто как «время отцов и дедов», существовало понятие линейного необратимого времени). Ими были основание Русского государства, ордынское иго, Смутное время, периоды царствования наиболее крупных монархов — Ивана Грозного, Петра Первого, императрицы Екатерины Второй и т. д. Во-вторых, внутри этих эпох выделялись самые значимые факты, события, в первую очередь войны. В эти периоды истории наиболее интенсивно шел процесс осмысливания общенародных задач и интересов.

В соответствии с двумя уровнями выделения существовали и представления о хронологической последовательности исторических событий. В отношении крупнейших эпох никаких временных смещений и смещений не происходило. Взятые же в срезе одной эпохи исторические события зачастую переплетались, хронологическая и фактологическая последовательность нарушалась. Причина подобных нарушений заключалась как в недостаточной исторической осведомленности, так и в специфике осмысливания прошлого. Разумеется, вряд ли крестьяне, имея возможность располагать реальными фактическими знаниями о событиях и лицах, так стойко придерживались бы неточных, а подчас и мифологических истолкований. Следует иметь в виду, что народ, как правило, воспринимал и принимал лишь то, что не входило в противоречие с его исторической памятью и основополагающими воззрениями. В простонародье часто наделяли любимых героев лучшими чертами, заимствуя их у других персонажей, приписывали порой не совершенные ими деяния.

Например, людская молва в Симбирской губернии причудливо связывала спасение Русского царства князем Дмитрием Пожарским с именем Ивана Грозного. Малюте Скуратову в песне отдавалось повеление казнить царевича Иоанна Иоанновича, но Пожарский сохранял царского сына, и Грозный жаловал доброго боярина. В одной из песен Дмитрий Пожарский — вопреки историческим фактам — был даже избран в цари¹. Действительно, на состоявшемся в январе–феврале 1613 г. земском соборе Пожарский назывался в числе возможных претендентов на престол, но выборы закончились, как известно, воцарением Михаила Романова. В исторической песне Пожарский отказывается от престола в его пользу.

Степан Разин в фольклоре действовал вместе с Ермаком, Пугачев упоминался в качестве помощника Разина, Суворов и Платов сообща преследовали французов и т.п. Подобную непоследовательность в крестьянском мировоззрении подметил И. Гринев, один из корреспондентов Этнографического бюро князя В. Н. Тенишева: «По мнению крестьян, Петр Великий жил тотчас после Иоанна Грозного, Суворов победил Наполеона, чтобы взять в плен и проч.» (АРЭМ: Д. 1569. Л. 10).

В памяти крестьян различных регионов, наряду с фактами общегосударственно-го характера, сохранялись сведения и о событиях локальных. Селективный характер

¹ Уже в 20-х годах XVII столетия, судя по некоторым крестьянским высказываниям, на князя Пожарского распространялась прерогатива, присущая традиционно в народном сознании именно царю — «смирять воров» (см.: Лукин 2000: 118).

памяти часто выражался в преимущественном внимании к местной и региональной истории. Исторические сведения об отдельных событиях, приобретших впоследствии характер общенародный, максимально полно и точно воспроизводились в местах, непосредственно связанных с этими событиями. Практически в каждом из селений, расположенных близ маршрута казанских походов Ивана Грозного, спустя три столетия широко бытовали местные предания, совпадавшие с летописными сообщениями (так, в фольклоре довольно точно указывались царские станы). То же самое можно сказать об относительно большей исторической осведомленности о личности Петра Великого крестьян русского Севера, которым «царь-работник являлся с топором в руках», о восстаниях Разина и Пугачева крестьян Нижнего Поволжья и Дона по сравнению, например, с населением севера России и т.д.

В памяти народа четко прослеживаются те самоназвания, образы и символы, которые были дороги русским, с которыми они ассоциировали свои национальные чувства. В течение многих столетий термин *русский* приобрел характер не столько этнический, сколько конфессиональный и был почти синонимом слова *православный*. С образованием Русского централизованного государства национальные и государственные интересы его жителей стали восприниматься в единстве. Само понятие Родины приобрело конкретные политические границы, совпадавшие с территорией Русского государства. Теперь этоним *русские* указывал и на этническую принадлежность основной массы населения страны, и на общность, осознающую себя единым по вере народом единого государства.

В повседневности народной жизни на сельских сходах к собравшимся обращались — *православные*, т. е. религиозная самоидентификация была определяющей. И это не случайно, поскольку от самого рождения ребенка с крещения, обретения крестных родителей, христианского имени и святого покровителя начиналось приобщение к церкви, воцерковление. Продолжалось оно посещением храма, принятием таинств, слушанием служб, проповедей, Евангелия, церковного пения (для иных — и участием в нем). Весь жизненный цикл простого русского человека был связан с православной церковью: венчание и крещение детей; приобщение потомства к таинствам и посещению храма; отпевание умерших. Все это вместе, безусловно, закрепляло непрерываемость религиозной памяти.

Церковнославянский язык в течение многих веков был по сути вторым языком в России. Многие крупнейшие лингвисты, такие как А. А. Шахматов и И. И. Срезневский, даже считали его первым, основным для формирования литературных стилей, на него позже уже наславалось русское просторечие, множество диалектов. Когда начались подсчеты грамотности, те, кто читал по церковнославянски часто попадали в число неграмотных. Необходимо сказать, что чтение Библии и других церковных книг людьми, не обученными гражданской грамоте, сохранялось довольно долго. Даже в экспедициях двадцатилетней давности, мне доводилось с этим сталкиваться. Бабушки, считавшиеся неграмотными, на вопрос, знают ли они по церковнославянски, уверенно отвечали: «Это-то я читаю».

Особенно отчетливо идентификация по религиозному признаку выражалась во времена войн и вооруженных конфликтов, которых в истории России было предостаточно. Так было в годы удельных распрея и ордынского владычества, когда не этническая идентификация, но принадлежность к православному миру давала народу твердое ощущение общности исторической судьбы. И в последующих войнах защищали

Отечество и православие. Враги воспринимались как «басурмане», даже если и принадлежали к христианскому миру, как, например, французы в 1812 г. Таким образом, конфессиональные православные выполняли функции этнического определителя русских.

В толковом словаре живого великорусского языка Владимира Даля, который в 60-е гг. XIX в. собирал массовый (подчеркнуто мной — А.Б.) материал, фиксировал использование языковых форм, характерных для большинства русских, в качестве синонима термина *православные* дано словосочетание *русский народ*, *православный государь* тоже *русский*, *православная вера* это *русская вера*, и даже *Бог* (а в православной стране нет иного абсолюта кроме Господа) обязательно *Русский Бог*. В народную речь эти слова вошли как синонимы. Иноэтническое окружение способствовало взаимозаменяемости понятий *русский-православный*. Лезгины, грузины, другие народы говорили: «*Русская вера*», «*русский Бог*» и т. д.

Бытовали и другие дефиниции самоназвания. Перед началом Куликовской битвы из уст Дмитрия Донского прозвучало обращение к воинам — *сыны русские*. Через два столетия, в эпоху Смуты, в литературе утвердилось выражение *доброхоты земли Русской*. Широко употребляемое ныне и привычное для слуха слово *патриот*, появившись впервые в 1716 г. в «Рассуждениях о причинах Свейской войны» П. П. Шафирова, вплоть до конца XIX в. использовалось параллельно со своим синонимом — русским термином *сын Отечества* (Агеева 1994: 38–41).

В военно-исторических песнях XVI–XIX вв. традиционным этнографическим обозначением русского народа являлось словосочетание *сила россейска*. В песне XVIII в. об осаде Очакова пелось: «Наехала наша сила россейская», в песне о 1812 году — «Валит сила россейска со всех сторон, со всех четырех». По сравнению с песнями более ранними, солдаты чаще называли себя и *россиянами*, *русскими солдатами* (Исторические песни XIX в. 1973: 56, № 60). Независимо от происхождения каждой из этих песен, сам факт их длительного бытования среди крестьян в конкретной редакции свидетельствует о принятии народом того или иного определения.

Ярко выражены в народном фольклоре образ Родины, поэтические олицетворения Русской земли, Русского государства. Это и *Россиюшка*, и *матерь-сторонка*. От образа всей страны — России — неотделим образ Москвы. В начале XVII в. Минин обращался к Нижегородскому посаду с призывом сражаться «за матушку за родную землю ... за славный город Москву». И в песнях о 1812 г. Москва олицетворяла в народном представлении судьбу всей России Герой 1812 года Д. Давыдов вспоминал: «Слова “Москва взята” заключали в себе какую-то необоримую мысль, что Россия завоевана» (Исторические песни XIX в. 1973: 53, № 53; АРГО. Ф. 12. Оп. 2. Д. 4. Л. 39; Давыдов 1988: 289).

Религиозное сознание у русских всегда было теснейшим образом связано с государственным и национальным сознанием. Дореволюционная Россия была как империей, так и национальным государством на основе многонациональной нации, включавшим в себя более полутораста народов и народностей. Хотя этнические русские по переписи 1897 г. составляли менее 50% населения, российская идентичность имела ярко выраженный русский, православный характер. Православие было государством-образующей религией. Решающая роль в самом строении народной жизни принадлежала российскому патриотизму.

При Петре I возник национализм гражданского типа. Он обосновывал существование российского народа и впервые утверждал категорию «российяне». Его развитие

происходило в последующей истории российского национализма. Взаимосвязь, по сути синонимичность понятий «русский», «российский» и «православный» сохранилась вплоть до начала XX столетия, а для многих русских существует и сегодня.

Судя по обширному комплексу историко-этнографических источников — быть русским означало для наших предков, прежде всего, быть верным православию, царю и отечеству. Позднее, в советское время, в общественном дискурсе знаменитая уваровская триада «православие, самодержавие, народность» стала восприниматься иронично. Тем не менее, эта формула, нравится ли она нам сегодняшним или нет, очень точно отражала народные настроения. Все три архетипа формировали сознание русских людей и во многом определяли их мировоззрение.

Наличие определенной локальной и конфессиоnalной специфики не стало препятствием для формирования в народной памяти единого в основе своей круга исторических событий и фактов. Их трактовка, если и варьировалась, то очень незначительно. На всей огромной территории расселения русских преобладало единство исторического сознания, способствующее этнокультурной консолидации русских, укреплению их национальной идентичности.

Источники и материалы

АРГО — Архив Русского Географического общества.

АРЭМ — Архив Российского Этнографического музея. Фонд 7. Опись 1. В ссылках на материалы Тенишевского фонда АРЭМ указываются только номера дел и листов.

Исторические песни XIX в. 1973 — Исторические песни XIX века / Подгот. Л. В. Домановский, О. Б. Алексеева, Э. С. Литвин; Отв. ред. В. Г. Базанов. Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1973. 283 с.

Исторические песни XVII в. 1966 — Исторические песни XVII века / Изд. подгот. О. Б. Алексеева [и др.]; [Вступ. статья Б. М. Добровольского и В. В. Коргузалова]. Москва; Ленинград: Наука. 1966. 385 с.

Научная литература

Агеева О. Г. К вопросу о патриотическом сознании в России первой четверти XVIII в. // Мировосприятие и самосознание русского общества (XI–XX вв.): Сб. ст. / Рос. АН, Ин-т рос. истории; Редкол.: Л. Н. Пушкирев (отв. ред.) и др.. М.: ИРИ, 1994. С. 38–50.

Балаишов Д. М. Эпос и история (к проблеме взаимосвязей эпоса с исторической действительностью) // Русская литература. 1983. № 4. С. 103–112.

Воспоминания товарища Обер-Прокурора Св. Синода князя Н. Д. Жевахова / князь Н. Д. Жевахов. Санкт-Петербург: Царское Дело, 2007. 935 с.

Громыко М. М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. / М. М. Громыко; Отв. ред. В. А. Александров, В. К. Соколова; АН СССР Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 1986. 274 с.

Давыдов Д. Дневник партизанских действий // Русский военный рассказ XIX — начала XX века: Сборник / Сост., вступ. ст. и коммент. Е. А. Глушенко. М.: Правда, 1988. С. 73–134.

Иенсен Т. В. Источники и методы изучения общественного сознания пореформенного крестьянства (на примере Костромской губернии). Дисс. канд. ист. наук. М., 1999. 185 с.

Коринфский А. А. Народная Русь. М.: Московский рабочий, 1994. 560 с.

Лобачева Г. В. Отражение монархических взглядов русского народа в паремиологических материалах второй половины XIX–XX веков // Проблемы политологии и политической истории. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1994. С. 3–14.

- Лукин П. В. Народные представления о государственной власти в России XVII века. М.: Наука, 2000. 296 с.
- На рубеже двух эпох: [Воспоминания] / Митрополит Вениамин (Федченков); [Вступ. ст. А. Светозарского, с. 3–36]. М.: Отчий дом, 1994. 446 с.
- Пушкирева Н. Л. Андрогинна ли Мнемозина? (Гендерные особенности запоминания и исторической памяти) // Репина Л.П., Вишленкова Е.А. (ред.). Сотворение истории: человек-память-текст. Цикл лекций. Казань: Мастер Лайн, 2001. С. 274–304.
- Руднев В. В. Аграрный календарь // Русские. Народная культура (история и современность). Т. 2. Материальная культура. М.: ИЭА РАН, 1997. С. 183–188.
- С царем и без царя: Воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II / В. Н. Воейков. М.: Воениздат, 1995. 430 с.
- Федотов Г. Святые Древней Руси. М.: Московский рабочий, 1990. 245 с.
- Христолюбивое воинство: православная традиция Русской Армии / Сост. А. Е. Савинкин, И. В. Домнин, Ю. Т. Белов. М.: Военный университет: Независимый военно-науч. центр «Отечество и Воин»: Рус. путь, 1997. 496 с. (Российский военный сборник; вып. 12).
- Черняев Н. Мистика, идеалы и поэзия русского самодержавия. М.: М., 1998. 431 с.
- Rogger H. The Skobelev Phenomenon: the Hero and his Worship // Oxford Slavonic Papers / ed. by R. Auty, J. Fennell, I. P. Foote. Volume IX. Oxford, 1976. P. 46–78.

References

- Ageeva, O. G. 1994. K voprosu o patrioticheskem soznanii v Rossii pervoi chetverti XVIII v. [On the Issue of Patriotic Consciousness in Russia in the First Quarter of the 18th Century]. In *Mirovospriiatie i samosoznanie russkogo obshchestva (XI–XX vv.)* [Worldview and self-awareness of Russian society (11th–20th centuries)], ed. by L. N. Pushkarev et al. Moscow: Institut Rossiiskoi Istorii RAN. 38–50.
- Balashov, D. M. 1983. Epos i istoriia (k probleme vzaimosviazei epoza s istoricheskoi deistvitel'nost'iu) [Epos and History (on the Problem of the Relationship of the Epic with Historical Reality)]. *Russkaia literatura* 4: 103–112.
- Cherniaev, N. I. 1998. *Mistika, idealy i poeziia russkogo samoderzhaviia* [Mysticism, Ideals and Poetry of the Russian Autocracy]. Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii. 431 p.
- Davydov, D. 1988. Dnevnik partizanskikh deistviia [Partisan Action Diary]. In *Russkii voennyi rass-kaz XIX — nachala XX veka* [Russian Military Stories of the 19th — early 20th century], ed. by E. A. Glushchenko. Moscow: Pravda. 73–134.
- Fedotov, G. 1990. *Sviatye Drevnei Rusi* [Saints of Ancient Rus']. Moscow: Moskovskii rabochii. 245 p.
- Gromyko, M. M. 1986. *Traditsionnye normy povedeniiia i formy obshcheniia russkikh krest'ian XIX v.* [Traditional Norms of Behavior and Forms of Communication of Russian Peasants of the 19th Century]. Moscow: AN SSSR Institut etnografii imeni N. N. Miklukho-Maklaia. 274 p.
- Iensen, T. V. 1999. *Istochniki i metody izucheniiia obshchestvennogo soznaniiia poreformennogo krest'ianstva (na primere Kostromskoi gubernii)* [Sources and Methods for Studying the Social Consciousness of the Post-reform Peasantry (on the Example of the Kostroma Province)]. Ph.D. diss., Russian State University for the Humanities.
- Korinfskii, A. A. 1994. *Narodnaia Rus'* [People's Rus']. Moscow: Moskovskii rabochii. 560 p.
- Lobacheva, G. V. 1994. Otrazhenie monarkhicheskikh vozrenii russkogo naroda v paremiologicheskikh materialakh vtoroi poloviny XIX — XX vekov [Reflection of the Monarchist Views of the Russian People in Paremiological Materials of the Second Half of the 19th — 20th Centuries]. *Problemy politologii i politicheskoi istorii*. Saratov. 3–14.
- Lukin, P. V. 2000. *Narodnye predstavleniiia o gosudarstvennoi vlasti v Rossii XVII veka* [Popular Ideas about State Power in Russia in the 17th Century]. Moscow: Nauka. 296 p.
- Na rubezhe dvukh epoch: Vospominaniia. Mitropolit Veniamin (Fedchenkov)* [At the Turn of Two

- Eras: Memoirs. Metropolitan Veniamin (Fedchenkov)]. 1994. Moscow: Otechii dom. 446 p.
- Pushkareva, N. L. 2001. Androginna li Mnemozina? (Gendernye osobennosti zapominaniia i istoricheskoi pamiat) [Is Mnemosyne Androgynous? (Gender Features of Memorization and Historical Memory)]. In *Sotvorenie istorii: chelovek-pamiat'-tekst. Tsikl lektsej* [Making History: Person-Memory-Text. Lectures], ed. by L. P. Repina and E. A. Vishlenkova. Kazan: Master Lain. 274–304.
- Rogger, H. 1976. The Skobelev Phenomenon: the Hero and his Worship. In *Oxford Slavonic Papers*, ed. by R. Auty, J. Fennell, I. P. Foote. Volume IX. Oxford: Oxford University Press. 46–78.
- Rudnev, V. V. 1997. Agrarnyi kalendar' [Agricultural Calendar]. In *Russkie. Narodnaia kul'tura (istorija i sovremennost')* [Russians. Folk Culture (History and Modernity)]. Vol. 2. Material'naia kul'tura [Material Culture]. Moscow: IEA RAN. 183–188.
- Savinkin, A. E., Domnin, I. V. and Yu. T. Belov (eds.). 1997. *Khristoliubivoe voinstvo: pravoslavnaia traditsiia Russkoi Armii* [Christ-Loving Army: Orthodox Tradition of the Russian Army]. Moscow: Voennyi universitet, Nezavisimyi voenno-nauchnyi tsentr “Otechestvo i Voin”, Russkii put'. 496 p.
- Voeikov, V. N. 1995. *S tsarem i bez tsaria: Vospominaniia poslednego dvortsovogo komendanta gosudaria imperatora Nikolaia II* [With the Tsar and Without the Tsar: Memoirs of the Last Palace Commandant of Emperor Nicholas II]. Moscow: Voenizdat. 430 p.
- Vospominaniia tovarishcha Ober-Prokurora Sv. Sinoda kniazia N. D. Zhevakhova [Memoirs of Comrade Ober-Procurator of the Holy Synod, Prince N. D. Zhevakhov]. 2007. St. Petersburg: Tsarskoe Delo. 935 p.

АНТРОПОЛОГИЯ ГЕНДЕРА

UDC 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2023-4/106-117

Original article

© Bojana Bogdanović

THE GENDER PERSPECTIVE OF THE WOMEN'S PRESS IN SOCIALIST YUGOSLAVIA — THE REPRESENTATION OF MASCULINITY IN THE WOMEN'S MAGAZINE „BAZAR“ *

The paper examines the way in which a male figure is portrayed in one of the oldest (at the same time, the most widely circulated) Yugoslav women's magazines, „Bazar“. In a methodological sense, the work is based on the data obtained from the analysis of textual and visual messages in the editions published in the tenth anniversary year (1973). The aim of the paper is to provide insight into 25 issues of an exemplary socialist magazine in order to 1) look at the media portrayal of men in the socialist women's press, 2) discuss some aspects of the construction of masculinity in the socialist media discourse, and 3) review the way gender relations in Yugoslav society were portrayed in the narratives of the women's magazine „Bazar“.

Keywords: masculinity, Yugoslavia, socialism, media discourse, women's magazine „Bazar“

Author Info: Bogdanović, Bojana B. — Ph.D., Doctor of Ethnology and Anthropology, Senior Research Associate, the Institute of Ethnography, Serbian Academy of Sciences and Arts (Serbia, 11000 Belgrade, Kneza Mihailova 36). E-mail: bojana.bogdanovic@ei.sanu.ac.rs

For Citation: Bogdanović, B. B. 2023. The Gender Perspective of the Women's Press in Socialist Yugoslavia — the Representation of Masculinity in the Women's Magazine „Bazar“. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologije)* 4: 106–117.

* The text is the result of the work at the Institute of Ethnography of the Serbian Academy of Sciences and Art, financed by the Ministry of Science, Technological Development and Innovation of the RS based on the Agreement on the Implementation and Financing of Scientific Research Work of the Science and Research Organisations in 2022, number: 451-03-47/2023-01/200173, dated February 3, 2023.

Introduction

It is clear that media texts actively participate in the construction and reproduction of „femininity“ and „masculinity“ in one historical moment, but also in what kind of gender relations are desirable in a certain socio-historical context.

(Vujović 2016, 276)

The gender perspective of the so-called *women's press*¹ in socialist Yugoslavia has been discussed within many disciplines so far (women's studies/ cultural studies / communication studies / anthropology / sociology, etc.). The contents of women's magazines have been viewed from different theoretical and methodological angles — classifications of Yugoslav women's magazines have been offered, the characteristics of the reading audience have been considered, the media characteristics of femininity have been discussed, the importance of the women's press in the context of consumer society has been pointed out, it has been viewed as a product of popular culture, the categories of style / language / graphic equipment of women's press etc. have been analysed (Bogdanović 2023). The largest number of scientific papers published on this topic pointed to the ways and circumstances under which, within the framework of Yugoslav society, the process of *fabricating the archetype of the socialist woman* took place, which consequently modeled the „female reality“ and contributed to the formation of social consciousness, creating collective representations (see Petrović 1985: 55). In other words, for the majority of authors, dealing with the gender perspective of the „press of the heart“ / “sentimental press“ — as Neda Todorović and Edit Petrović called the magazines addressing an assumed female audience (see Todorović 2012; Petrović 1985: 53) — implied (research) accentuating the feminine side of gender polarity. Therefore, today, there are works dealing with fabricated *female role models*² (see Todorović 1987; Stojaković 2013; Jarić 2013; Vujović & Prokopović 2018; Bogdanović 2022, 2023), criticism of the way in which women / femininity / sexuality were constructed and presented in the media discourse of socialist Yugoslavia (see Papić 1981), and texts in which the ways of media portrayal of women in socialist women's magazines are compared with representational practices, gender stereotyping and discrimination in contemporary print media (see Todorović 2012; Vujović 2016). Summarizing the opinions of the aforementioned authors, it can be concluded that in the media discourse of the Yugoslav magazines for women, the socialist idea of gender equality was never fully implemented, but only partially, and that it (media discourse) was undoubtedly very stereotyped, shaped and rooted in traditional patriarchal patterns. In other words, *female characters* in the Yugoslav media space were constructed on the basis of cultural, social and gender remnants of traditionalism that socialism — as a doctrine of equality — could not (or did not want to) eradicate in practice (Bogdanović 2022: 90).

¹ Due to the limited scope of the paper, the emphasis in the text is on the so-called *women's press*, which is treated in different ways in the scientific discourse: as 1) „a kind of speech of the culture of a society“ (Vujović 2016: 5); 2) as „a specific system of signs within which certain messages are produced and articulated“ (McRobbie 2000: 68); 3) „as cultural texts, as works of increasingly concentrated media empires and as a means of selling very specific group of consumers through advertising“ (Gill 2000, 181) etc.

² The *role model woman* in the media discourse of the Yugoslav women's press ranged from a woman engaged in work and politics in the first post-war years, through a beautiful, likeable housewife who takes care of the house, cooks, dreams of love and raises children, to a „super-woman“, successful in all fields, at work and at home, as a wife, mother and a housewife (see Bogdanović 2023).

It seems, however, that in the corpus of published scientific works on the gender „reading“ of women’s press in socialist Yugoslavia, none focus on the process of *fabricating the archetype of the socialist man*¹. In the available works, *male characters* are found in a secondary analytical plan, mostly in the context of the narrative representation of gender relations in socialist culture. Therefore, it would be interesting to see how *male identity / masculinity / male role* is fabricated in women’s magazines. The initial (sufficiently broad) context for viewing the mentioned process within the media discourse of socialist Yugoslavia can provide some of the (newer) theoretical positions in masculinity research (*Silverman 1992; Connell 1995; Connell & Messerschmidt 2005; Glover & Caplan 2000; Kimmel 1994; Slapšak 2004–2005; Šmale 2011; Banović 2011*). In this regard, in the theoretical part of the work, it is necessary to focus on a few key points. The first of them is that masculinities are constituted within the structure of gender relations, which have historical dynamics as a whole, i.e. they are socially and historically constructed (*Banović 2011: 174*). According to these assumptions, masculinities refer to social roles, behaviors and meanings prescribed for men in any given society and at any point in time (*Banović 2011: 174*). Given that there is no one (universal) form of masculinity, but it is rather a very fluid concept whose meaning varies depending on the social / individual / temporal / spatial / religious context, different forms / models / types of masculinity have been introduced into the analysis of gender relations over time. Some of them are *hegemons* that enable the understanding of masculinity through power relations characterized by male dominance; *traditional, heteronormative* in which the family and the phallus are the supreme signifiers both for the constitution of the subject and for the functioning of the entire community; *non-phallic* which is considered one of the most urgent feminist projects; *victimized* in which physical / moral / emotional „weakness“ appears as the main quality of the new male model; *vulnerable* that is a witness and victim of transitional changes; *alternative* that is symbolically assimilated into femininity, and many others. However, whether we are talking about „normative“ or „extreme“ models of masculinity, the facts are that: 1) masculinity is constantly in the process of transformation (*Nedeljković 2010: 54*); 2) the construction of masculinity is formed depending on the gender ideology of society under the influence of traditional views on the male gender role, sociocultural situation and economic-political reality (*Durić Paunović & Stevanović 2019: 289*), and 3) masculinity can be used as an analytical tool only considering the quantity, intensity and frequency of use in a given community (*Nedeljković 2010: 65*).

In the introductory part of the paper, it is necessary to briefly comment on those cultural demands / expectations that the Yugoslav society placed before men in line with the defined gender roles. Namely, although in the period of socialism, at the level of doctrine, there was a discourse of gender equality (for example, in the sense of active participation of both sexes in politics, equal access to the labour market, egalitarian division of family responsibilities, etc.), the started (in theory) process of emancipation of women did not fundamentally threaten the principles of traditional normative masculinity:

„In Yugoslavia and all its parts, as well as in other socialist societies, the normative discourse of masculinity is defined through the figure of a worker and a sol-

¹ An exception is Marija Vujović’s doctoral dissertation, the subject of which is the visual representation of gender in advertising photos in products of women’s popular culture (women’s magazines). The case study is a women’s magazine with the longest tradition in Serbia („Bazar“), and socialism and transition are the observed periods (see *Vujović 2016*).

dier. Respect for masculinity that insists on work and discipline maintained heroic masculinity as the embodiment of physical and working prowess and military heroism, while women remained subordinate to male authority. Heroes of war and heroes of work were placed on the pedestal of the masculine ideal. Normative masculinity, understood in this way, represents a set of traits from which a desirable male identity is created, namely aggressiveness, physical strength, courage, dominance, ability to take risks, traditionalism, self-confidence, assertiveness, protective roughness, concealment of weakness, cruelty towards the enemy and accordingly, the absence of sentimentality, reduced tenderness and compassion.“
(Pavićević, Kron & Simeunović-Patić 2013, 81)

Therefore, warrior / heroic culture, strength, entrepreneurship, nationalism, patriotism, leader cult and heterosexuality were — along with aggressiveness, physical strength and patriarchy as three „traditional“ / basic / indispensable elements — features of the hegemonic / ideal type / most widely accepted model of masculinity in socialist Yugoslavia (see Rosić 2012; Nedeljković 2010: 54). In other words, the socialist man was expected to be self-reliant, courageous, hardy, independent and confident, as well as the „breadwinner“ and head of the family. It can therefore be assumed that it was rare (actually courageous) to break away from that (and such) gender norm, especially because this form of masculinity, due to propaganda, was continuously supported/maintained in almost all segments of public life. Moreover, it seems that the concept of masculinity had a non-discursive status, i.e. that masculinity did not have the significance of a concept but a (self) implied value, which, just like the values of ‘masculinity’ and ‘manhood’, was understood by itself, without any critical intervention of a discursive type (see Rosić 2012: 66).

≈

In light of the above, the aim of the paper is to use the example of the high-circulation Yugoslav women's magazine „Bazar“ — which has been published since 1964 (until today) within the edition of the Serbian newspaper „Politika“ — 1) to reconstruct the way in which a man was portrayed in the media discourse of socialist Yugoslavia; 2) consider some aspects of the construction of masculinity in the socialist / Yugoslav illustrated press for women, and 3) discuss the way gender relations in the socialist Yugoslav society were depicted in the media discourse of an exemplary women's magazine. Given that the defined time reference frame of the work provides the possibility of insight into a large number of „Bazar's“ editions, and bearing in mind the limited square footage of the paper, the corpus of research included issues in one calendar year. The year 1973 was chosen according to the principle of a random sample, and the work, in a methodological sense, is based on the data obtained from the analysis of textual and visual messages in issues 208–233 of one of the oldest women's magazines on the Yugoslav market.

Media portrayal of a man in the women's magazine „Bazar“

Since the women's magazine „Bazar“ was designed to address primarily female audience, and that in terms of content it „covers“ three basic areas - marriage, family and home (see Petrović 1985: 53) — it is expected that female characters are dominant in the discourse of the sample Yugoslav magazine for women. A cursory look at the front pages

and titles of magazine articles is enough to see that the focus of the magazine narrative is a *beautiful, young, modern and well-groomed Yugoslav woman*. As stated by Isidora Jarić, in accordance with the tendency of the new socialist state to consistently promote, at the level of ideology, the concept of a woman who can do anything, in contrast to the bourgeois concept of a woman whose social and personal life is limited by the social construction of her biology (Jarić 2013: 411), „the new“ Yugoslav woman is depicted as a „superwoman“ in one of the most popular women’s magazines on the Yugoslav market — a woman who is successful in all fields, at work, at home, as a wife, mother, housewife (see Jarić 2013; Vujović & Prokopović 2018; Bogdanović 2022, 2023). She also finds her place in the new consumer society, consumes products of mass culture, sexually educates herself, takes care of herself, follows fashion trends, travels, etc.¹ However, it would be hasty to think that men / male characters are not integrated into the media discourse of the exemplary socialist magazine for women. On the contrary, although in a much smaller percentage, men also grace the covers of the women’s magazine „Bazar“ (such as actor Milan Gutović, poet Ljubivoje Ršumović, singer Zdravko Colić, etc.); some magazine articles have men as main characters², they share their culinary experiences and recipes, participate in polls (like the one about male-female friendships), there are fashion sections dedicated to them, etc.

In the media discourse of the women’s magazine „Bazar“, men are most often portrayed within the family, i.e. in the *roles of father / husband / partner*, which are emphasized already on the covers of certain issues. For example, on the front page of issue 226 (September 22, 1973), actor Ljubiša Samardžić poses with his wife and son; the cover of issue 225 (September 8, 1973) features smiling, newly married basketball player Dragutin Miško Čermak and actress Ljiljana Malohodžić; the cover of number 218 was dedicated to the comedian Miodrag Petrović Čkalja and his family, etc. There are numerous articles that bring stories from „cosy and warmly decorated apartments“ where well-known Yugoslavs live happily with their wives and children. Thus, the article „Sreća zvana Vasil“ („Happiness, your name is Vasil“, number 222, year X, July 28, 1973, pp. 46–47, Duško Kaurović) talks about the „kind young dad“ Zafir Hadžimanov who welcomes the press team with his wife, Senka Veletanlić, at home „in which (with the birth of a son, ed. author) the household order has changed a lot“. On that occasion, the well-known musician states that he „feels fulfilled and proud“ because of his new role — the role of a father. The article „Obraz uz more“ („Face by the sea“, number 223, year X, August 2, 1973, p. 24, D. Timotijević) reports on how a famous Yugoslav couple — model Nikica Marinović and director Zdravko Šotra — spend a vacation on the Adriatic Sea with a two-year-old son Marko. Photos accompanying the text show the author of „Face to Face“ show „introducing his son to the secrets of riding.“ The arrival of a new born to the Samardžić family is reported in the article „Srečni dogadjaji“ („Happy Events“, number 226, year X, September

¹ More about the media portrayal of women in the women’s magazine „Bazar“ see Jarić 2013; Vujović 2016; Vujović & Prokopović 2018; Bogdanović 2022, 2023.

² For example, in an extensive article entitled „Nisam Romeo“ („I am not Romeo“, number 221, year X, July 13, 1973, p. 13, Z. M.) the young and promising Belgrade actor Milan Gutović is introduced; the article „Kaskao sam za modom“ („I trotted for fashion“, number 225, year X, September 8, 1973, pp. 46–47, Duško Karuović) is about a TV announcer from Zagreb Oliver Mlakar — his life, business success, but also his fashion taste; „Kad se talenti udruže“ („When talents unite“, number 222, year X, July 28, 1973, p. 52, Gordana Tasić) tells the story of the collaboration between two young artists, American Jerry Robbins, pianist, and Yugoslav Ivan Jevtić, composer, etc.

22, 1973, p. 9, M. Savić). In the editorial of the text, it is stated that „the father (not the actor, ed. author) Ljubiša - Smoki won the Golden Arena this year in Pula“. The popular actor — presented as an „extremely self-sacrificing and gentle father who devotes a lot of time to his son“ — talks about his perception of home as a space for „relaxation, pleasant rest and gathering strength for new tasks“, and that his wife Mirjana is full of „love, attention, tenderness and understanding“. The dominance of caring and self-sacrificing fathers / spouses / partners in the media discourse of the women's magazine „Bazar“ is also evidenced by many other articles in which Yugoslavs (less known to the public) are portrayed through family / partnership roles. One of them is the article „Tata sa velikim T“ („Dad with a capital D“, number 233, year X, December 29, 1973, pp. 60–61, Gordana Tasić) in which the Belgrade surgeon and author of over 25 scientific papers, Dr. Ljubinko Dikić, is not mentioned through the prism of his (very successful) professional engagement, but from the position of a single father of two children. Therefore, the focus of the magazine narrative is on their unbreakable relationship based on trust, respect and love, the household without „real female hand“ and distribution of duties within it, cooking, raising teenagers, etc. The article „Obožavani, zabrinuti...“ („Adored, worried...“, number 219, year X, June 16, 1973, pp. 8–9, N. Simić) also shows that the role of father / husband / partner is expected / presumed / desirable. In this article, „desirable potential husbands“ — Dragan Džajić, Mate Parlov, Ilija Petković, Dragan Kapidžić and Marijan Beneš — talk about why they are still single. The journalist's remark at the end of the text to curious (one might even say worried) female readers answers the question of why famous aces still have not got married — „wise guys don't want commitments until they finish their military service“. However, in the narratives of the women's magazine „Bazar“ not only positive examples of fathers / husbands / partners are shown, but also the negative ones. Yet, not everything is always great and ideal in the Yugoslav family / partnership relations and that is stated in the article entitled „Očevi i deca“ („Fathers and Children“, number 224, year X, August 25, 1973, pp. 4–5, Mila Savić). There, female readers are drawn to the fact that „every woman should be careful what kind of father she chooses for her future child.“ The columns of the mentioned article were used to criticize the father model „who is occupied with work, friends, reading newspapers, afternoon naps and television“, and those fathers who act „bossy“ towards their children. In this context, in addition to the opinions of experts, from the book „Greet someone“ by Vesna Ognjenović and Budimir Nešić, there are children's confessions showing the „truth about fathers“: „If only someone would persuade my dad not to drink and to be good to my mom.“ / „My father beat me so much that my stepmother cried“ / „If my father and I went to the cinema once“ and others. Anonymous Yugoslavs speak for an exemplary women's magazine about the establishment of father-son and father-daughter relationships in the Yugoslav family at the time, as well as about how certain men coped with the role of the „modern father“ — a father talking to his child, showing love to them, using every free moment to spend together, but in such a way that he maintains discipline and makes final decisions.

Furthermore, in the narratives of the exemplary socialist magazine, men are portrayed as successful businessmen. In fact, in the majority of articles in which the main roles are assigned to men, it is emphasized that they are successful in their fields, skilfully deal with business challenges, balance family and business obligations with great success, etc. The women's magazine „Bazar“ constantly writes about the business achievements of well-known and lesser-known Yugoslav (rarely foreign) actors, poets, musicians, athletes,

etc. Some of the articles that illustrate the above are, for example, „Veliki i mali“ („Big and small“, number 223, year X, August 2, 1973, pp. 10–11, Mila Savić) in which the audience is informed about the success of the author's television show of a well-known children's poet Ljubivoje Ršumović's „Poem about life“ which „both children and adults like“, awarded at the television festival in Portorož, or „The man beyond Rome and Paris“ (number 213, year X, March 24, 1973, p. 66, M.B.) which tells the story of the „virtuoso scissors“ of the tailor Sima Jović, unknown to the public, who in a „small and unknown tailor's shop on the corner of Stevn Sremac and George Washington Streets in Belgrade takes measures of famous actors, writers, university professors, singers and journalists“.

Finally, the socialist man is also portrayed as a man who is appropriately dressed for every occasion (at work, on trips, formal occasions, etc.). He always adheres to the following rules: 1) does not chase fashion too much, 2) wears the right thing at the right time, 3) skilfully complements colours, 4) finds suitable fashion details, and 5) takes care of what he chooses from his wardrobe („Elegant Man“, number 215, year X, April 21, 1973, pp. 18–19, Čedomir Čedomir). Creator Čedomir Čedomir reports on the news in the world of fashion — current colors, cuts, patterns, materials, collections — in the regular column „Chats about fashion“ for the male reading audience. From the textual and visual content of the magazine articles, one can easily conclude that the Yugoslav man of that time was „in step with the times“ — he wore checkered jackets with slanted pockets and rounded lapels, striped shirts, blue jersey pants or suits made of woollen fabric in a pepita pattern with an appropriate tie or bow tie. Journalist Duško Karuović talks about men's fashion, personal fashion tastes, clothing styles, etc., with „men with style“ (musician Džimi Stanić, football coach Miljan Miljanić, ballet champion of the National Theater Dušan Trninić and others) in the column „Fashion Time Machine“.

Model(s) of masculinity in the women's magazine „Bazar“

By insight into numbers 208–233 of the women's magazine „Bazar“, it can be concluded with certainty that in the sample year 1973, the so-called *hegemonic model of masculinity* was dominant, which is defined on the basis of several key points / stereotypes:

„the image of a strong, healthy (efficient) body that implies activity; the power of reasoning, firm will and self-control, in other words, the rationality that dominates nature and instincts and, as a result, dominates culture; an active paternal role in the form of an authoritative father as the bearer of the Name of the Law, that is, the bearer of power. This image of desirable masculinity is based on a model established in the Age of Enlightenment.“ (Đurić Paunović & Stevanović 2019: 290)

In other words, in the narratives of the exemplary socialist magazine, we recognize the intention to present traditional, heteronormative masculinity as a „dominant fiction“. Such function allows the formation of „a stable core around which the reality of the nation and the historical period is constituted, since it transmits the illusion of the real to everything that comes in a close and immediate connection with it“ (see Silverman 1992: 42). In line with the primary elements of the mentioned model of masculinity (the family and the phallus as the supreme signifier) both for the constitution of the subject and for the functioning of the entire community (Rosić 2012: 51), images of a healthy and physically strong man in different variants are constantly reproduced, a man able to master his instincts, active in the role of father/husband/partner, the one who enjoys his own embodiment. In this sense,

the list of male characters is coherent by „faith in the heteronormative family, traditionally present in Christianity, and in the power of the Father’s Name, which symbolically marks and protects such family“ (Rosić 2012: 51). For example, some of them are the famous basketball player Dragutin Miško Čermak, thanks to whom the young and promising Belgrade actress Vesna Malohodžić got, as the author of the text states, „her most important role in life“ — the role of a wife („Njena najlepša uloga“ / „Her most beautiful role“, number 225, year X, September 8, 1973, K.M.) or, on the other hand, the driver of heavy trucks („road cruisers“) Ljubomir Todorović, who is capable of sitting behind the wheel for hours, resists constant and numerous temptations, does not sleep and does not eat on time, keeps his family together, educates the children, buys an apartment („Kamiondžija, ali onaj pravi“ / „Truckdriver, but the right one“, number 211, year X, February 24, 1973, pp. 4–5, Mihailo Blečić).

Considering the fact that for „establishing or producing an image of hegemonic masculinity, the nature of the relationship towards the other sex is of particular importance“ (Đurić Paunović & Stevanović 2019: 290), it is necessary, in this sense, to comment on the way in which the relationship between men and women is depicted in the media discourse of the magazine for women „Bazar“. The examples of „a ‘healthy’, balanced relationship, as well as the application of the so-called sexual economy, all in support of the fact that a male’s reasoning has supremacy over his bodily pleasure“ (Đurić Paunović & Stevanović 2019: 290), are cited from issue to issue. Thus, in the article „Bez ljubavi žene muškarac nije muškarac“ („Without the love of a woman, a man is not a man“, number 215, year X, April 21, 1973, pp. 10–11, V. M.) Marlon Brando, „the man about whom all women are talking today,“ reveals his understanding of life and love — „a philosophy that goes much beyond sexual relations and which has been declared ‘romantic’“, from many sides, concluding that „without the love of a woman, a man is not a man“. The „beautiful, attractive and cheerful“ Belgrade actor Milan Gutović thinks similarly, who in the article „Nisam Romeo“ („I’m not Romeo“, number 221, year X, July 13, 1973, p. 11, Z. M.) emphasizes that when it comes to women he „believes only in love“, and that he „remembers each of his girlfriends by the best and the most beautiful“. It is important to emphasize that precisely in the context of the aforementioned relationship — man → woman — *negative male characters* are introduced into the narratives of the sample women’s magazine. There are not many of them, but they appear in sufficient number to question the (social / economic / physical) supremacy of men, which is „embedded and legitimized in social relations and structures“ (Đurić Paunović & Stevanović 2019: 289). For example, negative male characters appear in the feuilleton „What a girl should know about young men“, published in 14 parts by Žika Jovanović. In it, the attention of young female readers is drawn to men who seek only physical pleasure (without interest in female emotions), immature „conquerors“ who consider people of the opposite sex only objects for sexual play, male egoism, which can make sexual experiences unpleasant, etc. And the column „In four eyes“ — in which psychologist Ana Jugović responds to readers’ letters — brings, first-hand, stories about husbands who are emotionally uninterested in their wives, men who are rude, unfaithful and lonely, alcoholics who mistreat families, etc.

In parallel with the hegemonic model of masculinity, in the discourse of the exemplary socialist magazine, there exists (barely noticeable) the image of a man who does not seek to get along with the hegemonic, i.e. normative masculinity, and remains deprived of obtaining some kind of patriarchal dividend and is symbolically assimilated into femininity

(*Durić Paunović & Stevanović* 2019: 290). In other words, he represents a man with weak gender features - a non-subject (*Oraić Tolić* according to *Durić Paunović & Stevanović* 2019: 290). That (and such) man was used as a conscious opposition to the hegemonic model that remains the dominant concept of masculinity in the narratives of the women's magazine „Bazar“. For example, one of the few characters who belongs to an *alternative model of masculinity* is an anonymous man who, in the column „In four eyes“ under the pseudonym „Loner“, seeks the advice of psychologist Ana Jugović and the help of the magazine's editors in his search for a „soul mate“ because, due to illness, „he didn't have time to live through boyhood and youth, so he can't establish contact with girls and he doesn't know how to manage in today's time“ (number 221, year X, July 13, 1973, p. 50).

However, despite the fact that both the hegemonic and the alternative models of masculinity are presented in the discourse of the women's magazine „Bazar“, it is more than obvious that the preference is given to the hegemonic type. One of the examples of the magazine texts that very vividly illustrates the above is the article entitled „Sirote — one“ („Poor — them“, number 225, year X, September 8, 1973, *Danilo Ružić*). It talks about an extremely important parameter that defines gender relations — the distribution of household duties. Already in the introduction of the text, the journalist asks a question that shapes the further narrative in, if not a sarcastic, then a humorous connotation: „Are there only few husbands who hide under their wives' laps, are there just few hen-pecked husbands?“. In the first part of the article, a couple of men from the Yugoslav public scene are presented in a (for a socialist society) gender atypical way — well-known actors, musicians and socio-political workers appear in traditionally female roles. Namely, the magazine narration tells the story of the cartoonist Feri Pavlović who goes to the market and prepares the best barbecue in Vračar (such that „his wife can't stop eating“); of the actor Ljubiša Samardžić, who „wraps around his wife, who is pregnant again“ and whom „every grocer in Dušanovac market knows“; of the adviser of the Foreign Affairs Federal Secretariat, Tonči Kolendić, who is waiting for the press team in the kitchen, wiping the dishes, etc. The photos accompanying the first part of the text show the director of the Belgrade Fair, Jaša Rajter, tidying up the kitchen, musician Zafir Hadžimanov bathing his new-born son Vasil, and RTS presenter Svetislav Vuković showing the living room decorated „with his own hands“ in his home. In the second part of the text, on the other hand, there are parts of the conversation with the water polo player Zoran Janković, who believes that „the very attempt to help his wife with household chores could, on her part, be interpreted as an insult“, and the statement of physical worker Desimir Jevtić (whom the journalist team found on the street doing his regular job) is quoted as well: „What, can you imagine me doing women's work? Are you normal? Who do you think I am? Terrible times have come — men doing women's chores, and women doing men's work!“ In the context of the dominance of the hegemonic over the alternative model of masculinity, it is particularly interesting to comment on two more „Bazar“ columns — „Confession of a gynaecologist“ and „Men are suffering“. In the first of them, from issue to issue, topics from the field of reproductive health / practices / experiences are discussed. The sixth part of the said column, under the humorous title „How a 'hero' was scared“ (number 221, year X, July 13, 1973, p. 51, unsigned), tells the story of a husband who becomes hysterical at the moment of his wife's delivery and faints (while his incredibly disciplined wife stoically endures the pains of childbirth), which actually puts on the „pillar of shame“ those men who are afraid of blood, who are not capable of providing moral support to their wives in the delivery rooms, who do not have enough courage to take a new-born in their arms, etc. Another

column, signed by Jovo Prižkoža, consists of texts that humorously describe everyday life of a Yugoslav man. Thus, for example, in the episode called „Thieves in the House“ they make fun of the so-called „blind men“ — men who live with mothers- and sisters-in-law, who are not able to earn money for a new car and a good TV, who do not know how to fix the tap in the bathroom, who listen to what they are told, who go around „scrappy“, etc. (number 224, year X, August 25, 1973, p. 9).

Conclusion

Based on the analysis of the research sample, which included the editions of the women's magazine „Bazar“ from 1973 (issues 208–233), it is clear that the media texts published in the exemplary socialist newspaper actively participate in the construction and reproduction of both „femininity“ and „masculinity“, but also on what kind of gender relations are desirable in a certain socio-historical context (see Vujović 2016: 276). Namely, in the media discourse of the women's magazine „Bazar“, in addition to the main female character — a beautiful, young, modern and well-groomed woman who is successful in all fields (at work, at home, as a wife, mother, housewife) — there is also a *caring and self-sacrificing father / husband / partner, successful in his field, a modern man*. In the media narrative of one of the most popular Yugoslav women's magazines, male characters are assigned three main roles — *He* is portrayed as 1) a *pater familias*, 2) a successful businessman, and 3) a modern man who follows fashion trends and keeps „in step with the times“. Therefore, the roles assigned to men in the media discourse of the women's magazine „Bazar“ are stereotypical and in accordance with the social constructs of the time, i.e. collective ideas about gender: women are mostly portrayed in the media in the home environment, as subservient, passive, focused on the family / children and preoccupied with their appearance, while men are the ones being outside the home, active, having power, dominance and control (see Vujović 2016: 5). In other words, the man is, in a discursive sense, unambiguously positioned in his gender role of „small and apparent master“, derived from the *hegemonic model of masculinity*. In the narratives of the exemplary socialist magazine, other/different/alternative masculinities, „which exist in every community synchronously with the hegemonic, are stigmatized, invisible and within the liminal zone of non-subjects“ (Đurić Paunović & Stevanović 2019: 298). One can assume that the strengthening of the hegemonic model of masculinity in the media discourse of the women's magazine „Bazar“ stems from gender (not sexual) duality within the binary patriarchal matrix that Yugoslav society inherited from the period that preceded socialism, and that it aims to strengthen the hegemonic cultural beliefs about gender roles in patriarchal societies. The above is vividly illustrated by part of the magazine article „Da sam muško“ („If I were a man“, issue 232, year X, December 15, 1973, pp. 10–11, Danilo Ružić):

„And generally, a kind of unusual time has come. A woman strives to equalize with a man in everything, and by God, a man does the same in some respects with a woman. As a result of these efforts, in recent years it has become increasingly difficult to distinguish who is male and who is female on the street. A child, galloping behind the back of his modern parents, often does not know who his mother and who his father is. Everything else is the same — long hair, bright colors, shoes with high heels. [...] Today, men walk around with aprons on their bellies and tote bags in their hands. Everything got messed up.“

Flipping through the pages of „Bazar“, it becomes clear that despite the change in the social paradigm in the years after the Second World War (the introduction of the socialist principle of equality as the dominant matrix in social / gender / economic / family relations), the policy of the male gender representation actually kept the same, precisely codified, patriarchal form — the man is dominant / the woman is subordinate to the man (see *Vujović* 2016: 9). In this regard, it could be said that in the narratives of the exemplary Yugoslav magazine, the primary function of the male characters was actually to complement the female ones — without *Him*, even the woman herself could not be portrayed as fulfilled in the roles that the socialist society primarily assigned to her, i.e. *She* would be neither a wife / partner nor a mother. The above is vividly illustrated by magazine articles (rather numerous) in which female characters are portrayed exclusively through their relationship with a man („Morin, žena ribara iz Ostendea“ / „Mauren, a fisherman’s wife from Ostend“, number 231, year X, December 1, 1973, p. 9, unsigned; „Pikasova golubica“ / „Picasso’s Dove“, number 225, year X, 8 September 1973, pp. 52–53, Lj. T.; „Muž, ili kako ga obući“ / „The Husband, or How to Dress Him“, number 231, year X, 1 December 1973, pp. 18–19, Čedomir Čedomir, etc.). Shifts in favour of gender sensitivity — those pointing to the importance of maturing of the concept of gender and gender equality in the socialist Yugoslav society — are almost imperceptible in the media discourse of the women’s magazine „Bazar“. Even in cases of rare breakthroughs from traditional gender roles, male actors were immediately returned to patriarchal frameworks of behaviour. Bearing in mind the fact that the annual circulation of Serbian women’s magazines (including „Bazar“) ranged from 250,000 to 350,000 copies (*Todorović* 2012), it can be assumed that, supported by specific mechanisms of the so-called „prints on glossy paper“ (Dardigna according to *Todorović* 2012)¹, the implementation of stereotypical messages / traditional gender roles in accordance with the patriarchal matrix was carried out on extremely „fertile soil“. Consequently, we come to the conclusion that the (primarily female) reading audience, in the social conditions of the 1970s, could not / did not want to recognize / decode these (and such) media messages, and form critical attitude towards them. The media images of men at the time could be different if certain individuals knew how to perceive the way(s) in which the Yugoslav media culture conveyed dominant representations of gender, influencing opinions and behaviours, create a critical distance towards the works of media culture and thus gain power over their culture (see *Kellner* 2004: 104–105). Therefore, it would be useful (and interesting) to turn some of the future work in the field of masculinity studies towards the reading audience of women’s magazines.

Sources

Bazar, issues 208–233.

References

- Banović, B. 2011. (Ne)mogućnost istraživanja tradicionalnog crnogorskog maskuliniteta [The (Im) possibility of Research on Traditional Montenegrin Masculinity]. *Antropologija* 11 (1): 161–180. <https://antropologija.com/index.php/an/article/download/292/288>

¹ These include: the content belonging to a light genre, the visual moment which is more important than the textual one, photography dominating the text, aestheticism, attractiveness for advertising, etc. (see *Todorović* 2012).

- Bogdanović, B. 2022. Zlatibor Knitters in the Socialist Yugoslavia Media Discourse. *Vestnik antropologije (Herald of Anthropology)* 3: 89–98. <https://www.doi.org/10.33876/2311-0546/2022-3/89-98>
- Bogdanović, B. 2023. Women's Press in Socialist Yugoslavia — Media Portrayal of Dobrila Smiljanić in the Women's Magazine 'Bazar'. *Glasnik Etnografskog instituta SANU* 71 (3): *in press*.
- Connell, R. W. 1995. *Masculinities*. Berkeley & Los Angeles: University of California Press. 295 p.
- Connell, R. and J. Messerschmidt. 2005. Hegemonic Masculinity: Rethinking the Concept. *Gender & Society* 19 (6): 829–852. <https://www.doi.org/10.1177/0891243205278639>
- Đurić Paunović, I. and K. Stevanović. 2021. Književni tekst i čitanje maskuliniteta [Literary Text and Reading of Masculinity]. *Književna istorija — časopis za nauku o književnosti* 51: 287–301.
- Gill, R. 2000. *Gender and the Media*. Cambridge: PolityPress. 296 p.
- Glover, D. and C. Kaplan. 2000. *Genders*. London–New York: Routledge. 224 p.
- Jarić, I. 2013. The Construction of Hegemonic Female Gender Roles in Serbian/Yugoslav Women's Magazine Bazar. *Sociološki pregled* XLVII (3): 401–437.
- Kimmel, M. 1994. Masculinity as Homophobia: Fear, Shame, and Silence in the Construction of Gender Identity". In *Theorizing Masculinities*, ed. by H. Brod and M. Kaufman. Thousand Oaks, CA: Sage. 119–141.
- Mc Robbie, A. 2000. *Feminism and Youth Culture*. London: Macmillan. 225 p.
- Nedeljković, S. 2010. Maskulinitet kao alternativni parametar etničkog identiteta — Crnogorci u Lovćenu [Masculinity as an Alternative Parameter of Ethnic Identity — Montenegrins in Lovćenac]. *Etnoantropološki problemi* 5 (1): 51–67.
- Papić, Ž. 1981. Socijalizam i tradicionalno stanovište o odnosu polova [Socialism and Traditional Viewpoint on the Relationship between the Sexes]. *Marksistička misao* 4: 29–32.
- Pavićević, O., L. Kron and B. Simeunović-Patić. 2013. *Nasilje kao odgovor: socijalne i psihološke implikacije krize* [Violence as a Response: Social and Psychological Implications of the Crises]. Belgrade: Institut za kriminološka i sociološka istraživanja. 235 p.
- Petrović, E. 1985. Kultura ženstvenosti [The Culture of Femininity]. *Etnološke sveske* 6: 51–56.
- Rosić, T. 2012. Panika u redovima tj. Balkan, zemlja s one strane ogledala [Panic in the Ranks, ie. the Balkans, the Country beyond the Mirror]. *Sarajevske sveske* 39/40: 49–71.
- Silverman, K. 1992. *Male Subjectivity at the Margins*. New York&London: Routledge. 464 p.
- Slapšak, S. 2004–2005. Masculinities and Sexuality after 1968 in the Balkans. *ProFemina* 37/40: 164–180.
- Stojaković, G. 2013. *Rodna perspektiva u novinama Antifašističkog fronta žena (1945–1953)* [Gender Perspective in the Newspaper of the Women's Anti-Fascist Front (1945–1953)]. Novi Sad: Zavod za ravnopravnost polova. 362 p.
- Šmale, V. 2011. *Istorijska muškost u Evropi (1450–2000)* [A History of Masculinity in Europe (1450–2000)]. Beograd: Klio. 351 p.
- Todorović Uzelac, N. 1987. *Ženska štampa i kultura ženstvenosti* [Women's Press and the Culture of Femininity]. Beograd: Naučna knjiga. 145 p.
- Todorović, N. 2012. Od štampe srca do štampe novčanika: savremeni ženski časopisi [From Heart Printing to Wallet Printing: Contemporary Women's Magazines]. *Knjiženstvo, časopis za studije književnosti, roda i kulture* <http://www.knjizenstvo.rs/sr/casopisi/2012/zenska-knjizevnost-i-kultura/od-stampe-srca-do-stampe-novcanika-savremeni-zenski-casopisi#gsc.tab=0> (accessed November 21st 2022).
- Vujović, M. 2016. Komparativna analiza reklamne fotografije i reprezentacije roda u socijalističkoj i tranzicijskoj Srbiji [Comparative Analysis of Advertising Photography and Representation of Gender in Socialist and Transitional Serbia]. Doctoral dissertation, University of Arts in Belgrade.
- Vujović, M. and A. M. Prokopović. 2018. *Ženska štampa u socijalističkoj Jugoslaviji* [Women's Press in Socialist Yugoslavia]. *Kultura* 161, 152–169.

УДК 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2023-4/118-135

Научная статья

© С. А. Абдулкаримов

СПОРТИВНЫЙ ФЕМИНИЗМ: ВЫЗОВЫ ЭМАНСИПАЦИИ

В данной статье автор рассматривает женский спорт в контексте эволюции гендерных отношений, самоутверждения женщин в процессе исторического развития общества. Как авангард женской эмансипации, спортивный феминизм демонстрирует преодоление патриархатных устоев, совершенствование полоролевых отношений, через игры и состязания позиционирует женщин как равных партнеров с мужчинами. Особое внимание в статье уделяется трансформации гендерных стереотипов, имиджа и статуса женщин в спорте сквозь призму метаморфоз и парадоксов социальной истории различных региональных, социальных, культурных групп и женского спортивного движения в целом.

Глобальные изменения, связанные с переходом к информационной эпохе, сопровождаются ростом экономических кризисов, массовых миграций, культурных конфликтов, пандемий и войн. Новые реалии противостоят досовременным социальным порядкам, стимулируют совершенствование человеческих отношений, преодоление многочисленных противоречий, в числе которых особо выделяются взаимоотношения полов. Гендерное равенство остается одним из ключевых вопросов модернизации общества. Спортивный феминизм, авангард женской эмансипации, возникший в русле общественно-политического движения женщин в ответ на мужское доминирование, актуализирует положение женщин в обществе, выражает их самоутверждение через спорт, как наиболее организованную форму борьбы за равные с мужчинами права. Спортивные арены выступают платформой демонстрации социальных проблем, связанных с гендерным неравенством в оплате труда, сексиуализации женского тела и т. п.

Ключевые слова: феминизм, спорт, игра, состязания, гендер, эволюция, самоутверждение, эмансипация, женский, патриархатный

Ссылка при цитировании: Абдулкаримов С. А. Спортивный феминизм: вызовы эмансипации // Вестник антропологии. 2023. № 4. С. 118–135.

UDC 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2023-4/118-135

Original article

© Soultan Abdulkarimov

SPORT FEMINISM: CHALLENGES TO EMANCIPATION

The article explores women sport in the context of gender relationship evolution, female self-affirmation in the process of historical development of society. As vanguard of female emancipation sport feminism displays overcoming of androcentric founda-

Абдулкаримов Султан Абдуллович — к. и. н., независимый исследователь (Российская Федерация, Москва). Эл. почта: abdsult@bk.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7689-0783>

tions, perfection of gender relations, puts up the women as equal partners with men. I focus on transformation of gender stereotypes, image and status of women in sport through the prism of metamorphoses and paradoxes of the social history of different regional, social, cultural groups and female sport movement on the whole.

Global changes associated with the transition to the information age are accompanied by growing economic crises, mass migrations, cultural conflicts, pandemics and wars. New realities confront the pre-modern social orders, stimulate the improvement of human relations and the overcoming of numerous contradictions, among which gender relations stand out. Gender equality remains one of the key issues of social modernization. Sports feminism, the vanguard of women's emancipation, which emerged in the context of the social and political movement of women in response to male domination, actualizes the position of women in society, expresses their self-affirmation through sports as the most organized form of struggle for equal rights with men. Sports arenas serve as a platform for demonstrating social problems related to gender inequality in wages, sexualization of the female body, etc.

Keywords: *feminism, sport, game, competitions, gender, evolution, self-affirmation, emancipation, female, androcentric*

Author Info: **Abdulkarimov, Sultan A.** — Ph.D. in History, Independent Researcher. E-mail: abdsult@bk.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7689-0783>

For citation: Abdulkarimov, S. A. 2023. Sport Feminism: Challenges to Emancipation. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 4: 118–135.

От развлечений к состязаниям

В исторической ретроспективе социальный образ женщины первоначально складывался, как маргинальный образ патриархальной среды (*Hunter 1976: 7–17*). Согласно традициям домостроя, женщины веками сохраняли ментальные основы исконных культур. Исполняя высокую миссию социального и культурного воспроизводства, они выступали исключительно хранительницами семейного очага, занимались домохозяйством, семьей и материнством. Участие женщин в состязательных играх в доиндустриальный период в большинстве случаев считалось предосудительным поступком. Они не допускались к Олимпийским играм в античной Греции ни в качестве участниц, ни в качестве зрителей, позднее и в монотеистических культурах им запрещалось участвовать в публичных играх и состязаниях¹. Только промышленная революция и просвещение подорвали традиционные формы мужского превосходства. Начало феминистского движения в Европе, по времени совпавшее с рождением организованного спорта, способствовало развитию женской эмансипации через интеграцию в спортивные игры и состязания. Уже первые идеологи феминистского движения подчеркивали важность самоутверждения женщин через активное включение в спорт (*Tolvhed 2013: 274; Faust 2019: 88–89*), который будучи изобретением мужчин и доменной мужской культуры, выступал демонстрацией женской эмансипации (*Giuliano et al. 2010*).

Начиная с XVIII века, в странах Британского Содружества представительницы высших аристократических кругов все активнее включались в занятия теннисом,

¹ Хотя в истории известны исключения. Так было в 1427 г. в Париже, когда некая аристократка Марго де Эно заняла первое место в теннисе, обыграв мужчин своего круга (*Гуттман 2016: 60*).

гольфом, крокетом, плаванием, верховой ездой, фигурным катанием, стрельбой из лука (*Chitirum et al. 2014: 26–27*). Причем первоначально они имели не столько состязательный, сколько развлекательный характер. Впервые в этот период появились женские спортивные клубы по интересам, в программы женских образовательных учреждений, наряду с другими предметами, стали включать гимнастику, теннис, гольф, крокет. Однако прошло еще достаточное время, прежде чем женщины смогли окончательно утвердиться в командных состязаниях, легкой атлетике и единоборствах.

По сравнению с континентальной Европой, процессы спортивизации женской половины общества более активно проходили в Великобритании и странах Нового Света. Во многом, это было связано с более масштабным и организованным феминистским движением в протестантских англоязычных культурах, которое проникло во все сферы жизни, включая спорт. Активная деятельность организаций суфражисток в странах Британского Содружества послужила заметным толчком к росту и активизации женского спорта, ставшего инструментом консолидации и борьбы феминисток за женские права¹.

В самой континентальной Европе к телесным практикам и физическим нагрузкам первоначально относились преимущественно с позиции коллективной гимнастики, «воспитания тела в военных целях». Организованные спортивные игры и их универсалистские установки воспринимались, как политика культурного империализма Англии, или, по меньшей мере, как «английские забавы». Спортивные занятия женщин во многом были роскошью, которую могли себе позволить лишь представительницы обеспеченных слоев в качестве досуга и свободного времяпрепровождения. Игры, подобно крокету и теннису, стимулировали молодежь обоих полов к активному общению, знакомствам, флирту (*Jensen 2010: 21*). Для молодых французских теннисисток, например, было гораздо важнее выглядеть на кортах в безупречно чистом виде и как можно привлекательней, чем хорошо играть. Об этом косвенно свидетельствует далеко не соответствующая удобствам игры форма одежды любительниц тенниса — платья, шляпы, блузы с длинными рукавами (*История тела 2014: 297–298*). Согласно английскому спортивному справочнику 1903 г., для молодых француженок теннис был одним из любимых развлечений, причем, как правило, среди них было мало хороших игроков (*История тела 2014: 298*). Игра выступала в качестве саморекламы, своего рода ритуала сословной принадлежности.

Если до середины XIX в. в Европе женский спорт ограничивался дворянским со словием, то начиная со второй половины столетия он стал увлечением женщин среднего класса — адвокатов, врачей, учителей, служащих, представительниц свободных профессий, что привело не только к значительному расширению его социальной базы, но и изменению характера физической активности. Спортивные занятия все больше стали восприниматься не столько как развлечения, сколько как состязания, ориентированные на воспитание духа соперничества, моральных и волевых качеств, вызванных ростом конкурентной буржуазной среды. Командный спорт, ориентированный на солидарность и сотрудничество женщин в пику неигровым состязаниям, развивающим «эгоистический индивидуализм» приобрел особое значение в женской спортивной культуре (*Гуттман 2016: 273–274*). К началу XX в. в Европе и Северной

¹ В целях развития навыков самообороны во время уличных столкновений с полицией суфражистки активно осваивали приемы джиу-джитсу под руководством опытных японских мастеров (*Суфражистки 2019*).

Америке во многих учебных заведениях женщины активно осваивали такие командные игры, как софтбол, баскетбол, лякресс, хоккей (*Marshall* 2013).

Среди наиболее успешных спортсменок заметно выделялись представительницы маргинальных слоев общества. Так, например, накануне Первой мировой войны в европейских странах представительницы еврейской диаспоры выступали в авангарде женского спортивного движения, как и женской эмансипации, в целом (*Guttmann* 1991: 182). В Германии, например, долгие годы они были в числе сильнейших теннисисток страны (как и в других видах спорта — С. А.), для которых гендерные установки в условиях роста этнонационализма и антисемитизма в Европе усиливались национальными мотивами самоутверждения (*Pfister; Niewerth* 1999: 294).

В целом, до Первой мировой войны на фоне широких модернизационных процессов и актуализации гендерных отношений женщины состоятельных слоев общества были авангардом женского спортивного движения, их участие в организованных играх и состязаниях выступало инструментом консолидации и показателем проявления женской эмансипации. Вопреки канонам семейных ценностей и патриархатных установок женщины через спорт демонстрировали чувство собственного достоинства и независимость. Постепенно женские соревнования перешли из мира развлечений в разряд состязаний, что подспудно способствовало не только усилению гендерного соперничества и противостояния женщин против мужского доминирования и авторитаризма, но и началу кризиса мужской маскулинности.

Эпоха трансформаций

Мощным катализатором революционных изменений гендерных отношений стала Первая мировая война, положившая начало массовой спортивизации женской половины общества. В условиях военного времени женщины всех слоев без публичных лозунгов выступили единым фронтом вместе с мужчинами в тылу и на передовой. Многие феминистки в Европе и странах Нового Света переключились с уличных демонстраций за права женщин на различные патриотические акции под лозунгом ура-патриотизма. В передних рядах патриотического движения оказались представительницы рабочего класса. Заменив мужчин на производстве, они демонстрировали самоотверженность и жизнестойкость в цехах предприятий. Война не только способствовала всеобщей мобилизации человеческих ресурсов, максимальной концентрации энергии, сил общества, но и имела далеко идущие последствия в женском спортивном движении. Участвуя в различных благотворительных состязаниях, рабочие женщины активно интегрировались в спорт. В результате пролетаризации спортивного движения в Великобритании за период 1914–1918-х гг. появилось более 150 женских футбольных команд (*Williams* 2017: 2). Во Франции рабочие женщины, блистая игрой в регби (*баретта*), собирали целые стадионы (*Furse* 2019), в Германии получила свое развитие женская легкая атлетика (*Pfister* 2000: 5), в Италии стал популярным женский баскетбол (*Giani* 2022).

Усвоенные прежде индивидуальные игры-развлечения в женском спорте уступили место командным состязаниям. Нарушив прежний гендерный порядок, война стимулировала социальную активность всех слоев женского общества. Захватив их своим азартом и зрелищностью, спорт стал отдушиной в условиях психологического напряжения и тяжелейших испытаний. Сублимируя отрицательную энергию, он

способствовал нарушению устоявшихся ценностей домостроя и началу массового самоутверждения женщин в общественной жизни, укреплению чувства коллективной солидарности, самодостаточности, движению к гендерному равноправию в семье и публичном пространстве.

Послевоенные 1920-е годы демонстрируют продолжение массового подъема феминизма. Психологический синдром военного времени сменился активной жизнестроящей позицией женщин в общественной жизни. И хотя с возвращением мужчин с фронтов рабочие женщины были вынуждены покинуть производство и вернуться в семьи, многие из них остались работать на предприятиях, одновременно занимаясь домохозяйством. В результате заметного сокращения мужского населения в годы войны женщины заняли опустевшие ниши в экономике и социальной сфере. Времена суфражизма, уличных пикетов, стычек с полицией постепенно ушли в прошлое. В Европе, США, Канаде и Австралии женщины получили избирательные права (*Pfister 2000: 5*). С переходом к мирному времени они устремились в офисы, на производство, спортивные клубы и ассоциации открыли им свои двери. В некоторых странах стали организовываться «дни женских игр», культ молодости, здоровья приобрел небывалый размах (*Гуттман 2016: 69*).

Начавшаяся пролетаризация женского спорта в годы войны, в мирное время нашла свое продолжение широкой активизацией трудового спортивного движения, во многом связанного с введением восьмичасового рабочего дня и появлением свободного времени у работников предприятий (*Hoch 1972: 76*). Организованный спорт стал дополнять организованный промышленный труд, выступать не только отдушиной и средством аффективной разрядки, но и катализатором коллективной солидарности и единения женщин. Спортизация работников производства сопровождалась образованием рабочих спортивных федераций, проведением регулярных международных рабочих олимпиад, в которых женщины имели возможность проявлять себя, устанавливать рекорды (*Wheeler 1978: 201; Pfister 2000: 9*). В Германии, например, в эти годы, после многолетнего культурного конфликта с народной гимнастикой окончательно утвердилась легкая атлетика с участием бывших активисток *Turnverein* (*Pfister 2000: 5*). Массовое включение женщин в спортивное движение способствовало институционализации и профессионализации женского спорта, организации международной женской спортивной федерации (1921 г.), проведению Мировых женских игр в Париже (1922 г.), и, наконец, официальному участию женщин в Олимпийских играх (1924 г.).

Инерция спортивного бума послевоенного периода оказалась настолько мощной, что даже экономический кризис тридцатых годов (1929–1939), потрясший западную цивилизацию вместе с ее колониями, не смог остановить женское спортивное движение. Сокращение предприятий и массовая безработица не имели столь разрушительных последствий в спорте, как в других сферах общественной жизни. Негативно отразившиеся на профессиональном спорте, закрытием многих клубов, снижением зарплат наемых атлетов, они сопровождались небывалым ростом массового любительского спорта и зрелищных состязаний (*Mehaffey 2008: 2*). В то время, как доходы профессиональных клубов заметно упали, а спортивные менеджеры и атлеты искали способы заработать деньги, билеты на популярные спортивные состязания для простых людей оставались доступными. Футбол, бокс, баскетбол, бейсбол, в качестве зрелищ среди многих миллионов людей, оставшихся без работы, приобрели

небывалый размах. Женщин официально признали в гандболе и легкой атлетике. Впервые были проведены женские чемпионаты мира по художественной гимнастике (1931 г.) и велоспорту (1939 г.). Через спортивные занятия, взаимодействие «духа и тела», стала утверждаться идеология маскулинности, независимости и самодостаточности женщин, появились и первые знаменитости, как Гертруда Эдерле, первая женщина переплывшая Ла-Манш в 1926 г., Милдред Дидриксон, суперзвезда гольфа и чемпионка Олимпийских игр 1932 г. в беге на 200 м.

Массовая пролетаризация женщин в годы войны и последующий межвоенный период кардинально изменила их роль в общественной и экономической жизни. Во-преки условиям тяжелых испытаний, глубокого психологического синдрома, конфликтов и неурядиц, упорство, колоссальное напряжение духовных и физических сил способствовали массовому выходу женщин из приватной сферы на широкую столбовую дорогу современности. Наряду с репродуктивными функциями воспроизводства и воспитания детей, они «стали выполнять производительные функции товаров и услуг». Активное включение в производственные и культурно-досуговые связи с индустриальным капитализмом не только трансформировало традиционный имидж женщины-домохозяйки в женщину-работницу, но и заметно расширило участие женщин в спортивной жизни. Институционализация женского спорта стимулировала становление образа современной спортсменки, однако Вторая мировая война на некоторое время приостановила женское спортивное движение, которое с новой силой нашло свое продолжение лишь в послевоенный период.

Эволюция ценностных императив

Вторая мировая война, как и Первая, стала мощным импульсом активизации женского самоутверждения, роста коллективного сознания и эмансипации. Гендерное равенство полов, как основополагающее право человека, закрепленное Уставом ООН в 1945 г., способствовало торжеству гуманистических идеалов гендерных отношений. В послевоенные годы моральное состояние общества характеризуется созданием «беспрецедентной системы взаимных обязательств граждан друг перед другом» (Коллиер 2021: 89). Глубокие перемены после кризисов, депрессий и катастроф сменились периодом стремительного экономического подъема, роста динамики социальных связей и новой волной женского движения. Архитектором, так называемой «золотой эпохи» 1950–1970-х годов, одновременно центром феминизма второй волны стали Соединенные Штаты Америки (Хобсбаум 2004: 298, 335–336). В женском движении чрезвычайно актуализировалась борьба за реализацию полученных прав, фактическое гендерное равенство в приватной и публичной сферах жизнедеятельности, в семье, на работе, в общественной жизни, что нашло отражение и в сфере спортивной культуры возникновением либерального спортивного феминизма, ориентированного на воплощение идеологии гендерного равенства возможностей в жизнь (Hargreaves 2004: 188).

В 1970-х годах, ставших вершиной «золотой эпохи», женщины убедительно заявили о себе в мужском спорте, футболе, регби, гандболе, дзюдо и других маскулинных состязаниях. Подтверждая свою способность конкурировать с мужчинами, в отдельных случаях они порой превосходили их в некоторых видах спорта. Революционным событием стало принятие в 1972 г. в США поправки IX к закону о правах,

согласно которой женщины в учебных заведениях на занятиях спортом получили равные права с мужчинами. В том же году появилась первая женщина-победительница Бостонского марафона, ею стала Нина Кусцик. Теннисный матч 1973 г. между одной из активных феминисток и ведущих американских теннисисток Билли Джин Кинг и бывшим чемпионом мира Бобби Ригсом, получивший громкое название «битва полов», закончился победой Билли, которая не только ускорила предоставление американским студенткам права на получение спортивной стипендии, но и стимулировала движение идеологии гендерного равенства в другие страны и культуры. Покорение Эвереста японкой Дзюнко Табеи и одиночное кругосветное путешествие на яхте полячкой Кристиной Хойновской-Лискевич в середине 1970-х гг. стали продолжением триумфа женщин на поприще спортивной славы.

С 1980-х годов начинается активная коммерциализация спорта. Общество постепенно погружается в состояние дефицита нравственности. Спортивный феминизм под влиянием роста рыночных отношений отходит от гуманистических идеалов, происходит переоценка ценностей. Желание прибыли заменяет собой чистоту помыслов и морали. Прежнее идейное самоутверждение женщин в играх и состязаниях все больше уступает место рациональным меркантильным интересам потребительского общества, все меньше женщин относят себя к разряду просвещенных феминисток. После создания комиссии по маркетингу при МОК (1997 г.), давшей свободу рекламе и бизнесу в олимпийском спорте, послевоенные моральные парадигмы альтруизма и бескорыстной взаимопомощи *de jure* и *de facto* остались в истории (Эпштейн 2008), прежние установки борьбы за равноправие сменились матриархатным идеалом сильных, независимых, а в нередких случаях, и радикально настроенных к противоположному полу женщин. Принципы гендерного равенства уступили ценностям рыночной экономики, просвещенный феминизм, ориентированный на равенство возможностей стал больше идеей, чем движущей силой и вышел за рамки спортивного движения. На арене появился воинствующий феминизм с установкой «равенства результатов». Интенсивная коммерциализация организованного спорта, растущая коррупция, допинговые скандалы и отчаянное желание выиграть любой ценой имманентно трансформировали нравственные ориентиры большинства его энтузиастов и энтузиасток. Сам феминизм все активнее стал выступать коммерческим трендом сильных и независимых женщин. Вместо прежних добродетелей бескорыстия, бесстрастия и честной игры наступило время безудержной гонки за материальной выгодой в угоду деньгам.

Спортивный феминизм незападных культур

К концу XX в. спортивный феминизм значительно расширил географию своего присутствия, охватив страны Азии, Африки, Океании и Латинской Америки. Начало спортивной интеграции незападных культур в современный спорт восходит к новому времени, к периоду активного проникновения европейцев в эти регионы на рубеже XIX–XX вв. Помимо светских институтов и частных лиц, начало организованному спорту в не западных обществах было положено духовными миссиями западно-христианских церквей (Абдулкаримов 2017: 115–117; Синецкая 2019: 76). В значительной степени это коснулось и женского спорта. Многочисленные образовательные учреждения для девочек способствовали самоутверждению слабого пола,

формированию образа «новой женщины», самодостаточной и свободной от предрассудков, во многом имеющей идентичные сходства со светской моделью феминизма (*Washington* 2018: 58). Наряду с христианскими ценностями культуры, образованием, медициной, духовные подвижники в лице маскулинных христиан широко популяризовали современные спортивные занятия, стремясь через них приобщить местное население к христианской цивилизации (*Graham* 1994: 23; *Macaloon* 2009). Благодаря их деятельности в Нигерии в местных школах для девочек появилась английская игра в мяч *нетбол*, легкая атлетика, в Китае — теннис, в Индии — крикет (*Anuanwi* 1980: 150; *Dan Cui* 1996: 269). В школах американских резерваций благодаря христианским миссионерам баскетбол, невзирая на пол, стал излюбленной игрой индейцев и получил название *rezball* (резервационный мяч — С. А.) (*Delsahut, Terret* 2014: 987). Все это в дальнейшем нашло прямое отражение в развитии спортивного феминизма в этих странах.

Начиная с 1990-х годов, периода «третьей волны», наступает пора переосмысления опыта женского движения предыдущих лет. Если идеологии первой и второй волн в значительной степени определялись интересами женщин индустриально развитых культур Европы и Нового Света, то с появлением феминистских движений в незападных сообществах в гендерных противоречиях, наряду с устоявшимися полоролевыми стереотипами, все больше стали давать о себе знать культурные и расовые различия (*Burnett* 2018: 12). Согласно «постколониальному феминизму», женщины стран Третьего мира в период колонизации были подвержены двойной дискриминации, внутренней — как представительницы слабого пола и внешней — как дискриминируемой группы. Все это прямо и косвенно оказало влияние на более длительное сохранение патриархальных устоев в семейной и общественной жизни глобального Юга, в том числе на занятиях спортом (*Riordan* 1986: 293–294).

В отличие от большинства европейских стран и США в которых спорт давно стал сферой равных возможностей, и гендерная риторика относительно участия женщин в спорте потеряла свою былую остроту, в странах глобального Юга вплоть до сегодняшнего дня негативные стереотипы и предубеждения относительно спортивных занятий женщин продолжают сохраняться. Консервативный уклад и верность домострою в африканских и большинстве азиатских культурах существенно снижают спортивную активность женщин, ограничивают их потенциальные возможности в состязаниях, а женская эмансипация воспринимается с деструктивных позиций, ассоциируясь с распадом морали, разрушением семьи. Женщина-спортсменка в глазах окружающих считается отклонением от моральных норм женской этики и далеко не приветствуется не только мужчинами, но и женщинами, следующими семейным традициям (*Meier* 2005: 14). Степень вовлеченности африканских и азиатских женщин в спорт разнятся в зависимости от уровня развития стран, национальных установок и менталитета культур. По оценкам специалистов, в культурах Африки в силу приверженности традициям патриархата, молодые женщины более склонны проявлять себя в традиционных играх, чем состязаться в современном спорте (*Meier* 2005: 20–21), участие в котором воспринимается, как вызов мужской маскулинности. Успешные спортсменки получают плачевный уровень поддержки и вместо похвал чаще подвергаются ostracizmu (*Shehu* 2010). В Зимбабве, например, даже простое посещение женщинами мужских футбольных матчей среди фанатов вызывает открытую враждебность и агрессию. Женщины воспринимаются как источники зла,

неудач и поражений (*Daimon* 2010: 9). Среди азиатских культур в авангарде женского спортивного движения, как и не западного феминизма в целом, выступают более развитые общества Восточной Азии — Китая, Японии и Южной Кореи, которые по уровню своего развития выходят за рамки стран глобального Юга. Женский спорт в этих странах имеет мощную государственную поддержку и финансирование. Из года в год спортсменки стран «конфуцианского пояса» демонстрируют высокую конкурентоспособность и заметные достижения на крупных международных соревнованиях по летним и зимним видам спорта. Значительно уступают им страны мусульманского Востока, в большинстве которых у населения далеко не приветствуется женский спорт. Наиболее продвинутые среди них Турция, Иран, Египет, арабские эмираты активно поддерживают женский спорт на государственном и международном уровне. Образовательные и клубные учреждения в больших городах этих стран позволяют женщинам заниматься спортом в детском и подростковом возрасте. Во взрослой жизни только женщины из обеспеченных семей среднего и высшего класса в оздоровительных целях посещают платные закрытые спортивные клубы и фитнес-центры (*Pfister* 2010а: 39).

В целом, в развивающихся обществах женщины гораздо успешней в индивидуальном спорте и легкой атлетике, чем в командных состязаниях, что не всегда объясняются только экономическими возможностями, спортивной политикой государств и амбициями отдельных спортсменок. В занятиях единоборствами, например, в странах глобального Юга преобладающее большинство женщин мотивировано не столько желанием спортивных достижений, сколько потребностью самозащиты от насилия (*Channon* 2015). В некоторых мусульманских общинах Европы родители к занятиям своих дочерей боксом относятся ни как к спорту, а как к занятиям, которые дают возможность защищать свою честь (*Eberle et al.* 2011). Наиболее заметно это в культурах, которые находятся в зоне конфликтов. В северо-восточных штатах Индии, например, в местах перманентных столкновений мусульман с индусами, среди женщин весьма популярны силовые виды спорта (*Mitra* 2009: 1846, 1849). В турбулентной зоне Афганистана молодые женщины занимаются боевыми искусствами и единоборствами, в которых часто добиваются высоких результатов (*Kipnis, Caudwell* 2015: 41–56; *Amin* 2019: 75–91). Подобные примеры мы наблюдаем в Косово, Сирии, как и в других культурах, находящихся в зоне конфликтов (*Gjevori* 2021; *Kurdish girls* 2014; *Swedish Iman Darabi* 2015).

Оказавшись в орбите мировых социокультурных процессов страны глобального Юга медленно, но верно включаются и в женские игровые виды спорта. Однако, большинство развивающихся стран не в состоянии стабильно поддерживать национальную спортивную инфраструктуру и давать возможности карьерного роста талантливым спортсменкам, что объясняется экономическими возможностями и патриархатными устоями культур. Многие из подающих надежды спортсменок уезжают в высокоразвитые страны Запада с целью карьеры и заработка. Нередко меняя свое гражданство, они заметно ослабляют позиции отечественного спорта и укрепляют без того высокие спортивные достижения западных стран. Оставшиеся же на своей родине спортсменки, испытывая психологическое давление со стороны окружающих, во многих случаях предпочитают бросить спорт, чем продолжать спортивную карьеру. Таким образом, женщины стран глобального Юга имеют гораздо больше возможностей проявлять себя в спорте в эмиграции, чем у себя на родине.

В целом, спортивный феминизм незападных культур не имеет столь радикальный характер, как в странах западной демократии. Ориентированный на свободу и равные возможности, он не носит воинственный характер и не оспаривает лидирующие позиции мужского превосходства. Как и просвещенный феминизм, он лишь претендует на равные гендерные права в спортивном самоутверждении в границах дозволенного.

Женский спорт в России

До Октябрьской революции в России женское спортивное движение, как и организованный спорт в целом, заметно отставали от западных стран. Традиции домостроя ограничивали возможности российских женщин в телесной активности. Спортивные занятия, будучи прерогативой представительниц дворянства и купечества, преимущественно носили оздоровительно-развлекательный характер, к их числу относились крокет, теннис, плавание, верховая езда, велоспорт и другие практики.

Революция стала мощным толчком в развитии массового спортивного движения среди женщин России. Уравнявшая в своих правах мужчин и женщин, она наряду с утверждением культа здорового образа жизни, стимулировала массовую эмансипацию женщин через спорт. С первых лет своего существования Советская власть использовала мобилизационный ресурс, «древавший в дореволюционном спортивном движении». Превратив его в мягкую силу своей идеологии, в «несущие опоры» по созданию «нового человека», она явно и неявно стимулировала женское самоутверждение через физическую культуру и спорт (*Катцер* 2018: 207, 216). Интеграция сокольской гимнастики, командных, индивидуальных состязаний и игр для досуга в новое спортивное движение способствовали выравниванию гендерных отношений, кристаллизации идеальных типов мужчин и женщин (*Mertin* 2009). В 1920–1930-х годах в СССР парады физкультурниц в шортах и теннисках проецировали в массовом сознании новые представления феминности, смену традиционных образов домохозяек в образ «строителя коммунизма». Активное включение женщин в физкультурное движение и массовый спорт стало символом их освобождения от патриархальных уз. Согласно статистике Всеобуча, к 1920 г. из 143 000 советских спортсменов женщин было около 5 000, четыре года спустя их уже насчитывалось 84 000 (Физическая культура 1967). Плакатное искусство и средства массовой информации широко пропагандировали гендерное равенство через спорт под лозунгом борьбы с гидрой отсталости (*Rowley* 2006: 1324, 1333). В пантеоне советских героинь спортсменки занимали почетное место вместе с передовыми труженицами промышленности и сельского хозяйства. Их образы имели патриотическую направленность в русле идеологии советского колLECTивизма, построения общества равных возможностей, свободного от какой-либо дискриминации (*Rowley* 2006: 1336).

Новая спортивная культура 1920-х годов в различной степени нашла свое отражение в гендерном сознании и в наиболее консервативных в культурном отношении территориях с мусульманским населением в Центральной Азии, Северном Кавказе, Урало-Поволжье и Сибири. Через школьную и вузовскую систему спортивные занятия в период развитого социализма стали неотъемлемой частью образования и культуры женщин этих регионов. Высокие достижения спортсменок с татарскими корнями в художественной гимнастике и фигурном катании, как и успехи спортсменок северного-кавказских народов в различных единоборствах, в наши дни далеко не в последнюю очередь объясняются прямым наследием советской эпохи.

По статусу женщин в спорте и динамике женского спортивного движения Советский Союз в 1970–1980-е годы заметно превосходил западные страны. В то время, как на Западе женский спорт функционировал в системе отдельных корпоративных объединений и рассматривался в оздоровительно-репродуктивных и коммерческих целях (*Yuval-Davis* 1997: 47; *Rowley* 2006: 1336), советский спорт, помимо рекреационно-оздоровительных выполнял идеологические функции и имел мощную государственную поддержку. Политические установки консолидации общества на пути строительства социализма вне зависимости от национальных и гендерных различий сопровождались активной институционализацией женского спорта, позволившей СССР по многим показателям максимально уравнять женский спорт с мужским и по многим видам догнать западные страны и долгие годы доминировать на олимпиадах и чемпионатах мира и Европы.

После раз渲ала Союза и вступления России в рыночную экономику женский спорт оказался перед вызовом глобальных изменений. Товарно-денежные отношения привели к кризису гендерной идентичности, смешению полоролевых сфер деятельности, традиционные гендерные образы приобрели новые статусы и смыслы. Женский спорт в новой России качественно изменился. В связи с переходом от спорта-участия к спорту-зрелищу, от любительских к профессиональным состязаниям, гендерное равенство в спортивном движении было нарушено конкуренцией и индивидуализацией общества. Из государственной структуры спорт превратился в систему бизнес-предприятий, что привело к переосмыслению его идеологии и практики. Как и на Западе в сфере заработка стала явно и неявно наблюдаться гендерная асимметрия в виде определенного неравенства в пользу мужчин. Под влиянием ценностей потребительской культуры актуализировалась женская телесность в состязаниях, главными проводниками которой стали средства массовой информации и реклама. Однако при всем этом по многим показателям российский женский спорт сохранил и даже приумножил спортивные достижения советского периода. Традиции советской школы до сих пор дают о себе знать в женском спорте на всем постсоветском пространстве, включая Россию, как в зимних, так и летних видах спорта.

Метаморфозы эмансипации

В наши дни границы человеческой независимости в мире значительно расширились, женщины добились широких возможностей и признания в общественной и политической сферах жизнедеятельности в невиданных прежде масштабах, «мужчины приняли революционные нормы равенства и сотрудничества полов в семье» (*Коллиер* 2021: 262). После юридического закрепления Международным Олимпийским Комитетом (1991 г.) права на включение в олимпийский спорт только тех дисциплин, состояться в которых в равной степени могут представители обоих полов в спорте закрепилось гендерное равенство полов. Увеличилась численность женщин в элитных видах спорта. Если на Олимпийских играх в Лос-Анжелесе в 1984 г. они составляли 24%, а на Лондонской Олимпиаде в 2012 г. — 44%, то в Токио в 2021 г. число представительниц женской половины общества впервые превысило мужских участников Олимпиады — 51%. Помимо растущей популярности женских спортивных состязаний, художественной гимнастики, фигурного катания, синхронного плавания, заметно укрепились рейтинги спортсменок в теннисе, баскетболе, волейболе,

футболе, единоборствах, тяжелой атлетике. В олимпийском спорте после включения женского бокса в программу летних Олимпийских игр 2012 г. уже практически не осталось спортивных дисциплин (кроме некоторых зимних состязаний) не освоенных женщинами.

Однако, освобождение от гендерных предрассудков и достижение формального равенства возможностей не гарантирует полного искоренения гендерных стереотипов и достижение фактического равноправия как в жизни, так и в спорте. Разрыв между риторикой и действительностью по-прежнему сохраняется. В отличие от других сфер современной жизни, в спорте гендерные границы более устойчивы в силу различий физических возможностей мужского и женского пола. Морфологические функциональные особенности женского организма, по сравнению с мужским, ограничивают их физические возможности в состязаниях, которые демонстрируют силу мужского превосходства и «непреодолимую иерархическую дифференцию» (Channon et al. 2016). Как показывает практика, чем больше гендерного равенства шансов в соревнованиях, «тем выше риск неравенства их результатов не в пользу женщин» (Brook 1999: 25; Гуттман 2016: 71). Теоретически женщины способны впрямую состязаться с мужчинами лишь в таких видах спорта, в которых не требуется сила, мощь и скорость (бильярд, боулинг, керлинг, шахматы, автоспорт, пулевая стрельба или стрельба из лука) или в состязаниях, которые ограничиваются мастерством и отвагой (серфинг, альпинизм, скалолазание). В официально принятых же соревнованиях мы наблюдаем это только в конном спорте, где женщины и мужчины выступают в одном зачете.

Если для мужчин участие в состязательных практиках во все времена выступало и выступает подтверждением маскулинности, то для женщин участие в маскулинных состязаниях нарушает природу их женственности, внутреннюю и внешнюю эстетику феминности. Женщины копируют мужчин и стараются избавиться от эволюционного наследия женственности. Результатом этих процессов становятся высокие показатели их телесной и поведенческой маскулинности, нередко в ущерб гендерной самоидентификации, что грозит господством «мужеподобных, непривлекательных и бесплодных женщин» (Больц 2019: 86).

Вместе с тем, в спорте существует и другая сторона женского самоутверждения, когда в условиях потребительской культуры «происходит смещение от канона репродуктивного тела в сторону сексуализированного тела» (Гольман 2018: 139), и феминные качества становятся одним из сильных сторон эмансипации, не меньше, чем всякие спортивные достижения (Bruce 2012). Надолго запомнится для миллионов американских телезрителей женский чемпионат мира по футболу в 1999 г., когда их соотечественница Брэнди Честейн в финале чемпионата, реализовав решающий пенальти, в порыве эмоций сняла с себя футбольку. Этот поступок, благодаря прессе сделал спортсменку более знаменитой, чем сам гол, что впоследствии заставило ее сожалеть о случившемся (Hanson 2012: 15–16). В целях маркетинга немало атлеток за большие деньги часто рекламируются с оголенными телами. В то же самое время, оставаясь заложницами своей внешности, многие спортсменки активно протestуют против своей сексуализации. Нарушение принятого дресс-кода в большом спорте за последние годы вызывает бурные дискуссии общественности. Достаточно вспомнить продолжительные дебаты относительно участия мусульманских женщин в спортивных хиджабах в состязаниях. Или многочисленные комментарии в прессе

после выступлений норвежек на Чемпионате Европы по пляжному гандболу в Варне в 2021 г., вместо бикини надевших шорты, как и немецких гимнасток на Олимпиаде в Токио в том же году, отдавших предпочтение закрытым купальникам. В обоих случаях выступления спортсменок, помимо спортивного самоутверждения, продемонстрировали всему миру неприятие сексизма в состязаниях.

Растущее трансгендерное население на Западе, а вместе с ним и увеличивающаяся численность транс-гендерных атлетов в женском спорте, стало гротескным абсурдом гендерных противоречий и перспектив феминизма в мире спорта. Успешные достижения «феминизированных мужчин» в женской тяжелой атлетике, в плавании, в велоспорте и других состязаниях вызвали широкую волну протестов среди феминисток, аргументировавших свои позиции нарушением прав биологических женщин в соревнованиях. Продолжительные дебаты в прессе и социальных сетях заставили спортивные организации поставить вопрос о правомочности участия «трансов» в женском спорте. А решения Мировой ассоциации регби и Международной федерации плавания (FINA) по отстранению транс-женщин от участия в женских состязаниях лишь усугубили ситуацию, тема трансгендеров в спорте приобрела скандальный характер.

История женского спортивного движения показывает, что если в прежние времена, в периоды новой и начала новейшей истории, спорт выступал прогрессивной силой самоутверждения женщин, то в наши дни коммерциализация, политизация, искусственная смена пола в корне меняют представления гендерных границ и биологической нормативности в состязаниях. На этом фоне все громче заявляет о себе радикальный феминизм с его установкой на нивелирование половых различий и вызовом эволюционной биологии. С одной стороны, женщины, охваченные стремлением «выйти за пределы собственных возможностей», приближаются к мужским спортивным стандартам и гендерный разрыв в спорте заметно сокращается. С другой, несмотря на все эти изменения, спорт остается доменной мужской культуры, по трагической иронии наиболее ярко это демонстрируют трансгендеры, уж не говоря о гендерном неравенстве в сфере управления, заработной платы, политики сексизма в рекламе, Массмедиа (*Messner 2002: 76; Archer, Prange 2019*). Отдельные утверждения, что в процессе эволюции спортивной культуры гендерные различия в состязаниях будут ослабевать, пока остаются лишь декларацией (*Pfister 2010 b: 244–245*). Метаморфозы «женской эмансипации» в лице транс-гендерных атлетов заметно отдаляют перспективы гендерного баланса в состязаниях. Будет ли в будущем спорт в равной степени доменной мужской и женской культуры остается открытым.

Источники и материалы

- Маслова 2014 — *Маслова А.* Спорт меняет не только внешность женщины, но и ее тело в целом // MedDaily [Электронный ресурс]. 3.02.2014. <https://www.meddaily.ru/article/03Feb2014/sspo>
- Суфражистки 2019 — Суфражистки и восточные единоборства // LIVEJOURNAL. Из рубрики «Неизвестная история» [Электронный ресурс]. 2019. <https://www.fscclub.com/history/fame-jiu.shtml>
- Gjevori 2021 — *Gjevori E.* Why “Fighting Like a Woman” in Kosovo Means Winning Olympic Gold in Judo // TRT World [Электронный ресурс]. 2 august 2021. <https://trtworld.com/magazine/why-fighting-like-a-woman-in-kosovo-means-winning-olympic-gold-in-judo-48862>
- Giani M. The girls` Team Game: Tales from 1920/1940s` Italian Women`s Basketball // Playing Pasts [Электронный ресурс]. March 21, 2022. <https://playingpasts.co.uk/articles/gender-and-sport/the-girls-team-game-tales-from-1930-1940s-italian-womens-basketball-part1>

Kurdish Girls — Kurdish Girls Conquer Iraqi Taekwondo Team // The freelibRARY.com [Электронный ресурс]. 17.02.2014. <https://www.thefreelibRARY.com/Kurdish+girls+conquer+Iraqi+Taekwondo+team.-a0359572326>

Mehaffey 2008 — Mehaffey J. Community Sport Flourished During Great Depression // REUTERS [Электронный ресурс]. 2008. October 21. P. 1–4. <https://www.reuters.com/article/us-financial-depression-idUSTRE49K2F720081021>

Swedish Iman Darabi 2015 — Swedish Iman Darabi, the Next Star in Mixed Martial Arts in Europe. Kurds Worldwide 2015 // ECurd Daily [Электронный ресурс]. <https://ekurd.net/swedish-kurdish-iman-darabi-the-next-star-in-mixed-martial-arts-2015-05-20>

Williams 2017 — Williams J. Women, Sport and The First World War // University of Wolverhampton [Электронный ресурс]. 3.08.2017. <https://www.wlv.ac.uk/research/centres/centre-for-historical-research/football-and-war-network/football-and-war-blog/2017/>

Научная литература

Абдулкаримов С. А. Спорт в пространстве времени и культур. М.: Человек, 2017. 207 с.

Больц Н. Размышления о неравенстве. Анти-Руссо / пер. с нем. И. А. Женина. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 270 с.

Гольман Е. Телесные практики женщин в зеркале феминистской дискуссии // Логос. 2018. Том 28. № 4. С. 129–156.

Гуттман А. От ритуала к рекорду: Природа современного спорта / пер. с англ. под ред. В. Нишукова. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. 296 с.

История тела: В 3 т./ Под ред. Алена Корбена, Жан-Жака Куртина, Жоржа Вигарелло. Т. 2. От Великой французской революции до Первой мировой войны / Перевод с франц. О. Аверьянова. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 384 с.

Катцер Н. Спорт как идеальный социальный порядок: к вопросу о советской концепции физической культуры // Социология власти. 2018. Том 30. № 2. С. 206–230. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2018-2-206-230>

Коллиер П. Будущее капитализма / Перевод с англ. Олега Филиппова. М.: Изд. Института Гайдара, 2021. 376 с.

Синецкая Э. А. «Путешествие на Запад» китайской женщины или феминизм в Китае. М.; СПб.: Нестор-История, 2019. 432 с.

Физическая культура и спорт в СССР // Под ред. Ф. И. Самукова, В. В. Столбова и Н. И. Торопова. М.: Издательство «Физическая культура», 1967. 350 с.

Харрисон Л. Евреи, конфуцианцы и протестанты: культурный капитал и конец мультикультурализма. М.: Мысль, 2014. 285 с.

Хобсбаум Э. Эпоха крайностей. Короткий двадцатый век (1914–1991). М.: Изд. Независимая Газета, 2004. 632 с.

Эпштейн Б. Взлеты и падения феминизма // Неприкосновенный запас. 2008. № 4 (60). <https://www.magazines./gorky.media/nz/2008/4/vzlyti-i-padeniya-feminizma.html>

Amin S. N. The Right Way for Me to Do Things for Me: Experiences of Some Afghan Women in Entering and Practicing Karate // Women, Sport and Exercise in the Asia-Pacific Region: Domination, Resistance, Accommodation / ed. by G. Molnor, S. N. Amin and Y. Kanemasu. London and New York: Routledge, 2019. P. 75–91.

Anyanwu S. U. Issues in and Patterns of Women's Participation in Sports in Nigeria // International Review of Sport Sociology. 1980. Vol. 1. No. 15. P. 145–152. <https://doi.org/10.1177/101269028001500105>

Brook B. Feminist Perspectives on the Body. London: Longman Publishers, 1999. 183 p.

Bruce T. Reflections on Communication and Sport: On Women and Femininities // Communication and Sport. 2012. Vol. 1. No. 1/2. P. 125–137. <https://doi.org/10.1177/2167479512472883>

Burnett C. Politics of Gender (in) Equality Relating to Sport and Development Within a Sub-

- Saharian Context of Poverty // *Frontiers in Sociology*. 2018. Vol. 3. 10 October. P. 1–27. <http://doi.org/10.3389/fsoc.2018.00027>
- Channon A.* Approaching the Gendered Phenomenon of “Women Warriors” // *Global Perspectives on Women in Combat Sports: Women Warriors around the World’* / ed. by A. Channon and Ch. R. Matthews. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2015. P. 1–21. https://doi.org/10.1057/9781137439369_1
- Channon A., Dashper K., Fletcher Th., Lake R. J.* The Promises and Pitfalls of Sex Integration in Sport and Physical Culture // *Sport and Society*. 2016. Vol. 19. No. 8–9. P. 1111–1124. <https://doi.org/10.1080/17430437.2016.1116167>
- Chinurum J. N., Lucas O., O’Nell Ch. B.* Gender and Sports in Contemporary Society // *Journal of Educational and Social Research*. 2014. Vol. 4. No. 7. P. 25–30.
- Daimon A.* The Most Beautiful Game or the most Gender Violent Sport? Exploring the Interface between Soccer, Gender and Violence in Zimbabwe // *Gender, Sport and Development in Africa: Cross-cultural Perspectives on Patterns of Representations and Marginalization* / ed. by Jimoh Shehu. London and New York: Routledge, 2010. P. 1–12.
- Dan Cui.* The Cultural Contribution of British Protestant Missionaries to China’s National Development During the 1920s. Ph.D. dissertation. London, 1996. 309 p. <https://www.ethesis.Ise.ac.uk/id/eprint/2413>
- Delsahut F. and Terret Th.* First Nations Women, Games, and Sports in Pre and Post-Colonial North America // *Women’s History Review*. 2014. Vol. 23. No. 6. P. 976–995. <https://doi.org/10.1080/09612025.2014.945801>
- Eberle L., Eder S., Gilbert K.* Sports Clubs Seek to Attract Young Muslim Women // *Spiegel International* 2011. <https://spiegel.de/international/islam-on-the-playing-field-sports-clubs-seek-to-attract-young-muslim-women-a-769693.html>
- Faust F.* Fussball und Feminismus: Eine Ethnografie geschlechterpolitischer Interventionen. Opladen: Budrich UniPress LTd., 2019. 344 p. <https://doi.org/10.2307/j.ctvpnw4ct>
- Furse L. J. Barette*: Le Rugby Feminin in 1920s France // *The International Journal of the History of Sport*. 2019. Vol. 36. Issue 11. P. 941–958. <https://doi.org/10.1080/09523367.2019.1634555>
- Giuliano T. A., Turner K. L., Lundquist J. C., Knight J.L.* Gender and Selection of Public Athletic Role Models // *Journal of Sport Behavior*. 2010. Vol. 30. No. 2. P. 161–199.
- Graham G.* Exercising Control: Sports and Physical Education in American Protestant Mission Schools in China, 1880–1930 // *SIGNS: Journal of Women in Culture and Society*. 1994. Vol. 20. No. 1. P. 23–48. <https://doi.org/10.1086/494953>
- Guttmann A.* Women’s Sports. A History. New York: Columbia University Press, 1991. 339 p.
- Hanson V.* The Inequality of Sport: Women < Men // *The Review: A Journal of Undergraduate Student Research*. 2012. Vol. 13. Issue 1. P. 15–22. <http://fisherpub.sjfc.edu/ur/vol13/iss1/5>
- Hargreaves J.* Querying Sport Feminism: Personal or Political? // *Sport and Modern Social Theorists* / ed. by Richard Giulianotti. New York: Palgrave Macmillan, 2004. P. 187–205.
- Hoch P.* Rip Off the Big Game. New York: Garten City, 1972. 222 p.
- Hunter J.* Images of Women // *Journal of Social Issues*. 1976. Vol. 32. Issue 3. P. 7–17. <https://doi.org/10.1111/j.1540-4560.1976.tb02593.x>
- Jensen E. N.* Body by Weimar: Athletes, Gender, and German Modernity. New York: Oxford University Press, 2010. 200 p. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780195395648.001.0001>
- Kipnis H., Caudwell J.* The Boxers of Kabul: Women, Boxing and Islam // *Global Perspectives on Women in Combat Sports: Women Warriors around the World* / ed. by Channon A., Matthews Ch. R. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2015. P. 41–56.
- Macaloon J.* Muscular Christianity and the Colonial and Post-Colonial Worlds. London and New York: Routledge, 2009. 216 p.
- Meier M.* Gender Equity, Sport and Development: Working Paper. Geneva, Switzerland: Swiss Academy for Development, 2005. 24 p. https://www.sportanddev.org/sites/default/files/downloads/59_gender_equity_sport_and_development

- Mertin E. Presenting Heroes: Athletes as Role Models for the New Soviet Person // The International Journal of the History of Sport. 2009. Vol. 26. No. 4. P. 469–483.
- Messner M. Taking the Field: Women, Men, and Sports. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2002. 239 p.
- Pfister G., Niewerth T. Jewish Women in Gymnastics and Sport in Germany, 1898–1938 // Journal of Sport History. 1999. Vol. 26. No. 2. P. 287–325. <https://www.jstor.org/stable/43609703>
- Pfister G. Women and Olympic Games // Women in Sport / ed. by B. L. Drinkwater. Melbourne: Blackwell Publishing, 2000. P. 3–19.
- Pfister G. Women and Sport in Islamic Countries // Forum for Idraet. February 2010a. P. 35–49. <https://doi.org/10.7146/ffi.v1i1.31586>
- Pfister G. Women in Sport — Gender Relations and Future Perspectives // Sport in Society. 2010b. Vol. 13. No. 2. P. 234–248. <https://doi.org/10.1080/17430430903522954>
- Riordan J. State and Sport in Developing Societies // International Review for Sociology of Sport. 1986. Vol. 21. No. 4. P. 287–303. <https://doi.org/10.1177/101269028602100403>
- Rowley A. Sport in the Service of the State: Images of Physical Culture and Soviet Women, 1917–1941 // The International Journal of the History of Sport. 2006. Vol. 23. No. 8. P. 1314–1340. <https://doi.org/10.1080/09523360600922246>
- Shehu J. Gender, Sport and Development in Africa: Cross-cultural Perspectives on Patterns of Representations and Marginalization. London and New York: Routledge, 2010. 154 p.
- Tabita de Bruin. The History of Canadian Women in Sport // The Canadian Encyclopedia [Электронный ресурс]. 20.10.2013. <https://www.thecanadianencyclopedia.ca/en/article/the-history-of-canadian-women-in-sport>
- Tolvhed H. Sex Dilemmas, Amazons and Cyborgs: Feminist Cultural Studies and Sport // Culture Unbound. 2013. Vol. 5. P. 273–289. <http://dx.doi.org/10.25595/1475>
- Washington G. Christianity and the Modern Woman in East Asia. London and Boston: BRILL, 2018. 264 p.
- Wheeler R. F. Organized Sport and Organized Labor: The Workers' Sport Movement // Journal of Contemporary History. 1978. Vol. 13. Issue 2. P. 191–210. <https://doi.org/10.1177/002200947801300202>
- Yuval-Davis N. Gender and Nation. London: Sage, 1997. 157 p.

References

- Abdulkarimov, S. A. 2017. *Sport v prostranstve vremeni i kul'tur* [Sport in the Space of Time and Cultures]. Moscow: Izdatel'stvo Chelovek. 207 p.
- Amin, S. N. 2019. The Right Way for Me to Do Things for Me: Experiences of Some Afghan Women in Entering and Practicing Karate. In *Women, Sport and Exercise in the Asia-Pacific Region: Domination, Resistance, Accommodation*, ed. by G. Molnor, S. N. Amin and Y. Kanemasu. London and New York: Routledge. 75–91.
- Anyanwu, S. U. 1980. Issues and Patterns of Women's Participation in Sports in Nigeria. *International Review of Sport Sociology* 1(15): 145–152. <https://doi.org/10.1177/101269028001500105>
- Bolts, N. 2019. *Razmishleniya o neravenstve. Anti-Roussko* [Reflections of Inequality. Anti-Russian]. Moscow: Izdatel'skiy dom Visshei shkoli ekonomiki. 270 p.
- Brook, B. 1999. *Feminist Perspectives on the Body*. London: Longman Publishers. 183 p.
- Bruce, T. 2012. Reflections on Communication and Sport: On Women and Feminities. *Communication and Sport* 1 (1/2): 125–137. <https://doi.org/10.1177/2167479512472883>
- Burnett, C. 2018. Politics of Gender (in) Equality Relating to Sport and Development Within a Sub-Sharian Context of Poverty. *Frontiers in Sociology* 3: 1–27. <http://doi.org/10.3389/fsoc.2018.00027>
- Channon, A. 2015. Approaching the Gendered Phenomenon of "Women Warriors". In *Global Perspectives on Women in Combat Sports: Women Warriors around the World*, ed. by A. Channon and Ch. R. Matthews. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2015. P. 1–21. https://doi.org/10.1057/9781137439369_1

- Channon, A., K. Dashper, Th. Fletcher and R. J. Lake. 2016. The Promises and Pitfalls of Sex Integration in Sport and Physical Culture. *Sport and Society* 19(8–9): 1111–1124. <https://doi.org/10.1080/17430437.2016.1116167>
- Chinurum, J. N., O. Lucas and Ch. B. O’Nell. 2014. Gender and Sports in Contemporary Society. *Journal of Educational and Social Research* 4(7): 25–30.
- Daimon, A. 2010. The Most Beautiful Game or the most Gender Violent Sport? Exploring the Interface between Soccer, Gender and Violence in Zimbabwe. In *Gender, Sport and Development in Africa: Cross-cultural Perspectives on Patterns of Representations and Marginalization*, ed. by J. Shehu. London and New York: Routledge. 1–12.
- Dan Cui. 1996. The Cultural Contribution of British Protestant Missionaries to China’s National Development During the 1920s. Ph.D. dissertation, University of London. <https://www.ethesis.lse.ac.uk/id/eprint/2413>
- Delsahut, F. and Th. Terret 2014. First Nations Women, Games, and Sports in Pre- and Post- Colonial North America. *Women’s History Review* 23(6): 976–995. <https://doi.org/10.1080/09612025.2014.945801>
- Eberle, L., S. Eder and K. Gilbert. 2011. Sports Clubs Seek to Attract Young Muslim Women. In *Spiegel International*. <https://www.spiegel.de/international/islam-on-the-playing-field-sports-clubs-seek-to-attract-muslim-women-a-769693.html>
- Epshtein, B. 2008. Vzlioty i padeniya feminizma [Rises and Falls of Feminism]. *Neprikosnovennyi zapas* 4(60). <https://www.magazines.gorky.media/nz/2008/4/vzlety-i-padeniya-feminizma.html>
- Faust, F. 2019. *Fussball und Feminismus: Eine Ethnografie geschlechterpolitischer Interventionen*. Opladen: Budrich UniPress LTd. 344 p. <https://doi.org/10.2307/j.ctvpmw4ct>
- Furse, L. 2019. Barette: Le Rugby Feminin in 1920s France. *The International Journal of the History of Sport* 36(11): 941–958. <https://doi.org/10.1080/09523367.2019.1634555>
- Giuliano, T. A., K. L. Turner, J. C. Lundquist and J. L. Knight. 2010. Gender and Selection of Public Athletic Role Models. *Journal of Sport Behavior* 30(2): 161–199.
- Golmann, E. 2018. Telesnye praktiki zhenshin v zerkale feministskoi diskussii [Corporal Practice of Women in the Mirror of Feminist Discussions]. *Logos. Filosofsko-literaturnyi zhurnal* 28(6): 129–156.
- Graham, G. 1994. Exercising Control: Sports and Physical Education in American Protestant Mission Schools in China, 1880–1930. *SIGNS: Journal of Women in Culture and Society* 20(1): 23–48. <https://doi.org/10.1086/494953>
- Guttmann, A. 1991. *Women’s Sports. A History*. New York: Columbia University Press. 339 p.
- Guttman A. 2016. *Ot rituala k rekordu: Priroda sovremennoego sporta* [From Ritual to Record: the Nature of Modern Sport]. Moscow: Izdatel’stvo Instituta Gaidara. 296 p.
- Hanson, V. 2012. The Inequality of Sport: Women<Men. *The Review: A Journal of Undergraduate Student Research* 13(1): 15–22. https://fisherpub.sjfc.edu/ur/vol_13/issl/5
- Hargreaves, J. 2004. Querying Sport Feminism: Personal or Political? In *Sport and Modern Social theorists*, ed. by R. Giulianotti. New York: Palgrave Macmillan. 187–205.
- Harrison, L. 2014. *Evrei, Konfuziantsy i Protestantsy: kul’turnyi capital i konets mul’tikul’turalizma* [Jews, Confucians and Protestants: Cultural Capital and the End of Multiculturalism]. Moscow: Mysl’. 285 p.
- Hobsbaum, E. 2004. *Epokha krainostei. Korotkii dvadtsaty vek (1914–1991)* [Age of Extremes. The Short Twentieth Century (1914–1991)]. Moscow: Izdatel’stvo Nezavisimaya Gazeta. 632 c.
- Hoch, P. 1972. *Rip Off the Big Game*. New York: Garten City. 222 p.
- Hunter, J. 1976. Images of Women. *Journal of Social Issues* 32(3): 7–17. <https://doi.org/10.1111/j.1540-4560.1976.tb02593.x>
- Jensen, E. N. 2010. *Body be Weimar: Athletes, Gender, and German Modernity*. Oxford, New York: Oxford University Press. 200 p. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780195395648.001.0001>
- Katzer, N. 2018. Sport kak ideal’nyi sotsial’nyi poriadok: k voprosu o sovetskoi kontseptsii fizicheskoi kul’tury [Sport as an Ideal Social Order: about Soviet Conception of Physical Culture].

- Sotsiologiya Vlasti* 30(2): 206–230. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2018-2-206-230>
- Kipnis, H. and J. Caudwell. 2015. The Boxers of Kabul: Women, Boxing and Islam. In *Global Perspectives on Women in Combat Sports: Women, Warriors around the World*, ed. by A. Channon and Ch. R. Matthews. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 41–56.
- Kollier, P. 2021. *Budushchee kapitalizma* [Future of Capitalism]. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaidara. 376 p.
- Korben, A., Z. Z. Kourtin and Zh. Vigarello, eds. 2014. *Istoriia Tela* [The History of Body]. Vol. 2. *Ot Velikoi Frantuzskoi revoliutzii do Pervoi mirovoi voiny* [From Great French Revolution to First World War]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 384 p.
- Macaloon, J. 2009. *Muscular Christianity and the Colonial and Post-Colonial Worlds*. London and New York: Routledge. 216 p.
- Meier, M. 2005. *Gender Equity, Sport and Development*. Geneva: Swiss Academy for Development, 2005. 24 p. https://www.sportanddev.org/sites/default/files/downloads/59_gender_equality_sport_and_development
- Mertin, E. 2009. Presenting Heroes: Athletes as Role Models for the New Soviet Person. *The International Journal of the History of Sport* 26(4): 469–483. <https://doi.org/10.1080/09523360802658077>
- Messner, M. 2002. *Taking the Field: Women, Men, and Sports*. Minneapolis: University of Minnesota Press. 239 p.
- Pfister, G. and T. Niewerth. 1999. Jewish Women in Gymnastics and sport in Germany, 1898–1938. *Journal of Sport History* 26(20): 287–325. <https://www.jstor.org/stable/43609703>
- Pfister, G. 2000. Women and Olympic Games. In *Women in Sport*, ed. by B. L. Drinkwater. Melbourne: Blackwell Publishing. 3–19.
- Pfister, G. 2010 (a). Women and Sport in Islamic countries. *Forum for Idraet* 26(1): 35–49. <https://doi.org/10.7146/ffi.v1i1.31586>
- Pfister, G. 2010(b). Women in Sport — Gender Relations and Future Perspectives. *Sport in Society* 13(2): 234–248. <https://doi.org/10.1080/17430430903522954>
- Riordan, J. 1986. State and Sport in Developing Societies. *International Review for Sociology of Sport* 21(4): 287–303. <https://doi.org/10.1177/101269028602100403>
- Rowley, A. 2006. Sport in the Service of the State: Images of Physical Culture and Soviet Women, 1917–1941. *The International Journal of the History of Sport* 23(8): 1314–1340. <https://doi.org/10.1080/09523360600922246>
- Samukov, F. I., V. V. Stolbov and N. I. Toropov, eds. 1967. *Fizicheskaiia kultura i sport v SSSR* [Physical Culture and sport in the USSR]. Moscow: Izdatel'stvo "Fizicheskaiia kul'tura". 350 p.
- Shehu, J. 2010. *Gender, Sport and Development in Africa: Cross-Cultural Perspectives on Patterns of Representations and Marginalization*. London and New York: Routledge. 154 p.
- Sinetskaia, E. A. 2019. "Puteshestvie na Zapad" kitaiskoi zhenshiny ili feminism v Kitae [Travel to West of Chinese Woman or Feminism in China]. Moscow — Saint Petersburg: Nestor — Istoriiia. 432 p.
- Tabita de Bruin. 2013. The History of Canadian Women in Sport. In *The Canadian Encyclopedia* [Электронный ресурс]. 20.10.2013. <https://www.thecanadianencyclopedia.ca/en/article/the-history-of-canadian-women-in-sport>
- Tolvhed, H. 2013. Sex Dilemmas, Amazons and Cyborgs: Feminist Cultural Studies and Sport. *Culture Unbound* 5: 273–289. <http://dx.doi.org/10.25595/1475>
- Washington, G. 2018. *Christianity and the Modern Woman in East Asia*. London and Boston: BRILL. 264 p.
- Wheeler, R. F. 1978. Organized Sport and Organized Labour: The Workers' Sport Movement. *Journal of Contemporary History* 13(2): 191–210. <https://doi.org/10.1177/002200947801300202>
- Yuval-Davis, N. 1997. *Gender and Nation*. London: Sage. 157 p.

© Н. В. Шалыгина

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ФЕМИНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ В СТРАНАХ ГЛОБАЛЬНОГО ЮГА*

В статье рассматриваются особенности феминистского движения в различных этнокультурных средах стран Азии, Африки и Латинской Америки (Глобальный Юг) на протяжении нескольких десятилетий XX и начала XXI веков. Фокус исследовательского внимания сосредоточен на процессах формирования различных видов гендерной идентичности в рамках как региональных, так и мировых феминистских течений. Основу изложенного материала составляет анализ позиций представителей различных волн мирового феминистского движения и результатов проведения четырех крупнейших Женских форумов, проходивших под эгидой ООН в 1975 г. (Мексика), в 1980 г. (Копенгаген), в 1985 г. (Найроби), в 1995 г. (Пекин). Особое внимание уделено фактографическим данным, опубликованным в рамках справочного документа, подготовленного к 25-ой годовщине Женского форума в Пекине Максин Мулинье, (Maxine Molyneux), Малу А. С. Гатто (Malu A. C. Gatto) и Адрихой Дэй (Adrija Day), и изложенного в виде «Политической декларации» в марте 2020 г. на 64-ой Сессии Комиссии по положению женщин (Political declaration 2020). Сравнительный анализ документов и опубликованных интервью позволил автору данной статьи сделать вывод об основных тенденциях формирования новой гендерной идентичности среди населения стран Азии, Африки и Латинской Америки на современном этапе.

Ключевые слова: феминизм, интерсекциональность, гендерная небинарность, гендерная инклюзивность, женский активизм в странах Глобального Юга, множественная сексуальность, сексуальные меньшинства

Ссылка при цитировании: Шалыгина Н. В. Этнокультурные аспекты феминистского движения в странах Глобального Юга // Вестник антропологии. 2023. № 4. С. 136–156.

Шалыгина Наталья Валентиновна — к. и. н., старший научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (Российская Федерация, 119334 Москва, Ленинский пр., 32А). Эл. почта: etgender@mail.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8636-1162> ID 477066

* Работа выполнена в рамках Плана научно-исследовательских работ ИЭА РАН.

UDC 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2023-4/136-156

Original Article

© Natalya Shaligina

ETHNOCULTURAL ASPECTS OF THE FEMINIST MOVEMENT IN THE GLOBAL SOUTH

The article examines the feminist movement in various ethnocultural environments in Asia, Africa and Latin America (Global South) over several decades of the 20th – early 21st centuries. The research is focused on the formation of various types of gender identity within both regional and global feminist movements. The work is based on the analysis of various waves of the world feminist movement and the results of the four largest Women's Forums held under the auspices of the UN in 1975 (Mexico), 1980 (Copenhagen), 1985 (Nairobi) and 1995 (Beijing). Particular attention is paid to the data published as background paper prepared for the 25th anniversary of the Beijing Women's Forum by Maxine Molyneux, Malu A. C. Gatto and Adrija Day, and adopted as a political declaration at the 64th Session of the Commission on the Status of Women in March 2020 (Political declaration 2020). A comparative analysis of documents and published interviews allowed the author of this article to draw a conclusion about the main trends in the formation of new gender identities among the population of Asia, Africa, and Latin America at present.

Keywords: feminism, intersectionality, gender nonbinarity, gender inclusiveness, women's activism in the Global South, multiple sexuality, sexual minorities

Author Info: Shaligina, Natalya V. — Ph.D. in History, Senior Researcher, the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (Russian Federation, Moscow). E-mail: etgender@mail.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8636-1162> ID 477066

For citation: Shaligina, N. V. 2023. Ethnocultural Aspects of the Feminist Movement in the Global South. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 4: 136–156.

Funding: The study was carried out as a part of the research plan of the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology.

Понятие Глобального Юга стало частью мирового общественно-политического лексикона еще в конце XX в. применительно к таким странам, как Индия, Бразилия, Мексика, Индонезия и целому ряду африканских государств, которые десятилетиями принято было относить к так называемому «третьему миру». Отличительными чертами Глобального Юга сегодня являются быстро развивающаяся экономика, индустриализация и отказ от ценностей так называемого англосаксонского (западного) мира, стремление следовать собственному пути развития на основе культурных традиций, формировавшихся в этих странах веками.

Несмотря на спорность самого термина Глобальный Юг, который не всегда и не во всем отражает даже географические границы обозначаемого им ареала (тропики), он оказался как нельзя более точно «вписанным» в рейтинговые измерения стран по уровню свободы человека — Human Freedom Index. Начало регулярных исследований индекса свободы человека относится к 2015 г., а его организаторами стали Институт

Катона (Cato Institute), Институт Фрейзера (The Fraser Institute) и Фонд Фридриха Науманна (Friedrich Naumann Foundation). Рейтинг стран мира по уровню свободы человека выстраивается на основе 76 показателей, в том числе, таких, как свобода выбора идентичности, свобода выражений и информации, свобода ассоциаций и гражданского общества, надежная защита прав собственности и т. п. Согласно рейтингу 2021 г., показатели личной свободы человека в западных странах нередко в разы превышали аналогичные показатели в странах Африки и Южной Америки (Freedom Index 2023).

Очевидная диспропорция возможностей и перспектив самореализации человека во втором десятилетии XXI в. стала одной из глубинных причин усиления общественных движений в странах Глобального Юга. В Алжире, Судане, Таиланде, Чили, Турции и других странах Азии, Африки и Латинской Америки активизируются протесты молодых активистов, требующих смены правительства и прекращения коррупции, выступающих против миграционной политики западных стран, расистских произволов полиции, массовых расстрелов, набирают обороты экологические движения, движения школьников и студентов в странах Латинской Америки, выступающих против неолиберальных реформ в образовании.

Одной из наиболее характерных черт «бунтарства» новых поколений в незападных странах стало то, что его лидерами все чаще оказываются молодые женщины, транслирующие в общественное сознание новые ценности неолиберального мироустройства. Причины, по которым в странах Глобального Юга именно женщины становятся во главе массовых протестных движений, во многом вызваны активизацией мирового феминизма, прошедшего долгий путь развития и сегодня заслуженно использующего свой авторитет в реализации общественно значимых задач. Но проблема заключается в том, что феминистское движение в странах Азии, Африки и Латинской Америки все очевиднее выбирает свой путь развития, который во многих случаях продиктован иной мотивацией протesta, по сравнению с западным сценарием и далеко не всегда ориентирован на его ценностную составляющую. В то же время собственные цели и задачи новой волны женского движения в странах Глобального Юга вряд ли сегодня можно считать окончательно сформированными. Пока очевиден лишь тот факт, что феминизм в этом регионе нередко приобретает особо радикальные формы и становится чуть ли не эталоном современных общественных движений. В Латинской Америке с 2015 г., например, десятки тысяч женщин выходят на улицы в рамках кампании Ni Una Menos («Ни одной меньше») в знак протesta против отсутствия реакции правительства на насилие в отношении женщин. В Индии регулярно происходят женские марши против групповых изнасилований и сексуального насилия со стороны полиции, которые имеют не меньший общественный резонанс в стране, чем мировые формы движения в поддержку гендерного равенства, такие как «Восстание миллионов женщин» и «Я тоже» (Me Too). Радикализированные формы женского активизма в странах Азии, Африки и Латинской Америки частично объясняются особой молодежной динамичностью, характерной для всего современного мирового женского движения четвертой волны, которая содержит в себе немалый заряд поисковой активности новых поколений.

Среди исследователей феминизма существует достаточно устойчивый консенсус по поводу того, что первые три волны женского движения были ориентированы на более или менее сходные цели и затрагивали почти исключительно гражданские свободы. Так, уже *первая волна* (конец XIX — начало XX вв.) отождествляется с повсеместным

требованием женщин предоставления им избирательных прав, равноправия в семейных отношениях, равной с мужчинами оплаты труда, доступа к высшему образованию и получению профессий, а также доступности для женщин рабочих мест. Характерно, что женский активизм в этот период проявлялся уже не только в Европе или в США, но и в странах, недавно освободившихся от колониального господства. Но при этом женщины-активистки, например, в Латинской Америке в конце XIX в. выдвигали уже не только требования по предоставлению им гражданских свобод, но и политические лозунги, направленные против капитализма и «буржуазных» реформ (*Molyneux* 1985).

Важно и то, что, принимая феминистскую идеологию в целом, бывшие колонии уже в то время стремились адаптировать ее к местному языку и менталитету, в результате чего к началу XX в. в так называемых южных регионах (Южная Азия, Австралия, Ближний Восток и т.д.) начали формироваться этнонациональные вариации феминизма, которые нередко были откровенно направлены против «гегемонии белых» (*Jayawardena* 1986).

Вторая волна феминизма пришла на 1960–1970-е гг. и стала частью масштабного молодежного движения, «выросшего», как полагают многие аналитики, на почве широкого развития высшего образования. Это поколение женщин-активистов уже было открыто идеям социальных и политических перемен, вдохновляясь оппозиционными настроениями молодежи по отношению к апартеиду и войне во Вьетнаме. Лозунгом феминисток второй волны стал маоистский тезис «Женщины держат половину неба». Распространив свое влияние уже на всю Латинскую Америку, Филиппины и другие части света, феминистки второй волны во многом разделяли самые радикальные идеи своего времени. Они откровенно симпатизировали социалистическим идеям, участвовали в антирасистской борьбе и движении за мир во всем мире, боролись за права рабочих. И при этом открыто критиковали неспособность мужчин, возглавлявших левые движения, бороться за права женщин. Феминистки инициировали повсеместное создание исключительно женских организаций, борющихся за справедливую заработную плату, соблюдение своих репродуктивных прав, создание журналов только для женщин, сугубо женских неправительственных организаций (НПО), консультативных групп по вопросам женского здоровья, убежищ от мужского насилия и т. д. Феминистские НПО, начавшие массово возникать в этот период в самых различных регионах мира, свидетельствовали не только о росте солидарности женского движения в целом, но и об увеличении его способностей влиять на решение наиболее актуальных проблем второй половины XX в.

После выхода трудов, повествующих об опыте таких известных черных феминисток, как Белл Хукс, Анджела Дэвис и Одре Лорд, особенно обострилось, например, понимание глубины расового неравенства. Возрастание исследовательского интереса феминисток к изучению разнообразия этнокультурных аспектов сугубо женского опыта в истории привлекло широкое внимание к дискуссиям о проблемах мачизма, борьба с которым являлась едва ли не главной задачей деятельности практически всех женских НПО в Латинской Америке. Академический феминизм второй волны инициировал дискуссии и о теориях патриархата, подвергал критике либеральные концепции демократии, с точки зрения их соответствия принципам гендерного равенства, распределения власти и т. д. Однако большое разнообразие целей неизбежно приводило и к возникновению фракционности феминистского движения, что многие аналитики рассматривают как наиболее слабую сторону второй его волны (*Molyneux* 1985).

Третья волна феминизма (1980–1990-е гг.) ознаменовалась интенсивным проникновением феминистской идеи в глобальную политику. Именно в эти годы в среде феминисток стран Глобального Юга сформировалось осознание необходимости представительства женщин в законодательной и исполнительной ветвях власти, а также в региональной и международной бюрократии. Сама динамика развития феминистских организаций в этот период сместилась на Юг, чему в немалой степени способствовало принятие Организацией Объединенных наций в 1979 г. Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин различной расово-этнической принадлежности (*Elimination of All Forms of Discrimination against Women — CEDAW*) (*Charlesworth, Chinkin 2000*). Женщины-активистки Азии, Африки и Латинской Америки с еще большим энтузиазмом, чем их предшественницы, становились в эти годы журналистками, возглавляли международные неправительственные организации, занимали ответственные должности в университетах, профсоюзах, правительственный учреждениях и международных агентствах. Появившийся термин «фемократия» означал политическое сообщество феминисток, работающих в гражданских, политических и общественных организациях (*Macaulay 2021*).

Активность феминисток третьей волны привела к тому, что в 1975 г. в Мексике на первой Всемирной конференции по положению женщин было провозглашено «Десятилетие женщин ООН», ознаменовавшее начало проведения целой череды общественно значимых мероприятий, посвященных растущей роли женщин в мире. Основное внимание участников каждого проводившегося женского форума на протяжении всего «Десятилетия женщин ООН» было приковано к роли женщин в ликвидации расово-этнической дискриминации. Уже в самой Мексиканской Декларации 1975 г. о равенстве женщин и их вкладе в общемировое развитие впервые в истории ООН было заявлено о неразрывной связи проблем положения женщин с такими острыми проблемами современности, как колониализм, неоколониализм, сионизм, расизм и расовая дискриминация. В 1980 г. в Копенгагене была принята Программа действий, которая в рамках «Десятилетия женщин ООН» учитывала региональные и этнонациональные особенности развития женского движения. В 1985 г. в Найроби прошла еще одна женская конференция под эгидой ООН, на которой состоялось признание значительного роста политического самосознания женщин и их участия в решении этнорасовых проблем в мире. Анализ наиболее значимых итогов «Десятилетия женщин ООН» состоялся в 1995 г. на Четвертой Всемирной конференции по положению женщин в Пекине, собравшей более 30 тыс. женщин из 189 государств мира. Пекинская конференция на своих полях объединила представителей феминистских неправительственных организаций такого уровня, например, как Европейский Союз, Лига Арабских государств и др., а также агентств ООН и многих смежных организаций, ученых из различных областей знаний, активистов на низовом уровне и других представителей мировой общественности. Многие из активисток-делегатов впоследствии уже у себя на родине продолжали работать с местными и региональными феминистскими движениями, продвигая Пекинскую платформу (PFA) в национальное законодательство.

Можно сказать, что все четыре международные Женские конференции под эгидой ООН (1975 г. в Мексике, 1980 г. в Копенгагене, 1985 г. в Найроби, 1995 г. в Пекине) не только стимулировали международное взаимодействие феминисток, но и выработали глобальную стратегию развития мирового женского движения. Одна-

ко, несмотря на эффективные результаты и размах феминистского движения третьей волны, уже к концу 1990-х гг. последовал его относительный спад. Некоторые женщины-активисты, анализируя итоги реализации Пекинской платформы, оценили этот спад как неизбежный результат излишней институционализации или даже ползучей бюрократизации неправительственных организаций (*Alvarez* 1998).

Активистки новой волны женского движения в странах Глобального Юга инкриминировали старшему поколению западных феминисток «отказ от улицы ради офиса», непосредственно связанную с этим утерю творческого потенциала феминистского движения, а также усиление зависимости от государственного финансирования. По мнению, например, угандийских женщин-активисток, занятие высоких государственных и общественно-политических постов ставило женщин в положение, когда их самих уже начинали обвинять в ослаблении борьбы за гендерное равенство: «Женщины-законодатели не вышли из-под страха перед властью мужчин в парламенте и поэтому никогда не осмеливаются говорить... Почему они не могут преодолеть этот социальный барьер, который заставляет их бояться и чувствовать, что они должны исчезнуть в мужском пространстве? Парламент? Некоторые женщины молчат, потому что хотят, чтобы их считали «хорошими женщинами», и поэтому не бросают вызов существующему статус-кво. Это способствует самоуспокоенности мужчин» (*Dhanaraj* 2018). Сторонники же сотрудничества феминистского движения с государственными структурами, напротив, полагали, что таким образом они укрепляют свое политическое влияние и быстрее достигают поставленных целей (*Stetson, Mazur* 1995).

Раскол между хорошо финансируемыми организациями институционализированного феминизма и основной массой «низовых» женщин послужил детонатором возникновения множества так называемых «аутсайдерских» феминистских движений, т. е., массовых движений за права женщин в среде исторически дискриминируемых групп различной расово-этнической принадлежности. Цели «аутсайдерских» феминистских движений с самого начала стали выходить далеко за рамки борьбы женщин за свои права, включив решение и таких жизненно важных для себя проблем, как поддержка «экологической справедливости», сохранение и развитие этнической идентичности, расового равенства и т. п. Подобного рода направления, составляющие суть понятия *интерсекциональность*, присутствовали и в более ранних волнах феминизма, но были менее заметными, так как не выходили за рамки отдельных культурных программ феминистского движения и не затрагивали саму его идеологическую основу (*Sneider* 2008).

Новые же поколения «аутсайдерских» феминисток оказались значительно более решительными уже в силу того, что, по сути, впервые в истории получили возможность отстаивать свои права на институциональном уровне. Ряды чернокожих активисток, первоначально составлявших ядро «аутсайдерских» движений феминизма, довольно быстро начали пополняться и такими группами институционально не признаваемых меньшинств, как лесбиянки, геи, бисексуалы, трансгендеры, гомосексуалисты, интерсексуалы и другими сексуальными меньшинствами, борющимися за свою *инклузивность* (т. е., включенность в институциональную структуру социума). Практически одновременно с сексуальными меньшинствами о признании своих прав в рамках феминистского движения начали заявлять и женщины из числа коренного населения Америки, женщины из этнических групп, стремящихся к сохранению

своей этнической обособленности в Индии (адиваси), и африканские активистки («Национальный совет женщин Кении», «Ассоциация женских клубов в Зимбабве»). Можно сказать, что «белый» майнстрем феминизма, хотя и так уже к тому времени не признаваемый большинством активисток женского движения, окончательно уступил свои позиции интерсекциональности и инклузивности как наиболее приоритетным направлениям дальнейшего развития феминистской идеологии.

В результате четвертая волна феминизма, сформировавшаяся в мире к началу второго десятилетия XXI в., основывалась уже на твердо укоренившихся принципах гендерного разнообразия и интерсекциональности, проводниками которых стало в основном молодое поколение феминисток. Их убеждения, которые складывались преимущественно в университетской среде, отражают постмодернистские идеи (дерридровский «культурный поворот») и ориентированы на идеологию неолиберальной субъективности М. Фуко (Feminism 2018).

По мнению автора теории феминизации неолиберальной субъектности А. Ризерфорд, важную роль в превращении молодых женщин в «идеальных неолиберальных субъектов», сыграл постфеминизм, согласно которому *«...достигнутое гендерное равенство позволило женщинам начать вести независимую агентную жизнь, делая свободный выбор в том, что касается их тела, сексуальности и повседневного потребления. Активной агентности от женщин ожидают в самых разных сферах, от диет и косметических операций до секс- и психотерапии...»* (Rutherford 2018).

Феминистки четвертой волны отличаются от своих предшественниц не только приверженностью новой идеологии постмодерна, но и тем, что имеют совершенно иной опыт организации семейной жизни, по сравнению со своими материами и бабушками, которые могли передать молодым женщинам только те феминистские настроения и устремления, которые были характерны для 1960–1980-х гг. Многие молодые женщины, лояльные феминистским идеям, имеют гораздо более высокий уровень образования, которое доступно уже не только высшим слоям населения, но и большинству представителей других слоев населения, включая самые низшие. Кроме того, подавляющее большинство молодых женщин в современном мире предпочитают работать. И традиционистские культуры в этом смысле не являются исключением. Более того, распространение новых идей и ценностных принципов феминизма четвертой волны в странах Глобального Юга нередко продвигается даже более ускоренными темпами, чем в евроатлантическом пространстве. Недавнее исследование жизненных стратегий образованных молодых женщин арабских стран показало, что 76% из них рассчитывают найти высокооплачиваемую работу, которая обеспечивала бы им не только достаточно высокий уровень жизни, но и полноценную самореализацию (Arab Youth Survey 2020). Такое целеполагание, как правило, влечет за собой и либерализацию сексуальных отношений, и предпочтение эгалитарного образа семейной жизни в целом.

Стремительное продвижение феминистских идей четвертой волны в странах Глобального Юга во многом объясняется новыми технологическими возможностями современных коммуникаций. Цифровые технологии позволяют расширять проблемное пространство феминизма и вовлекать в обсуждение насущных вопросов женского движения все новые и новые регионы и группы населения. В распоряжении молодых феминисток всего мира сегодня оказались многочисленные социальные сети, которые позволяют услышать ранее «молчавшие» голоса, проводить флэш-демон-

страции, демонстрировать видеоролики и т. п. Особенno актуальной технологическая поддержка оказывается в период экономических и политических кризисов, а также в период пандемий, когда возможности живого общения существенно ограничены.

Растущие коммуникативные ресурсы предоставляют феминистскому движению в незападных странах, по сути, неограниченные возможности продвижения собственных интересов. Например, в Бразилии во время избирательной кампании президента Жайра Болсонару в 2018 г. феминистская группа в электронных сетях под названием «Женщины, объединившиеся против Болсонару» (*Mulheres Unidas Contra Bolsonaro, MUCB*) привлекла около 4 миллионов участников (*MUCB 2019*). В Instagram активистки получили более 193 тыс. твитов за три дня (*Uchoa 2018*). Также благодаря усилиям созданной феминистками группы были организованы крупнейшие во всей демократической истории Бразилии акции протеста под руководством женщин, в результате которых в сентябре 2018 г. только в Сан-Паулу на улицы вышли более 100 тыс. человек, в Рио-де-Жанейро — 25 тыс. и еще тысячи в 144 городах по всей стране (*Rossi, Carneiro, Gragnani 2018*).

Сетевая активность бразильских феминисток не снизилась и после прихода к власти Болсонару, которому они инкриминировали откровенно патриархальный стиль управления страной. Но тактика борьбы бразильянок за свои интересы после победы Болсонару была выбрана другая. Так, Джоанна Буриго, основательница феминистской онлайн-платформы *Casa da Mãe Joanna* («Дом мамы Джоанны») и ее молодые соратницы использовали сети, чтобы оказывать давление уже на ход самих политических дебатов. Например, рассылали своим пользователям предложение связаться с ними и рассмотреть какие-либо выгодные условия взаимодействия, но делали это именно в те дни, когда в Конгрессе запланировано обсуждение законопроектов, ограничивающих права женщин, т. е., создавали ситуацию для начала нужного им диалога (*Burigo 2018*).

Использование феминистками вирусных онлайн-кампаний направлено и на пропаганду, и на более эффективную организацию уличных демонстраций, и на бесплатное обучение новых поколений феминистски настроенной молодежи, которое дополняет и расширяет знания, получаемые молодыми женщинами в академической среде. Свободный феминистский университет (*Universidade Livre Feminista*) через онлайн-порталы знакомит молодых бразильянок с транснациональными феминистскими организациями, что в итоге способствует превращению внутренних национальных проблем бразильских феминисток в актуальные темы всего мирового сообщества, привлекающих внимание международных СМИ (*ULF 2023*). Социологический опрос, проведенный в социальных сетях членами группы *MUCB (Mulheres Unidas Contra Bolsonaro — Женский союз против Болсонару)*, определил, что политическая активность бразильских феминисток в 2018 г. оказалась значительно выше, чем в предыдущие годы (*Gatto, Wylie 2022*).

Сетевые коммуникации позволяют бразильским женщинам через все новые и новые хэштеги активизировать такие процессы, как легализация абортов для жертв изнасилования, утверждение интерсекциональности феминистского движения, признание прав ЛГБТ и, что особенно важно, борьбу с расизмом в стране (*Burigo 2016*). Черный феминизм все предыдущие годы был достаточно силен в Бразилии, но приоритеты чернокожих женщин часто не признавались участниками самого движения. В результате такого разделения в среде чернокожих бразильянок постепенно

сформировалось собственное феминистское крыло, которое сегодня является одним из драйверов развития феминистского движения в стране, будучи сопряженным с таким актуальным понятием, как «множественный феминизм». Лидером «множественного феминизма» (*Feminismos Plurais*) в Бразилии стала философ Джамила Рибейро (1980 г.р.), чьи убеждения способствовали формированию собственной общественно-политической идентификации черных бразильянок, ощущающих себя сегодня даже больше феминистками, чем белые женщины среднего класса. Особая активность черных бразильянок, по мнению Д. Рибейро, во многом объясняется тем, что, в отличие от белых женщин, «которые в разгар строительства феминистского движения в Бразилии уже занимали академические кафедры, чернокожие женщины оставались на подчиненных позициях и подвергались эксплуатации не только сексистским обществом, но и расизмом» (*Ribeiro 2021*).

Однако наступление эры интернета не во всех странах Глобального Юга означало автоматическое укрепление возможностей феминистского движения. В Индии, где в 2014 г., одержав победу на выборах, к власти пришла консервативная партия Нарендры Моди «Бхаратия джаната», началось усиление брахманической индуистской политики, неразрывно связанной с укреплением национального государства, не подвластного внешним влияниям. Моди, ранее занимавший пост министра штата Гуджарат, на протяжении 20 лет последовательно выступал против нарушения кастово-общинных традиций в стране и, мягко говоря, не поощрял женское движение. Тем не менее, индийские женщины несколько последних десятилетий не прекращали свою борьбу против патриархального уклада в стране и не без успеха боролись за свои права. Когда Организация Объединенных Наций объявила 1975 год Международным годом женщин, правительство Индии инициировало масштабное исследование о положении женщин в стране, получившее название «На пути к равенству» и охватившее такие сферы, как образование, здравоохранение, представительство в органах власти, состояние доходов и т. д. Во время этой, второй волны феминизма в Индии начали формироваться женские организации, представлявшие интересы практически всех слоев женщин в стране. Сегодня в Индии существуют женские профсоюзы, группы самозанятых женщин, марксистские женские группы и др. (*Sen 2000*).

Наибольшую озабоченность индийских феминисток уже в те годы вызывало насилие по отношению к женщинам, не встречавшее адекватного ответа со стороны правоохранительных органов страны. Действительно, согласно даже официальной статистике Национального бюро по регистрации преступлений (*National Crime Records Bureau*), в Индии в начале XXI в. каждые 3,5 минуты совершалось сексуальное насилие над женщиной (*Crime in India 2002*). В последующие годы, согласно официальным статистическим данным, ситуация не улучшилась. Так, в 2011 г. в Индии было зарегистрировано 22 тыс. изнасилований, в 2013 г. их число выросло до 25 тыс., в 2016 г. оно достигло уже 37 тыс. официально зарегистрированных дел (*Crime in India 2020*).

Тем не менее, активные действия индийских феминисток, вступивших в борьбу с изнасилованиями, не оставались не замеченными общественным мнением. В декабре 2012 г. внимание широкой индийской общественности было привлечено к резонансному делу студентки физиотерапевтического факультета медицинского университета Джоти Сингх, которая умерла спустя 13 дней после группового изнасилования в автобусе (*India 2013*). Волна массовых протестов, прокатившаяся по Дели в резуль-

тате этой трагедии, привела к тому, что индийское правительство учредило особый комитет для выработки законодательных предложений по ужесточению наказания за сексуальное насилие над женщинами, в результате чего четверо мужчин, изнасиловавших студентку в автобусе, были казнены через повешение (*Berry, Betwa 2013*). Подключение правоохранительных органов Индии к борьбе с насилием по отношению к женщинам заметно улучшило ситуацию. К концу второго десятилетия XXI в. большим авторитетом в Индии стали пользоваться так называемые «Отряды против Ромео», организованные в 2018 г. премьер-министром штата Уттар-Прадеш на севере Индии Йоги Адитянатх специально для борьбы с насилием в отношении женщин. Согласно новому закону, все полицейские участки этого индийского штата получили право каждую неделю составлять свои собственные реестры для ведения учета преступлений против женщин, чтобы не оставлять безнаказанным ни одного из них.

Внимание индийских феминисток в не меньшей степени привлекает и супружеское насилие в отношении женщин, которое долгое время не входило в реестры законодательной базы страны из-за опасения самих законодателей бросить тень на традиционные устои института брака Индии в целом. Но, с точки зрения феминисток, супружеское изнасилование является неотъемлемой частью всей патриархальной системы устройства семейных отношений в Индии, против которого они ведут свою борьбу. Более того, сама логика этой борьбы с консервативными традициями в стране все чаще приводит феминисток к идеи пересмотра всей иерархии власти в стране, затрагивая и ее наиболее архаичную основу — кастовую систему (*Dhanaraj 2018*).

В известной мере цифровые технологии облегчают им эту борьбу, так как позволяют постепенно расширять проблемное пространство и вовлекать в обсуждение насущных вопросов женского движения в Индии все новые и новые группы населения. Например, фактически неполноправные группы *далитов* (неприкасаемых, представителей низших каст), получив в онлайн пространстве право голоса, смогли не только создавать свои собственные политические нарративы в Интернете, но и формировать новый формат взаимодействия, включая обсуждение прав женщин (*Mitra 2008*). Университетские сообщества индийской молодежи создают свои хэштеги в интернете, такие, например, как #HokKolorob («Да будет шум»), #PadsAgainstSexism, #Happyto-Bleed, #WeWillGoOut, #AintNoCinderella или более крупные тематические объединения (Pinjra Tod, Break the Cage и др.), в рамках которых обсуждаются множество ранее замалчиваемых вопросов женского здоровья, представительства женщин во власти, сексуальные домогательства со стороны преподавателей и работодателей и т. п.

24 октября 2017 г. 24-летняя индийская студентка юридического факультета Калифорнийского университета опубликовала в социальных сетях краудсорсинговый (т. е., привлекающий к решению проблемы широкий круг лиц) список мужчин-преподавателей индийских университетов, которые предположительно домогались или нападали на женщин. «Список», как его стали называть, стал результатом «взлома» студентами-активистами самой академической системы, которая обычно не могла привлечь к ответственности преподавателей, замеченных в сексуальных домогательствах по отношению к студенткам. И, хотя «Список» не смог в полной мере объединить феминистское сообщество в Индии и принести какие-то ощутимые результаты, он все-таки маркировал те проблемы, которые особо привлекали к себе внимание общественности. Правда, представители стар-

шего поколения индийских женщин-активисток заявили, что политика «Списка» (т. е. произвольных публикаций в интернет-пространстве персональных данных) обесценивает «надлежащую правовую процедуру» и содержит недопустимый тон: «*Как феминистки мы участвуем в длительной борьбе за то, чтобы сексуальные домогательства на рабочем месте стали видимыми, и работали с движением над внедрением систем прозрачных и справедливых процедур ответственности. Мы встревожены инициативой..., в которой мужчины перечислены и названы виновниками сексуальных домогательств без какого-либо контекста или объяснения.*». Письмо подписали более 10 известных феминисток. В социальных сетях разгорелись дебаты с аргументами за и против «Списка», получившие название «гражданской войны в индийском феминизме» (Ghosh 2017). В ответ на этот демарш молодые поколения, в свою очередь, начали выражать недовольство тем, что их старшие «феминистские герои», всегда публично говорившие о вызовах системе, сменили тон, когда дело дошло до осуждения их собственных сверстников. Однако дебаты среди индийских феминисток, инициированные «Списком», и на этом не закончились, так как старшее поколение назвало позицию молодых индийских феминисток «моральной паникой», упрощающей «язык жертв сексуального насилия» и не учитывющей многих факторов постепенно меняющейся государственной политики в области защиты прав женщин (Lukose 2018).

Серьезной поддержкой позиции молодого поколения феминисток в вопросе о защите прав женщин стало движение MeToo («Я тоже»), в рамках которого озвучиваются рассказы женщин о сексуальных домогательствах и насилии по отношению к ним. Движение #MeToo, с самого начала своего существования ставшее международным, не только стирает национальные рамки индийского феминизма как такового, но и, по мнению самих феминисток, разрушает его внутренние, кастовые границы. Такую же роль, по-видимому, играет и движение Pinjra Tod (PT) («Разбей клетку»), организованное и возглавляемое молодыми феминистками, которые не относятся к высшим слоям общества и являются студентками или выпускницами колледжей Нью-Дели (Claiming Delhi's streets 2015). Основное требование активисток этого движения заключается в том, чтобы студенток не запирали в университетских общежитиях на ночь во время так называемого комендантского часа. Во время проведения своей акции протеста студентки по ночам маршировали по территории кампусов Делийского университета, били в барабаны, стучали в двери, выкрикивали лозунги, декламировали стихи и устраивали импровизированные танцы. Описывая подробности этих маршей, одна из активисток PT назвала их «Наше ликующее движение».

Движение PT также, как и многие другие молодежные движения в странах Глобального Юга, является интерсекциональным, т. е., не основанным только на какой-то одной проблеме. На страницах его социальных сетей можно увидеть и такие темы, как сопротивление правому национализму правительства БДП, протест против повышения платы за обучение, неолиберализации и приватизации образования, присоединение к бастующим санитарным работникам и др. Благодаря именно такой широте охвата проблем, существующих в стране, феминистское движение PT является одним из самых авторитетных в Индии, которое способно привлекать к решению своих задач внимание не только общественности, но и властных структур.

В 2019 г. движение PT оказалось одним из организаторов многочисленных акций протesta против антиконституционного Закона о гражданстве, согласно которому ре-

лигия стала условием получения гражданства, что ограничивало гражданские права индийских мусульман и нарушало светские принципы построения государства, закрепленные в индийской Конституции. Марши и акции, возглавляемые женщинами, объединили самые разные слои индийского населения, независимо от социальной дифференциации — юристов, артистов, художников, домохозяек, студентов, рабочих и др., расширив таким образом протестную базу феминизма в целом. Центром сосредоточения митингующих стал район Шахин-Баг (Shaheen Bag) в Нью-Дели, где накануне проведения акции сотни мусульманских женщин перекрыли главную дорогу и начали сидячую демонстрацию. После этого марша Шахин-Баг стал символом солидарности общества и своего рода талисманом межнационального сотрудничества в стране (*Bhatia, Gajjala 2020*).

Однако, несмотря на очевидное признание со стороны широкой общественности значимости социально-политических успехов феминистского движения в странах Глобального Юга, к концу второго десятилетия XXI в. оно стало заметно «дрейфовать» в сторону радикальных квир-концептов (нестандартных моделей гендерной самоидентификации и поведения), присущих, как правило, лишь весьма ограниченному по численности контингенту мужчин и женщин во всех странах мира. Характерной чертой африканского феминизма, например, сегодня все чаще становится обостренная реакция молодых женщин-активисток на любые запреты со стороны власти в сфере продвижения квир-концептов. Как и их бразильские или индийские соратницы, африканские феминистки сегодня стремятся использовать все доступные платформы социальных сетей, чтобы расширить интерсекциональность женского движения на континенте. При этом особое внимание активисток уделяется всем категориям женщин, которые ранее так или иначе оказались вне мэйнстрима социальной жизни, и, прежде всего, — представителям расово-смешанных и сексуальных меньшинств. Например, уже на Третьей всемирной конференции ООН по положению женщин (Найроби, 1985 г.) было публично подтверждено существование лесбийской идентичности в кенийском обществе (*Salo, Gqola 2006*).

Десять лет спустя, в 1995 г., сексуальная ориентация стала предметом обсуждения и на переговорах по широкому проекту Пекинской платформы действий. Однако, несмотря на активное продвижение идеи однополых отношений на Пекинском форуме 1995 г., в последующие два десятилетия они так и не стали приоритетными для мирового феминистского движения, а во многих странах Глобального Юга сегодня запрещены и на законодательном уровне. Так, в Уганде однополые браки конституционно запрещены с 2005 г. Более того, в 2009 г. в этой стране был предложен законопроект о борьбе с гомосексуализмом, который неоднократно вносился на рассмотрение в законодательные структуры. В 2013 г. Закон о борьбе с гомосексуальностью в Уганде все-таки был принят, но уже в 2014 г. отменен под давлением правительства тех стран, которые обеспечивают ей финансовую помощь. В 2015 г. угандинские активисты попытались организовать первый в стране гей-парад, но он был сорван, а его участники разогнаны полицией. Еще одна попытка провести гей-парад в Уганде была предпринята в 2019 г., который в итоге также был отменен из соображений безопасности. В Нигерии Закон о запрете однополых отношений был принят еще в 2011 г., в связи с чем ЛГБТ-движение в этой стране сегодня находится на нелегальном положении. Особенно это касается регионов, где преобладает мусульманское население. На севере Нигерии, например, согласно принятому там

закону шариата, обвиняемые в гомосексуальных связях приговариваются судом к смертной казни. Однако высшая мера в Нигерии может быть заменена и на значительно более мягкое наказание, заключающееся либо в выплате незначительного штрафа (например, 30 долларов), либо в нанесении 20 ударов плетьью. Кроме того, наказания мужчин и женщин по обвинению в гомосексуальных связях здесь разнятся между собой: мужчинам может грозить смертная казнь или избиение камнями, женщинам — порка или лишение свободы (В Нигерии 2013).

Сегодня расширение социальной базы африканского феминизма за счет объединения с такими движениями, как ЛГБТ-сообщество и «Гей-интернационал» хотя и происходит, но не так очевидно, как ожидали сами феминистки новых поколений. По их мнению, основная причина недостаточно быстрого проникновения гендерной небинарности в сознание африканцев заключается в открытом противодействии новым веяниям со стороны государственной политики большинства стран континента и насаждении гомофобии, которая нередко отодвигает на второй план даже проблемы колониального наследия прошлых веков в африканских странах (*Ekine 2013*). В силу того, что государственная политика укрепления традиционных ценностей в большинстве регионов континента открыто противостоит требованиями ЛГБТ-сообщества, феминистки многих африканских стран вынуждены весьма сдержанно относиться к лесбиянкам и геям, подчас не включая их даже в дискурс о правах человека.

Существуют принципиальные расхождения относительно взаимодействия с ЛГБТ-сообществом и внутри самого феминистского движения в странах Африки. Например, в Нигерии публичное заявление Чимаманды Нгози Адичи, последовательной защитницы прав геев, о том, что идентичность женщин-трансгендеров не должна быть привязана к их первичной социализации, связанной с мужской идентичностью, вызвала в 2017 г. откровенное неприятие со стороны тех африканских феминисток, которые отстаивают эссенциалистскую позицию, то есть определение гендерной идентичности на основе неизменных биологических характеристик пола человека (*Михайлов 2019*).

Не меньшего накала достигают и дискуссии между различными поколениями африканских феминисток относительно самой стратегии развития сексуальной инклюзивности, то есть возможности полноценного включения в социальную принятые нормы поведения различных видов сексуальных отношений. Старшие поколения феминисток твердо придерживаются позиции традиционных отношений между мужчиной и женщиной в контексте сохранения культурной идентичности на африканском континенте. Свою конкретную задачу они видят в том, чтобы не допустить размывания идеи гендерного равенства на фоне постоянно растущего разнообразия сексуальной идентичности, которое, по их мнению, отвлекает африканских женщин от борьбы за собственные права в мужском мире. В то же время молодые феминистки заметно наращивают активность в борьбе с так называемой «неполноценной сексуальностью», ограниченной бинарными отношениями мужчин и женщин. Противостояние этих двух стратегий развития африканского феминизма фактически началось еще во время проведения Пекинской женской конференции в 1995 г., когда южноафриканская активистка Палеса Беверли Дитси призвала собравшихся считать права лесбиянок ключевым моментом борьбы за права женщин и поддержать движение за разнообразие сексуальных отношений, их право перестать быть исключительным явлением в африканских странах. Призыв был услышан, и уже в 1997 г.

феминистская организация Намибии «Сестры Намибии» учредила Программу поддержки лесбиянок и основала правозащитную организацию «Радужный проект», призванную целенаправленно воспитывать «новое поколение молодых лесбиянок, готовых выступать публично для защиты своих прав (Frank 2006).

Для укрепления своих позиций организации подобные «Радужному проекту», апеллируют к культурным традициям всего африканского континента. Так, Африканский феминистский форум (АФФ), созданный в 2006 г. в Аккре (Гана) и с тех пор уже не раз проводимый в таких странах, как Уганда (2008 г.), Сенегал (2010 г.), Зимбабве (2016 г.) и др., запустил проект «Африканские феминистские предки», обращенный к традициям сексуального поведения прошлых веков в истории африканских стран. В основном документе этого проекта — Африканской феминистской хартии 2006 г. — утверждалась необходимость «*черпать вдохновение у предков-феминисток..., которые проложили путь и сделали возможным подтверждение прав африканских женщин*» (AFF 2006).

Призывы следовать так называемым традициям предков, тем не менее, являются одним из наиболее слабых мест в идеологической платформе этого направления африканского феминизма. Несмотря на многочисленные сведения западных антропологов о якобы исторически сложившемся разнообразии сексуальных практик у африканских народов, сами результаты их исследований, проводившихся на африканском континенте, начиная с конца XIX в., вряд ли можно однозначно считать убедительными аргументами в пользу существования там устойчивых традиций девиантных форм сексуальных отношений. И, прежде всего, потому, что исследования подобного рода традиций с самого начала не являлись приоритетной задачей антропологов, работавших в Африке в XIX — первой половине XX вв. Наблюдаемые ими факты обычно носили спонтанный характер и всегда оставались лишь частью более общего научного контекста, который, к тому же, должен был получать еще и одобрение со стороны политических властей той или иной африканской страны (Moore 1994: 6). Кроме того, факты, наблюдаемые антропологами, нередко были частью ритуальных действий (например, инициаций подростков) и не имели никакого отношения к повседневным практикам поведения членов того или иного африканского сообщества (Beidelman 1973: 266). Важно и то, что нарративы информантов, рассказывавших антропологам о гомосексуальных случаях в истории своего народа, очень часто изначально имели прямо противоположный смысл, так как отражали практику сексуальной эксплуатации в рамках колониальных институтов (Bleys 1995: 4–9; Dunton 1989). Самы антропологи также далеко не всегда могли адекватно интерпретировать нарративы африканцев о случаях гомосексуализма или лесбиянства в жизни своих народов. Например, британский антрополог Брайан Макдермот, проводя полевые исследования среди эфиопских нуэров в 1960-х гг., пришел к заключению, что «... все очень запутанно» и сами туземцы, по его словам, не смогли дать ему каких-либо вразумительных объяснений относительно практик гомосексуализма в их общине (MacDermot 1972: 119).

Помимо историко-этнографических трудностей с аргументацией своих позиций, «Радужный проект» африканских феминисток сталкивается еще и с сопротивлением со стороны такого быстро набирающего силу общественного движения, как афроцентризм, чьи усилия направлены на борьбу с различными проявлениями политизированности африканской истории. В 1990 г., например, один из сподвижников этого

движения и участник рэп-группы Public Enemy заявил: «Ни в одном африканском языке нет ни слова, описывающего гомосексуализм. Если вы хотите, то попробуйте сами найти в исконно африканских языках хоть слово, обозначающее гомосексуалиста, лесбиянку или проститутку. Нет таких слов! Их не существовало» (*Nero* 1991). В том же ключе нигерийско-английский социолог Хай Амадиуме осудила западных черных лесбиянок, использующих «предвзятые интерпретации африканских ситуаций для оправдания своего выбора сексуальных альтернатив» (*Amadiume* 1987: 7).

Серьезные расхождения внутри самого феминистского движения африканских стран связаны, в первую очередь, с его финансированием из-за рубежа, которое, как правило, осуществляется благодаря определенным условиям. Если та или иная феминистская организация следует идеологическому мейнстриму и поддерживает ЛГБТ-сообщество, то проблем с финансированием со стороны западных НПО фактически не возникает. Но абсолютное большинство африканских феминистских организаций оказываются в положении, когда финансовая поддержка из-за рубежа, обязывающая лояльно относится к геям и лесбиянкам, приводит к нежелательным для африканских активисток женского движения столкновениям с местными политическими и религиозными лидерами. В итоге многие африканские активистки феминистского движения сегодня избегают открытой пропаганды ЛГБТ, но при этом оставляют за собой право защищать отдельные интересы сексуальных меньшинств, например, в вопросах, связанных с их ВИЧ-инфекцированием (*Currier* 2014).

Положение феминистских организаций в африканских странах усугубляется еще и тем, что общественное мнение в них откровенно настроено против гомосексуальной идеологии. Так, опрос 2014 г., проведенный Афробарометром, зафиксировал, что 89% респондентов были категорически против того, чтобы иметь гомосексуального соседа, а попытки объявить референдум по вопросу об однополых браках и/или декриминализации гомосексуализма встречают откровенное отторжение общественности в большинстве африканских стран (*Dulani, Sambo* 2016). Тем не менее, местные феминистские НПО не оставляют попыток изменить отношение общественности на континенте к мировому сообществу ЛГБТ, для чего используют все имеющиеся на сегодняшний день технологии и информационные средства. Первая африканская организация, занимающаяся правами трансгендеров всех видов (*Gender Dynamix*), инициировала продвижение на своей онлайн-платформе проекта «Где любовь незаконна», в рамках которого описывались конкретные случаи притеснения трансгендеров, иллюстрированные, к тому же, множеством фотографий.

Еще одна неправительственная организация, основанная в африканской республике Малави в 2006 г. и поставившая своей целью «содействие развитию человека» (CEDEP — Centre for the Development of People) публично поддерживала трансгендеров в ходе судебных процессов. В результате такие НПО, как CEDEP, получали широкую известность и открывали новые возможности для африканских организаций ЛГБТ. В 2014 г., например, CEDEP выступила соучредителем мероприятий, посвященных борьбе с гомофобией и трансфобией, а также издала книгу «Гордый малавиец: жизненные истории лесбиянок и гендерно-неконформных людей», в которой нашли свое отражение реальные истории малавийских женщин, принадлежащих к ЛГБТ-сообществу, их готовность поддерживать множественность гендера в своей стране.

Однако характерной чертой африканского феминизма является тот факт, что чем большую силу здесь набирает движение за сексуальную инклузивность, тем оче-

видней становится сопротивление ему со стороны тех оппонентов, которые борются за сохранение традиционной бинарности отношений между мужчиной и женщиной как основной части этнокультурной аутентичности на всем африканском континенте. Более того, с точки зрения сторонников сохранения бинарных отношений полов, движение за сексуальную инклюзивность не является ни актуальным, ни перспективным для развития африканского феминизма. Гораздо более востребованным направлением для всего феминистского движения на континенте, как они полагают, сегодня должна оставаться борьба за гендерное равенство. Активистки Женского совета Народной организации Юго-Западной Африки (SWAPO) открыто заявляют, например, что такие организации, как «Сестры Намибии» только сбивают с толку намибийских женщин и отвлекают их от развития гендерного равенства (*Lorway 2014*).

Но так или иначе, для сторонников развития на африканском континенте сексуальной инклюзивности сложное переплетение проблем так называемой африканской сексуальности, которая, с точки зрения сторонников развития сексуальной инклюзивности, имеет однозначные коннотации с колониальным наследием, и феминистской борьбой за гендерное равенство нуждается в дискуссиях и межпоколенных диалогах. Динамичные платформы социальных сетей и онлайн пространство сегодня в полной мере предоставляют такую возможность. И, как полагают сами африканские активистки феминистского движения, ни один из популярных подкастов пока не использует эту возможность в полной мере. Кроме того, социальные сети для многих африканских женщин оказываются не всегда доступными, что значительно сокращает само диалоговое окно общения женщин-активисток. В результате на сегодняшний день противостояние двух магистральных направлений развития феминистского движения, противостоящих друг другу в вопросе о сексуальной инклюзивности, находится в активной фазе и пока с непредсказуемым результатом.

* * *

Общая тенденция изменений, происходящих сегодня в феминистском движении большинства стран Глобального Юга, в известной степени, как представляется автору данной статьи, отражает основные положения постструктураллистской концепции о децентрализации символических структур, управляющих глобальными процессами современного мира. Идея отказа от понятия «центра» и переход к понятию «фрагментирования» (в том числе и культурных процессов) впервые была сформулирована еще в 1960-х годах французскими философами (Жиль Делез, Феликс Гваттари, Жак Деррида, Мишель Фуко, Жан Бодрийяр и другие) и легла в основу так называемого постмодернистского мировоззрения, которое отрицает иерархию отношений господства и подчинения в общественной жизни, а также противостоит «государственному мышлению», продуцирующему, согласно данной концепции, репрессивные функции по отношению к нелинейному разнообразию развивающегося мира.

Мировое феминистское движение, которое в борьбе за гендерное равноправие на протяжении всей своей истории так или иначе противостояло единому «центру-субъекту» патриархальных государственных структур, в 1960–1970-х гг. отчетливо обозначило факт «множественности» форм этого противостояния, разделившись на несколько региональных направлений, каждое из которых имело свои собственные этнокультурные особенности. *Южноамериканский феминизм*, например, начиная

с этого периода, сосредоточился не на избирательном праве, а на борьбе за социальную справедливость, что было связано с радикализацией социально-классовой борьбы на континенте и ориентацией на социалистические идеи (гражданские восстания в Аргентине, промышленные забастовки в Чили, студенческие мобилизации в Мексике и т. д.). *Индийский феминизм*, начавший активно формироватья только после обретения страной независимости в 1947 г., помимо общих требований равных прав для женщин в области образования, здравоохранения и политических прав, включал в себя, не в последнюю очередь, и борьбу против кастовой системы, патриархатности домашней жизни и законов о наследовании. *Африканский феминизм* направлен на решение проблем этнорасового разнообразия на континенте, а также на сохранение этнокультурной идентичности населяющих его народов.

Тем, не менее следует отметить и те общие закономерности, которые сегодня определяют будущее феминистского движения во всех странах Глобального Юга:

- Поддержка подавляющим большинством населения незападных стран государственной политики, провозглашающей приоритеты традиционного уклада жизни в стране, включая элементы патриархальных отношений.
- Усиление «голоса» отдельных этнических групп, стремящихся к институциональному признанию и сохранению своих прав, в том числе и в сфере традиционного для них поло-ролевого поведения.
- Включение в понятие интерсекциональности феминистского движения расово-этнического компонента, позволяющего не только защищать права «небелых» женщин, но и расширять за счет решения их проблем собственное политическое влияние.
- Углубление идеологических противоречий между «старыми» и новыми поколениями феминисток, ориентирующими на глобальный проект инклузивности сексуальных меньшинств (т.е., включения их в институциональную структуру социума), характерный для западной культуры. С точки зрения старших поколений африканских феминисток сексуальная инклузивность отвлекает женщин от борьбы за гендерное равенство. Новые же поколения феминисток связывают отказ от сексуальной инклузивности с сохранением в общественном сознании следов колониального наследия.
- Восприятие новыми поколениями феминисток архаических традиций прошлых веков как аргумента в пользу развития гендерной небинарности.
- Укрепление в странах Глобального Юга динамичных («уличных») форм женского активизма и, с другой стороны, критики бюрократизации западных феминистских движений.

Источники и материалы

В Нигерии 2013 — В Нигерии однополые браки запрещены под страхом тюрьмы // Лента.ru [Электронный ресурс]. 31 мая 2013. <http://lenta.ru/news/2013/05/31/ban> (дата обращения: 13.10.2023)

Михайлов 2019 — Михайлов Е. Большое интервью с писательницей и феминисткой Чимамандой Нгози Адичи // АфишаDaily [Электронный ресурс]. 14 мая 2019. <https://dai-ly.afisha.ru/stories/11879-bolshoe-intervyu-s-pisatelnicey-i-feministkoy-chimamandoy-ngo-zi-adichi/?ysclid=lg0bz66lnr693440358>

AFF 2006 — AFF (African Feminist Forum). 2006. “Charter of Feminist Principles for African Women.” African Women’s Development Fund, Accra. <https://translated.turbopages.org>

- [org/proxy_u/en-ru.ru.5b7fa4ea-642a746d-826b74d0-74722d776562/https/web.archive.org/web/20180517005408/http://awdf.org/wp-content/uploads/Charter_of_Feminist_Principles_for_African_Feminists.pdf](https://web.archive.org/web/20180517005408/http://awdf.org/wp-content/uploads/Charter_of_Feminist_Principles_for_African_Feminists.pdf)
- Arab Youth Survey 2020 — Arab Youth Survey. 2020. A Voice for Change. ASDA'A BCW.
- Barry, Sharma 2013 — Barry E., Sharma B. 2013. Many Doubt Death Sentences Will Stem India Sexual Attacks // The New York Times. 13. Sept. 2013. <https://www.nytimes.com/2013/09/14/world/asia/4-sentenced-to-death-in-rape-case-that-riveted-india.html>
- Bhatia, Gajjala 2020 — Bhatia R.V., Gajjala R. Examining Anti-CAA Protests at Shaheen Bagh: Muslim Women and Politics of the Hindu India // International Journal of Communication 14(2020), 6286–6303. <https://ijoc.org/index.php/ijoc/article/viewFile/16015/3300>
- Burigo Joanna 2016 — Burigo Joanna. Feminismo online em chamas // CartaCapital. 20.07.2016 <https://www.cartacapital.com.br/opiniao/feminismo-online-em-chamas/>
- Burigo Joanna 2018 — Burigo Joanna. Casa da Mãe Joanna. The Battle for Gender Equality // TEDx[Lacador. https://www.ted.com/talks/joanna_burigo_a_luta_pela_equitade_de_genero
- Claiming Delhi's streets 2015 — Claiming Delhi's streets to 'break the cage' // Eng News. [Электронный ресурс]. 2015-10-14. <https://eng-news.ru/Claiming-Delhi-s-streets-to-break-the-cage-for-women/?ysclid=lg22919x46987271505>
- Crime in India 2020 — National Crime Records Bureau, Ministry of Home Affairs, Government of India. Statistics. Vol. 1. 2020 (дата обращения: 17.06.2019). <https://ncrb.gov.in/sites/default/files/CII%202020%20Volume%201.pdf>
- Crime in India 2002 — Crime in India year 2002. The Ministry of Home Affairs, National Crime Records Bureau. 2002. Дата обращения 17/06/2019// <https://ncrb.gov.in/en/crime-india-year-2002>
- Dhanaraj 2018 — Dhanaraj C. T. MeToo and Savarna Feminism: Revolutions Cannot Start with the Privileged, Feminist Future Must Be Equal for All // Firstpost [Электронный ресурс]. 2018. 13 (November). <https://www.firstpost.com/india/metoo-and-savarna-feminism-revolutions-cannot-start-with-the-privileged-femin>
- Dulani, Sambo, Dionne 2016 — Dulani B., Sambo G., Dionne K. Yi. Good Neighbors? Africans Express High Levels of Tolerance for Many, But Not for All // Afrobarometer [Электронный ресурс]. Dispatch AD74. 2016, 1 March. <https://www.afrobarometer.org/publication/tolerance-in-africa/>
- Ghosh 2017 — Ghosh A. The Civil War in Indian Feminism: A Critical Glance // RAIOT, 30 October 2017. <https://raiot.in/the-civil-war-in-indian-feminism-a-critical-glance/>
- Freedom Index by Country 2023 — Freedom Index by Country 2023 // World Population Review [Электронный ресурс]. <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/freedom-index-by-country>
- India 2013 — India: New Sexual violence law has both positive and regressive provisions // Amnesty International [Электронный ресурс]. 22 Mar. 2013. <http://www.amnesty.org/en/for-media/press-releases/indianew-sexual-violence-law-has-both-positive-and-regressive-provisions-2>.
- Political declaration 2020 — Political declaration // UN Women [Электронный ресурс]. <https://www.unwomen.org/en/csw/csw64-2020/session-outcomes>
- Rossi, Carneiro, Gragnani 2018 — Rossi A., Carneiro J. D., Gragnani J. "#EleNão: A Manifestação Histórica Liderada Por Mulheres No Brasil Vista Por Quatro Ângulos // BBC News Brazil, 2018. (30 September).
- Uchoa 2018 — Uchoa P. Jair Bolsonaro: Why Brazilian Women Are Saying #NotHim // BBC World Service, 12 November 2018.
- Universidade Livre Feminista 2023 — Universidade Livre Feminista // Vimeo [Электронный ресурс]. P. 9. https://vimeo.com/tvfeminista_2023

Научная литература

- Alvarez S. E.* Latin American Feminisms ‘Go Global’: Trends of the 1990s and Challenges for the New Millennium // *Cultures of Politics/Politics of Cultures: Re-visioning Latin American Social Movements* / ed. by S. E. Alvarez, E. Dagnino and A. Escobar. New Work: Boulder, Westview Press. 1998. P. 293–324.
- Amadiume I.* Male Daughters, Female Husbands: Gender and Sex in all African Society [Nigerian Igbo]. London, Atlantic Highlands, New York: Zed Books, 1987. 223 p.
- Beidelman T. O.* The Kaguru of Central Tanzania // *Cultural Source Materials for Population Planning in East Africa: Beliefs and Practices* / ed. by Angela Molnos. Nairobi: East African Publishing House, 1973. P. 262–273.
- Bleys R. C.* The Geography of Perversion: Male-to-Male Sexual Behavior Outside the West and the Ethnographic Imagination, 1750–1918. New York: New York University Press, 1995. 328 p.
- Bhatia R. V., Gajjala R.* Examining Anti-CAA Protests at Shaheen Bagh: Muslim Women and Politics of the Hindu India // *International Journal of Communication*. 2020. No 14. P. 6286–6303. <https://ijoc.org/index.php/ijoc/article/viewFile/16015/3300>.
- Charlesworth H., Chinkin C. M.* The Boundaries of International Law: A Feminist Analysis. Manchester: Manchester University Press, 2000. 414 p.
- Currier A.* Arrested Solidarity: Obstacles to Intermovement Support for LGBT Rights in Malawi // *WSQ: Women’s Studies Quarterly*. 2014. V. 42. P. 146–163. <https://www.jstor.org/stable/24364997>
- Ekine S.* Contesting Narratives of Queer Africa // *Queer African Reader* / ed. by S. Ekine and H. Abbas. Cape Town: Dakar and Oxford: Pambazuka Press, 2013. 454 p.
- Frank L., Khaxas E.* Sister Namibia: Fighting for All Human Rights for All Women // *Feminist Africa*. 2006. No 6. P. 83–86. <https://www.jstor.org/stable/48726017>
- Gatto M., Wylie K. N.* Informal Institutions and Gendered Candidate Selection in Brazilian Parties // *Party Politics*. 2022. Vol. 28. Iss. 4. P. 727–73. <https://doi.org/10.1177/1354068821100842>
- Gomes C., Sorj B.* “Corpo, Geração e Identidade: A Marcha das Vadias no Brasil” // *Sociedade e Estado*. 2014. V. 29 (2). P. 433–447.
- Jayawardena K.* Feminism and Nationalism in the Third World. London: Zed Books, 1986. 290 p.
- Lorway R.* Namibia’s Rainbow Project: Gay Rights in an African Nation. Bloomington: Indiana University Press, 2014. 176 p.
- Lukose R.* Decolonizing Feminism in the #MeToo Era // *The Cambridge Journal of Anthropology*. 2018. V. 36(2). P. 34–52. <https://doi.org/10.3167/cja.2018.360205>
- Hahner J.* Emancipating the Female Sex: The Struggle for Women’s Rights in Brazil, 1850–1940. Durham, NC: Duke University Press, 1990. 318 p.
- MacDermot B. H.* The Cult of the Sacred Spear: The Story of the Nuer Tribe in Ethiopia. London: The Crowood Press, 1972. 172 p.
- Mitra, R., Gajjala R.* Queer Blogging in Indian Digital Diasporas: A Dialogic Encounter // *Journal of Communication Inquiry*. 2008. V. 32 (4). P. 400–423. <https://doi.org/10.1177/0196859908321003>
- Molyneux M.* Mobilisation without Emancipation? Women’s Interests, State, and Revolution in Nicaragua // *Feminist Studies*. 1985. V. 11 (2). P. 227–254.
- Moore S. F.* Anthropology and Africa: Changing Perspectives on a Changing Scene. Charlottesville: University Press of Virginia, 1994. 165 p.
- Nero Ch. I.* Toward a Black Gay Aesthetic // *Brother to Brother: New Writings by Black Gay Men* / ed. by Essex Hemphill. Boston: Alyson, 1991. P. 229–252.
- Rutherford A.* Feminism, Psychology and the Gendering of Neoliberal Subjectivity: From Critique to Disruption // *Theory and Psychology*. 2018. V. 28. N 5. P. 619–644. <https://doi.org/10.1177/0959354318797194>
- Salo E., Dineo Gqola P.* Editorial: Subaltern Sexualities // *Feminist Africa*. 2006. V. 6. P. 1–6.
- Sen S.* Toward a Feminist Politics? The Indian Women’s Movement in Historical Perspective // *Policy Research Report on Gender and Development. Working Paper Series*. 2000. No. 9. P. 18–25.

https://www.researchgate.net/publication/237432451_Toward_a_Feminist_Politics_The_Indian_Women%27s_Movement_in_Historical_Perspective

Sneider A. L. Suffragist in an Imperial Age: U.S. Expansion and the Woman Question, 1870–1929. New York: Oxford University Press, 2008. 208 p.

Stetson D. M., Mazur A. G. Comparative State Feminism. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 1995. 349 p.

References

- Alvarez, S. E. 1998. Latin American Feminisms ‘Go Global’: Trends of the 1990s and Challenges for the New Millennium In *Cultures of Politics/Politics of Cultures: Re-visioning Latin American Social Movements*, ed. by S. E. Alvarez, E. Dagnino and A. Escobar. New York: Boulder, Westview Press. 293–324.
- Amadiume, I. 1987. *Male Daughters, Female Husbands: Gender and Sex in all African Society [Nigerian Igbo]*. London: Atlantic Highlands, New York: Zed Books. 223 p.
- Beidelman, T. O. 1973. The Kaguru of Central Tanzania. In *Cultural Source Materials for Population Planning in East Africa: Beliefs and Practices*, ed. by Angela Molnos. Nairobi: East African Publishing House. 262–273.
- Bleys, R. C. 1995. *The Geography of Perversion: Male-to-Male Sexual Behavior Outside the West and the Ethnographic Imagination, 1750–1918*. New York: New York University Press. 328 p.
- Bhatia, R. V. and R. Gajjala. 2020. Examining Anti-CAA Protests at Shaheen Bagh: Muslim Women and Politics of the Hindu India. *International Journal of Communication* 14: 6286–6303. <https://ijoc.org/index.php/ijoc/article/viewFile/16015/3300>
- Charlesworth, H. and C. M. Chinkin. 2000. *The Boundaries of International Law: A Feminist Analysis*. Manchester: Manchester University Press. 414 p.
- Currier, A. 2014. Arrested Solidarity: Obstacles to Intermovement Support for LGBT Rights in Malawi. *WSQ: Women’s Studies Quarterly* 42: 146–163. <https://www.jstor.org/stable/24364997>
- Ekine, S. 2013. Contesting Narratives of Queer Africa. In *Queer African Reader*, ed. by S. Ekine and H. Abbas. Cape Town: Dakar and Oxford: Pambazuka. 454 p.
- Frank, L. and E. Khaxas. 2006. Sister Namibia: Fighting for All Human Rights for All Women. *Feminist Africa* 6: 83–86. <https://www.jstor.org/stable/48726017>
- Gatto, M., K. N. Wylie. 2022. Informal Institutions and Gendered Candidate Selection in Brazilian Parties. *Party Politics* 28(4): 727–73. <https://doi.org/10.1177/13540688211008842>
- Gomes, C. and B. Sorj. 2014. Corpo, Geração e Identidade: A Marcha das Vadias no Brasil. *Sociedade e Estado* 29(2): 433–447.
- Jayawardena, K. 1986. *Feminism and Nationalism in the Third World*. London: Zed Books. 290 p.
- Lorway, R. 2014. *Namibia’s Rainbow Project: Gay Rights in an African Nation*. Bloomington, IN: Indiana University Press. 176 p.
- Lukose, R. 2018. Decolonizing Feminism in the #MeToo Era. *The Cambridge Journal of Anthropology* 36(2): 34–52. <https://doi.org/10.3167/cja.2018.360205>
- Hahner, J. 1990. *Emancipating the Female Sex: The Struggle for Women’s Rights in Brazil, 1850–1940*. Durham, NC: Duke University Press. 318 p.
- MacDermot, B. H. 1972. *The Cult of the Sacred Spear: The Story of the Nuer Tribe in Ethiopia*. London: The Crowood Press. 172 p.
- Mitra, R. and R. Gajjala. 2008. Queer Blogging in Indian Digital Diasporas: A Dialogic Encounter. *Journal of Communication Inquiry* 32(4): 400–423. <https://doi.org/10.1177/0196859908321003>
- Molyneux, M. 1985. Mobilisation without Emancipation? Women’s Interests, State, and Revolution in Nicaragua. *Feminist Studies* 11 (2): 227–254.
- Moore, S. F. 1994. *Anthropology and Africa: Changing perspectives on a changing scene*. Charlottesville: University Press of Virginia. 165 p.

- Nero, Ch. I. 1991. Toward a Black Gay Aesthetic. In *Brother to Brother: New Writings by Black Gay Men*, ed. by Essex Hemphill. Boston: Alyson. 229–252.
- Rutherford, A. 2018. Feminism, Psychology and the Gendering of neoliberal subjectivity: From critique to disruption. *Theory and psychology* 28(5): 619–644. <https://doi.org/10.1177/0959354318797194>
- Salo, E. and P. Dineo Gqola. 2006. Editorial: Subaltern Sexualities. *Feminist Africa* 6: 1–6.
- Sen, S. 2000. Toward a Feminist Politics? The Indian Women's Movement in Historical Perspective. *POLICY Research Report on Gender and Development. Working Paper Series*. 9: 18–25. https://www.researchgate.net/publication/237432451_Toward_a_Feminist_Politics_The_Indian_Women%27s_Movement_in_Historical_Perspective
- Sneider, A. L. 2008. *Suffragist in an Imperial Age: U.S. Expansion and the Woman Question, 1870–1929*. New York: Oxford University Press. 208 p.
- Stetson, D. M. and A. G. Mazur. 1995. *Comparative State Feminism*. Thousand Oaks, CA: Sage Publications. 349 p.

УДК:39

DOI: 10.33876/2311-0546/2023-4/157-169

Научная статья

© С. В. Генералова, Н. Л. Пушкирева

МУЗЕЙНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ КАК ИСТОЧНИК ПО АНТРОПОЛОГИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНИЦ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ЭЛИТЫ 1920–1930-Х ГГ.*

Изучение материальных артефактов музеиных коллекций с целью выявления типики в структурах повседневности определенного социального слоя долго не касалось узкой прослойки партийной элиты, сформировавшейся после победы большевиков в 1917 г. Статья восполняет этот пробел. Введя в оборот материалы фондов мемориального музея «Кабинет и квартира В. И. Ленина в Кремле» (ныне хранящихся в музее-заповеднике «Горки Ленинские» в Подмосковье), авторы реконструируют быт, привычки и стиль жизни женщин, окружавших лидера партии и государства в первые годы советской власти. Анализ поведенческих практик, особенности их функционирования, вкусовые предпочтения Н. К. Крупской, М. И. Ульяновой и их сподвижниц, позволили прийти к выводу о слабом отрыве их поведенческих модусов от modus vivendi социального слоя их происхождения, несмотря на все заявления о строительстве основ «нового быта».

Ключевые слова: материальная культура, повседневность, женская история, антропология гендеря, большевистская элита, музейный артефакт

Ссылка при цитировании: Генералова С. В., Пушкирева Н. Л. Музейная коллекция как источник по антропологии повседневности представительниц большевистской элиты 1920–1930-х гг. // Вестник антропологии. 2023. № 4. С. 157–169.

Генералова Светлана Владимировна — аспирант Центра гендерных исследований, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (Российская Федерация, 119334 Москва, Ленинский пр., 32А). Эл. почта: generalova_s69@mail.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6021-6688>

Пушкирева Наталья Львовна — д. и. н., руководитель Центра гендерных исследований, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (Российская Федерация, 119334 Москва, Ленинский пр., 32А). Эл. почта: pushkarev@mail.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6295-3331>

*Статья подготовлена по плану НИР ИЭА РАН (тема № 8).

UDC 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2023-4/157-169

Original Article

© Svetlana Generalova and Natalia Pushkareva

MUSEUM COLLECTION AS A SOURCE OF KNOWLEDGE ON THE ANTHROPOLOGY OF EVERYDAY LIFE OF THE FEMALE BOLSHEVIK ELITE IN THE 1920–1930S.

The study of material artifacts in museum collections in order to identify typical patterns in the everyday life of a certain social stratum, until recently, did not concern the narrow stratum of the party elite that formed after the victory of the Bolsheviks in 1917. The article aims to fill this gap. Analyzing artifacts from the funds of the memorial museum „The office and apartment of V. I. Lenin in the Kremlin“ (now stored in the Leninsky Gorki Museum in the Moscow region), the authors reconstruct the life, habits and lifestyle of women who surrounded the leader of the party and the state in the first years of Soviet power. The analysis of behavioral practices, their functioning, the taste preferences of N. K. Krupskaya, M. I. Ulyanova and their associates, led to the conclusion that their behavioral modes are weakly separated from the modus vivendi of the social stratum of their origin, despite all the statements about the construction of „the new life“.

Keywords: material culture, everyday life, women's history, anthropology of gender, Bolshevik elite, museum artifact

Authors Info: Generalova, Svetlana V. — Ph.D. Student, the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (Moscow, Russian Federation). E-mail: generalova_s69@mail.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6021-6688>

Pushkareva, Natalia L. — Doctor of History, Professor, Head of the Department for Gender Studies, the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (Moscow, Russian Federation). E-mail: pushkarev@mail.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6295-3331>

For Citation: Generalova, S. V. and N. L. Pushkareva. 2023. Museum Collection as a Source of Knowledge on the Anthropology of Everyday Life of the Female Bolshevik Elite in the 1920–1930s. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 4: 157–169.

Funding: The study was carried out as a part of the research plan of the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology.

Антропология повседневности ставит перед исследователем задачу сопоставления социальных институтов, формировавших «реальность, которая интерпретируется людьми и имеет для них субъективную значимость в качестве цельного мира» (Бергер, Лукман 1995: 38). Эта задача диктует необходимость исследования образа жизни представителей разных социальных слоев, их бытовых практик, анализ их аксиосферы и особенностей связанного с нею социального поведения.

Одной из наименее изученных и в нашей, но и в зарубежной историографии социальных групп — именно в бытовом, этнографическом аспекте — все еще остается российская большевистская элита. Гендерный аспект такого исследования вообще

никогда и никем не исследовался, хотя всем известно, что рядом с выдающимися деятелями партии и раннего советского государства на политическом Олимпе мелькали фамилии и «преданных революционному делу большевичек» — И. Ф. Арманд, А. М. Коллонтай, К. Цеткин, Л. М. Рейнсер, К. Н. Самойловой, но, конечно, в первую очередь супруги вождя партии Н. К. Крупской и его сестры М. И. Ульяновой.

Что определяло их быт? Некие идеологемы, усвоенные ими в долгих партийных спорах, быстро складывавшиеся новые институты, структурировавшие каждый их шаг, или же возникшие вопреки или благодаря этим институтам формальные и неформальные практики, регулировавшие повседневные взаимодействия? Это предстоит выяснить в рамках общей темы (антропология повседневной жизни большевистской элиты), которую помогают раскрыть источники разных типов и видов, в том числе наименее в такой теме изученные — материальные артефакты. Музейные собрания разных городов имеют в своем распоряжении отдельные личные вещи участниц революционного движения. Большой комплекс хранится с 1920-х гг. в фондах Центрального Музея Ленина (ЦМЛ). Музей-заповедник «Горки Ленинские» в прошлом был его филиалом, а сегодня это самостоятельное учреждение, находящееся в 15 км от столицы. В его фондах свыше 64 тыс. единиц хранения, в том числе около 40 тыс. артефактов, связанных с Н. К. Крупской и М. И. Ульяновой, входивших в самый ближний круг идеолога великого большевистского эксперимента В. И. Ленина.

Через эту «овеществленную историю» аналитику легче понять человека и его поступки, применяя приемы эмпатии и включенного наблюдения, поставив, во-первых, вопрос о степени автономии женских повседневных жизней по отношению к официально заявлявшемуся идеологами того времени курсу на бытовой аскетизм (или, напротив, на их соответствие ему). Во-вторых — попытаться реконструировать естественный ритм и образ жизни этих бывших дворянок в контексте новых постреволюционных реалий — ведь быт приходилось время от времени корректировать в соответствии с изменчивыми обстоятельствами (в частности, за пределами того домашнего мира, который сложился в бывшем здании Сената и бывшей подмосковной усадьбе — оба помещения были переданы в пользование В. И. Ленину и его семье), изучить неформальные домашние практики женской части этой семьи.

Несмотря на высокий интерес к истории повседневности, работ, посвященных быту политической элиты в 1920-е гг. мало. Описаний деталей бытовой жизни большевичек с точными ссылками на воспоминания знавших их близко соратников и соратниц, а тем более анализа сохранившихся в музеях предметов быта, — нет. В советской историографии тема «быт партийца» не ставилась. Детали его в работах 1920-х гг. упоминались вскользь, для подтверждения соответствия отдельных деятелей партии и правительства образам аскетичных героев революции.

Женщины из ближнего круга «главного большевика» — не исключение. Лишь в 1973 г., в серии ЖЗЛ вышла книга о Н. К. Крупской, в которой впервые говорилось о бюджете времени жены вождя («ложилась спать около 11 вечера, вставала рано — в 5–6 часов», «до работы успевала написать статью и ответить на несколько писем»). Из приведенной в том же издании переписки Н. К. Крупской с М. Горьким можно было узнать, что в 1930 г. отпуск она провела в Горках, где все предметы напоминали ей о прошлой жизни («И вот я вижу, как я это рассказала бы Ильичу, и как он был бы рад») (Кунецкая, Маиштакова 1973: 241, 308). Новая научная биография Надежды Константиновны, изданная спустя несколько лет, оказалась еще более скромна на бытовые подроб-

ности. Ссылок на документы, повествующие о режиме дня и условиях жизни ее семьи в детстве нет, в отношении позднейшего времени — тем более, и лишь сообщается, что муж «противился даже самым кратковременным их разлукам» (Обичкин 1988: 166).

Той же непроверяемостью бытовых деталей отличались и биографии сестры Ильяча. В книге о М. И. Ульяновой говорилось, что сестру Ленина отличала «удивительная скромность, ленинская чистота и принципиальность», поскольку она «как и все Ульяновы, в быту довольствовалась самым необходимым и не допускала мысли, что может пользоваться привилегиями». Иные эпизоды заставляли вспомнить агиографические описания христианских аскетов: «С одеждой было плохо. Выделили однажды и Марии Ильиничне ордер на котиковую шубку. Вечером она пригласила в кабинет ночного сторожа Олимпиаду Никаноровну и вручила ей свой ордер на шубу, а сама продолжала ходить в старом, поношенном пальто» (Кунецкая, Маштакова 1979: 203–204). Описанная тенденция — рассказывать о борьбе и трудовых буднях советских лидеров, восхваляя их скромность в быту, общая для всей советской историографии.

Вместе с перестройкой и появлением интереса к бытовому, новую значимость обрели это-документы. Впервые в научной литературе было заявлено, что «за единобразием и вседесущностью коммунистической идеологии скрывалась множественность альтернативных ценностей» (Кобозева 2006: 21). Интерес к антропологии повседневности вызвал к публикации работы, связанные с традиционными этнографическими аспектами — жилье, питание, предметы быта и одежда, досуг, здоровье. Интерес к частной сфере жизни людей проявился в успешной попытке социокультурного анализа истории нижнего белья в России как пространства приятия и сопротивления идеологическим догмам; автор доказал, что даже в условиях советского однообразия вещи обладали высокой символической ценностью (Гурова 2004).

В 2000-е годы в фокусе исследовательского внимания стали оказываться разные социальные группы (женщины, молодежь, рабочие, дети, учителя), появился мощный географический охват (Журавлев 2000; Лебина 2018; Смирнова 2009). Новое исследование о роли домашней прислуги в домах административной элиты послереволюционного времени (а наличие ее было бытовым признаком власти и привилегированного потребления) показало существенные расхождения между декларациями и реальностью послереволюционных лет (Клоц 2012: 21). Отмечалась сплетенность «политического и повседневного», позволявшая воспринимать «обыденную жизнь номенклатуры как образец существования, перенимат те практики обыденной жизни, которые приближали по внешним признакам к высокостатусным группам» (Мохов 2013: 125–126). Особенno ценными, как выяснилось, могли бы в этом случае быть «живые впечатления» от случившегося в стране огромного социального сдвига, заставившего воспринимать «большевизм на общественно-бытовом уровне... равнозначным нехватке пищи или просто голоду» (Минаков, Фефелов 2013: 103–107). Способом приблизиться к пониманию особенностей частной жизни старой большевистской элиты стало изучение внутренней структуры одного жилого дома на ул. Кронверкской в Ленинграде, где на каждого члена семьи полагалось по комнате и жила номенклатура. Авторы легко доказали, что уже к середине 1920-х гг. большевистская элита отказалась от «революционного аскетизма», живя с прислугой и особым снабжением, бытовыми признаками власти (большая квартира, мебель, замкнутое бытовое пространство, ложное ощущение стабильности) (Измозик, Лебина 2010). То же применимо к

«Дому правительства» — особому дому-кварталу в Москве, где получали квартиры комиссары и «старые большевики» (секретарша В. И. Ленина, родственники И. В. Сталина). Недавно впервые появились подсчеты: из 2600 его жильцов 700 были членами правительства, а 10% составляли женщины-персональные пенсионерки (Слезкин 2019). Гендерный аспект быта этих домов в двух столицах не рассмотрен, хотя было отмечено существование специальных помещений для домработниц.

Пробел, связанный с обыденностью представительниц раннесоветской номенклатуры, требует восполнения, поскольку ранее постоянно опускался ввиду традиционной закрытости темы быта данной группы, засекреченности многих фондов, агиографического характера советских публикаций. Фонды мемориального музея представляют уникальный материал, давая возможность прочувствовать «стиль и образ жизни» представителей раннесоветской элиты (Пушкирова 2005: 93–113). Попутно можно ввести в научный оборот кино- и фотодокументы, коллекции плакатов, предметов декоративно-прикладного искусства, ведь любой музей — это «институт социальной памяти, посредством которого реализуется общественная потребность в отборе, сохранении и презентации культурных объектов, осознаваемых обществом как ценность, подлежащая изъятию из среды бытования и передаче из поколения в поколение» (БРЭ).

Музей в Горках Ленинских отличен тем, что культурные объекты в нем как раз не изъяты из среды бытования, а сохранены в полном объеме, позволяя оценить функционирование важнейших персональных вещей, связанных с женской частью семьи Ульянова (Ленина) в 1918–1939 гг. (Кунецкая, Маиштакова 1987: 3). Поначалу все эти вещи оставались в Кремле, там были присвоены инвентарные номера книгам, мебели, засохшим мандаринам, волосам, которые М. И. Ульянова собирала на шиньон (Научный Архив: 1), были пересчитаны все пуговки, перья, скрепки и кнопки (Книга № 1: №№ 481, 482, 651, 913).

В 1954 г., по данным Комиссии комендатуры Кремля, из 772 личных вещей 21 предмет принадлежал В. И. Ленину, а женской части семьи все остальное: Н. К. Крупской — 141 предмет, М. И. Ульяновой — 197 предметов, А. И. Ульяновой-Елизаровой — 203 предмета. Столовое, постельное белье и другие вещи, которыми пользовались все члены семьи (57 предметов) и еще 43 предмета, не опознанных по назначению, тоже характеризовали «быт, привычки и вкусы семьи Ульяновых» (Научный Архив: 2–9). С 1994 г. это богатство оказалось Горках Ленинских, где на новом месте и в новых интерьерах был воссоздан облик жилых помещений, которыми пользовалась семья Ульяновых с момента переезда из Петрограда в Москву в марте 1918 г. и до февраля 1939 г.

Ульяновы сначала поселились в гостинице «Националь», затем в Кремле в двухкомнатной квартире в Кавалерском корпусе, и, наконец, в здании судебных установлений им выделили квартиру, в которой раньше жил прокурор судебной палаты. Площадь, занимаемая семьей вождя революции, была около 137 м², далее увеличена до 192 м² (гостиная — 55 м², комната М. И. Ульяновой — 34 м², столовая — 14 м², комната Ильича — 19 м², Н. К. Крупской — 23 м², домработницы — тоже 23 м², кухня — 19 м², ванная-уборная — 5 м²). Врач-офтальмолог, лечивший семью Ульяновых, академик М. И. Авербах называл это помещение «квартиркой», «в которой было ровно столько комнат, сколько нужно было, все просто, чисто, что нужно много работавшей семье, живущей исключительно интеллектуальными интересами» (Кунецкая, Маиштакова 1986: 119).

По словам водителя Ленина С. К. Гиля, «всё хозяйство вела Мария Ильинична. Она любила порядок и чистоту, умела правильно организовать питание, знала привычки и старалась устроить жизнь брата так, чтобы он ни в чем не ощущал неудобства» (Гиль 1957: 57). Вероятно, согласование предметов мебели осуществлялось как раз ею, это она одобрила большой письменный стол для кабинета, английские кутаные кресла, венские стулья, шведские книжные шкафы, кожаный диван-купе — все, как было принято и модно в начале XX в. Выбор определила не только мода: в кабинете И. Н. Ульянова (главы семьи Ульяновых) в Симбирске был похожий набор мебели, а в распоряжении о подготовке квартир для членов правительства рекомендовалось «брать мебель попроще, например, из «Националя» (Мальков 1967: 109). Во почему столовые тарелки с царским гербом и аббревиатурой «ИВОБД» (Императорское воспитательное общество благородных девиц), взятые из Смольного, соседствовали с алюминиевой кастрюлей с заплаткой (Книга № 1: №№ 999, 1000). О ней есть в воспоминаниях личного шоferа Ильича С. В. Гиля, который в 1918 г. застал расстроенную Марию Ильиничну, посетовавшую, что «проходилась одна из немногих кастрюль» — ее-то Гиль и заклепал (Музейная карточка).

Письменные столы в доме вождя — самые ценные с антикварной точки зрения, относятся к эпохе Наполеона III (Книга № 1: №№ 310, 1632). Одним из них с инкрустацией ценными породами дерева в технике «маркетри» пользовалась Н. К. Крупская, вторым — покрытым черным лаком, с тонкой резьбой и бронзовыми накладками — сотрудники охраны, он стоял в прихожей. То, что за ценным столом сидели охранники, позволяет предположить, что на ценность данных столов, принесенных безымянными помощниками, Н. К. Крупская не обращала внимания, как и на то, за каким столом она сама пишет. Помимо стола, в ее просторной комнате были платяной и книжный шкафы, комод с небольшим зеркалом, тумбочка, письменный и журнальный стол, массивные стулья, кровать с пружинным матрасом, поверх него — еще один, с морской травой (Книга № 1: №№ 318, 327, 330, 498). Среди книг в шкафах — издания по воспитанию, образованию, культуре, воспоминания о Ленине, Третье издание сочинений В. И. Ленина с большим числом закладок в каждом томе, много блокнотов-подарков как делегатке партийных и советских съездов. В ящиках комода — повседневно нужные мелочи: зубные протезы, экспортный вариант ниток «Leningradtextil», металлический нумератор, английская машинка для стрижки волос «КОН-И-НООР» фирмы «S.Pearson&Co» (Книга № 1: №№ 381, 411, 376, 428), два телефона и радио-наушники с металлической дугой (хозяйка была не чужда технических новинок) (Книга №1: №№ 344–346), обломки гребешков, старые пряжки и ремни, разбитые очки, кусочки карандашей. Не ясно, как объяснить наличие такого «бытового мусора» — равнодушием к быту или бережливостью, воспитанной долгими годами ограниченного бюджета. В дальних ящиках шкафа — подарки от разных коллективов, в которых Н. К. Крупской пришлось побывать, вышивки или фотоальбомы об их успехах. Все они уbraneы с глаз долой. Украшением комнаты служат лишь фотографии в старинных рамках — портрет с матерью накануне отъезда в Шушенское, фотопортреты мужа, на одном надпись — «Лучший портрет Ильича за время болезни (осень 1923 г.) Н. К.», наклеенное на удостоверение ВЦИК фото И. Ф. Арманд, дружбой с которой семья дорожила (Книга № 1: №№ 420, 423, 424).

Простой визуальный анализ перечисленных предметов быта убеждает: представители большевистской элиты тяготели к дворянской модели бытовых практик. Дополнительное доказательство — коробочка орехового дерева, полная иголок, ниток, лент,

кнопок, пуговиц, тесьмы (Книга № 1: №№ 386, 411, 425). Как большинство девочек-дво-рянок, Н. К. Крупская в детстве была приучена к рукоделию, даже будучи замнаркома просвещения, шила и штопала сама, но наскоро и не очень умело, не аккуратно. Она сама пришивала пуговицы, ставила заплатки, латала дырки на черном шерстяном сарафане, шелковой блузке из крепдешина светло-коричневого цвета с 8 пуговицами и заплатами на рукавах. Видны заплатки не только на одежде, но и на обуви (Книга № 1: №№ 464, 467, 468). Перечисленные предметы одежды Н. К. Крупской поступали в музей как «сильно поношенные» (панталоны «сильно поношены, с заплатками», «рубашки х/б сильно поношены, с заплатками, разорваны») (Научный Архив: 3–9). Лишь шелковый халат, присланный некой Верой Кошелевой, Крупская не надела ни разу.

М. И. Ульянова записала, что Крупская привыкала к вещам и носила их до последней возможности: «*Иногда какую-либо часть костюма, привыкнув к ней, Надежда Константиновна носила так долго, что та приобретала совершенно малоприличный вид. Вставал вопрос о том, чтобы спрятать у нее эту вещь и заменить. Но это было не так-то просто, Надежда Константиновна могла быть недовольна узурированием ее права носить то, что ей хотелось*» (Ульянова 1991). Попытки «нарядить» ее оканчивались желанием отправить вещи нуждающимся («отдавала в числе других вещей на фронт во время сбора их в период гражданской войны») (Ульянова 1991).

С точки зрения традиционности семейных ролей в кругу Ульяновых, нет оснований сомневаться в том, что эта традиционность поддерживалась безусловным признанием главенства Ильича: «*В ссылке я вышла замуж за Владимира Ильича, и с тех пор моя жизнь шла следом за его жизнью, я помогала ему в работе чем и как могла*» (Крупская 1957: 27). Из любой точки комнаты Крупской был виден предмет или фотография, книга или вещь, с ним связанная. После смерти мужа Крупская сделала небольшой картонный альбом, который назвала «Ильич», причем на обложке в каждой букве слова «Ильич» — его портрет; этот альбом она всегда носила с собой в портфеле, который ей был подарен мужем в 1920-м г. (Книга № 1: №№ 347, 367).

Комната М. И. Ульяновой выглядит иначе, это одна из самых больших комнат в доме — 34 м². С помощью книжного шкафа и шестистворчатой ширмы кремового цвета, обитой тесьмой, комната делилась на две зоны — зону личного пространства (кровать, платяной шкаф, туалетный столик с большим зеркалом) и зону кабинета-гостины (диван, кресла, стулья, два письменных стола, книжные шкафы, журнальные столы, сейф) (Книга № 1: №№ 570, 576, 577, 599). Если комната Крупской выглядела полупустой, то комната М. И. Ульяновой была полна безделушек, подарков, картин, фотографий. На подзеркальнике — несколько флаконов от духов «в граненом хрустале», пудреница «Красная Москва», расчески, украшения (Книга № 1: №№ 654, 666, 806, 807, 808, 811), над одним из письменных столов прибита полочка с сувенирами, фарфоровыми статуэтками и элегантным набором канцелярских принадлежностей, печаткой-клише «Мария Ильинична Ульянова» (Книга № 1: №№ 641, 657, 742).

Как ответственный секретарь газеты «Правда», М. И. Ульянова получала массу писем, блокнотов с конференций (Книга № 1: №№ 610, 763, 1394), как сестра Ленина — особые подарки (Книга № 1: №№ 603, 605, 1382), которые и размещала на виду — на стенах, полках, тумбочках, журнальных и письменных столах и на сейфе. Она, очевидно, любила красивые вещи — обтянутый шелком блювар, пресс-папье с инкрустацией, дорогие ручки, стаканы для карандашей, блокноты в кожаных и

металлических футлярах (Книга № 1: №№ 624, 625, 627, 638, 645), даже печатная машинка на одном из столов выглядит элегантно (Книга № 1: № 600). И если о проведении досуга супругой пролетарского вождя исследователю узнать нелегко, то о досуговой деятельности М. И. Ульяновой говорят, прежде всего, ноты. М. А. Ульянова (мать В. И. и М. И. Ульяновых) сама обучила музыке всех своих детей. В переписке члены семьи часто говорят о нотах, которые хотят приобрести, и о концертах, на которых побывали. Нотная библиотека Ульяновых — это 395 нотных тетрадей (Государственный каталог а). Ради М. И. Ульяновой в столовой стоял кабинетный рояль “С. BECHSTEIN” (Книга № 1: № 1405), рядом в фанерном коробе и хранилась нотная библиотека. В этой гостиной Мария Ильинична устраивала музыкальные вечера, играла сонаты Бетховена (*Лозгачев-Елизаров 1957*).

Другим увлечением сестры вождя была фотография, М. И. Ульянову увлек в 1922 г. фотокор газеты «Правда» В. Лобода. Лично М. И. Ульяновой принадлежал фотоаппарат «Кодак», негативы, известные фотографии Ленина и его семьи, в том числе «около сосны, на одном из излюбленных мест прогулок Владимира Ильича» (Книга № 1: №№ 676, 688). Она неоднократно снимала брата с товарищами по партии (Сталиным, Каменевым, Пятаковым), пока брат не стал «иногда противиться этому» (Ульянова 1991).

Духи, пудреница, расчески на туалетном столике М. И. Ульяновой подтверждают предположение о том, что хозяйка комнаты уделяла внимание внешности. Если у Н. К. Крупской был один портфель, то у М. И. Ульяновой их было пять, плюс две дамских сумки (Книга № 1: №№ 683, 850). В тумбочке несколько расчесок, щетка для волос, эbonитовая плойка, вычесанные волосы она собирала на шиньон (Книга № 1: №№ 913, 1507). Одежда М. И. Ульяновой из шевиота, маркизета модна, аккуратна, хотя тоже носилась долго, на юбке — небольшая аккуратная штопка, ткань шелковой блузки поношена и в затяжках, туфли сильно изношены и тоже залатаны (Книга № 1: №№ 898, 900, 905).

На ряде личных вещей М. И. Ульяновой сохранились метки — буква «У» на простыне, на черных чулках — «М» красными или белыми нитками, 11 пар чулок штапанные и 5 без штопки. Хранила М. И. Ульянова и «спороки» (распоротые части) платья и жакета, что говорит о бережном отношении ее к вещам. Нитки, булавки, иголки и пуговицы собирались в лаковую шкатулку (Книга № 1: № 956). Украшения сестры вождя хранились ею в сейфе: «серебряная медаль сестры Анны» (Книга № 1: № 910), золотые часы «Павел Буре» с монограммой «М. У.» (Книга № 1: № 906), гранатовые браслет, брошь и медальон, брошь с агатами, серебряные цепочка и серьги (Книга № 1: №№ 907, 908), возможно, не все эти вещи принадлежали лично ей. Скажем, дамские часики фирмы «G.F. Butte» с тремя ключиками для завода, были подарены ее сестре Ольге в 1887 г. в день окончания ею гимназии (*Савинов 2015*).

Если комната Н. К. Крупской выглядела полупустой, то комната М. И. Ульяновой поражает обилием безделушек, которые не являются необходимыми для жизни. При этом, и для Крупской, и для ее золовки Ульяновой комната служила и спальней, и кабинетом. Кроме того, были гостиная и столовая для часов досуга и гостей (РГАСПИ). В гостиной висели фотографии — в частности, фото семьи Ульяновых в полном составе (Симбирск, 1879 г.), портрет Александра Ульянова (1883 г.) и портрет М. А. Ульяновой незадолго до ее смерти (Книга № 1: №№ 785, 1449, 1464). В гостиной устраивали музыкальные вечера, на которых М. И. и А. И. Ульяновы играли

в четыре руки (Анна Ильинична переехала к М. И. Ульяновой и Н. К. Крупской в 1931 г. и поселилась в отдельной комнате), приглашали своих коллег, умеющих петь или играть на музыкальных инструментах. «Концерты эти не отличались сложной и утомительной программой. Единственными исполнителями на них были юная певица Сарра Крылова и ее подруга-пианистка, выступавшие с разнообразным репертуаром: романсы, русские и украинские песни» (*Лозгачев-Елизаров 1957*).

Столовая была обставлена женской частью семьи вождя революции так, что мало отличалась от подобных комнат в дворянских усадьбах. В центре ее стоял дубовый стол, стулья с плетеными спинками и сиденьями, в углу — напольные часы в футляре красного дерева. В буфете, кроме чашек и фужеров, хранили спиртовые кофеварки, термосы, цедильник для чая или кофе, полученные в подарок фарфоровые изделия с революционной символикой: подаренная секретаршой Н. К. Крупской на 8 марта 1920 г. чайная пара, с изображениями женщин разных национальностей, декоративные тарелки 1924 г. с портретами Марии Ильиничны и Владимира Ильича (Книга № 1: №№ 551, 552, 946, 952, 1516).

Общий уровень жизни честно описала в свое время Н. К. Крупская: «Нужды, когда не знаешь, на что купить хлеба, мы не знали. Жили просто, это правда. Но разве радость жизни в том, чтобы сытно и роскошно жить?» (*Крупская 1989: 458*). Анализ записной книжки расходов (Книга № 1: № 853), которую вела домработница Ульяновых в 1934 г., позволяет сделать вывод, что меню семьи Ульяновых было достаточно разнообразным. Они получали масло сливочное, сахар, хозяйственное мыло, чай, муку, регулярно покупали сезонные овощи, мясо, рыбу, сметану. В 1934 г. с апреля по июль 6 раз покупали черную икру на общую сумму 32 руб. 94 коп. Один раз упомянуто, что домработница заплатила за обеды по 70 рублей: уже тогда активно использовались готовые обеды из закрытых распределителей (*Слезкин 2019*). При этом с 11 февраля по 31 июля (далее книжка не читается ввиду неграмотности новой домработницы) мясо покупали 12 раз (всегда на одну и ту же сумму — 3 руб. 28 коп.), а рыбу — 14 раз (в основном судак, 2 руб. 25 коп.). Расходы на муку, макароны, гречку, мясо и рыбу приводят к заключению, что и дома домработница готовила. Когда С. Гиль пишет, что М. И. Ульянова умела организовать хозяйство, речь идет об общем руководстве домашними помощницами, а не о ее личной уборке или готовке. Семья Ленина продолжала придерживаться прежнего образа жизни, который был комфортен, без стремления к роскоши и избыточному потреблению. В то же время, за М. И. Ульяновой был тоже закреплен личный кремлевский шофер (ей в 1920-е было под 50) (*Кунецкая, Маштакова 1979: 198, 242*).

Завтракала и ужинала семья на кухне, где было теплее из-за печи, а для обеда собирались в столовой. Время обеда было строго фиксировано, чтобы семья имела возможность побывать вместе: «работать можно в любое время, но обедать надо не-пременно в один и тот же час!», полагал В. И. Ленин. В 15.45 шофер В. И. Ленина С. Гиль поднимался в кабинет Н. К. Крупской в Наркомпросе и напоминал о времени обеда ровно в 16.00 (*Гиль 1957: 55*). Распределительная система 1920-х гг. не была уравнительной; члены большевистской элиты получали предметы гигиены и лекарства в Лечсанупре Кремля (Книга № 1: № 853/7), имея своего семейного врача (проф. Ф. А. Гетье). В мемуарах много воспоминаний о том, что ему было поручено следить за тем, чтобы Н. К. Крупская и Ульяновы не переутомлялись (*Гиль 1957: 56; Кунецкая, Маштакова 1979: 198, 242–243*).

Большая часть музейной коллекции — это книги и журналы. Из них 11 000 — личная библиотека Ленина, еще 30 000 — библиотека семьи Ульяновых, собранная с 1924 по 1939 гг. Большая часть книг принадлежала Н. К. Крупской, они — о работе Наркомпроса, науке, библиотечном деле, охране памятников, образовании, немало их и по женскому вопросу. В семейной библиотеке 12 000 журналов: «Работница», «Крестьянка», «Работница и крестьянка», «Коммунистка», есть редкие: «Батрачка», «Коммунарка Украины», «Делегатка», «Общественница», «Хлеборобка», «Женский журнал», «Вопросы материнства и младенчества», «Гудок домохозяйкам (Приложение к газете «Гудок»)», «Колхозницы Украины (на укр. яз.)», «Крестьянка в Калязине», «Труженица Северного Кавказа» (Государственный каталог, б).

* * *

В историко-антропологических, повседневноведческих исследованиях самой сложной остается проблема широты распространенности того или иного проанализированного явления. Быт большевистской элиты мало ком изучался, а в послереволюционные годы (в отличие от жизни в эмиграции) никем не сопоставлялся с образом жизни и обыденностью российских горожан в 1920-е гг. В то же время, «предметы бытового обихода всегда обладали знаковым содержанием и потому характеризовали социокультурную принадлежность человека, ими пользовавшегося» (Кнабе 2008). Связь между предметами повседневной жизни и культурной принадлежностью была внеиндивидуальной. Поэтому целесообразно разделить предметы, входящие в коллекцию музея, на институциональные (социокультурная принадлежность человека) и личные (психологическое, человеческое отличие от другого). Для нашего анализа важно иметь ввиду, что и Н. К. Крупская, и М. И. Ульянова были выходцами из дворян и получили именно дворянское семейное и гимназическое воспитание (Н. К. Крупская была дворянкой с рождения, М. И. Ульянова — с 1886 г.). Таковыми были почти все лидеры большевиков, многие имели гимназическое образование, некоторые продолжали его в университетах. Образ жизни идейных вождей формировался в детстве, поэтому не удивительно, что многие представители партэлиты, став в 1920–1930-е гг. номенклатурными работниками, не сильно скорректировали бытовые привычки.

На примере семьи лидера партии можно наблюдать типичное для образованного дворянства стремление иметь в квартире собственную комнату-кабинет (иногда она же и спальня), желание предоставить личные комнаты каждому члену семьи, иметь пространство для библиотеки, гостиной/столовой, отдельную комнату домработницы. Несмотря на многочисленные публикации Н. К. Крупской о новом быте, сама она вместе с золовками стремилась к тем же формам досуга, которые были приняты в ее детстве и юности (музыка, чтение, рукоделие). Очевидно, что заложенные в детстве навыки бережного отношения к вещам (умения их залатать, сделать пригодными для длительного использования) не вступали в противоречие с новыми обстоятельствами жизни. Многие ли представительницы женской части большевистской элиты (та же А. М. Коллонтай, С. Н. Смидович) резко отказались от типичной для своей юности комфортности повседневных обыденных практик?

Членов семьи Ульяновых трудно упрекнуть в демонстративном потреблении: в коллекции нет дорогой мебели, утвари или одежды, а золотые часы в сейфе — скорее всего, подарок к окончанию гимназии. Но количество и качество вещей говорят

о высоком социальном статусе семьи, поддерживаемом советским распределителем. Основную работу по дому выполняли не сами члены семьи лидера партии, а домработницы, чтобы остальные занимались только интеллектуальным трудом. У семьи было несколько персональных шоферов, семейный врач, что говорит о тяготении этих представителей большевистской элиты к дворянской модели организации быта.

Что касается непохожести комнат и набора личных вещей жены и сестры вождя, то она имела скорее личностные, а не институциональные основы. Аскетизм комнаты Крупской был обусловлен не экономическими, а психологическими причинами. А внутренняя потребность в милых вещицах, типичная для М. И. Ульяновой — особенность ее личности, большей связанные с прошлым, его дериват. Убираемые Н. К. Крупской с глаз долой подарки — свидетельство ее равнодушного отношения к быту; напротив, подчеркнуто выставленные напоказ вещи М. И. Ульяновой характеризуют их хозяйку как уделяющую немалое внимание внешней стороне жизни.

Введение в научный оборот вещей из музеиных собраний и отражающих реалии жизни отдельного человека или семьи открыла возможность исследователям, «в большинстве случаев работающим с письменными источниками, соприкоснуться с овеществленной исторической действительностью» (*Измозик, Лебина 2010*). Сравнивая быт представительниц большевистской элиты с официально заявлявшимся курсом на коммунистический быт, хочется, перефразировав слова самого Ленина, сказать, что «быт оказался сильнее» лидеров партии (*Ленин 1974: 208*). «Повседневные практики никогда не выступают в форме доктрин социального изменения», и «любые нововведения политического и экономического характера воспринимаются людьми как враждебные, как покушение на устоявшееся, если затрагивают повседневность» (*Кобозева 2006: 4*). Проанализировав круг вещей, которыми пользовались представительницы большевистской элиты — бездетные «матери революции» А. И. Ульянова, М. И. Ульянова, Н. К. Крупская, столь рьяно поддерживавшие перестройку старого быта, — мы заключили, что женщины из ближнего круга вождя революции, вольно или невольно, но пытались сохранить черты своей прежней женской повседневности, ставшие привычными и связывавшими их с кругом близких времен их детства и юности.

Источники и материалы

Ленин 1974 — Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. М.: Изд-во политической литературы, 1974. Т. 5. 740 с.

БРЭ — Большая российская энциклопедия. <https://bigenc.ru/education/text/2236403> (дата обращения 02.10.2022).

Воспоминания о В. И. Ленине 1979 — Воспоминания о В. И. Ленине. Воспоминания родных. М.: Изд-во политической литературы, 1979. Т. 1. 646 с.

Гиль 1957 — Гиль С. К. Шесть лет с Лениным. М.: Молодая гвардия, 1957. 103 с.

Государственный каталог а — Государственный каталог музеиного фонда Российской Федерации. <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?q=Нотное%20издание&museumIds=2660&imageExists=null> (дата обращения 01.12.2022) (а)

Государственный каталог б — Государственный каталог музеиного фонда Российской Федерации. <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?q=Журнал&museumIds=2660&imageExists=null> (дата обращения 01.12.2022) (б)

Книга № 1 — Книга поступлений № 1. Музей «Кабинет и квартира В. И Ленина в Кремле». 31 мая 1962 г. 284 с.

Книга № 2 — Книга поступлений № 2. Музей «Кабинет и квартира В. И. Ленина в Кремле». 31 мая 1962 г. 229 с.

- Крупская* 1989 — Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. М.: Изд-во политической литературы, 1989. 494 с.
- Крупская* 1957 — Крупская Н. К. Полное собрание сочинений. М.: Изд-во АПН, 1957. Т. 1. 510 с.
- Кунецкая* 1978 — Кунецкая Л. И. Нотная библиотека семьи Ульяновых. М.: Советский композитор, 1978. 85 с.
- Кунецкая, Маштакова* 1986 — Кунецкая Л. И., Маштакова К. А. В Кремле жил и работал Ленин. М.: Московский рабочий, 1986. 284 с.
- Кунецкая, Маштакова* 1987 — Кунецкая Л. И., Маштакова К. А. Встреча с Лениным. М.: Советская Россия, 1987. 298 с.
- Кунецкая, Маштакова* 1973 — Кунецкая Л. И., Маштакова К. А. Крупская. М.: Молодая гвардия, 1973. 366 с.
- Кунецкая, Маштакова* 1979 — Кунецкая Л. И., Маштакова К. А. Мария Ульянова. М.: Молодая гвардия, 1979. 315 с.
- Ленин* 1976 — Ленин В. И. Доклад о новой экономической политике // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М.: Политиздат, 1976. Т. 44. 697 с.
- Лозгачев-Елизаров* 1957 — Лозгачев-Елизаров Г. Я. Незабываемое. Саратовское книжное издательство, 1957 (1959). 236 с.
- Мальков* 1967 — Мальков П. Д. Записки коменданта Кремля. М.: Молодая гвардия, 1967. 264 с.
- Музейная карточка — Музейная карточка № 1111. Музей «Кабинет и квартира В. И. Ленина в Кремле». Б.г.
- НАММК — Научный Архив Музеев московского Кремля. Фонд 20. Ед. хр. 31.
- Обичкин* 1988 — Обичкин Г. Д. (ред.). Надежда Константиновна Крупская: Биография. М.: Политиздат, 1988. 302 с.
- РГАСПИ — Российский государственный архив политической истории. Ф. 393. Оп. 1. Д. 273.
- Савинов* — Савинов А. М. Экспонаты симбирского периода жизни семьи Ульяновых // Музей-заповедник «Горки Ленинские». Наука и публикации [Электронный ресурс]. Б.г. <http://mgorki.ru/science/eksponaty-simbirskogo-perioda-zhizni-semi-ulyanovykh-v-kollektsii-muzeya-kabinet-i-kvartira-v-i-leni/> (дата обращения 01.11.2022).
- Ульянова 1991 — Ульянова М. И. О Владимире Ильиче // Известия ЦК КПСС. 1991. № 4. С. 5–8.

Научная литература

- Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. М.: Медиум, 1995. 335 с. [https://skepdic.ru/wp-content/uploads/2013/05/Berger_Lukman_-Sotsialnoe_konstruirovaniye_realnosti_skepdic.ru](https://skepdic.ru/wp-content/uploads/2013/05/Berger_Lukman_-_Sotsialnoe_konstruirovaniye_realnosti_skepdic.ru)
- Гурова О. Ю.* Идеология в вещах: социокультурный анализ нижнего белья в России: 1917–1980-е гг. Диссертация... к.к.н. М.: РГГУ, 2004. <https://www.dissercat.com/content/ideologiya-v-veshchakh-sotsiokulturnyi-analiz-nizhnego-belya-v-rossii-1917-1980-e-gg>
- Журавлев С. В.* «Маленькие люди» и «большая история». М.: РОССПЭН, 2000. 351 с.
- Измозик В. С., Лебина Н. Б.* Петербург советский: «новый человек» в старом пространстве. СПб.: Крига, 2010. 233 с. https://library.by/portalus/modules/building/readme.php?subaction=showfull&id=1617195287&archive=&start_from=&ucat=&
- Клоц А. Р.* Домашняя прислуга как социальный феномен эпохи сталинизма. Автореферат диссертации... к.и.н. Пермь, 2012. 28 с.
- Кнабе Г. С.* Диалектика повседневности. М.: Изд-во «Вопросы философии», 2008. 23 с. https://imwerden.de/pdf/knabe_dialektika_povsednevnosti.pdf
- Кобозева А. В.* Культурно-антропологический анализ повседневной жизни Москвы: социальные эксперименты первого послереволюционного десятилетия. Диссертация... к.и.н. М.: Гос. ун-т управления, 2006. 242 с.
- Лебина Н. Б.* Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М.: НЛО, 2018. 482 с.

- Минаков С. Т., Фефелов С. В. Большевизм и советская власть в общественно-бытовом мнении 1918–1920-х гг. // Уч. записки Орловского Гос. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2013. № 1 (51). С. 103–107.
- Мохов В. П. Повседневность советской номенклатуры // Исторические, философские, политические и юридические науки. 2013. Том 37. Вып. 11 (1). С. 125–126.
- Пушкирева Н. Л. История повседневности и история частной жизни: соотношение понятий // Социальная история. М.: РОССПЭН, 2005. С. 93–113.
- Слезкин Ю. Л. Дом правительства. М.: АСТ, 2019. 969 с. <https://knigogo.net/chitat-online/dom-pravitelstva-saga-o-russkoj-revoljutsii/>
- Смирнова Т. М. «Бывшие люди» в социальной структуре и повседневной жизни советского общества: 1917–1936 гг. Диссертация. к. и. н. М.: ИРИ РАН, 2009.

References

- Berger, P. and T. Luckmann. 1995. *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti* [The Social Construction of Reality]. Moscow: Medium. 335 p. https://skepdic.ru/wp-content/uploads/2013/05/Berger_Lukman_Sotsialnoe_konstruirovaniye_realnosti_skepdic.ru
- Gurova, O. Yu. 2004. *Ideologiya v veshchakh: sotsiokul'turnyi analiz nizhnego bel'ia v Rossii: 1917–1980-e gg.* [Ideology in Things: Sociocultural Analysis of Underwear in Russia: 1917–1980s.] Ph.D. diss., Russian State University for Humanities. <https://www.dissercat.com/content/ideologiya-v-veshchakh-sotsiokulturnyi-analiz-nizhnego-belya-v-rossii-1917-1980-e-gg>
- Izmozik, V. S. and N. B. Lebina. 2010. *Peterburg sovetskii: «novyi chelovek» v starom prostranstve* [Peterburg the Soviet: „New Man“ in the Old Space]. Saint Petersburg: Kriga. 233 p. https://library.by/portalus/modules/building/readme.php?subaction=showfull&id=1617195287&archive=&start_from=&ucat=&
- Klots, A. R. 2012. *Domashniaia prishluga kak sotsial'nyi fenomen epokhi stalinizma* [Domestic Servants as a Social Phenomenon of the Stalinist Era]. Ph.D. diss. Abstract, Perm State National Research University.
- Knabe, G. S. 2008. *Dialektika povsednevnosti* [Dialectics of Everyday Life]. Moscow: Publishing House „Questions of Philosophy“. 23 p. https://imwerden.de/pdf/knabe_dialektika_povsednevnosti.pdf
- Kobozeva, A. V. 2006. *Kul'turno-antropologicheskii analiz povsednevnosti zhizni Moskvy: sotsial'nye eksperimenty pervogo poslerevoliutsionnogo desiatiletia* [Cultural-Anthropological Analysis of Everyday Life in Moscow: Social Experiments in the First Post-Revolutionary Decade]. Ph.D. diss., The State University of Management.
- Lebina, N. B. 2018. *Sovetskaia povsednevnost': normy i anomalii. Ot voennogo kommunizma k bol'shomu stilu* [Soviet Everyday Life: Norms and Anomalies. From War Communism to Grand Style]. Moscow: NLO. 482 p.
- Minakov, S. T. and S.V. Fefelov. 2013. Bol'shevizm i sovetskaia vlast' v obshhestvenno-bytovom mnenii 1918–1920-h gg. [Bolshevism and Soviet Power in Public Opinion in the 1918–1920s.]. *Uchenye zapiski Orlovskogo Gosudarstvennogo universiteta. Serija Gumanitarnye nauki* 1(51): 103–107.
- Mokhov, V. P. 2013. Povsednevnost' sovetskoi nomenklatury [Daily Routine of Soviet High-Ranking Functionaries]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki* 37(11(1)): 125–126.
- Pushkareva, N. L. 2005. Iстория повседневности и история частной жизни: соотношение понятий [The History of Everyday Life and the History of Private Life: the Relationship Between Concepts]. In *Social'naia istoriia* [Social History]. Moscow: ROSSPEN. 93–113.
- Slezkin, Yu. L. 2019. *Dom pravitel'stva* [The House of the Government]. Moscow: AST. 969 p. <https://knigogo.net/chitat-online/dom-pravitelstva-saga-o-russkoj-revoljutsii/>
- Smirnova, T. M. 2009. «*Byvshie liudi* v sotsial'noi strukture i povsednevnosti zhizni sovetskogo obshhestva: 1917–1936 gg. [„Former People“ in the Social Structure and Daily Life of Soviet Society: 1917–1936]. Ph.D. diss., The RAS Institute of Russian History.
- Zhuravlev, S. V. 2000. «*Malen'kie liudi* i «*bol'shaia istoriia*» [„Little People“ and „Big Story“]. Moscow: ROSSPEN. 351 p.

КРОСС-КУЛЬТУРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ФЕНОМЕНОВ ЗДОРОВЬЕСБЕРЕЖЕНИЯ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19 И В ПОСТПАНДЕМИЙНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

УДК 39+61

DOI: 10.33876/2311-0546/2023-4/170-188

Научная статья

© *В. И. Харитонова*

РЕАКЦИЯ РОССИЙСКОГО ЗДОРОВЬЕСБЕРЕЖЕНИЯ НА РАЗВИТИЕ ПАНДЕМИИ COVID-19 И ВЫХОД ИЗ НЕЕ (КРОСС-КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ)

Здоровьесбережение, в рамках которого рассматриваются в статье проблемы реакции населения на происходившее в стране и мире в период эпидемии/пандемии SARS-CoV-2 в плане отношения к заболеванию, возможностям его лечения, к профилактике и реабилитации и т.д., трактуется с позиции личных и групповых особенностей сохранения здоровья, хотя при этом учитывается и значение термина как системы охраны здоровья, формируемой специализированными инстанциями в рамках государства. Указывая на трансформации, происходившие с коронавирусной инфекцией и борьбой с ней, автор, на российских и иных материалах, рассматривает различные попытки сопротивления «короне» со стороны неконвенциональной медицины и практиков этой сферы, занимающихся профилактикой, лечением, реабилитацией/восстановлением, наряду с существующей в стране официальной системой здравоохранения — альтернативно биомедицине или комплементарно (дополнительно). В сложной ситуации непонимания происхождения и специфики течения самого заболевания, его последствий предпринимались порой нелепые попытки оценки вируса и предложения вариантов борьбы с ним не только со стороны практиков народной медицины (что было вполне ожидаемо), народных целителей, а вместе с ними и квазирелигиозных специалистов, но и в рамках самой конвенциональной сферы биомедицины множились протоколы лечения, или споры специалистов узкого профиля (вирусологов и эпидемиологов), а наряду с ними и практикующих лечащих врачей, задействованных в ликвидации эпидемических ситуаций. Во всем происходящем активно участвовали представители распространенной довольно широко в нашей стране традиционной медицины (отечественной — бурято-монгольской и завезенной из азиатских стран — китайской, индийских, корейской и т.д.) В сравнительном плане рассматривается использование ТМС в пандемию в Китае, Индии, других странах.

Харитонова Валентина Ивановна — д. и. н., главный научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (Российская Федерация, 119334 Москва, Ленинский проспект, 32А). Эл. почта: medanthro@mail.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2280-8185>

* Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН.

Ключевые слова: здоровьесбережение, здравоохранение, пандемия, эпидемия, COVID-19, народная медицина, народное целительство, традиционная медицина, традиционные медицинские системы (TMS), квазирелигиозные практики

Ссылка при цитировании: Харитонова В. И. Реакция российского здравьесбережения на развитие пандемии COVID-19 и выход из нее (кросс-культурный аспект) // Вестник антропологии. 2023. № 4. С. 170–188.

UDC 39+61

DOI: 10.33876/2311-0546/2023-4/170-188

Original article

© Valentina Kharitonova

REACTION OF RUSSIAN HEALTH CARE TO THE DEVELOPMENT OF THE COVID-19 PANDEMIC AND THE WAY OUT OF IT (THE CROSS-CULTURAL ASPECT)

The article discusses the problems of the population's reaction to what happened in the country and the world during the SARS-CoV-2 epidemic/pandemic in terms of attitudes to the disease, the possibilities of its treatment, prevention and rehabilitation. The term "health care" is understood here as personal and group characteristics of health preservation, although its another meaning as a health protection system formed by specialized state agencies is also discussed. The author highlights the transformations caused by the Coronavirus infection and uses Russian and other materials to examine various attempts to resist "Corona" from unconventional medicine and its practitioners engaged in prevention, treatment and rehabilitation along with the existing official health care system — as an alternative to biomedicine or complementary to it. In a difficult situation when little was known about the origin, the course of the disease and its consequences, ridiculous solutions were sometimes offered not only by practitioners of traditional medicine, folk healers along with quasi-religious specialists (which was not surprising), but also within the very sphere of conventional biomedicine. New treatment protocols appeared every now and then; disputes arose among virologists and epidemiologists as well as practicing physicians involved in the elimination of epidemic situations. Representatives of traditional medicine widely spread in our country (domestic — Buryat-Mongolian and imported from Asian countries — Chinese, Indian, Korean, etc.) actively participated in everything that was happening. For comparison, the use of TMS practices during the pandemic in China, India, and other countries is considered in the paper.

Keywords: health preservation, healthcare, pandemic, epidemic, COVID-19, folk medicine, folk healing, traditional medicine, traditional medical systems (TMS), quasi-religious practices

Author Info: Kharitonova, Valentina I. — Dr. Sc., Chief Researcher, N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: medanthro@mail.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2280-8185>

For citation: Kharitonova, V. I. 2023. Reaction of Russian Health Care to the Development of the COVID-19 Pandemic and the Way out of it (Cross-Cultural Aspect). *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 4: 170–188.

Funding: Published in accordance with the research plan of the Institute of Ethnology and Anthropology RAS.

Введение

В настоящее время о пандемии написано множество научных и научно-популярных работ на разных языках мира, однако абсолютное большинство их посвящены проблемам биомедицины и тому, как системы здравоохранения справлялись с эпидемическими ситуациями. Здоровьесбережением¹ в связи с COVID-19 исследователи интересовались меньше, и это понятно: эпидемия в Китае, ставшая пандемией, была спроектирована повсеместно на биомедицину, а борьба с ней и обуздание вируса возложены, соответственно, на системы здравоохранения. При этом, совершенно очевидно, что в ситуации быстро разрастающихся эпидемий в различных странах мира, приведших к объявлению 11 марта 2020 г. Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) пандемии², в процессы сохранения здоровья и лечения нового заболевания оказались втянуты все имеющие и даже не имеющие отношения к подобным проблемам лица (от ответственных за здоровье в семье бабушек и мам до народных лекарей различного типа), а также всевозможные официальные и неофициальные структуры сохранения здоровья (от практик народной медицины до народного целительства и официальных традиционных медицинских систем — ТМС).

В январе 2020 г. ВОЗ объявила вспышку эпидемии в Китае (в г. Ухань), связанную с SARS-CoV-2, «чрезвычайной ситуацией» в области здравоохранения международного значения, и только 11 марта 2020 г. Генеральный директор ВОЗ д-р Т. А. Гебрейесус заявил, что COVID-19, принявший мировой масштаб распространения, можно характеризовать как пандемию (ВОЗ объявила 2020), хотя это не имело надлежащей мотивации: «...По официальной статистике тогда выявленных больных было всего 118 тыс. человек, хотя уже в апреле инфекцию обнаружили у более чем миллиона человек» (Харитонова 2020). За сравнительно небольшой период времени — до отмены пандемии 5 мая 2023 г. той же ВОЗ — прошла (по событийной насыщенности, смене событийного ряда, связанного с ковидными проявлениями и реакциями на это, с изменениями знаний и представлений о самом феномене) целая эпоха: не случайно пишущими о пандемии иногда используется такое словосочетание как «эпоха ковида».

¹ Термин *здоровьесбережение* используется здесь в специфической трактовке, непривычной для социологии и педагогики: как более широкая (не только в рамках собственно здравоохранения) забота о здоровье и борьба с заболеваниями с помощью всех существующих средств всеми возможными акторами таких процессов — от ответственных за то членов семьи и врачевателей-одиночек до представителей традиционных медицинских систем (ТМС) и практиков традиционной народной медицины (т. е. силами конвенциональной и неконвенциональной медицины в целом).

² Осторожность таких высказываний диктуется особенностями понятия *пандемия* и спецификой объявления пандемии ВОЗ в 2020-м г. — известно, что уровень заболеваемости не достиг требуемых 5%, а пандемия была объявлена вследствие угрозы глобального распространения в фантастической прогрессии.

Мир пережил несколько периодов пандемии: от изначального — с реакцией ужаса на случившееся и непониманием происходившего в Ухане¹, а потом и в собственных странах (см. подробно: Харитонова 2020) — до условно финального к весне 2023 г., когда все уже устали от происходящего и ослабили внимание в отношении эпидемических проявлений. Впрочем, это не означает, что SARS-CoV-2 исчез и люди перестали от него страдать. Совсем недавно Минздрав России, например, поручил регионам снова готовиться к масочному режиму, как минимум, в больницах: «...Уровень заболеваемости коронавирусом начал снижаться в России с октября прошлого года и достиг минимальных значений к июлю. В мае 2023 г. ВОЗ объявила об окончании пандемии COVID-19, однако в августе заболеваемость снова начала расти. Так, если в начале августа в России выявляли около 3 тыс. зараженных в неделю, то к 10 сентября уровень заболеваемости увеличился до 7688 выявленных случаев (рост за неделю на 49,2%). Пандемии теперь нет, но заболевание по-прежнему существует, унося сотни и тысячи жизней, хотя медицинские чиновники сообщают о том, что ковид стал менее сильным, однако (многие штаммы) более агрессивным. В конце августа ВОЗ также предупреждала о резком росте заболеваемости COVID-19 в мире» (Минздрав поручил регионам 2023). Но надо отметить, что странностей в оценках и рекомендациях на всем протяжении пандемийно-эпидемического процесса было очень много. Это наблюдается и сейчас: «Роспотребнадзор не требует и не предлагает прививаться от COVID-19 в этом сезоне, — заявила глава ведомства Анна Попова»; но в той же информации значится: «В то же время, как сообщили накануне в федеральном оперативном штабе, показатель заболеваемости COVID-19 на сто тысяч населения за последнюю неделю увеличился на 31,7 процента и составил 24,13 случаев. В больницы попали 5042 человека — на 33,4 процента больше, чем на предыдущей неделе. Рост числа госпитализаций отмечается в 64 регионах, из них в 33 он выше, чем в среднем по стране»; однако теперь «... по словам Поповой, россиянам стоит пройти вакцинацию против вируса гриппа» (Вакцинация от коронавируса 2023).

Как утверждают эпидемиологи и вирусологи, мы долго будем жить вместе с этим назойливым коронавирусом, который пока пытается приспособиться к жизни с нами, а человечество — к существованию с ним в его ослабленных вариантах, надеясь на то, что ковид станет просто сезонным заболеванием. И понятно, что отношение людей не только к сфере эпидемической гигиены (вроде ношения масок и использования дезинфекторов) (см. о социальном дистанцировании, напр.: Феденок, Буркова 2020), но и к вопросам лечения заболеваний, порождаемых вирусом — различными его штаммами, видами и подвидами — будет меняться вместе с методами оздоровляющего и лечебного воздействия на организм человека (Пандемия COVID-19 2021).

Разумеется, все это связано с повышением уровня тревожности (см., напр.: COVID-19 2022; Буркова и др. 2022: 132–158) и даже более серьезными трансформациями психического здоровья (см., напр.: Лубеницкая, Иванова 2020; Островский, Иванова 2020 и др. специальные работы). Основания к этому есть, поскольку ковид по-прежнему ведет себя не так, как обычные сезонные заболевания, о чем периодически нам напоминают специалисты.

¹ Многие, я думаю, помнят ролики, с фантастической скоростью распространявшиеся в WhatsApp, об идущих по улицам китайцах, которые неожиданно падают и умирают прямо на ходу.

«Как лечиться, если врачи не знают, что и чем лечить?..»

Тревожное, психически напряженное состояние общества порождает все новые страхи перед пугающей болезнью и метания в поисках возможности избежать — пока не заразился, либо вылечиться — если уж заболел. И тут, как обычно бывает в такое время, все способы хороши. Особенно если все складывается так, как это было в первые месяцы пандемии: болезнь непонятна, слухи доходят разные, врачи не знают, как и чем лечить, а еще волной накатывает масса социальных запретов с предписаниями: не выходить из дома, обзавестись кьюар-кодами (QR-код) и др.¹ Разумеется, если заболевание активно и широко распространялось, а смертность в больницах была очень высокой, в т. ч. среди врачей, которые в самом начале эпидемии не знали, как себя защитить — они иногда даже не имели спецодежды², то люди, понимая, что биомедицина в данном случае совсем не панацея, сами искали иные варианты защиты и лечения. Помимо этого, не стоит забывать, что в нашей стране далеко не все граждане разных возрастов вообще готовы были лечиться в государственных биомедицинских клиниках. Кстати, у нас есть места, где таких клиник просто не существует (разве что вновь открыли обычные ФАПы, массово закрытые при перестройке здравоохранения), и есть люди, которые не склонны лечиться именно в системе биомедицины: «Характерно, что к шаманскому лечению до сих пор некоторые коренные северяне относятся с большей верой и почтением, чем к официальной научной медицине. Я встречала людей, которые ни разу в жизни не обращались к медикам, пользуясь услугами только шаманов и народных целителей...» (ПМА-2023).

Вместе с тем, многие из живущих по предписаниям системы здравоохранения ждали появление вакцин, вспоминая ситуации с полиомиелитом, чумой, сибирской язвой, корью... (кроме заядлых антивакцинаторов, движение которых было хорошо известно в т. ч. в России и ранее — см., напр.: *Ожиганова 2011*). Однако вопрос о вакцинировании оказался очень непростым, что отмечали и сами врачи, которые активно участвовали в дискуссиях о создании новых вакцин (как «за», так и «против» внедряемых препаратов). Споры специалистов продолжаются и сейчас: например, доктор медицинских наук, профессор Д. В. Иванов недавно на форуме «Народное образование» очень резко высказался о скороспелом применении генномодифицированных вакцин, которые — как полагает не только он — нанесли очень значительный вред (Генномодифицированные вакцины 2023); специалист озабочен этим настолько, что бьет тревогу, говоря о демографии фразами: «Мы вымираем!» Чиновники также признают: «На сегодняшний день вопрос иммунизации является объектом многочисленных обсуждений. Мир разделился на два фронта — защитников и противников прививок, при этом остро стоит вопрос о вакцинации против новой коронавирусной инфекции» (*Попова, Побежимова 2022: 81*).

В вакцинировании изначально людей пугало многое, но особенно — последствия прививок, как краткосрочные, так и отложенные. Напрягало то, что препараты были недостаточно исследованы. В наше время не только специалисты знают о «Большой Фарме», лоббировании выгодных кому-то средств, их подделке и т. д. В вопросе вакцинации многих смущают дискуссии на темы деятельности европейских чиновников,

¹ См., напр., о положении в России и других странах в начале эпидемии: (*Харитонова 2020; Харитонова, Булдакова 2020*); ср. в других странах мира: (*Бахматова 2020; Рыжакова 2020; Сорокина 2020; Янева-Балабанска 2020* и др. работы).

² Известно, что это было далеко не везде, но часто встречалось, особенно в первые месяцы пандемии.

в том числе работающих в ВОЗ, а в целом и то, что российские представители здравоохранения самого высокого ранга входят теперь в названную международную организацию, в ее «верхушку». При этом многие понимали, что в «горячей ситуации» — особенно когда создаются «набегу» десятки и сотни вакцин¹ — случится может всякое.

Любопытно, что в этом вопросе многое скрывается не только в отношении западных вакцин (к Pfizer, как известно, есть много претензий²), но и в отношении наших. Буквально осенью этого года «Комитет Госдумы по охране здоровья не поддержал законопроект о публикации основных результатов испытаний лекарственных препаратов, который внес зампредседателя комитета Алексей Куриенный, он пишет: «... Напомним, данные о результатах испытаний «Спутника V» не обнародованы до сих пор. На сайте sputnikvaccine.com, посвященном препаратуре, в конце раздела «Клинические испытания» идут три ссылки на американский сайт clinicaltrials.gov. По всем трем ссылкам указано: No Results Posted, то есть результатов нет. Гражданам России вводили вакцину, данные по которой от них скрыты».

В начале 2022 г. на запрос Куриенного Минздрав РФ ответил, что не обнародует результаты испытаний «Спутника V», так как это коммерческая тайна, принадлежащая разработчику этого генного препарата, а ее публикация не предусмотрена действующим законодательством» (Госдума выступила 2023).

Естественно, это вызывает недоумение («где секрет в публикации результатов проверки?») и подозрения в том, что «нас опять обманули». Кстати двумя годами раньше в Госдуме выступили против массовой проверки документов о вакцинации. Однако, «по словам вирусолога Центра им. Гамалеи Александра Бутенко, у каждого пятого россиянина с сертификатом о вакцинации документ поддельный. «Около 15–20% от числа всех привитых имеют поддельные сертификаты о вакцинации — это большая проблема», — сказал он» (В Госдуме выступили 2021).

Но вакцина сама по себе — не единственная проблема; проблемным стало то, что людей вынуждали делать прививки, несмотря на недоверие к ним, поскольку без этого было невозможно работать во многих организациях.

В целом в медицине все было неустойчиво. Пугали людей различия в рекомендациях по лечению, а более всего то, что сами медицинские рекомендации меняются бесконечно; многие полагали, что это свидетельствует о беспомощности здравоохранения. Так, например, заведующая одним из инфекционных госпиталей в Тверской области сообщала журналисту в октябре 2021 г.: «Лечение больных в Нелидовском ковидном госпитале проходит в соответствии с рекомендациями Минздрава России, 14 октября вышли обновленные клинические рекомендации, уже 13-е по счёту с начала пандемии» (Кочеткова 2021). Сейчас, в октябре, появились уже 18-е «Рекомендации для врачей по COVID-19» (Информация 2023).

Страхи нагнетались и прогнозами специалистов: «В середине апреля эксперт ВОЗ, профессор Лоуренс Гостин предупредил, что в тех государствах, которые прошли пик заболеваемости и готовы вернуться к нормальной жизни, возможны вторая, тре-

¹ А именно так и было: «ВОЗ отмечает, на 04.05.2021 г. в разработке находится 280 вакцин-кандидатов против SARS-CoV-2, из которых 96 вакцин проходят испытания на людях и 184 находятся на стадии доклинических исследований» (Попова, Побежимова 2022: 81).

² В интернет-пространстве сейчас можно найти множество материалов с сообщениями о высокой смертности, инвалидизации и заболеваемости именно после прививок; в Германии уже поставлен первый памятник погившим от Pfizer; во многих странах мира на фирму поют в суд и т. д. (см. напр.: О некоторых последствиях 2023).

тья, а может быть даже четвертая волны коронавирусной инфекции» (*Нестерова 2020*). Конечно же, за первой волной пришла вторая, вирус еще не совсем ослабел (*Харитонова 2020а; Драган 2020*). Происходившее в стране не только в 2020-м, но и в последующий год, как минимум, было чем-то страшным. Больницы часто не справлялись с потоками тяжело больных пациентов. Многие болели дома, лечась либо по предписаниям врачей (с использованием современных средств информации эти люди находились под контролем медиков, но вне больничного пространства), либо принимая самостоятельные решения. И к этому были основания.

Куда пойти лечиться, если...?

Очевидно, если система здравоохранения дала хотя бы минимальный сбой, то надо было искать возможности профилактики и лечения самим потенциальным пациентам. Но ковид во многих случаях, особенно в первые два года, протекал очень тяжело — и не только у пожилых и ослабленных людей¹. Поэтому у нас в стране тяжелые больные оказывались пациентами клиник — в такой ситуации они были ограничены в собственных пристрастиях к иным методам лечения²; люди с более легким течением болезни, оставаясь дома, имели возможность прибегать к известным им системам и методам лечения или получали сведения через интернет-поиск — в группах и на форумах, как и в различных блогах, шел активный обмен знаниями и опытом пережитого. Иногда в специализированных группах (а они часто были международными) высказывания пациентов и их родственников комментировали врачи.

Вопрос о том, куда пойти лечиться и восстанавливаться после уже перенесенной болезни (иногда — это нет смысла скрывать — после полученного в клиниках лечения или прививок), каждый решал по-своему, но, разумеется, не в ситуации резкого обострения болезни с переходом в стадию пневмонии. Первая волна эпидемии в России, как и в других странах мира, отличалась полнейшей неразберихой и сумятицей в системе здравоохранения: инфекционных клиник не хватало (и это мягко сказано), маршрутизация не была отработана, дезинфекция оставляла желать лучшего (и в машинах «скорой помощи», и в самих клиниках, не говоря уже об общественных местах), средства гигиены не сразу стали поступать в продажу, а тесты очень долго разрабатывались и внедрялись...

Но самое главное — ни врачи, ни обыватели, заболевая и становясь пациентами системы здравоохранения, не знали, могут ли они надеяться на выживание. Иногда молодые люди «сгорали» за несколько дней: «Да вон, знакомый — 42 года — пошел к ним (в поликлинику, — В. Х.) — ну и что? Сначала сказали, что нет у него никакого ковида, а потом он на третий день к ним опять дошкандыбал, ну и в тот же день там и умер» (*ПМА-2020*). Многие просто боялись оказаться в госпиталях и больницах: «Вы представляете, они меня привезли в «скорой» — не известно, сколько там заразы можно подцепить, а потом еще и положили в коридоре, где на соседних

¹ Как все помнят, лишь дети переносили заболевание достаточно легко, при этом считаясь его активными разносчиками; были даже запреты на их контакты с пожилыми родственниками.

² Впрочем, конечно же, не все: например, д. м. н. С. М. Бубновский не только принимал самостоятельные решения по коррекции своего состояния в клинике, но и, выйдя из больницы, активно консультировал пациентов по особенностям поведения во время болезни, а также при последующем восстановлении, о чем активно рассказывал в социальных сетях и в телепередачах во время своей последующей реабилитационной работы с теми, кто прошел через ковид.

носилках лежали ковидные. Я говорю, “убирайте меня отсюда — я же, может, без ковида!” А кому это нужно? У них — поток больных...» (ПМА-2021). То же самое было в других странах с такими же системами здравоохранения, как в РФ, или очень близкими; например, в Болгарии: «...Валечка, я же сама с медицинским образованием, хорошо понимаю свою ситуацию. Меня положили в палату, где 6 человек — все соседки кашляют. И я там лежала, пока проверяли, есть ли ковид или у меня пошли метастазы в легких...» (ПМА-2021).

Такие случаи были не только в первую волну пандемии и не только где-то — например, в Италии: периодически то в одном, то в другом регионе нашей страны вдруг создавалась ситуация коллапса; так в Хакасии осенью 2021 г. все больницы оказались переполненными — пациентов просто невозможно было госпитализировать за отсутствием мест (В Хакасии снова 2021); в Бурятии — ситуация была не лучше (В Бурятии не хватает 2021); перечень можно продолжить. Пугала и более чем грустная статистика медицинских потерь: врачи, особенно в первую волну, не везде и не всегда имели возможность защитить себя, не говоря уже о переработках, выгорании, обострении собственных заболеваний; смертность среди них была высокой в 2020 г., но в следующем она увеличилась: «Число медиков, умерших при борьбе с пандемией коронавируса в России, за первые полгода 2021-го составило 1100 человек. Об этом заявил председатель комитета Госдумы по бюджету Андрей Макаров, ссылаясь на данные о бюджетных расходах на компенсацию семьям умерших врачей. — Так вот, 485 врачей погибли в 2020 году, мы видим это по бюджету. Но в 2020 году не было вакцины. Сегодня эта вакцина есть, а количество погибших врачей увеличивается и увеличивается. За полгода этого года эта цифра достигла 1100, — сообщил Макаров» (В больницах закончились 2021). «”Пожалуй, я даже не припомню подобного испытания для системы здравоохранения со времени Второй мировой войны”, — сказал Валерий Самойленко, исполнительный директор Ассоциации медицинских сестер России» (В больницах закончились 2021).

Все это перенаправляло поток заболевавших из русла конвенциональной медицины — собственно здравоохранения (классической медицины) в иные составляющие здоровьесбережения, которые являются в нашей стране неконвенциональными. К ним традиционно относится домашняя/семейная медицина, народная медицина (практики народных лекарей), народное целительство, а также традиционная медицина в различных вариантах (см. о ее особенностях и отличиях от народной медицины: *Бромлей, Воронов 1976*), в том числе традиционные медицинские системы (ТМС), сформированные в азиатских странах (в первую очередь в Китае и Индии) во второй половине XX столетия. ТМС представлены у нас в отечественном или заимствованном варианте. Но, к сожалению, в нашей стране сфера неконвенциональной медицины¹ до сих пор законодательно не отрегулирована. У нас, по сути дела, нет даже того, что распространено, благодаря политике ВОЗ, проводимой в отношении неклассической медицины еще с 1980-х годов, в некоторых странах Европы — допуск, как минимум, ТМС в медицинскую практику, что нашло свое отражение в оформлении понятия КАМ/ДАМ (комплémentарной и альтернативной медицины;

¹ Существующая в Федеральном законе от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации" ... «Статья 50. Народная медицина» не позволяет четко разграничивать такие формы допуска как комплементарная (дополнительная) и альтернативная медицина; работа в этом направлении идет очень давно, но пока без особых успехов.

в переводах последних лет — дополнительной и альтернативной медицины). И хотя в РФ уже в первом законе — «Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан» (утв. ВС РФ 22.07.1993 N 5487-1) появилась Статья 57. «Право на занятие народной медициной (целительством)», в которой впервые вводилось понятие народного целительства, призванного по замыслу его создателей сформировать аналог азиатских ТМС на основе отечественных лёкарских и духовных практик вместе с экстрасенсорикой, это не привело к полному законодательному оформлению комплементарной (дополнительной) медицины ни во втором законе (Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»), ни в последующих законодательных актах.

Для сравнения обратим внимание на происходившее в странах Азии и Африки, где в силу ряда причин параллельно с классической медициной европейского типа (биомедициной) официально практикуется традиционная медицина, а вместе с ней обычно и народная медицина. В этом отношении наиболее преуспели Китай и Индия. Как известно, в КНР еще в середине XX в. прошла реформа здравоохранения, в соответствии с которой были выстроены две фактически параллельные ветви: классическая европейская медицина (биомедицина) и традиционная китайская медицина (ТКМ). Последняя была превращена в ТМС — традиционную медицинскую систему, которая структурировалась аналогично существующей системе здравоохранения европейского образца и при этом в значительной степени была избавлена от магических и мистических примесей не только в отношении собственно традиционной медицины (письменных форм), но и той части народной медицины (устной), которая оказалась привнесенной в ТМС. В настоящее время ТКМ имеет свои университеты, клиники, компании, производящие лекарственные средства, и др.; она находится в подчинении министерства здравоохранения как особая структура. Современные китайские исследователи подчеркивают важность использования ТКМ в здравоохранении, что основательно усилилось в период пандемии. Академик Чжан Боли ранее, еще до начала эпидемии, высказывался в отношении использования ТКМ в профилактике и лечении заболеваний: «ТКМ должна участвовать в профилактической работе на протяжении всего процесса» (*Zhou et al. 2020; Сян и др. 2020*). Надо отметить, что в Китае сейчас «... 42 высших учебных заведения, специализирующихся на ТКМ (в их числе 20 университетов ТКМ, 5 институтов ТКМ, 8 независимых институтов, 8 специальных школ ТКМ, 1 высшее профессиональное училище ТКМ)»; «... работают 3966 больниц ТКМ, в которых практикуют не менее 452000 врачей ТКМ. И есть ещё не менее 42528 амбулаторий ТКМ. Кстати, обучаются сейчас специальностям ТКМ в 42-х учебных заведениях 752000 студентов» (*Харитонова и др. 2018*).

Таким образом, в КНР наилучшая ситуация с внедрением традиционной медицины в официальную практику разного уровня: «В Китае традиционная китайская медицина является составной частью национальной системы здравоохранения. Это значит, что она обладает всеми ее атрибутами: имеется нормативно-правовая база, регулирующая функционирование традиционной китайской медицины в стране, существует многоуровневая система подготовки специалистов; работают больницы, поликлиники, аптеки. И, разумеется, проводятся научные исследования. Так, например, один из Нобелевских лауреатов последнего времени (2015 г.) — китаянка, фармаколог Ту Юю; она работает в Академии традиционной китайской медицины с 1959 г. Это единственная женщина Нобелевский лауреат в Китае. Она занимается

изучением растений, используемых в традиционной китайской медицине. Именно благодаря древним трактатам, ей удалось узнать о ценных свойствах нового вещества для лечения малярии — артемизинина. На основе этих исследований создано мощнейшее лекарственное средство против такого серьезного заболевания» (Харитонова и др. 2018). Институализация ТКМ позволило максимально активно использовать ее возможности в самом Китае.

В Индии ситуация несколько иная — там в более мягкой форме привлекли традиционные медицины и народные практики к официальной здравоохранительной деятельности. В рамках Министерства здравоохранения и поддержки семьи (Ministry of Health and Family Welfare) с 1995 г. существовал Департамент индийских систем медицины и гомеопатии (ISM&H), который позже был переименован в Департамент аюрведы, йоги и натуропатии, унани, сиддхи и гомеопатии, а 9 ноября 2014 г. преобразован в относительно самостоятельное Министерство AYUSH, которое по-прежнему курирует Аюрведу, Йогу и натуропатию, Унани, Сиддха, Гомеопатию; в настоящее время в его ведение появилась тибетская медицина Соба Ригпа. Здесь, как и в Китае, эти медицины имеют выстроенную систему подготовки кадров на университете уровне, множество клиник (от «медицины для бедных» до курортных вариантов обслуживания для богатых), свою фармакопею. Они преуспевают — как и ТКМ — не только в своей стране, но активно продвигаются за ее пределы фактически по всему миру, становясь глобальными медицинскими системами (в отношение аюрведы даже существует понятие «глобальная аюрведа»). Имея широкое применение в своих странах, они завоевывают мировой рынок, в т. ч. и российский. Но в РФ деятельность их специалистов не является до сих пор узаконенной. Врачам, приехавшим в нашу страну, приходится обходить многие препоны при трудоустройстве; они вынужденно оказываются в сфере неконвенциональной медицины, даже если они приобретают различные удостоверения специалистов народного целительства.

Ковидная мобилизация

К сожалению, юридический статус неконвенциональной медицины не изменился у нас и в период пандемии, в то время как в Китае и Индии, согласно их государственному законодательству, на борьбу с SARS-CoV-2 было мобилизовано все: и биомедицина с ее поиском новых вакцин и применением самых технологичных медицинских методов, и те ТМС, которые подчинены министерствам и ведомствам. В КНР, например, «в ситуации пандемии, объявленной Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ), и поразившей КНР эпидемии ТКМ активно использовалась в системе здравоохранения Китая на протяжении всего периода борьбы с коронавирусом и внесла определенный вклад в ликвидацию инфекции...

Комитет здравоохранения КНР сразу после начала распространения эпидемии опубликовал «Протокол лечения коронавирусной пневмонии (пробная версия)», в котором рекомендовано проводить лечение вируса в том числе и средствами ТКМ» (Протокол лечения и диагностирования коронавируса 2020; Сян и др. 2020).

Это дало очевидные позитивные результаты. Наши научные контакты на разных этапах эпидемической ситуации в Китае, например, с Чанчуньским университетом традиционной китайской медицины позволяют убедиться в том, что медицинский персонал клиник ТКМ работал на протяжении всей пандемии самым активным

образом. На эти клиники была возложена забота о профилактике и восстановительной практике в первую очередь, но при этом они активно участвовали и в лечебном процессе, разделяя заботу о пациентах с биомедицинскими больницами. В Индии все было несколько сложнее, хотя об участии докторов аюрведы в борьбе с ковидом тоже широко известно (см.: Копелиович 2023). Например, известны и широко рекламировались в разных источниках Аюрведические рекомендации Министерства AYUSH (Recommendations from Ministry of AYUSH [Govt of India]). Надо отметить, что эти разработки были созданы преимущественно для профилактики коронавирусной инфекции, хотя основные работы велись в поисках лекарства: «В этих исследованиях приняли участие эксперты Всеиндийского института Аюрведы, Института послевузовского обучения и научных исследований в области Аюрведы, Национального института Аюрведы, Джайпурского Центрального Совета по исследованиям в области Аюрведы, Центрального Совета по исследованиям в области йоги и натурапатии, и других национальных научно-исследовательских организаций.

Результатом работы явилось утверждение официального документа — Национального клинического протокола лечения COVID-19 методами аюрведы и йоги. (...) Сразу следует оговорить, что эти рекомендации относятся к профилактике, лечению лёгких форм коронавируса с бессимптомным протеканием и реабилитации после болезни. В более серьёзных случаях следует незамедлительно обращаться к врачу» (Семиряжко 2020). Разумеется, исключительно профилактические рекомендации не могли спасти страну от нескольких волн пандемии, но, конечно же, такая профилактика оказывала свое положительное воздействие.

Народная и традиционная медицины вынужденно противостояли ковиду и в тех странах мира, где биомедицина вообще мало доступна, особенно бедному населению, — например в ряде стран Африки: «С одной стороны, из-за труднодоступности услуг здравоохранения и, с другой стороны, из-за народных поверий большинство людей в таких развивающихся странах применяют — исключительно или частично — народную традиционную медицину. В развивающихся странах от 75% до 80% населения в большой степени полагаются на традиционную медицину, восходящую к народным практикам, в частности на препараты из местных лекарственных растений... (Падзис 2020)». Как известно, сложнейшей была ситуация с ковидом и в странах Латинской Америки, где до сих пор широко распространены методы народной медицины и шаманского целительства.

Что предпочитали россияне?

У нас, помимо официального здравоохранения, при всей нерешенности вопросов с неконвенциональной медициной, выбирать можно было из достаточно широкого спектра услуг, разумеется, если человек не заболел неожиданно для себя и заболевание не протекало в тяжелой форме. Логика потребителей очевидна: что не разрешено — то не запрещено, т. е. не включено в систему здравоохранения, но и не запрещено законом к частному/личному использованию. О том, как люди искали возможности не заболеть или излечиться, прибегая к рецептам семейной медицины, но в значительно большей степени к сетевому общению и интернет-консультациям разного рода, существует множество материалов, зафиксированных специалистами, а еще более того оставшихся на страницах форумов. Не буду на этом останавливаться в данной работе.

На рынке сохранения здоровья в пандемию, как и в иное время, были представлены услуги многочисленных практиков народной медицины (захарей, колдунов и пр.) и народного целительства, специалистов традиционной медицины / традиционных медицинских систем (ТМС) — отечественных и зарубежных в различных частных клиниках и на дому, adeptov самых разных (нео)религиозных систем и духовных практик... Конечно, все это приобрело новые формы общения между потребителями и специалистами в силу эпидемических требований, спроектированных уже на сложнейшую жизнь при пандемии. Например, общение во многих случаях перешло в интернет-пространство. В этом плане особенно преуспели представители квазирелигиозной, духовной сферы, многие из которых имеют психологическое образование разного уровня: они быстро освоили технику онлайн-семинаров, во время которых проводили даже свои обряды.

Одним из примеров такой деятельности может быть работа Елены Ратничкиной, которая характеризует себя так: «аналитический психолог, специалист по регрессионной терапии и методу экстатического транса, практик и исследователь шаманизма» (Институт; ПМА-2021–2023). Народные лекари и народные целители тоже не остались без клиентов и также во многих ситуациях переходили на онлайн-консультации. Некоторые не прерывали очные приемы даже в самые сложные периоды пандемии, подвергая себя опасности заражения, — даже если тяжело болели сами, снова возвращались к своей деятельности (ПМА-2020–2023). Желающих получить такие консультации и сеансы очищения/исцеления было множество: «Ну, конечно, много людей... еще больше, чем обычно, я бы сказал. Врачи же не лечат нормально — вот люди и бегут сюда, — сообщал мне народный лекарь и целитель А. С. в 2022 г. — У них же у многих осложнения и от лечения, и от прививок. У меня же и врачи лечатся, даже разные учёные со степенями...» (ПМА-2022).

Если говорить о традиционной медицине / ТМС в России, то единственная институционализированная и легитимная ТМ, близкая по своему развитию к ТМС — бурято-тибетская медицина, распространенная ныне не только в Республике Бурятия, но практически по всей РФ, — активно работала (в первую очередь в РБ) и как профилактическая, и как восстановительная, и даже как лечебная почти с самого начала пандемии. Представители этой медицины набрали колossalный опыт лечебно-профилактической практики в сложных эпидемических ситуациях. Уже во время пандемии в бурятском Центре восточной медицины, его профилактории, санатории и в других клиниках лечились не только местные пациенты и, конечно же, не только буддисты (а именно с буддизмом ассоциируется у нас бурято-тибетская медицина, среди специалистов которой есть и профессиональные врачи с соответствующей специализацией, и эмчи-ламы (ламы-лекари)). Информация об этой работе на различных этапах пандемии и в постпандемийное время не раз рассматривалась и обсуждалась на научных и обучающих мероприятиях ЦМА ИЭА РАН, в т. ч. на Школах медицинской антропологии и биоэтики, организуемых для студентов-медиков.

Помимо этого, отечественного направления традиционной медицины, на территории нашей огромной страны есть множество клиник, где работают специалисты традиционных медицин Китая, Индии, Кореи, Вьетнама — это либо приезжающие из разных стран подготовленные врачи традиционной медицины, либо российские специалисты, получившие какую-то (обычно, к сожалению, недостаточную) подготовку в сфере традиционной медицины в одной из стран, где эти медицины

являются вполне легитимными и составляют часть здравоохранения (хуже подготовлены медицинские работники, прослушавшие курсы в России). Уровень помощи был разный, как и ее качество, но, очевидно, представители ТМ/ТМС не пытались лечить ковид как таковой; они, согласно основным устремлениям их медицинских систем — холистических по сути — занимались укреплением иммунитета и оздоровлением целостного организма пациента. Надо отметить, что многие зарубежные специалисты этого профиля с началом пандемии вынужденно выехали из страны, но в современном глобальном мире они имели возможность консультировать онлайн.

В более выигрышной ситуации были представители ТКМ, которые, находясь в Китае (они обязаны были вернуться в страну во время пандемии), имели возможность поддерживать постоянные контакты со своими российскими клиентами и работать в китайской системе ТКМ (например, в госпитале одного из университетов традиционной медицины). Некоторые врачи Чанчуньского университета ТКМ, с которым ЦМА ИЭА РАН осуществляет постоянное научное сотрудничество, работали так через московскую Клинику традиционной китайской медицины «Природа Жизни». Схоже работали специалисты Аюрведы (практиковали российские доктора, сотрудничая с врачами из Индии).

* * *

Важнейшей составляющей российской неконвенциональной медицины является гомеопатия, много десятилетий представленная на нашем рынке медицинских услуг. К ней у нас в здравоохранении очень разное отношение (от полного неприятия до активного использования профессиональными врачами). Гомеопатическое лечение предпочитали многие ее приверженцы, особенно в варианте профилактики, но ее рекомендовали и сами врачи биомедицины (кстати, второй специализацией которых иногда является гомеопатия). Об одном из таких случаев рассказывает С. Д. Колдман в своей статье ««Не убивайте мою маму!»: отношение к пожилым людям во время пандемии COVID-19». Пожилой женщине (82 л.) врач посоветовала использовать привычную ей гомеопатию, в чем, кстати, можно усмотреть заботу о человеке в возрасте, которому крайне сложно было бы перенести курс лечения препаратами любых по счету клинических рекомендаций. Однако на основании этого и похожих случаев «Организация приверженцев доказательной медицины «Доверительный интервал» выступила с комментарием о нарушении медицинской этики Департаментом здравоохранения города Москва, позволившей в своих методических рекомендациях для врачей по мерам борьбы с коронавирусом включение в перечень препаратов с недоказанной эффективностью, — гомеопатических препаратов» (Колдман 2020).

Гомеопатия активно работала на рынке услуг: уже в начале пандемии появились различные рекомендации от врачей-гомеопатов, предлагавших лекарства и диеты во время эпидемии коронавируса (Колпакова 2020; От коронавируса «Белладонну» возьмите 2020). Поскольку это направление не только в нашей стране, но и во многих зарубежных странах имеет неустановленный медицинский статус, она (не только у нас) периодически подвергается нападкам со стороны и некоторых врачей, и отдаленно представляющих суть процессов лечения лиц. Гомеопатов у нас преследуют борцы со «ложной наукой» (напр.: Казанцева 2016; 27–54), и от коллег-медиков им тоже нередко попадает. Однако это медицинское направление, принося ощутимую пользу, как

минимум, в профилактической и восстановительной сферах, особенно в педиатрии и гериатрии, использовалось многими его поклонниками на всех этапах пандемии. Естественно, гомеопаты — не только в России — активно работали в ситуации ковида (см., напр.: Рекомендации по гомеопатическому лечению 2021). При этом на сайтах различных клиник (см. напр.: ФармаРус / Экологическая аптека: Лечит сама природа), предлагающих гомеопатию, публиковались материалы и статьи, рассказывающие об особенностях самого заболевания (с точки зрения конкретных специалистов, как правило), и рекомендации по профилактике и лечению с отсылками, в т. ч. к зарубежной практике — в первую очередь к индийской, поскольку там гомеопатия официально курируется как одно из направлений традиционной медицины Министерством AYUSH; а также к китайской. В грамотных публикациях обычно в finale подчеркивалось: «Главное — не заниматься самолечением и не отказываться от средств официальной медицины» ...; «...Люди должны совершенно четко понимать, что отказываться от аллопатического лечения в пользу гомеопатического нельзя. Это лечение комплементарное. Классическая медицина невероятно важна хотя бы с точки зрения диагностики», наряду с сообщениями фактически скрыто рекламного характера: «По данным 2017 года, 20% россиян пробовали лечиться гомеопатическими препаратами. Сегодня гомеопатические аптеки неправляются с заказами. Многие из упомянутых в этой статье препаратов распроданы» (Коронавирус CoViD 19).

Важно, что гомеопатия, как и традиционные медицины, предлагала свою помощь, пытаясь справляться с лонг-ковидом¹ в варианте когнитивных нарушений, которые возникали, как известно, в большинстве случаев у пожилых пациентов. Возможности лечения объяснялись довольно логично: «Было замечено, что аналогичные когнитивные нарушения возникали и после других серьезных вирусов, таких как SARS-1 и MERS. С другой стороны, не все переболевшие этими инфекциями люди имеют подобные жалобы. Можно предположить, что развитие данных осложнений связано не с самим вирусом, а с уровнем здоровья пациента» (Когнитивные нарушения 2023).

В российской практике приверженцы гомеопатии обращались к своим лечащим врачам на протяжении всей пандемии, а врачи фиксировали особенности течения болезни, назначали профилактические и лечебные препараты, анализируя поэтапно ситуацию. Так, примерно после года наблюдений врач «Клиники интегративной медицины Бенефакта» М. В. Гаевская констатировала: «Панацеи от нынешнего коронавируса пока нет, да и навряд ли будет (как нет панацеи от гриппа и других ОРВИ), но уменьшить симптоматику, облегчить течение болезни и ускорить процесс восстановления после болезни с помощью назначения гомеопатического лечения удается» (Гаевская).

Однако при этом были и биоэтические неприятности. Например, на сайте Агентства социальной информации 24.03.2020 появилась статья Марины Некрасовой, в которой сообщалось: «Организация приверженцев доказательной медицины «Доверительный интервал» считает, что Департамент здравоохранения города Москвы допустил грубейшее нарушение медицинской этики. Речь идет об учебно-методическом пособии для врачей, выпущенном в начале марта 2020 года под эгидой московского правительства. Пособие рекомендует врачам применять для профилактики

¹ «В сообществе врачей появился термин «лонг-ковид» (долгий ковид) или постковидный синдром, который поясняет, что коварная болезнь не прекращается после того, как вирус покинет организм. Характерными симптомами постковидного синдрома являются астения, тревожно-депрессивные и когнитивные расстройства» (Когнитивные нарушения 2023).

коронавирусной инфекции препараты с недоказанной эффективностью» (Некрасова 2020). Впрочем, надо отметить, что в статье речь шла не только (и не столько) о гомеопатических препаратах, в качестве примеров указывались те средства, к которым в биомедицине недоверчивое отношение.

* * *

Общая картина с неконвенциональной медициной в период пандемии в нашей стране была весьма пестрой и неоднозначной. Но она в основном не сильно отличалась от привычной допандемийной. Российское здоровьесбережение реагировало на развитие эпидемии SARS-CoV-2, объявление пандемии и все ее дальнейшие перипетии в первую очередь официально — в рамках системы здравоохранения. Наше население в зависимости от общего эмоционального состояния в тот или иной период более или менее активно использовало всевозможные методы и практики профилактики, оздоровления и даже лечения, наиболее привычные для себя. Каждый обращался в первую очередь в ту сферу, с которой был ранее хорошо знаком. И, пожалуй, только попадание на больничную койку лично либо при болезни близких людей активизировалось в плане восстановительного лечения и дальнейшей профилактики, поскольку все довольно быстро поняли, что сильный иммунитет как таковой не вырабатывается ни при вакцинировании, ни даже в результате болезни. Таким образом народная медицина, все варианты традиционных медицин, включая гомеопатию, а также квазирелигиозные и духовные практики оказались востребованными, в основном, не на этапе лечения, а на этапе реабилитации, хотя интернет и пестрил предложением средств и способов исцеления.

Источники и материалы

В больницах закончились 2021 — В больницах закончились не только койки, но и врачи: как ковид добивает систему здравоохранения // NGS24.ru Красноярск Онлайн [Электронный ресурс]. 24.10.2021. <https://ngs24.ru/text/health/2021/10/24/70210901/>

В Бурятии не хватает 2021 — В Бурятии не хватает мест в больницах, открывают ковидные госпитали в гостиницах // WEACOM.RU [Электронный ресурс]. 13 июня 2021 г. <https://www.weacom.ru/news/russia/society/204053>

В Хакасии снова 2021 — В Хакасии снова не хватает коек для больных коронавирусом // MKRU Хакассия [Электронный ресурс]. 11.10.2021. <https://www.mk-hakasia.ru/social/2021/10/11/v-khakasii-snova-ne-khvataet-koek-dlya-bolnykh-koronavirusom.html>

В Госдуме выступили 2021 — В Госдуме выступили против массовой проверки документов о вакцинации // Газета.Ru [Электронный ресурс]. 03 ноября 2021. https://news.rambler.ru/internet/47513413/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink

Вакцинация от коронавируса 2023 — Вакцинация от коронавируса в этом сезоне не нужна, сообщил Роспотребнадзор // РИА Новости [Электронный ресурс]. 8 ноября 2023 г. <https://news.mail.ru/society/58532330/?frommail=1>

ВОЗ объявила 2020 — ВОЗ объявила о начале пандемии COVID-19. World Health Organization [Электронный ресурс]. 2020. <http://www.euro.who.int/ru/health-topics/health-emergencies/coronavirus-covid-19/news/news/2020/3/who-announces-covid-19-outbreak-a-pandemic> (дата обращения: 29.03.2020).

Гаевская — Гаевская М. В. Гомеопатия против коронавируса // BeneFacta [сайт]. 6/г https://benefacta.ru/blog/stati_o_gomeopatiy_protiv_koronavirusa/

Генномодифицированные вакцины 2023 — Генномодифицированные вакцины. Медики бьют тревогу // Дзен [Электронный ресурс]. 25.09.2023. <https://yandex.ru/video/preview/467794762799833640>

Госдума выступила 2023 — Госдума выступила против публикации результатов испытаний лекарств и вакцин // КМ.РУ ЗДОРОВЬЕ [Электронный ресурс]. 12.10.2023. <https://www.km.ru/zdorove/2023/10/12/gosudarstvennaya-duma-rf/907307-gosduma-vystupila-protiv-publikatsii-rezulatov-i>

Драган 2020 — Драган Александр. Вторая волна как девятый вал. Открытые данные говорят о катастрофической эпидемии в России // The Insider [Электронный ресурс]. 26 октября 2020 г. <https://theins.ru/obshestvo/236248>

Институт — Институт транс-ориентированной психологии им. Ф. Гудман [сайт]. <https://itop.moscow/o-nas/komanda?view=article&id=5&catid=82>

Информация 2023 — Информация о новой коронавирусной инфекции для медицинских работников // Минздрав РФ [сайт]. 26.10.2023. https://minzdrav.gov.ru/ministry/med_covid19

Казанцева 2016 — Казанцева Ася. В интернете кто-то неправ! Научные исследования спорных вопросов / Ася Казанцева. Москва: Издательство ACT: CORPUS, 2016. 376 с.

Когнитивные нарушения 2023 — Когнитивные нарушения после ковида. Гомеопатическая помощь // Альфа Гомеопатия [Электронный ресурс]. 2023. <https://alfagomeopatia.ru/gomeopatia/gomeopat-article/kognitivnye-narusheniya-posle-kovida-gomeopaticheskaja-pomoshh/>

Колпакова 2020 — Колпакова И. Коронавирус и гомеопатия // Центр классической гомеопатии [Электронный ресурс]. 07.04.2020. <http://www.homeopat.kiev.ua/stati/5525-koronavirus-i-gomeopatiya>

Коронавирус CoViD 19 — Коронавирус CoViD 19 и гомеопатия: Защита, профилактика, лечение // ФармаРус. Экологическая аптека [сайт]. 6/г. http://farmarus.ru/covid_19.htm

Кочеткова 2021 — Кочеткова Диана. О ковиде из первых уст // Жарковский вестник. Общественно-политическая районная газета. 07.12.2021 <https://жарковскийвестник.тверскаяобласть.рф/news/covid19/o-kovide-iz-pervykh2-ust/>

Минздрав поручил регионам 2023 — Минздрав поручил регионам готовиться к масочному режиму в больницах // Новости. Проект [Электронный ресурс]. 2023. https://news.mail.ru/society/57850129/?frommail=1&utm_partner_id=441

Нестерова 2020 — Нестерова, Юлия. Вторая волна коронавируса: надежды и реальность // MedAboutMe. Медицина обо мне [Электронный ресурс] 11.05.2020. https://medaboutme.ru/articles/vtoraya_volna_koronavirusa_nadezhdy_i_realnost/

Некрасова 2020 — Некрасова М. Московский депздрав просят не пропагандировать гомеопатию для профилактики коронавируса // Агентство социальной информации [сайт]. 24.03.20. <https://www.asi.org.ru/news/2020/03/24/doveritelnii-interval-effektivnoi-profilaktiki-COVID-19-ne-sushestvuet/> (дата обращения: 07.04.2020).

О некоторых последствиях 2023 — О некоторых последствиях медицинских мероприятий в период пандемии 2020–2021 гг. // Дзен [Электронный ресурс]. 2023. <https://dzen.ru/a/ZFuyLBYemDxresFX>

От коронавируса «Белладонну» возьмите 2020 — От коронавируса «Белладонну» возьмите // Pikabu [Электронный ресурс]. 2020. https://pikabu.ru/story/ot_koronavirusa_belladonna_vozmite_stolichnyie_gomeopatyi_berut_po_5000_rublej_za_konsultatsiyu_7299295

ПМА — Полевые материалы автора (2020–2023).

Рекомендации 2021 — Рекомендации по гомеопатическому лечению COVID-19. По материалам Всемирного гомеопатического саммита 2021 (17 ноября 2021) <https://viahomeopatica.com/article/rekomendatsii-po-gomeopaticheskemu-lecheniyu-covid-19-po-materialam-vsemirnogo-gomeopaticheskogo-sam/>

Семиряжко 2020 — Семиряжко А. Я. Очерки об Аюрведе // AYRVEDA FRESH [Электронный ресурс]. 2020. https://ayur-fresh.ru/blog/ayurveda_vs_koronavirus

ФармаРус — ФармаРус / Экологическая аптека: Лечит сама природа // ФармаРус. Экологическая аптека [сайт]. б/г. б/г <http://farmarus.ru/bad.htm>

Научная литература

- Бахматова М. Н. Хроника коронавируса в Италии: «мазуны» двадцать первого века // Медицинская антропология и биоэтика. 2020. № 1 (19). <http://doi.org/10.33876/2224-9680/2020-1-19/02>
- Бромлей Ю. В., Воронов А. А. Народная медицина как предмет этнографических исследований // Советская этнография. 1976. № 5. С. 3–18.
- Буркова В. Н., Бутовская М. Л., Феденок Ю. Н., Ермаков А. М., Колодкин В. А., Сподина В. И., Зинурова Р. И. Тревожность и агрессия во время COVID-19: на примере четырех регионов России // Сибирские исторические исследования. 2022. № 2. С. 132–158.
- Колдман С. Д. «Не убивайте мою маму!»: отношение к пожилым людям во время пандемии COVID-19 // Медицинская антропология и биоэтика. 2020. № 2(20). <http://doi.org/10.33876/2224-9680/2020-2-20/13>
- Копелиович Г. Б. Может ли аюрведа говорить? Участие традиционной медицины в борьбе с COVID-19 в Индии // Эпидемии, уединение, дистанцирование: многовековой путь Востока: коллект. моногр. / отв. ред. И. А. Царегородцева. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2023. С. 194–216.
- Лубеницкая А. Н., Иванова Т. И. Мир уже никогда не станет прежним — пандемия нового тысячелетия (Обзор литературы) // Омский психиатрический журнал. 2020. № 2-IS(24). С. 16–22.
- Марусина М. Г., Волкова П., Дубенская В. А. 2019. Отказ от вакцинации — новая чума // Смоленский медицинский альманах. 2019. № 1. С. 186–188.
- Ожиганова А. А. Вакцинация в контексте биоэтики // Медицинская антропология и биоэтика. 2011. № 1 (1). https://medanthro.ru/?page_id=741
- Островский Д. И., Иванова Т. И. Влияние новой коронавирусной инфекции COVID-19 на психическое здоровье человека (Обзор литературы) // Омский психиатрический журнал. 2020. № 2-IS(24). С. 4–10.
- Падзис Г. С. Инфекция SARS-CoV-2 (COVID-19): позиция габонской традиционной фармокопеи // Медицинская антропология и биоэтика. № 1 (19). <http://doi.org/10.33876/2224-9680/2020-1-19/16>
- Пандемия COVID-19: Вызовы, последствия, противодействие: [монография] / Под ред. А. В. Торкунова, С. В. Рязанцева, В. К. Левашова. М.: Издательство «Аспект Пресс». 2021. 248 с. <http://doi.org/10.19181/monogr.978-5-7567-1139-4.2021>
- Попова М. М., Побежимова М. А. Оценка поствакцинальных реакций у жителей города Воронеж после иммунизации против COVID-19 // Молодежный инновационный вестник. Материалы XVIII Международной Бурденковской научной конференции 14–16 апреля 2022 г. 2022. Том XI, приложение 1. С. 80–84.
- Рыжакова С. И. «Не позволь вирусу вторгнуться в твоё сознание!»: беспокойства и ожидания в Индии в период COVID-19 (заметки из дневника этнографа, 8–25 марта 2020 г.) // Медицинская антропология и биоэтика. 2020. № 1(19). <http://doi.org/10.33876/2224-9680/2020-1-19/12>
- Сорокина Е. А. Коронавирус по-шведски // Медицинская антропология и биоэтика. 2020. № 1 (19). <http://doi.org/10.33876/2224-9680/2020-1-19/11>
- СЯН Син, ЧЖУН Чжэнъ, ЛИ Сянмэй. О преимуществах ТКМ в лечении новой коронавирусной инфекции // Медицинская антропология и биоэтика. 2020. № 1 (19). <http://doi.org/10.33876/2224-9680/2020-1-19/15>
- Феденок Ю. Н., Буркова В. Н. Социальное дистанцирование как альтруизм в условиях пандемии коронавируса: кросскультурное исследование // Сибирские исторические исследования. 2020. № 2. С. 6–36. <http://doi.org/10.17223/2312461X/28/1>

- Харитонова В. И. COVID-19: новая тема медицинской антропологии // Медицинская антропология и биоэтика. 2020. № 1(19). <http://doi.org/10.33876/2224-9680/2020-1-19/01>
- Харитонова В. И. COVID-19: вторая волна // Медицинская антропология и биоэтика. 2020а. № 2 (20). <http://doi.org/10.33876/2224-9680/2020-2-20/01>
- Харитонова В. И., Булдакова Ю. Р. «Вирус новый, это — важно» (Мы в ситуации пандемии и (само)изоляции) // Медицинская антропология и биоэтика. 2020. № 1 (19). <http://doi.org/10.33876/2224-9680/2020-1-19/14>
- Харитонова В. И., Павлова Л. А., Ли С. Китайская традиционная медицина: возможности распространения в России // Медицинская антропология и биоэтика. 2018. № 16 (2). <http://doi.org/10.5281/zenodo.2566490>
- Янева-Балабанска И. COVID-19 в Болгарии: мифы и реальность жизни в условиях пандемии // Медицинская антропология и биоэтика. 2020. № 1(19). <http://doi.org/10.33876/2224-9680/2020-1-19/05>
- COVID-19 и поведение человека: стресс, мифы и социальная реальность: колл. монография / отв. ред. В. Н. Буркова, М. Л. Бутовская. М.; Спб.: Нестор-История. 2022. 248 с.
- Zhou, P., Yang, XL., Wang, XG., et al. Discovery of a Novel Coronavirus Associated with the Recent Pneumonia Outbreak in Humans and Its Potential Bat Origin // Nature. 2020. № 579 (7798). P. 270–273. <http://doi.org/10.1038/s41586-020-2012-7>

References

- Bakhmatova, M. N. 2020. Khronika koronavirusa v Italii: “mazuny” dvadtsat’ pervogo veka [Chronicle of Coronavirus in Italy: the “Mazuni” of the Twenty-First Century]. *Meditinskaia antropologiia i bioetika* 1(19). <http://doi.org/10.33876/2224-9680/2020-1-19/02>
- Bromlei, Yu. V. and A. A. Voronov. 1976. Narodnaia meditsina kak predmet etnograficheskikh issledovanii [Folk Medicine as a Subject of Ethnographic Research]. *Sovetskaia etnografia* 5: 3–18.
- Burkova, V. N., M. L. Butovskaia, Yu. N. Fedonok, A. M. Ermakov, V. A. Kolodkin, V. I. Spodina, and R. I. Zinurova. 2022. Trevozhnost’ i agressiia vo vremia COVID-19: na primere chetyrekh regionov Rossii [Anxiety and Aggression During COVID-19: The Example of Four Russian Regions]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniia* 2: 132–158.
- Burkova, V. N. and M. L. Butovskaia (eds.). *COVID-19 i povedenie cheloveka: stress, mify i sotsial’naia real’nost’: koll. monografija* [COVID-19 and Human Behavior: Stress, Myths and Social Reality: A Collective Monograph]. Moscow — Saint Petersburg: Nestor-Istoriia. 248 p.
- Fedonok, Yu. N. and V. N. Burkova. 2020. Sotsial’noe distantsirovaniie kak al’truizm v usloviakh pandemii koronavirusa: krosskul’turnoe issledovanie [Social Distancing as Altruism in a Coronavirus Pandemic: A Cross-Cultural Study]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniia* 2: 6–36. <http://doi.org/10.17223/2312461X/28/1>
- Kharitonova, V. I. 2020. COVID-19: novaia tema meditsinskoi antropologii [COVID-19: A New Topic of Medical Anthropology]. *Meditinskaia antropologiia i bioetika* 1(19). <http://doi.org/10.33876/2224-9680/2020-1-19/01>
- Kharitonova, V. I. 2020a. COVID-19: vtoraiia volna [COVID-19: The Second Wave]. *Meditinskaia antropologiia i bioetika*. 2(20). <http://doi.org/10.33876/2224-9680/2020-2-20/01>
- Kharitonova, V. I. and Yu. R. Buldakova. 2020. “Virus novyi, eto — vazhno” (My v situatsii pandemii i (samo)izoliatsii) [“The Virus is New, It Is — Important” (We Are in a Situation of Pandemic and (Self-)Isolation)]. *Meditinskaia antropologiia i bioetika*. 1(19). <http://doi.org/10.33876/2224-9680/2020-1-19/14>
- Kharitonova, V. I., L. A. Pavlova, and S. Li. 2018. Kitaiskaia traditsionnaia meditsina: vozmozhnosti rasprostraneniia v Rossii [Chinese Traditional Medicine: Opportunities for Dissemination in Russia]. *Meditinskaia antropologiia i bioetika*. 16(2). DOI: <http://doi.org/10.5281/zenodo.2566490>
- Koldman, S. D. 2020. “Ne ubivaito moi mamu!”: otnoshenie k pozhilym liudiam vo vremia pandemii COVID-19 [“Don’t Kill my Mom!”]: Attitudes Toward the Elderly During the COVID-19

- Pandemic]. *Meditsinskaia antropologija i bioetika*. 2(20) <http://doi.org/10.33876/2224-9680/2020-2-20/13>
- Kopeliovich, G. B. 2023. Mozhet li ayurveda govorit'? Uchastie traditsionnoi meditsiny v bor'be s COVID-19 v Indii [Can Ayurveda do the Talking? Involvement of Traditional Medicine in the Fight Against COVID-19 in India]. In *Epidemii, uedinenie, distantsirovaniye: nogovekovo put' Vostoka* [Epidemics, Seclusion, Distancing: The Centuries-Long Journey of the East], ed. by I. A. Tsaregorodtsev. Moscow: "Vysshiaia shkola ekonomiki". 194–216.
- Lubenitskaia, A. N. and T. I. Ivanova. 2020. Mir uzhe nikogda ne stanet prezhnim — pandemiia novogo tysiacheletii (Obzor literature) [The World Will Never be the Same Again — the Pandemic of the New Millennium (Literature Review)]. *Omskii psichiatricheskii zhurnal* 2-1S(24): 16–22.
- Ozhiganova, A. A. 2011. Vaktsinatsiia v kontekste bioetiki [Vaccination in the Context of Bioethics]. *Meditsinskaia antropologija i bioetika* 1(1). https://medanthro.ru/?page_id=741
- Ostrovskii, D. I., and T. I. Ivanova. 2020. Vliianie novoi koronavirusnoi infektsii COVID-19 na psikhicheskoe zdorov'e cheloveka (Obzor literature) [The Impact of a Novel COVID-19 Coronavirus Infection on Human Mental Health (Literature Review)]. *Omskii psichiatricheskii zhurnal* 2-1S(24): 4–10.
- Padzis, G. S. 2020. Infektsiia SARS-CoV-2 (COVID-19): pozitsiia gabonskoi traditsionnoi farmokopei [SARS-CoV-2 (COVID-19) Infection: The Position of the Gabonese Traditional Pharmacopoeia]. *Meditsinskaia antropologija i bioetika* 1(19). <http://doi.org/10.33876/2224-9680/2020-1-19/16>
- Popova, M. M. and M. A. Pobezhimova. 2022. Otsenka postvaktsinal'nykh reaktsii u zhitelei goroda Voronezh posle immunizatsii protiv COVID-19. Materialy XVIII Mezhdunarodnoi Burdenkovskoi nauchnoi konferentsii 14–16 apreliia 2022 goda [Evaluation of Postvaccinal Reactions in Voronezh Residents After Immunization Against COVID-19]. *Molodezhnyi innovatsionnyi vestnik* XI (1): 80–84.
- Ryzhakova, S. I. 2020. "Ne pozvol' virusu vtorgnut'sia v tvoe soznanie!": bespokoistva i ozhidaniiia v Indii v period COVID-19 (zametki iz dnevnika etnografa, 8–25 marta 2020 g.) ["Don't Let the Virus Invade Your Mind!": Worries and Expectations in India During COVID-19 (Notes from an Ethnographer's Diary, March 8–25, 2020)]. *Meditsinskaia antropologija i bioetika* 1(19). <http://doi.org/10.33876/2224-9680/2020-1-19/12>
- Sorokina, E. A. 2020. Koronavirus po-shvedski [Coronavirus in the Swedish way]. *Meditsinskaia antropologija i bioetika* 1(19). DOI: <http://doi.org/10.33876/2224-9680/2020-1-19/11>
- Sian Sin, Chzhun Chzhen', Li Sianmei 2020. O preimushchestvakh TCM v lechenii novoi koronavirusnoi infektsii [On the Benefits of TCM in the Treatment of Novel Coronavirus Infection]. *Meditsinskaia antropologija i bioetika* 1(19). <http://doi.org/10.33876/2224-9680/2020-1-19/15>
- Torkunov, A. D. et. al. (eds.). 2021. *Pandemiia COVID-19: Vyzovy, posledstviia, protivodeistvie*: [Pandemic COVID-19: Challenges, Consequences, Counteraction]. Moscow: Izdatel'stvo "Aspekt Press". 248 p. <http://doi.org/10.19181/monogr.978-5-7567-1139-4.2021>
- Yaneva-Balabanska, I. 2020. COVID-19 v Bolgarii: mify i real'nost' zhizni v usloviiakh pandemii [COVID-19 in Bulgaria: Myths and Realities of Living in a Pandemic]. *Meditsinskaia antropologija i bioetika* 1(19). <http://doi.org/10.33876/2224-9680/2020-1-19/05>
- Zhou, P., XL. Yang, XG. Wang, et al. 2020. Discovery of a Novel Coronavirus Associated with the Recent Pneumonia Outbreak in Humans and Its Potential Bat Origin. *Nature*. № 579 (7798): 270–273. <http://doi.org/10.1038/s41586-020-2012-7>

УДК 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2023-4/189-206

Научная статья

© Ю. А. Ольховская

ПОЖИЛЫЕ ЛЮДИ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ: КРОСС-КУЛЬТУРНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ МАТЕРИАЛОВ МОСКОВСКОГО РЕГИОНА И ТАТАРСТАНА*

В статье методом кросс-культурного анализа рассматриваются материалы интервью, полученных от пожилых людей, жителей Московского региона и Республики Татарстан, посвященные условиям их проживания в период пандемии COVID-19 как самостоятельно, так и в социальном учреждении – православном хосписе (богадельне). Характеризуются инструменты социального сплочения и методы здоровьесбережения населения пенсионного возраста. Исследовательский интерес вызвало восприятие переживаний пожилых людей и трудности, с которыми они столкнулись в период пандемии. Формирование единого общественного осознания ситуации показало, что найденные в ковидное время способы поддержки населения способствовали последующему совершенствованию инклюзивности во многих сферах социума. Ситуационная составляющая COVID-19 сформировала для пожилого населения особые условия, демонстрирующие рост потребности в заботе, предоставляемые государством, благотворительными фондами, волонтёрами и местным сообществом. Возникшие финансовые трудности и возрастающая необходимость в постороннем уходе вынудили часть людей обратиться за помощью или переехать жить в специализированные учреждения. В то же время взаимодействие с волонтёрскими организациями и социальными службами частично содействовало снижению психологического напряжения у пожилых людей. Социальная парадигма, возникшая во время и после COVID-19, изменила и постепенно наладила социальное сотрудничество между пожилыми людьми, государством и некоммерческими волонтёрскими организациями. Страгегия гражданской взаимопомощи сглаживала условия социальной изоляции уязвимых групп населения: наметившееся снижение уровня их жизни и недостаточность социальных коммуникаций не достигли критического уровня благодаря волонтёрской помощи и взаимопомощи внутри социума. Исследование нарративов постояльцев православного хосписа (богадельня) позволило подчеркнуть правильную организацию работы данного учреждения в условиях пандемии, соответствие противоэпидемиологическим требованиям, а также выявить позитивный опыт сотрудничества православного хосписа с волонтёрами. Автор надеется, что приобретённый опыт будет благоприятствовать дальнейшему внедрению инклюзивной повестки в институциональную среду социальных субъектов.

Ольховская Юлия Анатольевна — аспирантка Центра медицинской антропологии, Институт этнологии и антропологии РАН (Российская Федерация, 119334 Москва, Ленинский проспект, 32А). Эл. почта: justjuliag@mail.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0183-9356>

*Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ 075-15-2022-328).

Ключевые слова: пандемия, Москва, Татарстан, пенсионеры, COVID-19, гражданская солидарность, взаимодействие

Ссылка при цитировании: Ольховская Ю. А. Пожилые люди в период пандемии: кросс-культурное исследование материалов Московского региона и Татарстана // Вестник антропологии. 2023. № 4. С. 189–206.

UDC 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2023-4/189-206

Original article

© Yuliya Olkhovskaya

ELDERLY PEOPLE DURING THE PANDEMIC: A CROSS-CULTURAL STUDY IN THE MOSCOW REGION AND TATARSTAN

Using the method of cross-cultural analysis, the article examines interviews with elderly people, residents of the Moscow region and the Republic of Tatarstan, during the COVID-19 pandemic, both living independently and in a social institution – an Orthodox hospice. The instruments of social cohesion and healthcare among the retirement age population are described. The research was inspired by interest in the perceptions of older people's experiences and the difficulties they have faced during the pandemic. The unanimous public awareness of the situation showed that the ways to support the population during COVID times contributed to the improvement of inclusiveness in many areas of society. The situational component of COVID-19 has created special conditions for the elderly population, demonstrating an increasing need for care provided by the state, charities, volunteers and the local community. The resulting financial difficulties and the increasing need for care forced some people to seek help or move to live in specialized institutions. At the same time, interaction with volunteer organizations and social services partially contributed to the reduction of psychological stress in elder people. The social paradigm that emerged during and after COVID-19 has changed and gradually established social cooperation between older people, the state and non-profit volunteer organizations. The strategy of mutual assistance smoothed out the conditions of social isolation of vulnerable groups: the emerging decline in their standard of living and the lack of social communication did not reach a critical level thanks to volunteer assistance and mutual assistance within society. The study of the narratives of those living in an Orthodox hospice made it possible to emphasize the correct organization of the work of this institution in a pandemic, compliance with anti-epidemiological requirements, and also to identify the positive experience of cooperation between an Orthodox hospice and volunteers. The author hopes that gained experience will facilitate the further introduction of an inclusive agenda into the institutional environment of social actors.

Keywords: pandemic, Moscow, Tatarstan, pensioners, COVID-19, national solidarity, interaction

Author Info: Olkhovskaya, Yuliya A. — Post-Graduate Student, the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (Moscow, Russian Federation). E-mail: justjuliag@mail.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0183-9356>

For Citation: Olkhovskaya, Y. A. 2023. Elderly People During the Pandemic: A Cross-Cultural Study in the Moscow Region and Tatarstan. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 4: 189–206.

Funding: The article was prepared in the framework of a research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Grant ID: 075-15-2022-328).

Введение

Пандемия COVID-19 существенно изменила взаимодействие между людьми во многих сферах жизни. На 6.07.2023 в России число выявленных граждан с данным заболеванием было равно 22 963 688 человек, из них 399 649 умерло и 22 408 708 выздоровело (Оперативные данные 2023). По словам Мелиты Вуйнович, представителя Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) в России, выступившей 14 июня 2023 г. на Петербургском международном экономическом форуме (ПМЭФ), «пандемия коронавируса принесла миру глобальный ущерб, который рассчитать в экономическом плане очень сложно». Перенесённый социальный и эмоциональный удар заставил каждого человека переосмыслить отношение к своему здоровью.

Периодически человечество сталкивается с эпидемиями и пандемиями. Первым документальным подтверждением эпидемии является Афинская чума, распространившаяся в Древней Греции в V в. до н. э. Первой пандемией — Юстинианова чума (с 541 г. до 750 г.). Первое описание симптомов болезни похожей на грипп было сделано Гиппократом в 412 году до н. э. (История болезни 2023).

В историю попадали случаи захватывания инфекцией материков и стран: «русский грипп» (1889–1890 гг.) — умерло более 1 млн человек по всему миру, «испанский грипп» (1918–1920 гг.) — умерло до 100 млн.чел., азиатский и гонконгский грипп (1957, 1968–1969 гг.) и др. (История болезни 2023; Ищенко 2023). Так как человечество на протяжении всей своей истории сталкивается со смертельными эпидемиями, постепенно происходит трансформация контроля эпидемиологической обстановки. В настоящее время контроль осуществляется как на государственном, так и на персональном уровне с помощью вакцинации. По данным ВОЗ, количество привитых граждан в России составляет 60,6% от всего населения. Отношение людей к своему здоровью определяет бытие государства, жизнь и историю населения (Информационная панель ВОЗ 2023).

В период данной пандемии произошло смещение акцентов. Некоторые мировые политические деятели совершали непродуманные действия, порождая противоречивые и опасные для жизни и здоровья граждан ситуации, политизируя медицинские проблемы (Кокошин 2014). В этом ключе значимыми становятся исследования антропологов, изучающих население во время и после пандемии.

В данной публикации считаем возможным выделить временной промежуток: период пандемии COVID–19, и остановиться на мнении пожилых людей из Московского региона и республики Татарстан, лично прошедших через все сложно-

сти этого периода. Цель статьи: оценить социальные обстоятельства проживания пожилых людей в период пандемии (кросс-культурное исследование материалов Московского региона и Татарстана).

Материалы и методы

Эмпирическим методом кросс-культурного анализа были обработаны следующие материалы: работы современных авторов в данной области и собственный эмпирический материал (ПМА) — нарративы самостоятельно проживающих в своих домовладениях пожилых людей, а также пациентов православной больницы (хосписа). Тематика нарративов пожилых людей связана с пандемией COVID-19, с их оценкой государственной и волонтёрской поддержки, трудностями с которыми они столкнулись при получении социальной помощи и др. Был создан авторский вопросник из 15 пунктов, на основании которого с респондентами проводилась беседа. Для анализа полученных данных использовался статистический метод.

В исследовании участвовали респонденты в возрасте 65–75 лет, самостоятельно проживающие в Москве и Московской области, а также в Республике Татарстан. И в возрасте 64–87 лет, постоянно проживающие в православном хосписе. Из 37 опрошенных человек 62,2% составили женщины и 37,8% мужчины. Период проведения исследования: октябрь 2021 г. — май 2022 г.

Обсуждение

Практика борьбы с пандемией COVID-19 показала, что не все структуры российского здравоохранения были готовы к возникающим изменениям в результате роста числа инфицированных. Лечения конкретно этого заболевания не было, но введённые государством чрезвычайные меры и ограничения на фоне отсутствия единой мировой стратегии помогли отсрочить пики заболеваемости. Оперативное реагирование государством на кризисную ситуацию позволило перейти к системным действиям. В этих условиях населению страны пришлось быстро адаптироваться, а государству ввести экономическую поддержку, позволяющую в дальнейшем получить качественное улучшение эпидемиологической обстановки. Были введены пакеты мер по обеспечению устойчивого развития экономики в период пандемии (постановления Правительства РФ от 02.04.2020 № 409 «О мерах по обеспечению устойчивого развития экономики» и от 03.04.2020 № 434 «Об утверждении перечня отраслей российской экономики, в наибольшей степени пострадавших в условиях ухудшения ситуации в результате распространения новой коронавирусной инфекции» и др.).

Стремительное развитие событий пандемии подчеркнуло опасный аспект: смертность граждан в возрасте до 60 лет была существенно ниже, чем у людей старше данной возрастной отметки (Положихина 2021: 42). Также была отмечена нехватка эффективного опыта заботы о пожилых, одиноких людях, оказавшихся в условиях, ухудшившихся в связи с пандемией. Был отмечен дефицит профессионалов (в первую очередь медицинских кадров и социальных работников), способных действовать в условиях COVID-19. Управление здравоохранением, учитывая складывающийся опыт, стремилось выработать и ввести новые алгоритмы совладания с пандемией. В местах группового проживания пожилых людей администрация соответствующих учреж-

дений ограничила посещение родственниками пациентов, также было организовано обучение медперсонала мероприятиям, связанным с особенностью лечения, ухода за пациентами с данной инфекцией. Пожилым людям, проживающим в одиночестве, руководство страны рекомендовало соблюдать дистанцию, ограничить контакты и посещение многогодных мест, а также наладить дистанционное взаимодействие с близкими. Было введено такое понятие, как социальное дистанцирование (Харитонова 2020).

Обществом было неоднозначно воспринято создание и применение вакцины от COVID-19. Часть населения страны отрицательно отнеслась к рекомендациям о необходимости вакцинации. Поскольку РФ зарегистрировала вакцину от COVID-19 первой в мире, ещё часть населения посчитала, что клинические испытания проведены плохо или не проведены вовсе, и заняла выжидательную позицию. Поэтому для минимизации распространения инфекции, государство ограничило доступ невакцинированного населения к местам работы и отдыха. Но, несмотря на усложняющуюся ситуацию, власти не требовали неотлучного нахождения дома. Конечно, часть общественных организаций была закрыта (библиотеки, бассейны), другие места имели ограничения по режиму работы, что существенно сказалось на эмоциональном состоянии пожилых людей, привыкших посещать данные места. Такой вывод можно было сделать из беседы с респондентом Маргаритой (68 лет) из Москвы. Во время эпидемии Маргарита столкнулась с ограничениями в доступе к привычным для неё социальным мероприятиям, что сильно повлияло на её настроение и моральное благополучие. И только снижение интенсивности эпидемиологического процесса позволило отменить с июля 2022 г. введённые карантинные меры.

Изоляция показала уязвимость части пожилого населения страны. Пожилые люди легче становились жертвами обмана, не могли обеспечить себя необходимыми медикаментами и продуктами. В этот период главным источником информации для большинства пожилых людей становилось телевидение или как альтернатива, в меньшей степени, — интернет, телефон, соседи. Одиночко проживающее старшее поколение было фактически отрезано от своих близких. Не редки случаи, когда пожилой человек, не доверяя современной медицине, считая, что предоставляемые медицинские услуги в амбулаторно-поликлиническом звене невысокого качества, не осознавая опасности или не имея финансовой возможности получать платные медицинские услуги, начинал самолечение народными средствами (Харитонова 2020). Сюда можно отнести случай с Петром (75 лет), проживающим в Московской области: «Я жил в отдалённой деревне, где доступ к медицинским услугам был ограничен. И стал полагаться на самолечение и советы соседей». Несмотря на отсутствие доказанной эффективности от альтернативной медицины, она остаётся частой практикой для людей старшего возраста.

В исследовании также было выявлено, что данная возрастная группа в условиях пандемии подвержена страхам перед социальными рисками, приводящими к развитию тревожности и депрессии. Из общего числа опрошенных респондентов 38,9% отметили данное состояние. Примером может служить ситуация с Элеонорой (70 лет) из Татарстана: «Я жила в «неблагополучном районе» и имела ограниченный доступ к медицинской помощи. Поэтому испытывала страх и тревогу по поводу своего здоровья и возможного будущего».

Не добавлял пожилым людям оптимизма и момент невозможности личной коммуникации с близкими при поступлении в медицинское учреждение на лечение. В

случае же ухода из жизни применялись экстраординарные меры (кремация и др.), не соответствующие большинству традиций, проживающих на территории РФ людей.

Прошедшая оптимизация здравоохранения повлекла нехватку элементарного: перчаток, масок, одноразовых костюмов, дезинфицирующих средств, лекарств, очень быстро менялись протоколы лечения и др. Сокращение койко-мест в больницах спровоцировало переполнение отделений и как результат, не всем пациентам успевали оказать помощь. Необходимость перепрофилирования отделений/больниц в ковидные и снижение плановой помощи, вынуждало пациентов с хроническими заболеваниями оставаться без углублённой профессиональной поддержки. В мировом сообществе стал подниматься вопрос о приоритете спасения более молодого, трудоспособного населения при рационализации ресурсов в начале или на пике пандемии (*Тарусина 2021*). Примером такой ситуации может служить Игорь (64 года. Имеет высокий уровень образования) из Татарстана: «У меня были проблемы со здоровьем ещё до пандемии, и COVID-19 только ухудшил мою ситуацию. Я столкнулся с долгими очередями к врачам и задержками в получении медицинских услуг. Это вызвало у меня беспокойство и чувство беззащитности. Я боялся, что умру, не дождавшись приёма у врача. Я надеюсь, что после пандемии система здравоохранения станет более эффективной и доступной для выживших пожилых людей».

Получая шокирующую информацию из СМИ, пожилые люди, живые свидетели российской истории 90-х годов, имеющие исторические травмы и историческую память, стали готовиться к самоизоляции и закупать необходимые продукты в магазинах и на рынках. Но, отдавая должное руководству регионов, вопрос с паникой был вовремя урегулирован. Пустые полки в магазинах оперативно заполнялись, среди населения велась разъяснительная работа. Поднятый вопрос продовольственной безопасности был решён (*Харитонова 2020: 10*). Стали процветать услуги служб доставки продуктов, лекарств и товаров, увеличилась волонтёрская помощь для проживающего в одиночестве старшего поколения. Все респонденты отметили именно этот положительный момент: социальную, волонтёрскую помощь, способствующую их спокойствию. В беседе с респондентом Ниной (68 лет), проживающей в небольшом городе в Татарстане и не имевшей доступ к качественной медицинской помощи, выявлена высокая оценка поддержки, предоставленной волонтёрскими службами (доставка продуктов и посещение врача на дому). Что отметил Георгий (70 лет), проживающий в Московской области: «Я жил в “бедном областном посёлке” и имел ограниченный доступ к медицинской помощи. Поэтому полагался на помощь некоммерческих организаций и благотворительных фондов, чтобы получить необходимые медицинские услуги и продукты питания».

Инструменты социального сплочения

Трансформация многих сфер жизни людей, показала возможность консолидации общества в моменты опасности. Наиболее ярко это проявилось в отношении старшего поколения. Проблемы, связанные с пандемией, возникли достаточно неожиданно, и показали отсутствие готовых решений у вертикально ориентированных властей. Постепенное налаживание взаимодействия между государством, гражданским обществом и бизнесом способствовало организации помощи одиноким, пожилым и маломобильным людям. Аспекты актуальности и развития социальной солидарности общества разных

стран рассматриваются в работах Р. В. Иванова, О. А. Кармадонова, Г. Д. Ковригина (*Иванов 2021; Кармадонов, Ковригина 2017*). Гражданская солидарность стала отличительной чертой ковидного времени в России. В РФ даже жители маленьких посёлков, где часто бывают перебои со связью, находили другие способы общения: «Я работала на почте, и в период пандемии была на передовой обслуживания людей. Я ощущала страх и тревогу каждый день, но понимала, что моя работа крайне важна для людей. Я старалась соблюдать все меры осторожности и обеспечивать безопасную доставку почты, чтобы помочь людям оставаться на связи в трудные времена» (Зинаида, 66 лет, Москва).

В это время коммуникационные технологии стали полем и инструментом самоорганизации, мощным средством консолидации людей. От одиночества спасали интернет-форумы, где можно было общаться, выбирая темы по интересам. Люди знакомились в интернете и самоорганизовывались с целью оказания помощи и поддержки одиноким, пожилым соседям и малообеспеченным людям.

Успешному преодолению моральных последствий коронавируса в российском обществе способствовал не метод «социального дистанцирования», а противоположный ему способ — «социальное сплочение». Конечно, ничто не заменит «живое общение», но родственные связи усилились, дети стали более внимательно относится к своим отдельно проживающим родителям. Исторически характерная для России социальная солидарность оказалась ресурсом для малоподвижных людей. Они обращались в благотворительные фонды, в коммерческие/некоммерческие социальные сервисы, взаимодействовали с соседями. Из-за большого количества заявок к социальным работникам подключились и волонтёры. Каждый второй житель России оказывал помочь нуждающимся: оплата ЖКХ, выгул собак, покупка продуктов и др. (*Ярская-Смирнова 2021*). Примером этого опыта может служить Ирина (75 лет) из маленького города в Подмосковье. «У меня был ограничен доступ к медицинским услугам. Я полагалась на помочь своей семьи и соседей, чтобы получить необходимую поддержку во время пандемии». Или пример Ксении (69 лет), также проживающей в Московской области. «Я жила в отдалённой деревне в Московской области, где доступ к медицинской помощи был ограничен. Столкнулась с трудностями в получении лекарств и медицинских консультаций, но находила поддержку среди своих соседей».

Одновременно возросло число пожилых людей, желающих обучиться более продвинутому использованию компьютеров, планшетов/телефонов. Государство и до пандемии уделяло внимание обучению компьютерной грамотности пенсионеров. К примеру, традиционно уроки информатики для пожилого населения были организованы на базе районных библиотек. Но охват государственных уроков был недостаточным, и в критической ситуации более молодое поколение взяло на себя эту обязанность, создавая обучающие бесплатные курсы или предлагая индивидуальный подход (*Иванов 2021*). У населения появилось много свободного времени, большая часть трудоспособного населения перешла на удалённую работу, частота поездок по городу снизилась, людям предложили альтернативное времяпрепровождение: музеи открыли свои виртуальные двери, увеличилось число желающих читать книги или делиться каким-либо личным опытом, заниматься творчеством, «путешествовать» в режиме онлайн. Многие люди обратили внимание на здоровый образ жизни, в условиях изоляции стали больше времени уделять физическим упражнениям и правильному питанию.

Другой формой взаимодействия стало создание официальных сайтов региональной акции «Мы вместе», позволивших объединить активистов, волонтёров, пред-

принимателей в адресной поддержке и помощи в решении проблем людей старшего поколения. На его страницах можно было получить и психологическую помощь через мессенджеры или чат-боты. В акции участвовали как крупные государственные компании, так и физические лица. Например, Андрей (71 год) из Татарстана вспоминает это время таким образом: «Я проживал в бедном районе Татарстана и имел ограниченные возможности получения медицинской помощи. Часто испытывал страх и неуверенность в своей безопасности, особенно из-за высокого уровня заболеваемости в моем окружении». Для оказания более оперативной помощи пациентам, автомобилисты предоставляли свой автотранспорт медработникам, доставляли врачей к больным. В большинстве случаев, в качестве волонтёров было задействовано трудоспособное население в возрасте от 19 до 50 лет, доставляя продукты, медикаменты, оказывая другие виды услуг и помощи нуждающимся. Информацию в основном распространяли через репосты в социальных сетях. Этот момент отражён и в беседе с Натальей (65 лет, Московская область): «Я волонтёр в местной организации помощи пожилым людям. В период пандемии COVID-19 наша работа стала ещё более важной. Мы оказывали поддержку в виде покупки продуктов, доставки лекарств и проведения различных онлайн-мероприятий, чтобы помочь пожилым людям не чувствовать себя брошенными и забытыми».

Переустройство привычных сфер затронуло все стороны жизни общества. Если до эпидемии COVID-19 у представителей «серебряного возраста» отсутствовали навыки работы с цифровыми технологиями, например, сложность составляла запись в поликлинику, и люди тратили время на стояние в очереди, то сложившаяся ситуация заставила обучаться использованию онлайн-технологий. Другой способ контактирования возможен через виртуальных голосовых помощников на сайтах государственных организаций и не требует дополнительных сложных навыков и знаний, становившихся препятствием для пожилых людей. Вместе с тем, развитие телемедицины способствовало сохранению возможности получать населением необходимые профессиональные консультации, без необходимости направлять пациентов в другие медицинские учреждения. Тем более многие из них чувствовали себя незащищёнными и боялись находиться в местах, связанных с большим количеством зараженных людей.

Максимально репрезентативным в этих условиях стало краткое воспоминание респондента Лилии (72 года) из Москвы. Беседа была сосредоточена на ключевых пунктах вопросника. Полученные ответы содержали характеристику ковидного времени её жизни, подробности ситуации, имеющей непосредственное отношение к освещаемой в данной статье теме. Описание, факторы, эмоции, оценка точно переданы из её рассказа, с указанием всех междометий:

«Интервьюер: Как бы Вы описали свой опыт болезни COVID-19?

Респондент: Я пережила тяжёлые симптомы, такие как высокая температура, кашель и затруднённое дыхание. Было очень сложно, но я рада, что смогла побороть эту болезнь.

Интервьюер: Какие были Ваши первоначальные реакции и эмоции, когда Вы узнали о своём положительном teste на COVID-19?

Респондент: Я очень испугалась и была очень обеспокоена. Я думала о своём здоровье и боялась заразить близких. Но я старалась оставаться оптимисткой и надеяться на лучшее.

Интервьюер: Каковы были последствия инфекции для Вашего физического и психологического состояния?

Респондент: Физически я ощущала слабость и усталость ещё долгое время после выздоровления. Психологически это было трудное испытание. Я ощущала себя уязвимой и чувствовала страх перед повторной инфекцией.

Интервьюер: Как Вы оцениваете качество медицинской помощи и уровень доступности лечения во время Вашей болезни?

Респондент: Я была очень довольна качеством медицинской помощи, которую получила. Врачи и медицинский персонал были профессиональными и заботливыми. Однако я заметила, что некоторые люди из моего окружения испытывали трудности в получении необходимого лечения.

Интервьюер: Как Вы справлялись с ощущением одиночества и изоляции во время пандемии?

Респондент: Ощущение одиночества было трудным, но я нашла утешение в звонках друзьям и родственникам, а также в использовании интернета для общения. Я также занялась хобби, чтением, чтобы занять себя во время изоляции.

Интервью позволило сделать вывод, что время пандемии COVID-19 стало своеобразным стресс-тестом на умение обществом справляться с проблемными ситуациями.

Внимание антропологов затронули смежные моменты, касающиеся финансовой государственной поддержки одиноких, малообеспеченных пожилых людей. Если опираться на отзыв Константина (73 года, Москва), то он столкнулся с финансовыми трудностями при оплате необходимого лечения. Он так же, как и Елена (70 лет, пенсионерка с ограниченными финансовыми возможностями, Московская область), испытывал трудности с покупкой продуктов питания и необходимых медицинских препаратов из-за высоких цен и ограничений в передвижении.

Есть ещё одна прослойка населения, встретившаяся с возникшими трудностями во время пандемии — это мигранты. Рашид (69 лет, Московская область): «Я жил в густонаселённой области и столкнулся с огромными трудностями в получении медицинской помощи. Я сильно пострадал от бедности и нехватки жизненно необходимых ресурсов» (из-за нестабильного физического состояния Рашида помочь в запускании данного нарратива оказала сестра милосердия православного хосписа Москвы).

В то же время респонденты, не испытывавшие финансовые затруднения, страдали по другим причинам. Анна (72 года, Москва): «Я имела доступ к частным медицинским услугам. Могла легко получить тестирование и лечение, но чувствовала себя изолированной из-за ограничений на передвижение по городу». Лидия (74 года, Москва): «Я имела высокий уровень материального положения. Могла себе позволить частные медицинские услуги и проходила регулярные проверки здоровья. Однако чувствовала себя изолированной и ограниченной в возможностях путешествий и социального взаимодействия со своими друзьями».

В современном мире доминирует концепция активного долголетия, но данные примеры наглядно показывают острые вопросы финансовой доступности и активного включения в институциональную среду субъектов с возрастными ограничениями (Климович 2019). «Ключевыми параметрами активного долголетия являются: трудовая активность в старшем возрасте, дружеские и родственные социальные контакты, участие пенсионеров в волонтёрской и добровольческой деятельности,

физическая активность, личная безопасность и предотвращение дискриминации по возрасту, достаточность доходов, возможности развития человеческого капитала и др.» (Фролова 2021а: 202–203).

В рамках программы «Старшее поколение» государство стремится сделать жизнь человека на пенсии более яркой и насыщенной, что содействует профилактике когнитивных нарушений. Этому благоприятствует и положительная корреляция уровня образования и эмоциональной устойчивости (Фролова 2021б).

Финансовые условия пожилых и одиноких людей рассматриваются как предиктор их уязвимости (Шагинян 2021). Далее представлены два противоположных примера людей, имеющих различное финансовое обеспечение и, как следствие, различные причины для беспокойства. Евгений (70 лет, Татарстан): «Я жил в «неблагополучном районе» и имел ограниченный доступ к медицинской помощи. Я беспокоился о своём здоровье и боялся заразиться». Противоположной была ситуация у респондентки Марии (65 лет, Москва): «У меня был высокий уровень доступа к медицинской помощи, я получала/покупала регулярные медицинские консультации и даже вакцинацию. Я чувствовала себя защищённо и безопасно».

Преодолев первый негативный пандемийный опыт недостаточно эффективной работы с пожилыми людьми в первой половине 2020 г., власти РФ приняли антиковидный план, включающий меры поддержки, предназначенные незащищённым слоям населения. Подразумевающие, например, субсидирование зарплат и увеличение размера пособия по безработице до максимальной величины, автоматическое продление ранее установленной инвалидности или назначение инвалидности без посещения бюро МСЭ (медицинско-социальной экспертизы), обеспечение населения продуктовыми наборами и разовой адресной материальной поддержкой.

Период COVID-19 выявил возросшую роль негосударственных участников в работе социального благополучия населения. Опрошенные респонденты и сами замечали повышившееся внимание со стороны окружающих людей. Это можно отметить в интервью Марии (74 года, Москва, имеет высшее образование). Описание, факторы, эмоции, оценка точно переданы из её рассказа, с указанием всех междометий:

Интервьюер: Как бы Вы описали свой опыт болезни COVID-19?

Респондент: У меня были лёгкие симптомы, подобные простуде. Но я все равно оставалась в изоляции и соблюдала предписанные меры безопасности.

Интервьюер: Какие были Ваши первоначальные реакции и эмоции, когда Вы узнали о своём положительном teste на COVID-19?

Респондент: Я чувствовала смесь страха и нервозности. Было трудно принять тот факт, что я заболела.

Интервьюер: Каковы были последствия инфекции для Вашего физического и психологического состояния?

Респондент: После выздоровления, у меня остались проблемы с дыханием и усталостью. Психологически я часто испытывала тревогу и неуверенность.

Интервьюер: Как Вы оцениваете качество медицинской помощи и уровень доступности лечения во время Вашей болезни?

Респондент: Мне повезло получить высококвалифицированную медицинскую помощь и лечение. Я была благодарна за заботу и внимание, которое оказали мне врачи и медицинский персонал.

Интервьюер: Как Вы справлялись с ощущением одиночества и изоляции во время пандемии?

Респондент: Одиночество было трудным испытанием, но я активно использовала социальные сети и телефон, чтобы поддерживать связь с друзьями и семьёй. Также занятие физкультурой дома помогло мне сохранять здоровье и хорошее настроение.

Интервьюер: Как Вы оцениваете влияние пандемии на вашу социальную жизнь и возможность взаимодействия с другими людьми?

Респондент: Пандемия значительно ограничила мои возможности социального взаимодействия. Я очень скучала по личным встречам, но научилась находить новые способы общения и стала выходить в интернет.

Интервьюер: Какие изменения Вы внесли в свой привычный образ жизни в связи с пандемией?

Респондент: Я стала более осознанной в отношении гигиены и часто мою руки и дезинфицирую поверхности. Я изменила свои планы, и по-прежнему стараюсь ограничивать посещения общественных мест.

Интервьюер: Как Вы оцениваете реакцию Вашего окружения на пандемию и поддержку, оказываемую пожилым людям?

Респондент: Я была приятно удивлена поддержкой и заботой, которую оказало мое окружение. Некоторые соседи предлагали помочь с покупкой продуктов или доставкой лекарств. Мы создали даже своё собственное сообщество в подъезде нашего дома, где помогали друг другу в трудные времена.

Интервьюер: Какие выводы Вы сделали на основе вашего опыта борьбы с COVID-19?

Респондент: Я поняла, насколько важна поддержка и взаимопомощь в трудные времена. Этот опыт научил меня ценить здоровье и быть готовой к тому, что все может измениться в один момент.

Можно выделить такой аспект в социальном взаимодействии, как жалобы от потребителей социальных услуг, возникающие из-за высокой нагрузки на соцработника в условиях жёстких временных ограничений. До карантина большинство жалоб было направлено на эффективность деятельности работника социальных служб или касалось требований увеличить объём оказываемой помощи (Синявская 2021: 64). Пандемия внесла коррективы, сменила акценты, стало больше жалоб на чувство беззащитности и одиночества. «Я одинокий пенсионер, живший в городе с высоким уровнем заболеваемости. Пандемия усилила моё чувство изоляции, так как я не мог посещать центры досуга для пожилых людей или встречаться с друзьями. Но спасибо волонтёрским онлайн-сообществам и видеозвонкам, я нашёл новых друзей и понял, что социальная связь возможна даже в таких условиях» (Сергей, 67 лет, Москва). Анализ обращений поставщиков социальных услуг подчеркнул, что «население регионов довольно консервативно в вопросах долговременного ухода». Пожилые люди предпочитают помочь родственников (Синявская 2021: 60).

Исходя из вышесказанного, применяемые государством меры и найденные обществом способы поддержки населения в ковидное время способствуют последующему совершенствованию инклюзивной составляющей многих сфер общества. При всей значимости патернализма проблему заботы можно дифференцировать в

зависимости от возможностей субъектов РФ и объёмов оказываемой помощи. Из всех респондентов только 16,2% чувствовали себя безопасно, имея доступ к высококачественной медицинской помощи, так как обладали высоким уровнем материального положения. И все они проживали в Московском регионе. Это вызывает неоднозначные вопросы, так как доля малоимущего населения Республики Татарстан в 2020 г. составляет 6,6%. Здесь доходы жителей выше, чем в других субъектах РФ (*Синявская 2021: 68*). Остальные респонденты (83,8%), обладая скромными финансовыми возможностями, испытывали трудности в получении медицинской помощи, чувствовали себя одиноко и полагались на помощь соседей, родственников, а также волонтёров из некоммерческих организаций и благотворительных фондов. Пожилые люди испытывали страх и тревогу по поводу своего здоровья и возможного будущего, чувствовали себя изолированными и ограниченными в возможностях социального взаимодействия со своими близкими.

Единственное, что осталось константой этого времени — консолидация общества и его взаимодействие.

Здоровьесбережение пожилого населения в социальном учреждении — православном хосписе

В России существуют единичные работы, дающие общую картину трансформаций, происходящих под действием социально-исторических факторов, которые в настоящее время претерпевают духовные традиции. Затронем социальные и культурные аспекты здоровьесбережения пожилого населения в социальном учреждении — православном хосписе.

Описанная ранее в данной статье социальная реальность в пандемию COVID-19, усилившееся финансовое неблагополучие, ухудшение состояния здоровья населения и возрастающая потребность в постороннем уходе мотивировали часть пожилых людей обратиться за помощью в социальные службы или переехать жить в специализированные учреждения. На законодательном уровне такая поддержка населения прописана в ФЗ № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» и в разработанной стратегии действий в интересах граждан старшего поколения до 2025 г. Пандемия COVID-19 также внесла свои корректизы в данные законодательные акты.

Из опрошенной московской группы респондентов в настоящее время 51,4% проживают в православном хосписе. До начала пандемии в Республике Татарстан проживало 31,6% опрошенных, в Московской области — 26,3% и в Москве — 42,1%.

Волонтерской деятельностью и другой социальной помощью занимались 15,8% опрошенных пожилых людей. Столько же респондентов отметили своё прекрасное социальное и материальное положение. Все они проживали в Москве. Для других же пожилых людей COVID-19 стал временем испытания на прочность. И для всех была важна поддержка со стороны. К тому же 42% людей от общего количества проживающих переболели данным заболеванием в средней и среднетяжелой формах.

Отмечено, что население, жившее в Татарстане, обозначило сложности не только финансового плана, но и в получении медицинской помощи, а также возросшую потребность в постороннем уходе. Они выделили сильную зависимость от благотворительных организаций и государственной помощи. Так Андрей (73 года, Татарстан)

сообщил следующее: «Я проживал в области с очень низким уровнем материального благосостояния. Во время пандемии мне было трудно справляться с финансовыми трудностями, связанными с покупкой медицинских препаратов и средств индивидуальной защиты. Я очень зависел от благотворительных организаций и государственной помощи, которые, спасибо им за это, оказывали мне поддержку в этот период».

Респонденты из Московской области тоже отметили моменты сложностей в ситуации изоляции, а также в получении медицинской и социальной помощи. Например, Александра (75 лет; текст восстановлен, так как в силу основного заболевания респонденту было сложно отвечать, — Ю. О.): «Я жила в посёлке, где средства для борьбы с пандемией были ограничены. Когда я заболела ковидом, мне пришлось заниматься самолечением, так как медицинской помощи было недостаточно. Фельдшеры просто не успевали на выезды».

Данные от пожилых людей, проживающих в Москве:

Сергей (67 лет, высокий уровень образования): «Я одинокий пенсионер, живший в городе с высоким уровнем заболеваемости. Пандемия усилила моё чувство изоляции, так как я не мог посещать центры досуга для пожилых людей или встречаться с друзьями. Однако благодаря волонтёрским онлайн-сообществам и видеозвонкам, я нашёл новых друзей и понял, что социальная связь возможна даже в таких условиях».

Аркадий (76 лет; текст восстановлен, так как в силу основного заболевания респонденту было сложно отвечать, — Ю. О.): «Я пожилой человек с серьезными хроническими заболеваниями, и COVID-19 усилил мои проблемы. Я ощущал страх и тревогу из-за высокого риска смерти. Но, благодаря телемедицине и поддержке семьи, я смог получать консультации врачей и помочь, минимизируя риск заражения и развития осложнений».

Взаимодействие в оказании медицинских/социальных услуг и введение карантинных требований ярко проявилось в следующих словах Сергея (70 лет, Московская область): «Я постоянно живу в пансионате для пожилых людей. В период пандемии COVID-19 мы были полностью изолированы от внешнего мира. Я ощущал грусть и тоску от отсутствия контакта с соседями». А Светлана (72 года, Московская область) добавила: «Я живу в огромном доме-интернате для пожилых людей, где были введены очень строгие меры карантина. Я ощущала одиночество и изоляцию, не видя друзей по интернату, ставших мне родными. Но благодаря сотрудникам и волонтёрам, которые оказывали нам помощь и периодически проводили различные онлайн-активности, я смогла сохранить связь с друзьями и немного справиться с напряжением».

Все эти свидетельства затрагивают вопросы выживаемости. По мнению эпидемиологов, изолирование и ограничения стали самым эффективным способом снижения заболеваемости и смертности от COVID-19 (*Di Bari et al. 2022*). Интеграция в работу православного хосписа государственного регламента по изоляции проживающих (насельников) позволила отсрочить или исключить распространение инфекции от посетителей. В доковидный период администрация хосписа всесторонне поддерживала и стимулировала регулярную помощь от родственников и волонтёров, в то время как COVID-19 способствовал проведению мероприятий по обучению своего персонала оказанию расширенного вида услуг по уходу за проживающими в учреждении. Объём оказываемых медработниками услуг кратно увеличился. Сёстры милосердия, обычно работающие посменно, в период пандемии вынуждены были

постоянно проживать в хосписе. В целях избегания распространения инфекции они сами приходили в комнаты проживающих, заботились и контролировали состояние насельников круглосуточно. В экстренных случаях поднимался вопрос о госпитализации проживающих в ковидное отделение православной больницы Москвы. Для профилактики распространения по учреждению инфекции в каждой комнате установили дозаторы для обработки рук и проживающие, понимая важность санитарно-гигиенических мероприятий, регулярно их использовали. Произошла остановка всех привычных массовых мероприятий (службы дважды в день, молебны, причастия и исповеди), данные встречи перешли в режим онлайн.

Карантинные мероприятия, сопровождаемые социальной изоляцией и ограничением трудовой деятельности, поставили в сложные условия приезжих, сделав их крайне уязвимыми (*Denisenko 2020*). Вот как описывает сложившуюся ситуацию Айсель (70 лет, Татарстан): «Я пожилая мигрантка, живу сейчас и тогда в вашем большом городе. Я столкнулась с языковыми и культурными препятствиями, когда заболела ковидом. Получить медицинскую помощь и информацию было сложно. Но благодаря работникам социальных служб православного хосписа, я смогла получить необходимую помощь и понять важность соблюдения мер безопасности».

Время непонимания и неприятия ограничений, вызванных COVID-19, постепенно уходило. Происходило осознание сложностей последствий пандемии, длившейся более трёх лет. «У меня было прекрасное социальное и материальное положение перед началом пандемии. Я имею высшее образование и не воспринимал коронавирус всерьёз. Но когда я заболел COVID-19, я осознал, что никто не застрахован от этой болезни. Я потерял близкого друга из-за COVID-19, и это изменило моё отношение к болезни» (Иван, 84 года).

Пребывание в длительной, вынужденной изоляции помимо медицинских проблем вызывало и проблемы социального характера. Ограничение в получении необходимой информации, дефицит привычного объема общения, и вместе с тем, увеличившаяся нагрузка на медперсонал, не позволявшая уделять прежнего внимания насельникам православного хосписа, способствовали развитию у последних состояния невроза.

Сёстры милосердия, администрация, духовенство, волонтёры хосписа вместе с родственниками проживающих, чтобы смягчить напряженную обстановку, а также снизить уровень стресса, испытываемый насельниками богадельни, периодически проводили различные онлайн-мероприятия. Неравнодушные добровольцы создавали онлайн-сообщества. Благодаря видеозвонкам, общение возобновилось, а социальные связи расширились. Поэтому абсолютно все опрашиваемые респонденты отметили важность солидарности и взаимопомощи в сложные времена, с которыми им пришлось столкнуться в период пандемии COVID-19.

Сведения, полученные от различных информантов, позволили отметить разницу в социальных условиях проживания и в предоставлении социальной помощи группам пожилого населения в сопоставляемых регионах: Москва, Московская область и Республика Татарстан.

Респонденты, проживавшие во время пандемии в Республике Татарстан, в большинстве своём испытывали чувство страха из-за возрастающего числа заболевших, изолированности и ограничений в социальном взаимодействии с близкими. Они высоко оценивали поддержку, предоставленную волонтёрскими службами (*Вавилов, Шаймарданов и*

др. 2020). Для Татарстана, по рассказам респондентов, были характерны ограничения в доступе к медицинской помощи для малообеспеченных пожилых людей.

Этот же период респонденты Московского региона описывают по-разному. Их модель восприятия пандемийного периода основывалась на личной активной позиции, которую занимали сами респонденты.

Стоит отметить разницу в условиях проживания, доступа к медицинской и гуманитарной помощи среди пожилых людей в Москве и Московской области. В первую очередь разница была в объёме получаемой медицинской помощи. Жители Москвы, исходя из своих финансовых возможностей, в большинстве случаев могли получить её дополнительно, воспользовавшись платными медицинскими услугами. Но и одинокие, малообеспеченные люди не оставались без внимания. Они надеялись не только на свои ресурсы или помошь родственников, но и на получение помощи от волонтёров, социальных служб, а также соседей. Во время консультаций медработники старались прибегать к помощи телемедицины. В Московской области население больше занималось самолечением, посещать врачей им было сложно по ряду причин (нехватка понятной для пожилого человека информации, страх перед врачами/госпитализацией/вакцинацией, страх оставления привычного быта, страх смерти в чужом, незнакомом месте и т. д.).

Эти же моменты подтвердили и проживающие в православном хосписе. Они отмечали хорошую организацию обеспечения их безопасности во время обостряющейся эпидемиологической обстановки. Благодарили прекрасно подготовленный медицинский персонал за эффективную медицинскую помощь и за бесценную моральную поддержку. Благодарили добровольцев за возможность общаться с родными и друзьями в режиме онлайн. Так как большинство постояльцев хосписа не могли самостоятельно пользоваться современными технологиями, то все наследники благодарили волонтёров, активно участвовавших в организации и поддержании общения в режиме онлайн.

* * *

В настоящей статье оценены социальные обстоятельства жизни пожилых жителей Московского региона и республики Татарстан, посвященные условиям их проживания в период пандемии COVID-19 как самостоятельно, так и в социальном учреждении — православном хосписе (богадельне). Исследовательский интерес вызвало восприятие пожилыми людьми пандемии COVID-19.

Формирующиеся условия заставили население адаптироваться к складывающейся эпидемиологической обстановке. В обществе сформировалось единое осознание: без сторонней помощи пожилым людям не выжить. Им жизненно необходима регулярная помощь и забота, как со стороны своего ближайшего окружения, так и со стороны государства. И если до пандемии COVID-19 часть общества демонстрировала консервативные взгляды и моменты непонимания, неприятия и недооценки значимости социальной и паллиативной помощи, то пандемия способствовала изменению этих установок и налаживанию социального взаимодействия. Стратегия гражданской взаимопомощи снизила уровень социальной изоляции уязвимых групп населения и проявилась в позитивном опыте сотрудничества с волонтёрами.

Было продемонстрировано, что проблема выхода из кризиса должна решаться экономическими методами, адекватными рыночной системе. Нехватка финансовых

ресурсов создала разрыв в возможностях получения необходимой медицинской/ социальной помощи, служила причиной зачастую губительного самолечения и приводила к трудностям взаимодействия с медицинскими работниками. Из выше-приведённых примеров видна территориальная дифференциация вариантов услуг, оказываемых в Московском регионе и в республике Татарстан, а также зависимость психологического состояния людей от финансовой составляющей.

Интервьюирование наследников православного хосписа, показало организованность сотрудников хосписа и их готовность помогать своим подопечным, несмотря на возросшую нагрузку. Расширение возможностей при использовании компьютерных технологий способствует максимальной адаптации в обществе одиноких людей и сближению родных, находящихся на расстоянии.

Автор надеется, что приобретённый опыт будет благоприятствовать дальнейшему внедрению инклюзивной повестки в институциональную среду социальных субъектов.

Источники и материалы

ПМА 2021–2022 — Полевые материалы автора. Исследование жителей г. Москва 2022 г. (интервьюируемые Маргарита 1955 г.р., Зинаида 1957 г.р., Лилия 1951 г.р., Константин 1950 г.р., Анна 1951 г.р., Лидия 1949 г.р., Мария 1958 г.р., Мария 1949 г.р., Сергей 1956 г.р., Александр 1948 г.р., Сергей 1956 г.р., г. Аркадий 1947 г.р.).

ПМА 2021–2022 — Полевые материалы автора. Исследование жителей Московской обл. 2022г. (интервьюируемые Петр 1948 г.р., Георгий 1953 г.р., Ирина 1948 г.р., Ксения 1954 г.р., Наталья 1958 г.р., Елена 1953 г.р., Рашид 1954 г.р., Сергей 1953 г.р., Светлана 1951 г.р., Иван 1939 г.р.).

ПМА 2021–2022 — Полевые материалы автора. Исследование жителей Татарстана 2022 г. (интервьюирующие Элеонора 1953 г.р., Игорь 1954 г.р., Андрей 1952 г.р., Евгений 1953 г.р., Андрей 1950 г.р., Айселя 1953 г.р.).

Информационная панель ВОЗ 2023 — Информационная панель ВОЗ о коронавирусе (COVID-19) [Электронный ресурс]. <https://COVID19.who.int/> (дата обращения 6.07.2023)

История болезни 2020 — История болезни: краткая хроника опаснейших эпидемий XX–XXI вв. // Лезар [Электронный ресурс]. Дата публикации: 10.04.2020 https://www.lezard.ru/novosti/istoriya_bolezni_kratkaya_hronika_opasneyshih_epidemiy_20-21_vv

Ищенко 2023 — Ищенко О. Ю. Ключевое научное открытие в пандемии COVID-19 крушит конспирологические теории // Интенсивные технологии Ищенко [сайт]. Дата публикации: 29.04.2023. <http://mirnanowo.narod.ru/otcritie/otcritiefile.htm>

Оперативные данные — Стопкоронавирус [Электронный ресурс]. <https://xn--80aesfpebagmfblc0a.xn--plai/information/> (дата обращения 6.07.2023)

Научная литература

Вавилов В. В., Шаймарданов И. В., Саитгараев А. К., Камалетдинов Р. Ш. Основные процессы организации хосписной помощи в Республике Татарстан // Паллиативная медицина и реабилитация. 2020. № 2. С. 36–41. EDN FRMKIJ

Иванов Р. В. Мобилизационная солидарность во время пандемии // Социология. 2021. № 4. С. 92–105. EDN ZPJYDW

Кармадонов О. А., Ковригина Г. Д. Ресурсы социокультурной консолидации российского общества. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2017. 184 с.

Климович М. А. Институциональная среда и ее трансформационный потенциал в условиях новой технологической революции // Экономика и управление инновациями. 2019. № 1. С. 18–26. <https://doi.org/10.26730/2587-5574-2019-1-18-25> EDN WRWLZL

Кокошин А. А. Некоторые макроструктурные изменения в системе мировой политики. Тенденции на 2020–2030-е годы // Полис. Политические исследования. 2014. № 4. С. 38–62. EDN SJGLUF

- Положихина М. А. Экономика России в условиях пандемии коронавируса // Экономические и социальные проблемы России. 2021. № 4(48). С. 39–63. <https://doi.org/10.31249/espr/2021.04.02> EDN NHODGC
- Синявская О. В. Организация постороннего ухода за пожилыми и инвалидами: мотивация обращения к различным поставщикам // Демографическое обозрение. 2021. Т. 8, № 4. С. 60–80. <https://doi.org/10.17323/demreview.v8i4.13876> EDN IFWPVT
- Тарусина Н. Н. Право распоряжаться своей жизнью: актуализация социально-политического контекста в условиях пандемии COVID-19 // Социальные и гуманитарные знания. 2021. Т. 7. № 2 (26). С. 166–181. <https://doi.org/10.18255/2412-6519-2021-2-166-181> EDN LHTSJU
- Фролова Е. А. Активное долголетие и жизнестойкость старшего поколения в Томской области // Институциональная трансформация экономики: человек и социум (ИТЭ-ЧС 2021): Мат. VII Международной конференции, Томск, 21–23 октября 2021 года / отв. ред. М. В. Чиков. Томск: НИТГУ, 2021а. С. 202–203. <https://doi.org/10.17223/978-5-907442-40-5-2021-138> EDN EISILA
- Фролова Е. А. Инструменты укрепления жизнестойкости старшего поколения в условиях пандемии COVID-19 на примере Томской академии активного долголетия // Вестник Томского государственного университета. 2021б. № 473. С. 154–160. <https://doi.org/10.17223/15617793/473/19> EDN OTFCIS
- Харитонова В. И. COVID-19: новая тема медицинской антропологии // Медицинская антропология и биоэтика. 2020. № 1 (19). С. 5–27. <https://doi.org/10.33876/2224-9680/2020-1-19/01>
- Шагинян С. Г. Коронавирусный кризис требует корректировки инструментария экономических функций государства // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2021. № 3 (130). С. 28–30. EDN PKCHGR
- Ярская-Смирнова Е. Р. Маломобильные горожане как получатели и субъекты социальной помощи в период пандемии COVID-19: по данным социологического опроса // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 63. С. 145–152. <https://doi.org/10.17223/1998863X/63/14> EDN AXIRQL
- Denisenko M. Labor Migration in Russia During the Coronavirus Pandemic // Demographic Review. 2020. Vol. 7, No. 5. P. 42–62. <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i5.13197> EDN VBJMDF
- Di Bari M., Tonarelli F., Giordano A. et al.. COVID-19, Vulnerability, and Long-Term Mortality in Hospitalized and Nonhospitalized Older Persons // Journal of the American Medical Directors Association. 2022. Vol 23. No 3. P. 414–420. <https://doi.org/10.1016/j.jamda.2021.12.009> EDN OBGWFS
- Fan L., Y. Tian, J. Wang et al. Frailty Predicts Increased Health Care Utilization Among Community-Dwelling Older Adults: A Longitudinal Study in China // Journal of the American Medical Directors Association. 2021. Vol. 23. No 3. P. 1819–1824. <https://doi.org/10.1016/j.jamda.2021.01.082>
- Neo H. Y., L. M. Teo, A. Hum and et al. Palliative Rehabilitation Improves Health Care Utilization and Function in Frail Older Adults with Chronic Lung Diseases. Journal of the American Medical Directors Association. 2021. Vol. 22. No 12. P. 2478–2485 <https://doi.org/10.1016/j.jamda.2021.05.031> EDN QFTAYO

References

- Denisenko, M. 2020. Labor Migration in Russia during the Coronavirus Pandemic. *Demographic Review* 7(5): 42–62. <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i5.13197> EDN VBJMDF
- Di Bari, M., F. Tonarelli, A. Giordano et al. 2022. COVID-19, Vulnerability, and Long-Term Mortality in Hospitalized and Nonhospitalized Older Persons. *Journal of the American Medical Directors Association* 23(3): 414–420. <https://doi.org/10.1016/j.jamda.2021.12.009> EDN OBGWFS
- Fan, L., Y. Tian, J. Wang et al. 2021. Frailty Predicts Increased Health Care Utilization Among Community-Dwelling Older Adults: A Longitudinal Study in China. *Journal of the American Medical Directors Association* 22(9): 1819–1824. <https://doi.org/10.1016/j.jamda.2021.01.082> EDN KPCCTB
- Frolova, E. A. 2021a. Aktivnoe dolgoletie i zhiznestoikost' starshego pokoleniya v Tomskoi oblasti [Active Longevity and Vitality of the Older Generation in Tomsk Region]. In *Institutsiyonal'naya transformatsiya ekonomiki: chelovek i sotsium (ITE-CHS 2021)*: Materiali VII Mezhdunarod-

- nogo nauchnogo kongressa, Tomsk, 21–23 oktiabria 2021 goda [Institutional Transformation of the Economy: Man and Society (ITE-CS 2021): Proceedings of the VII International Scientific Congress, Tomsk, October 21–23, 2021], ed. by M. V. Chikov. Tomsk: NITGU. 202–203. <https://doi.org/10.17223/978-5-907442-40-5-2021-138> EDN EISILA
- Frolova, E. A. 2021b. Instrumenty ukrepleniia zhiznestoikosti starshego pokolenii v usloviakh pandemii COVID-19 na primere Tomskoi akademii aktivnogo dolgoletii [Tools for Strengthening the Resilience of the Older Generation in the Context of the COVID-19 Pandemic on the Example of the Tomsk Academy of Active Longevity]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* 473: 154–160. <https://doi.org/10.17223/15617793/473/19> EDN OTFCIS
- Ivanov, R. V. 2021. Mobilizatsionnaia solidarnost' vo vremia pandemii [Mobilization Solidarity During the Pandemic]. *Sotsiologiya* 4: 92–105. EDN ZPJYDW
- Karmadonov, O. A. and G. D. Kovrigina. 2017. *Resursy sotsiokul'turnoi konsolidatsii rossiiskogo obshchestva* [Resources of Sociocultural Consolidation of Russian Society]. Irkutsk: Izdatel'stvo IGU. 184 p.
- Kharitonova, V. I. 2020. COVID-19: novaia tema meditsinskoi antropologii [COVID-19: a New Topic in Medical Anthropology]. *Meditsinskaia antropologija i bioetika* 1(19): 5–27. <https://doi.org/10.33876/2224-9680/2020-1-19/01>
- Klimovich, M. A. 2019. Institutsional'naia sreda i ee transformatsionnyi potentsial v usloviakh novoi tekhnologicheskoi revoliutsii [Institutional Environment and its Transformational Potential in the Conditions of the New Technological Revolution]. *Ekonomika i upravlenie innovatsiiami* 1: 18–26. <https://doi.org/10.26730/2587-5574-2019-1-18-25> EDN WRWLZL
- Kokoshin, A. A. 2014. Nekotorye makrostrukturye izmeneniiia v sisteme mirovoi politiki. Tendentsii na 2020–2030-e gody [Some Macrostructural Changes in the System of World Politics. Trends for 2020–2030]. *Polis. Politicheskie issledovaniia* 4: 38–62. EDN SJGLUF
- Neo, H. Y., L. M. Teo, A. Hum et al. 2021. Palliative Rehabilitation Improves Health Care Utilization and Function in Frail Older Adults with Chronic Lung Diseases. *Journal of the American Medical Directors Association* 22(12): 2478–2485. <https://doi.org/10.1016/j.jamda.2021.05.031> EDN QFTAYO
- Polozhikhina, M. A. 2021. Ekonomika Rossii v usloviakh pandemii koronavirusa [Economy of Russia in the Context of the Coronavirus Pandemic]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye problemy Rossii* 4(48): 39–63. <https://doi.org/10.31249/espr/2021.04.02> EDN NHODGC
- Shaginian, S. G. 2021. Koronavirusnyi krizis trebuet korrektirovki instrumentariia ekonomicheskikh funktsii gosudarstva [The Coronavirus Crisis Requires Correction of the Instruments of Economic Functions of the State]. *Nauka i obrazovanie: khozyaistvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie* 3(130): 28–30. EDN PKCHGR
- Siniavskaia, O. V. 2021. Organizatsiia postoronnego ukhoda za pozhilymi i invalidami: motivatsiia obrashcheniia k razlichnym postavshchikam [Organization of Out-of-home Care for the Elderly and Disabled: The Motivation to Turn to Various Suppliers] *Demograficheskoe obozrenie* 8(4): 60–80. <https://doi.org/10.17323/demreview.v8i4.13876> EDN IFWPVT
- Tarusina, N. N. 2021. Pravo rasporyazhat'sia svoei zhizn'iu: aktualizatsiia sotsial'no-politicheskogo konteksta v usloviyah pandemii COVID-19 [Right to Dispose of Your Own Life: Actualization of Social-Political Context in COVID-19 Pandemic Conditions]. *Sotsial'nye i gumanitarnye znaniiia* 7 (2): 166–181. <https://doi.org/10.18255/2412-6519-2021-2-166-181> EDN LHTSJU.
- Vavilov, V. V., I. V. Shajmardanov, A. K. Saetgaraev and R. Sh. Kamaletdinov. 2020. Osnovnye protsessy organizatsii hospisnoi pomoschi v respublike Tatarstan [Main Processes of Organization of Hospice Care in the Republic of Tatarstan]. *Palliativnaia meditsina i reabilitatsiia* 2: 36–41. EDN FRMKIJ

УДК 39+61

DOI: 10.33876/2311-0546/2023-4/207-216

Научная статья

© Д. А. Бочков

СНОВИДЕЦ БЕЗ СНОВИДЕНИЯ: МОДЕЛИ СМЕЩЕННОЙ ЛОКАЛИЗАЦИИ СУБЪЕКТНОСТИ У СОМАТИЧЕСКИХ ПАЦИЕНТОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПАНДЕМИИ COVID-19)*

*В последние годы одним из ярких проявлений общественного интереса к теме сновидений со стороны т.н. культур модерна стали ковидные сновидения, значительно отличающиеся по мнению сновидцев от привычных им онейрических паттернов. Сами сновидцы, как и исследователи сновидений, связывают подобные изменения сна, приобретшие массовый характер во время пандемии COVID-19, как с участвующими проявлениями стресса и тревоги вследствие социальных ограничений и карантинных мер, так и с непосредственным влиянием вируса на активность мозга. Автор статьи выделяет последнюю характеристику как ключевую для ковидных сновидений и многочисленных свидетельств о них, появившихся в масс-медиа, социальных сетях и дневниках сновидений в начале 2020-х гг., и приходит к выводу, что ситуации рассказа о сновидении (*dream sharing*) способствуют социальной идентификации, но имплицитно смещают локус субъектности самого сновидца. Таким образом, заразившийся вирусом сновидец и рассказчик оказывается в парадоксальном положении, в котором его собственное сновидение принадлежит ему не до конца.*

Ключевые слова: антропология сновидений, рассказы о сновидениях, ковидные сновидения, субъектность, вирус

Ссылка при цитировании: Бочков Д. А. Сновидец без сновидения: модели смещенной локализации субъектности у соматических пациентов (по материалам пандемии COVID-19) // Вестник антропологии. 2023. № 4. С. 207–216.

UDC 39+61

DOI: 10.33876/2311-0546/2023-4/207-216

Original article

© Dmitry Bochkov

THE DREAMER WITHOUT A DREAM: THE PATTERNS OF DISPLACED LOCALIZATION OF SUBJECTIVITY IN SOMATIC PATIENTS (BASED ON THE COVID-19 PANDEMIC)

In recent years, one of the most striking manifestations of public interest in the topic of dreams on the part of so-called modern cultures has been COVID dreams which

Бочков Дмитрий Андреевич — аспирант, стажёр-исследователь Центра медицинской антропологии, Институт этнологии и антропологии РАН (Российская Федерация, 119334 Москва, Ленинский проспект, 32А). Эл. почта: dimitr.bochkov@gmail.com. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3228-0708>

* Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН.

dreamers consider to be significantly different from their usual oneiric patterns. Dreamers themselves, as well as dream social researchers, attribute these changes which became widespread during the COVID-19 pandemic, both to increased manifestations of stress and anxiety due to social restrictions and quarantine measures, and to the direct effect of the virus on brain activity. The author identifies the latter as a key characteristic of COVID dreams and the numerous stories that appeared in mass media, social networks and dream blogs in the early 2020s, and concludes that social situations of dream sharing facilitate social identification but implicitly shift the locus of subjectivity of the dreamer. Thus, the corona-infected dreamer and dream-teller find themselves in a paradoxical position in which their own dream does not fully belong to them.

Keywords: anthropology of dreams, dream sharing, COVID dreams, subjectivity, virus

Author Info: Bochkov, Dmitry A. — Post-Graduate Student, the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (Moscow, Russian Federation). E-mail: dimitr.bochkov@gmail.com ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3228-0708>

For Citation: Bochkov, D. A. 2023. The Dreamer Without a Dream: The Patterns of Displaced Localization of Subjectivity in Somatic Patients (Based on the COVID-19 Pandemic). *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 4: 207–216.

Funding: The study was carried out as a part of the research plan of the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology.

Введение

К концу 2023 г. COVID-19 практически не появляется в новостях: редкие заголовки о новом штамме в ЮАР или в Дании, об увеличении числа госпитализаций не имеют отношения к COVID-реальности, которая, несмотря на то, что некоторые ее черты можно наблюдать и сегодня, негласно превратилась в исторический факт (по крайней мере, до поры до времени). На это указывает и ревизионистский характер нынешних дискуссий¹ на тему некогда бывших чуть ли не общемировой практикой социальных ограничений, во времена которых подобные обсуждения предавались ostracismu. Сам же академический жанр COVID-литературы, представляющий собой, как правило, антропологическую, социологическую, культурологическую, философскую, психоаналитическую, (био)политическую или иную рефлексию на пересечении аналитического и повседневного знания о вирусе, природе человека или обществе постепенно становится предметом интеллектуальной истории.

Мое небольшое эссе о т.н. ковидных сновидениях, безусловно, в некоторой степени историзировано, однако, сам феномен, на мой взгляд, до сих пор проблематизирует эпистемологическую модель сновидения, принятую в социальных науках. В этом смысле, такое размышление, написанное в конце 2023 г., может быть более «правомерным», чем если бы оно относилось, например, к 2020 г., как и большая часть свидетельств по теме — такая дистанция позволяет высказыванию в большей степени претендовать на статус рассуждения, а не свидетельства. Кажется, что изучение сновидений, действи-

¹ В качестве примера можно упомянуть публикацию очередных Twitter Files, посвященных умышленной цензуре в социальных сетях в пользу крупных фармацевтических производителей.

тельно, напрямую не относится к практису социальных наук, понимаемому в традиционном ключе, исходя из предпосылки, что онейрическое не является социальным — то, что снится человеку, имеет непосредственное отношение к его субъектности.

Сновидение как социальная практика: эпистемологическая модель

Здесь основной аргумент антропологии сновидений в том, что пока единственный доступный способ проникнуть в сновидение — рассказ сновидца — в свою очередь, является именно социальной практикой (*Lahire 2020*), причём не важно, рассказчик информант или сам антрополог (*Tremlett 2008*). Сновидения, которыми делятся исследователь, в свою очередь, могут быть одними из (авто)этнографических инструментов, обеспечивающих производство интерсубъективного знания (*Ярлыков 2006; Tobón 2015*). Из рассказа о сновидении, в «ситуационной нарративной реконструкции» (*Sheriff 2021: 38*) вычленяется знание, которое можно признать социальным, и объективировать его. Так, например, Мэрилин Нэйшнс опровергла известное утверждение медицинского антрополога Нэнси Шепер-Хьюз о распространенной эмоциональной отчужденности и безразличии по поводу смерти ребенка у матерей из бедных слоев населения на северо-востоке Бразилии, обратившись к содержанию их сновидений и обнаружив в нем устойчивые паттерны горевания (*Nations 2013*).

На этом разграничении, заявленном антропологом Барбарой Тедлок (*Tedlock 2001*), — опыта сновидения и свидетельства об этом опыте — базируется интерес социальных наук к миру сновидений и фантазмов. Бессознательное и, судя по всему, универсальное, присущее каждому человеку состояние помещается в особую социальную, перформативную и семиотическую ситуацию рассказа о сне — вследствие того, что прямой доступ в сновидение возможен только сновидцу и только в определенный момент времени. Такие ситуации обрастают культурными коннотациями, а примерами институционализации служат разнообразные онейромантические практики.

Из этого вытекает второе различие, присущее антропологической оптике, которое основано на практическом наблюдении: кажется, что культуры небольших локальных сообществ более восприимчивы к ситуациям, связанным с рассказом о сновидении, и к знанию, заключенному в сновидении, нежели культуры модерна (*Wax 2004*). В связи с этим, неудивительно, что многие интереснейшие мифологические сюжеты, касающиеся мира сновидений, были рассказаны представителями онтологического поворота (*Кон 2018*), исследователями шаманизма (*Батыянова 2006*) или народной культуры (*Лазарева 2020; Садова 2021*), в т. ч., например, алтайской (*Тюхтенева 2006*), хантыйской (*Молданова 2006; Волдина 2015*), коми-пермяцкой (*Голева 2015*), адыгейской (*Сиухова 2012*) и проч., а также этнопсихологами (*Devereux 1951*) и многими другими. С позиции кросскультурной перспективы, подобные исследования, рассматривающие многообразные аспекты феномена сновидений, представлений о них и практик сна, предлагают различные концептуализации «локального».

Так, распространенное мнение, явно или имплицитно содержащееся во многих антропологических рассуждениях о мире сновидений, заключается в том, что в т.н. культурах модерна по-настоящему серьезный интерес к теме сновидений исходит исключительно от тех, кто «придерживается нью-эйдж программ личностного роста и/или психотерапевтических практик лечения» (*Stewart 2004: 78*). Как бы мы

не относились к подобным практикам¹ (как к форме сопротивления или же созидательного разрушения) они — неотъемлемая часть того, что мы называем культурой модерна, нечувствительной, как считается, к миру сновидений, и биомедицинской парадигмы, стремящейся к глобальной унификации.

Отдельно стоит упомянуть исследования, посвященные теме сновидений и социальной идентификации. Зачастую они опираются на основанные на единстве некоторого опыта концептуализации коллективной (воображаемой) идентичности, социальной трансгенерационной памяти и травмы.

По логике, заключенной в оптике травмы, можно провести параллель с группами людей, совместно пережившими кризис, например, теракт или стихийное бедствие, и вследствие «совместно» страдающими кошмарами. Это может относится к коллектива姆, пережившим общий травматический опыт существования при тоталитарном режиме — классический психоаналитический тезис предполагает, что травма вымещается в бессознательное сновидение. Как и многие основополагающие труды по культурной памяти и травме, подобные исследования сновидений во многих случаях касаются немецкого культурного контекста и переосмыслиения опыта тоталитаризма после 1945 г. (*Beradt* 1968; *Newsom* 2021). Аналогичные исследования о «коллективных сновидениях» касаются и советской эпохи (*Паперно* 2021).

Ковидные сновидения соматических пациентов

Собственно, через оптику коллективной травмы нередко рассматривают (*Bakó, Zana* 2023) и сам кризис, связанный с пандемией вирус COVID-19, который проник практически во все страны мира, и сновидения (cf. *Marogna* et al. 2021; *Giovanardi* et al. 2022). Множество исследований, оперирующих массовыми опросами в различных странах, подтверждают учащение изменений паттернов сна, продолжительность которого может значительно увеличиваться или, наоборот, фрагментироваться; как следствие, кошмары и нарушения сна часто связывают со стрессом, тревогой и травмирующими условиями социальных ограничений. Наряду с этим, начиная с 2020 г., стали появляться свидетельства от заразившихся вирусом соматических пациентов об «особенных» сновидениях, радикально отличающихся от «обычных» — речь идет о т. н. ковидных сновидениях (*COVID dreams*), которые, как предполагается, вызваны самим вирусом (*Scarpelli* et al. 2022).

Свидетельства об этих сновидениях собраны не только исследователями, например, популярнейшую монографию «Сны пандемии» психолога Дейрдре Барретт (*Barrett* 2020) несложно сравнить с книгой «Сны Третьего Рейха», коллекцией сновидений, собранных Шарлоттой Берадт (*Beradt* 1968). С 2020 г. сами «ковид-сновидцы» охотно делились своими ковидными сновидениями в социальных сетях, масс-медиа, форумах и блогах, т. е., создавали социальные ситуации рассказа о сновидении (*dream sharing*), причем не только в форме текста, но и в форме анимации (*The New Yorker* 2021) или иллюстраций. Авторы блога “I Dream of Covid”, которые публиковали в 2020 г. сновидения людей с географическим охватом от США и Аргентины до Ливана и Бангладеша напрямую связывают свою деятельность именно с

¹ Безусловно, этот список необходимо расширять до различных религиозных верований, представлений, инспирированных образом «времени сновидений», практик йоги и медитации, осознанных сновидений, телепатического общения в сновидении и проч.

фигурой Берадт (I Dream of Covid 2023). Безусловно, подобные сновидения наделяются особым социальным статусом.

Публичные интернет-свидетельства о ковидных сновидениях не только образуют вокруг себя устойчивые социальные ситуации, вполне традиционные для цифрового пространства, состоящие из лайков, просмотров, репостов, комментариев, дискуссий и проч. Сами по себе, они редко существуют в отрыве от других рассказов о кошмарах и яких сновидениях. В Twitter (Х) из дискуссий и отдельных заметок создавались целые каталоги из ретвитов бесчисленных свидетельств об «особых» снах, которые оставляют пользователи. Например, канал «Мне снится COVID-19» (IDreamofCovid19 2023) собирал ретвиты с рассказами о сновидениях по определенным хэштегам (#coronadreams #quarandreams) — создатели канала обозначали этот «каталог» как «коллективное бессознательное». В свою очередь, бот «Ковидные сны» (CovidDreams 2023) автоматически работал по ключевым словам в поиске социальной сети («согопа», «covid», «virus» и проч.). При этом социальный интерес к ковидным сновидениям, судя по всему, не пережил чрезвычайную фазу пандемии (ВОЗ отменила режим ЧС в мае 2023) — большинство свидетельств датируется 2020 г. Бот «Ковидные сны» перестал работать в 2022 г., «Мне снится COVID-19» прекратил свое существование в 2021 г., а блог i dream of covid — еще в 2020 г.

Приведу также несколько случайных примеров того, как люди, заболевшие COVID-19, писали про свои сновидения на Reddit¹, чтобы продемонстрировать характерную жанровую черту ковидных сновидений, которая очевидно проявляясь или нет, имплицитно присутствует во многих рассказах. Пользователь на сабреддите «Были ли еще у кого-нибудь очень яркие сны при ковиде?» (Does Anyone Else Have Super Vivid Dreams with Covid? 2023) пишет:

«Люди, заболевшие ковидом, сообщают о безумных сновидениях. У меня были такие же, и в самом худшем сновидении я собирая из LEGO, кажется, Сокол тысячелетия, но чрезмерно детализированный. Я просыпался (раз 10 за ночь) и засыпал снова, но все повторялось».

Другой пользователь на сабреддите «Ковид/кошмары?» (Covid/nightmares? 2023) делится такой историей:

«Жду результатов ПЦР, но у меня довольно типичные симптомы омикрона. При этом, когда только начали появляться симптомы, у меня было несколько сновидений, более тревожных, чем те, которые я обычно считаю кошмарами. Мне часто снятся тревожные сны, но редко такие тревожные, как эти».

Подобное отношение может касаться не только сновидений, происхождение которых сновидец связывает с вирусом, но и тех, «причиной» которых может служить вакцина: пользователь Reddit рассказывает (People Have Been Having Wild Dreams After Getting the Covid Wax 2023), что после инъекции второго компонента ему регулярно снились яркие сны, в которых он искал свой автомобиль. Эти бесчисленные анонимные интернет-свидетельства о сновидениях объединяет то, что именно образ вируса (или, в некоторых случаях, вакцины) обозначены как первопричина сновидения.

¹ Некоторые исследователи использовали инструмент, основанный на работе рекуррентных нейронных сетей, который анализировал и извлекал информацию о здоровье и сновидениях из Reddit и Twitter (Х) для создания базы данных с контентом сновидений, связанных с COVID-19 (Šćepanović et al. 2022).

Сновидение и смещение локуса субъектности

Данный момент — ключевой, поскольку сновидец обладает субъектностью в силу того, что является причиной и адресатом собственного сновидения. Иными словами, сновидец — это и есть субъект, даже если отказаться от предпосылки, что «я» ограничено самим собой. Антрополог Барбара Гловчевски в разговоре с Феликсом Гваттари делится подробностями практик «коллективных сновидений», принятых у вальпир, проживающих на севере Австралии. Кочевники, вынужденные стать оседлыми из-за политической ситуации, все равно вели «кочевой» образ жизни, продолжая путешествовать в ритуалах и сновидениях: «Будучи обязаны оставаться на определенном месте, своими церемониями, песнями и ночными грезами они могут вновь проигрывать эти замечательные путешествия [...] буквально управляя территориями сна» (*Гваттари, Гловчевски 2007: 137*). При этом сновидец-индивидуид не выдвигает единоличных претензий на территорию сновидения, представленную не в виде плоскости на карте (т. е. объективированной), а в виде совокупности совместных маршрутов, потоков и связей (т. е. ассамбляжа). Это происходит, потому что «не территория ему принадлежит, но он принадлежит территории. Таким образом, территория — это не то, что можно захватить, но то, что придаёт смысл человеку» (*Гваттари, Гловчевски 2007: 141*). Субъектность определяется территорией, которой «принадлежит» множество людей; даже для такого надындивидуального сновидца сновидение является тем, что указывает на его субъектность, порождая повторяющиеся социальные практики особых ритуалов и церемоний. В данном случае, субъектное-индивидуальное и субъектное-социальное идут рука об руку.

Феномен ковидных сновидений отсылает к похожей логике, однако, сама структура рассказа о сновидении указывает на интересную особенность: психический локус субъектности как первопричины сновидения смещается со сновидца на образ вируса. Сновидец-рассказчик, подчеркивая «особенную» природу ковидного сновидения, связывает его не с самим с собой, а с вирусом, проникшим в тело (или с вакциной, призванной бороться с вирусом) — в «обычных» условиях такое яркое сновидение просто бы не приснилось. Размещая субъектность в образе вируса, сновидец фактически расписывается в том, что ковидное сновидение принадлежит ему не до конца.

Отпечаток похожих психических механизмов присутствует и в некоторых рассказах беременных о своих сновидениях. Во время беременности так же изменяются паттерны сна, и, например, регressive повышенную сонливость исследователи часто связывают с необходимостью психики перестроиться и переработать новый соматический и психический опыт (*Riazuero 2003: 100*). Смещение локуса субъектности может происходить и в таких случаях: одна информантка убеждала меня в том, что «необычные» сны ей снятся исключительно из-за радикальных изменений в гормональном фоне, и что так происходит со всеми беременными, и что это «нормально» (*ПМА 2023*). В данном случае отказ от уникальности собственных сновидений, вызывающих амбивалентные чувства, и смещение субъектности — одна из привычных стратегий, которые обнаруживаются в нарративах беременных, впрочем, надо учитывать, что на индивидуальном уровне подобное отношение к сновидениям не является стабильным на протяжении всего срока беременности.

При этом, публичное лишение себя права на ковидное сновидение приводит к своего рода социальной идентификации — обезличенный сновидец без сновидения не

чувствует себя одиноким, его свидетельство приобретает ценность только как часть огромного общественного каталога сновидений. В данном случае субъектное-индивидуальное и субъектное-социальное разводятся, не в пользу первого. В 2020 г. количество таких сновидцев, зараженных вирусом, рассказывающих о своем опыте, было так велико и разнообразно¹, что по отношению к ним справедливее было бы использовать не только метафору «коллектива сна» (что правомерно по отношению к кошмарам, вызванным стрессом и тревогой из-за тогдашних повсеместных социальных ограничений), но и «территории сна», по аналогии с практиками вальпири. В одном случае, источником сновидения является нечто инородное в теле, в другом – территория.

Заключение

Оба случая сближают не только то, что пандемия COVID-19 вскрыла множество магических элементов в повседневном модерновом мышлении, но и то, что и вирус, и представление о территории у вальпири тяжело поддается объективации и унификации. Для вальпири, территория — это динамичное и накладывающееся друг на друга множество, которое учитывает большое число путешественников, среди них есть далеко не только люди (*Гваттари, Гловчевски 2007: 140–141*); территория не соответствует площади на карте, хотя бы потому, что политическая карта не включает в себя территорию сновидений. Вирус, существующий в микромире, прямой доступ в который человеку закрыт (так же, как и в мир сновидений), не соответствует статичным репрезентациям и 3D-моделям, поскольку перманентно пребывает в динамичном и изменяющемся состоянии. Встреча и с тем, и с другим, наверное, наиболее интенсивно проявляется в сновидениях. В заключение своего эссе, я процитирую анонимное ковидное сновидение из блога “I Dream of Covid”, представленное в виде ирреального опыта, выходящего за рамки сновидения. «Мне приснилось прекрасное видение коронавируса. Он был огромным и красивым. [...] Я чувствовал, что смотрю на проявление Бога. Во время грозы я уснул/а на крыльце своего дома. Проснувшись, я чувствовал/а себя хорошо, а гроза прошла» (Vision 2023).

Источники и материалы

ПМА 2023 — Материалы полевых исследований автора статьи (интервью и дневники сновидений беременных женщин) за 2023 г.

The New Yorker 2021 — The New Yorker. 2021. People Share Their Vivid COVID-19 Dreams. The New Yorker Documentary // YouTube [Электронный ресурс]. <https://www.youtube.com/watch?v=eI9zc92lWi4> Дата публикации: 11.02.2021.

I Dream of Covid 2023 — About // I Dream of Covid [Электронный ресурс]. <https://www.idreamofcovid.com/about> (дата обращения: 20.08.2023).

IDreamofCovid19 2023 — IDreamofCovid19 // Twitter (X) [Электронный ресурс]. <https://twitter.com/IDreamofCovid19> (дата обращения: 22.08.2023).

CovidDreams 2023 — CovidDreams // Twitter (X) [Электронный ресурс]. <https://twitter.com/CovidDreams> (дата обращения: 22.08.2023).

Does Anyone Else Have Super Vivid Dreams with Covid? 2023 — Does Anyone Else Have Super Vivid Dreams with Covid? // Reddit [Электронный ресурс]. <https://www.reddit.com/r/DoesAnyoneElseHaveSuperVividDreams>

¹ Помимо желания поделиться ковидным сновидением, сновидцев-рассказчиков объединяло разве что доступ в интернет и обладание тем или иным международным языком (в случае приведенных мной примеров, это английский).

- [sAnybodyElse/comments/sq3txv/does_anybody_else_have_super_vivid_dreams_with/](https://www.reddit.com/r/COVID19positive/comments/s8fh2x/covidnightmares/) (дата обращения: 21.08.2023).
- Covid/nightmares? 2023 — Covid/nightmares? // Reddit [Электронный ресурс]. <https://www.reddit.com/r/COVID19positive/comments/s8fh2x/covidnightmares/> (дата обращения: 21.08.2023).
- People Have Been Having Wild Dreams After Getting the Covid Wax 2023 — People Have Been Having Wild Dreams After Getting the Covid Wax // Reddit [Электронный ресурс]. https://www.reddit.com/r/EverythingScience/comments/nassb6/people_have_been_having_wild_dreams_after_getting/ (дата обращения: 21.08.2023).
- Vision 2023 — Vision // I Dream of Covid [Электронный ресурс]. <https://www.idreamofcovid.com/dreams/vision> (дата обращения: 20.08.2023).

Научная литература

- Батьянова Е. П. О снах шаманистов (по материалам полевых исследований 1970–2000-е годы) // Этнографическое обозрение. 2006. № 6. С. 53–61.
- Волдина Т. В. О методологических возможностях изучения ритуальных практик с опорой на исследования С. Криппнера в области антропологии сознания // Вестник угроведения. 2015. Т. 21. № 2. С. 97–111.
- Геваттири Ф., Гловчески Б. Вальпир // Философско-антропологические исследования. 2007. № 1. С. 136–143.
- Голева Т. Г. Сон и сновидения в традиционной культуре коми-пермяков // Вестник Пермского федерального исследовательского центра. 2015. № 4. С. 54–63.
- Кон Э. Как мыслят леса: к антропологии по ту сторону человека. М.: Ad Marginem, 2018. 344 с.
- Лазарева А. А. Толкование сновидений в народной культуре. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2020. 257 с.
- Молданова Т. А. Сновидения в культуре хантов // Этнографическое обозрение. 2006. № 6. С. 38–47.
- Паперно И. А. Советская эпоха в мемуарах, дневниках, снах: опыт чтения. М.: Новое Литературное Обозрение, 2021. 320 с.
- Садова Т. С. Этимологическая магия в устных снорассказах и сногаданиях. // Лазарева А. А. (отв. ред.). Антропология сновидений. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2021. С. 89–95.
- Сиохова А. М. Ночные сновидения как источник этнической системы символов (на примере культуры адыгов) // Обсерватория культуры. 2012. № 6. С. 72–81.
- Тюхтенева С. П. Земля моего сновидения // Этнографическое обозрение. 2006. № 6. С. 31–37.
- Ярлыкапов А. А. Сны этнографа (опыт автоэтнографического исследования) // Этнографическое обозрение. 2006. № 6. С. 48–52.
- Bakó T., Zana K. Psychoanalysis, COVID and Mass Trauma: The Trauma of Reality. New York: Routledge, 2023. 201 p.
- Barrett D. Pandemic Dreams. Oneiroi Press. 2020. 87 p.
- Beradt C. The Third Reich of Dreams. New York: Quadrangle books. 1968. 177 p.
- Devereux G. Reality and Dream; Psychotherapy of a Plains Indian. New York: International Universities Press, 1951. 450 p.
- Giovanardi G. et al. Lockdown Dreams: Dream Content and Emotions During the COVID-19 Pandemic in an Italian Sample // Psychoanalytic Psychology. 2022. V. 39, №. 2. P. 1–16. <https://doi.org/10.1037/pap0000385>
- Lahire B. The Sociological Interpretation of Dreams. Cambridge, Medford: Polity, 2020. 450 p.
- Marogna C., Montanari E., Contiero S., Lleshi K. Dreaming During COVID-19: The Effects of a World Trauma // Research in Psychotherapy: Psychopathology, Process, and Outcome. 2021. V. 24, №. 2. P. 188–199.
- Nations M. Dead-baby Dreams, Transfiguration and Recovery from Infant Death Trauma in

- Northeast Brazil // *Transcultural Psychiatry*. 2013. V. 50, №. 5. P. 662–682. <https://doi.org/10.1177/1363461513497501>
- Newsom M. D. Identity and Memory in Germany // *New Directions in the Anthropology of Dreaming* / ed. by J. Mageo, R. E. Sheriff. New York: Routledge, 2021. P. 72–93.
- Riazuelo H. À quoi rêvent les femmes enceintes? // *Champ psychosomatique*. 2003. V. 31, №. 3. P. 99–115.
- Scarpelli S. et al. Nightmares in People with COVID-19: Did Coronavirus Infect Our Dreams? // *Nature and Science of Sleep*. 2022. T. 31, №. 4. P. 93–108. <https://doi.org/10.2147/NSS.S344299>
- Šćepanović S., Aiello M., Barrett D., Quercia D. Epidemic Dreams: Dreaming about Health During the COVID-19 Pandemic // *Royal Society Open Science*. 2022. V. 9. №. 1. P. 211080. <https://doi.org/10.1098/rsos.211080>
- Sheriff T. The Anthropology of Dreaming in Historical Perspective // *New Directions in the Anthropology of Dreaming* / ed. by J. Mageo, R. E. Sheriff. New York: Routledge, 2021. P. 23–51.
- Stewart C. Introduction: Dreaming as an Object of Anthropological Analysis // *Dreaming*. 2004. V. 14, №. 2–3. C. 75–82. <https://doi.org/10.1037/1053-0797.14.2-3.75>
- Tedlock B. The New Anthropology of Dreaming // *Dreams: A Reader on Religious, Cultural, and Psychological Dimensions of Dreaming* / ed. by K. Bulkeley. New York: Palgrave Macmillan, 2001. P. 249–264.
- Tobón M. Dreams as Ethnographic Tools // *Revista de Antropología Iberoamericana*. 2015. V. 10, № 3. P. 332–352.
- Tremlett P. F. Anthropology, Dreams, Epistemology: A Response to Wilson // *Anthropology Today*. 2008. V. 24, №. 6. P. 27–29. <https://www.jstor.org/stable/20179971>
- Wax M. L. Dream Sharing as Social Practice // *Dreaming*. 2004. V. 14, №. 2–3. P. 83–93. <https://doi.org/10.1037/1053-0797.14.2-3.83>

References

- Bakó, T. and K. Zana. 2023. *Psychoanalysis, COVID and Mass Trauma: The Trauma of Reality*. New York: Routledge. 201 p.
- Barrett, D. 2020. *Pandemic Dreams*. Oneiroi Press. 87 p.
- Batyanova, E. P. 2006. O snakh shamanistov (po materialam polevykh issledovanii 1970–2000-e gody) [On Dreams of the Shamans (Based on Field Research Data of 1970–2000)]. *Etnograficheskoe obozrenie* 6: 53–61.
- Beradt, C. 1968. *The Third Reich of Dreams*. New York: Quadrangle books. 177 p.
- Devereux, G. 1951. *Reality and Dream; Psychotherapy of a Plains Indian*. New York: International Universities Press. 450 p.
- Giovanardi, G. et al. 2022. Lockdown Dreams: Dream Content and Emotions During the COVID-19 Pandemic in an Italian Sample. *Psychoanalytic Psychology* 39(2): 1–16. <https://doi.org/10.1037/pap0000385>
- Goleva, T. G. 2015. Son i snovideniya v traditsionnoi kul'ture komi-permyakov [Sleep and Dreams in the Traditional Komi-Permyak Culture]. *Vestnik Permskogo federal'nogo issledovatel'skogo centra* 4: 54–63.
- Guattari, F. and B. Glovchevski. 2007. Val'piri [Warlpiri]. *Filosofsko-antropologicheskie issledovaniya* 1: 136–143.
- Kohn, E. 2018. *Kak myslyat lesa: k antropologii po tu storonu cheloveka* [How Forests Think: Toward an Anthropology Beyond the Human]. Moscow: Ad Marginem. 344 p.
- Lahire, B. 2020. *The Sociological Interpretation of Dreams*. Cambridge, Medford: Polity. 450 p.
- Lazareva, A. A. 2020. *Tolkovanie snovidenii v narodnoi kul'ture* [Dream Interpretation in the Folk Culture]. Moscow: Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet, 2020. 257 p.
- Marogna, C., E. Montanari, S. Contiero and K. Lleshi. 2021. Dreaming During COVID-19: The Effects of a World Trauma. *Research in Psychotherapy: Psychopathology, Process, and*

- Outcome* 24(2): 188–199.
- Moldanova, T. A. 2006. Snovideniya v kul'ture hantov [Dreams in the Khanty culture]. *Etnograficheskoe obozrenie* 6: 38–47.
- Nations, M. 2013. Dead-baby Dreams, Transfiguration and Recovery from Infant Death Trauma in Northeast Brazil. *Transcultural Psychiatry* 50(5): 662–682. <https://doi.org/10.1177/1363461513497501>
- Newsom, M. D. 2021. Identity and Memory in Germany. In *New Directions in the Anthropology of Dreaming*, ed. by J. Mageo, R. E. Sheriff. New York: Routledge. 72–93.
- Paperno, I. A. 2021. Sovetskaya epoha v memuarah, dnevnikah, snakh: opyt chteniia [Stories of the Soviet Experience: Memoirs, Diaries, Dreams]. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie. 320 p.
- Riazuelo H. 2003. À quoi rêvent les femmes enceintes? *Champ psychosomatique* 31(3): 99–115.
- Sadova, T. S. 2021. Etimologicheskaya magiya v ustnykh snorasskazakh i snogadaniiakh [The Etymological Magic in Oral Dream Narratives and Dream Interpretation]. In *Antropologiya snovideniij* [The Dream Anthropology], ed. by A.A. Lazareva. Moscow: Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet. 89–95.
- Scarpelli, S. et al. 2022. Nightmares in People with COVID-19: Did Coronavirus Infect Our Dreams? *Nature and Science of Sleep* 31(4): 93–108. <https://doi.org/10.2147/NSS.S344299>
- Šćepanović, S., M. Aiello, D. Barrett and D. Quercia. Epidemic Dreams: Dreaming about Health During the COVID-19 Pandemic. *Royal Society Open Science* 9(1): 211080. <https://doi.org/10.1098/rsos.211080>
- Sheriff, T. 2021. The Anthropology of Dreaming in Historical Perspective. In *New Directions in the Anthropology of Dreaming*, ed. by J. Mageo, R. E. Sheriff. New York: Routledge. 23–51.
- Siyukhova, A. M. 2012. Nochnye snovideniya kak istochnik etnicheskoy sistemy simvolov (na primere kul'tury adygov) [Night Dreams as a Source of Ethnic Symbol System (on the Example of Adyghe Culture)]. *Observatoriya kul'tury* 6: 72–81.
- Stewart, C. 2004. Introduction: Dreaming as an Object of Anthropological Analysis. *Dreaming* 14(2–3): 75–82. <https://doi.org/10.1037/1053-0797.14.2-3.75>
- Tedlock, B. 2001. The New Anthropology of Dreaming. In *Dreams: A reader on Religious, Cultural, and Psychological Dimensions of Dreaming*, ed. by K. Bulkeley. New York: Palgrave Macmillan. 249–264.
- Tobón, M. 2015. Dreams as Ethnographic Tools. *Revista de Antropología Iberoamericana* 10(3): 332–352.
- Tremlett, P. F. 2008. Anthropology, Dreams, Epistemology: A Response to Wilson. *Anthropology Today* 24(6): 27–29. <https://www.jstor.org/stable/20179971>
- Tyukhteneva, S. P. 2006. Zemlya moego snovideniya [Land of my Dream]. *Etnograficheskoe obozrenie* 6: 31–37.
- Voldina, T. V. 2015. O metodologicheskikh vozmozhnostyakh izuchenii ritual'nykh praktik s oporoi na issledovaniia S. Krippnera v oblasti antropologii soznaniia [About Methodological Opportunities to Study the Ritual Practices Based on Research by S. Krippner in Anthropology of Consciousness]. *Vestnik ugrovedeniya* 21(2): 97–111.
- Wax, M. L. 2004. Dream Sharing as Social Practice. *Dreaming* 14(2–3): 83–93. <https://doi.org/10.1037/1053-0797.14.2-3.83>
- Yarlykapov, A. A. 2006. Sny etnografa (opyt avtoetnograficheskogo issledovaniia) [Ethnographer's Dreams (The Autoethnographic Research)]. *Etnograficheskoe obozrenie* 6: 48–52.

УДК 159.9 + 61+39

DOI: 10.33876/2311-0546/2023-4/217-235

Научная статья

© Ю. В. Жернов, Е. В. Белова, О. В. Митрохин

НЕКОТОРЫЕ ПСИХОСОЦИАЛЬНЫЕ ФЕНОМЕНЫ, ВОЗНИКШИЕ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19

Вспышка новой инфекции COVID-19, вызванная коронавирусом SARS-CoV-2, началась в конце декабря 2019 г. в городе Ухане, провинции Хубэй, КНР, где были зафиксированы первые случаи атипичной пневмонии у персонала и посетителей оптового рынка морепродуктов и животных Хуанань. С 31 декабря 2019 г. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) была проинформирована о возникшей эпидемии новой коронавирусной инфекции, а уже 11 марта 2020 г. ВОЗ объявила о пандемии COVID-19. Генеральный директор ВОЗ Тедрос Адамом Гебрейесус 5 мая 2023 г. заявил о снятии режима международной чрезвычайной ситуации в связи COVID-19. Таким образом пандемия COVID-19 продолжалась 1150 дней. Стала ли она новым непреодолимым вызовом для современного здравоохранения и стоит ли еще ждать подобных пандемий? На сегодняшний день от данного заболевания пострадали все страны мира, а Россия входила в первую тройку стран по количеству инфицированных SARS-CoV-2. На момент подготовки настоящего обзора COVID-19 был диагностирован у более чем 682 миллионов пациентов, при этом было зафиксировано более чем 6,9 миллионов смертельных случаев в мире. В России было выявлено более 22 398 867 заболевших COVID-19, а смертность составила 1,8%. Вспышка коронавирусной инфекции привела к резкому увеличению числа госпитализированных пациентов, что в свою очередь, привело к дефициту больничных коек, специализированного медицинского оборудования и возросшей нагрузке на медицинский персонал. Для населения объективная ситуация во время эпидемий и пандемий традиционно

Жернов Юрий Владимирович — д. мед. н., профессор кафедры общей гигиены Института общественного здоровья им. Ф. Ф. Эрисмана, ФГАОУ ВО Первый МГМУ им. И. М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский Университет) (Российская Федерация, 119435 Москва, ул. Большая Пироговская, 2, здание 2). Центр медицинской антропологии, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (Российская Федерация, 119334 Москва, Ленинский просп., 32А). Эл. почта: zhernov_yu_v@staff.sechenov.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8734-5527>

Белова Елена Владимировна — ассистент кафедры общей гигиены Института общественного здоровья им. Ф. Ф. Эрисмана, ФГАОУ ВО Первый МГМУ им. И. М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский Университет) (Российская Федерация, 119435 Москва, ул. Большая Пироговская, д. 2, корп. 2). Эл. почта: belova_e_v@staff.sechenov.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2134-6348>

Митрохин Олег Владимирович — д. мед. н., профессор, заведующий кафедрой общей гигиены Института общественного здоровья им. Ф. Ф. Эрисмана, ФГАОУ ВО Первый МГМУ им. И. М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский Университет) (Российская Федерация, 119435 Москва, ул. Большая Пироговская, д. 2, корп. 2). Эл. почта: mitrokhin_o_v@staff.sechenov.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6403-0423>

*Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ 075-15-2022-328).

связана с множеством важных психосоциальных факторов стресса: угрозами для своего здоровья и близких; серьезными проблемами на работе; разлучкой с семьей и друзьями; проблемами с продуктами питания и лекарствами; социальной изоляцией или социальным дистанцированием; закрытием школ и университетов. К психологическим проявлениям действия этих факторов относятся эмоциональные переживания, страх, депрессии, алармизм, связанные с угрозой заражения или реальным инфицированием. Пролонгированная изоляция или длительный карантин, неадекватная информация, отсутствие личного контакта с привычным кругом общения, нехватка личного пространства дома усиливают формирование устойчивых негативных психологических последствий. В условиях пандемии психологический «след» во многом большие, чем медицинский «след» — психологические последствия пандемии являются более выраженными, более распространенными и более продолжительными, чем соматические последствия инфекции.

Ключевые слова: психосоциальные особенности, пандемия COVID-19, профилактика, гигиена, здоровье населения

Ссылка при цитировании: Жернов Ю. В., Белова Е. В., Митрохин О. В. Некоторые психосоциальные феномены, возникшие в период пандемии COVID-19 // Вестник антропологии. 2023. № 4. С. 217–235.

UDC 159.9 + 61+39

DOI: 10.33876/2311-0546/2023-4/217-235

Original Article

© Yury Zhernov, Elena Belova and Oleg Mitrokhin

SOME PSYCHOSOCIAL PHENOMENA THAT AROSE DURING THE COVID-19 PANDEMIC

An outbreak of a new infection, COVID-19, caused by the SARS-CoV-2 coronavirus, began at the end of December 2019 in the city of Wuhan, Hubei Province, China, where the first cases of atypical pneumonia were recorded among staff and visitors to the Huanan seafood and animal wholesale market. On December 31, 2019, the World Health Organization (WHO) was informed of the emerging epidemic of a new coronavirus infection, and on March 11, 2020, WHO declared the COVID-19 pandemic. On May 5, 2023, WHO Director General Tedros Adhanom Ghebreyesus announced the lifting of the international emergency due to COVID-19. Thus, the COVID-19 pandemic lasted 1150 days. Has it become a new insurmountable challenge for modern healthcare and shall the world be waiting for similar pandemics? To date, all countries of the world have suffered from this disease, and Russia was among the top three countries in terms of the number of people infected with SARS-CoV-2. At the time of writing, COVID-19 had been diagnosed in more than 682 million patients, with more than 6.9 million deaths worldwide. In Russia, more than 22,398,867 cases of COVID-19 were identified, and the mortality rate was 1.8%. The outbreak of coronavirus infection has led to a sharp increase in the number of hospitalized patients, which in turn has led to a shortage of hospital beds, specialized medical equipment and an increased burden on medical personnel. For the population, the objective situation

during epidemics and pandemics is traditionally associated with many important psychosocial stress factors: threats to their health and loved ones; serious problems at work; separation from family and friends; problems with food and medications; social isolation or social distancing; closing of schools and universities. Psychological manifestations of the action of these factors include emotional experiences, fear, depression, alarmism associated with the threat of infection or actual infection. Prolonged isolation or long-term quarantine, inadequate information, lack of personal contact with the usual social circle, lack of personal space at home enhance the formation of lasting negative psychological consequences. In a pandemic, the psychological footprint is in many ways larger than the medical footprint — the psychological consequences of a pandemic are more pronounced, more widespread, and longer lasting than the physical consequences of infection.

Keywords: psychosocial characteristics, COVID-19 pandemic, prevention, hygiene, public health

Authors Info: **Zhernov, Yury V.** — Doctor of Medical Sciences, Professor, Department of General Hygiene, F. Erismann Institute of Public Health, I. M. Sechenov First Moscow State Medical University (Sechenov University) (Moscow, Russian Federation). Center for Medical Anthropology, the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (Moscow, Russian Federation). E-mail: zhernov_yu_v@staff.sechenov.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8734-5527>

Belova, Elena V. — assistant, Department of General Hygiene, F. Erismann Institute of Public Health, I. M. Sechenov First Moscow State Medical University (Sechenov University) (Moscow, Russian Federation). E-mail: belova_e_v@staff.sechenov.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2134-6348>

Mitrokhin, Oleg V. — Doctor of Medical Sciences, Professor, Head of the Department of General Hygiene, F. Erismann Institute of Public Health, I. M. Sechenov First Moscow State Medical University (Sechenov University) (Moscow, Russian Federation). E-mail: mitrokhin_o_v@staff.sechenov.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6403-0423>

For citation: Zhernov, Y. V., E. V. Belova and O. V. Mitrokhin. 2023. Some Psychosocial Phenomena that Arose During the COVID-19 Pandemic. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 4: 217–235.

Funding: The article was prepared in the framework of a research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Grant ID: 075-15-2022-328).

Введение

Пандемия COVID-19 оказалась серьезным испытанием для современного здравоохранения. Многие страны столкнулись с недостатком медицинского оборудования, ограниченными ресурсами и отсутствием подготовленности к такому масштабу болезни. Было необходимо мобилизовать все возможности, чтобы справиться с быстро распространяющейся инфекцией. Однако пандемия также выявила проблемы в системе здравоохранения, которые были известны и ранее, но получили особую остроту во время кризиса. Некоторые страны оказались не готовыми к эпидемии,

имели проблемы с координацией действий, недостаточным финансированием или неэффективными мерами предосторожности.

Пандемия также подняла важный вопрос о готовности к будущим событиям такого рода. Несмотря на достигнутые прогрессивные результаты в борьбе с COVID-19, существует вероятность возникновения новых инфекций, которые могут стать таким же серьезным вызовом для здравоохранения. Поэтому необходимо продолжать инвестировать в исследования, разработку вакцин и улучшение системы обнаружения и реагирования на инфекционные заболевания. Важно также улучшить международное сотрудничество и координацию действий в случае новых вспышек. Пандемия COVID-19 показала, что вирус не знает границ и требует совместных усилий всего мирового сообщества. Однако, несмотря на серьезные последствия пандемии, она также стала стимулом для внесения изменений в систему здравоохранения. Многие страны улучшили свою готовность к инфекционным заболеваниям и укрепили медицинские системы. Опыт, полученный во время пандемии, поможет лучше подготовиться к будущим вызовам.

Таким образом, пандемия COVID-19 стала серьезным вызовом для современного здравоохранения, но также стимулировала изменения и улучшения в системе. Важно продолжать работу над укреплением готовности к будущим пандемиям и развитием международного сотрудничества в области общественного здравоохранения.

Пандемия COVID-19 затронула многие аспекты повседневной жизни людей. Ее особенностью стало введение во всем мире ограничительных мероприятий, включая карантин, обсервацию, самоизоляцию и использование средств индивидуальной защиты в общественных местах. Эти меры и другие факторы риска, связанные с пандемией COVID-19, могут негативно сказаться на психическом здоровье. Данная статья посвящена определению факторов риска, влияющих на психическое здоровье человека во время пандемии COVID-19 и в пост-COVID-период, а также методам достижения психического здоровья.

Распространение пандемии COVID-19 привлекло внимание большого количества исследователей к проблеме психологического здоровья людей, изучению психологических факторов. Изучению подлежат внешние и внутренние психологические факторы, которые могут как способствовать, так и препятствовать развитию негативных психологических последствий у людей. К внутренним психологическим факторам относятся индивидуально-психологические характеристики (индикаторы уязвимости) в условиях переживания дистресса, определяющие восприятие и отношение человека к непредвиденным ситуациям и оказывающие влияние на формирование устойчивых психологических реакций на пандемию. К внешним факторам можно отнести многочисленные и разнообразные обстоятельства окружающей среды, которые способствуют формированию или затрудняют актуализацию необходимых стратегий преодоления стресса в период пандемии. Важным аспектом является отношение к информации об эпидемии или пандемии. При появлении ситуации, которая привлекает внимание большого числа людей, изменяется отношение к источникам и способам распространения информации об этой ситуации: (1) передача информации средствами массовой информации (например, через социальные сети) или устной информации, полученной от других людей (например, слухи); (2) непосредственный личный опыт; (3) наблюдательное обучение (например, когда человек становится свидетелем паники в ответ на ситуацию) (Barlow et al. 2016).

Ситуация самоизоляции оказывает негативное влияние на личность, а также может являться причиной для возникновения конфликтов между людьми (*Крюкова 2021*). Стратегия принятия играет большую роль в ситуации стресса пандемии, так как более вероятно, что человек, выбирающий эту стратегию, будет придерживаться всех норм и правил для обеспечения сохранности своего здоровья и здоровья окружающих, соблюдения самоизоляции и карантина. Особенно пагубно отрицание угрозы заражения и даже существования самого нового вируса COVID-19 (*McWilliams 2020*).

Компоненты психического здоровья в период режима самоизоляции населения

С началом пандемии COVID-19 психологическое благополучие стало во многом связано с адекватным отношением к сложившейся ситуации. В большинстве случаев такие обстоятельства, как: (1) неизвестное течение болезни и отсутствие общепринято-го лечения, (2) социальная изоляция и дистанционирование, сопровождающие пандемию и (3) высокая вероятность массового распространения плохо изученной инфекции, — значительно усугубляли дистресс. Кроме того, страх надвигающейся пандемии часто оказывал дополнительное негативное воздействие на обстановку в обществе. Уже на начальном этапе пандемии в США, согласно опросу Morning Consult (2020), большинство американцев (62%) были обеспокоены развитием эпидемии COVID-19 (*Astmundson, Taylor 2020*). В Нидерландах участники исследования, проведенного в самом начале вспышки COVID-19, также отмечали, что пандемия оказывает негативное влияние на их психическое здоровье (Fried Frank's Coronavirus (COVID-19) Resource Center platform).

Объективная ситуация во время эпидемий и пандемий традиционно связана с множеством важных психосоциальных факторов стресса: угрозами для своего здоровья и близких; серьезными проблемами на работе; разлукой с семьей и друзьями; проблемами с продуктами питания и лекарствами; социальной изоляцией или социальным дистанционированием; закрытием школ и университетов (*Shultz et al. 2008*). К психологическим проявлениям действия этих факторов относятся эмоциональные переживания, страх, депрессии, алармизм, связанные с угрозой заражения или реальным инфицированием. Пролонгированная изоляция или длительный карантин, разочарование и скука от одинообразия образа жизни на карантине, неадекватная информация, отсутствие личного контакта с привычным кругом общения, нехватка личного пространства дома и финансовые потери семьи усиливают формирование устойчивых негативных психологических последствий (*Wang et al. 2021*). Дополнительным стрессовым фактором в случае пандемии может стать отсутствие государственной системы по охране психологического здоровья и социальной поддержки, а также отсутствие хорошо подготовленных специалистов в области психического здоровья, так как это усугубляет риск развития у людей эмоциональных и других форм психологических расстройств. (*Shultz et al. 2015*). Наличие этих ресурсов играет решающую роль в выполнении или отказе от применения современных превентивных мер по борьбе со вспышкой заболевания, а также в организации риск-коммуникации для своевременного предотвращения возможных негативных последствий пандемии, как на индивидуальном уровне, так и на уровне государства.

Результаты исследований прошедших эпидемий свидетельствуют о том, что в условиях пандемии психологический «след» во многом больше, чем медицинский «след» — психологические последствия пандемии являются более выраженными, бо-

лее распространенными и более продолжительными, чем соматические последствия инфекции (*Shultz et al. 2008*). Как отмечалось в ряде исследований во время вспышки эпидемии Эболы в Западной Африке в 2014–2015 гг., «эпидемия страха» была хуже самой эпидемии с точки зрения числа пострадавших (*Desclaux et al. 2017*). Такая же ситуация наблюдалась во время вспышки тяжелого острого респираторного синдрома (ТОРС). Хотя эпидемия ТОРС в основном была опасна для пожилых 166 людей, ослабленных и имеющих хронические заболевания, психологические последствия были существенными, как по количеству людей, подверженных воздействию эпидемии, так и по продолжительности психологического эффекта (*Cheng 2004; Washer 2004*).

Самоизоляция — это комплекс вынужденных административных, управленческих, санитарно-эпидемиологических, профилактических мероприятий, направленных на механизм передачи инфекционного агента, восприимчивых и контактных лиц с целью предотвращения распространения и возникновения новых случаев заражения коронавирусной инфекцией.

Режим самоизоляции, с точки зрения гигиены, следует определить, как вынужденное длительное (более месяца) пребывание человека в условиях ограниченного пространства помещений, снижение двигательной активности, недостаточное пребывание на свежем воздухе. Самоизоляция может быть следующих видов: в целях научного эксперимента, самоизоляция здоровых людей и больных легкими формами заболеваний в домашних условиях, самоизоляция для медицинских работников на рабочем месте.

Самоизоляцию в целях научных исследований для космических полетов начали проводить еще в конце 60-х годов в Институте медико-биологических проблем РАН. Проводились углубленные исследования по диагностике пищевого статуса, пищевых предпочтений или их изменений, происходящих в случае использования одной и той же диеты в течение длительного времени в изоляционных условиях. Также испытания показали, что у изолированных возникают критические психологические проблемы.

Самоизоляция значительного количества населения, начиная с января 2020 г. не имела precedентов в истории человечества. На начало апреля 2020 г. в г. Москве на самоизоляции находилось около 6 млн. человек, в Российской Федерации около 100 млн человек. По данным базы AFP, более 3,38 млрд человек во всем мире соблюдают меры по ограничению в борьбе с COVID-19. Это составляет около 43% от общей численности населения мира (7,79 млрд человек, согласно подсчетам ООН в 2020 г.).

Режим самоизоляции затрагивает значительное число населения различного пола и возраста, в том числе имеющих различные хронические заболевания. Самоизоляция усугубляется высоким нервным напряжением и длительностью пребывания до нескольких месяцев.

В связи с режимом самоизоляции возник ряд факторов риска, требующих санитарно-гигиенической оценки и разработки мер профилактики их вредного воздействия на здоровье населения. К указанным факторам риска можно отнести:

- гиподинамию (низкая двигательная активность) в связи с длительным нахождением человека на ограниченной площади;
- гипоксию (низкий уровень насыщения крови кислородом) в связи с ограничением пребывания человека на открытом воздухе;
- факторы питания (возможное неадекватное питание высококалорийными пищевыми продуктами при низкой двигательной активности);
- изменение режима труда и отдыха.

Представляется целесообразным и необходимым применить гигиенические нормативы для использования в гигиенической оценке самоизоляции.

В Российской Федерации используются нормы физиологических потребностей в энергии и пищевых веществах для различных групп населения, в которых определяются величины физиологически обоснованных норм потребления незаменимых пищевых веществ и источников энергии.

Для режима самоизоляции представляется целесообразным применить I группу, которая характеризуется очень низкой физической активностью как для мужчин, так и для женщин. Коэффициент физической активности для данных групп граждан составляет 1,4.

Обучающиеся общеобразовательных организаций начального и среднего профессионального образования, осваивающие образовательную программу в дистанционном режиме самоизоляции также не должны забывать о грамотной организации своего питания. Для обучающихся предложены рекомендации по разработке примерного меню с учетом сезонности, потребности в основных питательных веществах, соблюдая требуемую калорийность суточного рациона с дифференцировкой по возрастным группам (8–11; 12–18 лет). В примерном меню должно учитываться рациональное распределение энергетической ценности по отдельным приемам пищи: завтрак — 20%, обед — 30–35%, полдник — 15%, ужин — 25%, второй ужин — 5–10%. Ежедневно в рационах 2–6-разового питания следует включать мясо, молоко, сливочное и растительное масло, хлеб ржаной и пшеничный (с каждым приемом пищи). Рыбу, яйца, сыр, творог, кисломолочные продукты рекомендуется включать 1 раз в 2–3 дня.

При организации учебного процесса в домашней обстановке следует обратить особое внимание на наличие и количество перерывов между выполнением заданий и освоением учебного материала. Проветривание помещения, в котором осуществляется образовательный процесс, и пребывание на свежем воздухе в это время (балкон, лоджия, придомовая территория) необходимы для профилактики переутомления ребенка. Из-за неудовлетворения биологической потребности в физической активности с период самоизоляции стоит уделить особое внимание проведению физкультминуток с рекомендованными комплексами упражнений, выполнению гимнастики, организации самостоятельных спортивных занятий дома с использованием тренажеров, обучающих пособий и др.

К санитарно-гигиеническими критериями оценки самоизоляции предлагается отнести следующие:

- место нахождения самоизолированных (квартира, дача, загородный дом, гостиница и др.), которые определяют возможность пребывания на свежем воздухе, ограничивающую гипоксию;
- размер площади помещений на одного самоизолированного человека, определяющих, в том числе, и двигательную активность;
- двигательная активность, в том числе, физическая нагрузка, использование спортивных тренажеров, гимнастика и т. д.;
- время пребывания на свежем воздухе, в том числе, прогулка с животными, посещение магазинов, аптек, частое проветривание помещений, пребывание на открытом воздухе на балконах, лоджиях и т. д.;
- режим труда, работающих в интерактивных условиях, с использованием компьютерных технологий;

- режим отдыха;
- психоэмоциональное напряжение, длительное нахождение в замкнутом пространстве, состояние стресса.

На основании установленных санитарно-гигиенических критериев оценки самоизоляции представляется целесообразным предложить гигиенический индекс самоизоляции. Указанный индекс позволяет определить степень соответствия соблюдения режима самоизоляции установленным гигиеническим нормативам и рекомендуемым физиологическим нормам. Индекс позволяет провести комплексную гигиеническую оценку самоизоляции.

Гигиенический индекс самоизоляции (ГИС) прямо пропорционален коэффициентам двигательной активности человека (D), площади помещений (кубатуры воздуха) на одного изолированного (S), времени нахождения на свежем воздухе (T) и обратно пропорционален калорийности принимаемой пищи (K). Также стоит учитывать численность членов семьи (n) и количество конфликтных ситуаций (c), которые могут произойти.

где D — коэффициент двигательной активности человека, который вычисляется по формуле: фактическая двигательная активность (количество килокалорий, затраченных на выполнение физической нагрузки) / время выполнения физической нагрузки. Рекомендации по физической активности для сохранения и укрепления здоровья всех возрастных групп представлены на сайте ВОЗ;

S — коэффициент фактической площади (кубатура) помещений $3 \text{ м}^3/\text{час}$ на 1 м^2 жилой площади, если на одного человека приходится менее 20 м^2 общей площади квартиры и не менее $30 \text{ м}^3/\text{час}$ на одного человека, если на одного человека приходится более 20 м^2 ;

T — время нахождения на свежем воздухе (часы); K — коэффициенту фактической калорийности пищи (калорийность продукта указана на этикетке) / норматив калорийности пищи (физиологические потребности в энергии для взрослых — от 2100 до 4200 ккал/сут. для мужчин и от 1800 до 3050 ккал/сут. для женщин);

n — количество членов семьи, находящихся в самоизоляции;

C — количество конфликтных ситуаций во время самоизоляции.

Исходя из гигиенического индекса самоизоляции можно сделать заключение о том, что чем больше человек проявляет двигательную активность на свежем воздухе или в проветриваемом помещении и питается согласно своим энерготратам, тем самым снижает риск воздействия факторов риска в виде гиподинамии, гипоксии, ожирения на свое здоровье.

Представляется возможным дать гигиеническую оценку самоизоляции, выраженную в баллах. Оптимальным может считаться гигиенический индекс самоизоляции равный трем, благоприятный индекс — более трех, неблагоприятный индекс — менее трех. Проведенная санитарно-гигиеническая оценка режима самоизоляции позволит обеспечить профилактику заболеваний сердечно-сосудистой системы, костно-мышечного аппарата, снизить риск возникновения других неинфекционных заболеваний и снижение уровня нервно-депрессивных состояний у населения.

Пандемии представляют собой реальный риск и лучше всего управляются путем самоизоляции и социального дистанцирования, чтобы снизить риск заражения и распространения инфекционного агента в популяции. Изоляция зависит от наличия адекватного количества пищи и ее качества. В период самоизоляции важную роль

играют рекомендации, предназначенные для рационов выживания в случае пандемии или другой катастрофы.

Эпидемии инфекционных заболеваний не только влияют на физическое здоровье людей, но также воздействуют на психологическое здоровье и благополучие неинфекционированного населения. Исследования ученых показали, что распространность новых инфекционных заболеваний и их последствий, таких как тяжелый острый респираторный синдром (ТОРС), может повышать уровень тревоги, депрессии и стресса среди населения в целом. Эти негативные эмоции также влияют на сон. Во время эпидемии COVID-19 в центральном Китае некоторые люди с легкими заболеваниями, подозреваемыми случаями инфекции и людьми, которые находились в тесном контакте с пациентами или потенциально опасной средой, были изолированы дома. Даже если у изолированных людей не развивалось инфекционное заболевание, и они оставались физически здоровыми, то часто страдали от негативных психологических последствий. Таким образом, сохранение психического и физического здоровья являются важными факторами в популяции людей, которые изолировали себя из-за повышенного риска заражения COVID-19.

В рекомендательных целях в период самоизоляции стоит обращать особое внимание на свой рацион. Необходимо:

- составить четкий план питания, который позволит принимать пищу в одно и тоже время и избежать переедания;
- выбирать разнообразные продукты при формировании своего меню на день, отдавая предпочтение зерновым, с учетом того, что в них содержится большое количество сложных углеводов и клетчатки, благотворно влияющих на чувство насыщения и предотвращающих переедание;
- отдавать предпочтение продуктам с короткими сроками хранения, а потом уже использовать в приготовлении пищи замороженные;
- соблюдать правила пищевой безопасности, отслеживать сроки годности продуктов, содержать в чистоте рабочие поверхности кухни, тщательно мыть руки до и после приготовления пищи;
- отдавать предпочтение фруктам и овощам, как источникам фруктозы и сахарозы; не рекомендуется дополнительно добавлять сахар в еду и напитки;
- уменьшить потребление соли в своем рационе;
- соблюдать питьевой режим в объеме не менее 2 литров воды в день в самоизоляции;
- в режим питания включать 3 основных приема пищи и 1–2 дополнительных;
- включать БАДы (витаминно-минеральные комплексы; с успокаивающим действием);
- исключить из рациона сахаристые и мучные изделия, сладкие газированные напитки, жирные сорта мяса и сыра, фаст-фуд, чипсы и др.

Во время вынужденной самоизоляции важно:

- сохранить адекватную физическую активность, которая благоприятно влияет как на физическое, так и на психическое здоровье;
- включать в режим дня активные перерывы в виде легкой разминки, выполнения домашних обязанностей и др.;
- использовать онлайн ресурсы с предложенными комплексами физических упражнений, учитывая состояние своего здоровья и ограничения;
- стараться больше перемещаться по квартире (ходить во время телефонного звонка, маршировать на месте);
- отдавать предпочтение положению стоя, находить в положении сидя или лежа не

- более 30 минут;
- чередовать физические нагрузки с расслаблением мышц.

В условиях дистанционной работы взрослого населения и обучения школьников в период самоизоляции стоит создать комфортную среду для работы:

- организовать свое рабочее место рядом с оконным проемом для попадания естественного освещения на рабочую поверхность;
- организовать дополнительное искусственное освещение на рабочем месте, с установкой осветительного прибора в верхнем положении;
- организовать рабочее пространство таким образом, чтобы на нем было достаточно места как для персонального компьютера, так и места для выполнения письменных работ;
- мебель для работы и обучения должна поддерживать рабочую позу человека;
- помещение для работы и обучения должно проветриваться, подвергаться ежедневной влажной уборке, не иметь источники постороннего шума.

Во время самоизоляции человек может испытывать страх, тревогу, замешательство. Стоит придерживаться следующих правил для уменьшения эмоционального дискомфорта:

- поддерживать общение с помощью сети Интернет с родственниками, друзьями и др.;
- интересоваться новостями, но не уделяйте этому все свое свободное время;
- отказаться от употребления алкогольной и табачной продукции;
- обращаться к официальным источникам информации для оценки ситуации и понимания рисков и мер предосторожности в отношении них;
- уделять сну не менее восьми часов в день, придерживайтесь правильного питания, оставайтесь физически активным.

В результате предложено санитарно-гигиеническое определение режима самоизоляции населения; определены ведущие факторы риска здоровью населения при режиме самоизоляции; предложены санитарно-гигиенические критерии оценки самоизоляции на основании санитарно-гигиенических нормативов Российской Федерации; разработан индекс гигиенической оценки самоизоляции, который определяет что оптимальный режим прямо пропорционален коэффициентам двигательной 173 активности человека (D), площади помещений (кубатуры воздуха) на одного изолированного (S), времени нахождения на свежем воздухе (T) и обратно пропорционален калорийности принимаемой пищи. Также мы учитываем численность членов семьи (n) и количество возможных конфликтных ситуаций (c); предложена бальная оценка индекса самоизоляции, позволяющая определить оптимальную, благоприятную и неблагоприятную ситуацию; проведенная санитарно-гигиеническая оценка режима самоизоляции позволит обеспечить профилактику сердечно-сосудистых, алиментарно-зависимых заболеваний, патологий костно-мышечной системы; предложены меры профилактики неинфекционных заболеваний для граждан, находящихся на режиме самоизоляции.

Тревога, депрессия и другие психические расстройства во время пандемии COVID-19

Многочисленные исследования показывают, что депрессия, тревожные расстройства, злоупотребление психоактивными веществами, поведенческие зависимости,

членовредительство и посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР) обычно следуют за крупными экономическими кризисами, новыми пандемиями или стихийными бедствиями (*Ornell et al. 2020; Beaglehole et al. 2018; Parker et al. 2016; Sallie et al. 2021*). Так, доказано, что очередная пандемия ВИЧ/СПИДа и появление новых рекомбинантных форм и штаммов ВИЧ (*Moskaleichik et al. 2015; Karamov et al. 2018*) способствуют ухудшению психического здоровья в обществе (*Remien et al. 2019*). В других исследованиях показано, что стресс, возникающий после крупных катастроф, играет решающую роль в провоцировании злоупотребления алкоголем, сигаретами и психоактивными веществами (*Vlahov et al. 2002; Sinha et al. 2001*). Резкие изменения в жизни людей и многие аспекты мировой, государственной и частной экономики, связанные с нынешней пандемией COVID-19, стали для многих источником сильного стресса. Финансовая нестабильность и безработица, смерть близких и изоляция, страх заражения, закрытие школ и детских садов, ограничения поездок заграницу, внезапный переход к работе из дома, запреты на общественные собрания, другие изменения в социальной жизни и быту способствуют росту домашнего насилия (*Fitzke et al. 2021*), увеличению зависимости от психоактивных веществ и видеоигр (*Ornell et al. 2020; Sallie et al. 2021; Dubey et al. 2020*), общему ухудшению психического здоровья граждан в период пандемии COVID-19 (*Hawryluck et al. 2004; Hossain et al. 2020; Lei et al. 2020; Fitzke et al. 2021; Nkire et al. 2021; Ren et al. 2020; Liang et al. 2020; Zhou et al. 2020; Lee et al. 2021*). Когда непосредственная угроза вируса ослабевает, долгосрочные последствия пандемии могут затруднить возвращение многих людей к нормальной обыденной жизни.

Одним из наиболее изученных и часто наблюдаемых последствий пандемии COVID-19 является депрессия, которая значительно увеличивает проявления многих соматических заболеваний, в том числе болезни Альцгеймера (в 2,0 раза), сердечно-сосудистых заболеваний (в 1,5–2,0 раза), инсульта (в 1,8 раза), эпилепсии (в 4,0–6,0 раза), сахарного диабета (в 1,6 раза) и онкологических заболеваний (в 1,0–1,3 раза) (*Abdel-Bakky et al. 2021*), в 25 раз повышает риск суицида (*Sher 2021*). Было показано, что несоблюдение или прекращение приема антидепрессантов из-за самоизоляции при COVID-19 приводит к рецидиву депрессии, увеличивает риск суицида (*Abdel-Bakky et al. 2021*). Поэтому борьба с COVID-19 в том числе является профилактической мерой против депрессии, тревоги, суициdalного поведения и других психических расстройств.

Психическое здоровье некоторых групп населения более уязвимо во время пандемии COVID-19. Однако, существуют проблемы в четком выделении таких групп риска. Исследование среди медицинского персонала показало, что люди с тремя и более психологическими проблемами получали меньше психологической помощи, чем люди без каких-либо расстройств. Поэтому важно охарактеризовать факторы риска развития психических расстройств в период пандемии COVID-19 для выявления наиболее уязвимых категорий лиц, нуждающихся в ранней психиатрической и психологической помощи.

В настоящий момент существует множество научных работ о влиянии образа жизни при COVID-19 (*Shigemura, Kurosawa 2020; Wang et al. 2021; Sepúlveda-Loyola et al. 2020; Lebel et al. 2020; Tang et al. 2020; Luo et al. 2020*), включая карантин и изоляцию, на психическое здоровье. Исследования влияния карантина на людей во время других предыдущих эпидемий выявили повышенный риск для психического здоровья (*Hawryluck et al. 2004; Brooks et al. 2020*). Недавнее исследование последствий изоляции при пандемии COVID-19 показало, что такие стрессоры, как длительный карантин, боязнь заражения, разочарование, скучка, отсутствие доступа к адекватной информации

и финансовые проблемы, приводили к появлению долговременных симптомов посттравматического стресса и депрессии, а также тревожным расстройствам, нарушению сна, паническим атакам, низкой самооценке и снижению самоконтроля (Hossain et al. 2020). Предыдущие исследования показали, что социальная изоляция ухудшает здоровье и повышает риск смерти у пожилых людей (Steptoe et al. 2013), ухудшая течение ишемической болезни сердца (Brummett et al. 2001) и влияя на вероятность госпитализации по поводу хронической сердечной недостаточности (Cené et al. 2012). В другом обзоре социальная изоляция ухудшала психическое здоровье пожилых людей ($k = 41$, $n = 20069$), увеличивая риск депрессии, тревоги и нарушений сна (Sepúlveda-Loyola et al. 2020). Еще один метаанализ сравнивал психическое здоровье людей, не находящихся на карантине. Было обнаружено, что карантин или изоляция являются независимым фактором риска неблагоприятных последствий для психического здоровья, увеличивая риск депрессии в 2,795 раза (95% ДИ 1,467–5,324), тревоги в 2,0 раза (95% ДИ 0,883–4,527), расстройств реакции на стресс в 2,742 раза (95% ДИ 1,496–5,027) (Hessler et al. 2021). Другое исследование с участием 932 человек продемонстрировало, что люди, находящиеся в изоляции, подвержены большему риску тревоги и депрессии (Smith et al. 2020). Было показано, что одиночество является фактором увеличения употребления алкоголя во время депрессии (Fitzke et al. 2021). Исследование изоляции, проведенное на юге Китая среди 1593 респондентов в возрасте 18 лет и старше, показало, что среди людей, в непосредственной близости от которых был кто-то, помещенный на карантин из-за COVID-19, 11,9% процентов респондентов испытывают тревогу и депрессию, по сравнению с контрольной группой без близких на карантине, где эти состояния испытывают 6,7% (Hawryluck et al. 2004). Месяц карантина китайских студентов привел к распространенности посттравматического стрессового расстройства и депрессии на 2,7% и 9,0% соответственно, а уменьшение количества сна коррелировало с вероятностью психических расстройств в будущем (Tang et al. 2020).

Случаи самоубийств, совершенных в страхе перед COVID-19, были описаны в научных статьях в Индии, Пакистане, Бангладеше (Sher 2021; Hossain et al. 2020; Matin, Ullah 2020; Hossain et al. 2020). Первая в Японии смерть, связанная с COVID-19, произошла не из-за вируса — правительственный чиновник, ответственный за возвращение граждан из Уханя, КНР, покончил жизнь самоубийством (Shigemura, Kurosawa 2020). Можно предположить распространенность подобных случаев по всему миру. Однако точных данных нет из-за специфики события: не все оставляют предсмертные записки, и, более того, даже ученые имеют ограниченный доступ к имеющимся данным.

При пандемии депрессии, беспокойства и нарушений сна индивидуальные реакции на страх заражения могут исчезнуть из поля зрения ученых. Поведенческие исследования с другими вирусами показывают появление тенденций к самозаражению для уменьшения беспокойства и страха. Для COVID-19 такое поведение еще не изучено и может стать темой для будущих исследований (Díaz et al. 2019).

Выводы

При режиме самоизоляции изменяются ведущие факторы риска здоровью населения. В связи с ограничением выхода из дома и ограниченными возможностями для физической активности, стало ясно, что недостаточная двигательная активность яв-

ляется одним из главных факторов риска для здоровья. Отсутствие доступа к свежему воздуху и длительное пребывание в закрытых помещениях также оказывает негативное влияние на здоровье. Кроме того, ограниченный выбор пищевых продуктов и склонность к увеличению потребления высококалорийной пищи может привести к различным нарушениям. Теоретически обоснованы санитарно-гигиенические критерии оценки самоизоляции на основании санитарно-гигиенических нормативов Российской Федерации. Эти критерии включают в себя коэффициенты двигательной активности человека, площадь помещений, время, проводимое на свежем воздухе, а также калорийность принимаемой пищи. Они помогают определить, насколько благоприятны условия самоизоляции для населения и, какие риски они могут представлять для здоровья. Теоретически обоснован и предложен гигиенический индекс самоизоляции (ГИС), который учитывает все вышеуказанные факторы. ГИС прямо пропорционален коэффициентам двигательной активности человека, площади помещений на одного изолированного, времени нахождения на свежем воздухе и обратно пропорционален калорийности принимаемой пищи. Этот индекс помогает оценить степень благоприятности или не благоприятности самоизоляции для здоровья населения. Предложена балльная оценка индекса самоизоляции, которая позволяет дать оптимальную, благоприятную и неблагоприятную оценку риска воздействия режима самоизоляции на здоровье населения. Это дает возможность определить, какие аспекты самоизоляции необходимо улучшить для минимизации рисков для здоровья. Проведенная санитарно-гигиеническая оценка режима самоизоляции позволяет обеспечить профилактику неинфекционной заболеваемости населения и апробировать в реальных условиях теоретически обоснованную оценку риска на здоровье. Это позволяет разработать подходы и рекомендации для поддержания и улучшения здоровья во время самоизоляции.

Большинство исследований, включенных в наш описательный обзор, сходятся во мнении, что возраст до 40 лет, женский пол, контакт с человеком, инфицированным COVID, психиатрический анамнез, работа медицинским работником, особенно медсестрой, и просмотр новостей о COVID-19 более 3 часов в день повышают вероятность возникновения тревоги, депрессии и нарушений сна. Многие из этих факторов действуют через механизм нейровоспаления в ответ на стресс. Более того, психиатрическим пациентам часто отказывают в доступе к медицинской помощи, что по-прежнему остается серьезной проблемой. Сильнее всего пострадали люди, инфицированные SARS-CoV-2. На них начинает воздействовать ряд повреждающих факторов, как биологических, так и социально-экономических, что приводит к повышенному риску долгосрочных соматических, неврологических и психологических последствий. Для этих пациентов стоит помнить о патогенетической роли воспаления в развитии депрессии и других когнитивных расстройств. Тяжелобольные пациенты, которые также входят в разные группы риска, имеют гораздо больший риск психических расстройств и должны находиться под наблюдением. В качестве факторов риска были определены меры индивидуальной защиты и политика властей в отношении карантинных мер; быстрая реакция властей на изменение ситуации, наоборот, стала защитным фактором. Информация о корреляции этих и других социально-демографических факторов с вероятностью и тяжестью психических расстройств отмечена во многих исследованиях и может быть применена на практике для формирования групп высокого риска. В период ограниченных ресурсов об этих группах следует позаботиться в первую очередь в качестве меры профилактики, раннего выявления,

Дальнейшее изучение рисков и защитных факторов, их взаимодействия и модификации с течением времени поможет объяснить несоответствия, наблюдаемые в исследованиях групп риска, обосновать новые профилактические меры и дополнить существующие программы по поддержанию психического здоровья граждан в условиях пандемий и будущих чрезвычайных ситуаций.

Источники и материалы

МАРС 500 — Проект «Марс 500» Имитация пилотируемого полета на Красную планету // Краткая история изоляционных экспериментов, проведенных в Институте медико-биологических проблем в период с 1967 по 2000 год. [Электронный ресурс]. <http://mars500.imbp.ru/history.html> (дата обращения: 23.09.2023)

Методические рекомендации 2018 — МР 2.3.0122–18 «Цветовая индикация на маркировке пищевой продукции в целях информирования потребителей» https://www.rosпотребнадзор.ru/upload/iblock/f17/mr-2.3.0122_18-svetofornaya-markirovka.pdf

Методические рекомендации 2021 — МР 2.3.1.0253-21 «Нормы физиологических потребностей в энергии и пищевых веществах для различных групп населения Российской Федерации». https://www.rosпотребнадзор.ru/documents/details.php?ELEMENT_ID=18979

Постановление Главного государственного санитарного врача 2020 — Постановление Главного государственного санитарного врача от 18.03.2020 № 7 «Об обеспечении режима изоляции в целях предотвращения распространения COVID-19». <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202003190001?ysclid=lmqjl5kglh781640764>

РОСКОСМОС 2019 — РОСКОСМОС. Новости [Электронный ресурс]. <https://www.roscosmos.ru/25965/> (дата обращения: 23.09.2023)

Указ Президента РФ 2020 — Указ Президента РФ от 02.04.2020 N 239 «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)». <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202004020025?ysclid=lmqjuk88al687561911>

Управление Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по городу Москве 2020 — Управление Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по городу Москве // Профилактика инфекционных заболеваний [Электронный ресурс]. <http://77.rosпотребнадзор.ru/index.php/napravlenie/profinfzab/8142-fits-pitaniya-i-biotekhnologii-razrabotal-printsypratsional-dlya-litsnakhodyashchikhsya-v-rezhime-samoizolyatsii>

WHO 2008 — Report of the meeting. Maternal mental health and child health and development in low and middle income countries // World Health Organization: [сайт]. <https://www.who.int/publications/i/item/9789241597142> (дата публикации: 1.01.2008).

Научная литература

Москалейчик Ф. Ф., Лага В. Ю., Дельгадо Е., Вега И., Фернандес-Гарсия А., Перес-Альварес Л., Корнилаева Г. В., Пронин А. Ю., Жернов Ю. В., Томсон М. М., Бобкова М. Р., Карамов Э. В. Стремительное распространение циркулирующей рекомбинантной формы CRF02-AG ВИЧ-1 на территории России и сопредельных стран // Вопросы вирусологии. 2015. Том 60. № 6. С. 14–19. PMID: 27024911

Abdel-Bakky M. S., Amin E., Faris T. M., Abdellatif A. A. Mental Depression: Relation to Different Disease Status, Newer Treatments and Its Association with COVID-19 Pandemic (Review) // Molecular Medicine Reports. 2021. Vol. 24. Iss. 6. P. 839. <https://doi.org/10.3892/mmrr.2021.12479>

Beaglehole B., Mulder R. T., Frampton C. M., Boden J. M., Newton-Howes G., Bell C. J. Psychological Distress and Psychiatric Disorder after Natural Disasters: Systematic Review

- and Meta-analysis // The British Journal of Psychiatry: The Journal of Mental Science. 2018. Vol. 213. Iss. 6. P. 716–722. <https://doi.org/10.1192/bjp.2018.210>
- Brooks S. K., Webster R. K., Smith L. E., Woodland L., Wessely S., Greenberg N., Rubin G. J.* The Psychological Impact of Quarantine and How to Reduce It: Rapid Review of the Evidence // Lancet (London, England). 2020. Vol. 395. Iss. 10227. P. 912–920. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(20\)30460-8](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(20)30460-8)
- Brummett B. H., Barefoot J. C., Siegler I. C., Clapp-Channing N. E., Lytle B. L., Bosworth H. B., Williams R. B. Jr., Mark D. B.* Characteristics of Socially Isolated Patients with CORONARY Artery Disease Who Are at Elevated Risk for Mortality // Psychosomatic Medicine. 2001. Vol. 63. Iss. 2. P. 267–272. <https://doi.org/10.1097/00006842-200103000-00010>
- Cené C. W., Loehr L., Lin F. C., Hammond W. P., Foraker R. E., Rose K., Mosley T. and Corbie-Smith G.* Social Isolation, Vital Exhaustion, and Incident Heart Failure: Findings from the Atherosclerosis Risk in Communities Study // European Journal of Heart Failure. 2012. Vol. 14. Iss. 7. P. 748–753. <https://doi.org/10.1093/eurjh/hfs064>
- Díaz Y. M. S., Orlando-Narváez S. A., Ballester-Arnal R.* Risk behaviors for HIV Infection. A Review of Emerging Trends. Conductas de riesgo hacia la infección por VIH. Una revisión de tendencias emergentes // Ciencia & saude coletiva. 2019. Vol. 24. Iss. 4. P. 1417–1426. <https://doi.org/10.1590/1413-81232018244.02322017>
- Dubey M. J., Ghosh R., Chatterjee S., Biswas P., Chatterjee S., Dubey S.* COVID-19 and Addiction // Diabetes & Metabolic Syndrome. 2020. Vol. 14. Iss. 5. P. 817–823. <https://doi.org/10.1016/j.dsx.2020.06.008>
- Fitzke R. E., Wang J., Davis J. P., Pedersen E. R.* Substance Use, Depression, and Loneliness Among American Veterans During the COVID-19 Pandemic // The American Journal on Addictions. 2021. Vol. 30. Iss. 6. P. 552–559. <https://doi.org/10.1111/ajad.13211>
- Hawryluck L., Gold W. L., Robinson S., Pogorski S., Galea S., Styra R.* SARS Control and Psychological Effects of Quarantine, Toronto, Canada // Emerging Infectious Diseases. 2004. Vol. 10. Iss. 7. P. 1206–1212. <https://doi.org/10.3201/eid0010.030703>
- Henssler J., Stock F., van Bohemen J., Walter H., Heinz A., Brandt L.* Mental Health Effects of Infection Containment Strategies: Quarantine and Isolation-a Systematic Review and Meta-analysis // European Archives of Psychiatry and Clinical Neuroscience. 2021. Vol. 271. Iss. 2. P. 223–234. <https://doi.org/10.1007/s00406-020-01196-x>
- Hossain M., Purohit N., Sharma R., Bhattacharya S., McKyer E. L. J., Ma P.* Suicide of a Farmer Amid COVID-19 in India: Perspectives on Social Determinants of Suicidal Behavior and Prevention Strategies // SocArXiv ekam3, Center for Open Science. 05.10.2020. <https://doi.org/10.31235/osf.io/ekam3>
- Karamov E., Epremyan K., Siniavin A., Zhernov Y., Cuevas M. T., Delgado E., Sánchez-Martínez M., Carrera C., Kornilaeva G., Turgiev A., Bacqué J., Pérez-Álvarez L., Thomson M. M.* HIV-1 Genetic Diversity in Recently Diagnosed Infections in Moscow: Predominance of AFSU, Frequent Branching in Clusters, and Circulation of the Iberian Subtype G Variant // AIDS Research and Human Retroviruses. 2018. Vol. 34. Iss. 7. P. 629–634. <https://doi.org/10.1089/AID.2018.0055>
- Lebel C., MacKinnon A., Bagshawe M., Tomfohr-Madsen L., Giesbrecht G.* Elevated Depression and Anxiety Symptoms Among Pregnant Individuals During the COVID-19 Pandemic // Journal of Affective Disorders. 2020. Vol. 277. P. 5–13. <https://doi.org/10.1016/j.jad.2020.07.126>
- Lee Y., Lui L. M. W., Chen-Li D., Liao Y., Mansur R. B., Brietzke E., Rosenblat J. D., Ho R., Rodrigues N. B., Lipsitz O., Nasri F., Cao B., Subramaniapillai M., Gill H., Lu C., McIntyre R. S.* Government Response Moderates the Mental Health Impact of COVID-19: A Systematic Review and Meta-analysis of Depression Outcomes Across Countries // Journal of Affective Disorders. 2021. Vol. 29. P. 364–377. <https://doi.org/10.1016/j.jad.2021.04.050>
- Lei L., Huang X., Zhang S., Yang J., Yang L., Xu M.* Comparison of Prevalence and Associated Factors of Anxiety and Depression Among People Affected by versus People Unaffected by Quarantine During the COVID-19 Epidemic in Southwestern China // Medical Science Monitor:

- International Medical Journal of Experimental and Clinical Research. 2020. Vol. 26. P. e924609. <https://doi.org/10.12659/MSM.924609>
- Liang L., Ren H., Cao R., Hu Y., Qin Z., Li C., Mei S. The Effect of COVID-19 on Youth Mental Health // The Psychiatric Quarterly. 2020. Vol. 91. Issue 3. P. 841–852. <https://doi.org/10.1007/s11126-020-09744-3>
- Luo M., Guo L., Yu M., Jiang W., Wang V. The Psychological and Mental Impact of Coronavirus Disease 2019 (COVID-19) on Medical Staff and General Public — A Systematic Review and Meta-analysis // Psychiatry Research. 2020. Vol. 291. P. 113190. <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2020.113190>
- Mamun M. A., Ullah I. COVID-19 Suicides in Pakistan, Dying off not COVID-19 Fear but Poverty? — The Forthcoming Economic Challenges for a Developing Country // Brain, Behavior, and Immunity. 2020. Vol. 87. P. 163–166. <https://doi.org/10.1016/j.bbi.2020.05.028>
- Nkire N., Mrklas K., Hrabok M., Gusnowski A., Vuong W., Surood S., Abba-Aji A., Urichuk L., Cao B., Greenshaw A. J., Agyapong V. I. O. COVID-19 Pandemic: Demographic Predictors of Self-Isolation or Self-Quarantine and Impact of Isolation and Quarantine on Perceived Stress, Anxiety, and Depression // Frontiers in Psychiatry. 2021. Vol. 12. P. 553468. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.553468>
- Ornell F., Moura H. F., Scherer J. N., Pechansky F., Kessler F. H. P., von Diemen L. The COVID-19 Pandemic and Its Impact on Substance Use: Implications for Prevention and Treatment // Psychiatry Research. 2020. Vol. 289. P. 113096. <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2020.113096>
- Parker G., Lie D., Siskind D. J., Martin-Khan M., Raphael B., Crompton D., Kisely S. Mental Health Implications for Older Adults After Natural Disasters — A Systematic Review and Meta-analysis // International Psychogeriatrics. 2016. Vol. 28. Iss. 1. P. 11–20. <https://doi.org/10.1017/S1041610215001210>
- Remien R. H., Stirratt M. J., Nguyen N., Robbins R. N., Pala A. N., Mellins C. A. Mental Health and HIV/AIDS: The Need for an Integrated Response // AIDS (London, England). 2019. Vol. 33. Iss. 9. P. 1411–1420. <https://doi.org/10.1097/QAD.0000000000002227>
- Ren X., Huang W., Pan H., Huang T., Wang X., Ma Y. Mental Health During the Covid-19 Outbreak in China: a Meta-Analysis // The Psychiatric Quarterly. 2020. Vol. 91. Iss. 4. P. 1033–1045. <https://doi.org/10.1007/s11126-020-09796-5>
- Sallie S. N., Ritou V. J. E., Bowden-Jones H., Voon V. Assessing Online Gaming and Pornography Consumption Patterns During COVID-19 Isolation Using an Online Survey: Highlighting Distinct Avenues of Problematic Internet Behavior // Addictive Behaviors. 2021. Vol. 123. P. 107044. <https://doi.org/10.1016/j.addbeh.2021.107044>
- Sepúlveda-Loyola W., Rodríguez-Sánchez I., Pérez-Rodríguez P., Ganz F., Torralba R., Oliveira D. V., Rodríguez-Mañas L. Impact of Social Isolation Due to COVID-19 on Health in Older People: Mental and Physical Effects and Recommendations // The Journal of Nutrition, Health & Aging. 2020. Vol. 24. Iss. 9. P. 938–947. <https://doi.org/10.1007/s12603-020-1469-2>
- Sher L. Post-COVID Syndrome and Suicide Risk // QJM: Monthly Journal of the Association of Physicians. 2021. Vol. 114. Iss. 2. P. 95–98. <https://doi.org/10.1093/qjmed/hcab007>
- Shigemura J., Kurosawa M. 2020. Mental Health Impact of the COVID-19 Pandemic in Japan // Psychological Trauma: Theory, Research, Practice and Policy. 2020. Vol. 12. Iss. 5. P. 478–479. <https://doi.org/10.1037/tra0000803>
- Sinha R. How Does Stress Increase Risk of Drug Abuse and Relapse? // Psychopharmacology. 2001. Vol. 158. Iss. 4. P. 343–359. <https://doi.org/10.1007/s002130100917>
- Smith L., Jacob L., Yakkundi A., McDermott D., Armstrong N. C., Barnett Y., López-Sánchez G. F., Martin S., Butler L., Tully M. A. Correlates of Symptoms of Anxiety and Depression and Mental Wellbeing Associated with COVID-19: A Cross-sectional Study of UK-based Respondents // Psychiatry Research. 2020. Vol. 291. P. 113138.
- Steptoe A., Shankar A., Demakakos P., Wardle J. Social Isolation, Loneliness, and All-Cause Mortality

- in Older Men and Women // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. 2013. Vol. 110. Iss. 15. P. 5797–5801. <https://doi.org/10.1073/pnas.1219686110>
- Tang W., Hu T., Hu B., Jin C., Wang G., Xie C., Chen S., Xu J.* Prevalence and Correlates of PTSD and Depressive Symptoms One Month After the Outbreak of the COVID-19 Epidemic in a Sample of Home-quarantined Chinese University Students // Journal of Affective Disorders. 2020. Vol. 274. P. 1–7. <https://doi.org/10.1016/j.jad.2020.05.009>
- Vlahov D., Galea S., Resnick H., Ahern J., Boscarino J. A., Bucuvalas M., Gold J., Kilpatrick D.* Increased Use of Cigarettes, Alcohol, and Marijuana among Manhattan, New York, Residents after the September 11th Terrorist Attacks // American Journal of Epidemiology. 2002. Vol. 155. Iss. 11. P. 988–996. <https://doi.org/10.1093/aje/155.11.988>
- Wang Y., Di Y., Ye J., Wei W.* Study on the Public Psychological States and its Related Factors During the Outbreak of Coronavirus Disease 2019 (COVID-19) in Some Regions of China // Psychology, Health & Medicine. 2021. Vol. 26. Iss. 1. P. 13–22. <https://doi.org/10.1080/13548506.2020.1746817>

References

- Abdel-Bakky, M. S., E. Amin, T. M. Faris, and A. A. Abdellatif. 2021. Mental Depression: Relation to Different Disease Status, Newer Treatments and Its Association with COVID-19 Pandemic (Review). *Molecular Medicine Reports* 24(6): 839. <https://doi.org/10.3892/mmr.2021.12479>
- Beaglehole, B., R. T. Mulder, C. M. Frampton, J. M. Boden, G. Newton-Howes, and C. J. Bell. 2018. Psychological Distress and Psychiatric Disorder after Natural Disasters: Systematic Review and Meta-analysis. *The British Journal of Psychiatry: The Journal of Mental Science* 213(6): 716–722. <https://doi.org/10.1192/bjp.2018.210>
- Brooks, S. K., R. K. Webster, L. E. Smith, L. Woodland, S. Wessely, N. Greenberg, and G. J. Rubin. 2020. The Psychological Impact of Quarantine and How to Reduce It: Rapid Review of the Evidence. *Lancet* 395(10227): 912–920. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(20\)30460-8](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(20)30460-8)
- Brummett, B. H., J. C. Barefoot, I. C. Siegler, N. E. Clapp-Channing, B. L. Lytle, H. B. Bosworth, R. B. Jr. Williams and D. B. Mark. 2001. Characteristics of Socially Isolated Patients with CORONARY Artery Disease Who Are at Elevated Risk for Mortality. *Psychosomatic Medicine* 63(2): 267–272. <https://doi.org/10.1097/00006842-200103000-00010>
- Cené, C. W., L. Loehr, F. C. Lin, W. P. Hammond, R. E. Foraker, K. Rose, T. Mosley and G. Corbie-Smith. 2012. Social Isolation, Vital Exhaustion, and Incident Heart Failure: Findings from the Atherosclerosis Risk in Communities Study. *European Journal of Heart Failure* 14(7): 748–753. <https://doi.org/10.1093/eurjhf/hfs064>
- Díaz, Y. M. S., S. A. Orlando-Narváez, and R. Ballester-Arnal. 2019. Risk behaviors for HIV Infection. A Review of Emerging Trends. Conductas de riesgo hacia la infección por VIH. Una revisión de tendencias emergentes. *Ciencia & saude coletiva* 24(4): 1417–1426. <https://doi.org/10.1590/1413-81232018244.02322017>
- Dubey, M. J., R. Ghosh, S. Chatterjee, P. Biswas, S. Chatterjee, and S. Dubey. 2020. COVID-19 and Addiction. *Diabetes & Metabolic Syndrome* 14(5): 817–823. <https://doi.org/10.1016/j.dsx.2020.06.008>
- Fitzke, R. E., J. Wang, J. P. Davis, and E. R. Pedersen. 2021. Substance Use, Depression, and Loneliness Among American Veterans During the COVID-19 Pandemic. *The American Journal on Addictions* 30(6): 552–559. <https://doi.org/10.1111/ajad.13211>
- Hawryluck, L., W. L. Gold, S. Robinson, S. Pogorski, S. Galea, and R. Styra. 2004. SARS Control and Psychological Effects of Quarantine, Toronto, Canada. *Emerging Infectious Diseases* 10(7): 1206–1212. <https://doi.org/10.3201/eid1007.030703>
- Henssler, J., F. Stock, J. van Bohemen, H. Walter, A. Heinz, and L. Brandt. 2021. Mental Health Effects of Infection Containment Strategies: Quarantine and Isolation-a Systematic Review and Meta-analysis. *European Archives of Psychiatry and Clinical Neuroscience* 271(2): 223–234.

- <https://doi.org/10.1007/s00406-020-01196-x>
- Hossain, M., N. Purohit, R. Sharma, S. Bhattacharya, E. L. J. McKyer and P. Ma. 2020. Suicide of a Farmer Amid COVID-19 in India: Perspectives on Social Determinants of Suicidal Behavior and Prevention Strategies. *SocArXiv ekam3, Center for Open Science*. 05.10.2020. <https://doi.org/10.31235/osf.io/ekam3>
- Karamov, E., K. Epremyan, A. Siniavin, Y. Zhernov, M. T. Cuevas, E. Delgado, M. Sánchez-Martínez, C. Carrera, G. Kornilaeva, A. Turgiev, J. Bacqué, L. Pérez-Álvarez, and M. M. Thomson. 2018. HIV-1 Genetic Diversity in Recently Diagnosed Infections in Moscow: Predominance of AFSU, Frequent Branching in Clusters, and Circulation of the Iberian Subtype G Variant. *AIDS Research and Human Retroviruses* 34 (7): 629–634. <https://doi.org/10.1089/AID.2018.0055>
- Lebel, C., A. MacKinnon, M. Bagshawe, L. Tomfohr-Madsen, and G. Giesbrecht. 2020. Elevated Depression and Anxiety Symptoms Among Pregnant Individuals During the COVID-19 Pandemic. *Journal of Affective Disorders* 277: 5–13. <https://doi.org/10.1016/j.jad.2020.07.126>
- Lee, Y., L. M. W. Lui, D. Chen-Li, Y. Liao, R. B. Mansur, E. Brietzke, J. D. Rosenblat, R. Ho, N. B. Rodrigues, O. Lipsitz, F. Nasri, B. Cao, M. Subramaniapillai, H. Gill, C. Lu and R. S. McIntyre. 2021. Government Response Moderates the Mental Health Impact of COVID-19: A Systematic Review and Meta-analysis of Depression Outcomes Across Countries. *Journal of Affective Disorders* 29: 364–377. <https://doi.org/10.1016/j.jad.2021.04.050>
- Lei, L., X. Huang, S. Zhang, J. Yang, L. Yang, and M. Xu. 2020. Comparison of Prevalence and Associated Factors of Anxiety and Depression Among People Affected by versus People Unaffected by Quarantine During the COVID-19 Epidemic in Southwestern China. *Medical Science Monitor: International Medical Journal of Experimental and Clinical Research* 26: e924609. <https://doi.org/10.12659/MSM.924609>
- Liang, L., H. Ren, R. Cao, Y. Hu, Z. Qin, C. Li, and S. Mei. 2020. The Effect of COVID-19 on Youth Mental Health. *The Psychiatric Quarterly* 91(3): 841–852. <https://doi.org/10.1007/s11126-020-09744-3>
- Luo, M., L. Guo, M. Yu, W. Jiang, and V. Wang. 2020. The Psychological and Mental Impact of Coronavirus Disease 2019 (COVID-19) on Medical Staff and General Public — A Systematic Review and Meta-analysis. *Psychiatry Research* 291: 113190. <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2020.113190>
- Mamun, M. A., and I. Ullah. 2020. COVID-19 Suicides in Pakistan, Dying off not COVID-19 Fear but Poverty? — The Forthcoming Economic Challenges for a Developing Country. *Brain, Behavior, and Immunity* 87: 163–166. <https://doi.org/10.1016/j.bbi.2020.05.028>
- Moskaleichik, F. F., V. Yu. Laga, E. Delgado, I. Vega, A. Fernandez-Garcia, L. Perez-Alvarez, G. V. Kornilaeva, A. Yu. Pronin, Yu. V. Zhernov, M. M. Tomson, M. R. Bobkova, E. V. Karamov 2015. Stremitel'noe rasprostranenie tsirkuliruiushchei rekombinantnoi formy cRF02-AG VICH-1 na territorii Rossii i sopredel'nykh stran [Rapid Spread of the HIV-1 Circular Recombinant CRF02-AG in Russia and Neighboring Countries]. *Voprosy virusologii* 60(6): 14–19. PMID: 27024911
- Nkire, N., K. Mrklas, M. Hrabok, A. Gusnowski, W. Vuong, S. Surood, A. Abba-Aji, L. Urichuk, B. Cao, A. J. Greenshaw, and V. I. O Agyapong. 2021. COVID-19 Pandemic: Demographic Predictors of Self-Isolation or Self-Quarantine and Impact of Isolation and Quarantine on Perceived Stress, Anxiety, and Depression. *Frontiers in Psychiatry* 12: 553468. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.553468>
- Ornell, F., H. F. Moura, J. N. Scherer, F. Pechansky, F. H. P. Kessler, and L. von Diemen. 2020. The COVID-19 Pandemic and Its Impact on Substance Use: Implications for Prevention and Treatment. *Psychiatry Research* 289: 113096. <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2020.113096>
- Parker, G., D. Lie, D. J. Siskind, M. Martin-Khan, B. Raphael, D. Crompton, and S. Kisely. 2016. Mental Health Implications for Older Adults After Natural Disasters — A Systematic Review and Meta-analysis. *International Psychogeriatrics* 28(1): 11–20. <https://doi.org/10.1017/S1041610215001210>

- Remien, R. H., M. J. Stirratt, N. Nguyen, R. N. Robbins, A. N. Pala, and C. A. Mellins. 2019. Mental Health and HIV/AIDS: The Need for an Integrated Response. *AIDS (London, England)* 33(9): 1411–1420. <https://doi.org/10.1097/QAD.0000000000002227>
- Ren, X., W. Huang, H. Pan, T. Huang, X. Wang, and Y. Ma. 2020. Mental Health During the Covid-19 Outbreak in China: a Meta-Analysis. *The Psychiatric Quarterly* 91(4): 1033–1045. <https://doi.org/10.1007/s11126-020-09796-5>
- Sallie, S. N., V. J. E. Ritou, H. Bowden-Jones, and V. Voon. 2021. Assessing Online Gaming and Pornography Consumption Patterns During COVID-19 Isolation Using an Online Survey: Highlighting Distinct Avenues of Problematic Internet Behavior. *Addictive Behaviors* 123: 107044. <https://doi.org/10.1016/j.addbeh.2021.107044>
- Sepúlveda-Loyola, W., I. Rodríguez-Sánchez, P. Pérez-Rodríguez, F. Ganz, R. Torralba, D. V. Oliveira, and L. Rodríguez-Mañas. 2020. Impact of Social Isolation Due to COVID-19 on Health in Older People: Mental and Physical Effects and Recommendations. *The Journal of Nutrition, Health & Aging* 24(9): 938–947. <https://doi.org/10.1007/s12603-020-1469-2>
- Sher, L. 2021. Post-COVID Syndrome and Suicide Risk. *QJM: Monthly Journal of the Association of Physicians* 114(2): 95–98. <https://doi.org/10.1093/qjmed/hcab007>
- Shigemura, J., and M. Kurosawa. 2020. Mental Health Impact of the COVID-19 Pandemic in Japan. *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice and Policy* 12(5): 478–479. <https://doi.org/10.1037/tra0000803>
- Sinha, R. 2001. How Does Stress Increase Risk of Drug Abuse and Relapse? *Psychopharmacology* 158(4): 343–359. <https://doi.org/10.1007/s002130100917>
- Smith, L., L. Jacob, A. Yakkundi, D. McDermott, N. C. Armstrong, Y. Barnett, G. F. López-Sánchez, S. Martin, L. Butler, and M. A. Tully. 2020. Correlates of Symptoms of Anxiety and Depression and Mental Wellbeing Associated with COVID-19: A Cross-sectional Study of UK-based Respondents. *Psychiatry Research* 291: 113138.
- Steptoe, A., A. Shankar, P. Demakakos and J. Wardle. 2013. Social Isolation, Loneliness, and All-Cause Mortality in Older Men and Women. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America* 110(15): 5797–5801. <https://doi.org/10.1073/pnas.1219686110>
- Tang, W., T. Hu, B. Hu, C. Jin, G. Wang, C. Xie, S. Chen, and J. Xu. 2020. Prevalence and Correlates of PTSD and Depressive Symptoms One Month After the Outbreak of the COVID-19 Epidemic in a Sample of Home-quarantined Chinese University Students. *Journal of Affective Disorders* 274: 1–7. <https://doi.org/10.1016/j.jad.2020.05.009>
- Vlakhov, D., S. Galea, H. Resnick, J. Ahern, J. A. Boscarino, M. Bucuvalas, J. Gold, and D. Kilpatrick. 2002. Increased Use of Cigarettes, Alcohol, and Marijuana among Manhattan, New York, Residents after the September 11th Terrorist Attacks. *American Journal of Epidemiology* 155(11): 988–996. <https://doi.org/10.1093/aje/155.11.988>
- Wang, Y., Y. Di, J. Ye, and W. Wei. 2021. Study on the Public Psychological States and its Related Factors During the Outbreak of Coronavirus Disease 2019 (COVID-19) in Some Regions of China. *Psychology, Health & Medicine* 26(1): 13–22. <https://doi.org/10.1080/13548506.2020.1746817>

УДК 39+61

DOI: 10.33876/2311-0546/2023-4/236-251

Научная статья

© О.-П. А. Гарус

ЛЕЧЕНИЕ И РЕАБИЛИТАЦИЯ ПОСЛЕ COVID-19 С ПОМОЩЬЮ ТРАДИЦИОННОЙ КИТАЙСКОЙ МЕДИЦИНЫ В КНР И РФ (ВЗГЛЯД МЕДИЦИНСКОГО АНТРОПОЛОГА)*

В статье на основе полевых материалов автора и научной антропологической и медицинской литературы анализируется специфика лечения и реабилитации после COVID-19 методами традиционной китайской медицины (ТКМ), рассматриваются сообщения информантов о побочных эффектах от перенесенного коронавируса и методы их устранения с помощью ТКМ, а также культурные составляющие данных процессов в Китае и в России. В китайской системе здравоохранения официально практикуется сочетание ТКМ и биомедицины, в частности, такая синергия применялась в лечении и реабилитации после COVID-19. В период реабилитации после перенесенного коронавируса также использовалось сочетание двух медицинских систем, что давало максимальный терапевтический эффект. В российском обществе есть значительный спрос на ТКМ, поскольку люди ищут альтернативные официальной системе пути лечения и реабилитации. Несмотря на то, что в РФ ТКМ не является официальной составляющей системы здравоохранения, она применяется в частных клиниках, число которых только в Москве превысило 50. Пациентов привлекает индивидуальный подход и отсутствие побочных эффектов — учитывается не только само заболевание, но и состояние больного, местоположение, его привычки и даже время года, когда проходит лечение. В этом плане ТКМ сильно отличается от биомедицины, в которой все манипуляции и назначения происходят по стандартизованным медицинским протоколам.

Ключевые слова: COVID-19, пандемия, эпидемия, здравоохранение, здоровьесбережение, традиционная китайская медицина (ТКМ), кросс-культурные исследования

Ссылка при цитировании: Гарус О.-П. А. Лечение и реабилитация после COVID-19 с помощью традиционной китайской медицины в КНР и РФ (взгляд медицинского антрополога) // Вестник антропологии. 2023. № 4. С. 236–251.

Гарус Ольга Полина Александровна — стажер-исследователь центра медицинской антропологии, Институт этнологии и антропологии РАН (Российская Федерация, 119334 Москва, Ленинский проспект, 32А). Эл. почта: o.polinagarus@iea.ras.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0183-9356>

*Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ 075-15-2022-328).

UDC 39+61

DOI: 10.33876/2311-0546/2023-4/236-251

Original article

© Olga Polina Garus

TREATMENT AND REHABILITATION AFTER COVID-19 WITH TRADITIONAL CHINESE MEDICINE IN CHINA AND RUSSIA (MEDICAL ANTHROPOLOGIST'S PERSPECTIVE)

Based on the author's field materials and academic anthropological and medical literature, the article analyzes the specifics of treatment and rehabilitation after COVID-19 using Traditional Chinese medicine (TCM) methods, discusses informants' experiences of side effects from the coronavirus and methods of their elimination using TCM, and the cultural components of these processes in China and Russia. The Chinese health care system officially practices a combination of TCM and biomedicine, in particular, such a synergy was applied in treatment and rehabilitation after COVID-19. During the rehabilitation period after coronavirus, a combination of the two medical systems was also used to maximize the therapeutic effect. There is a significant demand for TCM in Russian society as people seek alternative to the official medical system ways of treatment and rehabilitation. Although TCM is not an official part of the health care system in the Russian Federation, it is practiced in private clinics, the number of which exceeds 50 in Moscow alone. Patients are attracted by the individualized approach and lack of side effects — TCM takes into account not only the disease itself, but also the patient's physical condition, location, habits, and even the time of year when treatment takes place. In this respect, TCM is very different from biomedicine, in which all manipulations and appointments follow standardized medical protocols.

Keywords: COVID-19, pandemic, epidemic, public health, healthcare, traditional Chinese medicine, TCM, cross-cultural studies

Author Info: Garus, Olga Polina — Research Intern at the Center for Medical Anthropology, the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (Moscow, Russian Federation). E-mail: o.polinagarus@iea.ras.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0183-9356>

For citation: Garus, O. P. 2023. Treatment and Rehabilitation after COVID-19 with Traditional Chinese Medicine in China and Russia (Medical Anthropologist's Perspective). *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 4: 236–251.

Funding: The article was prepared in the framework of a research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant ID: 075-15-2022-328).

Введение

Пандемия COVID-19 стала настоящим вызовом для биомедицины. Долгое время наука не могла найти эффективных способов лечения нового вируса. Многие методы биомедицины оказались не слишком эффективны и вызывали различные побочные эффекты. Более того, медицинская помощь не всегда была доступна в нужном ка-

честве и объеме, ведь системы здравоохранения всех стран на пике пандемии были перегружены. В Китае уже имелся успешный опыт в интеграции традиционной китайской медицины (далее используется общепринятая аббревиатура — ТКМ) в биомедицинское лечение в период эпидемии SARS-CoV в 2002 г., и в 2019 г. китайское правительство начало активное внедрение ТКМ в протоколы лечения COVID-19.

В России система обязательного медицинского страхования работает только по биомедицинским стандартам, а биомедицина, особенно в начале пандемии, не всегда эффективноправлялась с лечением, в частности с реабилитацией пациентов, перенесших коронавирусную пневмонию. Поэтому разочарование в существующей системе подтолкнуло людей к поиску альтернатив. Особое внимание стали привлекать традиционные медицинские системы, в частности ТКМ.

Сейчас ТКМ становится все более популярной и востребованной во всем мире. При этом иногда она оказывается слишком сложна не только для иностранцев, но и для китайцев с точки зрения понимания древнекитайской философии ТКМ, обилия терминов, их толкования и перевода, сложностей в культурной интерпретации. Немногочисленная профильная литература на русском языке полна туманностей и неточностей. В части текстов используются русифицированные термины, а в некоторых китайская транслитерация. Например, знаменитый «Трактат Жёлтого императора о внутреннем»: иногда в профессиональной литературе встречается в виде транслитерации с китайского — «Хуан-ди нэй цзин», изначальная энергия ци¹ — «юань-ци», истинная ци — «чжэнь ци», концепция пяти элементов — «у син»². В кругах специалистов постоянно идут споры о правильности того или иного перевода (ПМА-5). Поэтому некитайским практикам сложно не запутаться в терминологии ТКМ. Чтобы не возникло подобной путаницы, я предложу определение терминов, используемых мной в данной статье.

В китайской литературе принято использовать термин *западная медицина*: им обозначают все, что относится к биомедицине или доказательной медицине. В китайском языке *китайская медицина* называется «чжун и» (*中医*), а западная медицина «си и» (*西医*). Эти термины до настоящего времени используются в китайском здравоохранении, где теперь представлена западная медицина наряду с уже сформированной и прекрасно себя зарекомендовавшей *традиционной китайской медициной* — ТКМ. Крупные клиники всегда делятся на отделения западной медицины и ТКМ, поэтому, вслед за китайскими коллегами, я буду использовать термин *западная медицина* в обозначении *биомедицины* или *доказательной медицины*.

Пандемия подтолкнула мир медицины к более интенсивному культурному обмену, в частности, в сфере традиционных медицинских систем. В статье я рассматриваю и сравниваю китайский и российский опыт в борьбе с COVID-19, делая акцент на использование методов ТКМ. Цель данной работы — проанализировать применение ТКМ в лечении и реабилитации пациентов с COVID-19 в Китае и России. Для этого потребовалось не только изучить китайско-, англо- и русскоязычную медицинскую и антропологическую литературу, но и провести качественный анализ

¹ В философии ТКМ понимается как жизненная энергия.

² Для того чтобы объяснить целостность и сложность человеческого тела, врачи ТКМ используют концепцию пяти элементов для классификации эндогенных влияний человеческого тела на органы, физиологическую деятельность, патологические реакции и экологические или экзогенные воздействия. Пять элементов — огонь, вода, дерево, металл и земля — определяют основные параметры мироздания.

применения ТКМ в борьбе с коронавирусом на основе собственных полевых материалов методами включенного наблюдения и интервьюирования специалистов; при этом был проанализирован процесс лечения от коронавируса методами ТКМ.

Материалы и методы

При сборе полевых материалов я использовала методы включенного наблюдения. Работа велась, в частности, в московской клинике ТКМ «Природа Жизни» (февраль — август 2023) и на «IV Международной конференции по Традиционной китайской медицине», проходившей в Москве 10 июня 2023 г. На конференции удалось познакомиться с российскими врачами-рефлексотерапевтами Г. П. и Р. Х., с которыми позже были проведены глубинные интервью в онлайн-формате.

В апреле 2023 г. были проведены глубинные интервью с китайскими докторами ТКМ — потомственным врачом, членом Постоянного комитета специалистов по вопросам жизни и здоровья Китайской ассоциации исследований и развития традиционной китайской медицины Хуаном То (онлайн) и с кандидатом медицинских наук, потомственным врачом У Цзихуа, известным в России как доктор Томас. Методом кросс-культурных исследований сравнивались ситуации в китайском и российском интернет-пространстве вокруг ТКМ, в частности, на основе изученного в записи онлайн IX международного интердисциплинарного научно-практического симпозиума «Медицинская антропология перед новыми вызовами: мир, люди, знания и культуры в эпоху пандемии» 18–20 ноября 2021 г. и Круглого стола «Пандемия COVID-19 в пространстве и времени: в интерпретациях специалистов традиционной китайской медицины» (21.04.2022 — онлайн, в записи), а также интервью из журнала «Медицинская антропология и биоэтика» (Ожиганова 2011; Современный человек и традиционная медицина: 2018; О преимуществах ТКМ: 2020; Сафоничева 2021).

Все имеющиеся в статье высказывания информантов используются с их согласия, в некоторых случаях с шифровкой личных данных (по желанию интервьюируемых).

В период эпидемии SARS-CoV в 2002 г. в КНР наработали успешный опыт в интеграции ТКМ и биомедицины в лечении пациентов от коронавирусов(张等人 2006). Комбинированное лечение китайской и западной медициной по-прежнему является «изюминкой» лечебной программы в КНР. ТКМ активно применялась в профилактике — значительная часть пациентов, которые контактировали с заболевшими или показывали легкие клинические симптомы заболевания использовали различные формы ТКМ, что снизило шансы болезни прогрессировать до тяжелых и критических форм, а также подтвердило правильность концепции ТКМ «предотвращать заболевание до того, как оно приняло серьезные формы» (陈 2020)¹.

Центральный комитет КПК и Государственный совет Китая неоднократно подчеркивали важность сочетания китайской и западной медицины в лечении COVID-19 и поощряли своевременное вмешательство китайской медицины во весь процесс диагностики и лечения. ТКМ помогала в облегчении симптомов болезни, контроле прогрессирования заболевания, снижении дозы гормонов, облегчении осложнений и т. д. В Китае применялось 7 версий протоколов (поскольку вспышки продолжаются, протоколы прибавляются и меняются...), в частности с использованием фармакологических средств китайской традиционной медицины (Ишутина 2021). По данным официальной статистики в клиниках провинции Хубэй, где проводилось

¹ Здесь и далее переводы китайских источников сделаны автором статьи.

лечение больных с COVID-19 (всего 225 клиник), процент использования ТКМ составил 83,3% (Применение ТКМ в лечении коронавируса: 2020).

Исследования китайских медиков показали, что: во-первых, клиническая эффективность комбинации ТКМ и западной медицины в лечении от новой коронавирусной пневмонии увеличилась по сравнению с использованием исключительно методов западной медицины. Во-вторых, сократились продолжительность кашля и лихорадки, количество дней отрицательной динамики и количество дней госпитализации. В-третьих, снизились частота тяжелых случаев и летальных исходов (郑等人 2021). Индивидуальный подход к диагностике и лечению в ТКМ позволяет повысить эффективность лечения без усиления побочных реакций. Китайские исследователи полагают, что государственные ведомства должны активно поощрять и пропагандировать использование комбинированных препаратов китайской и западной медицины при лечении от коронавируса с целью сокращения дней госпитализации и снижения риска побочных реакций (郑等人 2021). Китайский опыт борьбы с COVID-19 с помощью ТКМ показал свою эффективность и уникальность. Медики там работают с COVID-19 по протоколам западной медицины в сочетании с методами ТКМ (Беляев и др. 2020).

В профессиональных публикациях специалисты отмечают, что победить коронавирус и его побочные эффекты помогают такие методы ТКМ как гимнастика цигун и тайцзицюань. Физические упражнения позволяют восстановить чженъ ци (истинную энергию ци, аналогом которой в биомедицине является понятие “иммунитет”) (Feng et.al. 2020; Huang et.al. 2020; Law et al. 2021; Liang et al. 2020; Zhao et al. 2021). В России цигун и тайцзицюань также получили значительную популярность. Проводились онлайн-исследования влияния китайских физических практик на состояние пациентов, восстанавливающихся после перенесения COVID-19 (Цой и др. 2022). В Государственном комитете по делам здравоохранения КНР отмечают, что эффективность комбинированного лечения составила 92,5% (联防联控机制 2020). Надо отметить, что существует мнение, согласно которому ТКМ является частью политики мягкой силы в сфере влияния Китая на другие страны (Погорлецкий, Даи 2021).

Однако китайские медицинские тексты, составленные поколениями практикующих врачей, посвятивших всю свою жизнь их подготовке, порой достаточно туманны. Их тяжело не только переводить на иностранные языки, но даже интерпретировать на китайском. Акупунктурные точки в некитайской литературе имеют только буквы и цифры без названий. Таким образом, невозможно понять подтекст наименования акупунктурных точек, а тем более невозможно понять теоретическое мышление древних. Китайские исследователи отмечают важность изучения культуры традиционной китайской медицины междисциплинарными методами при участии, в первую очередь, медицинских антропологов, для улучшения коммуникации между государством, врачами и пациентами (王等人 2021).

Поскольку COVID-19 в 2020 г. был очень мало изученным вирусом, российские практики ТКМ обращались за помощью к китайским коллегам, которые к моменту начала эпидемии в России уже наработали определенную схему лечения. В период пандемии в режиме онлайн проходили конференции и круглые столы, посвященные ТКМ, где китайские медики делились своим опытом борьбы с российскими коллегами (Зайдов, Медков 2021). Практическим опытом лечения делились специалисты из Университета китайской традиционной медицины города Чанчунь (КНР), а также из

Центра по развитию и применению ТКМ (Чанчунь — Москва) на международных научно-практических симпозиумах по медицинской антропологии в 2020, 2021 и 2022 гг., а также на специальных круглых столах и семинарах Центра медицинской антропологии ИЭА РАН (ПМА-6; ПМА-7).

Изучение китайско-, русско- и англоязычной литературы по теме показало, что в медицинских и антропологических трудах есть немало работ, посвященных лечению и реабилитации после COVID-19 методами ТКМ в Китае, но пока нет подобных исследований, посвященных российским реалиям.

ТКМ против COVID-19 в Китае

С точки зрения философии ТКМ, COVID-19 — это эпидемическое заболевание, вызванное «сыростью и жаром», которые в китайском языке называются Ли-Ци. После проникновения излишних сырости и жара в организм человека, они сначала попадают в легкие, где образуется ци легких (жизненная энергия легких, отвечающая за их работу). Там сырость и жар застаиваются, что приводит к ненормальному движению дыхания, накоплению патогенных сырости и жара, блокировке каналов, наконец, к выходу наружу мертвого Инь и Ян. Согласно философии ТКМ, сначала следует устраниить сырость, а затем избавиться от жара. После того как излишние жар и сырость устраняются, организм восстанавливается до нормального функционирования (*Li et al. 2020*).

В китайской ассоциации иглоукалывания и прижигания (СААМ) разработали «Руководство по лечению COVID-19 методами китайской традиционной медицины» (国针灸学会 2020). В руководстве обозначены этапы проведения лечения: в первую очередь это соблюдение эпидемиологического режима, а также сочетание методов биомедицины и ТКМ при выявлении болезни. При отсутствии индивидуальных противопоказаний у конкретного больного предлагается применять разные методы ТКМ — акупунктура¹, фитотерапия², массаж туйна³, моксoterапия⁴ и т. д. Приветствуется самопомощь под руководством врача — самомассаж, гимнастика цигун и другие упражнения. При тяжелом течении SARS-CoV-2 руководство рекомендует сочетать биомедицинские препараты с лекарствами ТКМ (фабричные лекарства ТКМ или традиционные травяные отвары, изготавливаемые индивидуально по рецепту врача), а на этапе реабилитации использовать иглоукалывание и оздоровительные практики — гимнастики цигун, тайцзи и др. Особенное внимание в руководстве уделяется моксoterапии. «Моксoterапия через стимулирование акупунктурных точек теплом, с помощью энергии “ян” рассеивает холод через меридианы и активизирует коллатерали, восходящая энергия “ян” фиксируется, а также вытягивает токсины и т. д., современные исследования показывают, что моксoterапия имеет значительный иммуномодулирующий эффект» (艾灸可以有效: 2020).

Общими симптомами на ранней стадии COVID-19 у пациентов с легкой степенью инфицирования являются жар, усталость и сухой кашель, которые легко спутать с другими распространенными экзогенными заболеваниями⁵. «Если человек чувствует себя

¹ Ключевой метод традиционной китайской медицины, в котором тонкие иглы вводятся под кожу.

² Метод лечения и профилактики заболеваний, основанный на использовании лекарственных растений.

³ Техника массажа, суть которой заключается в воздействии на акупунктурные точки на теле человека.

⁴ Моксoterапия — прогревание полынной сигарой активных акупунктурных точек на теле человека.

⁵ Заболевания, причиной которых являются внешние факторы окружающей человека среды.

плохо и заболевает, он легко заражается злой ци, которая может даже уничтожить семью и распространиться на других» (Wang et.al. 2020). Примечательно, что в наиболее тяжелых случаях в течение недели развивалась одышка, которая даже прогрессировала до острого респираторного дистресс-синдрома, септического шока, неустранимого метаболического ацидоза и дисфункции свертывающей системы крови, что иногда приводило к смерти (Lu et al. 2020). Согласно ТКМ, токсины у таких пациентов не только повреждают энергию «Ци», но и питательную кровь, что приводит к застою крови; кроме того, нарушается работа канала передачи информации по перикарду, что приводит к психическим изменениям. Застой сырости в течение длительного времени превращается в тепло; токсин тепла накапливается в течение длительного времени, что приводит к застою; этот застой и тепло сочетаются и порождают обморочное состояние, которое истощает Ци и Инь и приводит к дефициту энергии (ПМА-2).

По данным китайского практика ТКМ Хуан То, в большинстве случаев заболевание проходило легко. «Нетяжелые случаи прекрасно лечатся с помощью китайской медицины. Но и в некоторых тяжелых случаях можно применять ТКМ. Обычно в тяжелых случаях быстрее и эффективнее работает западная медицина, например, ИВЛ (аппарат искусственной вентиляции легких). В парадигме западной медицины легче систематизировать и “замерять” показатели, например, самое простое — это измерить температуру. В традиционной китайской медицине нужно щупать пульс, осматривать язык, глаза и т. д., и результаты такого измерения сложно выдать одним показателем. Так в Китае, например, при тестировании на коронавирус, использовали методы западной медицины — ПЦР-тесты. Для выявления и лечения от коронавируса в Китае больше использовалась западная медицина, а ТКМ была, скорее, как клиническая поддержка. Однако у западной медицины нет хорошего долговременного решения для побочных эффектов от вирусных заболеваний. В ТКМ есть много методов лечения таких болезней. С точки зрения индивидуального лечения китайская медицина может быть большим преимуществом» (ПМА-2). Согласно официальной статистике, в КНР были достигнуты хорошие результаты не только в лечении пациентов с легкими и средними случаями коронавирусной пневмонии, но и в критических ситуациях. Эффект был признан пациентами и медиками как ТКМ, так и западной медицины (中国中医药 2020).

В ТКМ считается, что лечение от коронавируса должно проводиться на основе трех факторов — время года, условия местности (регион проживания) и индивидуальные особенности пациента (конституция, пол, возраст пациента и т. д.) (Сян и др. 2020). Данные факторы влияют на особенности возникновения и развития болезни, поэтому их необходимо учитывать, как в профилактике, так и в лечении COVID. Такой фактор как время года влияет на функционирование энергии «ци». Зимой и весной понижается «мужская» энергия Ян (Ян Ци) и повышается «женская» энергия Инь (Иньский холод). В эти сезоны COVID распространялся наиболее интенсивно. Специалисты ТКМ при лечении акцентируют внимание на повышении энергии Ян, удаляют сырость и рассеивают холода. (Сян и др. 2020). Подробнее о применяемых препаратах и их составе можно посмотреть в статье «О преимуществах ТКМ в лечении новой коронавирусной инфекции» в журнале «Медицинская антропология и биоэтика».

Что касается лечения на основании региона проживания, в ТКМ считается, что одна и та же болезнь будет лечиться по-разному в зависимости от географических, климатических и экологических особенностей локации пациента, а также жиз-

ненных привычек местного населения. Например, в китайской провинции Хубей, с которой началось распространение пандемии COVID-19, люди употребляют много морепродуктов и рыбы, а температура воздуха зимой не опускается ниже 0 градусов по Цельсию. Совокупность этих факторов по теории ТКМ приводит к патогенной сырости. В таком случае нужно удалять сырость и оздоровлять селезенку (*Сян и др. 2020*). ТКМ также подстраивается под индивидуальные особенности пациента и принимает во внимание пол, возраст, конституцию тела, характер пациента, его жизненные привычки и т. д. Такие особенности кажутся непривычными для людей, незнакомых с культурой ТКМ. Для правильного понимания и интерпретации такой сложной структуры необходима межкультурная коммуникация, которую осуществляют медицинские антропологи.

Межкультурную коммуникацию активно проводит Центр медицинской антропологии ИЭА РАН, ежегодно организуя научно-практические симпозиумы, в которых участвуют медики и медицинские антропологи из разных стран. В ходе Круглого стола «Пандемия COVID-19 в пространстве и времени: в интерпретациях специалистов традиционной китайской медицины» профессор ТКМ Ши Ли поделилась, что на практике ТКМ в лечении и реабилитации после COVID-19 в КНР используется, во-первых, в виде лекарств ТКМ для пациентов с подтвержденным диагнозом COVID-19 и пациентов с подозрением на коронавирус, а также для находящихся на изоляции и тесно контактировавших с заболевшими. Во-вторых, применение средств ТКМ уменьшает число случаев трансформации заболевания из легкой формы в тяжелую, а также сокращает число случаев инфицирования медицинского персонала. Для пациентов с тяжелой формой заболевания применяют комбинированное лечение методами западной и традиционной китайской медицины. В-третьих, в период реабилитации после перенесенного коронавируса, особенно после тяжелого течения болезни, также используется синергия двух медицинских систем.

В Китае официально признано, что сочетание китайской и западной медицины — сильная сторона китайского здравоохранения: две системы дополняют друг друга. COVID-19 — это тяжелое инфекционное заболевание, но собственный иммунный статус пациента является главным условием выздоровления. Разумеется, в тяжелых случаях, когда организму необходима неотложная помощь, используется биомедицинское вмешательство, а ТКМ применяется в легких случаях и в реабилитации после болезни. Синергия традиционной медицины и биомедицины дает максимальный терапевтический эффект. Но подчеркну еще раз: специалисты сходятся во мнении, что традиционная китайская медицина оказывает хороший терапевтический эффект на ранних и средних стадиях заболевания коронавирусом, а также в период реабилитации после болезни.

ТКМ против COVID-19 в России

Поскольку Китай первым столкнулся с массовыми заражениями COVID-19, то, когда пандемия пришла в Россию, у китайских медиков уже был опыт борьбы с этим заболеванием. Алгоритмы, методы и протоколы лечения интересовали медиков по всему миру, в частности в России, поэтому в марте 2020 г. с китайского на русский язык был переведен «Справочник по профилактике и лечению COVID-19» Первой клинической больницы медицинского факультета университета Чжэцзян.

Часть данного руководства посвящена лечению и восстановлению после COVID-19 методами ТКМ. Справочник включает такие разделы, как управление персоналом и меры по его защите при работе с пациентами, зараженными COVID-19, протоколы госпитальной практики во время эпидемии, междисциплинарное руководство, диагностика и клиническая классификация, лечение, в том числе психологическая интервенция, и уход за пациентами, реабилитация, стандарты выписки и наблюдения. В справочнике стадии болезни разделяют на раннюю, среднюю, критическую и восстановительную стадии. На раннем этапе заболевание имеет два основных типа: «отек легких» (мокрые легкие) и «внешний холод и внутренний жар». Средняя стадия характеризуется «периодическим холодом и жаром». Критическая стадия характеризуется «внутренним блоком эпидемического токсина». Стадия восстановления характеризуется «дефицитом “энергии Ци” в селезенке и легких. В справочнике приводится подробная рецептура для создания отваров ТКМ против коронавируса (Справочник по профилактике и лечению COVID-19: 2020).

В русскоязычном интернете есть сведения не только об услугах клиник ТКМ и онлайн-магазинах готовых форм (лекарств), но и приглашения на онлайн-курсы по лечению коронавируса под лозунгом «Болеть не страшно, если знаешь алгоритм действий и протокол безопасного и эффективного лечения». Врач традиционной китайской медицины, рефлексотерапевт, педиатр Яна Моисеева предлагает получение знаний о лечении на основе препаратов традиционной китайской медицины и поддержку бадами, витаминами. На сайте курса указано, что есть протокол лечения COVID-19 методами ТКМ, в котором говорится: «Данный противовирусный протокол подтвердил свою эффективность. Благодаря натуральным компонентам и отсутствию химии, вы избежите вероятности побочных воздействий лекарств. И главное — такой подход в лечении не подавляет собственный иммунный ответ организма». Автор курса предлагает ТКМ-схемы восстановления после ковида, рекомендации по сдаче анализов и чек-апу организма и утверждает, что методы курса подходят всем, в том числе беременным, кормящим, детям от 0 месяцев и не имеют противопоказаний (Моисеева 2022). У известных брендов готовых средств ТКМ есть свои сайты на русском языке (Ляньхуа Циньвэнь 2023).

В начале пандемии китайская община в Москве советовала при заболевании применять лекарства для лечения коронавирусной инфекции, которые поступили в российские аптеки, и называла в том числе «Фавипиравир», «Ремдесивир», «Коронавир», «Алепливир», а также давно известный «Арбидол». Кроме того, организация рекомендовала ряд лекарств китайской медицины для укрепления иммунитета и предотвращения заболевания. Это Ланцин (蓝芩口服液), Цинфэйтан (清肺汤), капсулы Ляньхуа Цинвэнь (莲花清温胶囊), гранулы Цзинъхуайцингань (金花清感颗粒), капсулы Шуфэнцзесань (疏风解散胶囊), Хуанцицзин (黄芪精), раствор Бушэньжуньфэй (补肾润肺口服液), а также традиционный китайский противовирусный препарат Банъланьгэнь (板蓝根颗粒) (Представители китайской общины: 2020).

В ходе моего полевого исследования выяснилось, что в государственных учреждениях в России ТКМ никак не применялась. «Официально нет такой должности “врач китайской медицины”. Есть врач-рефлексотерапевт. Собственно, лечение от коронавируса в государственных ковидных центрах в Коммунарке или в других отделениях проходило условно по европейским стандартам. Хотя в начале пандемии стандартов особо тоже не было. Там гидроксихлорохином противомалярийным лечили, антибио-

тики выписывали какими-то сумасшедшими дозами — люди не выдерживали, умирали» (ПМА-3). Очевидно, пациентам, которых не устраивали официальные методы лечения от коронавируса, приходилось самостоятельно искать альтернативы.

Люди обращались к китайской медицине по собственной инициативе. В 2023 г. по данным сервиса «Яндекс.Карты» в Москве насчитывается более 50 центров ТКМ. Специалисты ТКМ официально не могут назначать лекарства, но могут рекомендовать готовые формы ТКМ или самостоятельно собирать рецепты для лекарств из разных ингредиентов, которые по российскому законодательству считаются БАДами (ПМА-4). «В этом плане здесь нет никаких юридических сложностей. Людям интересно попробовать другой метод лечения или восстановления, они с удовольствием ездили в Синофарм, и в Синомед, покупали такие вещи как Цин Ци Хуа Тань, Ян Инь Цин Фэй и другие лекарства» (ПМА-3). Лечение от коронавируса с помощью методов и средств ТКМ принципиально отличается от биомедицинского подхода. «Допустим, у человека уже жар, врач (биомедицины — О. Г.) дает какой-то жаропонижающий препарат. Если температура дошла до определенного уровня, скажем, 37,2, можно вообще прекратить давать какие-то препараты. В принципе, умные врачи (биомедицины — О. Г.) всегда так поступают. Таким образом мы побуждаем иммунитет работать. Это обычное явление, но не все так поступают, поскольку у врачей есть система протоколов, и отклонение от протокола — это уже наказание. Если мы еще дальше даем жаропонижающие, а жара уже нет, то приходит холод, и это уже другая стадия болезни, и холод — это тоже плохо. Организму нужно самому бороться с инфекцией, а западная медицина полностью перекладывает все на лекарства» (ПМА-4).

По моим данным, лечение от коронавируса в острой стадии в центрах ТКМ не проходило. Специалисты только консультировали пациентов в формате онлайн, предлагали готовые средства ТКМ; практиковалось также составление индивидуальных сборов/отваров после онлайн консультации с врачом. Пациенты получали такие лекарства ТКМ курьерской доставкой. «Когда была самоизоляция, острый период болезни, в клинике «Тао» говорили, что пациентам не надо приходить. Когда вы болеете, вы можете заказать себе с доставкой готовый отвар. То есть не в виде таблеток-шариков, а в пакетиках сваренный из трав состав. Людям предлагали его пропить, это стоило тысяч 10–18 (рублей) на неделю. В этой клинике на тот момент работал дедушка — травник с сорокалетним опытом. Я даже тоже как-то брал, когда я болел, недельку пропивал его. Потом, когда симптоматика проходила, они уже приглашали людей на очную консультацию и уже восстанавливали какие-то побочные эффекты от коронавируса» (ПМА-3). «Лечение легкой формы побочных эффектов от ковида стоило около 10 тысяч рублей и длилось около 3 дней. Тяжелые случаи стоили около 15 тысяч» (ПМА-4). С приходом новых штаммов коронавируса менялась и рецептура ТКМ. «Когда был омикрон, китайцы изменили рецептуру (и держали ее в строжайшем секрете). Есть много тонкостей в лечении, особенно в случае тяжелого течения болезни. Есть базовые рецепты, а дальше врач ориентируется на пол, возраст, индивидуальные особенности пациента» (ПМА-4). Главным плюсом ТКМ считается именно индивидуализированный подход к каждому конкретному пациенту.

Относительно использования лекарств ТКМ на территории РФ, в ходе IX международного интердисциплинарного научно-практического симпозиума «Медицинская антропология перед новыми вызовами: мир, люди, знания и культуры в эпоху пандемии» (ПМА-6) кандидат фармацевтических наук Л. А. Павлова пояснила, что в

Китае ТКМ является официальной частью системы здравоохранения, и это значимо отличает ситуацию в здравоохранении РФ и КНР. В Китае, например, часто применяют лекарственные препараты экстемпорального¹ (мгновенного) приготовления, но есть готовые (фабричные) лекарственные средства. Часть препаратов получают с предприятий, они зарегистрированы в Китае и разрешены для использования. Часть препаратов экстемпорального изготовления — препараты, из которых готовили отвары, и они использовались непосредственно в условиях больницы. «В России сложно найти экстемпоральные комбинации, но ряд готовых лекарств вводится в Россию и зарегистрированы здесь как биологически активные добавки» (ПМА-6).

Пандемия и ее последствия изменили деятельность клиник ТКМ в Москве. Некоторые учреждения приобрели аппараты телемедицины для ТКМ, во-первых, потому, что часть китайских специалистов приняла решение вернуться на родину, связь с ними можно было продолжать с помощью данных технологий. «В начале 2020 года мы отправили всех своих профессоров обратно в Китай, потому что им всем было за 60 лет — они входили в группу риска по заболеванию коронавирусом. Но наших молодых специалистов мы оставили в России, они до сих пор работают. Это было решение нашего центра, а не государственное решение» (ПМА-1). По данным заместителя директора Центра по развитию и применению китайской медицины Ли Сянмэй, в других клиниках ТКМ в Москве специалисты сами принимали решение о возвращении в Китай — большинство оставались работать в России. Во-вторых, аппараты телемедицины можно использовать для консультации с более опытными докторами. «Такой аппарат передает пульс и транслирует изображение языка, если у пациента очень сложное состояние и нужна консультация какого-то “светилы” из Китая. Профессор может провести диагностику через аппарат и дать указания нашим докторам» (ПМА-1). Это стало привлекать больше пациентов. Однако 2020–2023 годы значительно изменили расклад событий в российском кругу специалистов ТКМ. «До ковида мы хотели сформировать клинику ТКМ по отделениям (например, ТКМ неврологии, гинекологии и т. д.), как это бывает в Китае, но часть наших специалистов уехала обратно в Китай» (ПМА-1).

Выводы

ТКМ — официальная медицина в КНР — признана там как один из эффективных способов борьбы с COVID-19; она вписана в протоколы лечения COVID-19 и его последствий в Китае. Эта медицинская система обладает собственными доказательными научными методами, уникальными функциональными подходами к сохранению здоровья человека, диагностике и лечению болезней. В крупных китайских клиниках есть как отделения западной медицины, так и отделения ТКМ. Существуют фармацевтические предприятия, выпускающие лекарственные средства ТКМ на основе природного сырья, они проходят клинические испытания в соответствии с современными требованиями и регистрируются как лекарственные средства. ТКМ регулируется государством, в системе есть ведомства, учреждения высшего и среднего образования, научно-исследовательские центры, а также официальные учебные, лечебные и производственные организации.

¹ Экстемпоральная рецептура — термин, принятый в фармацевтической практике для обозначения лекарственных форм, изготавляемых непосредственно в аптеке по рецепту врача для конкретного пациента.

В России ТКМ не является официальной составляющей системы здравоохранения, но она не запрещена к использованию, поэтому применяется только в частных клиниках. В КНР именно синергия, интеграция традиционной китайской медицины и западной медицины признана сильной стороной китайского здравоохранения. В ситуации пандемии китайские специалисты пришли к выводу, что ТКМ отлично работает при легком течении заболевания коронавирусом и важна в реабилитации после болезни, но в тяжелых случаях необходимо биомедицинское вмешательство. Китайские специалисты делятся своим опытом с иностранными коллегами на конференциях и форумах, в том числе на круглых столах и симпозиумах, организуемых Центром медицинской антропологии ИЭА РАН. В Москве насчитывается более 50 действующих центров ТКМ, где работают как китайские, так и российские специалисты. Мнения опрошенных китайских и российских практиков ТКМ по поводу вакцинации от коронавируса принципиально отличаются. Китайские врачи относятся к этому лояльно, а российские врачи встречают в своей практике слишком много серьезных побочных эффектов, поэтому говорят часто о нежелательности вакцинирования и даже вреде вакцинации, ссылаясь на недостаточную изученность специфических вакцин.

Пандемия коронавируса в мире и, в том числе, в Китае и в России, повлекла за собой изменения в привычном образе жизни людей. В таком контексте опыт лечения и реабилитации с помощью традиционной китайской медицины представляется интересным и полезным.

Источники и материалы

ПМА-1 — врач рефлексотерапевт В. У.; заместитель директора Центра по развитию и применению китайской медицины Ли Сянмэй; врач ТКМ Шэнь Люйхуа (интервью в ходе включенного наблюдения в клинике ТКМ «Природа Жизни». Москва. Февраль-август 2023).

ПМА-2 — потомственный врач ТКМ, член Постоянного комитета специалистов по вопросам жизни и здоровья Китайской ассоциации исследований и развития традиционной китайской медицины Хуан То (интервью онлайн в WeChat 18.04.2023).

ПМА-3 — врач рефлексотерапевт Р. Х. (интервью онлайн в WhatsApp 17.06.2023).

ПМА-4 — кандидат медицинских наук, врач рефлексотерапевт Г. П. (интервью онлайн в WhatsApp 17.06.2023).

ПМА-5 — кандидат медицинских наук, потомственный врач У Цзихуа (Доктор Томас) (интервью в Москве 15.04.2023).

ПМА-6 — IX международный интердисциплинарный научно-практический симпозиум «Медицинская антропология перед новыми вызовами: мир, люди, знания и культуры в эпоху пандемии» 18–20 ноября 2021 г. Москва (в записи).

ПМА-7 — Круглый стол «Пандемия COVID-19 в пространстве и времени: в интерпретациях специалистов традиционной китайской медицины» (21.04.2022 — онлайн, в записи).

Китай поощряет добровольную вакцинацию от COVID-19 — Госкомитет по делам здравоохранения [Электронный ресурс]. http://russian.news.cn/2021-04/12/c_139873467.htm (дата обращения: 7.07.2023).

Ляньхуа Циньвэнь — Ляньхуа Циньвэнь [Электронный ресурс]. <https://www.lianhuaqingwen.ru/#about> (дата обращения: 25.08.2023).

Моисеева — Моисеева Я. Лечение ковида и чек-ап его последствий онлайн курс в записи. [Электронный ресурс]. <https://yanamoisceeva.ru/korona?ysclid=llniw40zgu438955349> (дата обращения: 25.08.2023).

Представители китайской общины — Представители китайской общины в Москве призывают к бдительности после смерти гражданина КНР от COVID-19 [Электронный ре-

- сурс]. <https://biang.ru/ru/society/predstaviteli-kitajskoj-obshhinyi-v-moskve-prizyivayut-k-bditevnosti-posle-smerti-grazhdanina-knr-ot-covid-19.html?ysclid=llmwiwe3d937328288> (дата обращения: 14.06.2023).
- Справочник по профилактике и лечению COVID-19 2020 — Справочник по профилактике и лечению COVID-19 Первая клиническая больница. Медицинский Факультет университета Чжэцзян. Справочник составлен на основании клинических данных и опыта: 2020. [Электронный ресурс]. https://ria.ru/ips/op/COVID_19_Book.pdf?ysclid=llvb023uge703771297 (дата обращения: 14.06.2023).
- WHO Director-General's 2023 — WHO Director-General's opening remarks at the media briefing — 5 May 2023 [Электронный ресурс]. <https://www.who.int/director-general/speeches/detail/who-director-general-s-opening-remarks-at-the-media-briefing---5-may-2023> (дата обращения: 10.05.2023).
- 联防联控机制发布会介绍新冠肺炎疫情中医药防控工作进展 中西医结合对危重症患者效果好 [Электронный ресурс]. https://www.gov.cn/xinwen/2020-04/18/content_5503736.htm (дата обращения: 10.05.2023).
- 新冠肺炎全球大流行 · 中医药何故能走向国际战疫受世界青睐 ? [Электронный ресурс]. <https://www.guahao.com/article/detail/acCmy125319587079192577> (дата обращения: 17.05.2023).
- 中国针灸学会新型冠状病毒肺炎针灸干预的指导意见_第一版 [Электронный ресурс]. <http://www.caam.cn/article/2250-> (дата обращения: 1.08.2023).
- 艾灸可以有效预防新冠病毒肺炎 [Электронный ресурс]. <https://zhuanlan.zhihu.com/p/483471529> (дата обращения: 17.05.2023).
- 《关于对新型冠状病毒感染实施“乙类乙管”的总体方案》解读问答 [Электронный ресурс]. https://www.gov.cn/zhengce/2022-12/27/content_5733743.htm (дата обращения: 12.06.2023).
- 中国中医药报 : 一根银针画龙点睛 ! 中西医协作抢救新冠肺炎重症患者 [Электронный ресурс]. <http://www.caam.cn/article/2196-> (дата обращения: 17.05.2023).

Научная литература

- Беляев А. Ф., Ли И. Л., Гук Ч. В. Традиционная китайская медицина о лечении COVID-19 // Традиционная медицина. 2020. № 3 (62). С. 46–51.
- Бодрова Р. А., Иванова Г. Е., Каримова Г. М., Фадеев Г. Ю., Чайковский Р. О. Использование оздоровительных технологий пациентам, перенесшим COVID-19 (SARS-CoV-2) (обзор литературы) // Вестник новых медицинских технологий. Электронное издание. 2021. № 5. С. 129–142.
- Зоидов К. Х., Медков А. А. «Шёлковый путь здоровья» — инновационно-инфраструктурная основа постпандемийного восстановления мировой экономики // Проблемы рыночной экономики. 2021. № 3. С. 179–195. <http://doi.org/10.33051/2500-2325-2>
- Ишутина Ю. А. К вопросу об использовании лекарственных средств китайской традиционной медицины в комплексной терапии пациентов с covid-19 / Ю. А. Ишутина, В. Н. Степаненкова // Polish Journal of Science. 2021. № 39–1 (39). С. 20–24.
- Ожиганова А. А. Вакцинация в контексте биоэтики // Медицинская антропология и биоэтика. 2011. № 1 (1) [Электронный ресурс]. https://medanthro.ru/?page_id=741
- Погорлецкий А. И., Дай Сяофэн. Культурная дипломатия Китая как инструмент «мягкой силы» влияния на систему мирохозяйственных связей в период пандемии COVID-19 // Экономические отношения. 2021. Том 11. № 2. С. 281–302. <http://doi.org/10.18334/eo.11.2.112184>
- Самойленко В. В. Современное состояние традиционной китайской медицины: история формирования // Проблемы Дальнего Востока. 2019. № 5 (2). С. 133–142.
- Сафоничева О. Г. Современное медицинское образование в период пандемии COVID-19: вызовы и решения // Медицинская антропология и биоэтика. 2021. № 2 (22). [Электронный ресурс]. https://medanthro.ru/?page_id=5679

- Сян Син, Чжусун Чжэнь, Ли Сянмэй. О преимуществах ТКМ в лечении новой коронавирусной инфекции // Медицинская антропология и биоэтика. 2020. 1 (19). <https://medanthro.ru/>
- Учайкин В. Ф., Нисевич Н. И., Шамшева О. В. Инфекционные болезни и вакцинопрофилактика у детей. Учебник для вузов. Москва: Медкнига. 2007. 688 с.
- Цой С. В., Андронова Л. Б., Панюков М. В. и др. Применение оздоровительной направленной новолевой, статодинамической суставной гимнастики у-син в онлайн-формате в период пандемии COVID-19 в условиях самоизоляции // Лечебная физкультура и спортивная медицина. 2022. № 2 (164). С. 35–49.
- Feng F., Tuchman S., Denninger J. W., Fricchione G. L., Yeung A. Qigong for the Prevention, Treatment, and Rehabilitation of COVID-19 Infection in Older Adults // American Journal of Geriatric Psychiatry. 2020. Vol. 28. Iss. 8. P. 12–819. <http://doi.org/10.1016/j.jagp.2020.05.012>
- Huang J., Wu L., Ren X., Wu X., Chen Y., Ran G., Huang A., Huang L., Zhong D. Traditional Chinese Medicine for Coronavirus Disease 2019: A Protocol for Systematic Review // Medicine. 2020. Vol. 99. Iss. 35. P. e21774. <http://doi.org/10.1097/MD.00000000000021774>
- Law S., Leung W. A., Xu Ch. Tai-Chi and Baduanjin During Treatment and Rehabilitation of Older Adults with COVID-19 // Asian Journal of Gerontology and Geriatrics. 2021. Vol. 15. Iss. 2. P. 96. <http://doi.org/10.12809/ajgg-2020-435-letter>
- Li Z., Han C., Huang H., Guo Z., Xu F. Novel Coronavirus Pneumonia Treatment with Traditional Chinese Medicine: Response Philosophy in Another Culture // Frontiers in Public Health. 2020. Vol. 8. P. 385. <http://doi.org/10.3389/fpubh.2020.00385>
- Liang F., Dong L., Zhou L., Shi Y., Tian L. Traditional Chinese Medicine for Symptoms of Upper Respiratory Tract of COVID-19: A Protocol for Systematic Review and Meta-analysis // Medicine. 2020. Vol. 99. Iss. 30. P. e21320. <http://doi.org/10.1097/MD.00000000000021320>
- Lu Y.F., Yang Z.G., Wang M., Shi J., Wang Z.W., Lv Y., et al. Analysis on Chinese Medical Clinical Characteristics of 50 Patients with Novel Coronavirus-Infected Pneumonia. Shanghai Zhong Yi Yao Da Xue Xue Bao. 2020. Vol. 34 (2). P. 17–21.
- Wang S.X., Wang Y., Lu Y.B., Li J.Y., Song Y.J., Nyamgerelt M., Wang X.X. Diagnosis and Treatment of Novel Coronavirus Pneumonia Based on the Theory of Traditional Chinese Medicine // Journal of Integrative Medicine. 2020. Vol. 18 (4). P. 275–283.
- Zhang Z. F. Analysis on the Origin of Disease Classification in the Theory of Pathogeny // Zhong Yi Yao Xue Bao. 2011. Vol. 39 (4). P. 150–152.
- Zhao Zh., Li Y., Zhou L., Zhou X., Xie B., Zhang W., Sun J. Prevention and Treatment of COVID-19 Using Traditional Chinese Medicine: A Review // Phytomedicine. 2021. Vol. 85. P. 153308. <http://doi.org/10.1016/j.phymed.2020.153308>
- 王澍州, 陶添明, 袁帅, 蓝媛. 中医药参与新型冠状病毒肺炎防治的 SWOT 分析//江西中医药. 2021 年 10 月第 10 期总第 52 卷第 466 期.
- 郑沁鈜, 黄慧玲, 曾茂贵, 游鹏程. 中医药对新冠肺炎疗效的系统评价[J]. 海峡药学. 2021. 33 (11). P. 129–136.
- 张明雪, 曹洪欣, 翁维良, 谢雁鸣. 从中医瘟疫理论识SARS主症特征[J]. 北京中医药大学学报, 2006. 0. P. 196–199.

References

- Belyaev, A. F., I. L. Li and Ch., V. Guk. 2020. Traditsionnaia kitaiskaia meditsina o lechenii COVID-19 [Traditional Chinese Medicine on the treatment of COVID-19]. *Tradicionnaya medicina* 3(62): 46–51.
- Bodrova, R. A., G. E. Ivanova, G. M. Karimova, G. Yu. Fadeev and R. O. Chaikovskii. 2021. Ispol'zovanie ozdorovitel'nykh tehnologii patsientam, perenessшим COVID-19 (SARS-CoV-2) (obzor literatury) [Utilization of Wellness Technologies in COVID-19 (SARS-CoV-2) Patients (Literature Review)]. *Vestnik novykh meditsinskikh tehnologii. Elektronnoe izdanie* 5: 129–142.
- Feng, F., S. Tuchman, J. W. Denninger, G. L. Fricchione and A. Yeung. 2020. Qigong for the Prevention, Treatment, and Rehabilitation of COVID-19 Infection in Older Adults. *American Jour-*

- nal of Geriatric Psychiatry* 28(8): 12–819. <https://doi.org/10.1016/j.jagp.2020.05.012>
- Huang, J., Wu, L., X. Ren, X. Wu, Y. Chen, G. Ran, A. Huang, L. Huang and D. Zhong. 2020. Traditional Chinese Medicine for Coronavirus Disease 2019: A Protocol for Systematic Review. *Medicine* 99(35): e21774. <https://doi.org/10.1097/MD.00000000000021774>
- Ishutina, Y. A. 2021. K voprosu ob ispol'zovaniyu lekarstvennykh sredstv kitaiskoi traditsionnoi mediciny v kompleksnoi terapii patsientov s covid-19 [Toward the Use of Chinese Traditional Medicine Drugs in the Complex Therapy of Patients with COVID-19]. *Polish Journal of Science* 39–1(39): 20–24.
- Law, S., Leung, W.A., Xu, Ch. 2021. Tai-Chi and Baduanjin During Treatment and Rehabilitation of Older Adults with COVID-19. *Asian Journal of Gerontology and Geriatrics* 15(2): 96. <https://doi.org/10.12809/ajgg-2020-435-letter>
- Li, Z., Han, C., Huang, H., Guo, Z., Xu, F. 2020. Novel Coronavirus Pneumonia Treatment with Traditional Chinese Medicine: Response Philosophy in Another Culture. *Frontiers in Public Health* 8: 385. <http://doi.org/10.3389/fpubh.2020.00385>
- Liang, F., Dong, L., Zhou, L., Shi, Y., Tian, L. 2020. Traditional Chinese Medicine for Symptoms of Upper Respiratory Tract of COVID-19: A Protocol for Systematic Review and Meta-analysis. *Medicine* 99(30): e21320. <https://doi.org/10.1097/MD.00000000000021320>
- Lu, Y.F., Yang, Z.G., Wang, M., Shi, J., Wang, Z.W., Lv, Y., et al. 2020. Analysis on Chinese Medical Clinical Characteristics of 50 Patients with Novel Coronavirus-Infected Pneumonia. *Shanghai Zhong Yi Yao Da Xue Xue Bao* 34(2): 17–21.
- Ozhiganova, A. A. 2021. Vakcinatsiya v kontekste bioetiki [Vaccination in the Context of Bioethics]. *Medicinskaya antropologiya i bioetika* 1(1). https://medanthro.ru/?page_id=741
- Pogorletskii, A. I. and D. Xiaofeng. 2021. Kul'turnaya diplomatiya Kitai kak instrument «myagkoi sily» vliyanii na sistemmu mirokhozyaistvennykh svyazei v period pandemii COVID-19 [China's Cultural Diplomacy as an Instrument of "Soft Power" Influence on the System of World Economic Relations in the Period of COVID-19 Pandemic]. *Ekonomicheskie otnosheniia* 11(2): 81–302. <https://doi.org/10.18334/eo.11.2.112184>
- Samoilenko, V. V. 2019. Sovremennoe sostoianie traditsionnoi kitaiskoi meditsiny: istoriiia formirovaniia [The Current State of Traditional Chinese Medicine: History of Formation]. *Problemy Dalnego Vostoka* 5(2): 133–142.
- Safonicheva, O. G. 2021. Sovremennoe meditsinskoe obrazovanie v period pandemii COVID-19: vyzovy i resheniya. [Modern Medical Education During the COVID-19 Pandemic: Challenges and Solutions]. *Medicinskaya antropologiya i bioetika* 2(22). https://medanthro.ru/?page_id=5679
- Tsoi, S. V., L. B. Andronova, M. V. Panyukov et al. 2022. Primenenie ozdorovitel'noi napravlen-novolevoi, statodinamicheskoi sustavnoi gimnastiki u-sin v onlain-formate v period pandemii COVID-19 v usloviakh samoizoliatsii [Application of Health-Promoting Directional Volitional, Statodynamic Wu-Xing Joint Exercises in an Online Format During the COVID-19 Pandemic in a Self-isolation Setting]. *Lechebnaia fizkul'tura i sportivnaia medicina* 2(164): 35–49.
- Uchaikin, V. F., N. I. Nisevich and O. V. Shamsheva. 2007. *Infektsionnye bolezni i vaktsinoprofilaktika u detei* [Infectious Diseases and Vaccine Prophylaxis in Children]. Moscow: Medkniga. 688 p.
- Wang, S.X., Wang, Y., Lu Y.B., Li J.Y., Song, Y.J., Nyangerelt, M., Wang, X.X. 2020. Diagnosis and Treatment of Novel Coronavirus Pneumonia Based on the Theory of Traditional Chinese Medicine. *Journal of Integrative Medicine* 18(4): 275–283.
- Xian, S., Zhong, Z., Li, X. 2020. O preimuschestvah TCM v lechenii novoi koronavirusnoi infek-cii. [On the Benefits of TCM in the Treatment of Novel Coronavirus Infection]. *Medicinskaya antropologiya i bioetika* 1(19). <https://medanthro.ru/>
- Zhang, Z. F. 2011. Analysis on the Origin of Disease Classification in the Theory of Pathogeny. *Zhong Yi Yao Xue Bao* 39(4): 150–152.
- Zhao, Zh., Y. Li, L. Zhou, X. Zhou, B. Xie, W. Zhang and J. Sun. 2021. Prevention and Treatment of COVID-19 Using Traditional Chinese Medicine: A Review. *Phytomedicine* 85: 153308. <https://doi.org/10.1016/j.phymed.2020.153308>

- Zoidov, K. H. and A. A. Medkov. 2021. «Shyolkovyj put' zdorov'ja» — innovatsionno-infrastrukturnaja osnova postpandemiinogo vosstanovlenija mirovoi ekonomiki [“Silk Road to Health” — the Innovation and Infrastructure Basis for Post-Pandemic Global Economic Recovery]. *Problemy rynochnoi ekonomiki* 3: 179–195. <https://doi.org/10.33051/2500-2325-2>
- 王澍州, 陶添明, 袁帅, 蓝媛. 中医药参与新型冠状病毒肺炎防治的 SWOT 分析 [SWOT Analysis of Chinese Medicine’s Involvement in the Prevention and Treatment of Novel Coronavirus Pneumonia]. In 江西中医药 2021. 年 10 月第 10 期总第 52 卷第 466 期
- 郑沁鈞, 黄慧玲, 曾茂贵, 游鹏程. 中医药对新冠肺炎疗效的系统评 [Systematic Evaluation of the Efficacy of Traditional Chinese Medicine on New Crown Pneumonia] [J]. 海峡药学. 2021. 33(11): 129–136.
- 张明雪, 曹洪欣, 翁维良, 谢雁鸣. 从中医瘟疫理论识SARS主症特征 [Characteristics of the Main Symptoms of SARS From the Plague Theory of Chinese Medicine] [J]. 北京中医药大学学报. 2006. 03: 196–199.

АНТРОПОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ

УДК 39+37

DOI: 10.33876/2311-0546/2023-4/252-264

Научная статья

© В. А. Сомов, Е. С. Беседина

«ОТ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ СЛЮНЫ К УЧЕНИЮ О ЛИЧНОСТИ». ПОЧЕМУ ПЕДОЛОГИЯ НЕ СТАЛА «ЦАРИЦЕЙ НАУК» В СССР В 1920–1930-Х ГГ.

В статье приводится анализ альтернатив развития системы образования в СССР в 1920–1930-х гг. На основе сопоставления двух тенденций образовательно-воспитательного воздействия на подрастающее поколение в рамках формирования «нового человека», авторы приходят к выводу о существовании конфликта мировоззренческих установок, вызванного различным пониманием категории «душа». Попытки сформировать «нового человека» на основе преимущественно физиологической трактовки структуры личности, предпринятые отечественными педагогами, были признаны в середине 1930-х гг. не соответствующими гуманистическим компонентам социалистической морали. Обнаружившаяся взаимосвязь педагогии с так называемой «негативной» евгеникой стала основанием для ее запрета. В преддверии мировой войны власть свернула все радикальные эксперименты в области воспитания и образования и в значительной степени «реабилитировала» не только классические формы воздействия на подрастающее поколение, но и содержательные аспекты образовательной политики. Обращение к отечественной исторической традиции в образовании выразилось, в частности, в возвращении нематериальной ценностной категории «душа» в педагогический дискурс в позитивной коннотации. «Одушевленность» образования вновь становится неофициальной основой его социалистического содержания. Теоретическим фундаментом возрождения гуманистического подхода к образованию становятся труды К. Д. Ушинского.

Ключевые слова: образование в СССР, педагогия, К. Д. Ушинский, историческая педагогика

Ссылка при цитировании: Сомов В. А., Беседина Е. А. «От экспериментальной слюны к учению о личности». Почему педагогия не стала «царицей наук» в СССР в 1920–1930-х гг. // Вестник антропологии. 2023. № 4. С. 252–264.

Сомов Владимир Александрович — д. и. н., доцент, профессор кафедры истории и теории международных отношений, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (Российская Федерация, 603022 Нижний Новгород, проспект Гагарина, д. 23). Эл. почта: somoff33@yandex.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6322-6221>

Беседина Елена Анатольевна — к. и. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет (Российская Федерация, 199034 Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9). Эл. почта: e.besedina@spbu.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1595-7561>

UDC 39+37

DOI: 10.33876/2311-0546/2023-4/252-264

Original article

© Vladimir Somov and Elena Besedina

“FROM EXPERIMENTAL SALIVA TO THE DOCTRINE OF PERSONALITY”. WHAT PREVENTED PEDOLOGY FROM BECOMING THE “QUEEN OF SCIENCES” IN THE USSR IN THE 1920S–1930S.

The article provides an analysis of alternatives for the development of the education system in the USSR in the 1920s–1930s. Based on a comparison of two trends in the educational impact on the younger generation in the framework of the formation of a “new person”, the authors come to the conclusion that there was a conflict of worldview attitudes caused by different understandings of the “soul”. Attempts to form a “new man” based on a predominantly physiological interpretation of the personality structure, undertaken by domestic pedologists, were in the mid-1930s claimed not corresponding to the humanistic components of socialist morality. The revealed relationship between pedology and the so-called “negative” eugenics provoked its ban. On the eve of the world war, the authorities curtailed all radical experiments in the field of upbringing and education and to a large extent “rehabilitated” not only the classical forms of influencing the younger generation, but also the content aspects of educational policy. The appeal to the national historical tradition in education was expressed, in particular, in the return of the non-material value category of “soul” to the pedagogical discourse with a positive connotation. The “animation” of education again becomes the unofficial basis of its socialist content. The theoretical foundation for the revival of the humanistic approach to education was provided by the works of K. D. Ushinsky.

Keywords: education in the USSR, pedology, K. D. Ushinsky, historical pedagogy

Authors Info: Somov, Vladimir A. — Doctor of History, Professor of the Department of History and Theory of International Relations, N. I. Lobachevsky Nizhny Novgorod State University (Russian Federation, Nizhnii Novgorod). E-mail: somoff33@yandex.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6322-6221>

Besedina, Elena A. — Ph.D. in History, Associate Professor, Saint Petersburg State University (Russian Federation, Saint Petersburg). E-mail: e.besedina@spbu.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1595-7561>

For citation: Somov, V. A. and E. A. Besedina. 2023. “From Experimental Saliva to the Doctrine of Personality”. What Prevented Pedology from Becoming the “Queen of Sciences” in the USSR in the 1920s–1930s. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 4: 252–264.

Десятилетия концептуального реформирования общественно-политического и культурного пространства постсоветского общества вызвали к жизни ряд научно-образовательных дискурсов, так или иначе связанных с переосмысливанием советского прошлого. Одним из наиболее существенных вопросов из широчайшего спектра научной полемики в рамках антропологии советского является вопрос о феномене об-

разовательно-воспитательного воздействия на формирование советского человека. Можно считать, что уже сложилась историографическая традиция, в рамках которой усилия советского государства по формированию лояльного к власти типа личности оцениваются исследователями крайне негативно. Так российский историк А. Н. Медушевский, определяя сталинизм как систему, тяготеющую к «установлению максимального контроля над информацией в интересах направленного манипулирования человеческими ресурсами» (Медушевский 2010: 3) считает, что «выдающееся место сталинизма в коллекции социальных монстров вполне соответствует его исторической неповоротливости, примитивной жестокости и общему деструктивному потенциальному» (Медушевский 2010: 3). Преобладание эмоциональных оценок негативного оттенка в отношении советской образовательной системы — характерная черта исследований, относящихся к постсоветскому периоду. К таковым можно отнести большинство работ, посвященных изучению одного из наиболее дискуссионных направлений в сфере образования и воспитания 1920–1930-х гг. — педологии. Характерно, что современные исследователи (а это, в основном, философы, историки и теоретики в области педагогики (Помелов 2018: 89–96; Шалаева 2014б: 95–98) обращают внимание на педологию как на перспективную науку, не получившую развития в СССР в силу его тоталитарного характера (Емельянов, Йонайтис 2013: 54–57), т. е. напрямую указывают на сущностное несоответствие педологии сталинскому режиму. Так С. Л. Шалаева пишет: «Педология не выдержала “превратностей” испытания нового времени и была раздавлена идеологическим прессом советской эпохи, требовавшей реальных и убедительных результатов, идеологически лояльных советскому времени» (Шалаева 2014а: 145). Д. Кароли, говоря о «гонениях» на педологию, утверждает, что «приход сталинизма превратил воспитательные науки в инструмент формирования “новых людей” режима» (Кароли 2019: 88). А. М. Родин связывает запрет педологии в СССР с резкой позицией руководителей советского государства, в первую очередь А. А. Жданова, к практической реализации педологических идей, выразившихся, в частности в попытке «доказать отсталость пролетарских детей» (Родин 1998: 92–98). Динамика взглядов отечественных педологов, отражающая борьбу «механицистов» и «диалектиков» в вопросе о роли и месте наследственности и социальной среды в процессе формирования структуры личности отражена в работе Н. Б. и А. П. Ромаевых (Ромаева, Ромаев 2014: 103–112). Как отмечает Э. Байфорд, «история педологии продолжает переписываться по сей день, как с точки зрения лучшего понимания ее “смерти”, так и в рамках ее “посмертной реабилитации”» (Байфорд 2013: 44). При этом хотелось бы согласиться с мнением Н. Д. Наумова о том, что именно философские основания психолого-педагогического воздействия на подрастающие поколения должны учитываться при анализе причин отказа в СССР от педологии как наиболее перспективного научного направления (Наумов 2004: 34). Нельзя также не отметить, что именно мировоззренческие аспекты развернувшейся в 1920–1930-х гг. дискуссии о целях и методах педологии остаются вне поля зрения большинства исследователей. В данной статье мы хотим обратить внимание на этот пробел.

Возможности научно обоснованного воздействия на формирование психофизических характеристик подрастающего поколения активно обсуждались в России еще до прихода к власти большевиков. Еще в 1901 г. в Петербурге была открыта первая лаборатория экспериментальной педагогической психологии, а в 1904 г. при Педа-

гогическом музее военных учебных заведений Петербурге была основана педологическая лаборатория имени К. Д. Ушинского (*Ильяшенко 2015: 92*). Е. Г. Ильяшенко считает (не без основания) педагогическую антропологию К. Д. Ушинского теоретическим основанием развития педологии в СССР. Она пишет: «В России педология легла на подготовленную почву. Идеи К. Д. Ушинского о необходимости всестороннего изучения человека воспитуемого нашли отражение и продолжение в педагогических исследованиях» (*Ильяшенко 2015: 91*). Революция 1917 г. придала мощный импульс развитию этого направления, поскольку именно большевики, основываясь на принципах диалектического материализма в марксистско-ленинском понимании, исходили из принципиального признания возможностей человека как преобразующей силы в процессе построения нового общества, основой которого должен был стать «новый» человек. «При всем при этом, — отмечает Е. Г. Ильяшенко, — развитие педологии пошло по несколько иной линии, чем предполагал К. Д. Ушинский, формулируя свой идеал педагогической антропологии» (*Ильяшенко 2015: 96*). Хочется подчеркнуть, что в дальнейшем эта «иная линия» стала «водоразделом» в определении традиционного и «революционного» понимания возможностей и целей образовательно-воспитательного воздействия на человека.

Начиналось все для советской педологии достаточно перспективно. На педагогические приемы и методы обращалось внимание на самом высоком уровне: педагогические идеи позитивно восприняли А. В. Луначарский, Н. К. Крупская (*Эткинд 2006: 68–81*), публиковались многочисленные монографии, статьи, учебники и учебные пособия, организовывались педагогические лаборатории, курсы и кабинеты (*Эткинд 2006: 72–73*), издавался «Педологический журнал» (*Педологический журнал 1923: 114*). Наконец в декабре 1927 г. открылся Первый Всесоюзный педологический съезд, на котором, в частности выступил Н. И. Бухарин, указавший на необходимость отказа от одностороннего взгляда на процесс формирования личности ребенка. Как впоследствии писал основатель советской педологии А. Б. Залкинд, «доклад т. Бухарина “Педология и марксизм” ... оказался идеологическим итогом того, что продумывалось и говорилось до него на пленуме и секциях... Тем самым был отвергнут дуализм и статизм в психологии, принят социогенез (здесь и далее курсив наш — авт.) как основной источник психических процессов у человека» (*Залкинд 1929: 58*). Казалось бы, педология начинает становиться действительно комплексной, практически ориентированной интегративной системой знаний о человеке. Педологи берут на вооружение «излюбленное учение марксисткой общественности» — учение о рефлексах И. П. Павлова, в котором ими наблюдается «тот же переход от элементарного к сложному, как и в классических опытах самого Павлова, — от экспериментальной слюны к учению о личности» (*Залкинд 1929: 29–30*), применяют новейшее учение А. А. Ухтомского о доминанте, которое, по выражению А. Б. Залкинда, «оказывается в центре всего нашего педагогического задания» (*Залкинд 1929: 36*), учитывают все рекомендации Н. И. Бухарина и напутствия А. Б. Луначарского, считавшего, что педология, изучив, что такое ребенок, «осветит перед нами самый важный... процесс производства нового человека параллельно с производством нового оборудования, которое идет по хозяйственной линии» (Из речей 1928: 9–14). В результате перспективы для этого направления были определены так: «Советская педология будет изучать, насколько данный ребенок годится для воспитания в нем диалектического материалиста, революционно-пролетарского коллекти-

виста, дисциплинированного борца и твердо подготовленного строителя социализма. Марксистское изучение детства должно дать не расплывчатый ответ об общих свойствах ребенка, но обязано четко показать, в каких дозах, каким содержанием, какими методами данный детский слой, данный возраст, данный ребенок и т. д. следует приближать к осуществлению наших классовых целей» (Залкинд 1929: 45).

Но дальнейшее развитие педологии, избыточная идеологизация и «скатывание» к евгеническим элементам в условиях дефицита кадров стали основными факторами ее постепенной деградации, дискредитации и, в конечном счете, запрета. В частности, А. Б. Залкинд замечал: «Кто на местах, в педвузы и педтехникумах преподает педологию? Кто хочет! Не шутя, — слишком много фактов налицо. Имеются среди преподавателей педологии и бывшие преподаватели богословия: тоже ведь о божественной душе радетели, спецы по душе, по “психологии”, — ясно, и об ангельской, детской душеньке постараться им тоже следует. Читают курс и юристы по мотивам: они знают “преступную душу”, т.-е. “динамику души”, “динамику личности вообще”, — далеко ли это от детской личности?!» (Залкинд 1929: 47). Среди причин изменения отношения к педологии исследователи называют несоответствие основных результатов педагогических наук идеи постепенного возрастания культурного уровня советского человека: «Спустя более чем десятилетие после революции педологи обнаружили то, что никак не могло быть признано властью: национальные, социальные группы неодинаково развиты и т. п. И власть отреагировала однозначно: наука, не подтверждающая наши достижения (и только их), нам не нужна» (Емельянов, Йонайтис 2013: 57). Но, как нам представляется, причины отказа от педологии лежали значительно глубже.

Нетрудно заметить, что отношение к человеку как к «материалу» для воспитания являлось краеугольным камнем, основой педагогической науки. Наличие у человека нематериальных мотиваций поведения, связанных с реальными духовными ценностями, по сути, отрицалось. Примечательно, что к перспективам такого «бездушного» отношения к воспитанию негативно относился и А. А. Ухтомский, теорией доминанты которого активно пытались пользоваться педологи. В 1923 г. Ухтомский в частном порядке замечал: «Новейшие социалисты полагают, что они социальными реформами успеют переплавить инстинкты людей, воспитать нового человека, переработать его в новую природу. Тут существенный вопрос в том, возможно ли доброе перевоспитание инстинктов в человеке без его подвижнического труда над самим собою! Не о “борьбе за существование”, а о борьбе за существование в красоте — вот о чем надо говорить как об общем принципе бытия. Не о жизни как таковой, а о жизни в красоте... Все тщание врага в том, чтобы из творения Божия сделать безобразие» (Ухтомский 1996: 392–393). Получается, что «переделать» человека, так или иначе, стремились все, но одни — опираясь на, по сути, консервативную позицию его (человека) одушевленности, а другие — на принципы «социал-дарвинизма» путем «дрессировки инстинктов», естественного отбора, сегрегации с помощью психологических тестов и антропологических измерений.

Первая тенденция связана с учением Н. Ф. Федорова, о котором неоднократно комплиментарно высказывался основатель социалистического реализма М. Горький (Горький 1928), уже упоминавшегося А. А. Ухтомского, в определенном смысле В. И. Ленина, который говорил о возможности *постепенного привыкания «к соблюдению элементарных, веками известных, тысячелетиями повторявшихся во всех*

прописях, правил общежития» (Ленин 1969: 89). То есть — это тенденция воздействия на человека путем убеждения, воспитания, образования («восхождения к образу») путем активизации доминанты духовного совершенствования.

Вторая тенденция в значительной степени близка к обозначенной в 1923 г. Л. Д. Троцким задаче «радикальной переработки» человека, в соответствии с которой «жизнь, даже чисто физиологическая, станет коллективно-экспериментальной. Человеческий род, застывший *homo sapiens*, снова поступит в радикальную переработку и станет — под собственными пальцами — объектом сложнейших методов искусственного отбора и психофизической тренировки» (Троцкий 1923: 188). В наиболее радикальной форме эти идеи были выражены Э. С. Енчменом, автором «теории новой биологии», считавшем, что жизнь — «это слово, означающее вовсе не одушевление, а особый вид движений — именно движения рефлексами, — и больше ничего» (Енчмен 1923: 3). «Теория новой биологии» предлагала формирование «нового» человека как субъекта, реагирующего на многообразие проявлений внешней среды с помощью всего лишь пятнадцати внущенных понятий «анализаторов» — способности организма «к какому-нибудь специальному, однообразному (конечно, двигательному) реагированию на совершенно разнообразные, но специфические, одинаковые в каком-нибудь отношении (пространственные) раздражения» (Енчмен 1920: 21).

В известном Постановлении от 4 июля 1936 г. «О педагогических извращениях» «главный “закон” современной педагогии — “закон” фаталистической обусловленности судьбы детей биологическими и социальными факторами, влиянием наследственности и какой-то неизменной среды», а также основные идеи педагогии были названы антимарксистскими, а сам термин «извращения», можно сказать, стал триггером отказа от «биологических» методов конструирования «нового человека» (О педагогических 1936: 1). После «разгрома» педагогии в 1936 г. основой для возрождения традиционного образования в СССР стала концепция К. Д. Ушинского, который хоть и признавал значение наследственности в процессе развития личности, но отмечал ее подчиненную по отношению к «историческим условиям» роль. «Мы не отрицаем... — писал он, — что и в человеческом организме действует закон органической наследственности как в отношении органов, так и в отношении привычек и наклонностей; но только думаем, что эта органическая наследственность, имеющая все еще большое значение в индивидуальных характерах, не имеет уже почти никакого в том общем для человечества приспособления к условиям жизни, которое передается уже не органическою наследственностью, а историческою преемственностью... мы никак не ожидаем, подобно некоторым мечтателям, чтобы эти усилия могли со временем ускорить до чрезвычайной степени движения человека, дать ему громадную физическую силу или вырастить ему крылья» (Ушинский 1950: 382–383). К. Д. Ушинский считал педагогику (наряду с политикой и медициной) не наукой, которая «только изучает существующее или существовавшее», но искусством, которое «стремится творить то, чего еще нет» (Ушинский 1990: 7), стремится «к усовершенствованию самой природы человека — его души и тела» (Ушинский 1990: 8). Не трудно заметить, что концепция К. Д. Ушинского предполагала именно *усовершенствование* природы человека, а не его *коренную переделку* (по сути — трансгуманизм), как предполагали Л. Д. Троцкий (см. выше) и его сторонники.

После издания Постановления от 4 июля 1936 г. педагогия подверглась уничтожающей критике со стороны педагогов и психологов. Причем надо сказать, что эта

критика была небезосновательной и небеспочвенной. В вину педологам ставилось то, что «учителю внушалась вреднейшая мысль о том, что за плохую успеваемость и плохое поведение своих учеников он не отвечает, что причина-де лежит в плохой наследственности или социальной среде учеников» (Свадковский 1938: 3). В результате «буржуазные «теоретики» педологии исподволь «обосновывают» фашистскую образовательную политику: «образование — для избранных, elite, вождей; религия — для народа» (Свадковский 1938: 18). Получалось, что главное в образовательном процессе — не учить, а выявлять и «отбраковывать» «неблагополучных» школьников, определяя их дальнейшую судьбу. Как писал А. А. Зиновьев: «Педологи изучали наши способности и предсказывали наше будущее, вернее, зачисляли нас заранее в какую-то социальную категорию. Одним из тестов было продевание ниток через дырочки в палках. Я это делал очень быстро, и меня педологи зачислили в рабочие, причем в текстильщики. Большинство других учеников класса педологи зачислили в категорию инженерно-технических работников. Некоторое время все они смотрели на меня свысока, как будущие инженеры должны были бы смотреть на простого работягу. Но вот педологию ликвидировали, их выводы о нас объявили ложными и даже враждебными. Будущие инженерно-технические работники приуныли. Я их успокаивал, обещая стать рабочим-текстильщиком» (Зиновьев 2008: 82).

Отказ от педологии вынудил обратиться к предыдущему опыту, благо он был, что называется, «под рукой». Как уже говорилось, теория педагогической антропологии К. Д. Ушинского представляла полную противоположность механистическим проектам создания «нового» человека. В частности, резко контрастирует с механистическими концепциями отношение К. Д. Ушинского к проблеме понимания жизни как феномена. Если Е. С. Енчмен видел в жизни «движение рефлексами... и больше ничего» (см. выше), то К. Д. Ушинский видел основу жизни в чувствовании: «Жизнь мы назвали неизвестную нам причину или собрание причин, дающих животному организму возможность чувствовать и проявлять свои чувства в произвольных движениях» (Ушинский 1990: 181–182). Не отрицая схожести человеческого организма с машиной, Ушинский считал, что определяющим элементом в организации человеческой жизни является не познанный и не познаваемый в физиологическом смысле «новый агент». Ушинский писал: «Физиология не могла отыскать в нервной системе никаких условий, которые могли бы объяснить нам возможность таких явлений, каковы: *сознание, чувство и воля*. Достигая везде до этих явлений, мы испытывали ясно, что с физиологическими средствами исследования нельзя сделать ни шагу дальше, что здесь мы встречаемся с каким-то *новым агентом*, который не поддается физиологическому наблюдению» (Ушинский 1990: 182). Под этим «агентом» Ушинский, по всей видимости, понимал душу: «Отношение, в которое душа поставлена к нервному организму, составляет одну из величайших тайн творения, которая, возбуждая сильнейшее любопытство в человеке, остается для него непостижимо...» (Ушинский 1990: 183). Важнейшее замечание К. Д. Ушинского заключается в признании идеи главенствующим нематериальным элементом организации жизни человека: «...Но что существенно принадлежит жизни и что не принадлежит ни физике, ни химии, ни чему другому — это *идея*, управляющая этим жизненным развитием. Во всяком живом зародыше есть творящая идея, которая развивается и обнаруживается в организации. В продолжение всего своего существования живое существо остается под влиянием этой самой творящей жизненной силы, и смерть наступает,

когда она не может более реализоваться» (Ушинский 1990: 42). И как итог: «...Отдавая телу вполне все, что ему принадлежит, мы тем свободнее можем отдать *душе*, что не может быть выведено ни из каких законов материи, а именно — сознание, чувство и волю» (Ушинский 1990: 138). Думается, очень мало поводов сомневаться в том, что педагогическая концепция К. Д. Ушинского принципиально исходила из признания души главным «агентом» образовательно-воспитательного процесса. Именно душа как основа человеческого бытия стала «камнем преткновения» на пути педагогики и педагогии, преодолеть который последняя так и не смогла.

Попробуем раскрыть этот тезис. Наследие К. Д. Ушинского было хорошо известно в советской России. Например, еще в 1921 г. в газете «Нижегородская коммуна» появилась статья за подписью «Учитель Бирюков». В статье «Старый и новый учитель в народной школе» автор писал: «Задачею старой школы было выполнение установленных программ схоластического свойства, т. е. программ, не развивающих творческие способности учащихся. От учителя не требовалось особенной, усиленной педагогической подготовки, более той, какую он получал до начала своей деятельности. Работа его, в конечном счете, сводилась к тому, чтобы “натаскать” учеников для ответов на весенних испытаниях их. Чем менее учитель интересовался и задумывался над учебно-воспитательными вопросами, тем легче для него было прослыть исполнительным, хорошим учителем... Правительство только под напором хода исторических событий как будто заботилось о школах, но по существу оно не желало давать образования, развития народу. Сложилась даже царская пословица: “Дураками легче править”. В полном пренебрежении со стороны учителя были все особенности природы учеников, их тела, их *души*. Никаких уступок детской природе: “Гни учеников в баражий рог”, вот девиз школы учебы и ее учителя. Таков был тип старой школы, старого учителя, которым многие довольны и по сие время, как идеалом» (Нижегородская коммуна 1921). Учитель Бирюков призывает коллег заниматься самообразованием, указывает на «неизбежную для учителя необходимость изучения психологической, т. е. *душевной* и телесной, природы учеников, в особенности экспериментальным путем...», упоминает не сравнимый ни с чем по творческому потенциалу в деле обучения школьников опыт К. Д. Ушинского (Нижегородская коммуна 1921). Другими словами, ситуация в народном образовании (помимо чисто материальных, кадровых и других проблем) осложнялась наличием непримиримого противоречия: государственный атеизм делал невозможным восприятие наследия К. Д. Ушинского, подразумевавшего душу в качестве основы воспитания. В результате методику К. Д. Ушинского начинают постепенно применять в «урезанном» виде. Одним из инициаторов такого «выборочного» подхода была Н. К. Крупская, которая возглавляла научно-педагогическую секцию Государственного Ученого Совета (Красовицкая 2005). В 1923 г. она писала: «Чем хороши были учебники К.Д. Ушинского “Родное слово” и “Детский мир”? Тем, что они брали и освещали явления, близкие ребенку, что форма изложения в них была очень конкретна» (Крупская 1962: 180). В 1926 г. при обсуждении программ Государственного Ученого Совета для школ I ступени Н. К. Крупская отмечала, что «программы ГУСа ведут свое начало от Ушинского. Но они колossalно разнятся от занятий с детьми по Ушинскому... разница между программами времен Ушинского и программами ГУСа колоссальна. Тогда учили закону божьему, славянскому чтению — теперь не учат» (Крупская 1959: 221). Тем не менее преемственность Программ наследию

К. Д. Ушинского прослеживается достаточно четко (Программы 1921). Единственное, с чем не могла согласиться новая власть в условиях отделения школы от церкви, — с *признанием души* как элемента религиозного воспитания. Соответственно, неприязненно Н. К. Крупская относилась к религиозно ориентированному содержанию учебников К. Д. Ушинского: «Мы описываем функции головного и спинного мозга, нервной системы, объясняем, как и почему двигаются разные органы человеческого тела. Старый комплекс — комплекс религиозный, наш комплекс — комплекс материалистический» (Крупская 1958а: 260). Отдавая должное тем педагогическим и образовательным возможностям, которые открывал метод К. Д. Ушинского, Н. К. Крупская, по сути, впервые в Советской России предлагала начать изучать его педагогический опыт: «Биография Ушинского, знакомство с его произведениями, такими простыми, ясными, анализ их дадут педагогу возможность ориентировки в том, что нам надо взять у Ушинского, дадут возможность сознательно отнести и к различным течениям в современной педагогике» (Крупская 1958б: 684). При этом опасающимся распространения религиозных идей она предусмотрительно заявляла: «Смешно было бы бояться, что учащиеся заразятся религиозными настроениями Ушинского или его монархическими чувствами; эти настроения слишком уж наивны для современного читателя» (Крупская 1958б: 682). Так началось «марксистское» освоение наследия великого русского педагога, а «у педагогов Советской России — по выражению Е. Г. Ильяшенко — появилось своеобразное разрешение на обращение к творчеству К. Д. Ушинского» (Ильяшенко 2014: 91).

Тем более, что переход от педологии к педагогике был поддержан на самом «верху». Председатель Президиума Верховного Совета СССР М.И. Калинин на Всесоюзном совещании «учителей-отличников» 28 ноября 1938 г. сделал симптоматичное, знаковое заявление по этому поводу: «У нас создается новый человек социалистического общества. Этому человеку надо прививать самые лучшие человеческие качества. Ведь и новый, социалистический человек, он не будет человеком, у которого отсутствуют человеческие чувства. *Человек есть человек. Из этого надо исходить*» (Калинин 1962: 324). Особо хочется отметить, что в речах М. И. Калинина в дальнейшем происходит своеобразная «реабилитация» категории «души» как неотъемлемого элемента человеческой личности, хотя и с необходимыми для материалиста оговорками. На собрании слушателей и профессорско-преподавательского состава Военно-политической Академии РККА 19 сентября 1940 г. он подчеркнул: «Выдающийся русский педагог Ушинский говорил, что одно дело — нести знания, а другое дело — воспитывать... Чтобы действительно воспитывать, для этого надо не только хорошо знать свое дело, но иметь еще *чистую душу*. Под “душой” Ушинский понимал моральный облик воспитателя, его нравственность, или то, что еще называют *совестью*» (Калинин 1962: 383). На совещании работников народного образования 30 января 1941 г. «всесоюзный староста», предлагая развивать педагогику в соответствии с гуманистическими принципами, признавался: «Я сказал — мои предложения. Но, говоря по совести, они не являются моими, оригинальными, в строгом смысле этого слова. Все это я вычитал у старых русских педагогов, большей частью — у Ушинского... я вижу, что те идеи, которые развивал в свое время Ушинский и которые я здесь выдвинул в качестве практических предложений, — это настоящие педагогические идеи» (Калинин 1962: 436). Думается, что этот своеобразный компромисс между материалистическим пониманием общества и принятием

души в качестве основы преобразования человека, «прививки» ему лучших качеств, стал для советской педагогики линией жесткого размежевания с педагогическими идеями, которые в этом смысле можно назвать «бездушными», а саму педагогию — педагогикой без любви и красоты.

В результате отказа от педагогических экспериментов в области образования и воспитания во второй половине 1930-х гг. советская школа приобрела значение общественного института, формирующего юную личность в соответствии с гуманистическими, во многом традиционными для России, ценностями, идеалами и мотивами поведения в основе которых лежало признание, пусть и в ограниченном варианте, наличия у человека души как основы общественной жизни. Это было самым резким, хотя и неявным в рамках советского дискурса, фактором размежевания между так и не ставшей «царицей» наук педагогией и традиционной отечественной педагогикой как наукой о воспитании честного гражданина и патриота. Советская школа, свернув с деструктивного «механистического», «бездушного» пути селективного отбора, с которым не без основания стала ассоциироваться педагогия, в сторону традиционного понимания воспитательных задач, сумела сохранить нравственную составляющую воспитательного процесса. Как писал А. А. Зиновьев, «мне в детстве привили представление о том, что в мире существует нечто чистое, светлое, святое. Сначала воплощением этих представлений был некий религиозный храм. Но религия была смертельно ранена. Храм был разрушен. А потребность в таком Храме осталась. И такой Храм для меня нашелся сам собой: школа» (Зиновьев 2008: 78–79).

Именно признание «одушевленности» образования и воспитания, в противовес социально-биологическим концепциям, на десятилетия стало основой советской образовательной политики. Традиции воспитания и образования как «искусства», идущие от К. Д. Ушинского и сохраненные благодаря отказу от педагогии, позднее были развиты великим советским педагогом, участником Великой Отечественной войны В. А. Сухомлинским. В его работах слово «душа» упоминается в позитивной коннотации сотни раз! Ему же принадлежит определение человека, настолько близкое традиционной российской (советской) духовно-нравственной основе воспитания, насколько далекое от педагогических взглядов: «Вера в святыни, вера в идеалы — это один из самых тонких и глубоких корней духовной стойкости, мужества, непоколебимости, полноты жизни, подлинного счастья. *Настоящий человек начинается там, где есть святость души*» (Сухомлинский 1989: 41).

Таким образом, несмотря на то огромное влияние, которое, благодаря своим широким перспективам «переделки» человека, приобрела в СССР 1920-х — первой половине 1930-х гг. педагогия, ее мировоззренческие основы постепенно вошли в противоречие с необходимостью единения власти и общества на основе традиционных ценностей. Реализовать перспективы развития педагогии в преддверии Второй мировой войны не удалось по причинам:

- сильной консервативно-инерционной культурно-исторической ментальной составляющей общественных отношений в СССР;
- отсутствия у экспериментаторов достаточных для реализации масштабного воспитательно-образовательного проекта материально-технических средств;
- слабостью кадрового потенциала;
- отсутствием после 1936 г. поддержки на высшем политическом уровне.

«Социальное конструирование» по «лекалам» педагогов было приостановлено.

Источники и материалы

- Горький 1928 — Горький М. Еще о механических гражданах. [Электронный ресурс]. <http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/articles/article-161.htm> (дата обращения 22.11.22)
- Енчмен 1920 — Енчмен Э. С. Восемнадцать тезисов о «теории новой биологии». Проект организации Революционно-Научного Совета Республики и введение системы физиологических паспортов. Издание Ин. К. О. Северо-Кавказского Революционного Комитета. Пятигорск: Типография Совнархоза, 1920. 55 с.
- Енчмен 1923 — Енчмен Э. С. Теория новой биологии и марксизм. Вып. 1. Петербург: Типография рабочего факультета Петербургского государственного университета «Наука и труд», 1923. 82 с.
- Залкинд 1929 — Залкинд А. Б. Педология в СССР. М.: Работник просвещения, 1929. 82 с.
- Зиновьев 2008 — Зиновьев А. А. Исповедь отщепенца. М.: Астрель, 2008. 605 с.
- Из речей 1928 — Из речей Н. К. Крупской, Н. И. Бухарина, А. В. Луначарского и Н. А. Семашко на I педагогическом съезде // На путях к новой школе. Орган научно-педагогической секции Государственного ученого совета. № 1. Январь 1928. М.: Работник просвещения. С. 9–14.
- Калинин 1962 — Калинин М. И. Избранные произведения: в 4 т. Т. 3. М.: Госполитиздат, 1962. 493 с.
- Крупская 1958а — Крупская Н. К. Об интернациональной и национальной культуре // Крупская Н.К. Педагогические сочинения: в 10 т. Т. 2. М.: Изд-во Академии пед. наук, 1958. С. 248–262.
- Крупская 1958б — Крупская Н. К. К вопросу об изучении истории педагогики // Крупская Н. К. Педагогические сочинения: в 10 т. Т. 2. М.: Изд-во Академии пед. наук, 1958. С. 680 — 686.
- Крупская 1962 — Крупская Н. К. Об учебниках // Крупская Н. К. Педагогические сочинения: в 10 т. Т. 10. М.: Изд-во Академии пед. наук, 1962. С. 179–182.
- Крупская 1959 — Крупская Н. К. Программы ГУСа для школ I ступени // Крупская Н. К. Педагогические сочинения: в 10 т. Т. 3. М., 1959. С. 220–224.
- Ленин 1969 — Ленин В. И. Государство и революция // Полное собрание сочинений. Т. 33. М.: Издательство политической литературы, 1969. С. 3–120.
- Нижегородская 1921 — Нижегородская коммуна. 1921. 2 июня. № 121.
- О педагогических 1936 — О педагогических извращениях в системе Наркомпросов. Постановление ЦК ВКП (б) от 4 июля 1936 г. // Правда. 1936. 5 июля. № 183. С. 1.
- Педологический журнал 1923 — Педологический журнал, посвященный вопросам изучения ребенка. № 1. Орловское отделение Госиздата. Март–апрель 1923 г. 114 с.
- Программы 1921 — Программы для I и II ступени семилетней единой трудовой школы. М.: ГИЗ, 1921. [Электронный ресурс]. http://elib.gnpbu.ru/text/programmy-7-letney-edinoy-trudovoy-shkoly_1921/go.0;fs.1/ (дата обращения: 11.03.2020).
- Свадковский 1938 — Свадковский И. Ф. Кризис буржуазной педагогики и лженеука педагогия // Против педагогических извращений. Сборник статей / под редакцией проф. И. Ф. Свадковского. Л.: Учпедгиз Ленинградское отделение, 1938. 76 с.
- Сухомлинский 1989 — Сухомлинский В. А. Как воспитать настоящего человека: (Этика коммунистического воспитания). Педагогическое наследие / Сост. О. В. Сухомлинская. М.: Педагогика 1989. 288 с.
- Троцкий 1923 — Троцкий Л. Д. Литература и революция. М.: Красная Новь, 1923. 392 с.
- Ухтомский 1996 — Ухтомский А. А. Интуиция совести. Письма. Записные книжки. Заметки на полях. СПб.: Петербургский писатель, 1996. 525 с.
- Ушинский 1990 — Ушинский К. Д. Педагогические сочинения: в 6 т. Т. 5. М.: Педагогика, 1990. 526 с.
- Ушинский 1950 — Ушинский К. Д. Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии. Том второй // Ушинский К. Д. Собрание сочинений: в 11 т. Т. 9. М.: Академия пед. наук РСФСР, 1950. 626 с.

Научная литература

- Байфорд Э.* Загробная жизнь «науки» педологии: к вопросу о значении «научных движений» (и их истории) для современной педагогики // Преподаватель XXI век. 2013. № 1. С. 43–54.
- Емельянов Б. В., Йонайтис О. Б.* Репрессированная педология (Из истории одного большевистского аутодафе) // Вестник Нижневартовского государственного университета. 2013. № 4. С. 54–57.
- Ильяшенко Е. Г.* Воскрешение «Детского мира К. Д. Ушинского: конец 1930-х — начало 1950-х гг. // Отечественная и зарубежная педагогика. 2014. № 2 (17). С. 86–100.
- Ильяшенко Е. Г.* Роль педагогической антропологии в развитии педагогических исследователей в России первой трети XX века // Историко-педагогический журнал. 2015. № 3. С. 88–108.
- Кароли Д.* Концепция воспитания беспризорных детей педолога Степана Степановича Моложавого и репрессия педологии // Историко-педагогический журнал. 2019. № 3. С. 72–95.
- Красовицкая Т. Ю.* Н. К. Крупская — идеолог большевистской реформы образования // Труды Института российской истории. Вып. 5 / Российская академия наук, Институт российской истории; отв. ред. А. Н. Сахаров. М., 2005. С. 244–272. <http://ebookiran.ru/index.php?id=68§ion=8&view=article>
- Медушевский А. Н.* Сталинизм как модель социального конструирования // Российская история. 2010. № 6. С. 3–9.
- Наумов Н. Д.* Философские основания педагогических теорий в России в XX в. Автореф. Дис. докт. филос. наук. Екатеринбург, 2004. 40 с.
- Помелов В. Б.* Недолгий век отечественной педологии // Вестник Вятского государственного университета. 2018. № 1. С. 89–96.
- Родин А. М.* Из истории запрета педологии в СССР // Педагогика. 1998. № 4. С. 92–98. <http://aprol-pro.narod.ru/student/pedagogika/005.htm>
- Ромаева Н. Б., Ромаев А. П.* Развитие отечественной педологии // Историко-педагогический журнал. 2014. № 3. С. 103–112.
- Шалаева С. Л.* Педология в России: сущность и историческая судьба // Интеграция образования. 2014 а. № 3. С. 140–147.
- Шалаева С. Л.* Педология в России: историческая судьба и упущеные возможности) // Труды Белорусского государственного технического университета: История, Философия, Филология. 2014 б. № 5 (169). С. 95–98.
- Эткинд А. М.* Общественная атмосфера и индивидуальный путь ученого: опыт прикладной психологии 20-х годов // Вопросы образования. 2006. № 3. С. 68–81.

References

- Baiford, E. 2013. Zagrobnaia zhizn' "nauki" pedologii: k voprosu o znachenii "nauchnykh dvizheii" (i ikh istorii) dlia sovremennoi pedagogiki [The Afterlife of the "Science" of Pedology: on the Significance of "Scientific Movements" (and Their History) for Modern Pedagogy]. *Prepodavatel` XXI vek* 1: 43–54.
- Etkind, A. M. 2006. Obshchestvennaia atmosfera i individual'nyi put' uchenogo: opyt prikladnoi psikhologii 20-kh godov [Social Atmosphere and the Individual Path of a Scientist: the Experience of Applied Psychology in the 20s]. *Voprosy obrazovaniia* 3: 68–81.
- Emel'ianov, B. V. and O. B. Ionaitis. 2013. Repressirovannaia pedologii (Iz istorii odnogo bol'shevistskogo autodafe) [Repressed Paedology (The Story Of One Bolshevik Auto-Da-Fe)]. *Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta* 4: 54–57.
- Ilyashenko, E. G. 2014. Voskreshenie «Detskogo mira K.D. Ushinskogo: konets 1930-kh — nachalo 1950-kh gg. [The Resurrection of K.D. Ushinsky "Children's World": late 1930s — early 1950s]. *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika* 2 (17): 86–100.

- Ilyashenko, E. G. 2015. Rol' pedagogicheskoi antropologii v razvitiu pedologicheskikh issledovatelei v Rossii pervoi treti XX veka [The Role of Educational Anthropology in the Development of Pedagogical Researchers in Russia in the First Third of the Twentieth Century]. *Istoriko-pedagogicheskii zhurnal* 3: 88–108.
- Karoli, D. 2019. Kontsepsiia vospitaniia besprizornykh detei pedologa Stepana Stepanovicha Molozhavogo i repressii pedologii [The Concept of Raising Street Children by Pedologist Stepan Stepanovich Molozhavy and the Repression of Pedology]. *Istoriko-pedagogicheskii zhurnal* 3: 72–95.
- Krasovitskaia, T. Yu. 2005. N. K. Krupskaia — ideolog bol'shevistskoi reformy obrazovaniia [N. K. Krupskaya — Ideologist of the Bolshevik Education Reform]. In *Trudy Instituta rossiiskoi istorii*. Vol. 5. Ed. by A. N. Sakharov. Moscow: Institut rossiiskoi istorii Rossiiskoi akademii nauk. 244–272. <http://ebookiran.ru/index.php?id=68§ion=8&view=article>
- Medushevskii, A. N. 2010. Stalinizm kak model' sotsial'nogo konstruirovaniia [Stalinism as a Model of Social Construction]. *Rossiiskaya istoriya* 6: 3–9.
- Naumov, N. D. 2004. *Filosofskie osnovaniia pedagogicheskikh teorii v Rossii v XX v* [Philosophical Foundations of Pedagogical Theories in Russia in the 20th Century]. Doctoral diss. abstract, The Ural State University.
- Pomelov, V. B. 2018. Nedolgii vek otechestvennoi pedologii [Short-lived Century of Russian Pedology]. *Vestnik Viatskogo gosudarstvennogo universiteta* 1: 89–96.
- Rodin, A. M. 1998. Iz istorii zapreta pedologii v SSSR [From the History of the Ban on Pedology in the USSR]. *Pedagogika* 4: 92–98. <http://aprol-pro.narod.ru/student/pedagogika/005.htm>
- Romaeva, N. B. and A. P. Romaev. 2014. Razvitiye otechestvennoi pedologii [The Development of Pedology (20–30-ies 20th Century)]. *Istoriko-pedagogicheskii zhurnal* 3: 103–112.
- Shalaeva, S. L. 2014a. Pedologiiia v Rossii: sushchnost' i istoricheskaiia sud'ba [Pedology in Russia: the Essence and Historical Destiny]. *Integratsiia obrazovaniia* 3: 140–147. <https://doi.org/10.15507/Inted.076.018.201403.140>
- Shalaeva, S. L. 2014b. Pedologiiia v Rossii: istoricheskaiia sud'ba i upushchennye vozmozhnosti [Pedology in Russia: Historical Fate and Missed Opportunities]. *Trudy Belorusskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta: Istoriiia, Filosofia, Filologiiia* 5 (169): 95–98.

УДК 39+37

DOI: 10.33876/2311-0546/2023-4/265-284

Научная статья

© A. A. Мартыненко

РАБОТА С ЖАЛОБАМИ В ОРГАНАХ ОПЕКИ И ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА: МЕЖДУ ЭКОНОМИЕЙ УСИЛИЙ И «НАСТОЯЩЕЙ» ЦЕЛЬЮ РАБОТЫ

Статья посвящена антропологическому анализу механизма работы сотрудников органов опеки и попечительства с жалобами. По мнению автора, процесс обработки и ответов на обращения помогают сотрудникам определять цель своей работы в их собственном профессиональном понимании. Служащие органов опеки относятся к категории низовых бюрократов и сталкиваются с противоречивыми определениями своих функций как со стороны законодательства и вышестоящих чиновников, так и со стороны граждан. В статье рассмотрены жалобы в отдел опеки и попечительства, поступившие от соседей, близких родственников или родителей ребенка в период с 2020 по 2022 гг. На нескольких полевых примерах описаны реакции сотрудниц на разные типы жалоб: в одних случаях на обращения даются формальные ответы, в других же следует быстрая и деятельная реакция. Рассмотрены условия, формирующие практику «юстировки» — настройки профессиональной оптики и понимания общих для коллектива задач. Подобная практика воплощается в формате совместных обсуждений жалоб от граждан, в результате которых в коллективе опеки вырабатывается собственное понимание «настоящей» цели своей работы и определяется выбор бенефициаров помощи. При антропологическом анализе жизни коллектива опеки оказывается проблематично разделить две существующие установки: стремление сохранить свои временные и эмоциональные ресурсы через игнорирование и формальные ответы на жалобы, и, одновременно, желание выполнять лишь ту работу, которая соотносится с представлением о «настоящей» цели их деятельности.

Ключевые слова: антропология бюрократии, органы опеки и попечительства, уличная бюрократия, жалобы

Ссылка при цитировании: Мартыненко А. А. Работа с жалобами в органах опеки и попечительства: между экономией усилий и «настоящей» целью работы // Вестник антропологии. 2023. № 4. С. 265–284.

© Alexandra Martynenko

HANDLING COMPLAINTS IN RUSSIAN CHILD PROTECTION SERVICE: BETWEEN SAVING EFFORT AND THE “REAL” WORK

The article is devoted to everyday practice of handling complaints in Russian child protection service. This practice helps social workers to define the main goal of work in their own professional understanding. Employees of child protection service belong to the category of street-level bureaucrats and face contradictory expectations about their work both from the administration and from citizens. The article is based on complaints from neighbours, close relatives or parents, which were collected at the period from 2020 to 2022. Field examples are used to describe the reactions of social workers due to such complaints. Work with complaints forming the practice of “alignment” — a process of setting up professional optics and understanding the common goal for the team when individual interpretation of each employee may be assumed. This process is embodied in collective discussions of complaints from citizens. As a result of this practice, the child protection workers develop their own understanding of the “real” goal of the work and determines the choice of beneficiaries. In the anthropological analysis of the everyday life of the child protection team, it turns out to be problematic to separate two coexisting attitudes: the desire to preserve their time and emotional resources through ignoring and formal responses to complaints, and, at the same time, the desire to perform only that work which correlates with the idea of the “real” goal.

Keywords: anthropology of bureaucracy, child protection service, street-level bureaucracy, complaints

Author Info: Martynenko Alexandra A.—Junior Researcher, Laboratory of Anthropological Linguistic, Institute of Linguistic Studies (Saint Petersburg, Russian Federation,). E-mail: amartynenko@eu.spb.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8561-3006>

For citation: Martynenko, A. A. 2023. Handling Complaints in Russian Child Protection Service: Between Saving Effort and the “Real” Work. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 4: 265–284.

Введение

Моя полевая работа проводилась в одном из отделов органов опеки и попечительства муниципального округа Санкт-Петербурга в течение 2019–2022 гг. Я пришла туда на студенческую практику, а в последствии стала одним из членов небольшого женского коллектива. Мои собеседницы, а потом и коллеги, знали о том, что одновременно я веду исследование. Отдел опеки и попечительства находился в одном из густонаселенных районов города и состоял из пяти сотрудниц¹. Если в начале моей работы коллеги дели-

¹ На момент проведения исследования коллектив состоял из 4-х сотрудниц (я также была официально трудоустроена), каждой из которых было около 30-ти, а также руководительницы, женщины 50-ти лет.

лись со мной лишь необходимым минимумом правил и инструкций, то уже после первого года знакомства наши отношения позволяли вести пространные беседы о том, как, по мнению сотрудниц, «на самом деле» должна быть организована работа отдела и система защиты детей в целом. Доверие коллег и искренние ответы на мои вопросы дали возможность реконструировать логику их и даже моих собственных действий, которые часто не укладывались в формальные предписания официальных инструкций.

С первого дня работы моё внимание неизменно привлекали жалобы от граждан, работа с которыми составляет ежедневную обязанность коллектива опеки. При этом я увидела, что одни бумаги сотрудницы встречают саркастическими замечаниями, обсуждают внутри отдела или показывают коллегам по муниципальному образованию для того, чтобы отметить особенно курьезные фразы, которые впоследствии становятся локальным фольклором. Некоторые жалобы вызывают упреки или быстро забываются ввиду формального ответа на них. После внимательного чтения и непродолжительного обсуждения третьих сотрудницы начинают звонить в школы, полицию или же спешат выехать к ребенку.

Хотя жалобы сами по себе являются интересным материалом для анализа с точки зрения представлений граждан о «правильном» детстве и родительстве, в данной статье я хотела бы сосредоточиться на стороне получателей таких обращений — коллективе отдела опеки и попечительства¹. Моя позиция в поле как сотрудника опеки позволяла зафиксировать непосредственную реакцию на жалобы — реакцию, которая возникает прежде, чем гражданин получит официальный ответ с заверенным печатью безликим канцеляритом. Разная реакция сотрудниц на жалобы — от возмущения и смеха до деятельного участия — также определяет и то, кому и каким образом в конце концов будут «оказаны услуги» органов опеки и попечительства, по закону обязанные предоставляться всем в одинаковом порядке. Неравномерное распределение помощи продиктовано собственным представлением коллектива о целях своей работы, а также о гражданах, которые к ним обращаются.

Сотрудники органов опеки и попечительства в силу своего профессионального статуса и наличия дискреции (т. е. свободы принимать решения по своему усмотрению) относятся к профессиональному сообществу т.н. уличных или низовых бюрократов (*street-level bureaucrats*) — государственных служащих, которые предоставляют услуги населению и/или обеспечивают соблюдение законов, а также непосредственно взаимодействуют с гражданами. Политолог Майкл Липски и его коллеги, которые ввели этот термин в социальные науки, относили к низовым бюрократам учителей, полицейских, врачей, судей и социальных работников (Lipsky 2010 [1980]).

Наряду с определенной свободой в принятии решений, которая свойственна данному уровню власти, низовые бюрократы также постоянно сталкиваются с ограничениями, вызванными, в частности, недостаточностью временных и финансовых ресурсов, запросами от людей и руководства быстрее рассматривать поступающие обращения и, вместе с этим, запросами на индивидуальный подход к каждому случаю. Ряд исследователей рассматривает повседневность бюрократов как постоянное балансирование между ожиданиями рядовых граждан и вышестоящих инстанций

¹ Исследования текстов жалоб с точки зрения лингвистики, их поэтики, pragmatики, а также особенностей бытования в бюрократическом мире можно найти в следующих статьях: (Козлова, Сандомирская 1996: 152–186; Утешин 2004: 274–305; Muravyeva 2014: 93–104; Глазанова, Руднева 2021: 166–174).

(*Maynard-Moody, Musheno 2003; Chun, Rainey 2005; Meyers et al. 2007*). Кроме того, как отмечал Майкл Липски, одной из особенностей работы бюрократов является отсутствие четко определенной цели их деятельности, которая вырабатывается в условиях постоянной неопределенности (*Lipsky 2010: 31*).

Можно говорить о том, что цель работы органов опеки с некоторыми допущениями определяется гражданами, законодателями и самими сотрудниками одинаково — это «защита детей». Однако попытки определить то, каким образом и в отношении каких детей должна осуществляться защита, вызывают противоречия между названными группами. Что значит защищать детей и какие средства нужны для этого? В каких ситуациях требуется оказывать защиту, и, в конце концов, каких именно детей нужно защищать?

Органы опеки и попечительства, как в Санкт-Петербурге, так и в других городах, вписаны в обширную сеть учреждений, занятых в социальной защите и поддержке детства. Она включает суды, прокуратуру, школы, детские сады, поликлиники, детские больницы, службы сопровождения и медиации, центры содействия семейному воспитанию (бывшие детские дома) и т. д. Многоуровневая система законов и нормативных актов, регулирующая их повседневную деятельность, даже на уровне анализа документов дает противоречивые толкования целей работы по защите детства. Согласно семейному кодексу, органы опеки отвечают, как за детей, оставшихся без попечения родителей, так и за детей, у которых родители есть (например, в случае определения места проживания ребенка после развода супругов или в случаях работы с противозаконным поведением детей). Сотрудники опеки одновременно обязаны обеспечивать права ребенка, но и работать со всей семьей, учитывать интересы её членов, которые могут противоречить друг другу. В ситуации подобной неопределенности и конфликтующих между собой задач сотрудники вынуждены самостоятельно решать, как ответить на многочисленные запросы от разных сторон в сфере защиты детства, и формируют собственное представления о «настоящей» цели своей работы.

Под «настоящей» целью я подразумеваю задачи рабочей деятельности в собственном понимании профессионалов. В ситуации рассмотрения обращений¹ возникает конфликт общественных ожиданий по поводу деятельности низовых бюрократов и ожиданий самих бюрократов в отношении заявлений граждан. Бюрократы выстраивают общую для коллектива систему ценностей и создают механизмы классификации обращений, которые позволяют им отделять важные в их понимании ситуации, соотносящиеся с «настоящей» целью работы, от не релевантных и не соответствующих ей. В этой статье я анализирую механизмы работы с несколькими типами жалоб, которые провоцируют сотрудниц на обсуждение задач своей деятельности и границ собственных полномочий.

Представления граждан о целях работы сотрудников опеки кристаллизуются в жалобах и обращениях, которые в большом количестве поступают в отдел². В качестве

¹ Хотя с бюрократической точки зрения разные способы письменной коммуникации граждан с институтами как «заявление», «жалоба», «обращения» предполагают разную pragmatику, на практике письма, приходящие в отдел опеки, могут быть подписаны любым из этих названий. В данной главе я буду использовать эти номинации как взаимозаменяемые.

² Подробнее о высоких ожиданиях граждан от работы социальных служб, а также крайне неопределенных условиях работы в рамках публичного внимания к детским смертям см. в книге Гарри Фергюсона «Protecting children in time: Child abuse, child protection and the consequences of modernity» (*Ferguson 2004*).

предварительных замечаний стоит отметить два существенных аспекта, обуславливающих механизмы рассмотрения обращений: письменная форма подачи жалобы и сформированное доверие внутри бюрократических институтов. Письменная форма подачи жалобы придаёт ей большую, по сравнению с устной, легитимность. Зафиксированная на бумаге или в качестве электронного обращения, пронумерованная и зарегистрированная как «входящая», жалоба начинает «жить» в бюрократическом мире. На письменное обращение сотрудникам необходимо реагировать в установленные законом сроки¹. Таким образом, работа с письменными обращениями, в отличие от устных, требует обязательного вложения рабочего времени и ресурсов отдела опеки.

Написать обращение в органы опеки может представитель государственной инстанции (например, учитель, врач детской поликлиники, полицейский, судья) или же гражданин, обеспокоенный нарушением прав и интересов как своего, так и постороннего ребенка. Однако обращения от представителей других инстанций по умолчанию имеют для сотрудниц опеки более высокий статус по сравнению с обращениями от граждан. Коммуникация между институциями более регламентирована и прозрачна: у обращения, отправленного из школы, будет исходящий номер, следовательно, такая бумага зафиксирована у того, кто её направил и теперь ожидает ответа. Внутрь такого обращения также включено бюрократическое, то есть всегда находящееся в дефиците, время сотрудников школы или полиции, которое они вложили в подготовку документа. В этом случае предполагается, что, если коллеги из другого ведомства — такие же низовые бюрократы — потратили свое рабочее время на написание текста жалобы, она действительно имеет больше оснований, чем недовольство пожилой женщины, вызванное детским плачем за стеной соседней квартиры.

В этой статье я сосредоточусь на жалобах от соседей, близких родственников или родителей ребенка в период с 2020 по 2022 гг. В отличие от обращений из официальных учреждений, которым сотрудницы опеки доверяют, каждая жалоба от индивидуального лица проходит процедуру коллективного обсуждения, классификации и проверки на соответствие «настоящей» цели работы органов опеки в понимании самих сотрудниц. К практике коллективного обсуждения жалоб мне кажется удачным применить термин «юстировка», который напрямую не связан с социальными науками. Чаще всего этот термин, происходящий от немецкого глагола *justieren* — «выверять» — используется в оптике. При юстировке осуществляется проверка и наладка оптического прибора, подразумевающая достижение верного взаиморасположения его элементов и правильного их взаимодействия, обеспечивающее точность, правильность и надёжность действия всего механизма.

На мой взгляд, применение этого термина при анализе работы коллектива опеки с жалобами может быть продиктовано и принятой в социальных науках метафорой об особой «оптике» (будь она антропологическая или свойственная изучаемому сообществу). Такой подход определяет и соотносит взгляды индивидов с символическими системами коллектива, позволяя сформировать общие представления о разных явлениях, как бы фокусируя индивидуальные приборы по единым настройкам для четкого изображения, которое доступно всем участникам. Таким образом, я предла-

¹ Федеральный закон от 02.05.2006 N 59-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации». Статья 12. Сроки рассмотрения письменного обращения. Письменное обращение, поступившее в государственный орган, орган местного самоуправления или должностному лицу в соответствии с их компетенцией, рассматривается в течение 30 дней со дня регистрации письменного обращения.

гаю использовать термин «юстировка» в значении процесса настройки общих ценностей и определения единых для коллектива целей работы.

Я опишу несколько примеров реакции сотрудниц на жалобы: в одних случаях, после обсуждения в коллективе, на обращения ими будут даваться формальные ответы, в других же последует довольно быстрая и деятельная реакция. Я также рассмотрю условия, формирующие практику юстировки.

Жалобы от соседей

Большинство жалоб с просьбой обратить внимание на семьи с детьми, которые поступают в отдел опеки, написаны соседями. Стандартное начало обращений от соседей, как правило, содержит в себе жалобы на шум, который доставляет дискомфорт окружающим: *Примерно 1,5 мес. назад поселилась семья с двумя детьми, снимающая эту квартиру. Дети мальчик лет примерно 10 и девочка лет около 3-х. Семья ведёт себя очень шумно. Наша квартира находится этажом ниже, и мы в течение всего дня до ночи воспринимаем это* (муж., от 08.12.2020); *Они (дети) ежедневно нарушают режим тишины после 23.00, бегают, топают, кричат, кидают на пол вещи, из-за чего каждую ночь моя семья не может полноценно выспаться* (жен., от 11.07.2021).

Такие жалобы чаще всего вызывают недовольство сотрудниц опеки. Несмотря на аргументацию, которая подкрепляет эти тексты, сотрудницы трактуют подобные ситуации как связанные, прежде всего, с жизнью в многоквартирных домах, где соседи не могут договориться между собой. Исходя из перспективы, предполагается, что собственно безопасность ребенка не является истинным мотивом такой жалобы. Обращения, поступающие от посторонних по отношению к ребенку людей, одна из сотрудниц опеки с раздражением прокомментировала: «*Почему кому-то вообще есть дело до чужих детей?*» (Полевой дневник, 18.11.2021).

Кроме криков и стуков, особенно «весомым» аргументом, с точки зрения жалобщиков, становится шум в ночное время, свидетельствующий о «неправильном» родительстве соседей: *Режим дня у ребенка нарушен полностью. Он может не спать до 12, часу ночи. ... Соседи на мои просьбы, что ребенок прыгает и скачет и днем и вечером, не спит до часу ночи, а то и до 2, потому что самая активность после 21, 22, 23, когда ребенок такого возраста уже должен ложиться спать, а не скакать по квартире (после моих попыток поговорить, ребенок начинает прыгать с удвоенной силой)* (жен., от 30.03.2022).

Скепсис по отношению к таким жалобам на шум иллюстрирует фраза сотрудницы, прочитавшей объёмную жалобу жительницы многоэтажного дома на шумящего ребенка: «*Вот хоть раз бы мы вышли, и там реально был кошмар!*» (Полевой дневник, 15.02.2021). Со слов руководительницы, возглавляющей отдел уже более десяти лет, в её практике не было случая, когда обращение соседей выявляло бы реальные ситуации, например, семейного насилия или находления детей в опасности: «*В большинстве же это люди, которые сами не могут пойти и попросить родителей и лялю не шуметь*» (Полевой дневник, 31.03.2022).

Бурное обсуждение в коллективе опеки вызвала жалоба женщины на сестру, проживающую с ней в одной квартире. В сбивчиво написанном обращении женщина сетовала, что сестра намеренно выкрутила ручки окон для того, чтобы они всегда

были открыты: «*Все лето мы жили с открытым окном... Она мотивировала поступок, что ей жарко... Моя семья кушает на кухне. И объяснение, и разговоры она не понимает. В конце концов это просто опасно для жизни и здоровья маленьких детей!!! Я прошу органы опеки отреагировать на сложившуюся ситуацию. Открытая в квартире дверь на улицу не должна быть, при проживании маленьких детей*» (жен., от 27.10.2020).

Несколько дней после поступления этой жалобы сотрудницы, переговариваясь, аргументировали свое недовольство и нежелание тратить рабочее время на посещение этой квартиры: «*Просто понимаешь, что если мы вот так к каждому будемходить из-за ручек! Сами не могут договориться между собой, и сразу, даже секунды не подумав, пишут опека помогите! А потом нас долбает комитет или КДН¹, что почему по неблагополучке мы контроль не осуществляем. Когда! Ручки тут у людей выкрутили*» (Полевой дневник, 11.11.2020).

Как правило, после посещения квартиры, на которую поступила жалоба, сотрудники пишут ответ, где пытаются нормализовать причину беспокойства соседей. Например, отчитываются о «профилактической беседе» с соседями о соблюдении режима дня ребенка и обязанности соблюдать тишину: «*Специалист по опеке и попечительству провела профилактическую беседу с N. по вопросу надлежащего исполнения родительских обязанностей. Матери разъяснено, что в соответствии со ст.ст. 63, 65 СК РФ родители обязаны заботиться о здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии своих детей*» (ответ на обращение от 22.11.2020).

Раздражение сотрудниц, недовольство потраченным временем на проверку квартир и домов, а также постоянный поиск возможностей не выполнять подобную работу остаются за рамками формального ответа.

Жалобы родителей друг на друга

Другой распространенный тип обращений, поступающих в отдел опеки, это жалобы родителей друг на друга по поводу воспитания детей. Типичный контекст такой жалобы — невозможность родителей после развода договориться о месте проживания детей, порядке встреч с ними, а также по ряду других вопросов вроде выбора школы, кружка, вплоть до питания, одежды или «правильного» времяпрепровождения ребенка: *Бывшая супруга систематически нарушает права детей, прошу защитить права моих детей* (муж., от 11.11.2021); *Отец не работает, не может быть назван мужчиной и примером для своих детей, негативно влияет на их психологическое здоровье* (жен., от 17.12.2021); ...*Уехала со своим сожителем на отдых. А малолетнюю D. оставила дома одну. За которой присматривала её старшая сестра* (муж., от 08.09.2021).

Во время полевой работы мне чаще всего удавалось зафиксировать реакции сотрудниц именно на жалобы родителей. Самую распространённую из них сформулировала руководительница отдела: «*Вот они же в какой-то миг сделали ребенка? А теперь пана у неё [матери] самый плохой на свете. О чем она думала, когда с ним связывалась?*» (Полевой дневник, 22.03.2021).

Письменный ответ на такую жалобу предельно лаконичен: сотрудницы опеки как бы «разъясняют» одному из родителей, что соблюдение прав и интересов ребен-

¹ Комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав.

ка — это обязанность именно родителя, а не сотрудница. Ответ состоит из ссылок на статьи семейного кодекса о правах и обязанностях родителя, в которых графически выделяются нужные элементы: «...Ваше заявление рассмотрено, информация, содержащаяся в заявлении, принята к сведению. В соответствии с п.1 ст. 63 СК РФ родители имеют право и обязаны воспитывать своих детей. Родители несут ответственность за воспитание и развитие своих детей. В соответствии с п.1 ст. 64 СК РФ защита прав и интересов детей возлагается на их родителей. В соответствии с п.1 ст. 65 СК РФ обеспечение интересов детей должно быть предметом основной заботы их родителей».

Формально, как и в случае любых других обращений, сотрудницы обязаны реагировать на жалобы родителей: например, позвонить тому взрослому, на которого написана жалоба, или же выйти с проверкой условий проживания ребёнка с родителем. Тем не менее в реальной повседневной практике коллектива почти все обращения родителей заканчиваются подобным ответом с перечислением статей. Так происходит во многом потому, что в представлении сотрудниц привычка современных родителей делегировать разрешение семейных или иных конфликтов различным инстанциям является дополнительным фактором, мешающим органам опеки заниматься своей «настоящей» работой: «Большинство людей, которые к нам приходят, которые вот между собой там мамы, папы не разговаривают. Первое что? Они приходят, пишут в опеку заявление: “Мама не дает общаться!”. Не обратился ни к психологу, ни поговорить с ней, ну то есть. Сразу — это ваша работа, вы должны, должны мне ребенка предоставить» (Интервью 10.11.2021).

Важно понимать, что многие родители обращаются в отдел опеки по рекомендации судов и адвокатов, не имея представления о задачах и полномочиях органов опеки. Одно из направлений модернизации семейной политики в Санкт-Петербурге предполагает упор на досудебное разрешение конфликтов. Часто именно в суде родителям рекомендуют договориться с помощью органов опеки или службы медиации¹, чем многие из обратившихся пытаются воспользоваться. Однако в изучаемом отделе опеки скептически относятся к подобной процедуре, так как считают, что истинная ее цель — снизить загрузку судов за счет ресурсов органов опеки и попечительства.

При этом сотрудницы опеки понимают, что соглашения, заключенные между родителями с посредничеством опеки, не имеют юридической силы и могут быть расторгнуты в одностороннем порядке в любой момент. Одна из сотрудниц с сарказмом отметила: «Нашей этой бумажкой можно подтереться! Её ведь никому не покажешь — ни полиции, ни приставам, потому что она никакой ценности не представляет. Только решение суда. Поэтому пусть сразу туда идут» (Полевой дневник, 13.09.2021).

Сотрудницы считают, что большинство подобных конфликтов касаются отноше-

¹ Службы медиации — это государственные учреждения, созданные для разрешения споров во внесудебном порядке для того, чтобы облегчить работу районных судов. Специалисты этих служб (обычно выпускники факультетов психологии, конфликтологии) помогают гражданам заключать мировые соглашения по разнообразным судебным тяжбам, в том числе связанными с семейными спорами о воспитании детей. Одним из принципов этой государственной услуги является добровольное желание сторон заключить соглашение, что на практике почти невозможно внутри такой сенситивной сфере как семейные конфликты. В то же время повестка в суд от бывшего супруга или супруги носит более официальный характер и принуждает вторую сторону активно участвовать в разрешении конфликта. В Санкт-Петербурге последние несколько лет (не без сопротивления в том числе органов опеки) происходит активное внедрение услуг служб медиации.

ний между взрослыми, а ребенок в этих случаях является скорее инструментом для манипуляций родителей. Таким образом, ответы на жалобы родителей в адрес бывшего супруга/супруги максимально формальны и, следовательно, наименее содержательны: «...Вы в праве обратиться в суд с исковым заявлением о лишении родительских прав отца ребенка. Орган опеки и попечительства будет привлечен к участию в деле в качестве третьего лица». Как и в ситуации с жалобами соседей на шум, подобные обращения интерпретируются сотрудниками как беспокойство взрослых за собственный комфорт и желание сделать жизнь бывшего мужа или жены труднее.

Жалобы, на которые реагируют

Жалобы от соседей или родителей могут спровоцировать и другую, менее бюрократизированную и более активную реакцию сотрудниц опеки. В один из приёмных дней в отдел поступалась пожилая женщина, которая хотела передать уже написанную жалобу на соседей. Сотрудницы, занятые своими делами и очевидно не желающие разбираться с ещё одним соседским конфликтом, попросили её отнести своё обращение секретарю для регистрации и заверили, что рассмотрят документ как можно скорее. Не высказав сопротивления против такого порядка подачи жалобы, женщина закрыла дверь в кабинет. Переглянувшись, сотрудницы вздохнули, ожидая новой работы с «бабкой», как принято называть в отделе опеки пожилых женщин.

Через некоторое время секретарь принесла зарегистрированное обращение, написанное пожилой женщиной от руки. Приготовившись к чтению вслух и заранее улыбаясь в предвкушении особенно изобретательных аргументов, одна из сотрудниц пробежала глазами текст. Тем не менее чтения вслух не последовало. Вместо этого она быстро направилась в кабинет к руководительнице, откуда они вернулись уже вместе, чтобы обсудить написанное.

В тексте обращения женщина указывала, что её соседи, мужчина и женщина среднего возраста, долгое время не выходят на улицу, а их дети, мальчик и девочка, звонят в квартиры, чтобы попросить еды. Женщина указывала, что много раз давала детям еду и продукты, но всё-таки просит органы опеки проверить семью. Руководительница набрала её номер, указанный в обращении и попросила вернуться, чтобы подробнее рассказать о ситуации. Реакция на жалобу в этом случае вызвала деятельное участие всех сотрудниц опеки, двое из которых вместе с женщиной отправились по названному адресу. Не обнаружив детей и родителей дома, сотрудницы связались с полицией для того, чтобы инспектор могла навестить семью и поставить её на контроль вместе с органами опеки¹.

Несмотря на то, что жалоба поступила от соседки, сотрудницы отреагировали на неё со всей серьёзностью, хотя и пытались создать «барьер» в виде подачи жалобы через секретаря. В данной ситуации речь шла о повторяющемся событии (просьба о еде) и отсутствии рядом с детьми взрослых. Такое положение детей сотрудницы маркируют как небезопасное и требующее прямого участия органов опеки.

¹ К сожалению, мне не удалось полностью проследить развитие этой истории, однако в документах, сопровождающих работу с этой семьей, отмечалось, что в семье «*когда родителя часто выходят на работу в совпадающие смены, оставляя им достаточное количество пищи, а о привычке своих детейходить к соседям узнали от полиции*». При проверке полицией и опекой «...оснований для постановки семьи на контроль нет. Факта неблагополучия в семье не выявлено».

Сотрудники опеки — жертвы системы?

Рассмотренные случаи реакций на жалобы позволяют говорить о том, что сотрудницы опеки вырабатывают собственные представления о «настоящей» цели своей работы, которые в одних случаях позволяют без лишних рассуждений отправлять формальный ответ на обращение, а в других действовать активно. Как уже было сказано, потребность в самостоятельном определении своих задач обусловлено служебным положением низовых бюрократов, чьи цели по-своему определяют и руководящие органы, и граждане.

Для выполнения цели — защиты детей — законодатели формулируют функции органов опеки попечительства. Согласно Федеральному закону «Об опеке и попечительстве»¹ к задачам сотрудниц относятся: защита прав и законных интересов граждан, которые нуждаются в опеке или находятся под ней (например, детей, которые проживают в приемных семьях); контроль приемных родителей, опекунов, а также детских домов и психиатрических интернатов, куда помещаются как недееспособные взрослые, так и дети. Кроме этого, органы опеки должны следить за сохранностью имущества детей, которые смогут воспользоваться им после совершеннолетия — например, покинув приемную семью или детский дом. В случае недееспособных взрослых сотрудницы контролируют опекунов, которые ухаживают за таким человеком для того, чтобы опекун не воспользовался имуществом недееспособного в личных целях.

Одновременно с этими задачами, согласно Семейному Кодексу, органы опеки должны обеспечивать право ребенка жить и воспитываться в семье². Обеспечение этого права налагает на сотрудников опеки еще несколько дополнительных полномочий — профилактику социального сиротства³ и участие органов опеки в семейных спорах⁴. Например, сотрудники опеки обязаны не только брать на себя роль законных представителей ребенка, когда у него по каким-либо причинам не оказалось родителей, но и участвовать в собраниях Комиссии по делам несовершеннолетних, куда вполне может попасть ребенок из семьи за хулиганство, преступление или другие поступки, которые представители комиссии считают «антиобщественными». Функция органов опеки в этом случае сводится к назидательной и даже «устрашающей», ведь именно сотрудники опеки вправе подать иск о лишении родительских прав тех родителей, которые не справляются с воспитанием своих детей.

Подобная необходимость участвовать в качестве дисциплинирующего органа там, где по мнению сотрудниц, эту дисциплину должны поддерживать родители и где задачи опеки не имеют четкого определения, неизменно вызывает критику в коллективе. Критика, впрочем, направлена не на родителей, а на устройство самой системы и на Комитет по социальной политике: «*Но вот сейчас мы сидим на Комиссии. Я вот получаю постановление, я ругаюсь, я говорю, че вы мне даете? Тут мама и папа. Почему опека-то? Потому! Ну и как бы и все. Мне что делать, МНЕ? Вы курирующий наши ну как бы орган. Давайте, организовывайте совещание между*

¹ Федеральный закон "Об опеке и попечительстве" от 24.04.2008 N 48-ФЗ.

² СК РФ Статья 54. Право ребенка жить и воспитываться в семье.

³ Федеральный закон от 07.06.2013 N 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних».

⁴ СК РФ Статья 78. Участие органа опеки и попечительства при рассмотрении судом споров, связанных с воспитанием детей.

руководителями, там, отделов опек и руководителями центров помощи семьи и детям, там, председателями комиссий. Давайте собираите и говорите, кто чем должен заниматься. Раз мы не понимаем закон федеральным там сто двадцатый!» (Полевой дневник, 15.06.2022).

Таким образом, органы опеки не только берут под опеку детей, оставшихся без близких, но и тех, чью близость с родителями пытаются сохранить через дисциплинарное воздействие на последних. Именно через такие задачи вышестоящие инстанции — Комитет по социальной политике Санкт-Петербурга, правительство города — представляют себе цели деятельности органов опеки. Эта цель состоит как в заботе о детях, которые оказались без родителей и которых следует устроить в приемную семью или детский дом, так и в поддержании системы дисциплинарной власти в отношении семей. Аналогичная система с разными вариациями существует и в других субъектах Российской Федерации.

Дополнительной задачей, как уже было сказано выше, становится участие в конфликтах между родителями из-за детей. Объединение усилий нескольких комитетов Санкт-Петербурга и правительства города для снижения количества судебных разбирательств между родителями сталкивается с практически полным игнорированием этой инициативы со стороны рядовых сотрудниц опеки. Отсутствие юридической силы мировых соглашений, подписанных родителями в отделе опеки, постоянно заставляют сотрудниц избегать работы с семейными конфликтами, несмотря на активный запрос со стороны граждан.

В рамках политики *New Public Management*, созданной в западных странах и направленной на борьбу с низкой эффективностью работы государственных учреждений, для бюрократов стали устанавливать показатели эффективности, а также конкретизировать задачи и цели их деятельности (Barzelay 2001). Можно говорить как о явных, так и менее регламентированных изменениях в показателях эффективности, также действующих и для органов опеки в России.

В период с середины 1990-х по 2009-й гг. социальный кризис спровоцировал рост количества детей, оставшихся без попечения родителей и попавших под государственную защиту. Основными причинами выступали либо недостаточный доход родителей, либо отсутствие подходящего для проживания ребенка пространства (Рыкун, Южанинов 2009). В этот период количество детей-сирот постепенно увеличивалось. Так, к середине 2000-х гг. около 800 000 детей остались без родительского попечения (Klinovskaya-Rockhill 2010: 1). Однако начиная с 2006 г., после ежегодного обращения президента В. В. Путина к Федеральному Собранию, была признана острая проблема демографического кризиса. Работа по борьбе с социальным сиротством стала приоритетным направлением реформ. Социологи отмечают, что с этого момента семейная политика взяла консервативный курс по охране семьи, который способствовал сокращению числа детских домов и устройству детей в приемные семьи (Чернова, Кулмала, Шпаковская 2019: 59).

В рамках обозначенных реформ эффективность деятельности органов опеки стала измеряться количеством детей, устроенных в приемные семьи, а также количеством проведенных «профилактических» действий, направленных на то, чтобы дети остались дома — например, работа с семьями, где родители имеют зависимости (от алкоголя или наркотиков), но которые могли бы, с точки зрения государства, после необходимого лечения и помощи выполнять свои родительские обязанности. Таким

образом, в своих ежедневных практиках сотрудники опеки постепенно сосредоточились именно на работе с приемными семьями, а также с семьями, которые были маркированы как «неблагополучные». Так как именно этот труд оценивается выше-стоящими органами в качестве показателей эффективности, сотрудницы изучаемого коллектива опеки стремятся освободить свое рабочее время под выполнение задач, требующих обязательного отчета¹.

Однако было бы упрощением объяснять игнорирование жалоб или «формализм» работы коллектива опеки лишь той рамкой, которую задают им политики, законодательство и контролирующие инстанции. На мой взгляд, подобная объяснительная модель сводит любые выводы о работе бюрократов к формуле «жертвы системы», то есть к воображению их такими же, как и граждан, заложниками непродуманных систем управления и контроля. К внимательному отношению к подобному редукционизму призывает и антрополог Ахил Гупта в своём исследовании работы индийских чиновников (*Gupta 2012*).

Именно наличие дискреции, одной из ключевых характеристик низовой бюрократии, позволяет сотрудникам каждый раз самостоятельно выбирать, как отреагировать на жалобу или гражданина: отнестись с пониманием или равнодушием, использовать свои профессиональные ресурсы или же ограничиться формальным ответом. Невозможно объяснить разницу их реакций, грубость и безучастность в одних случаях и деятельное участие в других лишь неопределенностью задач и целей на государственном уровне. Кроме этого, даже противопоставляя себя руководителям высших государственных инстанций, сотрудницы опеки так или иначе используют полномочия органов власти, обладая, в том числе, инструментами по «изъятию» детей из семьи.

Можно отметить, что в исследуемом отделе опеки существуют две установки: сотрудницы не реагируют на жалобы и потому, что стремятся освободить время «для себя» и не перегружаться работой (как бы прячась за безличную бюрократическую систему), и, в то же время, потому, что у них есть собственные представления о «настоящей» цели их функций, для которой важно сохранить временные и эмоциональные ресурсы. Именно невозможность разделить две этих установки создаёт проблему для исследования реакций на жалобы у сотрудниц опеки. Однако, как кажется, именно это обстоятельство делает исследование бюрократии по-настоящему антропологическим. В описанных выше условиях — запутанных указаний от руководителей и стремлении сократить свою нагрузку — сотрудницы опеки вырабатывают несколько этапов проверки жалобы на её соответствие «настоящей» цели их работы.

Коммуникация в отделе опеки и попечительства

При поступлении в отдел жалобы внимательно рассматриваются на предмет их соответствия формальным критериям — например, действительно ли адресатом

¹ Сотрудники по крайней мере еще четырех опек, соседствующих в пределах одного района, намеренно стараются «держать на контроле» удобное для выше-стоящих инстанций и для них самих количество проблемных семей. Это количество, как правило, колеблется в районе 20–25 семей на 100 000 населения. По мнению сотрудников, если семей будет больше, то это вызовет вопросы о неблагополучной ситуации в муниципалитете. Если же количество семей будет меньше, то отдел опеки рискует получить комментарии о своей неэффективной работе («недовыявляли», по выражению одной из сотрудниц).

являются органы опеки. Сократить количество жалоб уже «на входе» сотрудникам помогает перенаправление гражданина в другие инстанции: например, в суд или полицию. Если к обращению гражданина есть возможность привлечь другие службы, сотрудницы опеки обязательно ею воспользуются. Еще одним способом уменьшить количество обращений является быстрый формальный ответ на письменное или устное обращение, настолько изобилующий ссылками на законодательство и бюрократическими формулами, что граждане, не обладая такими же отточенными навыками чтения подобного типа письма, не имеют возможности продолжить переписку.

Тем не менее этот способ сокращения работы требует от сотрудниц и некоторой осторожности, так как многие обращающиеся вполне могут оказаться компетентными, и не только продолжить переписку, но и пожаловаться в вышестоящие инстанции. Важным формальным критерием остается упоминаемая подотчетность другим органам власти. Проверки прокуратуры или администрации района по вопросам рассмотрения жалоб заставляют сотрудниц опеки каждый раз оценивать способность гражданина «пойти выше». Как правило, если такая угроза отсутствует, то сотрудницы могут ограничиться формальным и часто неторопливым ответом в письменной или устной форме. Быстро определить, можно ли «развернуть» посетителя, является одним из поощряемых в коллективе опеки навыком и критерием профессионализма.

В случае если жалоба не была переадресована, а сотрудницы не могут ограничиться формальным ответом, коллектив приступает к активному обсуждению ситуации. Моя возможность зафиксировать большое количество неформальных реакций на обращения была задана именно коллективным характером обсуждения, которое, в свою очередь, является практикой юстировки, определяющей коллективный характер бюрократического действия. Как отмечал антрополог Бернардо Зака, одна из существенных особенностей работы низовых бюрократов заключается в том, что они «не работают одни»: «Они обмениваются приветствиями, шутками и историями друг с другом; они задают друг другу вопросы и обращаются друг к другу за эмоциональной поддержкой и советом; они поощряют, бросают вызов и осуждают друг друга...» (Zacka 2017: 154)¹. Коллективный способ коммуникации с гражданами является базовым для сотрудниц опеки, так как ответы на обращения всегда отправляются от имени всего отдела. Несмотря на то, что жалобы распределены между сотрудниками по принципу их специализации в отделе — кто-то отвечает на жалобы относительно неблагополучных семей, кто-то о недееспособных гражданах, а кто-то о детях-сиротах — каждая из сотрудниц знает, чем занимается другая, благодаря непрекращающимся в течение рабочего дня разговорам. Хорошим тоном в коллективе при поступлении жалобы считается выражение своего мнения по поводу текста. Несмотря на то что сотрудницы находятся в разных кабинетах (три сотрудницы в одном и две в другом), часто они собираются в одном из них, чтобы обсудить тот или иной случай.

Джоди Сандфорд, исследующая теорию и практику предоставления социальных услуг, подчеркивает некоторую изолированность низовых бюрократов от внешней среды и устойчивость в отношении новых политических директив. В частности, она приходит к выводу, что низовые бюрократы при принятии решений на местах руководствуются в основном коллективными практиками или, как называет их автор

¹ Указание на цитату и перевод приводится из неопубликованной магистерской диссертации Александры Захаровой о повседневности сельских бюрократов, защищенной на факультете антропологии ЕУСПб в июне 2022 г.

статьи, «схемами», которые сотрудники разрабатывали для осмысления своей повседневной работы. В тех случаях, когда инициативы руководителей соответствовали этим коллективным схемам, бюрократы находили разумным подчиняться новым указаниям. Однако в случае, когда новые идеи представлялись работникам не соотносящимися с реалиями их повседневных практик, это провоцировало бюрократов на создание таких схем, которые давали бы им право не заниматься поставленной задачей и использовать свое рабочее время на выполнение того, что они сами считают важным (*Sandfort 2000*). Таким образом, сотрудницы опеки в ходе коллективных обсуждений производят и поддерживают подобные схемы.

Как было показано выше, жалобы, несмотря на их разнообразие, касаются повторяющихся ситуаций и проходят процедуру классификации внутри коллектива. Процесс классификации помогает быстро соотнести ту или иную жалобу с уже знакомой ситуацией. Так одна из сотрудниц отметила между делом: «*Все, знаешь, заходят и говорят — у меня такая особенная и сложная ситуация! Вот они все так говорят! У людей же это все в первый раз. А мы одно и то же слушаем*» (Полевой дневник, 11.11.2021).

Повторяющиеся жизненные истории провоцируют сотрудниц вырабатывать стандартные реакции, которые становятся принятыми в коллективе. Это поддерживается как самой практикой обсуждения, так и особой лексикой — своего рода локальным профессиональным жаргоном, с помощью которого маркируются похожие между собой ситуации. Например, в случае родительских жалоб принято говорить, что родители «шизнутые» и их «нужно держать за ручку»; в случае жалоб от соседей следует вздохнуть и задать риторический вопрос: «Что им всем надо?». С одной стороны, постоянная работа по классификации и сведению к единому образцу подчас совершенно разных по содержанию жалоб могут задаваться недостатком времени и ресурсов. С другой стороны, палитру этих стандартных реакций в значительной степени задаёт руководительница отдела, и именно из её лексикона заимствуется большинство языковых формул, которыми принято выражать своё мнение. Остальные сотрудницы быстро усваивают этот набор реакций, пользуясь им в повседневных делах.

Документооборот отдела устроен таким образом, что каждая из бумаг, входящая и исходящая, проходит через стол руководительницы. Зная это, часто сотрудницы ещё на этапе обсуждения, не приступив к написанию ответа, пытаются выяснить, какую реакцию на жалобу следует выразить, чтобы не переписывать исправленный руководительницей ответ. Часто сама начальница приходит в соседний кабинет, чтобы высказать своё мнение и выслушать мнение сотрудниц. В процессе обсуждения сотрудницы и руководительница вырабатывают общую стратегию ответа на обращение: на какое из них возможно «отписаться», а на какое обратить внимание и выйти в адрес.

Устойчивые границы коллектива также поддерживаются и с внешней стороны. Несмотря на тесные контакты с другими органами вроде полиции, суда или соседними отделами опеки, сотрудницы этого коллектива редко обращаются за помощью к своим коллегам, предпочитая принимать самостоятельные решения, что также поощряется руководительницей. Разделяемое сотрудниками убеждение в том, что только они могут принимать «по-настоящему верные» решения, также проистекает из практик коллективных обсуждений «неправильных» действий других отделов опеки, «бестолковых» обращений граждан и противоречивых решений руководства.

Цель работы в понимании сотрудниц

Так или иначе, несмотря на выработанные механизмы по сокращению своей работы, а также принятые в коллективе способы реакции на обращения граждан, мои полевые наблюдения показывают, что у сотрудниц опеки существует и другая объяснятельная модель, соотносящаяся с представлениями о «настоящей» работе, которая рационализирует их нежелание разбираться с жалобами на шум или бывшего супруга/супругу. Эта «настоящая» цель — защита тех детей, которые оказались без взрослых, когда ни один из родителей или родственников не может им помочь (например, если родители ребенка употребляют алкоголь или наркотики). В этом случае, считают сотрудницы, ребенок действительно оказывается без *опеки*, и именно они в этот момент берут опеку над ним, выступая, тем самым, в качестве «временно-го родителя». В один из приёмных дней руководительница отдела, пытаясь предотвратить появление письменной жалобы на бывшую супругу от разъярённого отца, специально отметила: «Вы просто, может быть, не понимаете, чем в принципе занимаются органы опеки? Мы занимаемся *детьми-сиротами и недееспособными*. У вас дети не остались без родительского попечения» (Полевой дневник, 25.05.2022).

Исследования социальных работников, учителей, полицейских иллюстрируют многочисленные примеры так называемой «позитивной дискриминации», которая используется для оказания помощи тем людям, которых низовые бюрократы считают наиболее нуждающимися или заслуживающими внимания (Goodsell 1981; Vinzant et al. 1998; Maynard-Moody, Musheno 2003). Низовые бюрократы могут использовать профессиональный опыт и собственное представление о целях своей деятельности не только для сокращения работы, но и в интересах клиентов¹.

Описанные выше противоречия в запросах разных групп к сотрудникам органов опеки, а также рассмотренные ситуации обращения сотрудниц с жалобами помогают определить, что механизм «позитивной дискриминации» работает у них в первую очередь для группы детей, оказавшихся без попечения родителей. Сотрудницы в ответ на заявления неизменно обращают внимание на дефицит времени для работы с теми жизненными ситуациями, когда должна выполняться их «настоящая» задача как органов опеки и попечительства. Так, одна из сотрудниц буквально отождествляет коллектив, цель своей работы и группу детей, к которым приложены основные усилия: «*И вообще мы типа дети-сироты. Ну, то есть оставшиеся без попечения*» (Полевой дневник, 15.06.2022).

В повседневности отдела случаи, при которых сотрудникам нужно срочно выехать на помочь ребенку, оказываются в меньшинстве. Часто трудовые будни могут быть вполне свободными, и сотрудницы посвящают время разговорам, чаепитиям или интернет-серфингу. В то же время в эти не особо загруженные дни они всё равно будут стараться отсеивать максимальное количество жалоб и «разворачивать» граждан. До известной степени такую специфику рабочего времени можно сравнить с работой пожарных, ожидающих чрезвычайной ситуации, которая может возникнуть в любой момент и на которую необходимо будет немедленно отреагировать.

¹ Номинация тех, с кем работают низовые бюрократы, как «клиентов» характерна для англоязычных стран. В отделе опеки сотрудницы никогда не пользовались этим словом. Это требует отдельной рефлексии о бюрократическом языке и том, что слово «клиент» будет характерно для тех мест, где происходит получение услуг по законам рынка, а не от государственных бюрократических учреждений.

Продолжая эту аналогию, и в случае работы опеки, и в случае работы пожарных, можно сказать, что профессиональная деятельность этих групп связана со спасением человеческих жизней. Более того, в случае опеки речь идёт о жизни детей, что даёт коллективу социальную санкцию на самостоятельные действия с целью оказания помощи особенно ценной категории населения. Этот «карт бланш» позволяет сотрудникам эффективно управлять своим временем. Возможность проводить рабочий день в режиме ожидания срочного дела и «защита» от нежелательных обращений через грубость, игнорирование и «разворачивание» граждан представляется коллективу опеки справедливой (*Kelly 1994*).

В самом начале полевого исследования руководительница учила меня «правильно» распоряжаться своим статусом сотрудницы опеки. В частности, она предлагала миновать любые очереди в бюрократических учреждениях с помощью демонстрации удостоверения и громкого сообщения всем присутствующим о том, что я занимаюсь детьми-сиротами (что лишь иногда было правдой). Такой ход достаточно часто используется для прекращения нежелательных разговоров с гражданами или обвинений в формальных ответах. В ходе беседы или переписки сотрудница постоянно в разных формах акцентируют внимание на понимаемой как единственно правильной для них цели работы: «*Мы работаем с теми, у кого нет родителей*». Подобный аргумент, как правило, достаточно быстро прекращает диалог между ними и жалобщиком — граждане, будто стесняются отнимать рабочее время у сотрудниц.

Можно предположить, что постоянно сосредотачивая внимание на отдельной категории детей, которые оказываются в опасном положении без близких (дети-сироты, дети, чьи родители подвергают их жизни опасности), сотрудницы коллектива опеки разделяют представление о своей миссии. Миссия, которая понимается в данном случае как предназначение организации, оказывается сопряжена с высоким моральным статусом деятельности по защите детей, оказавшихся в уязвимом положении.

Известные мне зарубежные исследования представлений сотрудников систем защиты детей в США и Великобритании об их профессиональной миссии показывают непротиворечивый набор высказываний — как правило, все сотрудники в интервью подчеркивают гуманистический характер высшей цели своей работы. Почти все сотрудники, с которыми разговаривали исследователи, в качестве мотивации выбора профессии ссылались на желание «защищать детей», «делать мир лучше», «служить обществу» (*Rycraft 1994; Busch, Folaron 2005; Bell 2020*). Однако ни одна из сотрудниц опеки во время моей полевой работы не мотивировала индивидуальный выбор профессии альтруистическими соображениями — заботой о благе детей, желании предотвратить преступления в их отношении и т.п. Объяснять свою работу подобными вещами в коллективе не принято.

В один из дней руководительница попросила всех сотрудниц заполнить анкету, присланную из Комитета по социальной политике. Анкета содержала вопросы об удовлетворенности рядовых сотрудников опеки своей работой. Один из вопросов был сформулирован следующим образом: «Чувствуете ли вы значимость своей работы, которая связана с защитой прав и интересов детей?». Этот пункт анкеты вызвал особенно яркую реакцию сотрудниц, которые в ироническом ключе обсуждали несоответствие своего высокого профессионального предназначения и заработной платы.

Намеренное избегание толкования своей деятельности как работы, связанной с производством общественного блага, со спасением людей, может также объясняться

принятым в коллективе противопоставлением себя и чуждого реальной работе низовых бюрократов витиеватого языка официальных документов — затрудненного к пониманию, сдобренного перечислениями задач и полномочий, трудно исполнимых в реальной практике. Несколько сотрудникам опеки после года работы предстояло пройти процедуру государственной аттестации, в рамках которой представитель Комитета по социальной политике в присутствии комиссии должна была задавать вопросы относительно законодательной базы и процессов работы. Проработав почти год, одна из сотрудниц за неделю до экзамена впервые ознакомилась с теми документами, которые регламентируют её деятельность. В числе этих документов был часто цитируемый в официальных бумагах закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации»¹.

Сотрудница вслух вычитывала положения этого закона, как бы приглашая других оценить высокую миссию работы коллектива: «... *И ещё! Содействие физическому, интеллектуальному, психическому, духовному и нравственному развитию... воспитанию патриотизма и гражданственности, а также реализации личности ребенка в интересах общества и в соответствии с... традициями народов Российской Федерации, достижениями российской и мировой КУЛЬТУРЫ! Охренеть, вот я даже не знала, что у меня такая важная работа!*» (Полевой дневник, 15.11.2021).

Ирония в отношении декларируемых в официальных документах целях и миссии работы органов опеки служит сотрудникам еще одним способом юстировки, своеобразным противопоставлением себя как гражданам, так и вышестоящим инстанциям. Сотрудницы выполняют работу, которая, по их мнению, никогда не закончится, так как часть родителей постоянно не будут справляться с воспитанием детей. Специфика работы может быть понята исключительно при наличии «низовой» экспертизы, которой обладают только сами сотрудницы.

Заключение

Стремление в публичном дискурсе приписать бюрократам равнодушие и безразличное отношение к индивидуальным судьбам часто игнорирует представления самих бюрократов о «настоящей» цели их работы, а также повседневные практики и условия труда. Тем не менее оказывается проблематично разделить две установки, сосуществующие в коллективе опеки. Намеренное игнорирование отдельных категорий жалоб, грубость в отношении граждан, формальные ответы продиктованы удобной для отдельного сотрудника безличностью бюрократической системы и индивидуальным желанием освободить своё рабочее время. Подобные характеристики вполне оправданно закрепились в стереотипном представлении о работе низовых бюрократов.

Одновременно, эта же грубость и «формализм» определяется представлением коллектива опеки о том, что рабочее время и эмоциональные ресурсы следует сохранить на те обращения, которые соответствуют «настоящей» цели функций коллектива — защиты детей, оставшихся без родителей и близких взрослых. Социально поощряемая деятельность по защите детей, которые могут рассчитывать лишь на помошь государственных органов, позволяет сотрудникам опеки эффективно распоряжаться своим временем, рационализируя бездействие, грубость и формальные от-

¹ Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» от 24.07.1998 N 124-ФЗ.

веты по другим категориям жалоб через высокий моральный статус работы с детьми без взрослых — «настоящей» работой, которая может возникнуть в любой момент. При этом в самом коллективе не принято обсуждать свою деятельность в терминах миссии охраны детства или альтруистического производства общественного блага.

На мой взгляд, именно юстировка при ответах на жалобы позволяет сотрудникам в ходе коллективного обсуждения вырабатывать как общие ценностные координаты, так и формулировать «настоящую» цель своей работы. Ситуация неопределенности целей и задач, возложенных на органы опеки, как на уровне законов, так и на уровне получателей их услуг, заставляет коллектив опеки вырабатывать собственные реакции и взгляды. Они, в свою очередь, помогают им быстрее классифицировать ситуацию и настроить внутри коллектива единый подход к тому, что может предполагать разные индивидуальные трактовки.

Источники и материалы

Полевой дневник — Полевой дневник автора, 2020–2022 гг.

Научная литература

- Глазанова Е., Руднева Е.* Социолингвистический опрос о понятности официального языка: принципы типизации ответов // Активные процессы в современном русском языке: национальное и интернациональное / отв. ред. Рацибурская Л. В. М.: Флинта. 2021. С. 166–174.
- Козлова Н., Сандомирская И.* «Наивное письмо» и производители нормы // Вопросы социологии. 1996. № 7. С. 152–186.
- Рыкун А., Южанинов К.* Профилактика социального сиротства: институциональные и дискурсивные аспекты // Журнал исследований социальной политики. 2009. Т. 7. № 2. С. 241–260.
- Утехин И.* Из наблюдений над поэтикой жалобы // Studia Ethnologica: Труды факультета этнологии. 2004. № 2. С. 274–305.
- Шпаковская Л., Кулмала М., Чернова Ж.* Идеальная организация заботы о детях, оставшихся без попечения родителей: реформа системы защиты детей как борьба за ресурсы и признание // Laboratorium: Журнал социальных исследований. 2019. № 1. С. 57–81. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2019-11-1-57-81>
- Barzelay M.* The New Public Management: Improving Research and Policy dialogue. New Work: University of California Press, 2001. 218 p.
- Bell L.* Exploring Social Work: An Anthropological Perspective. Bristol: Bristol University Press / Policy Press. 160 p. <https://doi.org/10.2307/j.ctvwcjh2p>
- Busch M., Folaron G.* Accessibility and Clarity of State Child Welfare Agency Mission Statements // Child Welfare. 2005. P. 415–430.
- Chun Y., Rainey H.* Goal Ambiguity and Organizational Performance in US Federal Agencies // Journal of Public Administration Research and Theory. 2005. Vol. 15. No. 4. P. 529–557. <https://doi.org/10.1093/jopart/mui030>
- Ferguson H.* Protecting Children in Time: Child Abuse, Child Protection and the Consequences of Modernity. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2004. 262 p.
- Goodsell C. T. (ed.)*. The Public Encounter: Where State and Citizen Meet. Bloomington: Indiana University Press, 1981. 267 p.
- Gupta A.* Red Tape: Bureaucracy, Structural Violence, and Poverty in India. London: Duke University Press, 2012. 368 p.
- Kelly M.* Theories of Justice and Street-Level Discretion // Journal of Public Administration Research and Theory. 1994. Vol. 4. No. 2. P. 119–140. <https://doi.org/10.1093/oxfordjournals.jpart.a037201>

- Khlinovskaya-Rockhill E.* Lost to the State: Family Discontinuity, Social Orphanhood and Residential Care in the Russian Far East. New York: Berghahn Books, 2010. 336 p.
- Lipsky M.* Street-Level Bureaucracy: Dilemmas of the Individual in Public Service. New York: Russell Sage Foundation, 2010. 300 p.
- Maynard-Moody S., Musheno M.* Cops, Teachers, Counselors: Narratives of Street-Level Judgment. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2003. 216 p. <https://doi.org/10.3998/mpub.11924>
- Meyers M. K. et al.* Street-Level Bureaucrats and the Implementation of Public Policy // The Handbook of Public Administration, ed. by J. Rabin, W. Bartley Hildreth and G. J. Miller. Middletown: Taylor&Francis. 2007. P. 153–163.
- Muravyeva M. et al.* The Culture of complaint: approaches to complaining in russia-an overview // Laboratorium. Журнал социальных исследований. 2014. Т. 6. № 3. С. 93–104;
- Rycraft J.* The Party Isn't Over: The Agency Role in the Retention of Public Child Welfare Case-workers // Social Work. 1994. Vol. 39. No. 1. P. 75–80.
- Sandfort J.* Moving Beyond Discretion and Outcomes: Examining Public Management from the Front Lines of the Welfare System // Journal of Public Administration Research and Theory. 2000. Vol. 10. No. 4. P. 729–756.
- Vinzant J., Denhardt J., Crothers L.* Street-Level Leadership: Discretion and Legitimacy in Front-Line Public Service. Washington: Georgetown University Press, 1998. 185 p.
- Zacka B.* When the State Meets the Street: Public Service and Moral Agency. Cambridge: Harvard University Press, 2017. 337 p.

References

- Barzelay, M. 2001. *The New Public Management: Improving Research and Policy Dialogue*. New York: University of California Press. 218 p.
- Bell, L. 2020. *Exploring Social Work: An Anthropological Perspective*. Bristol: Bristol University Press / Policy Press. 160 p. <https://doi.org/10.2307/j.ctvwcjh2p>
- Busch, M. and G. Folaron. 2005. Accessibility and Clarity of State Child Welfare Agency Mission Statements. *Child Welfare*: 415–430.
- Chun, Y. and H. Rainey. 2005. Goal Ambiguity and Organizational Performance in US Federal Agencies. *Journal of Public Administration Research and Theory* 15(4): 529–557. <https://doi.org/10.1093/jopart/mui030>
- Ferguson, H. 2004. *Protecting Children in Time: Child Abuse, Child Protection and the Consequences of Modernity*. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 262 p.
- Glazanova, E. and E. Rudneva. 2021. Sociolingvisticheskij opros o ponjatnosti oficial'nogo jazyka: principy tipizacii otvetov [Sociolinguistic Survey on the Comprehensibility of the Official Language: Principles of Typification of Answers]. In Raciburskaja L. V. et al. (eds.). *Aktivnye processy v sovremennom russkom jazyke: nacional'noe i internacional'noe* [Active Processes in the Modern Russian Language: National and International]. Moscow: Flinta. P. 166–174.
- Goodsell, C. T. (ed.). 1981. *The Public Encounter: Where State and Citizen Meet*. Bloomington: Indiana University Press. 267 p.
- Gupta, A. 2012. *Red Tape: Bureaucracy, Structural Violence, and Poverty in India*. London: Duke University Press. 368 p.
- Kelly, M. 1994. Theories of Justice and Street-Level Discretion. *Journal of Public Administration Research and Theory* 4(2): 119–140. <https://doi.org/10.1093/oxfordjournals.jpart.a037201>
- Khlinovskaya-Rockhill, E.* 2010. *Lost to the State: Family Discontinuity, Social Orphanhood and Residential Care in the Russian Far East*. New York: Berghahn Books. 336 p.
- Kozlova, N. and I. Sandomirskaya. 1996. «Naivnoe pis'mo» i proizvoditeli normy [“Naive Writing” and Norm Producers]. *Voprosy sociologii* 7: 152–186.
- Lipsky, M. 2010. *Street-Level Bureaucracy: Dilemmas of the Individual in Public Service*. New York: Russell Sage Foundation. 300 p.

- Maynard-Moody, S. and M. Musheno. 2003. *Cops, Teachers, Counselors: Narratives of Street-Level Judgment*. Ann Arbor: University of Michigan Press. 216 p. <https://doi.org/10.3998/mpub.11924>
- Meyers, M. K. et al. 2007. Street-Level Bureaucrats and the Implementation of Public Policy. In *The Handbook of Public Administration*, ed. by J. Rabin, W. Bartley Hildreth and G. J. Miller. Middletown: Taylor&Francis. 153–163.
- Muravyeva M. et al. 2014. The Culture of complaint: approaches to complaining in russia—an overview. *Laboratorium: Zhurnal sotsial'nykh issledovanii* 6 (3): 93–104.
- Ry kun, A. and K. Yuzhaninov. 2009. Profilaktika sotsial'nogo sirotstva: institutsial'nye i diskursivnye aspekty [Prevention of Social Orphanhood: Institutional and Discursive Aspects]. *Zhurnal issledovanii sotsial'noi politiki* 7(2): 241–260.
- Rycraft, J. 1994. The Party Isn't Over: The Agency Role in the Retention of Public Child Welfare Caseworkers. *Social Work* 39(1): 75–80.
- Sandfort, J. 2000. Moving Beyond Discretion and Outcomes: Examining Public Management from the Front Lines of the Welfare System. *Journal of Public Administration Research and Theory* 10(4): 729–756.
- Shpakovskaya, L., M. Kulmala and Zh. Chernova. 2019. Ideal'naia organizatsiya zaboty o detyakh, ostavshikhsya bez popecheniia roditelei: reforma sistemy zashchity detei kak bor'ba za resursy i priznanie [Ideal Organization of Care for Children Left Without Parental Care: Reform of the Child Protection System as a Struggle for Resources and Recognition]. *Laboratorium: Zhurnal sotsial'nykh issledovanii* 1: 57–81. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2019-11-1-57-81>
- Utehin, I. 2004. Iz nabljudenij nad pojeticoj zhaloby [Observations on the Poetics of Complaint]. *Studia Ethnologica: Trudy fakul'teta jetnologii* 2: 274–305.
- Vinzant, J., J. Denhardt and L. Crothers. 1998. *Street-Level Leadership: Discretion and Legitimacy in Front-Line Public Service*. Washington: Georgetown University Press. 185 p.
- Zacka, B. 2017. *When the State Meets the Street: Public Service and Moral Agency*. Cambridge: Harvard University Press. 337 p.

УДК 39+37

DOI: 10.33876/2311-0546/2023-4/285-297

Научная статья

© Э. Ф. Рязанова

НЕПРЕРЫВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ С ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ КОМПОНЕНТОЙ: НАРРАТИВЫ О СОХРАНЕНИИ НАРОДНЫХ ТРАДИЦИЙ СЕЛЬСКИМИ ЖИТЕЛЯМИ БАШКОРТОСТАНА*

В статье анализируется состояние образования с этнокультурной компонентой в среде взрослого населения Башкортостана. Автор пытается понять, каким образом, педагогический процесс этнокультурного образования в школе продолжается во взрослом жизнью индивида. В качестве объекта изучения выбрано сельское население, поскольку по сравнению с жителями городов у них ограничен доступ ко многим источникам информации (таким как театры, концерты фольклорных коллективов, библиотеки и др.). Быт селян консервативнее и в меньшей степени подвержен модернизации, в то же время очевидно, что современная мобильность населения, технический прогресс и другие нововведения постепенно стирают грань между городом и деревней. Каким образом передаются этнокультурные знания, и как сельское население влияет на сохранение народной культуры и традиций? Большое внимание уделяется процессу межпоколенной передачи информации о традиционных ценностях. На основании глубинных интервью, проведенных во время этнографических экспедиций в Республике Башкортостан в 2021, 2022, и 2023 гг., автор приходит к выводам, что у сельского населения разного возраста есть запросы и инициатива в продолжении получения этнокультурных знаний, при этом село сталкивается с нехваткой квалифицированных кадров и площадок.

Ключевые слова: Башкирия, этнокультурное образование, сельские жители, народная культура и традиции, этнокультурное самообразование

Ссылка при цитировании: Рязанова Э. Ф. Непрерывное образование с этнокультурной компонентой: нарративы о сохранении народных традиций сельскими жителями Башкортостана // Вестник антропологии. 2023. № 4. С. 285–297.

Рязанова Эльвина Фаритовна — к. и. н., научный сотрудник Центра европейских исследований, Институт этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (Российская Федерация, 119334, Москва, Ленинский просп., 32А). Эл. почта: e.ruzanova@iea.ras.ru

* Статья выполнена в рамках Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности 2023–2025 гг. (рук. академик РАН В. А. Тишков). Проект «Общегражданские и этнокультурные ценности в образовании российской молодежи: поиск баланса» (рук. д. и. н. М. Ю. Мартынова).

© Elvina Riazanova

LIFELONG EDUCATION WITH ETHNO-CULTURAL COMPONENT: NARRATIVES ON THE PRESERVATION OF FOLK TRADITIONS BY VILLAGERS OF BASHKORTOSTAN

The article analyzes the education with ethnocultural component in the adult population of Bashkortostan. The author aims to understand how the pedagogical process of ethnocultural education at school continues in the adult life of an individual. The rural population is chosen as the object of study because, compared to city dwellers, they have limited access to many sources of information (such as theaters, concerts of folklore groups, libraries, etc.). Rural life is less subject to modernization; at the same time, it is obvious that modern mobility of the population, technological progress and other innovations are gradually erasing the boundary between the city and the countryside. How is ethno-cultural knowledge transmitted and how do rural people influence the preservation of folk culture and traditions? Much attention is paid to the process of intergenerational transmission of information about traditional values. Based on in-depth interviews conducted during ethnographic expeditions in the Republic of Bashkortostan in 2021, 2022, and 2023, the author concludes that the rural population of different ages is interested in receiving ethnocultural knowledge, while the village faces a shortage of qualified personnel and sites.

Keywords: Bashkiria, ethnocultural education, rural residents, folk culture and traditions, ethnocultural self-education

Author Info: Riazanova, Elvina F. — Ph.D. in Hist., Researcher, the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (Moscow, Russian Federation). E-mail: e.ryazanova@iea.ras.ru

For citation. Riazanova, E. F. 2023. Lifelong Education with Ethno-Cultural Component: Narratives on the Preservation of Folk Traditions by Villagers of Bashkortostan. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 4: 285–297.

Funding: The research was carried out within the Program of fundamental and applied scientific research “Ethnocultural Diversity of Russian Society and Strengthening of the All-Russian Identity”.

Введение. О классическом образовании в России

Немецкий философ Ганс-Георг Гадамер в работе «Истина и метод» обращает свое внимание на понятие «классика». По мнению философа, классические учения обладают невероятном потенциалом, они существуют не только в определенный исторический период, но могут оказать влияние на ход истории в целом (Гадамер 1988). Итак, обращаясь к идеям Г-Г. Гадамера можно определить современное российское общее образование как классическое. Классическое оно, потому что с точки зрения практической педагогики универсально для всех регионов многонациональной Российской Федерации.

Универсальность проявляется в том, что ребенок любой национальности при переезде из своего региона в другой не будет испытывать трудности в обучении и в освоении школьной программы. Единственным различием окажется только наличие или отсутствие предметов по изучению родного языка, если это общеобразовательное учреждение находится за пределами региона (как пример можно привести переход ребенка, у которого родной язык — марийский из республики Марий-Эл условно в Брянскую область, где вероятнее всего будет отсутствовать возможность изучения в школе марийского языка как родного. Однако, не стоит забывать, что во многих регионах РФ имеется широкий выбор в изучении родного языка.

Обращаясь к истории образования на разных языках народов России необходимо упомянуть начало XX века, а именно 1934 г., когда обучение велось на 104 языках. Постепенно руководством СССР был взят курс на процесс русификации, об этом говорит Декрет «Об обязательном обучении русскому языку в школах национальных республик и областей» 1938 г. Поэтапно обучение в школах на родном языке в национальных республиках заменили на обучение на русском, увеличивая учебную нагрузку, предполагавшую большее количество изучения русского языка. Принятый закон «Об образовании» 1959 г. давал право выбора языка обучения родителям для их детей. В 1960-е годы формируется школа с русским языком обучения, где дополнительно преподаются родной язык и литература. Для советского периода истории страны характерно с одной стороны поддержание интереса к этнической идентичности, с другой — повсеместный процесс русификации народов (Мартынова 2021: 329). Возрождение обучения на родных языках началось в 1990-е гг. во всех субъектах Российской Федерации. На сегодняшний день, как говорилось выше, у российского школьника есть выбор в изучении любого родного языка, также в школах преподаются предметы, касающиеся непосредственно особенностей региона. В Республике Башкортостан — эти предметы: история и культура Республики Башкортостан, география Башкортостана.

В данной работе, будет говориться об этнокультурном образовании в Республике Башкортостан. Автор работы не будет рассуждать о законах и законодательных актах в сфере изучения родного языка, а также описывать их. В статье будет анализироваться именно процесс реализации этнокультурного образования среди взрослого населения, проживающего в сельской местности. Эти два критерия выбраны не случайно. Они имеют большой научный потенциал для изучения, так как мало рассмотрены методами классического этнографического исследования. Когда мы говорим об этнокультурном образовании в Российской Федерации, мы опираемся на прежде всего на Конституцию страны, согласно которой «каждому гарантировается свобода литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, преподавания. Каждый имеет право на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям. Каждый обязан заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры» (Конституция РФ, ст. 44). «Государство защищает культурную самобытность всех народов и этнических общностей Российской Федерации, гарантирует сохранение этнокультурного и языкового многообразия (Конституция РФ, ст. 69.2).

Образование этнокультурной направленности считается полноценным педагогическим процессом, предлагающим учащимся изучение этнической культуры того или другого народа в учреждениях дошкольного, общего, дополнительного и профессионального образования. Разумеется, после выпуска из образовательного учреждения процесс

этнокультурного образования не предусматривает его продолжение во взрослой жизни индивида в обязательном порядке. В будущем человек сам определяет для себя в какой мере он будет заниматься самообразованием в меру своих возможностей, жизненных ценностей и приоритетов. Учитывая это, необходимо обратить внимание на развитие образования этнокультурной направленности среди взрослого населения. Более того, традиционные ценности, культура и знание языка неразрывны связаны с коммуникациями внутри семьи. Будет ли знать ребенок башкирский язык зависит в полной мере от того, говорят ли дома на башкирском языке, то же самое относится к знаниям культурных традиций, обычаев и т. д. Что касается второго критерия выбора информантов, живущих в сельской местности, это связано прежде всего с изоляцией данной категории населения от крупных городов и культурных центров. В Уфе, Стерлитамаке, Сибае, Салавате, Туймазах и в других городах республики Башкортостан имеются национальные драматические театры, крупные культурные центры, библиотеки, музеи и галереи. Можно сказать, что горожанин живет в шаговой доступности от культуры и в любое время может посетить, к примеру, концерт ансамбля народного танца им. Файзи Гаскарова тем самым увидеть что-то новое для своего мироощущения и мировоззрения. Этого совершенно нельзя сказать про сельского жителя. Также важен тот факт, что внутренняя миграция молодежи из села в город связывает поколения горожан и селян родственными отношениями. Таким образом, ребенок, находясь во время летних каникул в сельской местности попадает в два разных измерения. Первое — это среда обитания (из города в село), второе — межкультурная коммуникация между поколениями. С этой точки зрения, интересно выяснить какие знания о культуре своего народа и в каком объеме может передать старшее поколение младшему.

В исследовании используются полевые материалы автора, собранные во время этнографических экспедиций в Республике Башкортостан в 2021, 2022, и 2023 гг. Из-за большого массива сведений, собранных в интервью, автор попытается обобщить в данном исследовании два ключевых вопроса:

- каким образом происходит этнокультурное образование среди взрослого сельского населения?
- какие трудности и перспективы у сельского населения в получении образования с этнокультурной компонентой?
- Будут анализироваться ответы информантов, которые живут в некой изоляции от городской массовой культуры, и которые в настоящее время не вовлечены в процессы классического этнокультурного образования. То есть они не посещают профессиональные образовательные учреждения и курсы.

Таблица № 1

Этническая идентичность информантов

Национальность	Количество
Башкиры	25
Русские	23
Татары	12
Удмурты	4
Чуваши	3

В ходе исследования автор провел более 140 интервью. В этом исследовании используются 67 интервью. Информанты были в возрасте от 36 до 68 лет, среди которых было 14 мужчин и 53 женщины. Большинство информантов пенсионеры (43 человека). Этническая принадлежность указана выше в Табл. № 1.

В Диаграмме № 1 представлен уровень образования моих респондентов: имели высшее образование — 7 человек, среднее профессиональное — 45 человек и среднее общее образование — 15 человек.

Диаграмма № 1

Первый вопрос, заданный информантам, выглядел следующим образом: «Вы занимаетесь этнокультурным образованием, если да, то каким образом?» Для тех, кто не мог сразу определиться с термином «этнокультурное образование», автор давал пояснение, что это любые действия, связанные с изучением родного языка, народных традиций и обычаев. Ответы, полученные от информантов весьма неоднородны, но условно их можно разделить на три группы:

- активно принимаю участие в этнокультурном образовании (29 человек);
- частично принимаю участие в этнокультурном образовании (20 человек);
- не принимаю участие в этнокультурном образовании (18 человек).

Автор пытался найти связь между ответами на данный вопрос с уровнем образования информанта, но при дальнейшем полевом наблюдении, оказалось, что уровень образования не играет роли в процессе получения этнокультурных знаний. Проанализируем первую группу, 29 человек, для которых процесс этнокультурного образования является неотъемлемой частью жизни.

Конкурс «Трезвое село» как триггер начала массового этнокультурного образования. Анализ ответов 1 группы респондентов.

Активное участие в жизни села и проявление интереса к культуре и традициям мои информанты связывают с двумя факторами: наличием свободного времени и личным стремлением. Однако после анализа социальных сетей групп жителей сел за последнее пять лет и включенного полевого наблюдения автор пришел к выводу, что массовый интерес к образованию этнокультурной направленности связан с появлением конкурса «Трезвое село». Подробно рассмотрим феномен «Трезвого села».

Конкурс «Трезвое село» был инициирован Правительством Республики Башкортостан в 2011 г. Это просветительский проект, который проводится в форме конкурса. Он направлен на пропаганду трезвого образа жизни, восстановление физического и духовно-нравственного здоровья у жителей сельских поселений Республики Башкортостан. Основная задача конкурса заключается в профилактической работе по борьбе с алкоголизмом. Его подготовка включает в себя агитацию здорового образа жизни, борьбу с продажей контрафактного алкоголя, популяризацию различных видов спорта, в том числе и национальных, а также традиций и обычая народа, населяющих Республику Башкортостан. Конкурс проходит в два этапа: муниципальный и республиканский конкурсы. За каждое мероприятие муниципалитету присуждаются баллы, после чего из каждого района выдвигается населенный пункт-победитель для республиканского конкурса.

Казалось бы, каким образом конкурс, направленный на борьбу с алкоголизмом среди сельского населения, имеет отношение к возрождению и массовому всплеску этнокультурного образования? На практике оказалось, что для участия в проекте нужно придумывать и реализовывать различные мероприятия, для отчета фиксировать их посредством фотографий или видео. Какие мероприятия могли проводить сельские жители? Очевидно, что субботников и экологических акций по уборке села было недостаточно, спортивные мероприятия не пользовались массовостью (кроме занятий скандинавской ходьбой), поэтому начали воспроизводиться традиционные виды искусства, ремесел и занятий. В зависимости от этнического состава населения, начали реализовываться русские, башкирские и другие традиции и обычай.

Для конкурса жителей сел и деревень стали создаваться танцевальные коллектизы и хоры, шились костюмы, организовывались различные тематические посиделки. Далее выяснилось, что национальные костюмы нужно шить по определенным правилам и лекалам, нужно было разучивать комбинации для танцев и искать старинные песни для хора, тематические посиделки делать с этническим уклоном, таким образом начал появляться массовый интерес к традициям и поиск информации. Далее для примера приведу отрывки из интервью, посвященных вопросам как создавались танцевальные и песенные коллективы для участия в конкурсе «Трезвое село».

Говорит женщина 60-ти лет, по национальности башкирка:

— «Трезвое село очень повлияло. Все кинулись изучать, что-то придумывать, интерес какой-то появился общий, сначала мало было людей в коллективе, теперь все больше. Мы вот танец, помню, учили как. У Насимы внучка учится в колледже искусств, она приезжала нас всех учила, показывала движения. А из другой деревни к нам уже приезжали учиться женщины танцевать. У нас еще спор был, учить их или нет, все-таки конкуренты. Но потом подумали, это же общее башкирский танец, пусть все правильно танцуют» (ПМА 1).

Другой отрывок из интервью женщины 63 лет, по национальности русская:

— «Мы песни поем старинные, у Ольги бабка знала, но бабка была мариейкой, поэтому у нас песни с каким-то мариискими напевами или смыслом, мы особо не разбирали. Программу составляли тщательно, искали народные песни по районам, даже песенник какой-то нашли. Получается у нас не просто хор, а с изюминкой хор, мы не поем всем известные песни» (ПМА 2).

Мнение женщины 49 лет, по национальности татарка:

– «По сути мы вернулись к истокам. Так жили наши бабушки и дедушки, мы вернулись к этим традициям. Раньше ведь принято было проводить «каз омэ» (сбор подруг для очистки гусей от пуха и пера). Сейчас мы тоже занимаемся этим, ходим к друг другу в гости, помогаем сначала с делами, потом пьем чай, а если в национальных костюмах это все, еще веселее все» (ПМА 3).

Данные слова и анализ других интервью показали, каким образом начался процесс этнокультурного обучения. Участие разных коллективов в конкурсе запустил процесс копирования знаний в тех или иных сферах (будь это костюм, танцы или песни). Начал происходить массовый поиск информации по недостающим сюжетам, далее полученные знания обмениваются между собой и выходят за рамки определенного населенного пункта. Различного рода собрания создают атмосферу дружественных социальных связей и становятся повседневными практиками среди взрослого населения. На посиделках, посвященных воспроизведению народного искусства: ковроткачеству, лоскутному шитью, вязанию или валянию шерсти происходит так же обмен знаниями. Обычно одна из мастерниц учит других женщин, далее знания могут передаваться от матери к дочери. Получается, что мы можем говорить о коллективном народном сохранении традиций и обмене информации.

Этнокультурное самообразование

В ходе беседы с информантами из первой группы оказалось, что многие из них занимаются этнокультурным самообразованием. Связано это с тем, что в маленьких сельских поселениях отсутствует либо плохо представлена культурно-досуговая образовательная работа с взрослым населением. У одной моей информантки внутренняя потребность в изучении башкирской культуры совместно с занятиями рукоделием стала результатом создания домашнего музея «Башкирская крестьянская изба» (Рис. 1).

В коллекции ее музея можно обнаружить не только самодельные вещи из быта

Рис. 1. Музей. Август, 2023. Фото Рязановой Э. Ф.

башкирской избы, но и старинные элементы башкирского национального костюма, антикварную кухонную утварь и многие другие предметы, представляющие историческую ценность. Более того музей интересен тем, что он является не хаотичным собранием различных вещей, а в нем прослеживаются навыки экспозиционно-выставочной работы. Вот что рассказывает информантка о музее:

«Я как на пенсию ушла, появилось много времени, я стала больше вязать, шить, изучать башкирский костюм. И как-то однажды пришла идея создать музей, так как вещей стало много и было много странных вещей, что-то от бабушки осталось, от матери, от других родственников. Во дворе одно подсобное помещение я выделила под музей, помещение не отапливается, поэтому на зиму я аккуратно складываю вещи в сундуки и заношу в дом» (ПМА 4).

На вопрос пользуется ли музей популярностью у населения, информантка отвечает следующее:

«Как сказать, наверное, пользуется, на праздники районные Сабантуй и другие администрации деревни и села просит коллекцию для украшения юрты обычно. Раньше не знали, как активно начала выкладывать фотографии в социальные сети, начали приходить смотреть, приезжают иногда с районной или республиканской газеты, чтобы интервью взять» (ПМА 4).

Из данного отрывка интервью становится ясно, что у сельского Дома культуры есть необходимость в реквизитах для украшения праздничной юрты. Учитывая то обстоятельство, что Сабантуй является ежегодным районным праздником, очевидно, что убранства для юрты должны быть в наличии. Их отсутствие указывает на причину, что в сельской местности не хватает профессиональных кадров, исполняющих хотя бы частично музейную работу. Более того, во многих башкирских деревнях и селах краеведческие музеи по сохранению языка и культуры того или иного народа чаще возникают по воле частных энтузиастов.

Во время полевой экспедиции и сбора интервью, автор параллельно занималась видеосъемкой документальных коротких фильмов для фиксации той или иной традиции. Во время проведения одной из съемок посвященных, приготовлению кисломолочного продукта *курут* (*корот*) возникла такая беседа с информантром (далее автор — А, информант — И):

А: «В деревне много людей варят *курут* (*корот*)»?

И: «Человек 7, не больше. Раньше, когда я была маленькая, все самостоятельно изготавливали в каждой семье».

А: «Как думаете, почему сейчас так мало людей готовят *корот*»?

И: «Во-первых, не все корову держат, во-вторых, очень долго это все, сами видите сколько времени уходит. Молодежь нынче ленивая, женщины только моего поколения, пенсионерки только могут позволить столько времени потратить на это все».

А: «А кто вас научил готовить»?

И: «Меня мама моя, мою мама ее мама. И самое забавное, у нас свой семейный секрет, *корот* он у всех хозяек получается разный, потому что в каждой семье есть какой-то секрет изготовления»

А: «А вы передали знания свои»?

И: «Да, дочь моя умеет, но ни разу не готовила при мне, может позже будет заниматься» (ПМА 5). (Рис. 2).

Рис 2. Приготовление корота. Август, 2023. Фото Э. Ф. Рязановой.

Обращаясь ко многим проанализированным интервью, можно проследить закономерность передачи знаний этнокультурного толка внутри одной семьи от старшего поколения к младшему. Массовый интерес к занятиям образованием с этнокультурной компонентой позволяет знаниям не замыкаться в пределах одной семьи. При взаимодействии с другими жителями села происходит обмен информацией, тем самым определённые народные традиции, промыслы и ремесла далее продолжают выполнять свои функции. Получается, что массовое образование дает больший импульс для сохранения объектов нематериальной и материальной культуры.

Интернет как основной источник поиска информации этнокультурных знаний. Анализ ответов 2 группы респондентов

Как говорилось выше, активное участие в этнокультурном образовании информанты объясняют наличием свободного времени. Информанты второй группы, которые связывают свою жизнь с этнокультурным образованием частично, отвечали, что имеющееся у них свободное время и является поводом обращения к культурным ценностям. Данная группа информантов не принимает активное участие в культурной жизни села или деревни. Для них этнокультурное образование носит познавательный характер. Это может быть помочь внукам с выполнением домашнего задания, чтение литературы на родном языке, изучение своего рода (составление шэжэрэ), занятия традиционными ремеслами либо рукоделием.

Большинство информантов указывали на то, что им приходится помогать делать уроки по родному языку своим внукам, писать сочинения, помогать с пересказами, поэтому некоторые из них занимаются поиском знаний в данном направлении. Далее автор — А, информант — И.

А: «Как часто вы используете знания и информацию, касающиеся культурных традиций и обычая?»

И: «Как только сентябрь начинается, так сразу. Внучка обычно прибегает, бабушка помоги. Родители ее в интернете, особо не интересуются такими вещами».

А: «Какими вещами?»

И: «В школе любят задавать разное, то напиши сочинение по эпосу Уралбатыр, то нарисуй костюм правильный на день национального костюма, то придумай сказку на башкирском, и конечно, я это все делаю».

А: «А внучка почему самостоятельно не делает домашние задания?»

И: «Сложно это все делать, сейчас дети современные, в семье говорят только на русском, поэтому я и помогаю».

А: «А вы где берете информацию?»

И: «В интернете ищу, главное нет ничего хорошего, сайта какого-либо, тяжело найти нужную информацию, все по крупинкам» (ПМА 6). (Рис. 3).

Рис 3. Празднование Иваны Купалы на берегу села. Июль, 2023. Фото Рязановой Э. Ф.

Данный отрывок является показательным примером межпоколенческого сотрудничества внучка-бабушка. Другими словами, здесь непосредственно государство мотивирует информанта (старшее поколение) заниматься поиском определенных знаний для помощи внучки (младшее поколение).

Другая информантка рассказывала, что занимается изготовлением нагрудников. В сельской библиотеке она не смогла найти книгу по традиционному башкирскому костюму, поэтому начала искать информацию в интернете, где так же испытала трудность с поиском источников. Следующий, как кажется автору, интересный отрывок из интервью с мужчиной, 42 лет.

А: «Почему вы считаете, что занимаетесь этнокультурным образованием частично?»

И: «Я им не занимаюсь».

А: «А бортничество?»

И: «Однако, если с этой точки зрения смотреть, то получается да. Занимаюсь дедовским способом добычи меда, да больше еще скажу, распространяю знания, сейчас все знакомые мои подтянулись, им тоже интересно, я им показал, рассказал, поделился материалом. Весной обычно вместе заготавливаем борти. Радует меня, что ребята молодые интересуются, занимаются».

А: «А где вы черпаете знания?»

И: «Они со мной, я их не беру, мне дед показывал, потом отец, деду моему его отец, получается из поколения в поколение передавались знания по бортничеству в нашей семье».

А: «А вы не читали книги по бортничеству или может быть, в интернете смотрели ролики на эту тему?»

И: «Нет, Вы что, у меня времени там нет сидеть, да я еще думаю, там нет такой информации, которую только в нашей семье знают, это ведь ценные знания, полученные путем проб и ошибок не одного поколения пчеловодов» (ПМА 7).

Здесь наглядно иллюстрируется принцип получения знаний внутри одной семьи. Информант говорит о том, что делится знаниями о бортничестве и с другими пчеловодами. Иными словами, информант выступает в роли лектора или учителя для начинающих пчеловодов, проводит в неком роде мастер классы для тех, кто хочет изучить азы бортничества.

Все же если этнокультурных знаний недостаточно в рамках одной семьи, информанты занимаются альтернативным способом поиска информации в интернете. Конечно, интернет не может выступать в роли достоверного источника, но он играет одну из главных ролей в воспитании и образовании сельских жителей.

Отсутствие квалифицированных кадров. Анализ ответов 3 группы респондентов

Третья группа информантов, ответившая, что не обращается к этнокультурному образованию разделилась, на две подгруппы. Первая из них совершенно категорично отказывалась от народных традиций и культуры. В своих комментариях информанты отмечали, что у них нет времени заниматься самообразованием такого толка, либо их свободное время отведено на другие повседневные практики. Это может быть садоводство, рыбалка, времяпровождение за просмотром сериалов и передач о политике, чтение детективов и романов, многие другие занятия, не связанные с народными традициями и культурой.

Вторая подгруппа неуверенно отвечала об отрицании занятий этнокультурным образованием. В данной категории ответов и комментариев присутствовало какое-то сожаление и ограниченность в возможностях получения этнокультурных знаний. Для примера можно рассмотреть следующие эпизоды из интервью:

«У нас есть официальный ансамбль, там собирались подружки и поют. Даже не знаю, там такой коллектив, не хочу с ними петь, а петь хочу» (ПМА 8) или «Хочется нормально научится танцевать, красиво, но у самоучек учиться не хочу, кругом сплошная бутафория» (ПМА 9) и последнее «Вы нашего директора клуба видели? Какое там, как вы говорите этнокультурное образование. Конечно, если бы все работало не для галочки, мы бы ходили и в клуб и знания получали бы, но у нас нет такой возможности, администрация не предоставляет ничего для сельских жителей» (ПМА 10).

Данные утверждения в какой-то мере верны, в некоторых деревнях и селах, где проводилось полевое наблюдение, должности в Домах культуры занимают люди без специализированного квалифицированного образования. Такая практика использования «кадров не по назначению» приводит к непрофессионально реализованным программам и к отсутствию квалифицированной образовательной деятельности. Что касается комментария о созданных народных коллективах, то такое явление нужно рассмотреть с двух сторон. Как правило, коллектив-ансамбль собирается вокруг определенного лидера, тем самым коллектив. с одной стороны, народный, с другой — это закрытая структура с входом для «своих лояльных лидеру селян и граждан». Наблюдения автора в социальных сетях за различными коллективами, показали, что с течением времени коллектив из официально-дружеской структуры принимает формы близкородственных отношений. Члены коллектива вместе ездят на фестивали, отмечают совместно праздники, проводят огромное количество времени друг с другом. Но такие тенденции характерны для маленьких сельских поселений. При условии, что в селе имеется Дом культуры с преподавателем по пению и танцам, коллективы как правило более разнородны и менее конфликтны. В таком случае можно говорить о том, что происходит централизованное обучение с этнокультурной компонентой.

Выводы

Таким образом, источник приобретения этнокультурных знаний в сельской местности — это, в первую очередь, семья. Все традиции, как правило, передаются из поколения в поколение. К таким компетенциям можно отнести музыкальный и танцевальный фольклор, устное народное творчество, рецепты народной кухни, какие-либо промысловые навыки и умения. Более того из поколения в поколение могут переходить предметы утвари, старинные костюмы и украшения. Однако, это характерно не для всех семей. Современные тенденции индустриализации, избыточность информации и многие другие причины влияют на то, что в семье мало обращаются к этническим традиционным ценностям. В таких семьях преобладают другие принципы и модели образования, а также поведенческие установки.

Еще один способ получения этнокультурного образования — это самостоятельный поиск и инициатива. В таких случаях информант интерпретирует полученные знания самостоятельно. Интересно отметить, что изучение родных языков в школе дает стимул для межпоколенческого общения. Выполнение домашнего задания на тему этнических и народных традиций, проявляет интерес к общению между старшим и младшим поколениями.

В качестве рекомендации важно упомянуть о том, что в сельской местности необходимо более внимательно подбирать профессиональные кадры для работы в Домах культуры. Это должны быть не просто люди со средним специальным образованием по смежным областям знаний, а именно профессионально подготовленные работники с культурно-педагогическим образованием. Необходимы новые механизмы взаимодействия между представителями официальной «культуры» и сельскими жителями. Возможно, это могут быть выездные преподаватели по музыке, танцам, истории и литературе, которые раз в неделю будут проводить занятия и семинары. Такие встречи должны быть на постоянной основе, только тогда этнокультурное образование принесет существенный результат в области воспитания сельского населения,

сохранения духовных ценностей и традиций. В целом, полевые исследования автора показали, что у сельского населения есть запросы и желание заниматься самообразованием и получать знания с этнокультурной компонентой. Более того, в сельских поселениях существуют лидеры и энтузиасты, которые самостоятельно создают этнические музеи, занимаются краеведением, собирают устный фольклор для передачи своих навыков следующим поколениям. В таких случаях, важно проводить этнографические выезды для фиксации и сбора материала.

Источники и материалы

Конституция РФ — Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1.07.2020 г.)

ПМА 1 — Полевые материалы автора. 2022. Жен., 60 лет, башкирка.

ПМА 2 — Полевые материалы автора. 2022. Жен., 63 года, русская.

ПМА 3 — Полевые материалы автора. 2022. Жен., 49 лет, татарка.

ПМА 4 — Полевые материалы автора. 2022. Жен., 65 лет, башкирка.

ПМА 5 — Полевые материалы автора. 2022. Жен., 55 лет, башкирка.

ПМА 6 — Полевые материалы автора. 2022. Жен., 50 лет, башкирка.

ПМА 7 — Полевые материалы автора. 2022. Муж., 42 года, башкир.

ПМА 8 — Полевые материалы автора. 2023. Жен., 64 года, русская.

ПМА 9 — Полевые материалы автора. 2023. Жен., 40 лет, татарка.

ПМА 10 — Полевые материалы автора. 2023. Жен., 49 лет, башкирка.

Научная литература

Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской Герменевтики / пер. с нем. / общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. 704 с.

Мартынова М. Ю. Язык и идентичность сквозь призму Российского школьного образования // Язык и идентичность: антропологическое исследование ситуации в России / отв. ред. М. Ю. Мартынова. Москва: ИАЭ РАН, 2021. 620 с.

References

Gadamer Kh.-G. 1988. *Istina i metod: Osnovy filosofskoi germenevtiki* [Truth and Method: Foundations of Philosophical Hermeneutics]. Moscow: Progress. 704 p.

Martynova M. Yu. 2021. *Yazyk i identichnost skvoz prizmu Rossiiskogo shkolnogo obrazovaniia* [Language and Identity through the Prism of Russian School Education]. In *Yazyk i identichnost: antropologicheskoe issledovanie situatsii v Rossii* [Language and Identity: An Anthropological Study of the Situation in Russia], ed. by M. Yu. Martynova. Moscow: IEA RAN. 620 p.

УДК 39+37

DOI: 10.33876/2311-0546/2023-4/298-315

Научная статья

© Е. А. Сорокина

ШКОЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ЧАСТЬ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ: ОПЫТ ШВЕЦИИ*

Образование, его качество и доступность являются важными показателями социально-политического состояния и развития экономики, общества, уровня жизни населения любого государства. Шведское образование и образовательная политика представляют собой важный компонент как общегосударственной социальной политики, так и политических программ каждой из партий страны. Очевидно, что хорошо образованные профессионалы, работающие в самых разных сферах жизни и деятельности, представляют собой драйвер экономики и успешного развития общества в целом. Признание равных прав для всех граждан и проживающих в стране на получение образования обязывает государство обеспечивать возможности его получения. В Швеции существует государственное обеспечение образования, которое представляет собой важную часть не только традиционной шведской культуры, но и социально-политической стратегии страны в целом. Действуют разработанные школьные программы по учебным предметам и специальные профессиональные программы на гимназической ступени. В школьной политике и практике также осуществляются принципы поддержки шведских этнических меньшинств, политики интеграции по отношению к мигрантам.

Ключевые слова: школьное образование, учебные программы, этнические меньшинства, языковое обучение, интеграционная политика, молодежь, мигранты

Ссылка при цитировании: Сорокина Е. А. Школьное образование как часть стратегии развития: опыт Швеции // Вестник антропологии. 2023. № 4. С. 298–315.

UDC 39+37

DOI: 10.33876/2311-0546/2023-4/298-315

Original article

© Elena Sorokina

SCHOOL EDUCATION AS PART OF THE DEVELOPMENT STRATEGY. THE EXPERIENCE OF SWEDEN

Education, its quality and accessibility are important indicators of the socio-political development of the economy, society, the standard of living in any country. Swedish education and educational policy are an important component of both na-

Сорокина Елена Анатольевна — к. и. н., старший научный сотрудник Центра европейских исследований, Институт этнологии и антропологии РАН (Российская Федерация, 119334 Москва, Ленинский проспект, 32А). Эл. почта: 119019@mail.ru

* Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН.

tional social policy and political programs of all parties in the country. It is obvious that well-educated professionals working in various spheres drive the economy and provide the successful development of society as a whole. Recognition of equal rights to receive education for all citizens and residents of the country obliges the state to provide relevant opportunities. In Sweden, state provision of education is an important part not only of traditional Swedish culture, but also of the entire socio-political strategy of the country. Curriculums are designed for schools and special professional programs are developed for the gymnasium level. The principles of support for Swedish ethnic minorities and integration policies towards migrants are applied both in school policy and in practice.

Keywords: School education, curricula, ethnic minorities, language education as an element of integration policy, youth, migrants

Author Info: Sorokina, Elena A. — Ph.D. in History, Senior Researcher at the Center of European Studies, the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (Moscow, Russian Federation). E-mail: 119019@mail.ru

For Citation: Sorokina, E. A. 2023. School Education as a Part of the Development Strategy. The Experience of Sweden. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 4: 298–315.

Funding: The study was carried out as a part of the research plan of the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology.

В современной жизни роль и значение хорошо образованных, грамотных, профессиональных специалистов, необходимых для успешного существования общества, очень велико. Профессионалы высоко ценятся и востребованы в различных сферах экономики, производства, общественной и культурной жизни любой страны, в том числе и Швеции. Качественное образование, которое здесь получает молодое поколение (обязательное среднее, полное гимназическое, профессиональное, высшее) является важным и необходимым ресурсом стабильного экономического и социального развития государства. Хорошее современное образование молодого поколения, как и доступность образования для любого жителя, являются важнейшими показателями качества и уровня жизни населения.

Очевидно, что, признавая равенство прав всех жителей страны, в том числе и мигрантов, на получение образования, государство берет на себя определенные обязательства по обеспечению необходимых и достаточных условий для успешного и стабильного функционирования всей системы образования, в частности, дошкольного и школьного уровней. Вопросы подготовки и осуществления школьных реформ, реорганизации повседневной жизни учебных заведений нередко становятся предметом обсуждений депутатов на различных заседаниях риксдага и его профильных комиссий. Правительство страны и риксдаг несут ответственность за стабильное и успешное функционирование школьной системы образования (Isaksson 2012: 24).

Вопросы качественного и современного образования молодого поколения востребованы обществом и находят свое отражение в политических программах шведских политических партий и различных политических сил. Практически все политические партии имеют собственные молодежные союзы, ориентированные на привлечение в свои ряды новых молодых членов, которые впоследствии будут работать в интересах

данной политической структуры. В их числе Союз шведской социал-демократической молодежи (СДПШ), Умеренный союз молодежи (Консервативная партия), союз молодежи Партии Центра (партия Центра), Союз либеральной молодежи (Народная партия), Христианско-демократический союз молодежи (Христианско-демократическая партия), Молодые шведы (молодежная организация партии Шведские демократы).

Разнообразные социально-политические стратегии шведских властей, в том числе касающиеся и сферы образования, реализуются в рамках действующих концепций социального государства. Такая модель предполагает проведение различных мероприятий, в числе которых перераспределение доходов через налоги и эгалитарный подход к гражданам, стремление к достижению максимальной трудовой занятости и к консенсусу гендерного паритета на рынке труда, открытая и доступная система социального страхования и здравоохранения, возможности получения разнообразного образования. Для населения страны важное практическое значение имеет государственная политика (*familjepolitik*), направленная на оказание разнообразной поддержки семьям с детьми, в рамках которой происходит реализация соответствующих государственных социальных программ. Государственная образовательная политика, как и вся система образования в целом, является важной частью шведской общегосударственной социальной политики. В обществе существует понимание того, что хороший уровень образования, как среднего (и общего, и профессионального), так и высшего, является важным элементом для успешной реализации всей концепции государства благосостояния (*welfare state*). Политика шведских властей в области школьного образования направлена на реализацию целей и задач концепции консенсуса политических и социальных сил по стратегии развития, что предполагает, в числе прочего, тесное взаимодействие социально ориентированных проектов с инновационными направлениями развития (Социальная Европа 2011: 300).

Структура школьного образования

Три центральных государственных органа осуществляют деятельность по работе, контролю и развитию шведской школьной системы образования: Государственная школьная инспекция (*Skolinspektionen*), Государственное управление школ и школьного образования (*Skolverket*) и Государственное управление специальной педагогики и школ для учащихся с особыми потребностями (*Specialpedagogiska skolmyndigheten*). В сферу деятельности школьной инспекции (*Skolinspektionen*) входит проведение регулярных проверок качества обучения в школах по всей стране, а также контроль за соблюдением закона о запрете дискриминации и различных негативных форм обращения с детьми и учащимися, которые унижают их достоинство.

Государственное управление школ и школьного образования (*Skolverket*) занимается подготовкой учебных программ, методических материалов, а также контролем за использованием государственных ассигнований, дотаций и грантов в образовательной сфере. Государственное управление специальной педагогики (*Specialpedagogiska skolmyndigheten*) курирует работу с детьми, подростками, а также и взрослыми, имеющими специальные (особые) потребности из-за функциональных ограничений. Основной целью деятельности этого управления является создание для таких детей, подростков и взрослых равных возможностей для их развития и получения ими образования.

Достижение определенного политического, социального и экономического уровня становится возможным не только в силу социально-экономических предпосылок, но и существующих издавна и признанных в обществе традиций распределения полномочий между центральными и местными (локальными, муниципальными) органами власти, а также политического диалога между различными политическими силами и партиями. Как можно будет увидеть далее, такое распределение полномочий в полной мере относится и к деятельности школ, контроль за работой которых находится в ведении муниципалитетов. Со стороны муниципалитетов осуществляется и практическое финансирование школ, расположенных на их территории. Разработка целей и задач, конкретных школьных программ осуществляется на центральном уровне и под эгидой Государственного управления школ и школьного образования (*Skolverket*).

Подготовленные и одобренные школьные учебные планы и учебные программы являются едиными для всех учебных заведений страны. Независимо от региона, где расположена школа, и степени удаленности от центра существуют единые требования к ученикам и к качеству учебного процесса, единая система оценки знаний (Larsson 2012: 123). Контроль со стороны муниципальных властей осуществляется не только за расходованием выделенных финансовых средств, но и за исполнением учебных планов, методических указаний и за деятельность школ в целом (Larsson 2012: 10). Современная система школьного образования сложилась в 1990-е годы, когда была осуществлена децентрализация управления средним школьным образованием и многие функции управления и контроля были переданы на региональный, локальный уровень, т. е. на уровень муниципалитетов. Специалисты неоднозначно оценивают такую реорганизацию, но данная система действует и в настоящее время. По мнению ряда специалистов, школьные реформы 1990-х годов, способствовавшие децентрализации школьного образования, в целом имели неоднозначные и, в ряде случаев, довольно негативные последствия. По некоторым оценкам они даже привели к определенному снижению уровня подготовки учеников (Кристофф 2020: 3).

На протяжении многих лет в стране действовал Закон об образовании, принятый риксдагом (парламентом) еще в 1986 г. В настоящее время общие направления и задачи деятельности школ закреплены в Законе об образовании, принятом риксдагом в 2010 г. (SFS 2010: 800). На его основе правительство и риксдаг отвечают за организацию школьного образования в стране. Министерство образования и науки, Государственное управление школ и школьного образования (*Skolverket*), созданное в 1991 г., в период реорганизации школьной системы управления, а также депутаты риксдага сосредоточивают внимание на разработке общей концепции обучения, учебных программах и планах. Местные муниципальные власти и действующие школьные управления в коммунах, советы школ (*skolstyrelsen, skol Brå*) осуществляют практический контроль за успешной реализацией программ уже непосредственно в самих школах на местном, локальном уровне. Упомянутое Управление школ помимо основной и гимназической ступени школьного образования контролирует также работу дошкольных учреждений и центров досуга детей.

За условиями соблюдения и реализацией Закона об образовании 2010 г. на практике имеют возможность и право наблюдать не только муниципальные власти, но и сами родители учеников. Разработанный и осуществляемый план деятельности и развития школы, план учебной и внешкольной работы (на подведомственной конкретному муниципалитету территории) утверждается соответствующим муниципальным

собранием. За реализацию такого плана отвечает руководитель — директор муниципальной школы. Директор школы не только координирует работу, но и осуществляет непосредственные контакты с местными органами власти, работает с педагогическим коллективом, детьми и родителями по выполнению плана, занимается вопросами профессиональной ориентации и подготовки молодежи. Как правило, школьный директор имеет в своем подчинении несколько муниципальных школ, расположенных на территории конкретного муниципалитета. У него также есть несколько заместителей, которые непосредственно занимаются различными конкретными и практическими направлениями работы каждой школы. Это могут быть самые разнообразные вопросы, относящиеся к работе школ, к примеру, качество и уровень преподавания, компьютерная грамотность, общественные формы воспитания, учебные занятия и расписание, физическое развитие школьников, вариативность образования, создание для учащихся учебного ландшафта по выбору конкретных направлений продолжения обучения на гимназическом уровне, техническое состояние оборудования.

Вниманию и ответственности заместителей директора школ подлежит решение многочисленных социальных и организационных задач, что необходимо для успешной работы учебных заведений. В сферу их внимания и ответственности также включена и работа по организации законодательно установленного разнообразного питания в школе для учеников, по организации многочисленной хозяйственной и трудовой деятельности школы, в том числе и самих детей на уроках труда, проведение семинаров учителей для повышения их квалификации. Отметим, что помимо директора и его заместителей в школьный управленческий аппарат входят также психолог, медицинский работник, специалист по профессиональной ориентации школьников, что оказывает позитивное влияние на нормализацию микроклимата в коллективе, особенно при большом разнообразии социального и этнического состава учеников.

Общие принципы учебных программ

Обязательное школьное девятилетнее обучение рассчитано на детей от 6 лет (подготовительный класс) до 16 лет, далее следует гимназическая ступень школьного образования. Основной задачей образования является создание условий и возможностей для получения молодыми людьми достаточных, актуальных, современных знаний, а также трудовых навыков, необходимых для жизни и работы в современном обществе. Важным принципом школьной подготовки является обязательное обучение иностранным языкам, в первую очередь, английскому (как правило, со второго класса общеобразовательной средней школы), естественнонаучным и гуманитарным предметам. Примерно с шестого класса детей начинают обучать третьему языку, как правило, испанскому, французскому или немецкому.

Первоначальные трудовые навыки молодые люди получают на разных этапах своего обучения в средней школе — как на этапе обязательной девятилетней школы, так и более углубленно — уже на гимназической ступени и по соответствующим программам профессионального обучения. В основной школе (с седьмого по девятый классы) начинается знакомство учащихся с возможностями и направлениями профессиональной специализации, создаются учебные группы для занятий по соответствующим направлениям. Предметы в основной школе преподаются блоками в течение учебного года. Естественнонаучные предметы называются

«*naturorientering*» – это физика, химия, биология, а также техника. В программе обучения есть блок предметов под общим названием «*samhällorientering*», нацеленный на преподавание гуманитарных предметов ученикам и включающий такие дисциплины как история, география, религиоведение и обществоведение.

Практически все учащиеся, заканчивая курс основной, девятилетней средней школы, сдают контрольные работы по шведскому и английскому языкам, а также математике. При получении по итогам контрольных работ необходимого и достаточного количества баллов они могут продолжить свое образование в гимназии. Гимназический курс обучения рассчитан на срок от одного до трех лет, ученикам необходимо выбрать для своего обучения одну из восемнадцати официально утвержденных образовательных гимназических программ. Обучение профессиональным навыкам проходит по двенадцати из этих программ, что дает возможность получения молодыми людьми конкретной профессиональной подготовки и востребованной профессии. Наличие практических профессиональных навыков в какой-либо специальности позволяет молодым людям выходить на рынок труда сразу после окончания общеобразовательной школы, уже имея в руках профессию, специальность.

Шесть других учебных (так называемых «академических») программ обеспечивают молодым людям возможность продолжать свое дальнейшее обучение в высших учебных заведениях после успешного окончания школы. В каждой из учебных гимназических программ есть восемь обязательных базовых предметов — шведский и английский языки, естествознание, математика, физкультура и гигиена, обществоведение, религиоведение, эстетика. У учеников есть возможность выбора различных вариантов своего обучения и прохождения учебных гимназических программ. Существуют одногодичные профессионально ориентированные программы, двухгодичные технические программы и трехгодичные «академические» программы обучения. Для продолжения своего обучения и завершения гимназического курса полной средней школы молодые люди могут выбрать любую образовательную программу – академическую, техническую, профессионально ориентированную. Считается, что такое дифференцированное обучение в гимназиях и получаемое подростками образование может в значительной степени отражать потребности локального трудового рынка. Так, по некоторым оценкам на двухгодичные технические программы гимназического обучения идет около пятой части молодых людей (Аксенова 2015: 112; Кристофф 2020: 16).

Предполагается, что получаемые учащимися трудовые, профессиональные навыки в перспективе соответствуют потребностям локального трудового рынка и отражают запросы тех локаций, где проживает и учится молодежь. Формирование конкретных практических направлений образовательных программ на гимназической ступени происходит в соответствии с локализацией школы и потребностями региона. Таким образом, существует определенное взаимодействие между локальной конъюнктурой, в том числе экономической, и программами подготовки и профессионального обучения учащихся в том или ином регионе Швеции. В целом по стране на протяжении последних лет актуальны и востребованы такие профессиональные виды школьных образовательных программ как различные направления современной цифровой среды и многочисленных инновационных технологий, используемых в условиях современной экономики и производства. Для успешной реализации заявленных целей образовательных программ большое значение имеет то, что совокупно

более 7% шведского валового внутреннего продукта выделяется на развитие сферы образования. Это наиболее значительный показатель на пространстве Европейского союза. В Швеции около трети молодых людей из числа закончивших гимназию, продолжают свое обучение в высшей школе (*Табаринцева-Романова 2023: 86*).

Шведская система образования предусматривает возможности для организации отдельных, так называемых «культурных» классов, а в некоторых случаях — даже специальных школ (к примеру, саамских), в которых обучение проходит по специальным дополнительным языковым и культурным программам. Это связано с тем, что в стране, помимо шведов — титульной нации, существуют и официально признанные этнические меньшинства. Это пять национальных (по шведской терминологии) меньшинств. Саамы — коренной народ, численностью от 20 000 до 35 000 чел. Проживают они в основном на шведском севере, за Полярным кругом. Также есть шведские финны (от 450 000 до 600 000 чел., значительная часть которых живет в центральной Швеции в районе озера Мэларен), торнедальские финны (около 50 000 чел., живущих в основном на севере в районе Норбottена). Цыгане (от 50 000 до 100 000 чел.) и евреи (около 25 000 чел.) обитают на территории всей страны (*Sveriges nationella minoriteter 2011; Kunskapsöversikt om nationella minoriteter*). Представители этих пяти национальных меньшинств говорят на своих языках, которые также официально признаны в Швеции — это саамский, финский, мянкиели, романи чиб и идиш (*Sveriges femte rapport till Europarådet*).

Шведским законодательством установлено право представителей этнических меньшинств изучать свои родные языки (помимо государственного языка — шведского), а также поддерживать и развивать свою культурную идентичность. Вследствие такой государственной политики языки национальных меньшинств остаются сегодня востребованными и живыми языками, используемыми представителями этих этнических групп в своей повседневной жизни, наряду со шведским. В стране действуют саамские и финские детские сады и школы, шведско-финские детские сады, есть несколько шведско-финских свободных школ *sverigefinska friskolor* (*Det går att lära sig 2010*). Также работает Торнедальская народная школа в Овертурнео (*Tornedalens folkhögskola I Övertorneå*), которая по поручению государственных органов разработала учебные веб-материалы для желающих изучить язык мянкиеле. В рекомендациях, подготовленных шведским Институтом языка и языкового наследия (*Institute för språk och folkminnen*), в связи с обсуждением проблемы языков этнических меньшинств подчеркивается, что роль родного языка состоит не только в том, чтобы на нем говорили, читали и писали. Важное значение имеет также то, что этот язык оказывает влияние на формирование менталитета их носителей (*Kieliviesti 2011: 31*). Существуют также специальные классы, в которых цыганские дети могут изучать свой язык, культуру и историю (*Romsk kraft 2011: 46*).

Как уже было сказано, структура шведского образования состоит из нескольких частей. Это среднее школьное образование — школы с дошкольным циклом в детских садах и обязательный общеобразовательный девятилетний цикл, трехлетний гимназический уровень. Также в стране в рамках образовательной парадигмы существуют школы с различными иными образовательными возможностями и программами — школы для взрослых людей, которые хотят продолжить свое незаконченное среднее образование, школы для людей с особыми потребностями, саамские школы (регионы Норрботтен и Вестерботтен). Система высшего образования (высоко про-

фессиональное обучение в университетах, институтах, университетских колледжах) также входит в образовательную систему страны. Образование и образовательные учреждения в Швеции в своей массе являются государственными и бесплатными, работают, как уже отмечалось, по единым государственным программам обучения и с государственным финансированием. В наши дни практически нет домашнего обучения детей. Существует некоторое количество специальных школ (*specialskola*), которые рассчитаны на детей с рядом физических нарушений (слуха, зрения, речи, физической активности), также существуют вспомогательные школы для детей с ментальными нарушениями (*särskola*).

В Швеции более 1 млн детей обучаются на разных ступенях средней школы (включая детские сады), а около 83% взрослых людей страны имеют среднее образование (как полученное после окончания девятилетней основной школы, так двенадцатилетнее гимназическое). На 2018 г. в Швеции насчитывалось около 4800 различных общеобразовательных школ, из которых основная часть (более 4200 школ) были муниципальными (*sweden.se*). В стране также существует незначительное количество частных школ, также работающих по обязательным единым образовательным программам, и, в дополнение к таким программам, имеющих альтернативные учебные программы под эгидой учредителей или учредивших их диаспор. В таких случаях наряду с обязательным государственным финансированием осуществляется и иное, целевое обеспечение таких учебных заведений со стороны учредителей, соответствующих диаспор, спонсоров.

При записи своих детей в школу родители могут выбирать, в которую из них хотят отдать ребенка. Если речь идет о зачислении в муниципальные школы — то рассматриваются школы, расположенные на территории муниципалитета, где проживают родители и ребенок. Если родители останавливают свой выбор на частных школах, то в этом случае место проживание не имеет такого значения, там принимают детей и из других муниципалитетов (Кристофф 2020: 20). Шведская общеобразовательная школа включает в себя дошкольную и подготовительную ступень (детские садики с годовалого возраста, *Förskolan* или *dagis* и подготовка и адаптация детей к основной школе в подготовительном классе — *Förskoleklass*). Далее — основная средняя школа *Grundskola*, в которой работают начальные классы с первого по третий, средняя ступень — классы с четвертого по шестой и завершение курса обязательного девятилетнего обучения — это классы с седьмого по девятый. Для детей в возрасте от 6 лет до 12 лет работает продленка *fritids*, которую оплачивают родители в зависимости от уровня доходов семьи. Затем следует гимназическая ступень средней школы, в которой обучение длится от одного до трех лет в зависимости от выбранной учеником программы образования.

Новые школы, в том числе и частные, учреждаются с разрешения государственной Школьной инспекции (*Skolinspektion*) и на них распространяются те же правила и проверки их работы, что и на муниципальные школы, а учебный процесс в них проходит по тем же программам. Заслуживает внимания то, что и шведская церковь также принимает довольно активное участие в работе с детьми, молодежью и семьями в целом. При церквях организованы всевозможные кружки, где дети получают различные навыки домоводства или занимаются музыкой, рисованием и прочее, также проводятся нецерковные светские мероприятия, проходят музыкальные занятия и прочие мероприятия. При этом церковные власти, не претендую на какое-либо ак-

тивное и значимое участие в политической жизни, расценивают свою деятельность по общегуманитарным мотивам и критериям (Чернышева 2014: 83).

Образование и мигранты

Современная социально-политическая ситуация, сложившаяся, в частности, в европейском регионе с 2015 г., демонстрирует значительное усиление миграционных потоков из многих регионов мира (Бутенко 2020: 135; Волков 2020: 130; Мартынова 2014: 173–195). Швеция является страной-реципиентом, которая принимает значительное число беженцев и просителей убежища. Зачастую это люди с низким уровнем образования и незнанием шведского языка и реалий страны своего нового пребывания. Специалисты свидетельствуют, что при переезде в новую страну в двенадцатилетнем возрасте и старше дети уже могут испытывать трудности со полной и успешной социализацией. Нередко такие дети из иммигрантских семей не заканчивают даже обязательную девятилетнюю школу, бросают учебу. Незначительное количество иммигрантов, успешно прошедшее обучение, поступают в гимназию, еще меньше продолжает свое обучение в высших учебных заведениях. На протяжении последних десятилетий число новых жителей Швеции (из иммигрантов) постоянно растет, что, в свою очередь, ведет к необходимости получения ими хотя бы минимальных языковых знаний в овладения шведским языком (Сорокина 2022: 81; Sverige i siffror). Успешное овладение шведским языком позволяет таким легальным иммигрантам иметь различные государственные социальные пакеты, а также получить бесплатное образование любого уровня, начиная от обязательного девятилетнего школьного образования вплоть до высшего образования.

В Швеции существует незначительное количество мусульманских школ, функционирующих при поддержке своих диаспор и расположенных, главным образом, в местах компактного расселения соответствующих этнических диаспор в крупных городах. В таких школах наряду с обязательными общими шведскими образовательными программами могут быть введены некоторые дополнительно специальные предметы, учитывающие национальные или этнические нормы и традиции учредивших их этнических общин и диаспор, изучение арабского языка и Корана. Значительная часть преподавателей не мусульмане (*Islamnews*). Первая такая общеобразовательная мусульманская школа открылась в Швеции в 1995 г. Постепенно количество такого рода школ увеличивается, что связано, безусловно, с увеличением миграционного потока из мусульманских стран (Плевако, Чернышева 2018: 210; Borevi 2002: 231). Конфессиональные школы, как отмечалось, наряду с частным финансированием от диаспор имеют равнозначное государственное финансирование, ориентированное на количество учеников, как и в муниципальных школах. Преподавание в младших классах идет по общим шведским учебным программам, дополнительно может быть включено изучение арабского языка и основ ислама. Так, к примеру, в период 2006/2007 учебного года в Швеции насчитывалось 64 конфессиональные общеобразовательные школы и 5 гимназий. Эти учебные заведения работали под эгидой 49 христианских, 8 мусульманских и 3 иудейских общин (Плевако, Чернышева 2018: 233; Quis, Roald 2003: 137). Контроль за деятельностью таких школ также осуществляется муниципальными (местными) органами власти.

В мусульманских школах обучаются, главным образом, дети из мусульманских семей иммигрантов, чьи родители решили по разным причинам не отдавать своих детей

в шведские муниципальные школы. В частных школах также действуют единые для всей страны образовательные программы (Плевако, Чернышева 2018: 232). Наибольшую приверженность к посещению конфессиональных мусульманских школ проявляют иммиграントские семьи в национально-культурных общинах сомалийцев и арабов.

В шведском обществе признается необходимость сохранения иммигрантами своей культурной идентичности, чему и способствует деятельность различных национальных этнических общественных и культурных центров, воскресных школ и прочее. В то же время исследователи этнической и миграционной ситуации страны отмечают, что школьное обучение детей в таких конфессиональных мусульманских школах (а не в обычных общеобразовательных шведских школах), в определенной степени может тормозить интеграцию иммигрантов в шведское общество (Ouis, Roald 2003: 189). Очевидно, что понимание и восприятие «новыми гражданами» страны своего пребывания, новых общественных и культурных норм значительно проще осуществлять, когда дети из таких семей обучаются в одних школах и совместно со шведскими ровесниками (Леденева, Кононов 2021: 137).

В то же время надо иметь в виду то, что интеграция детей из иммигрантских семей может иметь и иные препятствия. Нередко иммигранты и их дети проживают в своих этнических общинах, которые компактно расположены в конкретных городских районах. В результате они могут иметь довольно ограниченные культурные и языковые контакты с внешним (по отношению к их диаспоре) шведским миром. Речь идет о том, что в ряде крупных шведских городов существуют целые районы, обычно расположенные в пригородах, которые практически полностью заселены семьями иммигрантов. Это, в первую очередь, Стокгольм, Мальмё, Гётеборг. Под Стокгольмом есть такие районы как Тенста, Фиттья, Ринкебю, районы Готсунда и Гренбю — под Упсалой, есть такие районы в Мальмё и Гётеборге. В школах этих районов отмечались ситуации, когда практически целые классы были набраны из детей иммигрантов и очевидно, что в таких случаях контакты между этими детьми и шведскими сверстниками минимизировались, что замедляет интеграцию новых жителей в шведское общество.

Кроме того, по разным причинам далеко не все дети школьного возраста из иммигрантских семей заканчивают даже обязательную девятилетнюю школу. Такие молодые люди зачастую даже не обладают достаточным знанием шведского языка, не имеют никакой специальности для того, чтобы иметь возможность выйти на рынок труда и начать зарабатывать (SvD 2005). Молодежь, не имеющая никакой профессии в руках, пополняет ряды неработающих (не просто безработных!), живущих на социальные пособия. Случается, что такая «неприкаянная» молодежь может начать заниматься и противоправной деятельностью, в частности, в районах своего проживания в этнических анклавах, где не требуется ни знания шведского языка, ни профессиональное образование (Интеграция 2018: 136; DN 2017; Сорокина 2020; Sweden police created 2019).

На протяжении довольно значительного времени расселение вновь прибывающих в страну иммигрантов с семьями проходило по определенной системе. Иммиграントские семьи предпочитали селиться в районах традиционного проживания своих соотечественников и своих этнических диаспор. В ряде случаев отдельные районы могли начать превращаться практически в этнические анклавы в рамках крупных городов. Иммиграントская молодежь, проживающая в таких районах, не испытывала

потребности в изучении шведского языка или какой-либо необходимости хотя бы в минимальной интеграции в шведское общество, зачастую продолжала жить по законам и нормам своей родины — страны исхода.

Язык является не только важнейшим средством социализации и коммуникации в любой стране, но и, вместе с тем, показателем социальной, культурной, этнической принадлежности и свидетельством самоосознания человеком себя в текущих обстоятельствах времени и места. Изучение языка и знакомство с культурой и традициями страны своего нового пребывания представляется непременным и важным условием для успешной жизни иммигрантов и адекватной интеграции в новое принимающее общество. Около 90% населения страны пользуется шведским языком как основным языком для общения. Это означает, что новым жителям страны для успешного пребывания необходимо осваивать шведский язык, что делают на практике далеко не все иммигранты (Carlson 2012: 39). Иммигранты — выходцы из таких стран с мусульманскими традициями и культурой как Иран, Босния и Турция, как правило, более охотно отдают своих детей учиться именно в шведские государственные муниципальные школы. Это является свидетельством понимания ими того, что школы, в которых совместно обучаются дети шведов и иммигрантов (*invandrare*) является оптимальной возможностью для их детей хорошо изучить шведский язык, быстрее и успешнее интегрироваться в принимающее шведское общество. Однако подчеркнем, что такие действия новых жителей страны, связанные с обучением своих детей, становятся реальной практикой только тогда, когда в их семьях существует позитивное отношение к культуре и традициям принявшего общества и стремление к его изучению и интеграции в новую жизнь.

Языковое образование и образование для взрослых — часть общеобразовательной стратегии

Помимо рассмотренных общеобразовательных средних школ для детей (до 18 лет) действуют и иные образовательные учреждения — Народные школы — для людей старше 20 лет, стремящихся дополнить свое среднее образование или даже получить высшее образование. Народные школы предоставляют возможность всем желающим продолжить или углубить свое образование. Такие Народные школы также входят в образовательную систему страны. На протяжении многих лет они успешно функционируют в стране, что позволяет любому жителю Швеции получить полное среднее образование. В школах для взрослых происходит обучение по всем тем же направлениям, предметам и программам, в том числе и по гимназическим курсам, которые изучаются в средних общеобразовательных школах. Но, в отличие от обычных школ, к примеру, в Народных школах учащиеся должны сами оплачивать учебники и питание. По аналогичным принципам действуют и Народные университеты (*Folkhögskola*), которые также финансируются государством. В них все желающие, независимо от возраста, могут получить высшее образование.

Обратим внимание, что на базе таких Народных школ (в том числе и материальной базе) в стране работают языковые курсы по первоначальному обучению шведскому языку иностранцев и прибывающих в страну мигрантов «*Svenska för invandrare*» (Sfi). Sfi — это курсы по изучению шведского языка, которые помимо основных декларированных задач и целей на практике являются своеобразной формой пер-

воначальной интеграции мигрантов в принимающее шведское общество. Обучение на этих языковых курсах Sfi проходит по программе «Шведский для иммигрантов» (*Svenska för invandrare*), основной бесплатной языковой программе, которая является базовой для иммигрантов по изучению шведского языка, независимо от возраста прибывших. Знание шведского языка на минимальном, но достаточном для проживания в стране и для бытового общения уровне, можно получить после обучения на таких курсах. Надо отметить, что эти языковые курсы имеют и важную просветительскую функцию. Помимо первоначальных и минимальных языковых навыков в шведском языке, которые получают вновь прибывшие, языковые курсы являются источником первоначальной и разнообразной информации по истории, культуре, жизни новой для иммигрантов страны. Подчеркнем важную объединяющую роль любого государственного (в нашем случае — шведского) языка, что в итоге способствует стабилизации социального, гражданского общества.

Существует несколько уровней обучения на языковых курсах Sfi в зависимости от знаний и исходного уровня образования учащихся, в соответствии с которыми происходит распределение по различным учебным группам (от практически неграмотных даже на родном языке до тех мигрантов, кто уже может немного понимать и говорить по-шведски). Помимо изучения шведского языка иммигранты имеют возможность проходить курс по адаптации или ориентации в новом для них обществе, который так и называется *Samhällsorientering*. Специальный учебный курс предполагает знакомство со шведской историей, культурой, традициями, структурой общественных активностей. Отметим, что также существуют и платные курсы по изучению шведского языка, которые может купить любой желающий, предварительно пройдя тест для определения уровня своей подготовки и начального языкового уровня для зачисления в соответствующую языковую группу.

На языковых курсах для иностранцев существует 2 больших блока (или уровня) изучения шведского языка. Первый уровень это Sfi (*Svenska för invandrare*, «Шведский для иностранцев») и его различные подуровни, зависящие от исходных знаний учеников — A, B, C, D. Обучение на уровне Sfi дает языковые навыки начального бытового общения в магазинах, на почте, в различных организациях и общественных учреждениях (прием врача, необходимость получения документов и прочее), в общении с соседями, при поисках самой простой работы. Обучение на первом уровне позволяет иностранцам освоить бытовой шведской язык для жизни и простой работы. Успешное обучение и усвоение материала второго уровня SAS (*Svenska som andra språk*, «Шведский как второй язык») grund, 1, 2, 3 проходит в других образовательных заведениях — *Kotvux* (муниципальных школах для взрослых) и обеспечивает условия для получения знаний, навыков и образования, достаточного для того, чтобы поступать в высшие учебные заведения. Освоение материалов этого уровня приравнивается к освоению полного гимназического курса. Подчеркнем, что обучение на языковых курсах Sfi также имеет и важную интегративную функцию, знакомя учащихся (новых жителей страны) со шведской культурой, традициями, бытовыми нормами и помогая им тем самым успешнее входить в новое общество.

Каждый, кто успешно прошел обучение на курсах Sfi, после завершения первого этапа обучения может получить соответствующий документ. Для желающих (как из числа иностранцев, достаточно хорошо освоивших шведский язык, так и шведов, по разным причинам не обучавшихся в гимназии или не закончивших полную среднюю

школу), возможно продолжить дальнейшее, более углубленное изучение как языка, так и общеобразовательных предметов, на последующей ступени образования — уже в так называемых школах для взрослых *Komvux* («муниципальное образование для взрослых» — *Kommunalt vuxenutbildning*). Такая форма образования существует в Швеции довольно давно, с 1968 г. Сейчас насчитывается около 150 школ для взрослых с различными профессиональными курсами и программами подготовки.

Обучение языку на этом уровне в школах *Komvux* идет уже по программе «Шведский как второй язык» (*Svenska som andraspråk*). При желании такие «взрослые» учащиеся (и шведы, и мигранты) имеют возможность даже получить на этих курсах некоторые профессиональные навыки и профессии, позволяющие впоследствии работать, к примеру, в туристической отрасли или заниматься административно-организационной работой в офисе. Успешно пройденный образовательный курс в *Komvux* также дает всем желающим возможность продолжить свое образование и в высших учебных заведениях. Отметим, что лица «с особыми потребностями» (нездоровье, болезни,увечья или иные объективные обстоятельства, не позволяющие учиться в обычных учебных заведениях) также могут получать любое образование по специальным программам, финансируемым государством.

Шведская система образования формировалась довольно длительное время. С середины XIX в. в стране было введено обязательное школьное четырехлетнее образование для всех детей в так называемых Народных школах, с 1880-х гг. — обязательным стало шестилетнее образование. Существовавшие тогда Народные школы имели право посещать все дети, независимо от социального положения их родителей. С 1950-х годов в Швеции стало обязательным восьмилетнее образование. С 1972 г. в стране было введено обязательное девятилетнее образование для всех детей. Концепции школьных образовательных программ, принципы функционирования современной структуры общеобразовательной шведской школы формировались довольно давно, еще в 1950–1960-е гг. Как известно, это было время энергичного подъема и развития экономической и социальной послевоенной конъюнктуры страны, период энергичного развития всего трудового рынка в целом, создания и успешного осуществления различных социальных программ.

На протяжении многих десятилетий в Швеции достаточно успешно развивались общеобразовательные школы и образовательные программы. Но в последние годы на фоне роста миграционного потока все чаще возникают темы общественных обсуждений того, что падает качество и уровень школьного образования в связи с разным уровнем первоначальной подготовки учащихся и их желанием продолжать учебу. Тем не менее, задачи обучения, воспитания и активного включения молодых людей в современное общество актуальны и на их решение направлена, в том числе, и деятельность системы школьного образования, работа учителей, и разнообразная деятельность самого государства. Актуальная и современная система школьного образования очень важна и представляет собой один магистральный путь успешной социализации молодых людей в обществе. Разработанная в Швеции система является и мощным источником подготовки новых, образованных и достаточно профессиональных, трудовых ресурсов. Такие процессы проходят в стране на протяжении многих лет на фоне актуализации в обществе различных эгалитарных и гендерных концептов и, с другой стороны, растущих потребностей рынка и всей экономики страны в целом, в новых рабочих руках.

Требуемый резерв новых рабочих рук первоначально здесь находили в привлечении женского труда, что было особенно важно для сферы государственного производственного и общественного секторов. Эти процессы нашли свое отражение и воплощение в различных государственных социально-экономических мерах, позволившим женщинам спокойно и успешно выйти на рынок труда во второй половине прошлого, XX в. В таких условиях проходило развитие всей социальной системы страны и системы социального страхования в целом, а также системы образования, включая детские садики и прочие преференции для работающих матерей.

Заключение

В современном социально-политическом и экономическом контексте и существующих тенденциях глобализации, касающихся как производства, так и потребления, особое значение приобретают качественная и адекватная современным требованиям система образования. Новейшие производственные технологии, условия функционирования прогрессивной экономики предъявляют растущие требования и к профессиональной подготовке нынешних молодых людей, которые сегодня пока еще учатся, но совсем скоро станут основными участниками и акторами трудового рынка и начнут полноценно работать в различных отраслях общественного производства и экономики.

Качественное и полноценное образование молодых людей, обучение в школе по актуальным программам является важным и необходимым условием для успешного существования и развития всего общества в целом. Школа и воспитание молодежи являются своего «социальным инкубатором» для последующего успешного включения молодых граждан в социальные процессы страны в целом. Это в равной степени относится ко всем странам и применимо не только по отношению к Швеции. Школа и школьное обучение приобретают актуальное и важное значение в качестве активного специфического социального инструмента, действующего в интересах всего общества и направленного на подготовку молодых людей к активному и позитивному взаимодействию с различными уровнями власти и общественными институтами, к их вовлечению и участию в трудовой и социальной жизни страны. Очевидно, что сегодняшние дети и школьники — завтра становятся основной движущей социальной и экономической силой страны в целом, рынка труда и всей общественно-политической системы.

Задачей школьного обучения и деятельности школ и внешкольных учреждений является, в конечном итоге, подготовка грамотных и профессионально сориентированных молодых людей, подготовленных к самостоятельному выходу в «большую жизнь». Молодые люди, выходя на рынок труда с полученной профессией, имеют возможность начать работать более успешно, чем те, кто не получил среднего образования, бросил свое обучение. Неквалифицированный труд становится мало востребованным в современную эпоху инноваций и цифровизации производства, потребления, да пожалуй, и всей социальной жизни.

Очевидно, что качественное образование, в том числе и школьное, отражающее современный уровень знаний и научных исследований, является востребованной и необходимой составляющей существования любого экономически развитого общества. Таким образом, экономические вливания, осуществляемые в систему образования как на школьном уровне, так и на уровне высшего образования — целесоо-

бразны и оправданы. Такой алгоритм справедлив по отношению ко всем странам, в том числе и для России. В современных экономических и технологических условиях изменяется структура трудовой занятости (происходит сокращение доли малоквалифицированного труда и увеличение в общей структуре трудового рынка доли и значения высоко профессионального и технологичного труда), что, в свою очередь, также способствует экономическому росту. Надо отметить, что хорошо образованные люди проявляют и большую заинтересованность в активной социальной жизни. Другими словами, налицо взаимосвязь и взаимовлияние как экономической, так и гуманистарной составляющих успешного и эффективного развития любой страны. Качественное образование способствует, в свою очередь, повышению квалификации и производительности труда, и, как результат, ведет к экономическому развитию и росту всей страны и общества в целом.

В заключении хотим отметить, что функционирование всей системы образования и, в частности, ступени средней школы, отражает не только общий уровень развития экономики страны, но и ее социальной составляющей, равно как и происходящие в обществе интеграционные процессы в целом. Это становится особенно заметным на протяжении последних десятилетий, которые, в частности, отличаются всплеском миграционного потока в Швецию. Выросшее и постоянно увеличивающееся количество новых шведских жителей — иммигрантов, традиционно имеющих иные культурные нормы и зачастую не знающих шведского языка, традиций жизни в новой стране пребывания, вносит свои корректиды и в школьное бытие и реальность. В связи с тем, что дети из иммигрантских семей зачастую хуже подготовлены и слабее учатся, труднее овладевают материалом в школе, может несколько меняться и общий уровень подготовки учащихся. Власти оказывают иммигрантам значительную поддержку. В этом же ряду существенных финансовых затрат на образовательные цели находится и финансирование курсов обучения шведскому языку Sfi, нацеленных в первую очередь на мигрантов, что должно способствовать более успешной интеграции этих людей в новое для них общество.

В наши дни, как и прежде, актуальны задачи повышения авторитета профессии школьного учителя и эффективности школьного образования не только в Швеции. Проведенные реформы 1990-х гг. по децентрализации управления образованием оцениваются специалистами по-разному. Перенесение груза финансового содержания школьной системы образования на муниципальные органы является довольно неоднозначным решением. Муниципальные власти имеют источники финансирования, поступающие из собранных на территории подоходных налогов и тех дотаций (государственные трансферты), которые переводят центральная власть, в том числе и на оплату работу учителей, директоров. При этом обучение и учебники, питание, медицинский контроль — бесплатны во всех средних учебных заведениях. Очевидно, что далеко не все регионы страны имеют хорошие финансовые налоговые поступления, и такие районы (к примеру, север страны) находятся в несколько худшем положении по сравнению с более обеспеченными центральными и западными регионами.

Источники и материалы

DN 2017 — Dagens nyheter [Электронный ресурс]. 20.06.2017. <https://www.dn.se>

Det går att lära sig många språk 2022 — Det går att lära sig många språk och det lönar sig // Habit [Электронный ресурс]. 8.11.2022. <https://www.habit.se/lb-article/1123/varfor-det-ar-viktigt-att-lara-sig-nya-sprak>

- Islamnews 2009 — В Швеции растет количество мусульманских школ // Islamnews [Электронный ресурс]. 2.09.2009. <https://islamnews.ru/news-V-SHvetsii-rastet-kolichestvo-musulmanskih-shkol>
- Kieliviesti 2011 — Kieliviesti, Suomi ja meänkieli Ruotsissa. Stockholm: Sverigefinska språknämnden, 2011.
- Kunskapsöversikt 2012 — Kunskapsöversikt om nationella minoriteter. Rapport från riksdagen 2011/12: RFR11. // Riksdagen.se [Электронный ресурс]. Stockholm, 2012. https://www.riksdagen.se/sv/dokument-och-lagar/dokument/rapport-fran-riksdagen/kunskapsoversikt-om-nationella-minoriteter_gz0wrfr11
- Ministry of Education and Research of Sweden [Электронный ресурс]. <https://www.government.se/government-of-sweden/ministry-of-education-and-research>
- Nationella minoriteter 2012 — Nationella minoriteter. Rättigheter och möjligheter. Stockholm, 2012.
- Romsk kraft! 2011 — Romsk kraft! En inspirationsbok om vägar till utbildning och arbete // Länsstyrelsen Stockholm [Электронный ресурс]. 2011. 102 s.
- SFS 2010 — Svensk författningsamling Lag om ändring i skollagen (2010: 800); utfärdad den 22 december 2010. Enligt riksdagens beslut // Lagboken.se [Электронный ресурс]. 2010. https://www.lagboken.se/Lagboken/start/skoljuridik/skollag-2010800/d_710305-sfs-2010_2022-lag-om-andring-i-skollagen-2010_800
- Sveriges nationella 2011 — Sveriges nationella minoriteter. Rättigheter och möjligheter // Länsstyrelsen Stockholm [Электронный ресурс]. 2011.
- SvD 2005 — Svenska Dagbladet [Электронный ресурс]. 17.03.2005 www.svd.se
- Sverige i siffror — Sverige i siffror. Statistika Centralbyrån. Snabba fakta om Sverige // SCB.se [Электронный ресурс]. <https://www.scb.se/hitta-statistik/sverige-i-siffror/manniskorna-i-sverige/sveriges-befolkning>
- Sweden minorities — Sweden minorities // Sweden.se [Электронный ресурс]. <https://sweden.se/life/equality/swedens-national-minorities>
- Sweden police created 2019 — Sweden police created special task force to combat gang // Euronews. 11.11.2019. https://ru.euronews.com/2019/11/11/sweden-police-created-special-task-force-to-combat-gang-violence?utm_term=Autofeed&utm_medium=Social&utm_source=Facebook&fbclid=IwAR0dA7rgooXRp73jwryTFFpK1pm4n8yGhbENnt6QMDRpAq4n7bzPIT-6j80#Echobox=1573501455
- Sweden.se — Sweden.se [Электронный ресурс]. <http://www.sweden.se/eng>

Научная литература

- Аксенова Э. А. Шведская модель профессионального становления школьной молодёжи // Школьные технологии. 2015. № 1. С.108–115.
- Бутенко В. А. «Гражданский поворот» в политике интеграции иммигрантов в Швеции // PolitBook, 2020, № 1. С. 129–146.
- Волков А. М. Миграционные потоки в странах Северной Европы // Вестник Дипломатической академии МИД России. 2020. № 1 (23). С. 126–142.
- Интеграция инокультурных мигрантов: перспективы интеркультуралаизма. Отв. ред.: И. П. Цапенко, И. В. Гришин. М.: ИМЭМО РАН, 2018. 233 с.
- Кристофф А., Парелиуссен Й., Хван Х. Шведские школы: результаты работы, социальное происхождение учащихся, конкуренция и эффективность // Вопросы образования 2020, № 3. С. 8–36.
- Леденева В. Ю., Кононов Л. А. Государственное и муниципальное регулирование процессов адаптации и интеграции мигрантов в современной России. М.: РУДН. 2021. 296 с.
- Мартынова М. Ю. Школьное образование в адаптации мигрантов (зарубежные и российские модели) // Вестник Российской нации. 2014. № 2. С. 173–195.

- Плевако Н. С., Чернышева О. В. Можно ли стать шведом? М.: URSS, 2018. 316 с.
- Сорокина Е. А. Миграционный кризис и его последствия в Швеции: некоторые реалии // Общество и культура [Электронный ресурс]. М., 2020. <http://society-and-culture.ru/2020/12/06/e-a-сорокина-миграционный-кризис-и-его/>
- Сорокина Е. А. Современная языковая ситуация в Швеции // Язык как ресурс идентичности в Европе. Антропологическое исследование / Отв. ред. М. Ю. Мартынова. М.: ИЭА РАН, 2022. С. 71–95.
- Социальная Европа в XXI веке / Под ред. М. В. Каргаловой. М.: Весь мир, 2011. 528 с.
- Табаринцева-Романова К. М. Культура и образование ЕС (декабрь 2022–февраль 2023) // Европейский Союз: факты и комментарии. Вып. 111. М., март 2023. С. 84–87.
- Чернышева О. В. Шведская религиозная жизнь в конце XX — начале XXI века // Новая и новейшая история. 2014. № 5. С. 72–89.
- Borevi K. Välfärdsstaten i det mångkulturella samhället. Uppsala: Uppsala Universitet, 2002. 354 p.
- Carlson B., Magnusson K. Framtidskommissionen, underlagsrapport 2. Somalier på arbetsmarknaden — har Sverige något att lära? Stockholm, 2012. 188 p.
- Isaksson C. Grundskolans problem 2012 mer politiska än pedagogiska // Grundskolan 50 år. / ed. by C. Isaksson. Stockholm: Ekerlids Förlag, 2012. 254 p.
- Quis P., Roald S. Muslim i Sverige. Stockholm: Wahlström & Widstrand, 2003. 329 p.
- Larsson Hans Albin. Skola på ostadig grund — en tolkning av grundskolans föranderliga vilkor // Grundskolan 50 år. / ed. by C. Isaksson. Stockholm: Adlibris, 2012. P. 107–131.

References

- Aksanova, E. A. 2015. Shvedskaia model' professional'nogo stanovleniya shkol'noi molodezhi [Swedish Model of Professional Development of School Youth]. *Shkol'nye tekhnologii* 1: 108–115.
- Borevi, K. 2002. *Välfärdsstaten i det mångkulturella samhället* [The Welfare State in a Multicultural Society]. Uppsala: Uppsala Universitet. 354 p.
- Butenko, V. A. 2020. «Grazhdanskii poverot» v politike integratsii immigrantov v Shvetsii [“Citizen Turn” in Immigrant Integration Policy in Sweden]. *PolitBook* 1: 129–146.
- Carlson, B. and K. Magnusson. 2012. *Rönnqvist. Framtidskommissionen, underlagsrapport 2. Somalier på arbetsmarknaden — har Sverige något att lära?* [Rönnqvist. Framtidskommissionen, Background Report 2. Somalis in the Labor Market — Does Sweden Have Something to Learn?]. Stockholm: Fridzes. 188 p.
- Chernysheva, O. V. 2014. Shvedskaia religioznaia zhizn' v kontse XX — nachale XXI veka [Swedish Religious Life in the Late XX – Early XXI Centuries]. *Novaia i noveishaia istoriia* 5: 72–89.
- Isaksson, C. 2012. Grundskolans problem 2012 mer politiska än pedagogiska [Primary School Problems in 2012 More Political Than Educational]. In *Grundskolan 50 år* [Primary School 50 Years Old], ed. by C. Isaksson. Stockholm: Ekerlids Förlag. 254 p.
- Kargalova, M. V. (ed.). 2011. *Sotsial'naia Evropa v XXI veke* [Social Europe in the 21st Century]. Moscow: Ves' mir. 528 p.
- Kristof, A., I. Pareliusen and K. Khendzhon. 2020. Shvedskie shkoly: rezul'taty raboty, sotsial'noe proiskhozhdenie uchashchikhsia, konkurentsii i effektivnost' [Swedish Schools: Performance, Social Background of Students, Competition and Efficiency]. *Voprosy obrazovaniia* 3: 8–36.
- Larsson, H. A. 2012. Skola på ostadig grund — en tolkning av grundskolans föranderliga vilkor. [School on Unstable Ground — an Interpretation of the Changing Conditions of Primary School]. In *Grundskolan 50 år* [Primary School 50 Years Old], ed. by C. Isaksson. Stockholm: Ekerlids förlag. 107–131.
- Ledeneva, V. Yu. and L. A. Kononov. 2021. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe regulirovanie protsessov adaptatsii i integratsii migrantov v sovremennoi Rossii* [State and Municipal Regulation of Adaptation and Integration of Migrants in Modern Russia]. Moscow: RUDN. 296 p.

- Martynova, M. Yu. 2014. Shkol'noe obrazovanie v adaptacii migrantov (zarubezhnye i rossijskie modeli) [School Education in the Adaptation of Migrants (Foreign and Russian Models)]. *Vestnik rossijskoj nacii* 2: 173–195.
- Plevako, N. S. and O. V. Chernysheva. 2018. Mozhno li stat' shvedom? [Is it Possible to Become Swedish?]. Moscow: URSS. 316 s.
- Quis, P. and S. Roald. 2003. Muslim i Sverige [Muslims in Sweden]. Stockholm: Wahlström & Widstrand. 329 p.
- Sorokina, E. A. 2020. Migratsionnyi krizis i ego posledstviia v Shvetsii: nekotorye realii [The Migration Crisis and Its Consequences in Sweden: Some Realities]. *Society and culture*. Published 12.06.2020. <http://society-and-culture.ru/2020/12/06/e-a-sorokina-migratsionnyi-krizis-i-ego>
- Sorokina, E. A. 2022. Sovremennaia iazykovaia situatsiia v Shvetsii [Modern Language Situation in Sweden]. In *Yazyk kak resurs identichnosti v Evrope. Antropologicheskoe issledovanie* [Language as a Resource of Identity in Europe. Anthropological study], ed. by M. Yu. Martynova. Moscow: IEA RAN. 71–95.
- Tabarintseva-Romanova, K. M. 2023. Kul'tura i obrazovanie ES (dekabr' 2022 — fevral' 2023) [EU Culture and Education (December 2022 — February 2023)]. In *Europeiskii Soiuz: fakty i kommentarii* 111: 84–87.
- Tsapenko, I. P. and I. V. Grishin, eds. 2018. *Integratsiia inokul'turnykh migrantov: perspektivy interkul'turalizma* [Integration of Foreign-Cultural Migrants: Perspectives of Interculturalism]. Moscow: IMEMO RAN. 233 p.
- Volkov, A. M. 2020. Migratsionnye potoki v stranakh Severnoi Evropy [Migration Flows in the Nordic Countries]. *Vestnik Diplomaticeskoi akademii MID Rossii* 1 (23): 126–142.

ФИЗИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

УДК 572

DOI: 10.33876/2311-0546/2023-4/316-330

Научная статья

© A. П. Пестряков, О. М. Григорьева, Ю. В. Рацковская (Пеленицына)

КРАНИОСЕРИИ СОВРЕМЕННЫХ МАЛОГОЛОВЫХ ПОПУЛЯЦИЙ ЭКВАТОРИАЛЬНОГО ПОЯСА СТАРОГО СВЕТА*

«В сумраке тропического леса»

Г. Бутце

Авторами исследовались взятые из антропологической литературы среднедсерийные данные 15 краниосерий (только мужские фракции) популяций экваториальной расы Старого Света, отличающиеся малой величиной черепной коробки, общая ростовая величина (ОРВ) которых не превышает 261,0, за исключением одной серии аэта, видимо имеющей смешанное с тагалами происхождение. В их число попали следующие группы: пигмеи (3 серии), земледельцы банту (2 серии), папуасы Новой Гвинеи (4 серии), меланезийцы (2 серии), андаманцы (2 серии), аэта (2 серии). В этих сериях фиксировались среднегрупповые величины следующих метрических параметров черепной коробки: наибольшие продольный, поперечный и высотный (от базиона) диаметры; черепной, высотно-продольный и высотно-поперечный указатели; указатели долихоидности (УД), брахиоидности (УБ), гипсиоидности (УГ) и степень сферичности черепной коробки (СС). Так как верхний предел общей величины черепной коробки (ОРВ) был ограничен, как следует из названия статьи, то в рассчитанной дендрограмме таксономического различия этих краниосерий учитывались лишь параметры формы черепной коробки. Дендрограмма разбилась на два кластера. В первом оказались все африканские краниосерии и папуасы. Во втором — краниосерии андаманцев, аэта и меланезийцев. Краниосерии первого кластера по форме черепной коробки соответствуют панойкуменному краинотипу тропидов и названы авторами микротропидами. Краниосерии второго кластера по форме черепной коробки напоминают

Пестряков Александр Петрович — к. и. н., старший научный сотрудник Центра физической антропологии, Институт этнологии и антропологии РАН (Российская Федерация, 119334 Москва, Ленинский пр., 32А). Эл. почта: labrecon@yandex.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2316-5110>

Григорьева Ольга Михайловна — к. биол. н., старший научный сотрудник Центра физической антропологии, Институт этнологии и антропологии РАН (Российская Федерация, 119334 Москва, Ленинский пр., 32А). Эл. почта: labrecon@yandex.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1113-8171>

Рашковская (Пеленицына) Юлия Вадимовна — стажер-исследователь, Институт этнологии и антропологии РАН (Российская Федерация, 119334, Москва, Ленинский пр., 32А). Эл. почта: j.pelenitsyna@gmail.com ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3378-9151>

* Исследование выполнено в рамках темы НИР «Эволюционный континуум рода Homo». Подтема «Антропология древних и современных популяций».

локальный краинотип сундидов и названы *микросундидами*. Эти два краинотипа сильно отличаются по форме черепной коробки и имеют различный генезис. Их объединяет лишь малая величина черепа.

Ключевые слова: краиносерии, экваториальный пояс, Старый Свет, микротропиды, микросундиды

Ссылка при цитировании: Пестряков А. П., Григорьева О. М., Ращковская (Пеленицына) Ю. В. Краиносерии современных малоголовых популяций экваториального пояса Старого Света // Вестник антропологии. 2023. № 4. С. 316–330.

UDC 572

DOI: 10.33876/2311-0546/2023-4/316-330

Original Article

© Aleksandr Pestriakov, Olga Grigorieva, Yulia Rashkovskaya (Pelenitsyna)

CRANIAL SAMPLES OF MODERN SMALL-HEADED POPULATIONS OF THE EQUATORIAL OLD WORLD

“In the Twilight of the Rainforest”
G. Butze

The authors studied 15 published mean sample data (only male samples) on the equatorial Old World populations, which are characterized by small crania with the total growth value no more than 261,0 except for the Aeta sample, which probably has some Tagal admixture. The studied samples represented the following groups: Pygmies (3 samples), Bantu agriculturalists (2 samples), Papuans of New Guinea (4 samples), Melanesians (2 samples), Andamans (2 samples), Aeta (2 samples). The analysis included three Martin's cranial measurements (1, 8, 17) and three indices (1/8, 17/8, 17/1) as well as four variables designed by one of the authors. Only the shape parameters of the cranium were used to calculate the dendrogram of the taxonomic differences of these cranial samples. The dendrogram identified two clusters. The first one included all the African samples and Papuans, the second one — Andamans, Aeta and Melanesians. The samples of the first cluster correspond to the Tropid craniotype can be called Microtropids. Samples of the second cluster resemble the Sundid craniotype can be called Microsundids. These two craniotypes differ greatly in the shape of the cranium and have different origins; they are only similar in the small size of the skull.

Keywords: cranioseries, equatorial belt, Old World, microtropids, microsundids

Authors Info: Pestriakov, Aleksandr P. — Ph.D. in History, Senior Researcher, the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (Moscow, Russian Federation). E-mail: labrecon@yandex.ru
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2316-5110>

Grigorieva, Olga M. — Ph.D. in Biology, Senior Researcher, the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (Moscow, Russian Federation). E-mail: labrecon@yandex.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1113-8171>

Rashkovskaya (Pelenitsyna), Yulia V. — trainee researcher, the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology

(Moscow, Russian Federation). E-mail: j.pelenitsyna@gmail.com ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3378-9151>

For Citation: Pestriakov, A. P., O. M. Grigorieva, and Yu. V. Rashkovskaya (Pelenitsyna). 2023. Cranial Samples of Modern Small-Headed Populations of the Equatorial Old World. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 4: 316–330.

Funding: The research was carried out within the framework of the research topic «The Evolutionary Continuum of the Genus Homo». Sub-topic «Anthropology of Ancient and Modern Populations».

Введение

«Наиболее типичным биотопом тропической зоны является гилея, или влажный тропический лес. Для произрастания такого леса необходима высокая температура и достаточное увлажнение в течение круглого года» (Машкин 2006: 80). Подобный географический биом тропических дождевых лесов занимает заметную часть территории материков Старого и Нового Света к югу и к северу от экватора. Великий английский естествоиспытатель, сподвижник Чарльза Дарвина, Альфред Уоллес, прошедший в тропиках Южной Америки и Малайского архипелага 12 лет, так описывает своё впечатление от девственного тропического леса: «Вверху, может быть футов на 150 высоты, листва и переплетающиеся ветви этих громадных деревьев образуют почти непрерывный зелёный навес, обыкновенно настолько плотный, что небо представляется снизу каким-то неясным сиянием; даже ослепительный свет тропического солнца достигает земли значительно ослабленным, в виде неясных бликов. Царствует какой-то волшебный сумрак, таинственная тишина, и всё это вместе производит впечатление чего-то великого, первобытного, даже беспредельного. Это — мир, где человек чувствует себя пришельцем, где он чувствует себя подавленным созерцанием вечных сил природы...». (Уоллес 1956: 45). Тем не менее, и там, в жарком и влажном пасмурном мире, среди населения экваториальной зоны Старого Света, в тропических дождевых лесах до сих пор встречаются малочисленные популяции очень малорослых аборигенов, характеризующиеся тёмным цветом кожи и выраженной уллотрихией (курчавой формой волос головы). Это позволяет относить их к одному из вариантов большой экваториальной расы современного человечества. Величина черепной коробки в этих краниологических сериях также обычно очень мала. Такие этнические группы, часто географически очень отдалённые друг от друга, в культурном отношении могут быть объединёнными между собой господством у них хозяйства присваивающего типа, где практически отсутствует земледелие и тем более скотоводство. К подобным популяциям этнологи и антропологи относят пигмеев Африки, а также андаманцев и азта великого островного мира юго-восточной Азии и юго-западных частей Океании. Именно краниосерии этих популяций, а также других популяций, близких к ним по размерам черепной коробки, и также принадлежащих к большой экваториальной расе будут рассматриваться в данной статье.

Материалы и методы

Подобно большинству наших работ по сходной тематике, мы рассматриваем здесь 11 краниологических признаков, характеризующих среднегрупповые величи-

ны обычно изучаемых нами метрических параметров черепа в краинологических сериях соответствующих популяций. Это четыре признака абсолютной величины черепной коробки, в скобках даётся номер признака по Рудольфу Мартину: наибольший продольный диаметр черепа (1), наибольший поперечный диаметр (8), высота черепа от базиона (17), её общая ростовая величина (ОРВ). К ним добавлены семь метрических характеристик её формы: черепной указатель (8: 1), высотно-продольный указатель (17: 1), высотно-поперечный указатель (17: 8), указатели долихоидности (УД), брахиоидности (УБ), гипсиоидности (УГ) и степень сферичности черепной коробки (СС).

Пять признаков из одиннадцати вышеназванных, а именно ОРВ, УД, УБ, УГ и СС в своё время были введены в краинологическую практику одним из авторов настоящей статьи. Общая ростовая величина черепной коробки (параметр ОРВ) количественно соответствует физиологической силе её роста и вычисляется векторным сложением величин её трёх взаимно-перпендикулярных диаметров по формуле — $OPB = (1^2 + 8^2 + 17^2)^{1/2}$. Три указателя общей формы черепной коробки: долихоидности (УД), брахиоидности (УБ) и гипсиоидности (УГ) вычисляются единообразным способом. Это средние геометрические отношения величины каждого из трех названных диаметров черепной коробки к двум оставшимся (в %). Например, УД = $100 * [(1^2 / (8 * 17))]^{1/2}$. И т. п. Наконец последний из наших признаков формы черепной коробки — степень её сферичности (СС) объединяет величины трёх вышеназванных указателей и вычисляется по формуле: СС = $(200 - УД + УБ + УГ) / 3$. Чем ближе эта величина к 100, тем более сферичен череп по форме.

Важно отметить следующее: так как мы заранее отбираем из массива антропологической литературы краиносерии лишь с малой среднегрупповой величиной черепной коробки (параметр ОРВ), то особое внимание обращаем именно на признаки её формы. Для удобства в нижележащей Табл. 1 приводится балловая рубрикация некоторых из этих признаков, разработанная по многим современным краиносериям Земли и опубликованная нами ранее (Пестряков, Григорьева 2004). В данной рубрикации средним баллом является четвёртый (не третий, как чаще всего бывает), подобно балловой шкале, принятой в известном антропометрическом руководстве В. П. Алексеева и Г. Ф. Дебеца (Алексеев, Дебец 1964). В настоящей работе, ради упрощения задачи, рассматриваются только мужские черепа.

Так как статья посвящена изучению малоголовых популяций, то именно по малой и очень малой величине черепной коробки (параметр ОРВ) мы отбираем краиносерии для сравнительного анализа. Верхнюю границу этого параметра мы устанавливаем по данным Табл. 1 — малая или очень малая величина $OPB \leq 260,9$. Сверхмалая величина этого признака встречается только у отдельных черепов, обычно в женских краиносериях, которые мы в данной работе не рассматриваем совсем.

К сожалению, численность краинологических серий названных популяций, находящихся в нашем распоряжении мала, да и численность черепов в этих сериях как правило тоже невелика (особенно в сериях африканских пигмеев).

Из литературных источников взяты первичные материалы (среднегрупповые величины трёх основных диаметров черепа) по следующим сериям: из статьи Г. Бонина одна серия андаманцев и одна серия аэта (*Bonin 1931*), из публикации М. Каппieri другая серия андаманцев (*Cappieri 1964*, цит. по *Чебоксаров 1982*), из работы Жене-Версена ещё одна серия аэта (*Genet-Varsin 1951*). По африканским пигмеям в

нашем распоряжении ещё меньше крааниологического материала, а именно: серия из работы Рибота (*Ribot 2003*) — 9 черепов, из сводки Хаузлса (*Howells*, интернет сайт) — 3 черепа и неопубликованные данные по четырём мужским черепам пигмеев бабинга, любезно предоставленные С. В. Васильевым. Данные по ряду крааниологических серий взяты из табличного приложения к книге Н. Н. Чебоксарова «Этническая антропология Китая» (*Чебоксаров 1982*).

Таблица 1

**Границы предлагаемых градаций (баллов) величин некоторых признаков
формы черепной коробки**

Параметры	ОРВ	УД	УБ	УГ	ВПУ (17:8)
Их баллы (градации)	Размах величин балла				
1. Сверх малый	243,7 и <	116,5 и <	79,1 и <	75,5 и <	80,1 и <
2. Очень малый	243,8 — 254,7	116,6 124,0	—	79,2 — 84,8	75,6 — 80,8
3. Малый	254,8 — 260,9	124,1 128,2	—	84,9 — 88,0	80,9 — 83,8
4. Средний	261,0 — 267,8	128,3 132,9	—	88,1 — 91,6	83,9 — 87,0
5. Большой	267,9 — 274,0	133,0 137,1	—	91,7 — 94,8	87,1 — 90,0
6. Очень большой	274,1 — 285,0	137,2 144,6	—	94,9 — 100,5	90,1 — 95,3
7. Сверх большой	285,1 и >	144,7 и >	100,6 и >	95,4 и >	109,3 и >

Следует также сказать, что практически по всем названным сериям мы не имеем индивидуальных данных черепов, что естественно ограничивает весомость наших выводов. Всего вышеназванных серий оказалось лишь 7. Однако это число законно можно дополнить другими крааниосериями, также принадлежащими к большой экваториальной расе и имеющими такую же малую величину черепной коробки.

Результаты и обсуждение

Согласно нашим работам по крааниологии африканских популяций (*Пестряков, Григорьева 2013; Пестряков, Григорьева, Пеленицына 2020*), очень вероятно, что около одной-двух тысяч лет назад, до времени начала экспансии народов банту, абсолютно доминирующим населением Центральной Африки — зоны густых тропических дождевых лесов, были популяции пигмеев, охотников и собирателей, которые в дальнейшем стали смещиваться с пришлыми бантуязычными земледельцами,

переходя на земледелие. Вероятно, серьёзную роль в этом процессе сыграли два очень важных и масштабных социальных события, произошедших здесь в середине второго тысячелетия н. э.

Первое. Начиная с XV в. португальские морские экспедиции, изучавшие атлантическое побережье Африки, вступали в торговый и идеологический контакт с социальной элитой туземных государственных образований местных племён, активно обращая её в католичество. В это время многие местные африканские вожди вместе с крещением принимали также христианские имена и европейские аристократические титулы. Правитель государства называл себя королём, а правители провинций — герцогами, маркизами, графами. Параллельно с поверхностной христианизацией местного негрского населения, португальские торговцы обменивали примитивные европейские товары на ценные породы дерева, слоновую кость, медь и, особенно важно, на рабов. Это был первый импульс масштабной трансатлантической торговле африканскими рабами, продолжавшейся почти 400 лет, до начала XIX в. Союзные португальцам короли прибрежных государств и вождевств тропической Африки организовывали доставку рабов из отдалённых её территорий, распространяя работторговлю далеко вглубь континента.

Второе. В начале 60-х годов XVI в. приатлантические африканские государства подверглись нашествию варварских орд яга, пришедших из глубины континента. Волны этих жестоких нашествий затем неоднократно прокатывались по территории тогдашнего государства Конго и соседних земель в XVI–XVII вв. н. э. (Орлова, Львова 1978; Томановская 1984). Английский моряк Эндрю Беттел прожил среди яга около двух лет и оставил подробное описание их жизни (Battel 1625): «Женщины яга, подобно мужчинам, носили оружие и участвовали в сражениях. Обычай не разрешал иметь детей: каждого новорождённого убивали. Чтобы восполнить неизбежный урон, который несло войско в непрерывных войнах и набегах, яга охотно включали в свой состав мальчиков, подростков и девушек тех племён и народов, на территории которых они вторгались и чьё взрослое население истребляли в подавляющей массе или поголовно» (цит. по: Орлова, Львова 1978: 70).

Подобные трагические события приводили к заметному территориальному перемещению и массовому смешению исходных племенных группировок. Это могло способствовать, в частности, инкорпорации популяций пигмеев в хозяйственно более развитые племена и ранние государства банту. Сложение современных земледельческих народов территории бассейна Конго произошло видимо сравнительно недавно, поэтому здесь не осуществилась краинологическая гомогенизация населения. Следовательно, мы имеем право к африканским популяциям пигмеев добавить серию басуку из центральной части котловины Конго и серию хуту из Руанды (Ribot 2003), так как по величине черепной коробки они не отличаются от наших серий пигмеев, а территориально они перемежаются с ними. Предположительно этнические группы басуку и хуту образовались из субстратного этнического слоя пигмеев, перешедших под воздействием соседних племён банту от присваивающего типа хозяйства к производящему — земледелию. Американский африканист профессор Дж. Кларк писал: «...Банту, переселившиеся в лесные районы (в тропический дождевой лес — А. П.) несколько столетий назад, оказались к настоящему времени морфологически близкими к пигмеям и отличными от населения саванн, от которых они отделились» (Кларк 1977: 161).

Аналогично с вышеизложенным, к малоголовым азиатско-океанийским группам андаманцев и аэта нами были добавлены серии меланезийцев острова Каниет и меланезийцев племени бейнингс с острова Новая Британия, а также четыре наиболее малоголовых серии папуасов Новой Гвинеи (Alekseyev 1973). Т. е. те краиносерии, которые по размеру черепной коробки близки сериям андаманцев и аэта.

Ниже, в Табл. 2 представлены среднегрупповые величины изучаемых краинологических параметров в отобранных нами сериях.

Таблица 2
Краинологические характеристики черепной коробки некоторых малоголовых популяций экваториалов (муж.)

Серия, исследователь	1	8	17	OPB	8:1	17:1	17:8	УД	УБ	УГ	СС
пигмеи, Рибот	175,4	134,8	130,0	256,6	76,9	74,1	96,4	132,5	89,3	84,5	80,5
пигмеи, Хаэллс	177,0	130,3	135,7	258,3	73,6	76,7	104,1	133,1	84,1	89,4	80,0
пигмеи, Васильев	175,5	129,5	131,0	254,4	73,8	74,6	101,2	134,7	85,4	86,9	79,2
басуку, Рибот	178,2	128,7	130,9	255,8	72,2	73,5	101,7	137,3	84,3	86,4	77,8
хуту, Рибот	178,5	130,2	123,1	252,9	73,0	69,0	94,5	141,0	87,9	80,7	75,9
андаманцы, Бонин	166,6	136,4	129,9	251,5	81,9	78,0	95,4	125,2	92,7	86,2	84,6
андаманцы, Капиери	167,2	135,6	128,9	250,9	81,1	77,1	95,1	126,5	92,3	87,8	84,5
аэта, Жене-Версен	168,1	137,2	128,4	252,1	81,6	76,4	93,6	126,7	93,4	84,5	83,7
аэта, Бонин	171,0	143,5	136,2	261,5	84,0	79,6	95,0	122,3	94,0	86,9	86,2
меланезийцы о. Каниет	170,3	138,3	131,6	255,8	81,2	77,3	95,2	126,2	92,4	85,8	84,0
меланезийцы бейнингс	172,2	136,6	133,7	257,27	79,33	77,6	97,9	127,42	90,0	87,2	83,3
папуасы, центр Новой Гвинеи	178,8	130,7	130,2	256,9	73,2	72,8	99,6	136,7	85,7	85,2	78,0
Папуасы зал. Астролябии	176,6	131,4	130,9	256,1	74,4	74,1	99,6	133,94	86,4	85,9	79,5
папуасы п-ова Оинин	183,7	126,7	132,3	259,4	69,0	72,0	104,4	142,64	81,3	86,7	75,1
папуасы реки Лоуренса	179,5	127,1	130,9	255,9	71,0	72,9	103,0	139,16	82,9	86,7	76,8
Число серий	15	15	15	15	15	15	15	15	15	15	15
Средняя межгрупповая	174,57	133,13	130,91	255,69	76,42	75,05	98,45	132,36	88,14	86,05	80,61
Сигма межгрупповая	5,09	4,77	3,10	2,95	4,71	2,80	3,74	6,32	4,19	1,93	3,54
Коэффициент вариации	2,92	3,58	2,37	1,15	6,16	3,73	3,80	4,77	4,75	2,24	4,39

Из этой таблицы видно, что в одной из приведённых краиносерий (аэта, исследованные немецким антропологом Г. Бонином) среднегрупповая величина черепной коробки (параметр OPB) несколько превышает установленный нами предел в 260,9. Это видимо связано с тем, что в данной популяции аэта, обитавшей на острове Лусон (Филиппины) имеется заметная инородная примесь, скорее всего тагалов, основного земледельческого этноса Филиппин. В то время как в другой краиносерии аэта, исследованной Жене-Версеном, подобная примесь не заметна. По данным всех этих 15 краиносерий построена дендрограмма, учитывающая лишь признаки формы черепной коробки (*Rис. 1*), так как её среднесерийная общая ростовая величина (OPB) ограничена по смыслу исследования (см. название статьи).

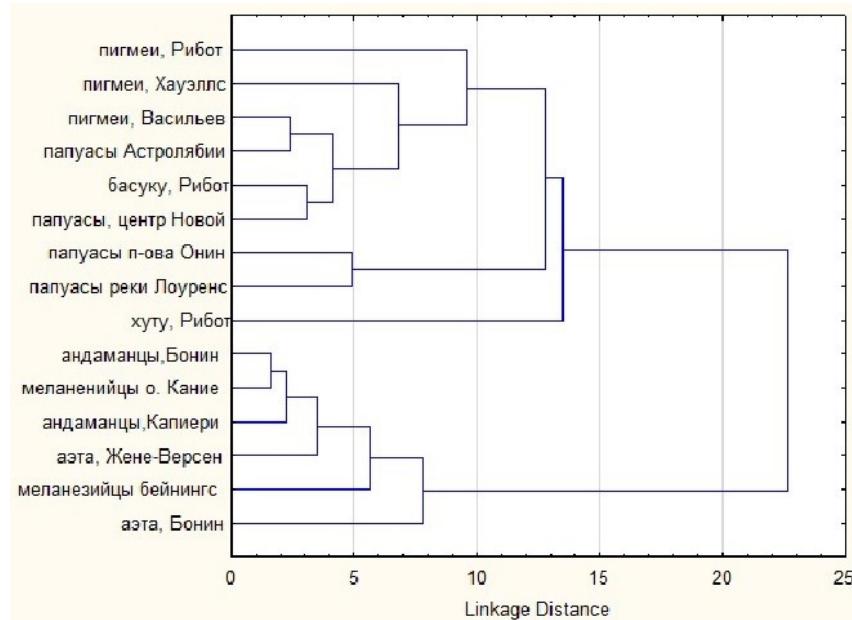

Рис. 1. Дендрограмма таксономических расстояний между краиниосериями из табл. № 2 по семи метрическим признакам формы черепной коробки.

Эти 15 краиниосерий на дендрограмме разделились на два кластера. В первый из них попали все африканские серии и все четыре серии папуасов Новой Гвинеи, во второй — аэта, андаманцы и две самые малоголовые серии меланезийцев.

В первый кластер вошли 5 африканских краиниосерий и 4 наиболее малоголовых серий папуасов Новой Гвинеи (табл. 3). Дадим характеристику изучаемых величин формы черепной коробки, усреднённых по этим 9 краиниосериям, используя балловую систему нашей Таблицы 1. В целом для краиниосерий первого кластера характерны следующие характеристики: умеренная долихокрания ($8:1 = 73,01$), большая величина высотно-поперечного указателя ($17:8 = 100,5$ — балл 5), большая величина указателя долихоидности ($УД=136,78$ — балл 5), малая величина указателя брахиоидности ($УБ=85,25$ — балл 3) и средняя величина указателя гипсиоидности ($УГ=85,82$ — балл 4).

Во второй кластер вошли 6 краиниосерий: по две краиниосерии андаманцев, аэта и меланезийцев (табл. 4). Дадим аналогичную характеристику усреднённых величин, признаков формы черепной коробки по этим 6 сериям. Для них характерны следующие особенности: умеренная брахиокрания ($8:1 = 81,52$), средняя величина высотно-поперечного указателя ($17:8 = 95,36$ — балл 4), малая величина указателя долихоидности ($УД=125,72$ — балл 3), большая величина указателя брахиоидности ($УБ=92,47$ — балл 5) и средняя величина указателя гипсиоидности ($УГ=86,40$ — балл 4).

Далее рассмотрим степень различия изучаемых признаков этих двух кластеров и достоверность этого различия по всем 11 краиниологическим признакам.

Таблица 3

Краниологические характеристики серии первого кластера

1 кластер	1	8	17	ОРВ	8:1	17:1	17:8	УД	УБ	УГ	СС
пигмей, Рибог	175,4	134,8	130,0	256,6	76,9	74,1	96,4	132,5	89,3	84,5	80,5
пигмей, Хаэллс	177,0	130,3	135,7	258,3	73,6	76,7	104,1	133,1	84,1	89,4	80,0
пигмей, Васильев	175,5	129,5	131,0	254,4	73,8	74,6	101,2	134,7	85,4	86,9	79,2
баску, Рибог	178,2	128,7	130,9	255,8	72,2	73,5	101,7	137,3	84,3	86,4	77,8
хуту, Рибог	178,5	130,2	123,1	252,9	73,0	69,0	94,5	141,0	87,9	80,7	75,9
папуасы, центра Новой Гвинеи	178,8	130,7	130,2	256,9	73,2	72,8	99,6	136,7	85,7	85,2	78,0
папуасы Астролябии	176,6	131,4	130,9	256,1	74,4	74,1	99,6	133,94	86,4	85,9	79,5
папуасы п-ова Оинин	183,7	126,7	132,3	259,4	69,0	72,0	104,4	142,64	81,3	86,7	75,1
папуасы реки Лоуренса	179,5	127,1	130,9	255,9	71,0	72,9	103,0	139,16	82,9	86,7	76,8
Число	9	9	9	9	9	9	9	9	9	9	9
Средняя межгрупповая	178,13	129,93	130,56	256,26	73,01	73,30	100,50	136,78	85,25	85,82	78,09
Сигма межгрупповая	2,54	2,42	3,28	1,93	2,20	2,10	3,37	3,58	2,46	2,35	1,87
Коэффициент вариации	1,43	1,86	2,51	0,75	3,01	2,86	3,35	2,62	2,89	2,74	2,39

Таблица 4

Краниологические характеристики серии второго кластера

Серия	1	8	17	ОРВ	8:1	17:1	17:8	УД	УБ	УГ	СС
андаманцы, Бонин	166,6	136,4	129,9	251,5	81,9	78,0	95,4	125,2	92,7	86,2	84,6
андаманцы, Капиери	167,2	135,6	128,9	250,9	81,1	77,1	95,1	126,5	92,3	87,8	84,5
азга, Жене-Версен	168,1	137,2	128,4	252,1	81,6	76,4	93,6	126,7	93,4	84,5	83,7
азга, Бонин	171,0	143,5	136,2	261,5	84,0	79,6	95,0	122,3	94,0	86,9	86,2
меланезийцы о. Капиет	170,3	138,3	131,6	255,8	81,2	77,3	95,2	126,2	92,4	85,8	84,0
меланезийцы бейнингс	172,2	136,6	133,7	257,27	79,3	77,6	97,9	127,42	90,0	87,2	83,3
Число серий	6	6	6	6	6	6	6	6	6	6	6
Средняя межгрупповая	169,23	137,93	131,45	254,85	81,52	77,67	95,36	125,72	92,47	86,40	84,38
Сигма межгрупповая	2,25	2,87	3,03	4,13	1,51	1,11	1,39	1,83	1,36	1,17	1,02
Коэффициент вариации	1,33	2,08	2,11	1,62	1,85	1,43	1,46	1,47	1,35	1,21	

Таблица 5

Различие между выделенными кластерами малоголовых краниосерий экваториального пояса Старого Света

серия	1	8	17	ОРВ	8:1	17:1	17:8	УД	УБ	УГ	СС
1 кластер (n)	9	9	9	9	9	9	9	9	9	9	9
Средняя межгрупповая	178,13	129,93	130,56	256,26	73,01	73,30	100,50	136,78	85,25	85,820	78,093
ошибка средней	0,85	0,81	1,09	0,64	0,73	0,70	1,12	1,19	0,82	0,78	0,62
2 кластер (n)	6	6	6	6	6	6	6	6	6	6	6
Средняя межгрупповая	169,23	137,93	131,45	254,85	81,52	77,67	95,36	125,72	92,47	86,40	84,38
ошибка средней	0,92	1,17	1,24	0,62	0,45	0,57	0,75	0,56	0,48	0,42	
разность	8,90	8,00	0,89	1,41	8,51	4,37	5,14	11,06	7,22	0,58	6,28
Достоверность различия	***	**	нет	нет	***	**	***	***	нет	***	

Примечание. Достоверность разности по t-критерию оценивается по трем уровням, принятым в антропологии: 95% (*), 99% (**) и 99,9% (***) .

Из данных Табл. 5 следует, что по 8 из 11 признаков краниосерии одного кластера с высокой степенью достоверности отличаются от краниосерий другого, обычно по второму или по третьему уровню значимости. Черепа серий первого кластера абсолютно (признак 1) и относительно (признак УД) более длинные, но при этом абсолютно (признак 8) и относительно (признаки 8: 1 и УБ) менее широкие сравнительно с черепами серий второго кластера. Такой эволюционно важный признак как степень сферичности черепной коробки (СС) имеет значительно (и в высшей мере достоверно) большую величину в сериях второго кластера, чем в сериях первого кластера. Этот признак эволюционно важен, так как в различных регионах планеты он имеет одну и ту же выраженную хронологическую тенденцию к увеличению (Пестряков 1991).

Лишь по трём признакам не фиксируется достоверных различий между ними. Это, *во-первых*, по общей величине черепной коробки (ОРВ), что очевидно связано с тем, что мы сознательно отбирали краниосерии с заведомо малой величиной этого параметра. И, *во-вторых*, кластеры также неотличимы по абсолютной (признак 17) и относительной (признак УГ) высоте черепной коробки.

В Табл. 6 даны величины межгрупповых корреляций между размерными признаками отдельно в двух выделенных нами кластерах малоголовых краниосерий. Здесь сразу бросается в глаза качественное различие корреляционных связей в первом и втором кластере исследованных краниосерий.

Таблица 6

**Межгрупповые корреляции между размерными признаками
среди серий 1 и 2 кластеров**

	Краниосерии первого кластера (n=9)					
	1 с 8	1 с 17	8 с 17	1 с ОРВ	8 с ОРВ	17 с ОРВ
Коррелируемые признаки	1 с 8	1 с 17	8 с 17	1 с ОРВ	8 с ОРВ	17 с ОРВ
Коэффициенты корреляции	-0,737	0,018	-0,150	0,462	-0,161	0,758
Ошибка коэффициента	±0,255	±0,378	±0,374	±0,335	±0,373	±0,246
Краниосерии второго кластера (n=6)						
Коррелируемые признаки	1 с 8	1 с 17	8 с 17	1 с ОРВ	8 с ОРВ	17 с ОРВ
Коэффициенты корреляции	0,491	0,819	0,787	0,857	0,851	0,972
Ошибка коэффициента	±0,435	±0,286	±0,308	±0,258	±0,263	±0,117

Величины абсолютных диаметров черепной коробки среди серий первого кластера лишь в одном случае показывают достоверную корреляцию (отрицательную) – между продольным и поперечным диаметрами. В двух других парах величин диаметров (1 с 17 и 8 с 17) статистическая связь не обнаружена. Общая величина черепной коробки среди краниосерий этого кластера показала достоверную корреляцию лишь с высотным диаметром черепа. Всё это свидетельствует о том, краниосерии этого кластера формировались независимо друг от друга.

Краниосерии второго кластера показывают совершенно иную картину межгрупповой взаимосвязи величин изучаемых признаков. За исключением лишь одной пары признаков (1 с 8), все остальные пары коррелируемых величин показывают высокую положительную связь их величин. Это говорит, что краниосерии второго кластера значительно больше связаны в своём происхождении.

Выводы

Итак, мы вправе сделать следующие выводы из материалов настоящей работы.

1. Малоголовые краниологические серии влажного экваториального пояса Старого Света по морфологии черепной коробки неоднородны. Здесь резко различаются два различных краниотипа, имеющие различную форму черепной коробки.
2. Названные африканские серии вместе с выделенными малоголовыми сериями папуасов, т. е. черепа первого кластера, характеризуются чертами панойкуменного краниотипа тропидов: долихокраиной, и вообще удлинённой формой черепной коробки, малой степенью её сферичности. При этом черепа этого краниотипа отличаются от черепов классических тропидов заметно меньшей своей величиной, что позволяет выделить их в локальный краниотип *микротропидов*, который встречается как на западном конце обширного ареала тропидов (пигмеи), так и на его восточном конце (папуасы).
3. Напротив, малоголовые краниосерии второго кластера, встречающиеся на территории островного мира юго-восточной Азии и западной части Меланезии, имеют совершенно другие особенности формы черепной коробки: выраженная брахицефалия, высокая степень сферичности черепной коробки. Эти особенности черепа характерны для, недавно выделенного нами особого краниотипа — *сундидов*, который в настоящее время доминирует в населении западной части Индонезии (Пестряков, Григорьева, Рацковская 2023). Краниосерии второго кластера в краниологическом отношении отличаются от классических сундидов лишь малой величиной черепной коробки и, поэтому, их можно выделить в локальный краниотип *микросундидов*, вместо ранее нами названного краниотипа — «тропические пацифицы»: эти серии были, конечно, тропическими, но не пацифидами.

Остаётся нерешённой главная проблема: почему в географически различных и удалённых друг от друга местах тропического биома дождевых лесов Старого Света среди населения большой экваториальной расы появлялись группы таких малорослых и соответственно малоголовых популяций? Эта проблема требует длительного всестороннего изучения специалистами различных отраслей науки. Особенно необходим сравнительно-генетический анализ подобных популяций.

По этому поводу мы можем высказать лишь некоторые соображения общего порядка.

Природные условия тропического дождевого леса очень далеки от тех, которые могут считаться комфортными для жизни человека. Не так угнетающей и вредной для здоровья человека была постоянная изнуряющая влажная жара, как отсутствие прямого солнечного освещения, жизнь в постоянном полумраке. Солнечный свет, имея в своём спектре ультрафиолетовую компоненту, губителен для многих болезнестворных организмов, которые в этой тёплой влажной среде развиваются в бесчисленном количестве. Известно также, что под воздействием ультрафиолетовой компоненты в коже человека из протовитамина развивается витамин D, необходимый для правильного костного развития организма, так как помогает усваивать кальций и фосфор. Все человеческие болезни умеренного пояса есть и в тропиках. Но кроме них там свирепствуют многочисленные свои болезни: малярия (убийца номер один, к которой у человеческого организма нет иммунитета), вирусная жёлтая лихорадка (называемая английскими моряками парусного века — «жёлтый джек»), африкан-

ский трипаносомоз (сонная болезнь), многочисленные гельминтозы, среди которых — вухерериоз (слоновая болезнь, уродующая человека), наконец, тропический сифилис фрамбезия, особенно поражающий детей и передающийся не половым путём. При этом традиционное питание уaborигенов тропического леса очень скромное, с преобладанием растительных продуктов, с нехваткой полноценных животных белков. Всё это не способствовало здоровому физическому развитию этих людей.

Источники и материалы

- Battel 1625 — Battel A. The Strange Adventure of Andrew Battel of Leigh in Essex // Purchas S. His Pilgrimes. London. 1625. Vol. II. 1112 p.
- Cappieri 1964 — Cappieri M. Skellelt-Untersuchung und Messung der Knochen der Andamaner // Acta facultatis rerum naturalium universitatis Comenianae. T. IX. Fasc. III, IV. Anthropologia, publication VIII. Bratislava, 1964. — цит. по Чебоксаров Н. Н. Этническая антропология Китая. М.: Наука, 1982. 301 с. Приложение, таблица 7.
- Howells — Howells W. W. Craniometric data set [Электронный ресурс]. <http://web.utk.edu/~auerbach/HOWL.htm>

Научная литература

- Алексеев В. П., Дебец Г. Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 128 с.
- Алексеев В. П. Материалы по краниологии Новой Гвинеи, Зондских и Моллукских островов, Малайского полуострова // Культура народов Австралии и Океании. Сборник Музея антропологии и этнографии. Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, 1974. С. 187–236.
- Кларк Дж. Д. Доисторическая Африка. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1977. 264 с.
- Машкин В. И. Зоогеография. М.: Академический проект, 2006. 379 с.
- Орлова А. С., Львова Э. С. Страницы истории великой саванны. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1978. 278 с.
- Пестряков А. П. Хронологическая изменчивость тотальных размеров и формы мозгового черепа как показатель единства морфологической эволюции человечества // Расы и расизм. История и современность. М.: Наука, 1991. С. 29–59.
- Пестряков А. П., Григорьева О. М. Краниологическая дифференциация современного населения // Расы и народы. Ежегодник № 30. М.: Наука, 2004. С. 86–131.
- Пестряков А. П., Григорьева О. М. Краниотипы африканского континента // Вестник антропологии. 2013. № 3 (25). С. 22–36.
- Пестряков А. П., Григорьева О. М., Пеленицына Ю. В. Краниологический аспект генезиса населения тропической транссахарской Африки // Вестник антропологии. 2020. № 3 (51). С. 261–279. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2020-51-3/261-279>
- Пестряков А. П., Григорьева О. М., Рацковская Ю. В. Локальный краниотип сундидов. Его географический центр и смешение с соседствующими популяциями // Вестник антропологии. 2023. № 1. С. 351–364. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2023-1/351-364>
- Томановская О. С. Проблема происхождения яка-жага // Африканский этнографический сборник. № XIV. Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, 1984. С. 62–85.
- Уоллес А. Тропическая природа. М.: Государственное издательство географической литературы, 1956. 223 с.
- Чебоксаров Н. Н. Этническая антропология Китая. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1982. 301 с.
- Alekseyev V. P. Craniological Material from New Guinea, Indonesia and the Malayan Peninsula // Anthropologie. 1973. Vol. 11. Iss. 3. P. 201–248.

- Bonin Gerhard von. Beitrag zur Kranieologie von Ost-Asien // Biometrika, 1931. Vol. 21. № 1/2 (Nov. 1931). P. 52–113.
- Genet-Varsin E. Les Negritos de l'ile de Luson (Philippines). Paris: Masson, 1951. 259 p.
- Hill W. The Physical Anthropology of the Existing Veddas of Ceylon // Ceylon Journal of Science (Section G. Anthropology). Ceylon, 1941. Vol. III. P. 11.
- Ribot I. Craniometrical Analysis of Central and East Africans in Relation to History. A Case Study Based on Unique Collections of Known Ethnic Affiliation // Anthropologica et Prehistorica. 2003. Vol. 114. P. 25–50.
- Woo T. L., Morant G. M. A Preliminary Classification of Asiatic Races Based on Crania Measurements // Biometrika. 1932. V. 24. P. 108–134.

References

- Alekseev, V. P., and G. F. Debets 1964. *Kraniometriia. Metodika antropologicheskikh issledovanii* [Craniometry. Methods of Anthropological Research]. Moscow: Nauka. 128 p.
- Alekseyev, V. P. 1973. Craniological Material from New Guinea, Indonesia and the Malayan Peninsula. *Anthropologie* 11 (3): 201–248.
- Alekseev, V. P. 1974. Materialy po kraniologii Novoj Gvinei, Zondskih i Molukkskikh ostrovov, Malajskogo poluostrova [Materials on the Craniology of New Guinea, the Sunda and Moluccas Islands, and the Malay Peninsula]. In *Kul'tura narodov Australii i Okeanii. Sbornik Muzeya antropologii i etnografii* [Culture of the Peoples of Australia and Oceania. Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]. Leningrad: Nauka, Leningradskoe otdelenie. 187–236.
- Bonin, Gerhard von. 1931. Beitrag zur Kranieologie von Ost-Asien. *Biometrika* 21(1/2): 52–113.
- Cheboksarov, N. N. 1982. *Etnicheskaya antropologiya Kitaya* [Ethnic Anthropology of China]. Moscow: Nauka. 301 p.
- Genet-Varsin, E. 1951. *Les Negritos de l'ile de Luson (Philippines)*. Paris: Masson. 259 p.
- Hill, W. 1941. The Physical Anthropology of the Existing Veddas of Ceylon. *Ceylon Journal of Science (Section G. Anthropology)* 3: 11.
- Klark, D. D. 1977. *Doistoricheskaiia Afrika* [Prehistoric Africa]. Moscow: Nauka. 264 p.
- Mashkin, V. I. 2006. *Zoogeografija* [Zoogeography]. Moscow: Akademicheskii proekt. 379 p.
- Orlova, A. S., and E. S. Lvova. 1978. *Stranitsy istorii velikoj savanny* [Pages of the History of the Great Savanna]. Moscow: Nauka. 278 p.
- Pestriakov, A. P. 1991. Khronologicheskaiia izmenchivost total'nyh razmerov i formy mozgovogo cherepa kak pokazatel' edinstva morfologicheskoi evolyutsii chelovechestva [Chronological Variability of the Total Size and Shape of the Cerebral Skull as an Indicator of the Unity of the Morphological Evolution of Mankind]. In *Rasy i rasizm. Iстория и современность* [Race and Racism. History and Modernity]. Moscow: Nauka. 29–59.
- Pestriakov, A. P., and O. M. Grigorieva. 2004. Kraniologicheskaiia differentsiatsiia sovremennoego naseleniia [The Craniological Differentiation of the Contemporary Population]. *Rasy i narody* 30: 86–131.
- Pestriakov, A. P. and O. M. Grigorieva. 2013. Kraniotipy afrikanskogo kontinenta [Craniotypes of the African Continent]. *Vestnik antropologii* 3 (25): 22–36.
- Pestriakov, A. P., O. M. Grigorieva, and Y. V. Pelenycyna. 2020. Kraniologicheskij aspekt genezisa naseleniya tropicheskoy transsaharskoj Afriki [Craniological Aspect of the Genesis of the Population of Tropical Trans-Saharan Africa]. *Vestnik antropologii* 3 (51): 261–279. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2020-51-3/261-279>
- Pestriakov, A. P., O. M. Grigorieva and Y. V. Rashkovskaya. 2023. Lokalnyi kraniotip sundidov. Ego geograficheskii centr i smeshenie s sosedstvuyushchimi populyatsiiami [Local Craniotype of Sundids. Its Geographical Center and Mixing with Neighboring Populations]. *Vestnik antropologii* 1: 351–364. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2023-1/351-364>

- Ribot, I. 2003. Craniometrical Analysis of Central and East Africans in Relation to History. A Case Study Based on Unique Collections of Known Ethnic Affiliation. *Anthropologica et Prehistorica* 114: 25–50.
- Tomanovskaia, O. S. 1984. Problema proiskhozhdeniia yaka-zhaga [The Problem of the Origin of the Yak-zhag]. In *Afrikanskii etnograficheskii sbornik* [African Ethnographic Collection] XIV: 62–85.
- Wallace, A. 1956. *Tropicheskaiia priroda* [Tropical Nature]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatelstvo geograficheskoi literatury. 223 p.
- Woo, T. L. and G. M. Morant. 1932. A Preliminary Classification of Asiatic Races Based on Crania Measurements. *Biometrika* 24: 108–134.

УДК 572

DOI: 10.33876/2311-0546/2023-4/331-348

Научная статья

© Ю. В. Рацковская (Пеленицына), Н. В. Харламова

ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОЕ НАСЕЛЕНИЕ ЗАГОРОДСКОГО ПОСАДА ГОРОДА ТВЕРИ ПО ДАННЫМ КРАНИОЛОГИИ И ОДОНТОЛОГИИ*

Статья посвящена публикации новых краниометрических и одонтологических данных, характеризующих население г. Тверь в XVII в. В основу исследования легла краниологическая серия, полученная в ходе спасательных археологических работ, проведенных в 2019 г. под руководством О. Е. Рыбаковой на территории кладбища юго-восточной окраины Загородского посада Твери. Полученные краниологические характеристики 11 мужчин и 19 женщин сравнивались с позднесредневековыми краниологическими сериями с территории Европейской части России. Данные обработаны методами многомерной статистики (метод главных компонент и канонический анализ). Выяснилось, что мужская часть группы морфологически приближена к ранее исследованным группам из г. Твери и Ленинградской области, и характеризуется несколько высоким переносием, небольшой высотой носа и шириной орбиты, а также более округлой головой по сравнению с остальными сериями. Женская часть группы сблизилась с группами из Твери и Костромы, для которых характерны несколько высокие орбиты и узкие по наименьшей ширине лбы. Одонтологическое исследование 30 индивидов по программе А. А. Зубова показало принадлежность погребенных к западному одонтологическому стволу с чертами северного грацильного типа. По сравнению с синхронными сериями г. Твери в изученной выборке отмечается более высокая степень редукции зубной системы, большая частота резцов лопатообразной формы. Немногочисленность наблюдений в силу сохранности останков не позволяет провести более детальный статистический анализ одонтологической выборки. Предполагается, что выявленные краниологические и одонтологические особенности могут иметь финно-угорское происхождение.

Ключевые слова: палеоантропология, краниология, одонтология, Загородский посад, позднесредневековое население, Тверь

Ссылка при цитировании: Рацковская (Пеленицына) Ю. В., Харламова Н. В. Позднесредневековое население Загородского посада города Твери по данным краниологии и одонтологии // Вестник антропологии. 2023. № 4. С. 331–348.

Рацковская (Пеленицына) Юлия Вадимовна — стажер-исследователь, Институт этнологии и антропологии РАН (Российская Федерация, 119334 Москва, Ленинский пр., 32А). Эл. почта: j.pelenitsyna@gmail.com ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3378-9151>

Харламова Наталья Владимировна — к. и. н., старший научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН (Российская Федерация, 119334 Москва, Ленинский пр., 32А). Эл. почта: natasha_kharlamova@iea.ras.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9087-9490>

* Статья подготовлена в рамках гранта РНФ № 23-48-10011 «Биоархеологическая реконструкция образа жизни и физических характеристик средневекового населения Беларуси и европейской части России».

© Yulia Rashkovskaya (Pelenitsyna), Natalia Kharlamova

LATE MEDIEVAL POPULATION OF ZAGORODSKY POSAD (TVER CITY, RUSSIA) BASED ON CRANIOMETRIC AND DENTAL NON-METRIC TRAITS

The article presents new craniometric and dental morphology data on the population of the 18th century Russian city of Tver. Archaeological excavation headed by O. E. Rybakova was carried out on the territory of Tver necropolis (South-east part of Zagorodsky posad — territory division of Tver in 18th century) in 2019. Revealed human remains were studied according to standard cranial metrics protocol and Russian odontological program of Alexander Zubov. Craniometric data on 11 male skulls and 19 female skulls were compared with 18 Late Mediaeval samples from the European part of Russia using principal component and canonical analyses. Men were found to be morphologically close to previously studied male samples from Tver and Leningrad oblast. They are characterized by high nasal bridge, small nasal height and orbit width and more round head. Women are close to Tver and Kostroma female samples, being characterized by high orbits and narrow foreheads (based on minimum forehead breadth). Dental morphology data on 30 individuals attributes the studied sample to Western odontological stock with features of Northern gracile type. Compared with Late Medieval Tver samples, the studied one shows more reduction of the dental system and higher frequency of shovel-shaped incisors. Small sample size due to poor preservation of human remains not sufficient for observing the key traits precludes further statistical analysis of dental data. However, the data obtained in this study suggest possible Finno-Ugric origin of the described features. This hypothesis will be tested in further studies.

Keywords: paleoanthropology, craniology, dental morphology, Late Medieval population, Zagorodsky Posad, Tver

Authors Info: Rashkovskaya (Pelenitsyna), Yulia V. — trainee researcher, the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (Moscow, Russian Federation). E-mail: j.pelenitsyna@gmail.com
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3378-9151>

Kharlamova, Natalia V. — Ph.D. in History, Senior Researcher, the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (Moscow, Russian Federation). E-mail: natasha_kharlamova@iea.ras.ru
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9087-9490>

For Citation: Rashkovskaya (Pelenitsyna), Yu. V. and N. V. Kharlamova. 2023. Late Medieval Population of Zagorodsky posad (Tver city, Russia) based on Craniometric and Dental Non-Metric Traits. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 4: 331–348.

Funding: The article was prepared within the framework of the Russian Science Foundation grant 23-48-10011 «Bioarchaeological Reconstruction of the Lifestyle and Physical Characteristics of the Medieval Population of Belarus and the European Part of Russia».

Введение

Археологические исследования в Твери позволяют говорить о появлении укрепленного поселения в XII в. на правом берегу Волги, у реки Тьмаки. В XIII–XV вв. собственно город представлен Кремлем, за стенами которого располагались четыре посада: Загородский, Заволжский, Затьмакский и Затверецкий (Хохлов 2023). В XIV в. город претендовал на звание столицы, но уступил Москве. Становлению Твери как значимого промышленного, торгового и транспортного центра способствовало выгодное расположение как на путях к Новгороду, так и впоследствии к новой столице Российской империи — городу Санкт-Петербургу. Историю города хранят не только летописи и предметы культуры, но и останки его жителей. Так, изучение новых палеоантропологических материалов с кладбища Загородского посада дает представление о формировании морфологических особенностей населения Твери в XVIII в.

По археологическим и архивным данным, до середины XVIII в. в юго-восточной части Загородского посада (по улице Лидии Базановой) находился дом для убогих, беспомощных и бесприютных, при котором было церковное место, где хоронили умерших (Лаврова 2009). В 1750 г. было решено построить на этом месте беспринадлежную церковь во имя Божией Матери «Всех скорбящих Радость». Кладбище при церкви датируется коротким временным промежутком — второй половиной XVIII в. По воспоминаниям тверского купца Михаила Тюльпина, место под новое кладбище было выделено только в 1765 г. (Колосов 1902). Существовало оно недолго: в 1767 г. после визита Екатерины II в Тверь появился план устроить в этой части города площадь, получившую название по упомянутой ранее церкви — Скорбященская (она же Дровянная). Но уже в 1771 г. после эпидемии чумы был издан указ о запрете хоронить внутри городов при церквях, для кладбищ отводятся места за городом.

В 2019 г. по адресу ул. Базановой, 51 (раскоп 114 участок 4) выполнялись спасательные археологические работы, в ходе которых был зафиксирован участок кладбища (*Рис. 1*). Земельный участок, на котором проводились археологические исследования, располагался на правом берегу р. Лазурь (правого притока р. Тьмаки), в 650 м от устья. Расстояние от уреза воды в р. Лазурь 140–150 м к северо-востоку. Объект исследования располагается на юго-восточной окраине Загородского посада средневековой Твери (*Рис. 1, Рыбакова 2023*).

Южная часть некрополя исследована в 2008 г. Г. А. Лавровой на противоположной стороне ул. Л. Базановой (раскоп 142). Выявленные погребения отнесены автором работ к двум некрополям: общегородскому кладбищу второй половины XVIII в. и бывшему здесь ранее кладбищу для погребения «неисправно умерших» при убогом доме (Лаврова 2009).

В ходе работ 2019 г. зафиксированы 54 могильные ямы. Погребения располагались в один ярус (исключение составляют погребения 1 и 15 в кв. А-9-10), что может косвенно указывать на непродолжительное время существования некрополя. Глубина могильных ям от поверхности материка — 0,90–1,20 м., в погребениях младенцев — 0,6–0,7 м.

Переданные для изучения в Центр физической антропологии ИЭА РАН костные останки предоставляют новые данные к вопросу о формировании антропологического облика населения региона в целом, и города в частности. Краниологическое и одонтологическое исследование полученной палеоантропологической серии проводилось с целью охарактеризовать внешний облик жителей Твери на фоне других

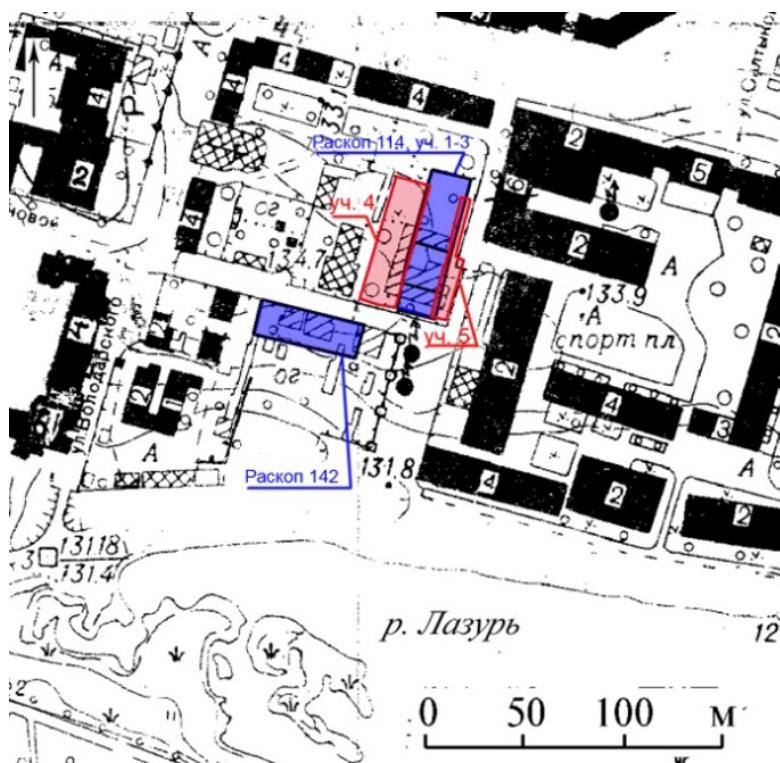

Рис. 1. Карта расположения Загородского кладбища (Источник: Рыбакова 2023).

выборок позднего средневековья. В дальнейшем планируется провести более детальное сопоставление как краниологического, так и одонтологического материала с территории Загородского посада Твери, а также проследить динамику изменений в рамках одного города.

Материалы и методы

Для палеоантропологического исследования были предоставлены костные останки 43 индивидов. Для краниологической части работы были отобраны наиболее ценные черепа 30 взрослых индивидов, из них 11 черепов принадлежат мужчинам и 19 — женщинам. Одонтологическая выборка включает описание постоянных зубов 30 индивидов, из них двое детей и четверо представителей старшей возрастной категории 50+ (senilis). В соответствии с традицией одонтологических исследований характеристика выборкидается без разделения по полу.

По стандартной краниологической программе измерялись 38 линейных и угловых размеров (Алексеев, Дебец 1964). Анализ краниометрических данных методом главных компонент проведен в программе Б. А. Козинцева «Canon» по 9 признакам (здесь и далее приведены номера по Мартину): 1, 8, 17, 46, 48, 77, zm, 52/51, 54/55. Для определения места серии среди серий того же времени был применен канонический анализ в программе «Multican» (Гончаров, Гончарова 2016) по следующим 13 признакам: 1, 8, 17, 9, 45, 48, 55, 54, 51, 52, 77, zm, SS/SC. Описание морфологии зубов проводилось по российской одонтологической программе, изложенной в работах А. А. Зубова и его последователей (см. напр., Зубов, Халдеева 1993).

Результаты исследования

Краниологическое исследование. Основные краниометрические характеристики мужской части серии приведены в Табл. 1.

Таблица 1

Краниологическая характеристика мужской части выборки (Тверь, Загородский посад)

Признак	N*	X**	min	max	S***	V****
1. Продольный диаметр	10	175,1	167	183	4,30	2,46
8. Поперечный диаметр	10	144,1	135	151	3,86	2,68
17. Высотный диаметр	11	131,2	125	137	2,20	1,68
9. Наименьшая ширина лба	11	94,0	90	98	2,55	2,71
10. Наибольшая ширина лба	10	121,2	119	125	1,84	1,52
46. Средняя ширина лица	11	90,4	84	97	3,31	3,66
43. Верхняя ширина лица	10	101,9	96	108,5	3,65	3,58
45. Скуловой диаметр	10	129,8	122	139	4,84	3,73
48. Верхняя высота лица	11	67,0	62	71	2,73	4,07
51. Ширина орбиты (п)	11	38,2	36	42	1,32	3,46
52. Высота орбиты (п)	11	31,0	28	34,5	2,12	6,86
SC. Симотическая ширина	11	9,4	6,5	13	1,62	17,21
55. Высота носа	11	48,9	42	54	2,63	5,38
54. Ширина носа	11	23,8	21,5	26	1,07	4,51
77. Назо-малярный угол	10	139,6	131	153	4,52	3,24
ZM. Зигомаксиллярный угол	10	128,6	122	136	4,20	3,27
Указатели	N	X	min	max	S	V
8/1. Черепной	10	82,3	75,0	86,8	2,30	2,79
17/1. Высотно-продольный	10	75	69,4	78,2	2,06	2,75
17/8. Высотно-поперечный	10	91,2	85,0	101,5	3,78	4,15
52/51. Орбитный	11	81,1	73,7	91,7	4,78	5,89
54/55. Носовой	11	48,9	42,6	55,3	3,01	6,15
48/45. Верхний лицевой	10	52,0	44,6	56,9	2,57	4,95
48/46. Верхний среднелицевой	11	74,3	64,6	81,0	4,40	5,92

Примечание: здесь и далее N* — число наблюдений, X** — среднее значение, S*** — среднеквадратическое отклонение, V**** — коэффициент вариации

Мужчины исследуемой серии характеризуются небольшим продольным диаметром черепа, средними размерами поперечного, и, таким образом, данная выборка по головному указателю попадает в категорию брахицерии (82,3), что свидетель-

ствует о круглой форме черепа мужчин. О высоких значениях черепного указателя населения Тверской губернии писал В. П. Алексеев, а также о том, что они наиболее характерны кривичам (Алексеев 1969). Высотный диаметр попадает в категории малых значений, черепа гипсикранные по высотно-продольному указателю и тапеино-кранные по высотно-поперечному указателю.

По наименьшей ширине лба черепа попадают в градации средних размеров. Однако наибольшая ширина лба оказывается в градации больших значений. По склеровому диаметру черепа находятся на границе малых и средних размеров. Верхняя высота и ширина лиц малая, назомалярный угол находится на границе малых и средних значений, зигомаксиллярный угол малый, таким образом, лицо заметно профилировано, что характерно для европеоидного населения (Рогинский, Левин 1963). Лицо мезенное, нос малый по высоте и ширине, мезоринный по указателю. Орбиты малые по ширине и высоте, по указателю мезаконхные. Нижняя челюсть средняя по всем исследуемым широтным размерам.

Для оценки однородности выборки в программе «Canon» был проведен внутригрупповой статистический анализ методом главных компонент. Первые две главные компоненты описывают более 50% изменчивости (Табл. 2). Согласно ГК I серию можно дифференцировать в первую очередь по увеличению поперечного диаметра и верхней высоты лица параллельно с уменьшением высотного диаметра и ширины носа. В противопоставление ей, вторая главная компонента описывает серию как более длинноголовую с большими размерами назомалярного и зигомаксиллярного углов.

Таблица 2

Коэффициенты корреляции между значениями трех главных компонент и краиниологическими признаками для мужской части выборки

Признак / ГК	ГК I	ГК II	ГК III
1	0.272	-0.640	0.601
8	0.674*	0.279	0.566
17	-0.549	-0.308	-0.127
46	-0.452	-0.194	0.417
48	0.861	0.028	-0.257
77	-0.114	0.839	-0.194
zm	0.294	0.785	0.245
52/51	0.426	-0.342	-0.738
54/55	-0.800	0.356	-0.018
% описываемой изменчивости	30,00	24,28	17,55

Примечание: * Полужирным шрифтом выделены значения, превышающие 0,7; курсивом — значения менее 0,7 и более 0,5

Среднеквадратичные отклонения в группе имеют невысокие значения (Табл. 1), отражая однородность группы в целом. В то же время результаты анализа главных компонент (Рис. 2), а также построенная на их основе дендрограмма (Рис. 3) выделяют две близкие группы: одно объединение характеризуется более округлой черепной коробкой, высоким лицом, узким носом (№№ 23, 25, 45, 47, 53, 49); второе же тяготеет к удлинению головы, отличается низким лицом с широким грушевидным

отверстием (№№ 2, 6, 30). Не входящие в объединения черепа: № 15 характеризуется крайне маленьким продольным диаметром и высоким значением назо-маллярного угла, № 22 имеет большие значения продольного и высотного диаметра.

В межгрупповой анализ было решено не включать череп под номером 15 как выходящий за пределы 3 сигм по совокупности характеристик. Для межгруппового

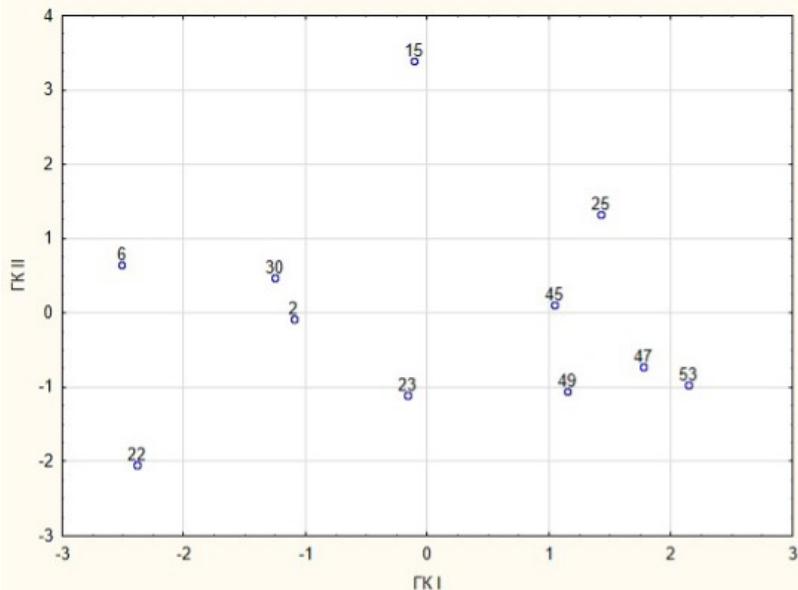

Рис. 2. Анализ главных компонент для мужской части выборки по индивидуальным данным (указаны номера погребений).

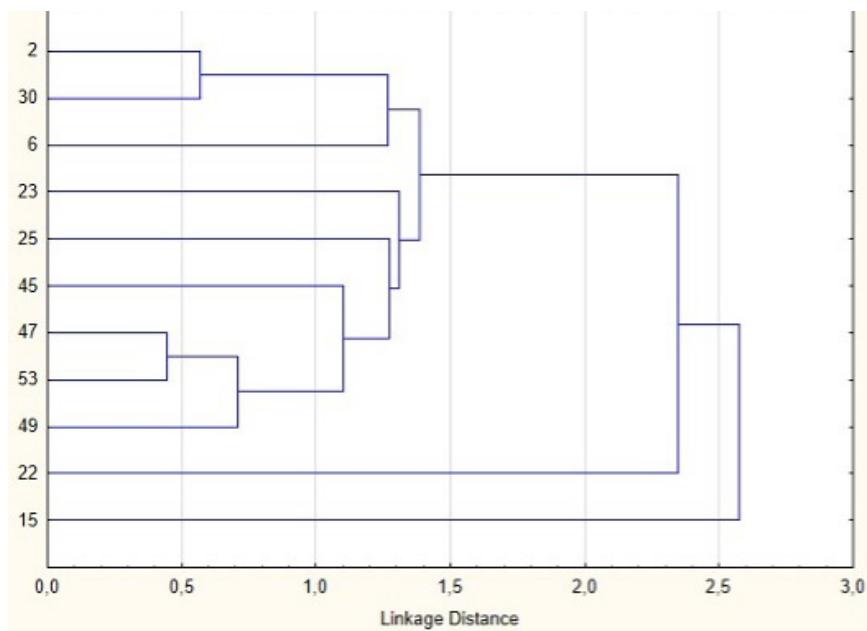

Рис. 3. Дендрограмма расстояний, построенная на основе анализа ГК (мужчины, указаны номера погребений).

сравнения был использован канонический анализ по 13 крациометрическим признакам (Табл. 3). В качестве сравнительного материала привлекались 18 синхронных серий Европейской части России (Васильев 2020; Гончарова, Конопелькин 2019; Харламова 2012; Рассказова 2019; Саливон и др. 2021; Хартанович 1986; Гончарова 2011; Пежемский 2012; Пежемский 2000; Санкина 2000; Евтеев, Олейников 2015; Балуева и др. 2010; Трофимова 1941).

Нагрузки на канонические векторы приведены в Табл. 3. Первые две канонических переменных описывают практически 50% изменчивости.

Таблица 3
Нагрузки на канонические векторы для 19 крациологических серий с территории Европейской части России (мужчины)

Признак/КВ	КВ I	КВ II
1	0.076	0.567
8	0.311	-0.337
17	-0.004	0.403
9	-0.613	0.069
45	-0.481	0.350
48	-0.325	0.152
55	0.725	0.162
54	-0.129	-0.107
51	0.717	-0.130
52	-0.036	-0.062
77	0.363	0.115
Zm	0.093	-0.089
SS:SC	-0.583	-0.206
% описываемой изменчивости	28,48	20,79

Первая каноническая переменная указывает на уменьшение высоты переносья относительно ширины и наименьшей ширины лба, а также на увеличение высоты носа и ширины орбиты. Вторая отражает только увеличение продольного диаметра. Исследуемая нами серия из Загородского посада (№ 19) на графике сближается с сериями из Ленинградской области и Твери. Морфологическая близость этих серий обусловлена несколько высоким переносьем, меньшими высотой носа и шириной орбиты, а также более округлой головой по сравнению с остальными группами. Возможно, указанные характерные особенности имеют финно-угорское происхождение (Алексеева 1973: 272–273).

В женской выборке два из исследованных черепа не были включены в крациологический анализ, поскольку значения практически всех параметров крайне малы. Оба черепа требуют дальнейшего индивидуального исследования и не могут быть использованы в контексте настоящей работы. Поэтому, в женскую группу вошли измерения по 17 индивидам. Основные крациометрические характеристики женской части серии приведены в Табл. 4.

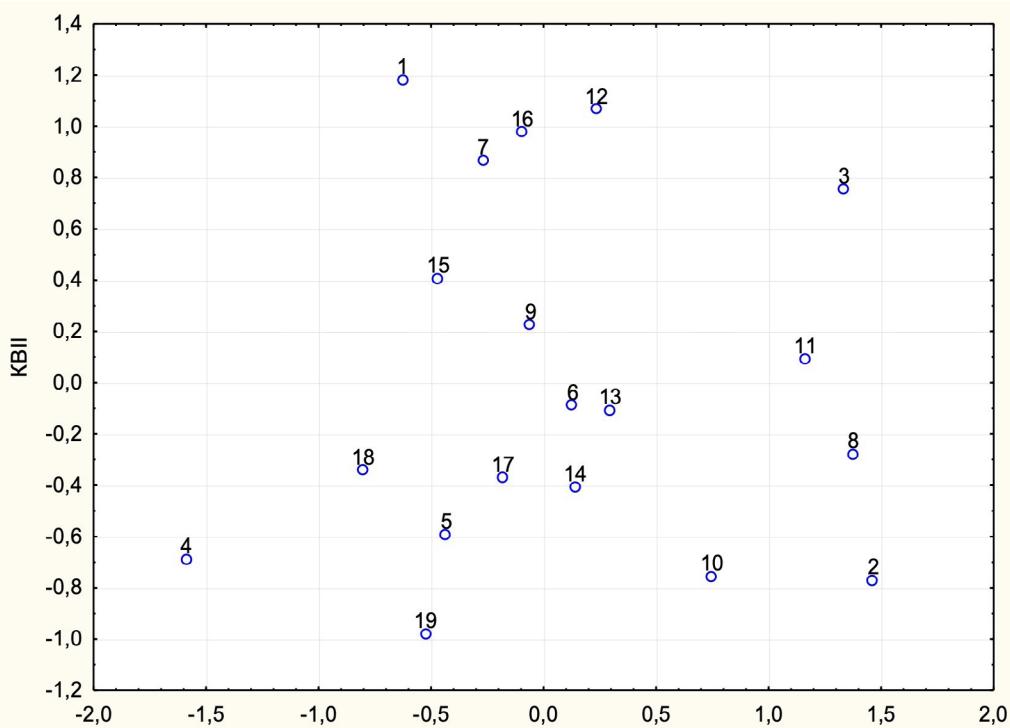

Рис. 4 . Расположение 19 мужских краниологических серий XV–XVIII вв. в пространстве I и II канонических векторов. Нумерация серий: 1 – Кашинский Кремль, XV–XVII вв.; 2 – Москва, некрополь Собор Василия Блаженного, XVI–XVII вв.; 3 – Звенигород, XVI–XVII вв.; 4 – Тверь, Старое кладбище, XVII–XVIII вв.; 5 – Тверь, Заволжский и Затверецкий посады, XVI–XVIII вв.; 6 – Переяславль–Залесский, Усекновенская церковь, XVI–XVII вв.; 7 – Переяславль–Залесский, Никольская церковь, XVI–XVIII вв.; 8 – Нижегородский Кремль, XVII–XVIII вв.; 9 – Кострома, Анастасиин монастырь, XVI–XVII вв.; 10 – Суйстамо II, Карелия, XVIII в.; 11 – Ярославль, Рубленый город, XVII вв.; 12 – Старая Русса, церковь Св. Мины, XV–XVII вв.; 13 – Великий Новгород, Троицкого XI и Ярославово Дворище, XVII–XVIII вв.; 14 – Псков, Довмонтов город, XIV–XVI вв.; 15 – Великий Новгород, ул. Даньславля, XVI–XVIII вв.; 16 – Москва, Новодевичья слобода, XVI–XVIII вв.; 17 – с. Катунки, Нижегородская область, XVI–XVIII вв.; 18 – Никольское, Ленинградская область, XVI–XVII вв.; 19 – Тверь, Загородский посад (настоящая работа).

Женские черепа характеризуются брахиокраиной (80,2), гипсикраиной по высотно-продольному указателю и метриокраиной по высотно-поперечному. Лобная область черепов в большинстве малая, по лобно-поперечному указателю черепа мезоземные. Лица узкие как в верхней и средней частях, так и в скуловой. Верхняя высота лиц в пределах средних значений. Назомалярный и зигомаксиллярный углы малые. Лицо мезенное, носы низкие и узкие по указателю мезоринные, переносье высокое и среднеширокое. Орбиты узкие и низкие, по указателю мезоконхные. Мышелковая ширина нижней челюсти малая, угловая средняя, передняя ширина также средняя.

Таблица 4

**Краниологическая характеристика женской части выборки
(Тверь, Загородский посад)**

Признак	N	X	min	max	S	V
1. Продольный диаметр	13	170,7	162	180	3,76	2,20
8. Поперечный диаметр	12	137,3	127	152	5,71	4,16
17. Высотный диаметр	13	129,5	120	138	3,80	2,93
9. Наименьшая ширина лба	15	93,0	85	101	3,56	3,83
10. Наибольшая ширина лба	10	115,9	107	134	3,88	3,35
46. Средняя ширина лица	8	90,9	88	94	2,13	2,34
43. Верхняя ширина лица	8	99,3	90	106	4,44	4,47
45. Скуловой диаметр	6	126,3	119,5	132	3,75	2,97
48. Верхняя высота лица	13	64,2	58	69	3,14	4,88
51. Ширина орбиты (п)	13	38,2	33	41	1,59	4,17
52. Высота орбиты (п)	13	30,6	26	34	1,49	4,87
SC. Симотическая ширина	15	8,4	6	14	1,51	18,01
55. Высота носа	13	45,9	41	52	2,36	5,13
54. Ширина носа	13	23,0	20	27	1,69	7,36
77. Назо-маярный угол	10	136,7	128	145	3,64	2,66
ZM. Зигомаксиллярный угол	8	126,4	116	136	6,38	5,04
Указатели	N	X	min	max	S	V
8/1. Черепной	13	80,2	75,6	85	2,75	3,44
17/1. Высотно-продольный	12	50,4	41,2	61,0	4,51	8,96
17/8. Высотно-поперечный	11	80,9	72,2	87,9	3,07	3,80
52/51. Орбитный	12	75,7	70,2	79,8	2,57	3,40
54/55. Носовой	11	94,0	89,9	106,3	3,74	3,97
48/45. Верхний лицевой	6	52,4	47,0	56,9	2,88	5,49
48/46. Верхний среднелицевой	8	71,1	65,9	76,4	2,77	3,90

Аналогично с мужской частью выборки, для анализа однородности женской части серии был применен метод главных компонент. Положительные значения ГКI отражают высокие значения по всем трем диаметрам мозговой части и назомаярному углу. ГКII — высокие значения зигомаксиллярного угла и более узкий нос (Табл. 5).

График (*Рис. 5*) демонстрирует дисперсное расположение женских черепов в поле главных компонент, что свидетельствует о разнообразных вариантах форм черепной коробки. При этом значения краниометрических признаков находятся в пределах нормального распределения, не выходя за границы доверительного интервала.

Как и график главных компонент (*Рис. 5*) дендрограмма (*Рис. 6*) выделяет две подгруппы: более крупноголовых индивидов с большим назомаярным углом (№№ 1, 19, 27, 28, 29) и индивидов с меньшими показателями основных диаметров головы и меньшим углом профилировки лица (№№ 7, 8, 9, 10, 11, 13, 14, 31, 40, 50).

Таблица 5

Коэффициенты корреляции между значениями трех главных компонент и краиниологическими признаками для женской части выборки

Признак/ГК	ГК I	ГК II	ГК III
1	0.649	0.083	0.256
8	0.692	0.100	-0.452
17	0.594	0.160	-0.347
46	0.438	0.083	0.696
48	0.265	0.569	0.559
77	0.740*	-0.062	-0.216
zm	-0.270	0.754	0.109
52/51	-0.476	0.336	-0.191
54/55	-0.005	-0.814	0.402
% описываемой изменчивости	26.26	19.12	16.05

Примечание: * Полужирным шрифтом выделены значения, превышающие 0,7; курсивом — значения менее 0,7 и более 0

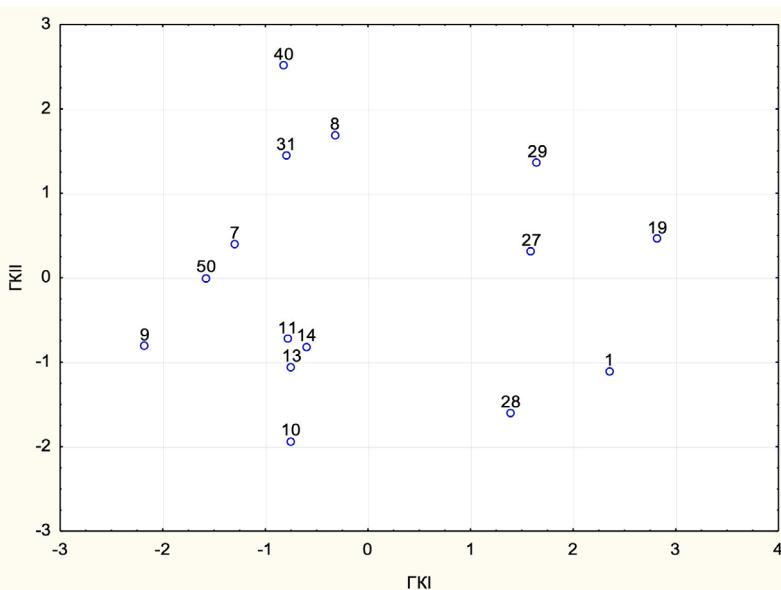

Рис. 5. Анализ главных компонент для женской части выборки по индивидуальным данным (указаны номера погребений).

Для межгруппового канонического анализа были взяты 10 сравнительных синхронных серий Европейской части России (Васильев 2020; Гончарова, Конопелькин 2019; Харламова 2012; Рассказова 2019; Саливон и др. 2021; Гончарова 2011; Евтеев, Олейников 2015). Анализ проведен по тем же признакам, что и для мужской части выборки, за исключением симотического указателя в силу его отсутствия в некоторых публикациях по сравнительным данным (Табл. 6).

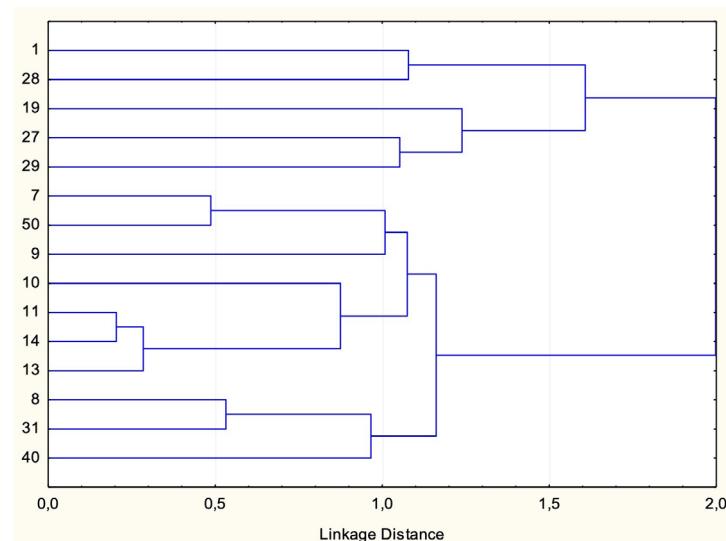

Рис. 6. Дендрограмма расстояний, построенная на основе анализа ГК (женщины, указаны номера погребений).

Таблица 6

Нагрузки на канонические векторы для 11 крааниологических серий с территории Европейской части России (женщины)

Признак/КВ	КВ I	КВ II
1	0.091	0.309
8	0.206	0.044
17	0.058	0.396
9	0.033	0.820
45	-0.109	-0.438
48	-0.225	-0.089
55	-0.229	0.139
54	0.212	-0.127
51	-0.137	-0.098
52	0.986*	-0.320
77	0.345	0.358
Zm	-0.393	-0.039
% описываемой изменчивости	58,12	20,5

Примечание: * Полужирным шрифтом выделены значения, превышающие 0,7; курсивом — значения менее 0,7 и более 0,5

Первые две канонические переменные описывают практически 80% всей изменчивости (Табл. 6). На графике (*Рис. 7*) разделение выборок идет по высоте глазницы согласно первому каноническому вектору и по наименьшей ширине лба по второму. Исследуемая выборка (№ 1) характеризуется некоторым увеличением высоты глазницы одновременно с уменьшением наименьшей ширины лба. Такая тенденция прослеживается у двух выборок из Твери: Кашинского Кремля и Старого кладбища.

Такие же характеристики присущи для выборки из Костромы. Для объяснения наблюдавшегося факта требуются дальнейшие исследования с привлечением данных по кривичам и финно-уграм.

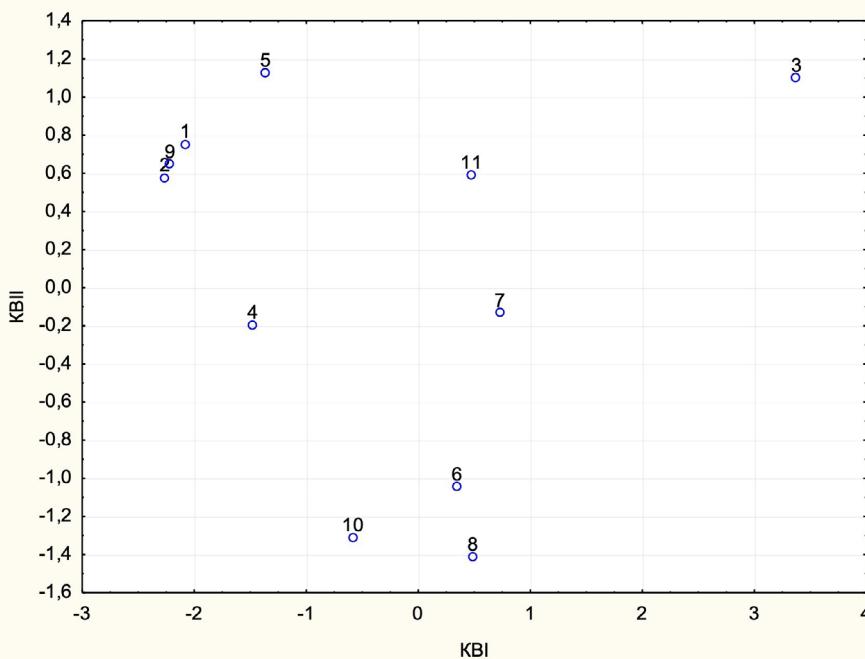

Рис. 7. Расположение 11 женских крааниологических серий XV–XVIII вв. в пространстве I и II канонических векторов. Нумерация серий: 1 – Тверь, Загородский посад (настоящая работа); 2 – Кашинский Кремль, XV–XVII вв.; 3 – Москва, некрополь Собора Василия Блаженного, XVI–XVII вв.; 4 – Звенигород, XVI–XVII вв.; 5 – Тверь, Старое кладбище, XVII–XVIII вв.; 6 – Тверь, Заволжский и Затверецкий посады, XVI – XVIII вв.; 7 – Переяславль-Залесский, Никольская церковь, XVI–XVIII вв.; 8 – Нижегородский Кремль, XVII–XVIII вв.; 9 – Кострома, Анастасиин монастырь, XVI–XVII вв.; 10 – Ярославль, Рубленый город, XVII вв.; 11 – Великий Новгород, ул. Даньславля, XVI–XVIII вв.

Одонтологическое исследование. Основные одонтологические характеристики серии Загородского посада г. Твери (ул. Л. Базановой, 51) и сравнительных серий представлены в Табл. 7. Наблюдения по некоторым признакам крайне малы, тем не менее, практическое отсутствие «восточных» одонтологических признаков (шестибугорковых первых моляров, коленчатой складки метаконида, дистального гребня тригонида), частоты четырехбугорковых вторых нижних моляров позволяют отнести погребенных к западному одонтологическому стволу с чертами северного грацильного типа (слабо-умеренная редукция латерального резца, присутствие резцов лопатообразной формы, высокий процент четырехбугорковых моляров). По сравнению с синхронными сериями г. Твери в изученной выборке отмечается более высокая степень редукции зубной системы, большая частота резцов лопатообразной формы. Немногочисленность наблюдений в силу сохранности останков не позволяет однозначно трактовать наблюданную картину и провести более детальный

статистический анализ одонтологической выборки. При отсутствии статистически значимых отличий с другими синхронными тверскими сериями изученная выборка может быть с ними объединена для дальнейшего исследования.

Таблица 7

Основные одонтологические характеристики позднесредневековых серий с территории г. Твери

Признаки Серии	Заволжский, Затверецкий посады* XVI– XVIII вв.	Старое кладбище* XVII– XVIII вв.	Загородский посад** XVIII в.
Диастема	0.0 /12	0.0 /25	0.0 0/14
Краудинг I ² (лингвальный сдвиг)	0.0 /14	0.0 /25	3.33 1/30
Лопатообразная форма I ¹ ($\Sigma 2-3$)	0.0 /18	0.0 /19	9.1 1/11
Лопатообразная форма I ² ($\Sigma 2-3$)	0.0 /15	8.0 /25	30.8 4/13
Редукция I ² (балл 1)	22.2 /18	0.0 /24	25.0 3/12
Редукция I ² (балл 2)	0.0 /18	0.0 /24	0.0 3/12
Дифференциация корня P ¹ ($\Sigma 2-3$)	—	—	20.0 3/15
Hy M ² ($\Sigma 3+, 3$)	23.5 /34	25.0 /15	33.3 3/9
Бугорок Карабелли M ¹ ($\Sigma 2-5$)	16.7 /36	34.7 /23	18.2 2/11
Дистальный маргинальный бугорок M ¹	—	—	— 0/5
Непрерывный косой гребень M ¹	—	—	— 1/2
Средний балл редукции <i>me</i> M ¹	—	—	1,750/12
M ²	—	—	2,214/14
M ³	—	—	2,667/9
M ¹⁻³	—	—	2

Таблица 7 (продолжение)

Признаки	Серии	Заволжский, Затверецкий посады* XVI– XVIII вв.	Старое кладбище* XVII– XVIII вв.	Загородский посад** XVIII в.
M1(4)		7.7 /52	3.2 /31	42.9 3/7
M1(6)		0.0 /52	3.2 /31	0.0 0/7
M2(4)		87.5 /32	88.5 /26	90.9 10/11
Узор коронки M ₁ : Y		—	—	4/6
X		—	—	— 2/6
+		—	—	— 0/6
Узор коронки M ₂ : Y		—	—	— 2/7
X		—	—	— 42.9 3/7
+		—	—	— 2/7
Дистальный гребень тригонида на M ₁		5.0 /40	5.6 /18	— 0/3
Коленчатая складка метаконида на M ₁		12.5 /40	11.1 /18	— 0/4
Эпикристид на M ₁		2.6 /39	0.0 /17	— 0/3
tami M ₁		5.1 /39	0.0 /19	— 0/5
Протостилид (Σ 2–5) M ₁		—	—	— 0/5
Межкорневой затек эмали (Σ 5–6) M ²		—	—	— 14.3 2/14
M ₂		—	—	— 35.0 7/20
1eo (3) M ¹		12.5 /24	0.0 /7	— 0/3
2med (II) M ₁		21.4 /28	33.3 /10	— 1/3

Примечание: * — данные по Харламова 2010; во втором и третьем столбцах прочерки («-») означают отсутствие опубликованных данных; ** — в четвертом столбце прочерки («-») означают, что процент признака не высчитывался т.к. число наблюдений меньше 7; курсив означает, что число наблюдений меньше 10 и признак не может использоваться в многомерном статистическом анализе.

Заключение

Изучение новой краниологической серии из Загородского посада города Твери дает следующие представления о внешнем облике жителей города в XVIII в. По краниологическим данным в среднем, мужские и женские черепа брахицранные, лица мезенные, носы и орбиты небольшие по высотным и широтным показателям, профилировка лица характерна для европеоидных групп. При межгрупповом сравнении мужская и женская части выборки сблизились с другими сериями из Тверской области. Также мужская группа оказалась близка к серии из Ленинградской области, а женская — из Костромы. По данным одонтологии, с учетом малочисленности наблюдений по некоторым признакам, выборка относится к западному одонтологическому стволу с чертами северного грацильного типа. Дальнейшее исследование позволит уточнить происхождение выявленных краниологических и одонтологических особенностей, которые отражают историю сложения антропологического облика жителей Твери.

Источники и материалы

- Гончаров, Гончарова 2016 — Гончаров И. А., Гончарова Н. Н.* Программа MultiCan для анализа многомерных массивов данных с использованием статистик выборок и параметров генеральной совокупности (MultiCan). Свидетельство о регистрации прав на ПО № 2016610803, М., 2016.
- Колосов 1902 — Колосов В. И.* Летопись о событиях в г. Твери Тверского купца Михаила Тюльпина. Издание Тверской Ученой Архивной Комиссии. Тверь: Типография губернского правления, 1902. 31 с.

Научная литература

- Алексеев В. П., Дебец Г. Ф.* Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 128 с.
- Алексеев В. П.* Происхождение народов Восточной Европы (краниологическое исследование). М.: Наука, 1969. 322 с.
- Алексеева Т. И.* Этногенез восточных славян по данным антропологии. М.: Изд-во МГУ, 1973. 328 с.
- Балуева Т. С., Веселовская Е. В., Рассказова А. В.* Опыт антропологического сопоставления древнего и современного населения Нижегородской области // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. № 1. С. 135–144.
- Васильев С. В.* (отв. ред.) Палеоантропология города Кашина XV–XVII вв. М.: БУКИ ВЕДИ, 2020. 130 с.
- Гончарова Н. Н.* Формирование антропологического разнообразия средневековых городов: Ярославль, Дмитров, Коломна // Вестник антропологии. 2011. № 19. С. 202–216.
- Гончарова Н. Н., Конопелькин Д. С.* Процессы сложения антропологических особенностей городского населения центральной России в XVI–XVIII вв. // Археология Евразийских степей. 2019. № 6. С. 314–333. <https://doi.org/10.244.11/2587-6112-2019-00096>
- Евтеев А. А., Олейников О. М.* Исследования на улице Даньславля в Великом Новгороде (археология и палеоантропология) // Материалы охранных археологических исследований: города, поселения, могильники. М.: Институт археологии РАН, 2015. Том. 17. С. 100–145.
- Зубов А. А., Халдеева Н. И.* Одонтология в антропофенетике. М.: Наука, 1993. 224 с.
- Лаврова Г. А.* Отчет об охранных археологических исследованиях на ул. Л. Базановой — р. Лазури на территории б. Загородского посада г. Твери в 2008 г. М.: Институт археологии РАН, 2009. С. 122–134.

- Пежемский Д. В. Новые материалы по краиниологии позднесредневековых новгородцев // Народы России. Антропология. Ч. 2. М.: Старый сад, 2000. С. 95–129.
- Пежемский Д. В. Первые палеоантропологические материалы из Старой Руссы // Вестник антропологии. 2012. № 21. С. 37–48.
- Рассказова А. В. Краиниология населения Переяславля-Залесского XVI–XVIII вв. // Вестник антропологии. 2019. № 47. С. 72–89.
- Рогинский Я. Я., Левин М. Г. Антропология. М.: Высшая школа, 1963. С. 92–103.
- Рыбакова О. Е. Некрополь близ Скорбященской церкви на юго-восточной окраине Загородского посада города Твери (новые данные по результатам работ 2019 года) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Материалы научного семинара. Тверь: ТНИИР «Центр», 2023. Выпуск 15. С. 141–153.
- Саливон И. И. (отв. ред.). Антропологическая характеристика населения восточноевропейских городов XI–XIX веков. Минск: Беларуская навука, 2021. 267 с.
- Санкина С. Л. Этническая история средневекового населения Новгородской земли по данным антропологии. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. 109 с.
- Трофимова Т. А. Черепа из Никольского кладбища (к вопросу об изменчивости типа во времени) // Ученые записки МГУ. 1941. № 63. С. 197–235.
- Харламова Н. В. Одонтология тверского населения XVI–XVIII веков // Вестник Московского университета. Серия 23. Антропология. 2010. №. 1. С. 91–96.
- Харламова Н. В. Тверское население XVI–XX веков по данным краиниологии // Вестник антропологии. 2012. №. 21. С. 49–58.
- Хартанович В. И. Краиниология карел // Антропология современного и древнего населения Европейской Части СССР. 1986. С. 63–120.

References

- Alekseev, V. P. 1969. *Proiskhozhdenie narodov Vostochnoj Evropy (kraniologicheskoe issledovanie)* [The Origin of the Peoples of Eastern Europe (Craniological Research)]. Moscow: Nauka. 322 p.
- Alekseev, V. P. and G. F. Debets. 1964. *Kraniometriia. Metodika antropologicheskikh issledovanii* [Craniometry. Methodology of Anthropological Research]. Moscow: Nauka. 128 p.
- Alekseeva, T. I. 1973. *Etnogenез vostochnykh slavyan po dannym antropologii* [Ethnogenesis of the Eastern Slavs According to Anthropology]. Moscow: Izdatelstvo MGU. 328 p.
- Balueva, T. S., E. V., Veselovskaya and A. V. Rasskazova. 2010. Opyt antropologicheskogo sopostavleniya drevnego i sovremenennogo naseleniya Nizhegorodskoi oblasti [An Attempt at Anthropological Comparison of the Ancient and Modern Population of the Nizhny Novgorod region]. *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* 1: 135–144.
- Evteev, A. A., and O. M. Oleinikov. 2015. Issledovaniia na ulitse Dan'slavli v Velikom Novgorode (arheologii i paleoantropologii) [Research on the Street of Danslavl in Veliky Novgorod (Archeology and Paleoanthropology)]. In *Materialy ohrannyykh arheologicheskikh issledovanii: goroda, poseleniya, mogil'niki. Book 17*. Moscow: Institut arheologii RAN. 100–145.
- Goncharova, N. N. 2011. Formirovanie antropologicheskogo raznoobrazia srednevekovykh gorodov: Yaroslavl, Dmitrov, Kolomna [Formation of the Anthropological Diversity of Medieval Cities: Yaroslavl, Dmitrov, Kolomna]. *Vestnik antropologii* 19: 202–216.
- Goncharova, N. N. and D. S. Konopelkin. 2019. Protsessy slozheniya antropologicheskikh osobennostei gorodskogo naseleniya tsentralnoi Rossii v XVI–XVIII vv. [Formation of Anthropological Features of Central Russia Urban Population in 16th–18th Centuries]. *Arheologiya Evrazijskikh steppei* 6: 314–333. <https://doi.org/10.244.11/2587-6112-2019-00096>
- Kharlamova, N. V. 2010 Odontologiya tverskogo naseleniya XVI–XVIII vekov [Odontological Materials from 16th–18th centuries Tver]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 23. Antropologiya* 1: 91–96.

- Kharlamova, N. V. 2012. Tverskoe naselenie XVI–XX vekov po dannym kraniologii [Tver Population of the 16th–20th Centuries according to Craniology Data]. *Vestnik antropologii* 21: 49–58.
- Khartanovich, V. I. 1986. Kraniologija karel [Karel's Craniology]. *Antropologija sovremenennogo i drevnego naselenija Evropeiskoi Chasti SSSR*: 63–120.
- Lavrova, G. A. 2009. *Otchet ob ohrannyykh arheologicheskikh issledovaniyah na ul. L. Bazanova — r. Lazuri na territorii b. Zagorodskogo posada g. Tveri v 2008 g* [Report on Salvage Archaeological Research on L. Bazanova Str. — Lazur' river on the Territory of the b. Zagorodsky Posad, Tver in 2008]. Moscow: Institut arheologii RAN. 122–134.
- Pezhemskii, D. V. 2000. Novye materialy po kraniologii pozdnesrednevekovykh novgorodtsev [New Materials on the Craniology of Late Medieval Novgorodians]. In *Narody Rossii. Antropologija*. Part 2. Moscow: Starii sad: 95–129.
- Pezhemskii, D. V. 2012. Pervye paleoantropologicheskie materialy iz Staroj Russy [The First Paleoanthropological Materials from Staraya Russa]. *Vestnik antropologii* 21: 37–48.
- Rasskazova, A. V. 2019. Kraniologija naselenija Pereyaslavl'-Zalesskii XVI–XVIII vv. [Craniology of the population of Pereyaslavl-Zalessky 16th–18th centuries]. *Vestnik antropologii* 47: 72–89.
- Roginskii, Ya. Ya. and M. G. Levin. 1963. *Antropologija* [Anthropology]. Moscow: Vysshaya shkola, 501 p.
- Rybakova, O. E. 2023. Nekropol' bliz Skorbyashchenskoi tserkvi na yugo-vostochnoi okraine Zagorodskogo posada goroda Tveri (novye dannye po rezul'tatam rabot 2019 goda) [Necropolis Near the Sorrowful Church on the South-Eastern Outskirts of the Zagorodsky Posad of Tver (New Data on the Results of Work in 2019)]. *Tver, Tverskaya zemlia i sopredelnye territorii v epokhu srednevekovia* 15: 141–153.
- Salivon, I. I. (ed.). 2021. *Antropologicheskaja kharakteristika naselenija vostochnoevropejskikh gorodov XI–XIX vekov* [Anthropological Characteristics of the Population of Eastern European Cities of the 11th–19th Centuries]. Minsk: Belaruskaia navuka. 267 p.
- Sankina, S. L. 2000. *Etnicheskaja istorija srednevekovogo naselenija Novgorodskoi zemli po dannym antropologii* [Ethnic History of the Medieval Population of the Novgorod Land According to Anthropology]. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin. 109 p.
- Trofimova, T. A. 1941. Cherepa iz Nikolskogo kladbishcha (k voprosu ob izmenchivosti tipa vo vremeni) [Skulls from the Nikolsky Cemetery (On the Question of Type Variability in Time)]. *Uchenye zapiski MGU* 63: 197–235.
- Vasiliev, S. V. (ed.). 2020. *Paleoantropologija goroda Kashin XV–XVII vv.* [Paleoanthropology of the City of Kashin 15th–17th Centuries]. Moscow: BUKI VEDI. 130 p.
- Zubov, A. A. and N. I. Khaldeeva. 1993. *Odontologija v antropofenetike* [Odontology in anthropophenetics]. Moscow: Nauka. 224 p.

УДК 572

DOI: 10.33876/2311-0546/2023-4/349-357

Научная статья

© С. Б. Боруцкая

ОСТЕОМЕТРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КРЫМСКОТАТАРСКОГО НЕКРОПОЛЯ XIX–XX ВВ. БАХЧИ-ЭЛИ*

Остеологическое исследование некрополя Бахчи-Эли Кировского района Республики Крым было связано с подготовкой района к строительным работам. Всего было обнаружено 166 погребений. По остеометрической программе исследовано 25 мужских и 24 женских скелета. Для мужчин группы крымских татар из Бахчи-Эли были характерны среднее соотношение длин рук и ног, чаще немного удлиненное плечо, вариабельность лучеплечевого и большеберцово-бедренного индексов, большое разнообразие по ширине плеч, что часто было сопряжено с длиной тела. У большинства мужчин был широкий таз, их также отличал сильно расширенный крестец. По длине тела группа была вариабельна, индивидам была характерна длина тела от малой до очень большой. Средняя длина тела мужчин группы из Бахчи-Эли (XIX–XX вв.) (166,4 см) была немного меньше, чем мужчин группы крымских татар XVI–XVIII вв. из Батального (168,8 см) и немного больше, чем у мужчин группы крымских татар из Биели (XVII–XVIII вв.) (162,8 см). Для женщин из группы крымских татар Бахчи-Эли также были характерны среднее соотношение длин верхних и нижних конечностей, удлиненное плечо, узкоплечесть, сильно расширенный крестец. Ширина таза была различной, это не было связано с ростом. У женщин группы была длина тела от малой до большой. Средняя длина тела женщин из Бахчи-Эли (152,5 см) была меньше, чем у женщин из некрополя Батальное (154,0 см) и больше, чем у женщин из некрополя Биели (149,9 см).

Ключевые слова: остеология, остеометрия, пропорции конечностей, ширина плеч, ширина таза, прижизненная длина тела

Ссылка при цитировании: Боруцкая С. Б. Остеометрическое исследование крымскотатарского некрополя XIX–XX вв. Бахчи-Эли // Вестник антропологии. 2023. № 4. С. 349–357.

Боруцкая Светлана Борисовна — к. б. н., доцент, старший научный сотрудник кафедры антропологии биологического факультета, МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Ленинские горы, 1/12). Эл. почта: vasbor1@yandex.ru

* Работа выполнена в рамках проекта МГУ им. М. В. Ломоносова «Формирование некоторых морфо-функциональных особенностей человека в фило- и онтогенезе» (госбюджет, раздел 0110 (для тем по госзаданию), номер 01-1-21, номер ЦИТИС 121031600200-2).

© Svetlana Borutskaya

OSTEOMETRIC STUDY OF BAKHCHI-ELI — THE CRIMEAN TATAR NECROPOLIS OF THE 19th–20th CENTURIES

The osteological study of the Bakhchi-Eli necropolis in the Kirov region of the Republic of Crimea was associated with the preparation of the area for construction work. A total of 166 burials were discovered. 25 male and 24 female skeletons were studied according to standard osteometric protocol. The male sample of Crimean Tatars from Bakhchi-Eli is characterized by an average ratio of arm and leg lengths, often a slightly elongated shoulder, variability in the radiobrachial and tibiofemoral indices, and a wide variety in shoulder width, which was often correlated with body length. Most men had a wide pelvis and a significantly expanded sacrum. The group varied in body length; individuals were characterized by body lengths ranging from short to very long. The average body length of the men of the group from Bakhchi-Eli (19th–20th centuries) (166.4 cm) was slightly less than that of the men from the group of Crimean Tatars of the 16th–18th centuries Batalnoye (168.8 cm) and slightly larger than that of the men of the Crimean Tatar group Bieli (17th–18th centuries) (162.8 cm). Women from the Bakhchi-Eli group of Crimean Tatars were also characterized by an average ratio of the lengths of the upper and lower limbs, an elongated shoulder, narrow shoulders, and a greatly expanded sacrum. Pelvic width varies and is not correlated with height. The female sample was characterized by body lengths ranging from short to long. The average body length of women from Bakhchi-Eli (152.5 cm) was less than that of women from the Batalnoye necropolis (154.0 cm) and greater than that of women from the Biyeli necropolis (149.9 cm).

Keywords: osteology, osteometry, limb proportions, shoulder width, pelvic width, lifetime body length

Author Info: Borutskaya, Svetlana B. — Ph. D. in Biology, Researcher of the Department of Anthropology of the Faculty of Biology, M. V. Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: vasbor1@yandex.ru

For Citation: Borutskaya, S. B. 2023. Osteometric Study of Bakhchi-Eli — the Crimean Tatar Necropolis of the 19th–20th Centuries. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 4: 349–357.

Funding: The work was carried out according to the research project “Formation of Some Morphofunctional Human Features in Philo- and Ontogenesis” of the Department of Anthropology of M. V. Lomonosov Moscow State University, 01-1-21, CITIS number 121031600200-2.

Введение

Некрополь Бахчи-Эли был обнаружен недалеко от местечка, где до недавнего времени располагалась татарская деревня с одноименным названием Бахчи-Эли, находившаяся на территории современного Кировского района к северу от ныне существующего села Партизаны в республике Крым. Археологические раскопки были связаны с подготовкой территории к строительным работам. Датируется кладбище Бахчи-Эли XIX–XX вв. В ходе раскопок были обнаружены скелетные останки 166 человек. В целом скелеты имели достаточно хорошую сохранность. 49 скелетов были определены как мужские, 42 скелета были идентифицированы как женские, 75 скелетов принадлежали детям.

Задачей данной работы было проведение остеологического исследования взрослых скелетов некрополя Бахчи-Эли. Фокус внимания был обращен к исследованию пропорций скелета и конечностей, вычислению длины тела, которую могли иметь взрослые индивиды при жизни. Для сравнения были привлечены данные по остеологии взрослых индивидов из крымскотатарских некрополей Биели (XVII–XVIII вв.) и Батальное (XVI–XVIII вв.) (Боруцкая 2019; Боруцкая, Васильев 2020).

Материалы и методы

Половозрастное определение и измерение костей мы проводили с учетом методик и рекомендаций из научных литературных источников следующих авторов: В. П. Алексеев (*Алексеев 1966*), В. П. Алексеев и Г. Ф. Дебец (*Алексеев, Дебец 1964: 29–40*), В. И. Добряк (*Добряк 1960*), Б. А. Никитюк (*Никитюк 1960а, 1960б*), В. И. Пашкова (*Пашкова 1963*), D. Ubelaker (*Ubelaker 1978*), J. Buikstra, D. Ubelaker (eds.) (*Buikstra, Ubelaker 1994*). В тех случаях, если концевые отделы длинных костей были немного повреждены, мы использовали методику реконструкции длины костей Н. Н. Мамоновой (*Мамонова 1968*).

По остеометрической программе нами было измерено 25 мужских и 24 женских скелета. Далее были рассчитаны индексы пропорций конечностей и некоторые другие показатели костей и скелета в целом, рассчитана прижизненная длина тела. Длину тела рассчитывали по формулам Пирсона и Ли, Бунака, Дюпертию и Хеддена (цит. по: *Алексеев 1966*). Некоторые индексы были сопоставлены с данными размаха их вариаций у человека современного типа (*Алексеев 1966; Рогинский, Левин 1966: 34–45; Хрисанфова 1968: 57–74*). Результаты расчета индексов пропорций и прижизненной длины тела представлены в Табл. 1 и 2.

Результаты исследования

В Табл. 1 представлены результаты вычисления средних значений разных индексов и показателей, минимальные, максимальные значения, SD у мужчин группы, а также вариации значений некоторых индексов у человека современного типа.

Интермембральный индекс показал среднее значение соотношения длин рук и ног. Причем минимальные и максимальные показатели тоже близки к средним величинам.

Плече-бедренный индекс у мужчин группы имеет значение от средних величин до очень больших. Средне-групповое значение индекса также очень высоко. Все это

указывает на относительную удлиненность плечевых отделов рук и относительную укороченность бедренных отделов.

Таблица 1

Индексы пропорций, некоторые показатели скелета и рассчитанная приживленная длина тела у мужчин из крымскотатарского некрополя Бахчи-Эли

Индексы	n	X	min	max	SD	Размах вариаций
Интермембральный 1п+1л / 2б+1ббк	20	71,67	68,63	74,71	1,62	60-84
Плече-бедренный 1п/2б	21	73,80	70,14	78,67	2,37	68,8-72,9
Луче-большеберцовый 1л/1ббк	20	69,04	66,00	72,88	1,56	62-71
Лучеплечевой 1л/1п	20	77,37	70,70	88,43	3,75	71-82
Берцово-бедренный 1ббк/2б	23	81,54	77,15	87,20	2,19	77,3-86,6
Ключично-плечевой 1к/2п	21	46,31	42,42	50,63	1,96	40,1-52,1
Формы лопатки 2лп/1лп	11	64,21	58,54	68,42	2,82	60,3-72,5
Ширина плеч (см)	19	36,93	33,50	41,70	2,59	—
Плече-ростовой	18	22,15	20,10	24,62	1,20	—
Ширина таза (см)	17	27,87	25,40	31,00	1,44	—
Тазовый	14	80,94	74,15	87,40	3,79	—
Тазово-ростовой	17	16,79	15,56	18,05	0,70	—
Тазово-плечевой	16	75,41	63,22	83,58	0,11	—
Широтно-высотный указатель крестца 5кр/2кр	15	(108,32)	97,79	122,77	8,14	—
Изгиба тазовой поверх-ти крестца 2кр/1кр	15	88,73	77,69	95,83	5,14	—
Длина тела (см)	25	166,4	157,2	181,9	6,1	—

Интересно, что и луче-большеберцовый индекс колеблется от величин немного ниже среднего до высоких значений несмотря на то, что ожидался немного иной результат.

Лучеплечевой индекс в группе очень вариабелен, причем минимальные и максимальные значения выходят за соответствующие границы размаха вариаций индекса у человека современного типа. Таким образом, в группе находятся мужчины и с укороченными, и с удлиненными предплечьями, есть и мужчины со средним соотношением длин плеча и предплечья.

Значение берцово-бедренного индекса у мужчин группы Бахчи-Эли почти укладывается в размах вариаций его у человека современного типа. Встречаются самые разные варианты берцово-бедренного соотношения, причем в равной степени.

Соотношение длин ключицы и плеча варьирует от значений ниже среднего, до выше среднего. Наиболее интересным является анализ абсолютной ширины плеч у индивидов. Этот показатель мы рассчитывали по формулам Д. И. Ражева (*Ражев 2003*). Как оказалось, в группе присутствуют мужские индивиды и с очень узкими плечами (33,5 см) и довольно широкоплечие (41,7 см). Причем чаще всего широкие плечи имели мужчины высокого роста. Об этом свидетельствуют значения указателя соотношения ширины плеч к росту. В этом плане группа очень однородна (Табл. 1).

Для одиннадцати индивидов удалось рассчитать индекс формы лопатки. Обычно лопатки плохо сохраняются, измерить их для расчета данного индекса не удается. Исследованные лопатки относятся к категориям узких, среднешироких и широких немного выше среднего. Очень широких лопаток мы не обнаружили. Интересно, что зависимости ширины лопаток от ширины плеч (длин ключиц) мы не выявили, этот анализ проводили индивидуально, а не по средним показателям.

Абсолютная ширина таза в целом для группы оказалась не малой. Буквально в одном-двух случаях можно говорить об узком тазе. Причем оба эти мужчины были низкорослыми. По тазово-ростовому индексу группа оказалась выражено однородной. А вот по тазовому индексу в группе наблюдаются большие различия между индивидами. У одних индивидов таз очень низкий, как у женщин. У других таз очень высокий, по индексу получается ультравысокий. Есть и промежуточные варианты. Среднее значение индекса в этом случае не имеет смысла.

Исследование широтно-высотного указателя крестца выявило следующее. У 26,67% мужчин крестец был очень узким, или долихохеричным, у 13,33% индивидов крестец был среднешироким, или субплатихеричным, и, наконец, у 60% мужчин — очень широким, или платихеричным. По данному индексу крестца группа сильно неоднородная, хотя и у подавляющего большинства крестец был сильно расширенным. Расчет средне-группового значения индекса не имеет смысла (в таблице результат взят в скобки). Изгиб крестца различен. У одних индивидов он изогнут сильно, у других слабо.

Размах вариаций по длине тела, которая была у индивидов при жизни, очень велик, от 157,2 см до 181,9 см (средний рост 166,4 см). Более подробный анализ прижизненной длины тела мужчин группы разделил всех на следующие группы: 16% индивидов имели малую длину тела, 16% — длину тела ниже среднего, 40% мужчин имели средний рост, 4% — рост выше среднего, 20% мужчин имели длину тела большую и 4% (1 человек) — очень большую длину тела, 181,9 см. Мы ориентировались на рубрикации по длине тела Р. Мартина (цит. по: *Рогинский, Левин 1966: 34–45*).

Для сравнения представляем данные исследования длины тела в других группах татар из Крыма. Интересно, что у мужчин из группы крымских татар Биели, которые проживали на территории недалеко от современной Керчи, рассчитанный прижизненный рост был малым, ниже среднего, средним и выше среднего. Средне-групповой показатель роста довольно близок к группе из Бахчи-Эли, — 162,8 см, при вариации 157,8 см — 168,4 см. Судя по вариации роста длина тела у мужчин из Бахчи-Эли была немного выше.

Так же можно провести сравнение с длиной тела крымских татар из некрополя Батальное (Ленинский район, Республика Крым). Здесь мужчины были значительно выше. Вариация по росту соответствовала 162,1 см — 175,1 см (средний рост 168,8 см). Рост мужчин этой группы тоже был от ниже среднего до большого, но в целом данная группа была более высокорослой.

В Табл. 2 представлены результаты расчёта средних значений, минимальных и максимальных, SD индексов пропорций конечностей, скелета в целом и прижизненной длины тела женщин группы. Так же указан размах вариаций значений некоторых индексов у человека современного типа, взятый из литературы.

Таблица 2
**Индексы пропорций, некоторые показатели скелета
и рассчитанная прижизненная длина тела у женщин из
крымскотатарского некрополя Бахчи-Эли**

Индексы	n	X	min	max	SD	Размах вариаций
Интермембральный 1п+1л / 2б+1ббк	23	70,87	67,80	76,54	2,02	60-84
Плече-бедренный 1п/2б	23	73,95	69,76	85,56	3,25	68,8-72,9
Луче-большеберцовый 1л/1ббк	23	67,11	63,33	71,68	2,21	62-71
Лучеплечевой 1л/1п	23	74,29	62,02	79,67	3,73	71-82
Берцово-бедренный 1ббк/2б	24	81,78	78,01	88,65	2,52	77,3-86,6
Ключично-плечевой 1к/2п	18	46,74	42,07	50,57	2,77	40,1-52,1
Формы лопатки 2лп/1лп	8	65,22	56,58	76,30	5,87	60,3-72,5
Ширина плеч (см)	18	32,63	30,50	36,10	1,34	—
Плече-ростовой	18	21,31	19,64	23,52	0,98	—
Ширина таза (см)	17	25,71	22,40	29,60	1,90	—
Тазовый	16	76,69	71,62	83,19	3,69	—
Тазово-ростовой	17	16,80	15,48	18,52	0,90	—
Тазово-плечевой	15	79,47	71,39	87,50	5,06	—
Широтно-высотный указатель крестца 5кр/2кр	12	(115,98)	102,89	145,71	11,60	—
Изгиба тазовой поверх-ти крестца 2кр/1кр	12	88,33	76,09	93,64	5,58	—
Длина тела (см)	24	152,5	142,8	165,5	5,39	—

Интермембральный индекс у женщин группы оказался в пределах средних значений и соответствует среднему соотношению длин рук и ног.

Плече-бедренный индекс и по среднему для группы значению, и в большинстве случаев, — высокий. Максимальные значения являются ультравысокими, далеко выходящими за верхнюю границу вариации индекса для человека современного типа. То есть, в большинстве случаев у женских индивидов плечевые отделы рук были относительно удлиненными. Только у двух женщин плечевые отделы, согласно плече-бедренному индексу, наоборот, были укороченными.

При исследовании луче-большеберцового индекса можно отметить, что очень малых значений получено не было. В то же время встречаются все варианты этого соотношения, а группа разнообразна.

Лучеплечевой индекс. У большинства индивидов этот индекс был в пределах средних величин. У двух женщин этот индекс был крайне низок, что соответствовало очень укороченному предплечью рук относительно плеча. У двух других женщин предплечья были немного удлиненными.

Берцово-бедренный индекс показывает соотношение голени и бедра. У большинства женщин значение этого индекса оказалось средним и ниже среднего. Только у двух женщин голени были удлинены. Причем в одном случае очень сильно.

Ключично-плечевой индекс демонстрирует вариабельность при отсутствии ультратранизких и ультравысоких значений. При том по абсолютной ширине плеч большинство женщин были узкоплечими. Только у одной женщины ширина плеч была средней (36,1 см). По абсолютной ширине плеч группа является выраженно однородной. Это еще сильнее подтверждает анализ плече-ростового соотношения.

Форму лопаток мы смогли оценить только у восьми женщин группы, и все они демонстрируют большое разнообразие, от очень узких лопаток, до очень широких. По данному признаку группа оказалась неоднородной.

По абсолютной ширине таза группа оказалась тоже весьма разнообразной. У одних женщин таз был очень узким, при этом еще и очень высоким. У других женщин наблюдается другая крайность, — довольно широкий и очень низкий таз. Интересно, что наиболее широкий по абсолютному размеру таз был характерен для невысоких женщин. То есть, положительной связи с ростом мы здесь не наблюдаем.

Анализ относительной ширины крестца разделил женщин группы из Бахчи-Эли на следующие группы: у 25% женщин крестец был средне расширенным, или субплатилическим, у 75% женщин крестец был сильно расширенным, или платилическим, в том числе у одной женщины, широтно-высотный указатель крестца которой оказался равным 145,71%. У всех остальных этот индекс был меньше 126,21%, но больше 103%.

По степени изогнутости крестца женская часть группы из Бахчи-Эли, так же, как и мужская часть группы демонстрирует большую вариабельность.

Анализ рассчитанной длины тела, которая была у женщин группы при жизни, позволил всех разделить по категориям. В этой процедуре мы также ориентировались на рубрикации по длине тела Р. Мартина (цит. по: Рогинский, Левин 1966: 34–45). Для 25% женщин группы была характерна малая длина тела, 33,33% индивидов отличались ростом ниже среднего, 16,67% женщин имели среднюю длину тела, 12,5% женщин были ростом выше среднего, 12,5% обладали большим ростом (выше 159,0 см). Длина тела в группе варьировалась в пределах 142,8 см — 165,5 см,

средний рост 152,5 см. По длине тела группа женщин оказалась очень разнообразной, практически неоднородной.

Для сравнения приводим данные по длине тела индивидов из других крымскотатарских групп. Длина тела женщин из группы крымских татар из Биели была средней и ниже среднего и малой. Вариации по длине тела 144,9 см — 155,6 см (среднее значение — 149,9 см). В целом женщины группы Биели были немного ниже ростом.

Рост женщин из группы Батальное находился в пределах 146,4 см — 160,0 см. Среднее значение для группы составило 154,0 см. Это значение близко к таковому группы из Бахчи-Эли.

Заключение

Для мужчин группы крымских татар из Бахчи-Эли были характерны среднее соотношение длин рук и ног, чаще немного удлиненное плечо, вариабельность лу-чеплечевого и большеберцово-бедренного индексов, большое разнообразие по ширине плеч, что часто было сопряжено с длиной тела. У большинства мужчин был широкий таз, также мужчина отличал сильно расширенный крестец. По длине тела группа была вариабельна, индивидам была характерна длина тела от малой до очень большой. Средняя длина тела мужчин группы из Бахчи-Эли (XIX–XX вв.) (166,4 см) была немного меньше, чем мужчин группы крымских татар XVI–XVIII вв. из Батального (168,8 см), но немного больше, чем у мужчин группы крымских татар из Биели (XVII–XVIII вв.) (162,8 см).

Для женщин из группы крымских татар Бахчи-Эли также были характерны среднее соотношение длин верхних и нижних конечностей, удлиненное плечо, узкоплечость, сильно расширенный крестец. Ширина таза была различной, это не было связано с ростом. Для группы женщин была характерна длина тела от малой до большой. Средняя длина тела женщин из Бахчи-Эли (152,5 см) была меньше, чем у женщин из некрополя Батальное (154,0 см) и больше, чем у женщин из некрополя Биели (149,9 см), то есть также, как и у мужчин из крымскотатарских некрополей.

Научная литература

- Алексеев В. П. Остеометрия. Методика антропологических исследований. М., 1966. 251 с.
- Алексеев В. П., Дебец Г. Ф. Краниометрия. М., 1964. 128 с.
- Боруцкая С. Б. Остеометрическое исследование некрополя Батальное (Ленинский район, Республика Крым) // Вестник антропологии. 2019. № 4 (48). С. 235–242. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2019-48-4/235-242>
- Боруцкая С. Б., Васильев С. В. Реконструкция физического типа позднесредневековых крымских татар Керченского полуострова // Вестник антропологии. 2020. № 4 (52). С. 267–281. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2020-52-4/269-281>
- Добряк В. И. Судебно-медицинская экспертиза скелетированного трупа. Киев, 1960. 192 с.
- Мамонова Н. Н. Определение длины костей по их фрагментам // Вопросы антропологии. 1968. Вып. 29. С. 171–177.
- Никитюк Б. А. О закономерностях облитерации швов на наружной поверхности мозгового отдела черепа человека // Вопросы антропологии. 1960а. Вып. 2. С. 115–121.
- Никитюк Б. А. Определение возраста человека по скелету и зубам // Вопросы антропологии. 1960б. Вып. 3. С. 118–129.
- Пашкова В. И. Определение пола и возраста по черепу. Ставрополь, 1958. 24 с.

- Пашкова В. И. Очерки судебно-медицинской остеологии. М., 1963. 153 с.
- Ражев Д. И. Погрешность измерения длинных костей и реконструкция ширины плеч // Вестник антропологии. 2003. Вып. 10. С. 198–203.
- Рогинский Я. Я., Левин М. Г. Антропология. М.: Высшая школа, 1978. 528 с.
- Хрисанфова Е. Н. Эволюционная морфология скелета человека. М.: Издательство Московского университета, 1978. 216 с.
- Buikstra J. E., Ubelaker D. H. (eds.). Standards for Data Collection from Human Skeletal Remains. Proceedings of a Seminar at the Field Museum of Natural History. Arkansas Archeological Survey research series: Arkansas Archeological Survey. Vol. 44. Indianapolis, 1994. P. 1–35.
- Ubelaker D. H. Human Skeletal Remains: Excavation, Analysis, Interpretation. Smithsonian institution. Chicago: Adline Publishing Company, 1978. 172 p.

References

- Alekseev, V. P. 1966. *Osteometriia. Metodika antropologicheskikh issledovanii* [Osteometry. Anthropologic Research Technique]. Moscow: Nauka. 251 p.
- Alekseev, V. P. and G. F. Debets. 1964. *Kraniometriia. Metodika antropologicheskikh issledovanii* [Craniometry. Anthropologic Research Technique]. Moscow: Nauka. 128 p.
- Borutskaya, S. B. 2019. Osteometriceskoe issledovanie nekropolya Batal'noe (Leninskii raion, Respublika Krym) [Osteometric Study of the Batalnoe Necropolis (Leninsky District, Republic of Crimea)]. *Vestnik antropologii* 4 (48): 235–242. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2019-48-4/235-242>
- Borutskaya, S. B. and S. V. Vasiliev. 2020. Rekonstruktsiya fizicheskogo tipa pozdnesrednevekovykh krymskikh tatar Kerchenskogo poluostrova [Reconstruction of the Physical Type of the Late Medieval Crimean Tatars of the Kerch Peninsula]. *Vestnik antropologii* 4 (52): 267–281. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2020-52-4/269-281>
- Buikstra, J. E. and D. H. Ubelaker (eds). 1994. Standards for Data Collection from Human Skeletal Remains. Proceedings of a Seminar at the Field Museum of Natural History. Arkansas Archeological Survey research series: Arkansas Archeological Survey. Indianapolis. 44: 1–35.
- Dobriak, V. I. 1960. *Sudebno-meditsinskaia ekspertiza skeletirovannogo trupa* [Forensic Medical Examination of Skeletonized Cadaver]. Kiev: State Medical House of the Ukrainian SSR. 192 p.
- Khrisanfova, E. N. 1978. *Evolyutsionnaia morfologija skeleta cheloveka* [Evolutionary Morphology of the Human Skeleton]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 216 p.
- Mamonova, N. N. 1968. Opredelenie dliny kostei po ikh fragmentam [Determination of the Length of Bones from Their Fragments]. *Voprosy antropologii* 29: 171–177.
- Nikitiuk, B. A. 1960a. O zakonomernostyakh obliteratsii shvov na naruzhnoj poverhnosti mozgovogo otdela cherepa cheloveka [On the Regularities of Obliteration of Sutures on the Outer Surface of the Cerebral Part of the Human Skull]. *Voprosy antropologii* 2: 115–121.
- Nikitiuk, B. A. 1960b. Opredelenie vozrasta cheloveka po skeletu i zubam [Determining the Age of a Person by Skeleton and Teeth]. *Voprosy antropologii* 3: 118–129.
- Pashkova, V. I. 1958. *Opredelenie pola i vozrasta po cherepu* [Determination of Sex and Age from the Skull]. Stavropol'. 24 p.
- Pashkova, V. I. 1963. *Ocherki sudebno-meditsinskoi osteologii* [Essays on Forensic Osteology]. Moscow. 153 p.
- Razhev, D. I. 2003. Pogreshnost' izmerenii dlinykh kostei i rekonstruktsii shiriny plech [Error in Measuring Long Bones and Reconstruction of Shoulder Width]. *Vestnik antropologii* 10: 198–203.
- Roginskii, Y. Y. and M. G. Levin. 1978. *Antropologija* [Anthropology]. Moscow: Vysshaya shkola. 528 p.
- Ubelaker, D. H. 1978. *Human Skeletal Remains: Excavation, Analysis, Interpretation*. Smithsonian institution. Chicago: Adline publishing company. 172 p.

РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ

УДК 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2023-4/358-366

Обзор

© *И. А. Снежкова*

О КОЛЛЕКТИВНОЙ МОНОГРАФИИ «СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ОСНОВЫ РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ. РЕГИОНАЛЬНЫЙ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТЫ» / Отв. ред. Е. М. Арутюнова, С. В. Рыжова. М.: ФНИСЦ РАН, 2021*

Рецензируемая монография «Содержательные основы российской идентичности. Региональный и этнокультурный контексты», авторами которой являются социологи Л. М. Дробижева, Е. М. Арутюнова, М. А. Евсеева, И. М. Кузнецова, С. В. Рыжова, П. В. Фадеев и Е. Ю. Щеголькова, посвящена исследованию понятий, которые люди разных национальностей и социального положения вкладывают, идентифицируя себя гражданами России. Для выяснения этого вопроса авторами монографии был проведен общероссийский опрос по презентативной выборке в центре и регионах России, а также экспертные и глубинные интервью в фокус-группах для изучения основных компонентов российской идентичности, таких как гражданство, русский язык, история, культура, представления о том, что такое «наша страна», а также изучались эмоции и чувства россиян по отношению к ней. Отдельно рассмотрено межэтническое согласие как ресурс российской идентичности в ряде республик. Проанализированы смыслы российской идентичности во властном дискурсе и в пространстве школьного образования.

Ключевые слова: Российская идентичность, гражданство, русский язык, история, культура, школьное образование, межкультурное согласие

Ссылка при цитировании: Снежкова И. А. О коллективной монографии «Содержательные основы российской идентичности. Региональный и этнокультурный контексты» / Отв. ред. Е. М. Арутюнова, С. В. Рыжова. М: ФНИСЦ РАН, 2021. 288 с. // Вестник антропологии, 2023. № 4. С. 358–366.

Снежкова Ирина Анатольевна — к. и. н., старший научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН (Российская Федерация, 119334, Москва, Ленинский пр. 32А). Эл. почта: snezhkova@mail.ru

* Работа выполнена в рамках Плана научно-исследовательских работ ИЭА РАН.

UDC 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2023-4/358-366

Review

© Irina Snezhkova

BOOK REVIEW: THE COLLECTIVE MONOGRAPH «THE ESSENTIAL BASIS OF RUSSIAN IDENTITY. REGIONAL AND ETHNO-CULTURAL CONTEXTS» / EDS. E. M. ARUTYUNOVA AND S. V. RYZHOVA. MOSCOW: FCTAS RAS. 2021

The reviewed monograph “The Essential Basis of Russian Identity” (Authors: Drobizheva, L. M., E. M. Arutyunova, M. A. Evseeva, I. M. Kuznetsov, S. V. Ryzhova, P. V. Fadeev and E. Yu. Shchegolkova) is devoted to the concepts that serve to people of different ethnic groups and social status to identify themselves as citizens of Russia. The authors of the monograph surveyed a representative nationwide sample in the center and regions of Russia, and conducted expert and in-depth interviews in focus groups to study the main components of Russian identity such as citizenship, Russian language, history, culture, ideas about what “our country” is, emotions and feelings of Russians in relation to it. Interethnic consent as a resource of Russian identity is separately considered. The authors also analyze the notion of Russian identity in the political discourse and in the space of school education.

Keywords: Russian identity, citizenship, Russian language, history, culture, school education, intercultural consent

Author Info: Snezhkova, Irina A. — Ph.D. in History, Senior Researcher, the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (Moscow, Russian Federation). E-mail: snezhkova@mail.ru

For Citation: Snezhkova, I. A. 2023. Review: The Collective Monograph “The Essential Basis of Russian Identity. Regional and Ethno-Cultural Contexts”, eds. Arutyunova, E. M. and S. V. Ryzhova. Moscow: Federal Scientific Research Center of the Russian Academy of Sciences, 2021. 288 p. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 4: 358–366.

Funding: The study was carried out as a part of the research plan of the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology.

Рецензируемая работа выполнена сотрудниками Центра исследований межнациональных отношений Института социологии ФНИСЦ РАН и посвящена памяти д. и. н. Л. М. Дробижевой, которая до недавнего времени руководила Центром и принимала активное участие в разработке и изучении российской идентичности и ее составляющих. В монографию включена ее последнее научное исследование. Авторский коллектив монографии состоит из сотрудников Центра Е. М. Арутюновой, С. В. Рыжовой, И. М. Кузнецова, П. В. Фадеева, Е. Ю. Щегольковой, М. А. Евсеевой, А. А. Эндрюшко.

Рецензируемая работа очень информативна и выполнена на высоком профессиональном уровне. Авторы исследования стремились всесторонне дать представление о компонентах этнической идентичности в различных регионах нашей страны. Кро-

ме того, авторский коллектив сумел выделить основные смысловые характеристики общероссийской идентичности в социальном, региональном и этническом ракурсе. В работе использовались качественные и количественные методы. Были проведены многочисленные интервью и круглые столы с экспертами по теме содержательных аспектов российской идентичности. Они проводились в Москве и в регионах страны – в Башкортостане, Татарстане, Кабардино-Балкарии. Параллельно с качественными опросами, был проведен количественный поквартирный опрос, который входил в состав Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (RLMS-HSE) 2020 г. Кроме того, были привлечены для сопоставления результаты массовых мониторинговых опросов в различных регионах страны 2014–2019 гг. Также были проанализированы правительственные доктринальные документы, касающиеся формирования единства идентичности многокультурного российского общества. В связи с этим изучались выступления Президента Российской Федерации и глав российских регионов.

Для лучшего понимания путей формирования российской идентичности в образовательной сфере были проанализированы стандарты общего школьного образования, посвященные этой проблеме. Также с помощью автоматизированной системы мониторинга СМИ изучались данные центральных и региональных СМИ. Полученный комплекс данных позволил объективно изучить пути формирования российской идентичности.

Работа состоит из трех глав. Каждая глава обладает самостоятельной научной ценностью.

Первая глава: «Российская идентичность: Распространённость и основные компоненты» состоит из шести параграфов, посвященных формированию российской идентичности в условиях культурного разнообразия.

Российская идентичность, как пишут авторы, формировалась после распада СССР. В этот период у основной массы населения было ощущение неопределенности. В настоящее время кажется, что все понятия, связанные с идентичностью, являются незыблемыми, но это не так, они выкристаллизовывались постепенно в результате жарких дискуссий. Само определение идентичности РФ трактовалось многозначно — «национальная», «государственная», «гражданская», «страновая» идентичности. Поскольку наша страна многонациональная, было очень важно прийти к общему мнению. В Стратегии Государственной национальной политики на период до 2025 г., утвержденной Указом Президента РФ в 2018 г., «общероссийская и гражданская идентичность понимается как осознание гражданами РФ принадлежности к своему государству, народу, обществу, ответственности за судьбу страны, соблюдение гражданских прав и обязанностей. Приверженность базовым ценностям российского общества».

Концептуальные подходы к определению интегрирующей российской идентичности. По мнению В. А. Тишкова создание общего знаменателя для определения идентичности было в использовании словосочетания *общероссийская идентичность*, которая не отрицала существования многочисленных национальностей и объединяла их в единое государство. Велись многочисленные дискуссии на этот счет. В результате было решено создать российскую нацию при сохранении идентичности всех народов, населяющих нашу страну. Только в 2018 г. было закреплено понятие «общероссийской гражданской идентичности». Это понятие, понимаемое

как осознание гражданами РФ принадлежности к своему государству, широко обсуждалось. Также много споров было при обсуждении понятий многонационального народа России и государствообразующего русского народа.

Ключевые консолидаторы российской идентичности. В процессе социологического исследования опроса RLMS HSE 2020 г. при ответе на вопрос «Что вас больше всего объединяет с гражданами Российской Федерации» были выявлены основные факторы, входящие в общероссийскую идентичность. По мнению респондентов, это общее государство — 62%; родная земля, территория, природа — 49%; историческое прошлое — 48%; русский язык — 41%; культура, обычаи, праздники — 30%; а также ответственность за судьбу страны — 19%; флаг, герб, гимн — 11% ответов.

Общее государство как консолидирующий фактор доминировало в выборе россиян относительно объединяющего фактора. Другие составляющие выбирались респондентами в меньшей степени. Причем выбор консолидаторов не зависел от регионов страны, возраста и образования респондентов, он везде был примерно одинаков.

Авторы монографии попытались более детально рассмотреть каждый из этих показателей.

Углубляясь в понятие *общего государства*, респонденты отмечали следующие идентификаторы — «общее государственное пространство, наличие российского паспорта, общее гражданство, общая правовая система, язык, схожий стиль жизни, похожий менталитет, общая территория, язык, одинаковый стиль жизни, сходный характер». Под понятием «быть гражданином государства» подразумевалась возможность пользоваться правами на труд, образование, медицинским и пенсионным обеспечением, соблюдать законы и обязанности, активно участвовать в общественно-политической жизни, быть патриотом своей страны и др.

Концепт «наша страна» связан с такими понятиями как «родная земля», «общая территория», «природные ресурсы». Он занял второе место в масштабах всей страны, но жители республик уточняли, что для них важно ощущение не только территории большой России, но и своей земли, т. е. республики. Изучая подробно этот концепт, исследователи подразделили его на 3 кластера. Первый кластер был назван условно «государственно-патриотическим». Ответы этого кластера отличались широким набором представлений о любви к стране, сюда входило отношение к стране как к родной, восприятие единой истории и русского языка, среди вариантов ответов указывалось стремление к возрождению России как великой державы, к укреплению обороноспособности страны и достижению равенства перед законом.

Во второй кластер, названный социально-патриотическим или культурно-патриотическим, были включены респонденты с отсутствием ассоциаций с государственным патриотизмом, но отмечающие такие объединяющие понятия как уникальная страна, общая культура, обычаи, праздники, общие ценности.

Третий кластер был охарактеризован как условно прагматический. Он базировался на представлениях опрашиваемых о единой территории страны и ее природных ресурсах.

Следующий конструкт касался историко-культурных представлений в формировании российской идентичности. Историко-культурные представления для российской идентичности особенно важны, т. к. россияне пережили дважды за столетие слом государственного строя — это падение Российской империи и распад СССР. Значимым объединяющим фактором в историческом контексте для россиян явля-

лась память о военных победах, одержанных народом, особенно в Великой Отечественной войне и пережитые трагедии. При этом пережитые трагедии оказывались менее значимыми в сознании людей как травмирующий фактор, первенство отдавалось победам, являющимся позитивной основой исторической памяти. Что касается исторического будущего страны, россияне предпочитали ориентации на нейтральные идеи укрепления государства на внешней и внутренней арене. Стране не обязательно становиться сверхдержавой, главное быть комфортной для проживающих в ней людей.

Культуру как объединяющий фактор идентичности выбрало около трети россиян. Касательно объединяющего историко-культурного фактора, было выявлено три направления, в которые укладывалось рассмотрение этого концепта. Анализ материалов опросов привел к выделению культуры элитарной, народной и массовой. Элитарная культура — культура высокообразованных людей, для которых ценностями является классическая музыка, серьезная литература, опера. В основном к этому кластеру принадлежали русские горожане с образованием. Народную культуру — легенды, сказки, предания, фольклорные танцы, песни — выбирали люди, населяющие сельские районы и республики. Массовая культура оказалась для большинства жителей всех регионов наиболее популярной, она включала в себя общеизвестное праздники, кинофильмы, песни, юмор. Надо отметить, что население разных возрастных групп неодинаково отвечало на подобные вопросы. Старшему поколению были ближе песни и фильмы СССР, молодежи — сегодняшние фильмы, юмор, современные песни.

Русский язык как концепт идентичности оказался очень важным идентификатором. В Конституции РФ русский язык позиционируется как язык государствообразующего народа. Авторы исследования выделили содержательное ядро представлений россиян о русском языке, которое включает в себя три основных компонента: инструментальную роль или «средство общения» — 67%; объединяющую роль, «язык, скрепляющий всех жителей России» — 59% и русский язык, ассоциирующийся с русской культурной средой, «язык культуры и литературы» — 55%. Также русский язык воспринимался как язык-посредник, язык мост между народами, язык приобщения к мировому культурному опыту.

Функции русского языка различны. Это язык повседневности, что включает в себя участие языка в различных сферах жизни — язык профессии, информационных источников, общения. Русский язык включает в себя государственный компонент, на нем написаны основные государственно образующие документы.

Русский язык доминирует в образовании от школьного до высшего, формируя общенациональную языковую среду.

В работе рассматривался русский язык в различных дискурсах, например, русский язык особенно важен для русских как консолидирующий фактор их национальности, а для представителей национальных республик русский язык ценен прежде всего, как фактор межнационального общения. Значимость русского языка заметнее в городах, чем в селах.

Эмоциональные компоненты российской идентичности. Интересный подход использовали авторы монографии включив в характеристику российской идентичности эмоциональный компонент. Этот показатель дает возможность оценить общенациональную солидарность или отчуждение в процессе нациестроительства.

Эмоциональное содержание российской идентичности чаще всего рассматривается в контексте патриотизма. Именно патриотические эмоции, в основе которых лежит любовь к стране, гордость за нее, уважение к ней, обеспечивают сплоченность общества. Позитивные чувства любви, гордости и уважения к своей стране испытывали 55% россиян на конец 2020 г.

Эмоциональным содержанием наполнены праздники страны — День Победы, День России, Бессмертный полк. Религиозные праздники также несут эмоциональный заряд.

Авторами монографии также рассматривалось частота употребления в СМИ таких понятий как «гордость за страну», «вера в страну», «стыд за страну».

Было подсчитано, что в СМИ в течении года чаще всего употреблялось словосочетание «гордость за страну», что было связано с государственными праздниками, флагом, гимном, успехами страны в экономике и политике, выступлениями президента. «Вера в будущее страны» употреблялось реже, но также встречалась часто, выражение «стыд за страну» в СМИ практически не употреблялось. Однако в процессе интервью с экспертами встречались отрицательные характеристики, такие как «обида, стыд за страну», но они не носили массового характера, как правило они касались плохих дорог, пьянства, невысоких зарплат, наличия детей сирот, матерей одиночек.

Важным при характеристике эмоционального подхода к различным проявлениям событий в жизни страны является достойное материальное положение опрашиваемых, удовлетворенность работой и жизнью в целом. Чем позитивнее показатели удовлетворенностью жизнью среди населения, тем лучше отношение к различным событиям в жизни страны.

Вторая глава «Согласие как ресурс: Российская идентичность в этническом и конфессиональном контекстах» включает в себя три параграфа. В первом параграфе рассматриваются основные принципы консолидации российской идентичности в многонациональном государстве как таковом. Во втором параграфе анализируется ситуация в Кабардино-Балкарии, в третьем параграфе исследуется конфессиональное согласие на примере православия и ислама в Татарстане и Башкортостане.

В «Стратегии Государственной национальной политики» обеспечение межнационального мира и согласия обозначено как приоритетное направление Государственной политики РФ. Под межэтническим согласием подразумевается согласие в отношениях между людьми в поликультурном пространстве. Результаты социологических исследований показали, что в целом доминируют доброжелательные оценки в межнациональных отношениях. Оценивали их как спокойные 80% респондентов; 95% опрошенных не ощущает к себе негативного отношения по нациальному признаку и только 17% отмечали конфликтность в межнациональных отношениях. Встречающиеся негативные установки в межэтнических взаимоотношениях, опять же коррелируют с удовлетворенностью респондентов своим материальным состоянием, с удовлетворенностью в целом жизнью. Как правило виноватыми в их собственных бедах оказываются люди других национальностей. Тем не менее, определенная этническая предубежденность не мешает населению ощущать свое единство с гражданами страны.

Межэтническое согласие и напряженность. Кейс Кабардино-Балкарии. В республике негативные отношения встречаются, с одной стороны, между кабардинцами

и балкарцами (земельные споры, не всегда приветствуются смешанные браки). С другой стороны, они бывают из-за противоречий кабардинцев и балкар с русскими. Определённую роль здесь играет историческая память, например, о Кавказской войне (1816–1864) или Указ Александра II о выселении адыгов в Османскую империю. Также отношение к русским часто коррелируется у местного населения с отношением к центральной власти, что связано с проблемами в экономике, невысокими доходами населения. Разрыв в доходах между центром и республиками, элитами и простым народом — главный фактор недовольства. Тем не менее, по мере улучшения материального положения в национальных республиках, успешного экономического развития, эффективного управления со стороны республиканского руководства межнациональные разногласия сглаживаются и достигается межнациональное согласие. Социологические исследования показали, что люди, не испытывающие неприязни к представителям другой национальности, ощущают более сильную связь с гражданами России. Протестных настроений в Кабардино-Балкарии и в целом на Северном Кавказе мало, считается, что в этом отношении доминируют Питер и Москва. Основные противоречия ощущались в 1990-х годах. В настоящее время нет настроений сепаратизма. Опросы показали, что старшее поколение менее толерантно в межнациональных отношениях, памятуя тяжелые 1990-годы, а молодежь в большей степени согласна с существующими условиями. Есть понимание, что важно в республике соблюдать баланс национальных интересов. Президент в республике всегда кабардинец, зато премьер-министр — русский или балкарец. Если в руководстве Университета один проректор русский, другой проректор — кабардинец, то третий — балкарец. В республике были созданы различные советы и иные консультативные и совещательные органы, в работе которых принимают участие представители общественных объединений и некоммерческих организаций. В республике действуют Министерство по взаимодействию с институтами гражданского общества и делам национальностей КБР; Правительственная комиссия по вопросам межэтнических и межконфессиональных отношений в КБР; Комитет по межнациональным отношениям Парламента КБР. Один из способов гармонизации межэтнических отношений — применение традиционных механизмов так называемой «народной дипломатии», т. е. неофициальных контактов обычных людей, общественных организаций с целью улучшения взаимоотношений, лучшего понимания культуры, традиций и привычек граждан. Таким образом, несмотря на все сложности текущего периода, в исследуемой республике на основе развитой договорной и конституционно-правовой инфраструктуры сложилась система для разрешения межнациональных проблем и поддержания межнационального согласия.

Российская идентичность на православно-исламском пограничье Татарстан и Башкортостан. В этом параграфе речь идет о таком важном компоненте как конфессиональная идентичность на православно-исламском пограничье Татарстана и Башкортостана. Межконфессиональный диалог православия и ислама очень важен в процессе нациестроительства. Цель исследования заключалась в том, чтобы понять уровень общероссийской идентичности для православных и мусульман в рамках всей страны, так и для конкретных регионов. Социологические исследования показали, что уровень российской идентичности среди опрошенных православных и мусульман практически одинаков — 92%, 91%.

Доктринальной основой взаимодействия православия и ислама являются «Основы социальной концепции Русской православной церкви (2000 г.) и «Социальная

доктрина российских мусульман (2015 г.). В документе РПЦ концепт нации понимается как этнокультурное и гражданское единство на основе христианского патриотизма. Понимание российской идентичности для мусульман касается встраивания этнической идентичности в российский нарратив. Социологические исследования показывают высокий уровень взаимодействия православных и мусульман почти во всех сферах жизни. Они готовы иметь человека другой национальности в качестве гражданина России, жителя республики и своего города, готовы чтобы представитель иной конфессии был начальником на работе, соседом по дому, другом и брачным партнером.

Со стороны мусульман есть пожелание большего признания обществом культурной и духовной традиции, роли ислама в формировании российского государства, большое включение исламских символов в общероссийское культурное поле.

В свою очередь со стороны православных имеются опасения, что активное включение исламской компоненты в общероссийскую репрезентативную культуру, может привести к радикализации и политизации ислама.

Третья глава: «Идеологические основы Российской идентичности: Государственный дискурс» состоит из двух разделов, рассматривающих содержательные смыслы посланий Президента РФ и глав республик и особенности школьного образования в формировании российской идентичности.

Особое влияние оказывают на процессы национального строительства Ежегодные Послания Президента Российской Федерации В. В. Путина Федеральному собранию с 2013 по 2020 г. и глав республик — Башкортостана, Татарстана и Кабардино-Балкарии собственным гражданам. Послания Президента РФ дают ориентацию на консолидацию общества. Основная мысль касается объединяющей роли государства и гражданского общества, объединяющей роли общей истории, русского языка, культуры, участия людей в делах общества через НКО и волонтеров, рост патриотизма, осознание общечернонациональных интересов, гражданская активность в борьбе против экстремизма.

Основные идеологемы в посланиях Глав республик Башкортостана, Кабардино-Балкарии и Татарстана показали совпадение основных принципов построения общероссийской идентичности, но безусловно они были наполнены вопросами, связанными с региональной идентичностью.

В Башкортостане Глава республики Р. Ф. Хабиров активно поднимал тему стремления к единству представителей всех народов, населяющих республику. Важное место занимал вопрос о социальной справедливости в сфере экономики, когда за честный труд должно быть достойное вознаграждение.

В посланиях Главы Кабардино-Балкарии К. В. Кокова много говорилось о совершенствовании в республике межнациональных и межрелигиозных отношений, о необходимости укрепления единство народа, о противостоянии любым действиям по дестабилизации правопорядка в обществе.

В посланиях Главы Татарстана Р. Н. Минниханова большое место былоделено сохранению межнационального согласия, поддержке родных языков, укреплению гражданского общества, а также пресечению экстремистских проявлений в обществе.

Формирование российской гражданской идентичности в пространстве школьного образования зафиксировано в Федеральных государственных образовательных стандартах (ФГОС), принятых в 2012 г. В ходе исследования были проанализиро-

ваны тексты ФГОС для начального, основного и среднего образования, также были проведены качественные интервью с информаторами, имеющими отношение к образованию. Были выделены следующие компоненты идентичности: государственная компонента, страновая, историческая, культурная, гражданская. Проведенный анализ показал, что в школьном образовании доминирует культурный компонент российской идентичности — 48%; гражданская идентичность занимает второе место — 23%, далее следуют страновая идентичность — 19% и 6% — историческая идентичность. Преобладание культурной компоненты в образовании связано во многом с доминированием языка, который является одним из важнейших маркеров идентичности. Преобладание культурной компоненты идентичности, а также значительная выраженность эмоционально-оценочной информативно-ценостной составляющих говорят о недостаточной сфокусированности теоретической базы формирования российской гражданской идентичности в сфере общего образования. Из-за того, что школа больше всего занимается оказанием услуг по предоставлению знаний, она отказалась от воспитательных функций, считая, что воспитанием должна заниматься семья, СМИ, социальные сети. Об этом же свидетельствует отсутствие программ гражданского воспитания в школах, при наличии только программ патриотического воспитания (с уклоном в военно-патриотическое).

В настоящее время, по мнению исследователей, школьное образование нуждается в выработке деятельности формирования государственной идентичности и патриотизма, заключающегося в ответственности за судьбу страны, формировании у молодежи навыков принятия решений, общественной активности школьников.

В заключении хочется поблагодарить авторов за выход коллективной монографии, в которой детально разбираются элементы формирования государственной идентичности в российском поликультурном и многоконфессиональном обществе.

Научная литература

Содержательные основы российской идентичности. Региональный и этнокультурный контексты / Отв. ред. Е. М. Арутюнова, С. В. Рыжова. М.: ФНИСЦ РАН, 2021. 288 с. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-374-4.2021>

References

Arutyunova, E. M. and S. V. Ryzhova, eds. 2021. *Soderzhatel'nye osnovy rossijskoj identichnosti. Regional'nyj i etnokul'turnyj konteksty* [Content Foundations of Russian Identity. Regional and Ethno-Cultural Contexts]. Moscow: Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. 288 p. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-374-4.2021>

УДК 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2023-4/367-373

Обзор

© Э. С. Львова

АФРИКАНИСТИКА НА XIV И XV КОНГРЕССАХ АНТРОПОЛОГОВ И ЭТНОЛОГОВ РОССИИ

В последнее время африканстика смело выходит за достаточно узкие рамки традиционной лингвистической дисциплины. Тематика, учитывающая цивилизационные особенности народов Черного континента, захватывает многие области наук гуманитарного цикла. Все более заметна роль африканстики в антропологии и этнологии. Подтверждение тому, в частности – расющее участие африканистов в конгрессах Ассоциации антропологов и этнологов России. До недавних пор на такого рода форумах африканисты почти не выступали. Положение изменилось лишь несколько лет назад. Так, в прошедшем в 2021 г. XIV Конгрессе антропологов и этнологов России приняли участие около 10 отечественных африканистов, но на том форуме еще не была организована отдельная секция, связанная с культурой, этнологией, историей африканских народов. Африканистическая тематика оказалась представлена гораздо масштабнее на последнем – XV Конгрессе антропологов и этнологов России. Африканисты выступали в 20 секциях. При сравнении Конгрессов хорошо видны и сохранение преемственности, и значительное расширение тематики, как и реакция на динамику развития современного мира, а также поиски ответов на все новые вызовы, связанные с этим процессом. Для многих секций было характерно сочетание географического и тематического походов в антропологии и этнологии. При этом и секции по культуре конкретных народов либо целых регионов, и по отдельным аспектам культуры использовали африканские материалы. Подчеркнем также, что, с одной стороны, растет интерес к антропологии африканских народов в контексте проблем общей этнологии, с другой – африканисты выходят за узкие рамки географически определенных секций. Они активно работают с новыми технологиями, заметен их вклад в разработку цифровых методов исследования. Признание африканистов полноправными участниками актуальных направлений гуманитарных исследований проявилось и в назначении нескольких из них руководителями секций. Хотя основной костяк африканстики в антропологии-этнологии составляют специалисты старшего поколения, отрадно заметить появление новых имен ученых последующих поколений. Следует также обратить внимание на участие в конгрессе африканских антропологов, представивших как самостоятельные доклады, так и совместные с российскими антропологами.

Ключевые слова: Африка, африканстика, этнология, социальная и культурная антропология, конгрессы антропологов и этнологов России

Львова Элеонора Сергеевна — д. и. н., профессор кафедры африканстики, ИСАА МГУ имени М. В. Ломоносова (Российская Федерация, 125009 Москва, ул. Моховая, д.11, стр 1). Эл. почта: leonora.lvova39@yandex.ru

Ссылка при цитировании: Львова Э. С. Африканистика на XIV и XV конгрессах антропологов и этнологов России // Вестник антропологии. 2023. № 4. С. 367–373.

UDC 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2023-4/367-373

Review

© Eleonora Lvova

AFRICAN STUDIES AT THE 14TH AND 15TH CONGRESSES OF ANTHROPOLOGISTS AND ETHNOLOGISTS OF RUSSIA

African studies have recently boldly gone beyond the rather narrow confines of the traditional linguistic discipline. Topics that take into account the civilizational specifics of the peoples of the Black Continent are taking over many areas of the humanities. The role of African studies in anthropology and ethnology is becoming more and more noticeable. This is confirmed, in particular, by the growing participation of Africanists in congresses of the Association of Anthropologists and Ethnologists of Russia. Until recently, Africanists hardly participated in such forums. The situation changed only a few years ago. For example, about 10 Russian Africanists took part in the XIV Congress of Anthropologists and Ethnologists of Russia held in 2021, but that forum did not have a separate section on the culture, ethnology and history of African peoples. Africanist topics were much more representative at the last — 15th Congress of Anthropologists and Ethnologists of Russia. Africanists presented in 20 sections. When comparing the Congresses, one can clearly see the continuity and significant expansion of the topics, as well as the reaction to the dynamics of the development of the world's peoples and the search for answers to new challenges associated with this process. There was a noticeable increase and expansion of the share of such research method as the use of digital technologies. Many sections were characterized by a combination of geographical and thematic approaches of anthropology and ethnology. The sections on the culture of specific ethnic groups or entire regions, as well as on specific aspects of culture, also used African materials. It should also be noted that, on the one hand, there is a growing interest in the anthropology of African peoples in the context of the problems of general ethnology, on the other hand, Africanists go beyond the narrow limits of geographically defined sections. They are actively working with new research methods, and their contribution to the development of digital research methods is significant. The recognition of Africanists as full-fledged participants in this area of humanities research has also manifested itself in the appointment of a number of them as heads of sections. Although the main backbone of African studies in anthropology and ethnology is made up of specialists of the older generation, it is encouraging to note the emergence of new names of scholars of younger generations. It is also worth marking the participation of African anthropologists in the Congress, who presented both independent papers and joint papers with Russian scholars.

Keywords: Africa, African studies, ethnology, social and cultural anthropology, congresses of anthropologists and ethnologists of Russia

Author Info: Lvova, Eleonora S. – Dr. Hab., Professor at the Department of African Studies, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: eleonora.lvova@gmail.com

For citation: Lvova, E. S. 2023. African Studies at the 14th and 15th Congresses of Anthropologists and Ethnologists of Russia. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 4: 367–373.

В последнее время африканистика смело выходит за достаточно узкие рамки традиционной лингвистической дисциплины. Тематика, учитывающая цивилизационные особенности народов Черного континента, захватывает многие области наук гуманитарного цикла. Все более заметна роль африканистики в том числе в антропологии и этнологии. Заметное доказательство этому, в частности — растущее участие африканистов в конгрессах Ассоциации антропологов и этнологов России.

В г. Санкт-Петербурге 26–30 июня 2023 г. прошел очередной, XV конгресс этой ассоциации, где африканисты были достаточно заметны. Организаторами конгресса выступили сама Ассоциация, Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Институт этнологии и антропологии имени Н. Н. Мицкевича-Маклая РАН и Санкт-Петербургский государственный университет. Конгресс был посвящен 300-летию Российской Академии наук и Санкт-Петербургского государственного университета.

До недавних пор в такого рода форумах практически не участвовали африканисты, а если и принимали участие, то единицы. Положение изменилось лишь несколько лет назад. Так, в XIV Конгрессе антропологов и этнологов России, прошедшем в 2021 г., выступали с докладами и сообщениями, активно дискутировали на поле культурной и социальной антропологии около 10 отечественных африканистов. На этом форуме еще не было выделено отдельной секции, связанной с культурой, этногией, историей африканских народов (при том, что общее число секций, симпозиумов, круглых столов было 69). Однако тема Африки звучала в секциях, посвященных изучению многих общих проблем этнологии и на пленарном заседании, где Д. М. Бондаренко выступил с богато иллюстрированным докладом «”Культура отрицания” и борьба с расизмом: гражданская война и отмена рабства в культурной памяти в США», в котором подвел итоги наблюдениям в течение нескольких полевых сезонов, показал глубину, но и изменчивость такого феномена, как историческая память. Автору удалось удачно соединить теоретические подходы к феномену и конкретные результаты полевых исследований.

Большинство коллег-африканистов выступали в секции «Неотрадиционализм и конструирование новой идентичности в контексте процессов глобализации/глобализации». в этой секции обсуждались проблемы существования мировых религий и традиционных верований, особенности «африканского» богословия; модернизация в области материальной и сакральной культур; живучесть традиций в современной жизни малийцев и др. Во всех докладах и в дискуссиях на основе конкретных примеров показывалось «конструирование новых идентичностей в контексте процессов глобализации».

Пятую часть докладчиков этой секции составляли именно африканисты. Ими отмечен «синтез традиций и модернизма» как яркая черта современной культуры и жизни африканских народов. Интересный доклад В. А. Попова «Неотрадиционализм как от-

вет на социальные вызовы; конструирование новой идентичности в контексте принципов глобализации» был посвящен научно-теоретическому осмыслению ряда терминов. Автором показан развивающийся синтез традиций и модернизма в современной науке. Итоги конкретных полевых наблюдений освещались в докладах О. Ю. Завьяловой «Актуальность «Хартии Курукан Фуса» или консолидирующий неотрадиционализм у народов манде» и А. Ю. Сиим с соавтором Н. А. Добронравиным «Этнокультурный и конфессиональный неотрадиционализм афробразильцев: йорубская идентичность и ислам»). Прозвучали обобщающие доклады по разным аспектам проблем Африки южнее Сахары. в докладах Е. Г. Валеевой и С. В. Валеева «Традиционное лидерство в современной Африке: анализ англоязычных исследований», Э. С. Львовой «Неотрадиционализм в постколониальной Африке» и А. Н. Мосейко «Африканское богословское сообщество и его неотрадиционалистская ориентация» показаны значительные изменения разных аспектов материальной, духовной, политической жизни африканцев, особенности сохранения и адаптации традиций, а также их коммерциализация и зачастую популистский подход со стороны правительства отдельных стран и даже межгосударственных африканских организаций.

Другая секция, где заметно выделялась африканистская направленность — «Политическая антропология и современные вызовы». Здесь также были представлены как теоретические подходы (В. А. Бочаров «Политическая антропология и историческая психология» и А. Ю. Желтов «Некоторые заметки о языке политического дискурса: между отрицанием очевидного и алогичности неопределенного»), так и конкретные примеры взаимодействий традиционных и современных политических практик (С. В. Валеев и Е. Г. Валеева «Этническая и национальная идентичность нгони Малави, Танзании и Замбии в начале XXI в.» и А. В. Давыдов «Ислам. Харизматическое лидерство и государственный переворот 2020 г. в Мали»).

А в секции «Фольклор, постфольклор и ритуал как социальный барометр» прозвучал интересный доклад О. Ю. Милюковой «Ритуал приветствия у народа кереве», в котором автор на материале языковых норм и личных наблюдений в Танзании показала устойчивость древних форм и их социо-графическую изменчивость.

Африканистическая тематика, как уже было отмечено, оказалась еще заметнее и представительнее на недавнем XV Конгрессе антропологов и этнологов России. Среди 54 секций, 7 круглых столов и воркшопа был организован отдельный круглый стол по проблемам полевых исследований последних лет в Африке южнее Сахары («Исследования российских антропологов в субсахарской Африке и африканских диаспорах в XXI в.»). На его заседании было заслушано 9 докладов двенадцати авторов. Следует заметить, что работа круглого стола вызвала заметный интерес, среди участников были и ученые, занимающиеся иными регионами, что бывает не часто на таких крупных форумах.

Все доклады — не просто рассказ о личных наблюдениях и впечатлениях, но глубокие исследования с привлечением большого иллюстративного материала (карт, фото, открыток, таблиц). Открылся круглый стол докладом А. А. Банщиковой «Права человека. Невыгодный бизнес, Ньерере и Каруме: конец арабо-суахилийской работорговли XIX в. в представлениях христиан и мусульман современной Танзании». Автор представила итоги анкетирования, интервью и наблюдений, а также изложила документированную историю борьбы с торговлей людьми; роль в ней и специфику культурной памяти об арабо-суахилийских торговцах, европейских

миссионерах; восприятие информантами работорговли и колониализма как единого зла; показала создание исторических мифов (например, приписывание отмены работорговли «отцу нации» — президенту страны Дж. Ньерере). В. Н. Брындина посвятила свое выступление феномену исторической памяти населения Занзибара («“Копии арабов”, эхо революции и проблема союза: специфика культурной памяти об арабо-суахилийской работорговли XIX в. на Занзибаре»). В докладах этих авторов продемонстрировано явное различие оценок исторических явлений христианами и мусульманами в зависимости от конфессиональной принадлежности.

М. Л. Бутовская, Д. А. Дронова и О. В. Семенова, уже немало лет ведущие полевые исследования в Танзании, рассказали о психологических чертах некоторых народов этой страны — охотников и собирателей хадза, скотоводов масай, земледельцев хая («Личность в традиционных обществах Восточной Африки»). Особое место было уделено особенностям эмпатии и межпоколенных отношений. Авторы подчеркнули неизученность данной проблемы в Африке, показали общие и специфические характеристики ее у народов, принадлежащих к разным культурно-хозяйственным типам; утрату или изменения в эмпатии при отказе от ведения традиционного образа жизни и хозяйственной деятельности, как и переходе к жизни в поселениях городского типа. Проблемам духовной антропологии был посвящен и доклад В. А. Бурковой, Кавина Александер (Танзания) и Олюинка Ойедокун (Нигерия) «Психологические последствия COVID в субсахарской Африке (на примере Танзании и Нигерии)».

Д. А. Дронова в докладе «Культ предков и похоронные практики у хая Танзании» представили очень интересные результаты полевых наблюдений у одного из основных народов этой страны, показавшие сохранение у христиан традиционных верований и практик. Н. Е. Хохолькова доложила об итогах двухлетнего исследования исторической памяти в той же стране («Историческая память о колониализме в Танзании»). Она показала, что существует разное отношение к прошлой зависимости сначала от Германии, а затем от Великобритании. Большинство респондентов считают немецких колониальных администраторов «жестокими, но справедливыми», тогда как английских — «равнодушными последователями несправедливых законов». Выявлено и типичное представление о таждестве работорговли и колониализма — они воспринимаются как равные части зависимости и эксплуатации чужеземцами.

Э. С. Львова зачитала доклад «Полевые исследования африканистов ИСАА МГУ в начале XXI в. в Африке», подготовленный совместно с Н. В. Громовой и М. Р. Урб, об успехах и сложностях проведения полевых исследований в Африке преподавателями и сотрудниками Высших учебных заведений. В. В. Усачева представила доклад «Африканцы в Индии и США: опыт старой и новой диаспор», в котором выявила общие и особенные черты формирования, истории и современного существования африканских диаспор.

В отличие от вышеперечисленных докладов, основанных на конкретных полевых наблюдениях, доклад А. Ю. Желтова «Африка в современном социокультурном пространстве: между мультикультурализмом и многополярностью» был посвящен теоретическим аспектам антропологии. Автор подчеркнул, что мультикультурность — не новый феномен, она характерна для всех обществ мира, а многополярность вообще не имеет смысла — полюсами могут быть лишь два общества, либо две группы обществ, при этом неясно, что последних должно объединять. Все доклады были заслушаны с интересом, авторам задавалось много вопросов, и прошла плодотворная дискуссия.

Участие африканистов в Конгрессе не исчерпывалось работой на круглом столе. Они представили свои доклады в девятнадцати других секциях. Так, в секции «Политическая антропология: новые вызовы» с большим теоретическим докладом «Традиционализм: востоковедение, политическая антропология (постановка проблемы)» выступил В. В. Бочаров. Он подвел итоги многолетней работы и показал универсальность ряда феноменов для Африки и Востока, живучесть традиционных представлений о властных отношениях и их влияния на решение современных государственных задач. в этой же секции дебютировал молодой преподаватель Рязанского Госуниверситета Т. П. Рудась, проанализировавший в своем докладе «Религиозный синкретизм Африки и его интеграция в политическую жизнь континента» место и роль этой формы религиозного сознания в жизни и политике современных африканских государств.

В секции «Институт взаимопомощи: история и современность» прозвучал доклад О. В. Иванченко «Викоба и эволюция групп взаимопомощи в современной Танзании: формальные практики неформальной экономики», основанный на личных наблюдениях, интервьюировании и анкетировании в течение ряда полевых сезонов в этой стране.

Доклад Н. Ю. Хохольковой, прозвучавший на секции «Трансформация идентичности в виртуальном пространстве: киберэтничность и веб-религиозность» был посвящен теме «Культурная идентичность в условиях цифровой модерности» и основан на сравнении жизненных устоев малочисленных народов России и Африки. Это один из докладов современного направления исследований в антропологии, которое ставит цели и решает задачи, опираясь на цифровые технологии. в этом направлении равнозначны и новая научно обоснованная терминология, и появление новых общностей, не привязанных к определенному региону. Докладчик показала многофакторность явления модернизации и его всеобщность на примере сложного складывающегося комплекса идентичностей (этнической, религиозной, языковой и т. д.). На примере ряда отличающихся друг от друга регионов, вовлеченных в этот процесс, главные из которых — Россия и субсахарская (Восточная) Африка, Н. Е. Хохолькова проанализировала общность и многообразие методов консолидации и заявления о себе культурной идентичности в виртуальном пространстве. в этой же секции Д. А. Туряница рассматривала возможности цифровых технологий для изучения конкретных сообществ в докладе «Цифровое мем-сообщество “Vannie Kaap” — медиаресурс для анализа группы “цветных” Южно-Африканской Республики».

В секции «Мир ислама в исторических источниках» А. Ю. Сиим рассказала о записках трех уроженцев Занзибара и Танганьики (Салме-Эмили Рюгге, Салима бин Абакари и Типпу Типа), в которых немало этнологических сведений как об Африке, так и о России и Европе. Это тем более интересно потому, что не существует пока переводов данных текстов на русский язык. Она же представила доклад «Занзибарская пицца в креольской суахилийской культуре Восточной Африки» в секции «Антропология питания как мегадисциплина: поле, язык и архив».

Осман Мухаммад Нух Мухаммад (Судан) доложил об исследованиях бытования языка далеко за пределами этнической территории в секции «Сохранность и утрата языка и культур в старых и новых диаспорах». в своем докладе «Функционирование языка хауса в диаспоре в столице Судана Хартуме» на основе собственных наблюдений он убедительно показал, что сохранность родного языка в чужеродной среде

зависит как от поколения, так и от востребованности его в повседневной жизни. А в секции «Антропология родов, телесности и родительской заботы о новорожденном у народов мира» прозвучал доклад И. Г. Татаровской «Практика воспитания и начального образования у народов Западной Африки».

При сравнении Конгрессов хорошо видно сохранение преемственности и вместе с тем значительное расширение тематики, как реакция на динамику развития современного мира и поиск ответов на новые вызовы, связанные с этим процессом. Принцип формирования секций остается двойственным. С одной стороны, это история науки, теоретическое обоснование, терминология, новые методики исследования (такие секции были на обоих Конгрессах, как, например, «Политическая антропология: новые вызовы», «Российская и зарубежная этнография; этническая-социальная концепции и культурная антропология; теоретические концепции и смена основных парадигм»). Заметно увеличение и расширение доли такого исследовательского метода, как цифровые технологии. Уже на XIV Конгрессе встречались сообщения на эту тему. А на XV Конгрессе их стало уже немало, и даже была создана отдельная секция. Второй принцип организации секций сочетает географический и тематический подходы в антропологии и этнологии. При этом и секции по культуре конкретных народов либо целых регионов (России, Поволжья или Севера, Америки, Индии), и по отдельным аспектам культуры («Сохранность и утрата языка и культуры в старых и новых диаспорах», «Празднично-обрядовая культура народов мира: традиции и современность») докладчики использовали в том числе и африканские материалы.

Заметим, что, с одной стороны, растет интерес к антропологии африканских народов в контексте проблем общей этнологии, с другой — африканисты выходят за узкие рамки географически определенных секций. Они активно работают с новыми технологиями, заметен их вклад в разработку цифровых методов исследования. Признание африканистов полноправными участниками актуальных направлений гуманитарных исследований проявилось и в назначении нескольких из них руководителями секций. Хотя основной костяк африканистики в антропологии-этнологии составляют специалисты старшего поколения, отрадно заметить появление новых имен ученых последующих поколений. Следует отметить также участие африканских антропологов, представивших как самостоятельные доклады, так и совместные с российскими антропологами.

Научное издание

ВЕСТНИК АНТРОПОЛОГИИ

2023. № 4

HERALD OF ANTHROPOLOGY (Vestnik Antropologii)

Выпускающий редактор — М. Ю. Мартынова

Редакторы текстов по этнологии, социокультурной антропологии (разд. 1–5, 7) —
М. Ю. Мартынова, О. А. Зыкина

Редактор английских текстов — Т. А. Сюткина

Редактор текстов по физической антропологии (разд. 6) — О. М. Григорьева

Компьютерная верстка — Н. А. Белова

Художественное оформление обложки — Е. В. Орлова

Подписано к печати 1.12.2023 Формат 70 x 108/16

Усл.-печ. л. 32,9 Заказ № 228

Участок множительной техники Института этнологии и антропологии

им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН

119334 Москва, Ленинский проспект, 32-А